Потебня, А А

А. А. Потебня.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ПО

ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ.

Поэзія и проза. Тропы и фигуры. Мышленіе поэтическое и миѳическое. Приложенія.

ИЗДАНІЕ

М. В. Потебни.

ХАРЬКОВЪ.
Паровая Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.
1905.

Digitized by Google

Печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается согласно съ постановленіями состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ Историко-Филологическаго Общества, отъ 7 мая 1903 г. и 25 января 1905 г.

Предсѣдатель Историко-Филологическаго Общества Профессоръ *Н. Сумцовъ*.

PN 41
.H6

Digitized by Google

Въ настоящемъ изданіи собраны и сгруппированы по рубрикамъ замѣтки А. А. Потебни по теоріи миѳа, поэзіи и прозы, которыми онъ пользовался при чтеніи спеціальныхъ курсовъ теоріи поэзіи.

Въ посмертныхъ бумагахъ такихъ замѣтокъ оказалось цѣлыхъ три объемистыхъ папки въ четвертушку. Накоплялись онѣ въ теченіе долгаго времени, о чемъ можно было судить по внѣшнему виду листочковъ съ выписками и замѣтками. Матеріалъ подвергался авторомъ пересмотру, измѣненію, дополненіямъ, и вмѣстѣ съ этими пересмотрами, находящимися въ связи съ повторявшимися неразъ курсами теоріи поэзіи, намѣчался и ясно вырисовывался общій планъ работы, отдѣлывались цѣлыя статьи подъ особыми заголовками. Общій планъ работы заключался въ попыткѣ свести сложныя явленія поэзіи—искусства и прозы—науки къ простѣйшимъ элементамъ мысли и рѣчи, наблюдаемымъ въ отдѣльныхъ словахъ, выраженіяхъ. При изданіи этихъ матеріаловъ для новаго обширнаго изслѣдованія, примыкающаго къ третьему тому записокъ по грамматикѣ, руководились слѣдующими соображеніями:

а) издать по возможности все въ такомъ видѣ, какъ оно оставлено было покойнымъ профессоромъ,

б) обработку матеріала ограничить его группировкой по отдѣламъ и рубрикамъ,

в) въ виду разнообразія статей и замѣтокъ составить небольшой предметный указатель,

г) въ приложеніи помѣстить наброски, хотя и тождественные по содержанію со статьями, напечатанными въ одномъ изъ трехъ отдѣловъ, но отличающіеся иной группировкой матеріяла—нѣкоторыми обобщеніями.

Digitized by Google

Такъ какъ печатаніе происходило одновременно съ приведеніемъ въ порядокъ рукописи, то въ изданіи неизбѣжно могли вкрасться нѣкоторыя погрѣшности редакціоннаго характера. Что до опечатокъ, то они объясняются нѣкоторыми неблагопріятными условіями корректуры, и мы просимъ снисхожденія читателей.

Главной цѣлью изданія настоящихъ матеріаловъ было желаніе дать лицамъ, занимающимся вопросами теоріи и исторіи языка, интересную, глубокопродуманную программу для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ томъ направленіи, отъ котораго можно и слѣдуетъ ожидать весьма важныхъ и плодотворныхъ результатовъ.

В. Харціевъ.

Digitized by Google

Опредѣленіе поэзіи (родовой признакъ и видовое отличіе).

Наиболѣе общій родъ—*человѣческая дѣятельность*. Разсматриваемая въ общемъ, въ предѣлахъ человѣческаго познанія, эта дѣятельность имѣетъ внѣшней цѣли, т. е. человѣкъ трудится и отдыхаетъ, или иначе, наслаждается для того, чтобы и впредь можно было дѣлать тоже и лучше. Мы преслѣдуемъ при этомъ двѣ цѣли: сохраненіе себя (дѣятельность эгоистическая) и другихъ (семьи, рода, племени, народа и пр.—дѣятельность, истекающая изъ любви къ другимъ). Эти дѣятельность направлена или а) преимущественно къ произведенію (т. е. собственно видоизмѣненію, приспособленію и уничтоженію) вещей: пищи, одежды, жилья и того, что косвенно къ нимъ относится, какъ напр., средства передвиженія, охота, война; или б) преимущественно къ видоизмѣненію самаго производства, т. е. сначала — производителя, человѣка, (дѣятельность воспитательная).

Это и практика и теорія (въ широкомъ смыслѣ слова[1]), стороны, различимыя только мыслью, а въ дѣйствительности тѣсно связанныя. Первая (практика) сама по себѣ были бы недостаточна для продолженія дѣятельности, ибо недавали бы возможности измѣнить ее при измѣнившихся условіяхъ. Исключительная практичность, если бы была возможна, была бы смертью человѣчества. Напр., къ чему было бы пріученіе воловъ, приготовленіе плуга и запасы сѣмянъ, если бы человѣкъ незналъ и несообщалъ другимъ, что, когда и какъ съ ними дѣлать? Тоже и на счетъ исключительной теоретичности[2]).

---

[1]) Теорія въ тѣсномъ смыслѣ есть наука.

[2]) Противополагая *utile* и *dulce*, можно прійти къ тому, что искусство безполезно, т. е. вредно—средины нѣтъ. „Какъ цѣль сама въ себѣ, красота ничему служить не можетъ; въ практическомъ и житейскомъ смыслѣ она есть чистая безполезность... (но) за какое свое собственно внутреннее свойство цѣнится эта чистая безполезность"? Вл. Соловьевъ, „Красота въ природѣ". Вопросы философіи I, 8.

Digitized by Google

Все входящее въ теорію, хотя бы и неимѣло видимой связи съ производствомъ вещей, практично въ томъ смыслѣ, что оно взмѣняетъ производителя; но есть степени практичности, т. е. силы и распространенія видоизмѣненія человѣка, зависящія отъ теоріи[1]).

Выдѣленіе искусства въ тѣсномъ смыслѣ или *изящныхъ* искусствъ, основанное на томъ, что произведенія ихъ имѣютъ отличительнымъ признакомъ красоту, порождаетъ трудный вопросъ, что такое красота? Отвѣтъ: „единство въ разнообразіи"—слишкомъ общій, потому что подъ него подойдетъ всякое орудіе и всякое произведеніе природы.

„Искусства изящныя отличаются отъ ремеслъ, во-первыхъ, тѣмъ, что только люди со врожденными къ тому способностями могутъ быть ихъ представителями; во-вторыхъ, тѣмъ, что произведенія ихъ служатъ не къ удовлетворенію обыденныхъ житейскихъ потребностей человѣка, а къ удовлетворенію потребностей его духа и стремленій къ красотѣ, истинѣ" (Колосовъ, Теорія поэзіи, § 20). Неладно, хотя и есть доли истины.

Ремесленныя произведенія. Пользованіе результатами практической дѣятельности происходитъ при посредствѣ, какъ низшихъ чувствъ (общаго чувства, осязанія, вкуса, обонянія), такъ и высшихъ (зрѣнія и слуха—напр., зрительная и слуховая труба). Пользованіе теоретической дѣятельностью—только при помощи зрѣнія и слуха, такъ какъ впечатлѣнія низшихъ чувствъ сообщаются другимъ и то до извѣстной степени лишь посредствомъ слова. Въ этомъ отношеніи теоретическая дѣятельность раздѣляется такъ. *Зрѣніе:* зодчество, ваяніе, живопись, мимика (независимо отъ пляски); *зрѣніе и слухъ*: пляска (подъ музыку); *слухъ*: музыка и слово (поэзія, наука).

Отнесеніемъ искусствъ (вмѣстѣ съ наукой) къ теоретическому отдѣлу дѣятельностей уже въ извѣстной мѣрѣ направляется и предрѣшается вопросъ о приложимости искусства и объ искусствѣ для искусства.

---

[1]) Приказанія и распоряженія, когда не самъ человѣкъ дѣлаетъ вещи, а учитъ, какъ ихъ дѣлать, а приказываетъ, какъ дѣлать и учитъ, какъ учить=блоки и колеса, посредники между тяжестью и силою.

Digitized by Google

Первыя три всетани производятъ вещи, т. е. видоизмѣняютъ матеріалъ, внѣшній по отношенію къ человѣку, и поэтому болѣе сродни съ дѣятельностью практическою, чѣмъ остальныя, которыя лишь суть видоизмѣненіи непосредственныхъ обнаруженій человѣка: его движеній, голоса.

Созданія первыхъ *устойчивы*. Пользованіе произведеніями зодчества, ваянія и живописи страдательно въ томъ смыслѣ, что зритель нуждается въ возсозданіи этихъ произведеній. Произведеніи остальныхъ суть *чистыя дѣятельности*. Для новаго пользованіи имя, необходимо каждый разъ ихъ воспроизведеніе. Каждый разъ они рождаются вновь. Состояніе закрѣпленія ихъ видимыми знаками есть не дѣйствительное ихъ существованіе, а лишь пособіе для ихъ воспроизведенія.

Тѣмъ не менѣе произведенія и первыхъ трехъ невещественны въ томъ смыслѣ, что матеріалъ имѣетъ въ нихъ лишь второстепенное значеніе сравнительно съ формою. Въ художественномъ зданіи, статуѣ, картинѣ для насъ существенны лишь отношенія, воспринимаемыя зрѣніемъ. Такимъ образомъ они формальны.

Съ вещественностью произведеній зодчества, ваянія и живописи связано то, что въ произведеніяхъ ихъ можетъ сочетаться практичность, ремесленность съ теоретичностью и художественностью. Ремесленное произведеніе можетъ быть въ тоже время художественнымъ и бывало такимъ со временъ пещернаго человѣка; но пользованіе имъ разграничиваетъ въ немъ эти стороны. Такъ столъ, какъ произведеніе архитектуры, скульптуры и живописи, платье, какъ произведеніе скульптуры и живописи, могутъ быть цѣнны для насъ лишь со своей формальной стороны, лишь по тому впечатлѣнію, которое они производятъ на зрѣніе, независимо отъ удобства и прочности. Художественность въ нихъ можетъ несовпадать съ практическою годностью (напр., неудобныя прически дикихъ и цивилизованныхъ, болѣзненныя татуировки дикихъ).

Художественное и теоретическое произведеніе вообще и въ частности слово (по мысли В. Гумбольдта) отличается отъ ремесленнаго произведеніи, въ частности—внѣшняго орудія, тѣмъ, что

Digitized by Google

въ послѣднемъ категоріи цѣли и средства по времени раздѣлены, а въ первомъ совпадаютъ. Пища сначала приготовляется, потомъ потребляется. Орудіе сначала дѣлается, т. е. само служитъ цѣлью, потомъ употребляется, т. е. служитъ средствомъ для внѣшней по отношенію къ нему цѣли и при этомъ портится. Улучшеніе орудія отъ употребленія, напр., когда отъ игры улучшается скрипка, входитъ въ понятіе его приготовленія.

Между тѣмъ единственная цѣль теоретическаго (художественнаго и научнаго) произведенія есть видоизмѣненіе внутренняго міра человѣка, и такъ какъ эта цѣль по отношенію къ самому создателю достигается одновременно съ созданіемъ, то можно сказать, что художественное (и научное) произведеніе въ одно и тоже время есть столько же цѣль, сколько и средство, или что въ немъ категоріи цѣли и средства, совпадая во всѣхъ признакахъ, неразличены. Лишь кажется, что такое разграниченіе есть въ ораторской рѣчи, направленной на волю слушателей. Ораторская, какъ всякая рѣчь, есть прежде всего орудіе мысли для самого оратора: она во время произнесенія впервые объективируетъ, создаетъ эту мысль въ ея окончательной формѣ; во-вторыхъ, въ слушателѣ она, одновременно съ пониманіемъ, усвоеніемъ, является пружиной настроенія (которое и есть цѣль), которое можетъ имѣть послѣдствіемъ другія дѣйствія.

Художественное зданіе, статуя, картина портятся, но не отъ того, что ихъ смотрятъ, и независимо отъ этого,—отъ разложенія вещества; искаженіе пѣсни, ученія происходятъ не отъ пользованія ими, а отъ неполнаго использованія, стало быть отъ непользованія, отъ недостаточнаго усвоенія. Напротивъ, полное усвоеніе есть усовершенствованіе. (Напр., народная пѣсня, воспроизведенная тилнитомъ, вооруженнымъ всѣми средствами современнаго искусства и знанія).

Въ различіи вещи (зданіе, статуя, картина) и дѣятельности (мимика и пр.) заключено уже то, что впечатлѣнія отъ первыхъ трехъ пространственны, отъ остальныхъ—временны. Въ первыхъ глазу дано одновременно разнообразіе цвѣтной поверхности. Они изобра-

Digitized by Google

жаютъ одинъ моментъ, заключающій въ себѣ разнообразіе воспріятій; изображеніе движенія имъ частью вовсе недоступно (зодчество) частью (въ статуѣ, картивѣ) возможно лишь такимъ образомъ, что художникъ изображаетъ такой моментъ дѣйствія, который заставляетъ зрителя угадывать моменты, предшествующіе данному и слѣдующіе за нимъ (Лессингъ, Лаокоонъ). Наиболѣе общее содержаніе остальныхъ есть движеніе, дѣйствіе. Въ нихъ впечатлѣнія зрѣнія (мимика, пляска) и слуха (музыка, поэзія) составляютъ рядъ, цѣпь, звенья которой отодвигаются въ прошедшее, оставаясь лишь въ воспоминаніи, по мѣрѣ появленія слѣдующихъ.

Всѣ виды словеснаго поэтическаго и прозаическаго изложенія сводится къ одному, повѣствованію, ибо оно превращаетъ рядъ одновременныхъ признаковъ въ рядъ послѣдовательныхъ воспріятій, въ изображеніе движенія взора и мысли отъ предмета къ предмету; а разсужденіе есть повѣствованіе о послѣдовательномъ рядѣ мыслей, приводящихъ къ извѣстному заключенію.

Въ рѣчи описаніе, т. е. изображеніе чертъ одновременно существующихъ въ пространствѣ, возможно только потому и лишь настолько, насколько описаніе превращено въ повѣствованіе, т. е. въ изображеніе послѣдовательности воспріятій.

Раздѣленіе теоретическихъ дѣятельностей на двѣ группы, пространственную и временную, имѣетъ и генетическое, родословное значеніе. Сходство въ основныхъ чертахъ искусствъ, входящихъ въ эти 2 группы, можетъ служить указаніемъ на то, что искусства обособились, выдѣлились изъ 2-хъ основныхъ. Скульптура и живопись отдѣлились отъ зодчества. Музыка инструментальная, и донынѣ неразрывно снизываемая съ поэзіею, вышла изъ пѣнія, соединеннаго съ пляскою (хоры древней трагедіи, нынѣшніе хороводы, нынѣшняя опера).

И донынѣ, несмотря на свою самостоятельность, искусства сочетаются между собою въ названныя двѣ группы и даютъ въ этомъ сочетаніи болѣе строгое единство впечатлѣнія, чѣмъ при сочетаніи двухъ этихъ группъ между собою (въ операѣ=музыка, пѣніе и мимика съ одной и декорація съ другой стороны).

Digitized by Google

Разница между искусствами состоитъ въ различіи употребляемыхъ ими средствъ.

По предмету живописъ болѣе близка между собою живопись (геар. ваяніе) и поэзія; но „живопись... употребляетъ (какъ знаки) тѣла и краски въ пространствѣ"—поэзіи—„члено-раздѣльные звуки во времени". Отсюда слѣдуетъ, что „знаки располагаемые другъ подлѣ другъ, должны и представлять только такіе предметы или ихъ части, которые въ дѣйствительности представляются расположенными другъ подлѣ друга", т. е. „тѣла съ ихъ видимыми свойствами"; что „знаки слѣдующіе другъ за другомъ, (слова) могутъ выражать только предметы, которые и въ дѣйствительности представляются намъ въ послѣдовательности времени, т. е. что „дѣйствія составляютъ настоящій предметъ поэзіи" [1]) (Лаокоонъ, XVI гл.). Какъ расширяетъ живопись доступное ей изображеніе момента?

Когда живописецъ (какъ многіе старинные) „на одной картинѣ изображаетъ два необходимо удаленные другъ отъ друга момента времени, напр., Маццуоли—похищеніе Сабинянокъ и примиреніе ихъ мужей съ ихъ родственниками, или, какъ Тиціанъ—цѣлую исторію блуднаго сына: его развратную жизнь, бѣдственное положеніе и раскаяніе"; то онъ вторгается „въ чуждую ему область поэзіи" (Лаок., XVIII гл.), при томъ тщетно, потому, что здѣсь столько картинъ, сколько моментовъ [2]).

Когда поэтъ, перечисляя одинъ за другимъ различные предметы, „которые необходимо увидѣть разомъ, для того чтобы представить образъ цѣлаго", думаетъ, что „такимъ способомъ можно успѣть дать полный и живой образъ описываемой вещи"; то онъ „вторгается въ область живописца и понапрасну тратитъ много воображенія" (ib. XVIII). Онъ самъ замѣнилъ пространственныя

[1]) Скульптурное изображеніе момента въ поэзіи превращается въ разсказъ (рядъ моментовъ). Стихотв. Пушкина:

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздавайся, народъ любопытный;
Врозь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

(На статую работы Н. Пименова—игрокъ въ бабки).

[2]) Буслаевъ, Очерки, о старинныхъ русскихъ миніатюрахъ.

Digitized by Google

отношеніи послѣдовательными, разложивъ (одновременное) цѣлое на части, а отъ читателя требуетъ исполненія „несравненно труднѣйшей, часто невыполнимой задача: возстановленія одновременно цѣлаго изъ этихъ частей".

Чѣмъ труднѣе выполненіе такой задача, чѣмъ болѣе понапрасну тратится усилій, тѣмъ менѣе удовольствія а тѣмъ, заачитъ, несовершеанѣе описаніе аъ художественномъ отношеніи.

Перечисленіе одновременныхъ признаковъ бываетъ необходимо для составленіи отвлеченнаго понятіи о предметѣ. Это дѣло прозаика, нетребующаго отъ читателя усилій воображенія. Слабы описанія промежуточныя, недающія ни ясности понятіа, ни живости поэтическаго образа.

Волею-неволею языкъ ваставляетъ насъ разлагать одновременно данные образы на рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій мысли [1]), изъ аоахъ каждое (слово) даетъ не болѣе одного признака. Добровольно подчиняясь этому, поэтъ нейдетъ дальше. „Гомеръ не изображаетъ нячего, кромѣ послѣдовательныхъ дѣйствій, я всѣ тѣла, асѣ отдѣльные предметы онъ рисуетъ лишь по мѣрѣ участія нхъ въ дѣйствіи, при томъ обыкновенно не болѣе, кааъ одною чертою" (ib. XVI г.л.). Напр., хочетъ ли оаъ показать колесницу Геры, онъ заставляетъ Гебу составлять ее по частямъ (Ил. V, 722). Одежду Агамемнона мы аидимъ въ то время, кааъ поэтъ изображаетъ самое одѣванье (Ил. II, 43—7): „другой изобразилъ бы одежду до послѣдней саладки, и въ тоже время мы невидѣля бы дѣйствія" (Лаоа. XVI г.л.) [2])

Выстрѣлъ изъ лука, то, что у живописца мы могли бы уандѣть лашь въ готовомъ видѣ, у Гомера превращеао въ рядъ дѣйствій, начиная съ охоты за сераой, изъ роговъ коей сдѣлаиъ луаъ. (Ил. IV, 105—126). Мы видимъ у него не щитъ Ахилла, а дѣланье щита, (Ил. XVIII, 476, 606—7).

---

[1]) *Слов*, ибо каждое слово есть актъ мысли.

[2]) Въ русскихъ былинахъ замѣчается изяшество такихъ *гекетическихъ* описаній одѣванья, скидки портокъ и пр. Гильферд. № 59 и др.

Digitized by Google

Тоже относительно арасоты наружности. Поэтъ „долженъ чувствовать, что элементы арасоты, изображенные въ послѣдовательности иремени, никааъ не могутъ произвести того дѣйствіи, какое производятъ, будучи представлены одновременно, одинъ возлѣ другого; что сосредоточивающій взглядъ, аоторый мы бы хотѣли обратить на нихъ назадъ, по ихъ исчисленіи, не соберетъ намъ стройнаго образа; что задача представить себѣ, иакой бы эффеатъ произвели тааой-то ротъ, иосъ и такіе-то глаза, соединенные вмѣстѣ, превосходатъ силы человѣческаго воображенія", если намъ „въ природѣ или произведеніи исаусства недано готовое сочетаніе этихъ частей" (Лаои. XX гл.).

„Для глаза (въ картинѣ, статуѣ или въ натурѣ) разсматриваемыя части остаются постоянно на виду; онъ можетъ неразъ обозрѣть нхъ снова" (ib. XVII гл.). При томъ опредѣленность впечатлѣнія зрѣнія такова, что мы можемъ сохранять въ памяти, живо представлять себѣ, воспронзводить очертанія, краскн лица, мѣстности. Точно тааъ мы можемъ живо помнить и воспроизводить послѣдовательность музыиальныхъ звуковъ, несмотря на то, что звукъ исчезаетъ, смѣняясь другамъ. Между тѣмъ слово, смѣняясь подобно звуау другимъ, отличается тѣмъ, что служитъ лишь очень неопредѣленнымъ зиакомъ очертанія, цвѣта, звука. „И относительно изображенія ирасоты Гомеръ является мастеромъ первой руки. Онъ говоритъ: Нирей былъ преарасенъ, Ахиллъ еще прекраснѣе (Ил. II 673—4). Елена обладала божественной арасотой; но нигдѣ непусаается онъ въ подробное описаніе красоты. А между тѣмъ содержаніемъ всей поэмы служитъ краеота Елены" (Лаок. XX гл.). Онъ мимоходомъ упоминаетъ, что у Елены были бѣлыя руки (Ил. III, 121) и преарасные волосы; но то, чего нельзя описать по частямъ и въ подробностяхъ, Гомеръ умѣетъ поаазать другимъ образомъ, именно дѣйствіемъ его на другнхъ:

„Старцы народа... уже не могущіе въ брани, но мужи совѣта... сильные словомъ", лишь тольао увидѣли идущую къ башнѣ Елену, „тнхія между собой говорили крылатыя рѣчи":

Digitized by Google

„Нѣтъ осуждать невозможно, что Трои сыны и Ахейцы
Браань зк такую жену и бѣды столь долгія терпитъ:
Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотою подобна".
Иліада III, 150—158.

Сходные пріемы замѣчены [1]) не въ однихъ гомерическихъ пѣсняхъ. Много примѣровъ можно найти въ русской и сербской народной поэзіи. Съ изображеніемъ лука Пандарова ср. стрѣлы Дюка Степановичъ (Кирѣев. III, 101—2); генетическое изображеяіе стрѣльбы изъ лука встрѣчается въ нѣсколькихъ великорусскяхъ былинахъ, между прочимъ въ былинѣ о Потокѣ (Кирѣев. IV, 53, 94); съ изображеніемъ крксоты по впечатлѣнію, производимому на другихъ ср. изображеніе красоты Роскнды (Каркджичъ, II, № 40), описаніе красоты церкви (Каркд. II, № 36); а также малор. кол.:

Оршечка... Убіралася, нкряжалася
До церкви пішлк, якъ зоря зійшла,
У церков війшла и засіялк.
Тамъ пкни стояли да ii питали:
„Чи ти цкрівна, чи королівнк?"
Я не царівна, не королівна,
Батькова дочка...

Правкло изображать дѣйствіе не момеятомъ, а протяженіемъ, рядомъ моментовъ выркжается въ великорос. и малорус. пѣсняхъ въ скмомъ употребленіи нашихъ несовершенныхъ глаголовъ тамъ, гдѣ современный человѣкъ постквилъ бы совершеиный.

Современный поэтъ скмою быстротою теченія своей мысли поставленъ въ нѣсколько другія условія; но есть требованія поэтической изобразительности и вмѣстѣ сбереженіи силъ читателя, обязательныя для него въ той же мѣрѣ, въ какой они были для древняго поэта.

Въ силу того внимкнія ко внѣшней природѣ и той степени ея изученія, которыя сказались въ нынѣшнемъ развитіи ландшафтной живописи, современному поэту приходитси изображать пей-

[1]) Буслаевъ, Очерки I, 63—64; Шевыревъ, Ист. рус. слов. I, 104.

Digitized by Google

зажи чаще и подробнѣе, чѣмъ древнему. Ему больше искушеній перейти мѣру, больше возможности злоупотребленій.

Нельзя обойтись безъ простого сопоставленіи частей ландшафта, но при этомъ должны быть приняты мѣры для облегченія читателю синтеза:

а) Нужно избѣгать дробности частей. Стихотвореніе Фета, при всѣхъ недостаткахъ (непослѣдовательность, тавтологія), благодаря отсутствію дальнѣйшихъ подробностей, представляетъ сносную картину:

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

б) Помни одинаковое отношеніе слова къ явленіямъ свѣта и звука, неостанавливаться исключительно на точкѣ зрѣнія живописца, но не оставлять ее совсѣмъ, связывая явленія, подлежащія другимъ чувствамъ съ видимымъ предметомъ.

в) Ради конкретности изображенія держаться субъективной точки зрѣнія, т. е. своей, или точки воображаемаго зрителя.

г) Незаставлять произвольно мѣнять эту точку, напр. то отдалять или возвышать ее такъ, что картина превращается въ географическую карту, то приближать ее на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ или даже вытянутой руки. Или тамъ, гдѣ необходимость заставляетъ дѣлать это, т. е. гдѣ самъ поэтъ мѣняетъ точку, явственно дѣлать это, вести за собою читателя.

„Если цѣлое должно представлять живую картину, то ни одна часть его не должна выдаваться впередъ, но сильное освѣщеніе должно быть равномѣрно распредѣлено по всѣмъ частямъ, воображеніе наше съ одинаковою скоростью должно обѣжать ихъ всѣ,

Digitized by Google

для того чтобы соединить изъ нихъ въ одно цѣлое то, что... (глазами) обозрѣвается разомъ" (Лаок. XVII гл.).

д) Помнить, что „всякая поэтическая картина требуетъ отъ читателя предварительнаго знакомства съ описываемыми предметами" (ib).

Образцы, превращающіе описанія природы въ рядъ послѣдовательныхъ воспріятій (=повѣствованія) съ опредѣленной точки, на которую легко поставить себя слушателю:

Изъ сербской пѣсни „Жекидба кральа Вукашина". Вукашинъ, желая прельстить Видосаву, говоритъ: что у васъ тутъ? Посмотришь вверхъ—горы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ; посмотришь внизъ—скалы и утесы, да мутная Тара ворочаетъ камни. Не то у меня въ ровномъ приморьѣ, въ Скадрѣ на Боякѣ:

А какав је Скадар на Бојани!
Кад погледаш брду (вверхъ) изнад града,
Све порасле смокве и маслине,
И још они грозни виногради;
Кад погледаш стрмо (внизъ) испод града,
Ал узрасли шеница бјелица,
А око ње зелена ливада,
Кроз њу тече зелена Бојана,
По њој плива риба сиякојака,
Кадкоћ хоћеш, дк је тазе (свѣжую) једеш.

Вук. Кар. II, 105—6.

Слушатель перемѣняетъ точку зрѣнія, но каждый разъ разсказчикъ предупреждаетъ эту перемѣну (посмотри вверхъ, внизъ). Другой примѣръ у Пушкина „Обвалъ":

Дробясь о мрачныя скалы
Шумятъ и пѣнятся валы;
А надо мной кричатъ орлы
И ропщетъ боръ
И блещутъ средъ волнистой мглы
Вершины горъ.

Digitized by Google

Примѣръ несоблюденія единства и опредѣленности точки зрѣнія—*степь* въ „Тарасѣ Бульбѣ“ Гоголя: „Ничего въ природѣ не могло быть лучше (для кого?); вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнулъ милліоны разныхъ цвѣтовъ. *Сквозь* тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ отнуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. *Подъ* тонкими ихъ корнями шныряли нуропатки, вытянувъ свои шеи“.

Въ *Войнѣ* и *Мирѣ* нѣтъ описаній красоты женской, но читатель не можетъ смѣшать и по наружности жены кн. Андрея, Hélène, Наташи. Такъ присутствіе высокихъ цѣлей искусства, можетъ быть, безсознательно ведетъ къ соблюденію частныхъ его правилъ (умѣренности въ описаніяхъ) и наоборотъ, когда поэту нечего сказать болѣе важнаго онъ описываетъ.

„Когда плохой поэтъ“ говоритъ Горацій, „не въ силахъ ничего сдѣлать, онъ начинаетъ описывать рощу, жертвенникъ, ручей, вьющійся по злачнымъ лугамъ, шумящій потокъ, радугу“. (Лаокоонъ, XVII гл.).

Если объективный покой превращается поэтическимъ изображеніемъ въ движеніе, то и наоборотъ, когда изображается движеніе, лучше (экономнѣе) недѣлать зрителя участникомъ движенія каждой части, а заставлять движеніе проходить передъ его глазами.

Сюда примѣръ изъ Гомера, Иліада III, 171 и сл.: Елена съ башни называетъ Пріаму замѣчаемыхъ ими героевъ Грецін. Въ сербскихъ пѣсняхъ это обычный пріемъ—обозначать присутствіе зрителя:

Милн Боже, чуда великога
Да је коме погледати било,

а далѣе описаніе. (Караджичъ II, 111, 561). Лицо обозрѣвающее подымается на башню (Караджичъ, № 45, „Царъ Лазаръ и царица Милица“. Царица выходитъ на башню и распрашиваетъ каждаго проходящаго героя о боѣ на Коссовомъ полѣ. Такой же пріемъ

Digitized by Google

въ другой пѣснѣ № 51: Дјевојаа Коссовка). У Л. Толстого въ „Войнѣ и Мирѣ": „Въ срединѣ моста, слѣзша съ лошади, прижатый саонмъ толстымъ тѣломъ аъ периламъ, стоялъ книзь Несвицкій... Поглядѣвъ за перила внизъ, аннзъ Несвнцаій видѣлъ быстрыя шумныи, невысокін волны Энса... Поглндѣвъ на мостъ, онъ видѣлъ столь же одаообразныи живыя волны солдатъ, бутасы, кивера съ чехлами, ранцы, штыкн, дланныи ружья и изъ-подъ киверовъ лица съ широкими скулами, ввалившимисн щеками и беззаботно усталыми выраженіями (далѣе передъ генераломъ проходятъ по мосту отдѣльныи части войсна), Война я Миръ I, 219—225, изд. 1889 г.

Примѣръ отсутствія перспективы а аарушеаія только что указанаго правила—у Гоголя въ описанін сада Плюшаина:

„Мѣстамв расходились зеленыя чащи, озареаныя солнцемъ, и поаазывали неосвѣщенное между анхъ углубленіе, зіявшее, какъ темная пасть; оао все было окинуто тѣаью, и чуть чуть мельнали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушеиныи перила, пошатаувшаяся бесѣдаа, дупластый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетнаой вытыкавшій изъ-за ивы нзсохшіе отъ страшной гущины, перепутавшіеся и скрестившіеся листьи и сучьи и, *наконецъ* молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку своя зеленыи *лапы*—листы, подъ *одинъ* изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть каанмъ образонъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ".

Родословная искусства. Въ раздѣлепін исаусствъ иа 2 вѣтви: пространственную и временную, заключено указаніе на нхъ родословныи отношенін.

Когда, при нынѣшаей обособленаости и самостоятельности исаусствъ, они всѣ пускаются въ ходъ для произведенія общаго впечатлѣнія, канъ въ оперѣ, мы видямъ, что декорація (т. е. архитектура, скульптура и живопись) съ одной стороны, музыаа, плнска и мимнка, поэзін съ другой—образуютъ между собою болѣе тѣсныи сочетанія, чѣмъ эти группы другъ съ другомъ.

Digitized by Google

Такіи два сочетанія, данныя одновременно, всегда болѣе менѣе оспариваютъ другъ у друга силу впечатлѣнія и стремится оттѣснить другъ друга назадъ [1]).

Архитектурныя формы, обнимая собою скульптурныя и живописныя, даютъ общія указанія на распредѣленіе, величину и до нѣкоторой степени и на характеръ этихъ послѣднихъ, непредрѣшая ихъ частнаго содержанія. Подобныя отношенія связи общности и частности существуютъ между музыкою и поэзіей. Нынѣшняя сложность музыкальныхъ произведеній и самостоятельность инструментальной музыки умалчется по направленію къ прошедшему; чѣмъ дальше въ старину, тѣмъ служебнѣе отношеніе инструментальной музыки къ пѣнію и поэзіи. Чѣмъ болѣе музыкальный инструментъ сводится на пѣтъ, замѣняясь человѣческимъ голосомъ, тѣмъ общѣе становится правило, что пѣсня поется ради содержанія. „Дядюшка пѣлъ такъ, какъ поетъ народъ, съ тѣмъ полнымъ и наивнымъ убѣжденіемъ, что въ пѣснѣ все значеніе заключается только въ словахъ, что напѣвъ самъ собой приходитъ, и что отдѣльнаго напѣва небываетъ, а что напѣвъ—такъ только для складу. Отъ *этого*-то этотъ безсознательный напѣвъ, какъ бываетъ напѣвъ птицы, и у дядюшки былъ необыкновенно хорошъ“ (В. и М. II, 372). Противоположное явленіе—когда, какъ въ концертномъ и отчасти оперномъ пѣніи, пѣніе независитъ отъ пѣсни и голосъ разсматривается, какъ музыкальный инструментъ. Эта крайность вызываетъ новыя попытки къ сліянію музыки и поэзіи и созданію выразительнаго пѣнія и изобразительной музыки. Тоже—о балетѣ. На относительно первобытной ступени связи музыки и поэзіи, напр. въ русской народной пѣснѣ, можно усмотрѣть, какъ музыкальный періодъ и его части соотвѣтствуетъ синтантическому; но

[1]) Man soll sich alles praktisch denken und deshalb auch dahin trachten, dass verwandte Manifestationen der grossen Idee, insofern sie durch Menschen zur Erscheinung kommen sollen, auf eine gehörige Weise ineinander wirken. Malerei, Plastik und Mimik stehen in einem unzertrennlichen Bezug; doch muss der Künstler, zu dem einen berufen, sich hüten, von dem andern beschädigt zu werden: der Bildhauer kann sich vom Maler, der Maler vom Mimiker verführen lassen und alle drei können einander so verwirren, dass keiner derselben auf den Füssen stehen bleibt. Göthe, Sprüche, 144—5.

Digitized by Google

тутъ же усматривается разница въ средствахъ и цѣлахъ поэзіи и музыки.

Музыка относится къ поэзіи, какъ архитектура къ ваянію и живописи.

Распредѣленіе пѣсенъ по напѣвамъ научное было бы только возстановленіемъ, исправленіемъ и закрѣпленіемъ ассоціацій уже существующихъ въ мысли пѣвцовъ. Когда Ст. Верковичъ спросилъ у Дафины изъ Сереча, отъ которой онъ записалъ 270 пѣсенъ, какъ ей приходятъ на память пѣсни, она отвѣчала, что она находитъ пѣсни только по напѣву, т. е. какъ только вспомнитъ напѣвъ, слышанный еще въ молодости, тотчасъ же приходитъ ей на память и пѣсня (Ст. Вераовичъ, Нар. п. Маред. бугара, I, XVI).

По количеству частей музыкальнаго періода можно судить о количествѣ синтактическихъ частей размѣра; но угадать, каковы именно будутъ эти послѣдніе, невозможно, ибо напр., та же музыкальная фраза соотвѣтствуетъ въ одномъ случаѣ опредѣленію и опредѣляемому (червоная калинонька,) въ другомъ обстоятельству и подлежащему + сказуемое (тамъ дѣвчина журилася).

Невозможно точное соотвѣтствіе напѣва и лексическихъ значеній словъ пѣсни.

Знаменательность словъ даетъ каждому тѣ же представленія, возбуждающія опредѣленныя образы и черезъ нихъ посредство чувство. Ни отдѣльные звуки напѣва, ни его фразы не имѣютъ и той знаменательности, которая остается за отдѣльными словами, вырванными изъ связной рѣчи. Напѣвъ, какъ единство частей, тоже не имѣетъ той непосредственной замеательности, какую имѣютъ произведенія изобразительныхъ искусствъ: живопись, поэзія. Онъ, какъ произведеніе архитектурное, неизображаетъ ничего внѣшняго, даннаго въ природѣ; онъ возбуждаетъ первоначально лишь неопредѣленныя чувства удовольствія съ безчисленными оттѣнками радости, веселья, бодрости до невольныхъ ритмическихъ движеній, грусти или печали до слезъ, покоя до усыпленія; а эти чувства при благопріятныхъ условіяхъ могутъ вызвать ряды образовъ.

Digitized by Google

Примѣры:

„И зачалъ тутъ Ставръ покгрывати, сыгрышъ сыгралъ Цкри града, Танцы повелъ Іерусалимк, Велкчалъ ккязя со ккягикею, Сверхъ того игралъ еврейской стих". Посолъ зкдремалъ и спалъ захотѣлъ (Кирѣев., IV, 67, Кирша Дак.). Ср. Караджичъ, II, 250—6: Марко Краљевкчъ проскъ спѣть воеводу Мклоша:

„А мај брате, војвода Милошу
Тешко ме је сакак обрвао
Певај брате те ме разговарај"
...Окдк Мклош поче да попева
А краску је песму вапочео
Од сви нашк болк и старкји,
Како ј' који држ'о краљевину
По честкој по Маћедоккји,
Како себе има задужбику;
А Марку је песма омилкла,
Нкслоки се седлу ка облучје
Марко спава, Милош попијева, Кар. II, 215—6.

Примѣры (изъ новѣйшей русской лктературы) изображекія дѣйствія музыки: Тургекевъ „Дворккское гнѣздо" (музыка Лемма), Л. Толстой „Альбертъ", „Люцеркъ", „Войкк к Миръ" (II, 84)— Нкколкй Ростовъ слушаетъ пѣкіе Наташи: „И вдругъ весь міръ длк кего сосредоточклся въ ожидакіи слѣдующей коты, слѣдующей фразы, и всё въ мірѣ сдѣлалось раздѣлеккымъ ка три темпа: Oh, mio crudele affetto... Разъ, два, три... разъ, два, трк... разъ. Эхъ жкзкь кашк дурацкая!—думалъ Николай. Все это—и кесчастіе и деньги, к Долоховъ, и злоба, к честь—все это вздоръ... а вотъ оно кастоящее... Ну, Наташк, иу, голубчикъ, ку, матушкк!... какъ оиа этотъ si возьметъ? взяла! слква Богу! И окъ самъ, ке замѣчак того, что онъ поетъ, взялъ втору въ терцію высоиой коты. „Боже мой, какъ хорошо! Неужели вто я взялъ? какъ счастливо!"—подумалъ окъ (можно зарѣзать, украсть,—и все таки быть счастливымъ).

Словескыя изображенія музыки (сладкая, страстная мелодія... вся сікла... росла, таяла к пр.) и ея дѣйствія прводятъ только

Digitized by Google

къ тому, что мы напередъ знаемъ, что музыка словами неизобразима, т. е., что она есть самостоятельное, незамѣнимое искусство, и что хотя она шевелитъ „отрадное мечтанье", т. е. можетъ входить въ ассоціацію съ извѣстными образами, но не даетъ имъ развиться и сама по себѣ лишена и той доли объективности и опредѣленности мысли, какая свойственна слову.—Музыка не изобразима словами; но возможны изображенія моментовъ наибольшаго воспріятія. Сюда и по поводу эстетическаго воспитанія вообще Гёте: Echt ästetisch-didaktisch könnte man sein, wenn man mit seinen Schülern an allem Empfindungswerthen vorüberginge, oder es ihnen zubrächte im moment, wo es kulminiert und sie höchst empfänglich sind. Da aber diese Forderung nicht zu erfüllen ist, so müsste der höchste Stolz des Kathederlehrers sein, die Begriffe so vieler Manifestatinnen in seinem Schülern dergestalt zum Leben zu bringen, dass sie für alles Gute, Schöne, Grosse, Wahre empfänglich würden um es mit Freuden aufzufassen, wo es ihnen zur rechten Stunde begegnete. Ohne das sie es merkten und wüssten, wäre somit die Grundidee, woraus alles hervorgeht, in ihnen lebendig geworden, G. Spr. 144.

Если музыка возникла изъ пѣнія, поэзія, то стихотворство, размѣръ—изъ связи слова съ пѣніемъ. Выдѣленію инструментальной музыки соотвѣтствуетъ выдѣленіе сложныхъ поэтическихъ произведеній, несвязанныхъ ритмичностью.

Слово и его свойства. Рѣчь и пониманіе.

Понять дѣйствіе слова а въ частности поэзіи можно, конечно, только наблюдая свойства самаго слова.

Отношеніе говорящаго къ употребляемымъ словамъ двояко [1]).—Во-первыхъ, къ значительной части этихъ словъ онъ относится

[1]) По отношенію къ слову возможны два вопроса: *что* оно значитъ и *какъ* (какимъ *образомъ*) значатъ? Отвѣтомъ на второй вопросъ служитъ указаніе на *значеніе* предшествующаго слова и на *отношеніе* этого значенія къ новому.

Digitized by Google

почти такъ, какъ ребенокъ, который впервые знакомится съ ихъ звуками и значеніемъ. Мы говоримъ ребенку, указывая на вещи или изображенія: это *домъ*, *лѣсъ*, *соль*, *сыръ*,—это растеніе—*конникъ*. Дитя по нашимъ указаніямъ, но самостоятельно составляетъ себѣ соотвѣтственные образы и понятія. Мы умышленно или неумышленно не позволяемъ ему сойти съ пути, намѣченнаго предками, т. е. назвать, напримѣръ, *домъ лѣсомъ*, *соль сыромъ*; но обыкновенно, даже при желаніи, не можемъ объяснить, почему *соль* не называется *сыромъ* и наоборотъ. Единственное объясненіе: такъ говорятъ, такъ говорили издавна. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ подъ давленіемъ предковъ значеніе непосредственно и безотчетно примыкаетъ къ звуку [1]).

Во-вторыхъ, къ другой части словъ мы относимся болѣе активно. Именно, стоитъ употребить такія слова въ переносномъ, производномъ смыслѣ или образовать отъ нихъ новыя, и основанія такого дѣйствія скажутся, будутъ тѣмъ явственнѣе, хотя бы мы и не въ состояніи были дать въ нихъ отчета [2])—напримѣръ, когда мы говоримъ: и здѣсь (т. е. въ этомъ дѣлѣ, въ этомъ кругу мыслей) „*дома*“, или „и тутъ (какъ) въ лѣсу“, „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“, „волка ногъ не кормитъ, онъ все въ лѣсъ смотритъ“. Въ послѣднемъ примѣрѣ „въ лѣсъ“ значитъ приблизительно тоже, что „вонъ“, т. е. въ сторону противоположную домашнему, дружескому, симпатичному, и это значеніе изображено, или, говоря психологическимъ терминомъ, *представлено* признакомъ взятымъ изъ значенія „*въ лѣсъ*“. Всякое удачное изслѣдованіе этимологически неяснаго слова приводитъ къ открытію въ немъ такого представленія, связующаго это слово съ значеніемъ предшествующаго слова и т. далѣе въ недосягаемую глубину вѣковъ [3]).

[1]) Таковы, напримѣръ, *домъ*, (ибо сближеніе съ глаголомъ, означающимъ „укрощать“ (*дам-*) „вязать“ (*да-дâ-*) не все разъясняетъ), нар. *дома*, *лѣсъ*.

[2]) Примѣры, сюда относящіеся,—въ соч. „Мысль и Языкъ“ въ I томѣ „Записокъ по русской грамматикѣ“, „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка“.

[3]) Въ сказкахъ: „Избушка, избушка! стань къ *лѣсу* задомъ, а ко мнѣ передомъ“. „Въ̀нъ“ (изъ винит. ед.), „вънѣ“ (мѣстн. ед.), существ. „извѣна“ („всю извѣну (церкви) украси“, Новг. I, 32) не можетъ быть сравниваемо съ оскр. *vinâ*, безъ (Pott, Et.

Digitized by Google

Тоже самое и въ примѣневіи къ отдѣльнымъ формальнымъ элементамъ слова, ннпр. *а* въ дом*а*.

Изъ примѣровъ, разобранныхъ нвже (см. метафора, метонимія) будетъ видно, что производныя значенія тоже могутъ быть даны преданіемъ; но они могли бы и дѣйствительно быть произведены вновь. Дѣло здѣсь не въ этомъ, а лишь въ томъ, что преданіе можетъ передавать слово съ явственнымъ представленіемъ.

Всяное созданіе новаго слова изъ прежняго создаетъ вмѣстѣ съ новымъ значеніемъ и новое представленіе. Поэтому можно сказать, что первоначально всякое слово состоитъ изъ трехъ элементовъ: единства членораздѣльныхъ звуковъ, т. е. *внѣшняго знака* звученія; *представленія*, т. е. *внутренняго знака* звученія и самаго *значенія*. Другими словами, въ это время въ двоякомъ отношеніи есть (имѣется ни лицо) *знакъ значенія*: какъ звукъ, и какъ представленіе.

Звукъ и значеніе навсегда остаются непремѣнными условіями существованія слова, представленіе же теряется [1]) (см. ниже). Такая потеря объясняется слѣдующимъ. При помощи слова совершается познаніе. Познаніе есть приведеніе въ связь познаваемаго (Б) съ прежде познаннымъ (А), сравненіе *Б* съ *А* при помощи признака общаго и тому и другому, взятаго изъ *А*, признака, который мы обозначимъ *а*. Жизнь слова состоитъ въ его употребленіи, т. е. въ примѣненіи къ новымъ случаямъ. При этомъ количество признаковъ *Б* увеличивается и ихъ связь между собой запрѣпляется; вновь входящій въ *Б* признакъ ннпр. $б'''$ примыкаетъ уже не непосредственно къ *а* и *А*, и черезъ $б'$, $б''$. Т. о. *а* въ числѣ призна-

---

Forsch. I, 718, Micl. Lexic.) а) потому что изъ *en* должно выйти *ez*—, а не *az*—, какъ въ *az-mi*; б) потому что явственность надежныхъ значеній заставляетъ предполагать уже въ славянскихъ языкахъ существительное со значеніемъ столь же вещественнымъ, какъ то, которое предполагается сходнымъ по значенію выраженіемъ *foras* и foris, *на дворъ* (рус. серб.) и *на дворѣ*, серб. *на поље*, *на пољу*, внѣ; *с поля*, с-внѣ, снаружи; лотыш. *ârâ*, внѣ, *âram*, вонъ; литое. *orė* = ссвр. *arė* внѣ при лотыш. *aras* — все ееѣ дома. Поэтому можно согласиться съ Ягичемъ (Podmladjena Vokaliz. 29, Rad, IX), что *изъ* принимаетъ къ ссвр. *вана*—лѣсъ, т. е. что въ этомъ словѣ значеніе *foras* предоставлено признакомъ, взятымъ изъ значенія *въ лѣсъ*.

[1]) Напр. *щитъ*, за-щита; *лаять*, брехать.

Digitized by Google

ковъ Б становится несущественнымъ. Говорящій незаинтересованъ въ востановленіи этого *а*, скорѣе наоборотъ, оно ему мѣшаетъ. Поэтому *а* все рѣже и рѣже входитъ въ сознаніе и наконецъ исчезаетъ, вмѣстѣ съ чѣмъ *Б*, какъ зрѣлый плодъ, выросшій на *А*, отрывается отъ него [1]) и черезъ посредство взятыхъ изъ нихъ представленій б′, б″, б‴ становится основаніемъ для образованія В, Г и т. д. Примѣромъ можетъ служить образованіе ряда значеній *защита* (*Б*) изъ *щитъ* (А), ложа [2]).

Иначе: дѣйствіе мысли въ возникающемъ словѣ есть сравненіе двухъ мысленныхъ комплексовъ, новаго познаваемаго (*X*) и прежде познаннаго (А) посредствомъ представленія (*а*), какъ tertium comparationis. Такъ какъ упомянутые комплексы всегда болѣе или менѣе разнородны, то возникающее слово всегда *иносказательно* въ двоякомъ отношеніи: какъ по различію X и А, такъ и по различію *а* и *А*. Сравненіе слѣдуетъ отличать отъ уравненія, въ которомъ обѣ величины готовы въ мысли до своего сближенія, напр. $\angle$ ABC = $\angle$ CBD, причемъ все равно, сравнивается ли первое со вторымъ, или наоборотъ. Въ словѣ это не безразлично. Теченіе мысли направлено отъ *А* къ *X* и интересъ сосредоточенъ на послѣднемъ. Познаваемое есть не только отношеніе *X* къ *А*, но и самое *X*.

Представленіе выдѣляетъ *а* (изъ *Б*.) (корова, зенд. çrva роговой, κεραός рогатый (эпитетъ оленя), cervus); оно даетъ а) сознаніе единства данныхъ воззрѣнію комплексовъ; б) установленіе единства связокъ (комплексовъ), которыя даны лишь въ своихъ стихіяхъ; в) чрезъ устраненіе несущественнаго (*идеализацію*) *облегчаетъ* обобщеніе, стало быть, увеличиваетъ разстояніе между человѣческой абстракціей и конкретностью животной мысли; г) создаетъ категорію объектовъ мысли. Предметъ мысли *А* не есть *а* + *б* + *с* (признаки), а вмѣстѣ возможность неизвѣстныхъ х, у... (Мысль и языкъ, 153). Представленіе замѣщаетъ собою образъ. Отсюда большая быстрота мысли (М. и яз., 168—9). Посредст-

[1]) Мысль и языкъ, гл. IX, 157—160, гл. X, 205—7.

[2]) См. этимологію слова „верста". Изъ записокъ, т. I, 1—5.

Digitized by Google

вомъ соединеніи представленій съ другими представленіями производится расчлененіе образа, *превращеніе его въ понятіе*, установленіе связи между мыслями, ихъ подчиненіе и соподчиненіе, (классификацію). Разложеніе комплекса признаковъ въ рядъ признаковъ, мыслимыхъ послѣдовательно, прямо вліяетъ на вѣрность умозаключеній. (См. ниже о миѳѣ).

Уже при самомъ возникновеніи слова между его значеніемъ и представленіемъ, т. е. способомъ, какимъ обозначено это значеніе, существуетъ неравенство: *въ значеніи всегда заключено больше чѣмъ въ представленіи.* Слово служитъ лишь точкой опоры для мысли. По мѣрѣ примѣненія слова къ новымъ и новымъ случаямъ, это несоотвѣтствіе все увеличивается. Относительно широкое и глубокое значеніе слова (напр. защита) стремится оторваться отъ сравнительно ничтожнаго представленія (взятаго изъ слова *щитъ*), но въ этомъ стремленіи производитъ лишь *новое слово.* Добытыя мыслью новыя точки прикрѣпленія усиливаютъ ея ростъ. Такимъ образомъ эта непрерывная борьба мысли со словомъ, „при надлежащей свѣжести духовныхъ силъ производитъ все большее и большее усовершенствованіе языка и обогащеніе его духовнымъ содержаніемъ [1]).“

Что могло заключаться въ мысли до языка? То, что останется, если вычесть изъ наличнаго состава мысли все, что недано чувственными воспріятіями. Чувствами недана ни субстанція, ни качество, ни дѣйствіе. Ими объединены лишь такія связи впечатлѣній, какъ *звѣрь*, *растеніе*, *камень*, но и эти связки нерасчленены; затѣмъ—масса несвязныхъ впечатлѣній.

При помощи слова человѣкъ вновь узнаетъ то, что уже было въ его сознаніи. Онъ одновременно и творитъ новый міръ изъ хаоса впечатлѣній и увеличиваетъ свои силы для расширенія предѣловъ этого міра.

[1]) W. Humboldt Ueber die Verschiedenheit, Ed. Pott. II, 121. Примѣчаніе Потта ib. 460, гдѣ между прочимъ примѣры: *virtus*, первоначально только „мужество“; англ. *humour* изъ теоріи соковъ въ человѣческомъ тѣлѣ; нѣм. laune сравн. lûne, лат. luna, луна—отъ первоначальнаго представленія о фазахъ луны къ измѣнчивости счастья и настроенія. Въ этомъ отношеніи любопытна этимологія словъ *основа, почва.*

Digitized by Google

Этимологія, будетъ ли ученія или народная, весьма мало измѣняетъ количественное отношеніе между словами, которыя въ данное время первообразны (т. е. словами съ потерянным представленіемъ, безобразными) и словами производными, переносными, съ яснымъ представленіемъ, образными. Пусть этимологія объяснитъ мнѣ, что *донникъ* есть растеніе, употреблявшееся въ болѣзни *дна*, что *соль* предполагаетъ значеніе *соленой воды*, *защита*—значеніе *кожи*, *оборона*—значеніе *бороны* и т. п.; это не заставитъ меня мыслить въ подобныхъ словахъ ихъ значенія *образно*, ибо это не измѣнитъ разъ установившейся несоотвѣтственности между значеніемъ и представленіемъ и ненужности этого послѣдняго. Такъ исторія искусства можетъ показать, почему извѣстные дошедшіе до насъ образы производили глубокое впечатлѣніе на современниковъ; она можетъ обострить нашъ умъ и косвенно повліять на нашу собственную художественную дѣятельность, но разъ устарѣвшій для насъ образъ „нешевелитъ“ въ насъ „отраднаго мечтанья“, исторія этому непоможетъ. Изъ сказаннаго вытекаютъ слѣдующія положенія: одновременное существованіе въ языкѣ словъ образныхъ и безобразныхъ условлено свойствами нашей мысли, зависимой отъ прошедшаго и стремящейся въ будущее. Развитіе языка совершается при посредствѣ *затемненія* представленія и *возникновенія*, въ силу этого и въ силу новыхъ воспріятій, новыхъ образныхъ словъ. Надо думать, что въ отдѣльныхъ лицахъ, говорящихъ тѣмъ же языкомъ количественная разница между образными и безобразными словами можетъ быть очень велика; но что должны быть средніе предѣлы колебаній, выходъ изъ коихъ возможенъ лишь при ненормальномъ состояніи народа.

До сихъ поръ мы разсматривали слово со стороны его значенія для самого говорящаго; но въ дѣйствительности языкъ возможенъ только въ обществѣ. Уединенная работа мысли можетъ быть успѣшна только на значительной ступени развитія, при пользованіи письменностью, отчасти замѣняющей бесѣду. Лишеніе общества и его суррогатовъ можетъ довести до отупѣнія или сумасшествія даже высоко развитаго человѣка. Какъ въ одушевлен-

Digitized by Google

номъ разговорѣ лячная рѣчь течетъ свободнѣе и пріобрѣтаетъ достоинства незамѣтныя при уединенной мысли; такъ усовершенствованіе языка народа находится въ прямомъ отношеніи со степенью живости обмѣна мысли въ обществѣ (Ср. Humboldt, § 9, 67), обмѣна, возможность коего условлена сходствомъ человѣческой природы вообще и въ частности еще большимъ сходствомъ лицъ того же народа и племени. „Одна головня негоритъ, а тлѣетъ". Собираясь ночью пробраться въ троянскій станъ, Діомедъ:

„Несторъ! мени возбуждаетъ душа и отважное сердце
Въ станъ враждебный войти, недалеко лежащій троянскій.
Но когда и другой кто со мною итти пожелаетъ,
Болѣе бодрости мнѣ и веселости (= смѣлости) болѣе будетъ:
Двумъ совокупно идущимъ, одинъ предъ другимъ вымышляетъ,
Что для успѣхи полезно; одинъ же хотя бы и мыслилъ,
Медленнѣй думи его и слабѣе рѣшительность духа".
Ил. X, 220.

Для пріобрѣтенія достоинствъ слога, популярности изложенія, мало личнаго стараніе: необходимы внѣшнія условія. Невозможно стать дѣйствительно писателемъ для дѣтей, для многочисленнаго народа, для общества, непровѣривъ и непровѣряя постоянно понятности и силы своихъ словъ на тѣхъ, кому они предназначены. Имѣя передъ собой не дѣйствительныхъ слушателей, а лишь воображаемыхъ на основаніи нѣсколькихъ предварительныхъ данныхъ, непремѣнно попадешь въ просакъ. Чтобы письменная рѣчь получила легкость и ясность разговорной, нужно, чтобы разговоръ предшествовалъ письму и оставался мѣраломъ во время писанья. Нужно сначала жить въ обществѣ, чтобы не напрасно писать для него. Такъ было во Франціи въ XVIII в. „Тогда не выходило книги, написанной не для свѣтскихъ людей, даже не для свѣтскихъ женщинъ... Сочиненія исходили изъ салона и, прежде чѣмъ публикѣ, сообщались ему... Характеръ общества дѣлалъ записныхъ философовъ свѣтскими людьми по болѣе общему правилу

Digitized by Google

и въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ бы и когда бы ни было... Публика обизывали таного человѣка быть писателемъ еще болѣе, чѣмъ философомъ, заботиться о способѣ выраженіи столько же, сколько о мысля... Ему нельзя было быть человѣкомъ кабинетнымъ. Онъ здѣсь не просто ученый, погруженный, нааъ нѣмецъ, въ свои фолінты и размышленія, имѣющій слушателями только записывающихъ студентовъ, а читателями ученыхъ, согласныхъ принять на себя этотъ трудъ, ие Кантъ, который, составивъ себѣ особый язынъ, ждетъ, что публика ему выучится, и выходитъ изъ своей рибочей комнаты, лишь чтобы отправиться въ нудиторію. Здѣсь, напротивъ, относительно слова (en fait de paroie) всѣ знатони, даже запясные. Математнаъ Даламберъ обнародовываетъ трактатъ о праснорѣчіи; нитуралистъ Бюффонъ произноситъ рѣчь о слогѣ; занононѣдъ Монтеснье составлистъ сочнненіе о нкусѣ; психологъ Кондильякъ пишетъ книгу объ иснусствѣ писнть". Taine, Les origines de lн France contemtoraine, L'ancien regime 2, 231—4.

Мы говоримъ не тольно тогда, ногда думаемъ, что насъ слушнютъ и понимнютъ, но и про себя и дли себя [1]). Хотн мысль существуетъ и до слова и хотя не всяная мысль прошедшая снюзь слово выразнми словомъ, тѣмъ не менѣе отчнсти правъ старнинный книжнякъ, объясняющій a potiori мысль, нанъ скрытую рѣчь: „гадніе—сънрѣвенъ глиголъ (тлънованіе иеудобь позниваемомъ въ писаныхъ речемъ" 1431 г. Калайдовичъ, „Іоаннъ Экзархъ Болгирскій", 197, Буслаевъ, „О преподаванін отечественнаго языка").

Чѣмъ сложнѣе то, что мы инмѣрены сназать другимъ, тѣмъ явственнѣе для нисъ различіе и разновременность двухъ моментовъ рѣчи: 1-го, когда обдумываемъ и говорнмъ для себя, и 2-го, когда говоримъ другимъ. Тоже различіе, тольно менѣе ощутнтельное, и въ простѣйшемъ словѣ.

По этому можно отдѣльно разсмнтривнть: 1) дѣйствіе рѣчи на самого говорящиго и 2) дѣйствіе ея на слушнющиго и пони-

[1]) То, что слово существуетъ для говорящаго раньше, чѣмъ для слушателей, объясняетъ явленія регрессивной ассимиляціи и аттракціи и hysteron-proteron въ фонетикѣ и снитаксисѣ.

Digitized by Google

мающаго, *пониманіе*. А такъ какъ элементы слова и словеснаго произведенія тождественны, то также раздѣльно можно разсматривать а дѣйствіе словеснаго (въ частности поэтическаго, вообще художественнаго) произведенія на самого автора и на понимающаго.

Дѣйствіе слова на самого говорящаго. Міръ является намъ лишь нанъ ходъ измѣненій, происходящихъ въ насъ самихъ. Задача, исполняемая нами, состоитъ въ непрерывномъ разграниченіи того, что мы называемъ своимъ *я* и всего прочаго *не я*, міра въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Познаніе своего *я* есть другая сторона познанія міра, и наоборотъ.

Но какъ возможно самопознаніе, когда *я* есть непрерывное теченіе, когда познаваемое въ мгновеніе познанія уже ушло, уже неуловимо?

„Erkenne dich!“ Was soll das heissen?
Es heisst: “Sei nur!“ und „Sei auch nicht!“
Es ist eben ein Spruch der lieben Weisen,
Der sich in der Kürze widerspricht.
„Erkenne dich!“—Was hab' ich da für Lohn?
Erkenn' ich mich, so muss ich gleich davon.
Als wenn ich auf den Maskenball käme
Und gleich die Larve vom Angesicht nähme.

Göthe, Sprüche, 32.

Противорѣчіе, заключенное въ понятіи самопознанія, устраняется тѣмъ, что мы познаемъ не свое настоящее, неуловимое, а свое прошедшее (какъ познаемъ лишь прошедшее міра: я вижу звѣзду не какъ она есть, а какъ она была, когда послала лучъ ко мнѣ; теперь можетъ быть ея и нѣтъ). Всякое познаніе по существу исторично и имѣетъ для насъ значеніе лишь по отношенію къ будущему.

Но какъ возможно самопознаніе и, въ этомъ смыслѣ, познаніе и своего прошедшаго?

Niemand wird sich selber kennen
Sich von seinem Selbst-Ich trennen;
Doch probier' er jeden Tag,

Digitized by Google

Was nach aussen endlich, klar,
Was er ist und was er war,
Was er kann und was er mag. Göthe, Spr. 85.

Wie kann man sich selbst kennen lernen? Durch Betrachten niemals, wohl aber durch Handeln (въ нравственномъ смыслѣ): Versuche deine Pflicht zu thun, und du weisst gleich, was an dir ist.—Was aber ist deine Pflicht? Die Forderung des Tages. Göthe, ih. 107.

Непосредственное самопознаніе невозможно. Первообразное невольное дѣйствіе, предполагаемое самопознаніемъ, состоитъ въ томъ, что непрерывно утекающее состояніе нашего *я* оставляетъ болѣе ощутительный слѣдъ въ членораздѣльномъ звукѣ. Воспроизведеніе звука облегчаетъ, впрочемъ всегда неточное, воспроизведеніе мысли. Звукъ становится знакомъ, *знакомъ прошедшей мысли.* Въ этомъ смыслѣ *слово объективируетъ мысль*, ставитъ ее передъ нами, служитъ тѣмъ *дѣломъ*, безъ котораго невозможно самосознаніе, какъ первоначально, до пріобрѣтенія навыка, невозможно считать, не указывая на считаемыя вещи или не передвигая ихъ, невозможно играть въ шахматы, не передвигая шашекъ.

Слово дѣлитъ непрерывное теченіе воспріятій на отдѣльные акты и такимъ образомъ создаетъ объекты мысли, подлежащіе дѣйствію другихъ такихъ же.

Пониманіе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Произнося слово „корова“, говорящій думаетъ слѣдующее: то, что я вижу, представляется мнѣ рогатымъ. Такимъ образомъ требующее объясненіе новое, часто личное воспріятіе черезъ посредство представленія, признака, общаго ему съ прежнимъ запасомъ мысли, объясняется этимъ послѣднимъ. Слушающій получаетъ отъ этого процесса только звукъ: „корова“, которые будятъ въ немъ отношеніе къ комплексу мысли, который онъ самъ объективировалъ въ подобныхъ звукахъ. Суждение, происходящее въ немъ при пониманіи этого слова, таково: „Эти звуки значатъ нѣчто, представляемое рогатымъ“. Допустимъ, что они видятъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и что пониманіе облегчено жестами, указаніемъ со стороны гово-

Digitized by Google

рящаго. При этомъ оннжется, что чувственное воспріятіе „нороян“ въ томъ и другомъ различны; что объисняющіе комплексы въ томъ и другомъ различны еще болѣе, ибо разница ихъ состава зависитъ не только отъ различія прежнихъ воспріятій, но и отъ различія сочетаній, въ которыя вошли эти воспріятія съ другими. Общимъ между говорящимъ и слушающимъ, понимающимъ оннжется только звуки и представленіе, и въ случаѣ затемнѣнія представленіи (рогатый)—тольно звуни. Такимъ образомъ, „нинто недумаетъ при словѣ именно того самого, что другой“. Повтому „всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе; всяное согласіе въ мысляхъ—разногласіе“ (Humboldt, 78). „Въ душѣ иѣтъ ничего, кромѣ созданнаго ея самодѣятельностью“ (Humboldt, 68). Плимя свѣчи, отъ которой зажигаются другія свѣчи, не дробится; въ наждой свѣчѣ воспламеняются свои газы. Тянъ при пониманіи мысль говорящего не передается слушающему; но послѣдній, понимая слово, создаетъ свою мысль, занимающую въ системѣ, устиновленной языкомъ, мѣсто, сходное съ мѣстомъ мысли говорящего. Думать при словѣ именно то, что думаетъ другой, значило бы перестать быть самимъ собою. Поэтому пониманіе въ смыслѣ тождества мысли въ говорящемъ и слушающемъ есть такни же иллюзіи, нанъ и тя, въ силу ноей мы принимаемъ собственныя ощущенін за внѣшніе предметы.

Тѣмъ не менѣе иные слово дѣйствуетъ ни другихъ. Оно устанавливаетъ между замнутыми въ себѣ личностями связь, не уравнивая нхъ содержанія, я тнпь сказать „настраивая нхъ гармонически“ (Humboldt, 68).

Въ процессѣ пониманіи сказываются тѣже основныя черты слова, что и въ рѣчи. „Рѣчь и пониманіе суть лишь разныя стороны одного и того же явленіи“ (Humb., 68). Такимъ образомъ разсмотрѣніе процесса пониманіи служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что языкъ мыслимъ тольно нанъ средстяо (или точнѣе система средствъ), видоизмѣняющее созданія мысли; что его невозможно бы понять, нанъ выраженіе готовой мысли, ибо будь оно такова, оно имѣло бы значеніе тольно для сяоего создатели или для тѣхъ, которые съ нимъ сговорились (что имѣетъ мѣсто отно-

Digitized by Google

сительно условныхъ знаковъ), или же, что невозможно, пониманіе состояло бы въ передачѣ мысли, а не ея возбужденія.

Ученію о значеніи слова соотвѣтствуетъ критика художественнаго произведенія. Параллель между словомъ и сложнымъ словеснымъ произведеніемъ здѣсь выражается въ слѣдующемъ. *Въ словѣ*: 1) *среда*, изъ которой берется образъ (*A*): N поймалъ (при такихъ-то условіяхъ) такого-то звѣря, что заключено въ словѣ *хытрс*; 2) *примѣненіе* къ другому тиному же случаю x_1, x_2, x_3 и проч. или къ случаю отличному (N поймалъ не звѣри, а взялъ невѣсту, уловилъ чужую мысль); 3) общее между *A* и x_1, x_2, x_3, т. е. признакъ отъ нихъ отвлекаемый (*a*).

Въ словесномъ произведеніи: тоже *A* (изъ среды α, β и пр.), x и *a*. Изслѣдованіе этихъ трехъ моментовъ и есть содержаніе критики.

Три составныя части поэтическаго произведенія.

Предлагаемыя ниже опредѣленія поэзіи не представляютъ интереса новизны, но, быть можетъ, покажутся не совсѣмъ лишними въ виду того, что въ нашихъ учебникахъ, а отчасти и въ журнальной критикѣ до сихъ поръ, какъ въ 40-хъ, 50-хъ годахъ, о поэзіи говорятъ поэтическими образами, сравненіями. Тогда говорилось: „поэзія это не что иное, какъ благоуханіе розы, сонъ дѣвы, мечта юноши и т. п. (см. ниже). Поэзіи объясняется терминами, которые сами требуютъ объясненія, а часто и вовсе необъяснимы. Напр. „поэзія, *какъ искусство*, представляетъ *сущность* предметовъ, ихъ *идеи*, не отвлеченно, т. е. *не въ сужденіяхъ*, а конкретно, т. е. въ образахъ, посредствомъ слова. Образы создаются творческой способностью, фантазіей. Отъ степени ея силы зависитъ большее или меньшее достоинство созданныхъ образовъ. Наибольшая сила обнаруживается въ созданіи такихъ образовъ, которые въ совершенной чистотѣ и истинѣ воплощаютъ въ себѣ идеи и образуютъ съ ними нераздѣльное *органическое* единство". (Галаховъ) „Тѣ же вопросы, о степени соотвѣтствія формы

Digitized by Google

идеѣ былипримлагаемы до аедавмяго времеия а къ оцѣнаѣ произведеній скульптуры а живопаса". (Буслаевъ. М. Дос. II, 104).

„Есла поэтмческое произнедеаіе отличается такимъ сочетаніемъ иден и образа (какъ формы ядеи), что форма вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ и даетъ нозможность ясно созерцать ее, то омо получаетъ аазваніе художествеаааго" (Галах. Ист. Рус. Слов. учеб. для сред. учеб. зав. Спб. 1891, 186). „Поэзія, какъ искусство".. Заачнтъ есть поэзія не какъ мсаусство, а какъ что же? Если имѣется въ виду возможность поэтическихъ проазведеній нехудожественаыхъ, т. е. дурныхъ, то это иапраспо. Спрашавается, что такое сапогъ и сапожаикъ, а отвѣчаютъ, что саноги а сапожниаи бываютъ хорошіе и дурные. „Поэзія представляетъ *сущность идеи предметовъ*". А что такое *сущность*, аден?. Платоново *τοὐμενον*? Есть ли размица между ними и поаятіями? Въ поэзіи Державиаа выражается мдея „правды" (Шевыр. у Гал. Ист. Р. Сл. I, Отд. 2, 184). Такое блѣдиое отвлечеаіе прмаимаютъ за *сущность*. Въ такомъ случаѣ уже лучше Плотонова *οὐσία*.

Поэзіи говоритъ *не сужденіями*; но мы привыали думать, что суждевіе есть тааая форма, безъ аоей иияааое движеніе вполаѣ человѣчесаой мысла невозможно. Что также фантазія? Есла форма можетъ вполнѣ соотвѣтствовать мдеѣ, то, чтобы судмть объ этомъ, мы должаы зиать идею автора, что безусловио аевозможио. Есля же идея произведенія въ ааждомъ понимающемъ другая, то полаое соотвѣтствіе образа и идеи аевозможао.

Изъ двухъ состоиаій мысли, сказывающахся въ словѣ съ живымъ и въ словѣ съ забытымъ представлеаіемъ, въ области болѣе сложнаго словеснаго (проясходящаго при помоща слова) мышлеаіи, возаикаетъ поэзія и проза. Ихъ опредѣленіе въ зародышѣ лежатъ уже въ опредѣлевіа 2-хъ упомянутыхъ состоямій слова. Та и другая подобао языау а другимъ искусствамъ суть стольао же извѣстиые способы мышлепія, извѣстаыя *дѣятельности*, саольао и *произведенія*.

Digitized by Google

Элементамъ слова съ живымъ представленіемъ соотвѣтствуютъ элементы поэтическаго произведенія, ибо такое слово и само по себѣ есть уже поэтическое произведеніе. Единству членораздѣльныхъ звуковъ (внѣшней формѣ слова) соотвѣтствуетъ внѣшняя форма поэтическаго произведенія, подъ коей слѣдуетъ разумѣть не одну звуковую, но и вообще словесную форму, знаменательную въ своихъ составныхъ частяхъ.

Уже внѣшнею формою условленъ способъ воспріятія поэтическихъ произведеній и отличіе отъ другихъ искусствъ. Представленію въ словѣ соотвѣтствуетъ образъ (или извѣстное единство образовъ) въ поэтическомъ произведеніи.

Поэтическому образу могутъ быть даны тѣ же названія, которые приличны образу въ словѣ, именно: знакъ, символъ, изъ коего берется представленіе, внутренняя форма.

Значенію слова соотвѣтствуетъ значеніе поэтическихъ произведеній, обыкновенно называемое идеей. Этотъ послѣдній терминъ можно бы удержать, только очистивъ его отъ пристившихъ къ нему трансцедентальностей.

Поэтическій образъ служитъ связью между внѣшнею формою и значеніемъ.

Внѣшняя форма обусловливаетъ образъ.

Образъ *примѣняется* „примѣряется“ (ср. „не до васъ приміряючи“ напр. образную пословицу); поэтому образъ можетъ быть названъ *примѣромъ*, въ стар. русс. *притча*, потому что онъ *притычется*, примѣняется къ чему либо и этимъ получаетъ значенія. Этимъ установляется граница между внѣшнею и внутреннею поэтическими формами. Все предшествующее примѣненію при понимании поэтическихъ произведеній есть еще внѣшняя форма Так. обр. въ пословицѣ „небуло снігу, небуло сліду“ но внѣшней формѣ относятся не только звуки и размѣръ, но и *ближайшее значеніе*.

Еслибы примѣненія непослѣдовало, то могли бы быть поэтичны отдѣльныя слова (чего въ приведеномъ примѣрѣ нѣтъ), но цѣль-

Digitized by Google

наго поэтическаго произведенія небыло бы. (Мысль и языкъ[2] 151—5).

...„Для создателя пѣсни отношеніе между образомъ и ближайшимъ значеніемъ было вполнѣ опредѣленное, т. н. образность была именно средствомъ созданія мысли, ибо въ словѣ представленіе есть средство значенія".

Моя реценз. Нар. пѣс. Галиціи. Р., Я. Ф. Головацк. 81—8.

Значеніе поэтическаго произведенія для самаго создателя (автора).

Поэтъ и публика, критика, толпа. Стыдливость творчества.

Слово, по вышесказанному, не можетъ быть понято, какъ выраженіе и средство сообщенія готовой мысли. Оно вынуждается у человѣка работою мысли — служить необходимымъ для самого мыслящаго средствомъ созданія мысли изъ новыхъ воспріятій при помощи прежде воспринятаго.

Заключая отъ противнаго, предположивъ, что поэзія (и вообще слово) есть средство не созданія, а лишь выраженія готовой мысли [1]), приходимъ къ двумъ равно невѣроятнымъ выводамъ:

а) „Т. к. человѣкъ удовлетворяется не образомъ самимъ по себѣ, а его значеніемъ, т. е. пробуждаемыми образомъ мыслями, то художникъ, имѣя готовое значеніе, неимѣлъ бы надобности выражать его въ образѣ, а художественное произведеніе не имѣло бы важности для самого создателя". (Мысль и языкъ[2], 159). Такимъ образомъ нераздѣльность искусства съ жизнью человѣчества была бы безпричинна.

б) Еслибы готовое значеніе было вложено въ образъ, то, конечно, для сообщенія другимъ людямъ, иначе для насъ было бы безразлично, жило ли бы значеніе въ образѣ или нѣтъ. Но передачи готовой мысли невозможни. Слѣдовательно, существованіе искусства было бы безцѣльно.

---

[1]) Т. н. „общій" языкъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть только техническимъ языкомъ, п. ч. онъ предполагаетъ готовую мысль, а не служитъ средствомъ къ ея образованію. Онъ существенно прозаиченъ (безъ представленій). Но проза безъ поэзіи существовать не можетъ: она постоянно возникаетъ изъ поэзіи.

Digitized by Google

Сказанное выше о словѣ должно разумѣть о поэтическомъ произведеніи. [1])

Оно, какъ бы ни было сложно, сводится на слѣдующее. Нѣчто *(x)*, неясное для самого автора, является передъ нимъ вопросомъ. Отвѣтъ онъ можетъ найти только въ прошедшемъ своей души, въ пріобрѣтенномъ уже, или нарочно распираемомъ ея содержаніи (*A*). Въ этомъ *A*, говоря иносказательно, хотя быть можетъ не слишкомъ удаляясь отъ истины, подъ вліяніемъ вопроса „*x* (что?)“ производитъ нѣкоторое безпокойство, движеніе, волненіе; *x* отталкиваетъ изъ *A* все для себя неподходящее и привлекаетъ сродное. Это послѣднее кристализуется въ образъ *A*, сложившійся изъ бродившихъ элементовъ.

Происходитъ сужденіе „*x* есть *a* (изъ *A*) и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоеніе, заканчивающее акъ развитія.

Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ
Небесная—къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бушующее морв
Льетъ примирительный елей.

Ѳ. Тютчевъ.

Чѣмъ настойчивѣе вопросъ, чѣмъ тревожнѣе потуги рождающей мысли, чѣмъ желаннѣе успокоеніе чувства, проясненіе мысли, чѣмъ необходимѣе все это для поэта,—тѣмъ, при равенствѣ прочаго, совершеннѣе и милѣе для другихъ его произведеніе.

Тургеневъ пишетъ Л. Толстому 15 ноября 1878 г.: Радуюсь тому, что вы всѣ физически здоровы, и надѣюсь, что и „умственная“ хворь, о которой Вы пишите, прошла. Мнѣ и она была знакома: иногда она являлась въ видѣ внутренняго броженія передъ началомъ дѣла; полагаю, что такого рода броженіе совершилось

[1]) mutatis mutandis о всякомъ художественномъ и научномъ произведеніи, даже о всякомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

и въ васъ. (1-ое *собр. писемъ*). О безпокойствѣ, предшествующемъ вдохновенію, Пушкинъ,—„Египетскія ночи". *Бѣлинскій* о „Каяк. Пл." Пушкина: „Осуществить въ творческомъ произведеніи идеалъ, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ, — для поэта значитъ навсегда освободиться отъ него."

Въ доказательство схематической вѣрности сказаннаго можно бы собрать немало признаній, въ родѣ—Лермонтова:

.... „этотъ дикій бредъ
„Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ;
„Но я, разставшись съ прочими мечтами,
„И отъ него отдѣлался стихами.
(Сказка для дѣтей).

Но это некужно, такъ какъ общепризнано, что произведеніе „служитъ поворотною точкою" душевной жизни художниковъ. М. и яз.[2] 165—7.

Изъ трехъ стихій *X*, *a* и *A*, существовавшихъ въ душѣ художника, объективно и доступно посторонкимъ только *A*, т. е. совокупность внѣшней и внутренней формы, слова и образы.

О средѣ, изъ коей взято *A*, и объ *X* посторонніе могутъ судить только по догадкамъ, только по тому, что въ этихъ величинахъ есть объективнаго. Такъ, въ составѣ той среды, изъ которой возникаетъ образъ, кромѣ личныхъ условій жизни поэта, исходитъ усвоенное имъ преданіе, доступное изслѣдованію до момента этого усвоенія.

Критика, обращенная къ прошедшему даннаго образа, стремится установить его связь съ другими предшествовавшими, его родословную, вообще преемственность типовъ. Такъ, образы народной поэзіи имѣютъ родословную, теряющуюся во мглѣ вѣковъ. Точно такъ въ *X*, въ томъ вопросѣ, на который отвѣчаетъ данный образъ, опредѣлимы только доступные внѣшнему наблюденію условія жизни поэта, напр. пребываніе Пушкина и Лермонтова на Кавказѣ по отношенію къ стихотвореніямъ того и другого, изображающимъ кавказскую природу. Но все это лишь незначительно уменьшаетъ разстояніе между *X* и *A*.

Digitized by Google

X неопредѣлимо уже потому, что для самого поэта оно уясняется лишь на столько, на сколько выражается въ образѣ, т. е. лишь отчасти. Такимъ образомъ и въ личной жизни „всякое пониманіе себя“ есть непониманіе. Отсюда жалоба художниковъ на невыразимость мысли:

„Какъ сердцу высказать себя?
„Другому какъ понять тебя?
„Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
„Мысль изреченная есть ложь.
„Взрывая, возмутишь ключи:
„Питайся ими и молчи.“

Тютчевъ „Silentium“.

.... Мои дѣла
Не много пользы Вамъ узнать,
А душу можно-ль разсказать!

Лермонтовъ „Мцыри“.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ мечтатель молодой,
Какъ извы, бойся вдохновенья....
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной
Иль плѣнной мысли раздраженье....

Лермонтовъ.

Поэтъ создаетъ прежде для себя, потомъ для публики (для личныхъ цѣлей, какъ слава, деньги, и гражданскихъ). Признанія самихъ поэтовъ. *Свидѣтельства того, что поэтъ создаетъ для себя:*

Wer dem publikum dient, ist ein armes Thier;
Er quält sich ab, niemand bedankt sich dafür.

Göthes Sämtliche Werke, mit einleitungen von Carl Goedeke, IV band, Sprüche und ctr., 25 стр.

Всякое слово, хотя бы и глупое и пустое, есть актъ мысли, завершеніе ея усилія; но акты мыслей—не одинаковой цѣнности. И чѣмъ важнѣе для кого дѣятельность мысли, тѣмъ болѣе будетъ онъ цѣнить находку подходящаго слова. Такъ и въ сложной поэтической дѣятельности важность произведенія, какъ завершенія

Digitized by Google

періода для самого автора и для другихъ, будетъ замѣтна, тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе и успѣшнѣе потуги мысли. Поэтому наблюдать это явленіе слѣдуетъ въ жизни настоящихъ художниковъ, ибо „es giebt auch Afterkünstler, Dilettanten und Spekulanten: jene treiben die Kunst (только) um des Vergnügens, diese um des Nutzens willen", Goethe, Spr. 138.

Стыдливость творчества:

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Кѣмъ я любилъ, за что страдалъ:
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Лермонтовъ.

.... Тогда въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ;
И музы сладостныхъ даровъ
Неунижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрный.

1824. Пушк. Разгов. книгопрод. съ поэтомъ.

Нельзя обойтись безъ участія слушателя, книгъ безъ любви, но есть разница между жаждою любви и ея продажностью; между продажей рукописи и писаньемъ (не скажу творчествомъ) для продажи.

Художнику поэту исподоволь, нерѣдко изъ нѣсколько пріемовъ. Если настроеніе субъективно, то этими послѣдовательными пріемами обозначаются ступени самопознанія.

Всякая, не только лирическая поэзія субъективна. Поэтъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ прозаикъ, дѣйствуетъ на насъ личными свойствами.

Digitized by Google

Поэтическія произведенія автобіографичны:

Dichter gleichen Bären
Die immer an eignen Pfoten zehren.
G. Spr, 34.

Dichter lieben nicht zu schweigen,
Wollen sich der Menge zeigen;
Lob und Tadel muss ja sein!
Niemand beichtet gern in Prosa,
Doch vertraun wir oft sub Rosa
In der Musen stillen Hain.
Was ich irrte, was ich strebte,
Was ich litt und was ich lebte,
Sind hier Blumen nur im Strauss;
Und das Alter wie die Jugend
Und der Fehler, wie die Tugend
Nimmt sich gut in Liedern aus.

An die *Günstigen*—канъ предисловіе къ пѣснямъ (Göthe, Lieder). См. ниже Гете о поэтич. достоинствахъ Библіи.

„Блаженъ, кто про себя талъ
Думи высокія созданья
И отъ людей, канъ отъ могилъ,
Неждалъ за чувство воздаянья....
.... Обманчивѣй и сновъ надежды!"

т. е. на воздаянье отъ публики („Разгов. книг. съ поэтомъ").

Die grösste Achtung, die ein Autor für sein Publikum haben kann, ist, dass er niemals bringt, was man evwartet, sondern was er selbst, auf den jedesmaligen Stufe eigner und fremder Bildung, für recht und nützlich hält, Göthe, Spr. 120.

Если подъ публикой разумѣть ту часть ея, которая наиболѣе разборчиво для поэта выражаетъ свое мнѣніе, т. е. ближайтую современную ему критику, то писать для нея невозможно, ибо критика, какъ всякая наука, говорить о свершившемся; она лишь занрѣпляетъ сознаніемъ то, что сдѣлано поэтомъ. Дѣло другое— учиться у прошедшаго.

Digitized by Google

Всякое крупное поэтическое произведеніе есть новость, застающая критику и публику врасплохъ, приводящая ее въ изумленіе и недоумѣніе, нерѣдко въ заблужденіе, тѣмъ большее и болѣе продолжительное [1]), чѣмъ крупнѣе само произведеніе.

Если бы было иначе, то по правилу. „Du gleichst dem Geist, den du begreifst" произведенія поэтовъ не представляли бы для насъ ничего поучительнаго.

Eigentlich lernen wir von Büchern, die wir nicht beurteilen können. Der Autor eines Buchs, das wir beurteilen könnten, müsste von uns lernen.. Göthe, Maximen. 139.

„Es giebt, sagt man, für den Kammerdiener keinen Helden. Das kommt aber bloss daher, weil der Held nur von Helden anerkannt werden kann. Der Kammerdiener wird aber wahrscheinlich seinesgleichen zu shätzen wissen. Göthe, Spr. 152.

Тург. 1 янв. 1881: „Помните, какъ въ Спассаомъ Ян. Петр. (Полонсаій) несовѣтовалъ мнѣ печатать „Пѣснь" (торжеств. любви), не сопровождая ее другимъ моимъ очеркомъ въ прежнемъ моемъ родѣ. Онъ боялся, что публика останется совершенно равнодушной къ „Пѣсни". А вышло, что эта пѣснь имѣла неожиданный, чуть не огромный успѣхъ; и б. м. „Отчаянный" (типъ, который я нахожу знаменательнымъ въ соотношеніи съ нѣкоторыми современными явленіями) пройдетъ совершенно незамѣченнымъ. Выводъ изъ этого такой: пиши, что тебѣ на душу прійдетъ, неисправляясь заранѣе съ мнѣніями публики. Впрочемъ и долженъ отдать себѣ справедливость, что и такъ и поступалъ до сихъ поръ. Да и какъ это писать для публики? (1-е собр. писем. 399).

Послѣ „Нови" (1876) въ февр. 1878 г. Тургеневъ личнымъ опытомъ комментируетъ стих. Пушкина „Поэту" (1830 г.) „Услышишь судъ глупца".

Der appell an die Nachwelt entspringt aus dem reinen lebendigen Gefühl, das es ein unvergängliches gebe und, wenn auch

[1]) Такъ было со всѣми лучшими произведеніями русской литературы, Пушкина, Гоголя. Тургеневъ, Литературныя воспоминанія (о Рудинѣ, Накануне, Отцахъ и дѣтяхъ Дымѣ, Нови).

Digitized by Google

Digitized by Google

Sie zerren an der Schlangenhaut,
Die jungst ich abgelegt.
Und ist die nächste reif genug,
Abstreif ich die sogleich
Und wandle neubelebt und jung
Im frischen Götterreich.

Ihr guten Kinder,
Ihr armen Sünder
Zupft mir am Mantel
Lasst nur den Handel!
Ich werde wallen
Und lass' ihn fallen;
Wer ihn erwischet,
Der ist erfrischet.

G. Spr. 83—4.

Пѣвецъ—королю въ баллядѣ „Der Sänger":

„Die goldne Kette gib mir nicht,
„Die Kette gib den Rittern...
Gib sie dem Kanzler, den du hast....
Ich singe, wie der Vogel singt,
„Der in den Zweigen wohnet;
„Das Lied, das aus der Kehle dringt,
„Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Götbe.

„Süsser Wohllaut shläft in der Saiten Gold
„Der Sänger singt von der Minne Gold...
„Wie in den Lüften der Sturmwind sanst
„Man weiss nicht von wannen er kommt und braust
„Wie der Quell ans verborgenen Tiefen;
„So des Sängers Lied aus den Innern schallt
„Und wecket der *dunkeln Gefühle* Gewalt
„Die im Herzen wunderbar schliefen".

(Schiller. D. Gr. von Habsburg).

Digitized by Google

Строфы Пушкина къ „Родословной моего героя“

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На падь гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ Арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона (вар.-условій) нѣтъ.

„Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (1822 г.)—отвѣтъ аудесника:

Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ:
Прандивъ и свободенъ ихъ нѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.

„Поэту“ сонетъ 1830 г.:

Ты царь: Живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Условія царственнаго и жреческаго (Пророкъ, Поэтъ) служенія—внутреннее совершенствованіе, служеніе высшимъ цѣлямъ.

Digitized by Google

Въ послѣднее время своей жизни, Пушкинъ согласно съ своимъ мнѣніемъ о превосходствѣ эпоса надъ лирикой, стремился къ пластическому изображенію того вопроса, на который прежде отзывался болѣе лирически. *Египетскія ночи* (1835):

Раздвоеніе личности поэта: Чарскій и импровизаторъ.

Въ Чарскомъ—противоположность поэта и свѣтскаго человѣка, момента творчества и времени ему предшествующаго. Тоже въ „Поэта нетребуетъ поэта“ (1827); разница—въ способѣ изображенія.

Въ импровизаторѣ—противоположность между гордостью и независимостью, съ одной, и уничиженіемъ и продажностью, съ другой стороны. Тема ему: *„Поэтъ самъ избираетъ предметъ для своихъ пѣсенъ; толпа* (въ томъ числѣ и правительство, „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“) *не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ“*. Отвѣтомъ—(его импровизаціей) было, вѣроятно, „Чернь“ (1828)

Бѣлинскій (Тургеневъ, Литературныя воспоминанія): „Бѣлинскій не былъ поклонникомъ принципа: искусство для искусства.... Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на отсутствующаго, разумѣется, Пушкина за его два стиха въ „Поэтъ и Чернь“.

„Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь!

—„И конечно“ твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая взъ угла въ уголъ: конечно, дороже. Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю,—и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана, будь онъ распрефидіасовскій Аполлонъ, мое право, моя обязанность накормить себя и своихъ, на зло всякимъ негодующимъ баричамъ и вершеплетамъ“ Но Бѣлинскій былъ слишкомъ уменъ..... чтобы отрицать искусство.... его естественность, его физіологическую необходимость.

„Отвѣтъ анониму“, 1830 г.:

„Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный тяжкій стонъ,

Digitized by Google

И выстраданный стихъ пронзительно унылой
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она нь ладоши бьетъ и хвалитъ, нль порой
Неблагосклонною ниваетъ головой;
Постигнетъ ли пѣвца внезапное волиенье,
Утрата скорбнаи, изгнанье, заточенье,—
„Тѣмъ лучше“, говорятъ любители нскусствъ,
„Тѣмъ лучше! наберетъ онъ повыхъ думъ и чувствъ
„И намъ ихъ передастъ“. Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно.

„Изъ VI Пиндемонте“ 1836 г.:

Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшаи потребна мнѣ свобода....
Завнсѣть отъ властей, завнсѣть отъ народа—
Ие все лн намъ равно? Богъ съ нними!.... Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи....

Противоположность свободы, которой ищетъ и требуетъ поэтъ, и стѣсненій, налагаемыхъ жизнью въ обществѣ, есть только частный случай общечеловѣческаго столановенія правъ личности и среды, нпрочемъ случай, въ ноемъ это столкновеиіе наиболѣе явственно. Поэтъ можетъ настанвать на своемъ правѣ потому, что цѣль его дѣятельности не можетъ быть опредѣлена ни имъ самимъ, ни другими заранѣе. Но кѣдь и тамъ, гдѣ эта цѣль заранѣе со стороны опредѣлима, вмѣшательство въ самый способъ ея достиженія портитъ дѣло. И нзнощинъ, нанятый до мѣста, или на часъ, хочетъ, чтобы его не дергали и не мѣшали править лошадьми.

Такъ, чтецъ читаетъ конечно для слушателей, актеръ играетъ для зрителей; однако плохи они, если постоянно объ нтомъ помнятъ:

„Гоголь читалъ превосходно.... Динеисъ, тоже превосходный чтецъ, можно сказать разыгрываетъ свои романы; чтеніе его— драматичесное, почти театральное: въ одномъ его лицѣ является

Digitized by Google

нѣсколько первоклассныхъ актеровъ, которые заставляютъ васъ то смѣяться, то плакать; Гоголь, напротивъ, поразилъ меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и въ то же время наивной аспренностью, которой словно и *дѣла нѣтъ, есть ли тутъ* слушатели, а что они думаютъ. Казалось, Гоголь только и заботился о томъ, какъ бы вникнуть въ предметъ, для него самого новый, и какъ бы вѣрнѣе передать собственное впечатлѣніе. Эффектъ выходилъ необычайный, особенно въ комическихъ мѣстахъ; не было возможности не смѣяться.... а виновникъ всей этой потѣхи продолжалъ, не смущаясь общей веселостью и какъ бы внутренно дивясь ей, все болѣе и болѣе погружаться въ самое дѣло.... (далѣе разсказъ о томъ, какъ случайная помѣха портитъ настроеніе чтеца) Тург. X, 70, изд. 1891.

Свобода творчества, какъ и вообще свобода совѣсти, есть право, налагающее обязанности: „Ты самъ свой высшій судъ; Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ“.

Но знать умѣнье дѣлать, такъ и строгость и чистота оцѣнки своего дѣла, художественная, научная, нравственная совѣсть пріобрѣтаются.

„*Poetae nascuntur*, oratores fiunt:

Конечно, чтобы пѣть соловьемъ, нужно родиться соловьемъ, но даже соловьи учатся [1]).

Тургеневъ (Литературн. воспомин.): „И такъ мои молодые собратья, къ вамъ идетъ моя рѣчь: „Greift nur hinein in's volle Menschenleben! сказалъ бы и вамъ со слова нашего общаго учителя Гёте—

---

[1]) Молодыхъ соловьевъ хорошо къ старымъ подсѣживать, чтобы учились. Повѣсить ихъ надо рядомъ. И тутъ надо примѣчать: если молодой, пока старый поетъ, молчитъ и сидитъ—не шелохнется, слушаетъ—изъ того выйдетъ прокъ: въ двѣ недѣли, пожалуй, провъ будетъ; а какой не молчитъ, самъ туда же вслѣдъ за старикомъ бурлитъ, тотъ развѣ на будущій годъ запоетъ, да и то сомнительно (О соловьяхъ, Турген. Литературн. воспомин.). Замѣчено, что въ лѣсахъ и садахъ, изъ которыхъ много лѣтъ подрядъ выславливаютъ лучшихъ пѣвцовъ, остальные начинаютъ пѣть хуже (G. Freitag, Verlorene Handschrift). Оттого можетъ быть лучшими соловьями всегда считались курскіе: но въ послѣднее время они похужѣли и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева (Турген., X, 183).

Digitized by Google

Ein jeder lebt's, nicbt Vielen ist's bekannt;
Und wo ihr's packt, da ist's interessant.

Запуснайте руку (лучше я не умѣю перевести) внутрь, въ глубину человѣчесиой жизни! Всяаій живетъ ею, ае маогимъ она заанома и тамъ, гдѣ вы её схватите, тамъ будетъ интересно. Силу втого „схватываанья", этого „уловленія" жизни даетъ только талантъ, а таланта дать себѣ нельзя; но и одного таланта недостаточао. *Нужно* постоянное *общеніе со средою*, аоторую берешься воспроизводить; нужна *правдивость*, правдивость аеумолимая въ отношеніи къ собственаымъ ощущеніямъ, пужаа свобода, (уже ае только со стороны другихъ) полная свобода воззрѣній а понятій, и нааонецъ, аужна образованность, нужно знаніе!... „Ученіе" не тольао „свѣтъ"...., оао тааже и свобода. Ничто танъ не освобождаетъ человѣна, канъ знааіе,—и нигдѣ свобода тааъ ие нужна, кааъ въ дѣлѣ художества, поэзіи: недаромъ даже на казенномъ языаѣ художества зовутся „вольпымн" (опи зовутся по старой памяти: artes liberales). Можетъ ли человѣнъ „схватывать", „уловлять" то, что его онружаетъ, если онъ связанъ внутра себя? Пушаинъ это глубоао чувствовалъ; иедаромъ въ своемъ безсмертномъ сонетѣ, въ этомъ сонетѣ, аоторый каждый аачиаающій писатель долженъ вытвердить наазусть и помаать, аакъ заповѣдь, оаъ сказалъ.... „дорогою *свободной*

Иди, нуда влечетъ тебя *свободный* умъ"....

„Отсутствіемъ подобной свободы объясавется между прочамъ и то, почему иа одниъ изъ славянофиловъ, несмотря на нхъ, несомнѣиаыя дарованья (и обрвяованье), ие создали никогда анчего живого; ни одиаъ изъ нихъ не съумѣлъ снять съ себя, хоть на мгновеиье своихъ онрашенныхъ очаовъ. Но самый печальный примѣръ отсутствіи истинной свободы, проистеаающій изъ отсутствія истиинаго знааія, представляетъ намъ послѣднее проазведеніе Л. Н. Толстого („Война и Миръ"), ноторое, въ тоже время, по силѣ творческаго, поэтическаго дара стоитъ едва ли не во главѣ всего, что являлось въ нашей литературѣ съ 1840 г. Нѣтъ! безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ—въ отношеніи

Digitized by Google

къ симому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи—немыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха *дышать нельзя*.

„Что же.... до окончательной оцѣнки т. н. литературной карьеры, то и тутъ приходится вспомнить слова Гёте: „Sind's Rosen-nun, sie werden blühen". „Всякій рано или поздно попадетъ на свою полочку" говаривалъ Бѣлинскій. Уже и на томъ спасибо, коли въ свой часъ ты принесъ посильную лепту. Лишь одни избранники въ состояніи передать потомству нетолько содерженіе, но и *форму* своихъ мыслей и воззрѣній, свою личность.... Обыкновенные индивидуумы осуждены на исчезновеніе въ цѣломъ, на поглощеніе его потокомъ; но они увеличили его силу, расширили и углубили его круговоротъ—чего же больше?" (X, 110—12).

Тургеневъ Л. Н. Толстому 15 іюября 1878 г.: Хоти Вы просите не говорить о Вашихъ писаніяхъ, однако не могу не замѣтить, что мнѣ никогда неприходилось „даже немножно" смѣяться надъ вами; иныя ваши вещи мнѣ нравились очень, другія очень не нравились.... но съ какой стати снѣхъ? Я полагалъ, что вы отъ подобныхъ „возвратныхъ" ощущеній давно отдѣлались. Отчего они знакомы только литераторамъ, а не живописцамъ, музыкантамъ и прочимъ художникамъ? Вѣроятно, оттого, что въ литературное произведеніе все таки входитъ больше той части души, которую несовсѣмъ удобно показывать. Да; но въ наши уже не молодые сочинительскіе годы пора къ этому привыкнуть" (1-е собр. писемъ Тург. 338—9).

Серьозный художникъ, не диллетантъ и не спекулантъ, каждымъ актомъ творчества рѣшаетъ важную для себя задачу, и, если личность его выдается изъ ряду, то вмѣстѣ съ тѣмъ и задачу важную для современниковъ.

„Mein ganzes inneres Wirken erwies sich als eine lebendige Heuristik, welche, eine unbekannte, geahnete Regel annerkennend, solche in der Aussenwelt zu finden und in die Aussenwelt einzuführen trachtet. Göthe, Spr. 138.

Digitized by Google

Если настроеніе поэта эпическое, произведеніе его имѣетъ значеніе рѣшенія исторической задачи, и „Geschichte schreiben ist eine Art, das Vergangene vom Halse zu schaffen". (Göthe Spr. 122).

Если онъ преимущественно лириакъ (куда и сатира), онъ пишетъ исторію своей души (и косвенно исторію своего времени), и это есть для него средство саморазвитія: освобождаться отъ своихъ недостатковъ, надѣляя ими своихъ героевъ (Гоголь, Выбранныя мѣста, по поводу „Мертвыхъ душъ"). Автобіографичность лирическихъ (и сатирическихъ) произведеній, не должна быть понимаема одиосторовне: „не думай, говоритъ Гоголь, чтобъ я самъ былъ такой же уродъ, какъ мои герои".... (3-е письмо по пов. М. Д.), „Мнѣ жаль, что никто незамѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ.... Лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея, это честное благородное лицо былъ смѣхъ" (Театр. разъѣздъ).

Бѣлинскій: „Кавказскій плѣнникъ" Пушкина засталъ общество въ періодѣ его отрочества и почти на переходѣ изъ отрочества въ юношество. Главное лицо его поэмы было *полнымъ* (!) выраженіемъ этого состоянія общества. И Пушкинъ былъ самъ этимъ плѣнникомъ, но только на ту пору, пока писалъ его. Осуществить въ творческомъ образѣ идеалъ, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ,—для поэта значитъ навсегда освободиться отъ него. Это же лицо является и въ слѣдующихъ поэмахъ Пушкина, но уже не такимъ, какъ въ „Кавказсаомъ плѣнникѣ": слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаете его въ иномъ моментѣ развитія, и видите, что оно движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, и потому интереснѣе для васъ. Тѣмъ-то Пушкинъ, какъ великій поэтъ, и отличается.... отъ своихъ подражателей, что, неизмѣняя сущности своего направленія, всегда крѣпко держась дѣйствительности, которой былъ органомъ, всегда говорилъ новое...." Пушкинъ самъ о „К. плѣнникѣ": „Кавказскій плѣнникъ" первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодари

Digitized by Google

нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Н. и А. Р. и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись". Слова „характеръ, съ которымъ я насилу сладилъ" ....показываютъ, что поэтъ силился изобразить внѣ себя (объективировать) настоящее состоніе своего духа, и потому самому не могъ вполнѣ этого сдѣлать" 1844. Бѣл. соч. VIII, 440—1.

У искреннихъ поэтовъ, даже повидимому случайный образъ имѣетъ глубокое основаніе въ личной жизни. Сравн.:

„Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ унесились мы мечтой
Къ началу жизни молодой." Онѣг. I, 47.

„Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу"....и Онѣг. VII. 53:

„Ей душно здѣсь...." ока мечтой
Стремится въ жизни полевой"— разработка того же мотива „какъ въ лѣсъ зеленый". Личными обстоятельствами (Одесса, мечты о заграничной поѣздкѣ) объясняется въ I, 48 „Но слаще средь ночныхъ забавъ напѣвъ торкватовыхъ октавъ".

„Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! Взываю къ ней" (Он., I, 50) = „Узникъ":
Мы—вольныя птицы: пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора.

Сюда же „Кавказъ":

„Тереакъ играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу къ клѣтки желѣзной...."

Онѣг. VI, 46: „Дай оглянусь. Простите, сѣни" и пр.... первоначально относится къ тому, что Пушкинъ изъ Михайловскаго думалъ бѣжать за-границу. Сюда отрывокъ:

Презрѣвъ и шопотъ укоризны,
И зовъ обманутыхъ надеждъ,
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
Умолкни, сердца шопотъ сонный,
Привычки и довольства гласъ,

Digitized by Google

Прости, предѣлъ неблагосклонный,
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ и въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души....

(Къ біогр. Пушк. Изъ черновыхъ его рукописей, хранящихся въ Моск. публ. музеѣ. Русск. Арх. 1884. 5, 197).

„Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ", (1822) имѣетъ отношеніе къ Пушкину и Императору Александру I (послѣ Наполеоновск. войны): „Твой щитъ на вратахъ Цареграда.... Разговоръ волхва съ иноземъ. „Волхвы небоится и пр. Что Пушкинъ мысленно не ризъ ставилъ себя въ подобное положеніе, см. „Воображаемый разговоръ съ Императ. Алекс. Павлов." (въ серединѣ 1825 годи). Изд. Обществ. V, 37.

Гете въ одномъ мѣстѣ, подъ пониманіемъ поэтическаго произведенія разумѣетъ именно чутье того особеннаго личнаго повода, который послужилъ основой образа.

Ich bin überzeugt, das die Bibel immer schöner wird, je mehr man sie versteht, d. h. je mehr man einsieht und anschaut (и чѣмъ виглядиѣе—то) das jedes Wort, das wir allgemein auffassen und im besonderen auf uns anwenden, nach gewissen Umständen, nach Zeit und Ortsverhältnissen einen eigenen, besondern individuellen Bezug gehabt hat. (Spr. 162).

Содержаніе, превращаемое въ образъ безсознательно, (т. е. элементы А) дается предварительнымъ изученіемъ. Это содержаніе слагается изъ *самонаблюденія* и *наблюденія*.

Преувеличеніе способности *угадывать*—у Бѣлинскаго: По поводу „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ" Гоголя онъ говоритъ въ 1835 г.: „И все это не придумано, не списано съ разсказовъ или съ дѣйствительности, но *угадано* чувствомъ въ минуту поэтическаго *откровенія* (Бѣл. I, 217). Хорошо говорить объ откровеніи тому, кто вмѣшиваетъ въ дѣло поэтическаго творчества Божество, но не критику нашего времени.

Digitized by Google

„Народность, чтобъ отразиться въ поэтическомъ произведеніи, нетребуетъ такого глубокаго изученія со стороны художника, какъ обыкновенно думаютъ. Поэту стоитъ только мимоходомъ взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена имъ. Какъ малороссу, Гоголю съ дѣтства знакома жизнь малороссійская, но народность его поэзіи неограничивается одною Малороссіею. Въ его „Запискахъ сумасшедшаго", въ его „Невскомъ проспектѣ" нѣтъ ни одного хохла, все русскіе и въ добавокъ еще нѣмцы; а какими изображены имъ эти русскіе и эти нѣмцы?.... Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что, право, пора бы намъ перестать хлопотать о народности.... ибо эта народность очень похожа на „Тѣнь„ въ баснѣ; Гоголь о ней ни мало не думаетъ, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ одну тривіяльность (ib. 222).

Въ повѣстяхъ Полевого „удивительная многосторонность". „Въ „Симеонѣ Кирдяпѣ", этой живой картинѣ прошедшаго, начертанной могучей и широкой кистью, поэзія русской древней жизни еще въ первый разъ была постигнута во всей ея истинѣ".... Въ другихъ повѣстяхъ „увидите.... черты, схваченныя съ жизни.... выдержанность и оригинальность характеровъ, вѣрность положеній, которыя основываются не на разсчетахъ возможностей, но *единственно* на способности автора понимать всевозможныя положенія человѣчесаія, положенія, въ которыхъ онъ самъ можетъ быть никогда небылъ и немогъ быть. Профаны, люди непосвященные въ таинства искусства, часто говорятъ: „да, это очень вѣрно, да и немогло быть иначе: авторъ такъ много страдалъ, слѣдовательно писалъ по опыту, а не съ чужого голоса". Мнѣніе нелѣпое! Если есть поэты, которые вѣрно и глубоко воспроизводили міръ собственныхъ, извѣданныхъ ими страстей а чувствъ, собственныя страданія и радости; изъ этого еще неслѣдуетъ, чтобы поэтъ только тогда могъ пламенно и увлекательно писать о любви, когда былъ самъ влюбленъ и пр.... Отличительная черта, то.... что дѣлаетъ истиннаго поэта, состоитъ въ его страдательной и живой способности всегда и *безъ всякихъ отношеній* къ своему *образу мыслей понимать*

Digitized by Google

всякое человѣческое положеніе. И вотъ почему поэтъ такъ часто противорѣчитъ себѣ въ своихъ созданіяхъ, воспѣвая нынче прелести разгульной жизни, завтра поетъ о живомъ трудѣ и пр. (Бѣл. I, 197—8, 1834). И черезъ 10 лѣтъ (1844) Б. пишетъ „объ удивительной способности Пушкина переноситься „въ самыя противоположныя сферы жизни....“ „Превосходнѣйшія пьесы въ антологическомъ родѣ, запечатлѣнныя духомъ древнеэллинсаой музы; подражанія Корану, *вполнѣ* передающія духъ исламизма и арасоты нрабской поэзіи....“ „Пѣсни западныхъ славянъ“ болѣе, чѣмъ что-нибудь, доказываютъ непостижимый поэтическій тактъ Пушкина и гибкость его таланта. Извѣство происхожденіе этихъ пѣсенъ и продѣлка даронитаго француза Мериме, вздумавшаго посмѣиться надъ колоритомъ мѣстности.... Незнаемъ, каковы вышли на французскомъ языкѣ эти поддѣльныя пѣсни, обманувшія Пушкина; но у Пушкина онѣ дышатъ *всею роскошью мѣстнаго колорита*, и многія изъ нихъ превосходны, несмотря на однообразіе—неизбѣжное впрочемъ свойство всѣхъ народныхъ произведеній. „Подражанія Данту“ можно счесть за отрывочные переводы изъ „Божественной комедіи“, и они даютъ о ней лучшее и вѣрнѣйшее понятіе, чѣмъ всѣ доселѣ сдѣланные по руссан переводы въ стихахъ и прозѣ. „Начало поэмы“ („Стамбулъ гяуры нынѣ славятъ“) каак будто написано туркомъ нашего времени“ (Б., соч. VIII, 407—8). „Никто изъ русснихъ поитовъ неумѣлъ съ танимъ непостижимымъ иснусствомъ спрыснвать живою водою своей творчесаой фантазіи немножко дубоватые матеріалы нашихъ народныхъ пѣсенъ. Прочтите: „Жениха“, „Утопленника“, „Бѣсовъ“, „Зимній вечеръ“, и ны удивитесь, увидя, аакой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать Пушнинъ своимъ нолшебнымъ жезломъ нзъ такихъ саудныхъ стихій“ (ib. 404).

На это можно сказать: „Сладки гусиныя лапни!“—А ты ихъ ѣдалъ?—„Видалъ, кааъ дядя ѣдалъ“. Дѣтсаая заносчивость этихъ мнѣній можетъ быть лишь отчасти оправдана нѣрою въ способность апріорной философіи аъ идеальному построенію міра.

Въ 1848 г. опять: (Поэтъ) „обладаетъ способностью быстро постигать всѣ формы жизни, переноситься во всяаій характеръ, но

Digitized by Google

всякую личность, и для этого ему нужны *не опыт*, *не изученіе*, а достаточно иногда одного намека или одного быстраго взгляда. Два три факта,—и его фантазія возстановляетъ цѣлый отдѣльный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ жизни, со всѣми его условіями и отношеніями, со свойственнымъ ему колоритомъ и оттѣнками. Такъ Кювье *наукою* (!) дошелъ до искусства по одной ископаемой кости возстановлять умственно цѣлый организмъ животнаго, которому она принадлежала. Но тутъ дѣйствовалъ геній, развитый и вспомоществуемый наукою; поэтъ же преимущественно опирается на свое чувство, на свой поэтическій инстинктъ". Бѣл. соч. XI, 375—80.

Это сравненіе говоритъ однако нѣчто другое. Поэту, какъ палеонтологу, нужно предварительное *изученіе*.

Гоголь, (Авторск. Исповѣдь): „Ни я самъ, ни мои сотоварищи (школьные).... не думали, что мнѣ прійдется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ своими шутками; хотя въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но *угадать* человѣка, т. е. угадкть, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самого склада и образа его мыслей и рѣчей.... „На меня находили припадки тоски....[1]) ....Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣлкомъ смѣшныя лица и характеры, поставлял ихъ мыслено въ самыя смѣшныя положенія, вовсе незаботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза"....[2])

Затѣмъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что для достиженія высшихъ цѣлей поэзіи необходимо знаніе души человѣческой и нравственное усовершенствованіе:

---

[1]) по деревнѣ, по родинѣ.... Письма къ матери, Максимовичу.

[2]) Свѣдѣній о Малороссіи онъ имѣлъ мало. Проситъ свѣдѣній у матери и сестры. Описаніе степи—по наслышкѣ.

Digitized by Google

„Я увидѣлъ.... математически ясно, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка нельзя по воображенью: нужно ясно заключить въ себѣ самомъ хоть небольшую крупицу этого,—словомъ, нужно сдѣлаться лучшимъ“.... ib.

Далѣе, когда „жажда знать человѣка вообще удовлетворилась, во мнѣ родилось желаніе сильное знать Россію.... Я сталъ знакомиться съ людьми, отъ которыхъ могъ чему-нибудь научиться и разузнать, что дѣлается на Руси.... я старался завести переписку съ такими людьми, которые могли мнѣ-что нибудь сообщить.... Все это было мнѣ нужно не затѣмъ, чтобы въ головѣ моей небыло ни характеровъ, ни героевъ: ихъ было у меня уже много; они выработались изъ познанія природы человѣческой гораздо полнѣйшаго, чѣмъ какое было во мнѣ прежде; но свѣдѣнія эти мнѣ, просто, нужны были, какъ *нужны этюды съ натуры* художнику, который пишетъ большую картину своего собственнаго сочиненія. Онъ непереводитъ этихъ рисунковъ къ себѣ на картину, но развѣшиваетъ ихъ вокругъ по стѣнамъ, затѣмъ, чтобы держать передъ собою неотлучно, чтобы непогрѣшить ни въ чемъ противъ дѣйствительности, противу времени, или эпохи, какая имъ взята. *Я никогда ничего несоздавалъ въ воображеніи* и неимѣлъ этого свойства. *У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной* изъ дѣйствительности, *изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ*. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я *никогда неписалъ* портрета, въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, создавалъ его вслѣдствіе *соображенія*, а *не воображенія*. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображенье, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданье. Мнѣ нужно было знать гораздо больше сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ, потому что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, непринять въ соображенье,— и ложь у меня выступала рѣзче, нежели у другого. Этого я никакъ немогъ объяснить никому, а потому и никогда почти неполучалъ такихъ писемъ, какихъ я желалъ. Всѣ только удивлялись тому, какъ могъ я требовать такихъ мелочей и пустяковъ,

Digitized by Google

тогда какъ имѣю такое воображеніе, которое можетъ само творить и производить. Но воображенье мое до сихъ поръ неподарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и несоздало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ. IV, ib. 266—7, изд. X-ое.

....„Нынѣ избранные характеры и лица моего сочиненія (2-я ч. М. Д.) крупнѣе прежнихъ. Чѣмъ выше достоинство взятаго лица, тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ осязательнѣе нужно выставить его передъ читателемъ. Для этого нужны всѣ тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ; иначе оно станетъ идеальнымъ, будетъ *блѣдно* и, сколько ни навяжи ему добродѣтелей, будетъ все ничтожно. Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самаго тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и какъ бы его собственное тѣло. Тогда только сливается онъ самъ со своимъ героемъ, и *нечувствительно принимаетъ отъ него тѣ внушенія, которыхъ никакимъ разсужденіемъ и никакою проповѣдью невнушишь.* Это полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умѣ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрязгъ жизни: когда, содержа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ его все тряпье до малѣйшей булавки, которое нужится ежедневно вокругъ человѣка,—словомъ, когда соображу все отъ мала до велика, ничего непропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, т. е. способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. (IV, 263).

Тургеневъ—о необходимости писать съ натуры (по поводу „Отцовъ и дѣтей“, „Наканунѣ“: „исходною точкою не идею, а живое лицо“).

Полонскому, 1869: „Я очень хорошо понимаю, что мое постоянное пребываніе за-границей вредитъ моей литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что пожалуй и совсѣмъ её уничтожитъ; но этого измѣнить нельзя. Такъ какъ я въ теченіе моей сочини-

Digitized by Google

тельской карьеры никогда неотправлялся *отъ идей*, а всегда отъ *образовъ* (самому даже Потугину лежитъ въ основаніи извѣстный образъ): то при болѣе и болѣе оказывающемся недостаткѣ *образовъ* музѣ моей не съ чего будетъ писать свои картинки. Тогда я кисть подъ замокъ, и буду смотрѣть, какъ другіе подвизаются". (I-е собр. писемъ 154, та же мысль ib 195—6. (1871 г.), 329, 339 (1878).

Публика.... какъ всякая старушка.... упорно придерживается ходячихъ или предвзятыхъ мнѣній, какъ бы они ни были неосновательны. Напр., она постоянно утверждаетъ, что послѣ „Зап. Ох." всѣ мои сочиненія плохи вслѣдствіе моего отсутствія изъ Россіи, которую я, будто бы поэтому, и знать немогу. Но этотъ упрекъ можетъ относиться только къ тому, что я написалъ послѣ 63 года: до того временя (т. е. до моего 45-лѣтняго возраста) я почти безвыѣздно жилъ въ Россіи, за исключеніемъ 1848—50 годовъ, въ теченіе которыхъ я написалъ именно „Записки охотника", между тѣмъ какъ „Рудинъ", „Дворянское гнѣздо", „Наканунѣ" и „Отцы и дѣти" написаны въ Россіи...." 1-е собр. писемъ 238—9. Ср. *Гоголь*, о воспитаніи себя для Россіи внѣ Россіи, о потребности уединенія, сосредоточенія, потребности отодвинуть современное въ прошедшее. Авт. исп., IV, 259.

Объективный писатель. „Если васъ изученіе человѣческой физіономіи, чужой жизни интересуетъ *больше*, чѣмъ изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей; если напр. вамъ *пріятнѣе* вѣрно и точно передать наружный видъ нетольно человѣка, но простой вещи, чѣмъ красиво и горячо высказать то, что вы ощущаете при видѣ этой вещи, или этого человѣка,—значитъ вы объективный писатель и можете взяться за повѣсть или романъ. Что же касается до труда, то безъ него, безъ упорной работы, всякій художникъ непремѣнно останется диллетантомъ; нечего тутъ ждать такъ называемыхъ благодатныхъ минутъ вдохновенія; придетъ оно—тѣмъ лучше; а ты все-таки работай. Да нетолько надъ своей вещью работать надо, надъ тѣмъ, чтобы она выражала именно то, что вы хотѣли выразить, и въ той мѣрѣ, и въ томъ

Digitized by Google

видѣ, какъ вы этого хотѣли: нужно еще читать, учиться безпрестанно, вникать во все окружающее, стараться не только уловить жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и понимать ее, понимать тѣ законы, по которымъ они движется, и которые невсегда выступаютъ наружу; нужно сквозь игру случайностей добиться до типовъ—и со всѣмъ тѣмъ всегда оставаться вѣрнымъ правдѣ, недовольствоваться поверхностнымъ изученіемъ, чуждаться эффектовъ и фальши. Объективный писатель беретъ на себя большую ношу; нужно, чтобы его мышцы были крѣпки.... Прежде я такъ работалъ, и то невсегда; теперь я облѣнился да и устарѣлъ (1-е Собр. Пис. 295).

Противорѣчіе между „*для себя*“ (для внутреннихъ цѣлей, для удовлетворенія потребности самого автора) и „*для другихъ*“, (для внѣшнихъ цѣлей, какъ деньги, слава, гражданское служеніе), какъ и противорѣчіе между процессомъ созданія (ἐνέργεια) и созданнымъ (ἔργον) и отношеніемъ автори къ тому и другому, непримиримы, лишь пока разсматриваются, какъ одновременные моменты. Въ дѣйствительности они разновременны.

Процессъ творчества и *созданное*:

„Dir warum doch verliert
Gleich alles Wert und Gewicht?“
—Das Thun interessiert,
Das Gethane nicht.
Göthe. Spr. 42.

Das Rechte, das ich viel gethan,
Das ficht mich nun nicht weiter an;
Aber das Falsche, das mir entschlüpft,
Wie ein Gespenst mir vor Augen hüpft. G. Spr. 30,

потому что вѣрное—закончено, ошибочное—еще нѣтъ (см. ниже о томъ что поэтическія созданія заканчиваютъ собою періоды развитія). [1])

[1]) Созданіе „Фауста“ Гете относится ко времени между 1769 г. (Гретхенъ раньше) и 1831 (окончаніе 2-й части).

Digitized by Google

У Пушк. Книгопродавецъ—поэту:

Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло намъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Пониманіе (критика). Формальность поэзіи.

Разъ созданный образъ освобождается изъ-подъ власти художника, является чѣмъ-то постороннимъ для него самого (Мысль и языкъ[2], 186). Объяснян свое произведеніе (измѣнія a, общее между A и x), онъ становится уже въ ряды критиковъ и можетъ ошибаться вмѣстѣ съ ними. Поэтому такія объясненія, стоящія внѣ самаго произведенія, бываютъ иногда ненужны, даже комичны, какъ подпись подъ картиной „се лева, не собака". (Этого случая не слѣдуетъ смѣшивать съ параллелизмомъ мысли, заключеннымъ въ самомъ произведеніи). Во всякомъ случаѣ цѣнность поэтическаго произведенія, его живучесть,—т. е. то, что, наприм. цѣлые вѣка „пјесма иде отъ уста до уста", образная пословица рѣшаетъ споры, служитъ правиломъ жизни,—зависитъ не отъ того неопредѣленнаго x, которое стояло въ видѣ вопроса передъ авторомъ въ моментъ созданія; не отъ того объясненія, которое даетъ самъ авторъ или постоянный критикъ, не отъ его цѣлей, а отъ силы и гибкости самаго образа [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть доказано, что вліяніе художественнаго произведенія, напр., на измѣненіе общественной жизни вовсе невходило въ намѣренія ихъ автора, который заботился только о созданіи образовъ, былъ поглощенъ, какъ Гоголь, дѣломъ своей души.

---

[1]) Быть можетъ...,
Его умолкнувшая лира
Гремучій непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла.
(Онѣг. VI, 87).

Digitized by Google

Какъ слово своимъ представленіемъ побуждаетъ понимающаго создать *свое* значеніе, опредѣляя только направленіе этого творчества; такъ поэтическій образъ въ каждомъ понимающемъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ пониманія вновь и вновь создаетъ себѣ значеніе. Каждый разъ это созданіе (конечно, не въ чудесномъ смыслѣ рожденія изъ ничего, а въ смыслѣ извѣстной кристаллизаціи находящихся въ сознаніи стихій) происходитъ въ новой средѣ и изъ новыхъ элементовъ.

Выводъ изъ этого для способа объясненія поэтическихъ произведеній въ школѣ: объяснять составъ и происхожденіе внѣшней и внутренней формы, приготовляя только слушателя къ созданію значенія. Кто разъясняетъ идею, тотъ предлагаетъ свое собственное научное или поэтическое произведеніе.

Свойство поэтическаго произведенія—относительная неподвижность образа (*A*) *и измѣнчивость его значенія* x_1, x_2, x_3 и пр. т. е. то, что оно при каждомъ случаѣ пониманія вновь оживаетъ, стало быть, какъ языкъ, по словамъ Гумбольдта, есть столько же произведеніе (ἔργον), сколько дѣятельность (ἐνέργεια). Этимъ объясняется, „почему произведенія темныхъ вѣковъ сохраняютъ свое художественное значеніе во времена высокаго развитія, до тѣхъ поръ, пока неисчезаютъ изъ памяти людей тѣ черты, изъ коихъ сложены ихъ образы“.

Такимъ образомъ, утвержденіе, что сочетаніе и полное соотвѣтствіе образа и идеи находятся въ самомъ художественномъ произведеніи, есть миѳъ. Миѳъ, что все то, къ чему примѣнялась образная пословица въ теченіе вѣковъ, заключено въ ней самой—не менѣе сказочно, чѣмъ превращеніе стихотворнаго размѣра въ сокола, похищающаго божественный напитокъ. Это случай перенесенія субъективнаго явленія въ объектъ.

Столь же странно притязаніе, чтобы поэтическія произведенія говорили то самое, что вздумается сказать по ихъ поводу намъ. Вѣдь насъ много, а толкуемый нами образъ одинъ! Говоритъ: „Русскіе романы и повѣсти никогда нестояли на высотѣ русской

Digitized by Google

критики (разумѣется критика, обращенная не къ объективному прошедшему данного произведенія, т. е. не къ происхожденію и ближайшему значенію заключенныхъ въ немъ образовъ, а къ настоящему, т. е. къ значенію этихъ образовъ для насъ). Критика уясняла беллетристическія произведенія не только читателямъ, но и самымъ авторамъ; нерѣдко она говорила то, что авторъ и не думалъ говорить. Такъ Добролюбовъ въ „Темномъ царствѣ“ повторилъ басню объ Орлѣ и Паукѣ и унесъ съ собою на облака Островскаго, который никогда не предполагалъ улетѣть такъ высоко“. (Дѣло, 1875, іюнь).

То, что принято здѣсь за превосходство критики предъ художественнымъ произведеніемъ, есть дѣйствіе самихъ произведеній. Поэтому, когда „критика во имя критическихъ требованій объявили войну „художественности“ и начали цѣнить литературныя произведенія не по талантливости ихъ исполненія, и по ихъ содержанію, по силѣ идеѣ, по ихъ прогрессивнымъ мыслямъ“ (ib), то они повторили басню о свиньѣ, которая подрывала дубъ, нижвшись подъ нимъ желудей. Ср. Гёте:

„Sie wollten dir keinen Beifall gönnen,
Du warst niemals nach ihrem Sinn!“
—Hätten sie mich beurtheilen können,
So wär' ich nicht, was ich bin. Spr. 81.

Формальность поэзіи. Упреки художественнымъ произведеніямъ и ихъ авторамъ могутъ быть однако и справедливы. Ибо много ошибочнаго въ представленіи всякой поэтической дѣятельности „священною жертвою“, и поэта — „жрецомъ и вѣщимъ“ (польск. wieszcz), поэтическаго возбужденія — „вдохновеніемъ“ (inspiratio), „наитіемъ, посѣщеніемъ демона“ „божественнымъ глаголомъ“.

Мнѣніе, что „настоящее поэтическое произведеніе должно быть хорошо и плодотворно, и что если оно не таково, то оно непоэтично, столь же дѣтское, какъ и распространенный у насъ способъ выраженія: „это научно“ или „ненаучно“. Раздиватели этихъ эпитетовъ какъ будто думаютъ, что наука сидитъ въ ихъ

Digitized by Google

самихъ, или что она имъ тетка или сестра, уполномочившая ихъ для выборовъ. Произведеніе можетъ быть совершенно ложно и для своего и для всѣхъ послѣдующихъ временъ и тѣмъ неменѣе научно. И лучшія произведенія современемъ оказываются ложными. Но куда же ихъ отнести, какъ не къ наукѣ?

Поэзія, какъ и наука, есть лишь способъ мышленія, употребляемый взрослыми и дѣтьми, цивилизованными и дикими, нравственными и безнравственными. Она не только тамъ, гдѣ великія произведенія, (какъ электричество не тамъ только, гдѣ гроза), а какъ видно уже изъ ея эмбріональной формы, т. е. слова, вездѣ, ежечасно и ежеминутно, гдѣ говорятъ и думаютъ. Ея опредѣленіе не должно заключать въ себѣ никакихъ указовъ на содержаніе и достоинство образа.

Поэзія есть преобразованіе мысли (самого автора, а затѣмъ всѣхъ тѣхъ, которые (иногда многіе вѣка) примѣняютъ его произведеніе), *посредствомъ конкретнаго образа, выраженнаго въ словѣ*, иначе: „*она есть созданіе сравнительно обширнаго значенія при помощи единичнаго* сложнаго (въ отличіе отъ слова) ограниченнаго *словеснаго образа* (знака)".

Это неполное опредѣленіе. Какъ первичное созданіе поэтическаго образа, такъ и пользованіе имъ (вторичное созданіе) сопряжено съ извѣстнымъ волненіемъ, иногда столь сильнымъ, что оно становится замѣтнымъ постороннему наблюдателю: „Лицо его (импровизатора) страшно поблѣднѣло; онъ трепеталъ, какъ въ лихорадкѣ; глаза его засвераали чуднымъ огнемъ; онъ.... отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота". (Пушкинъ, Ег. ночи, гл. III).—Это чувство отлично отъ того, которое сопровождаетъ болѣе спокойное отвлеченное мышленіе, хотя между тѣмъ и другимъ существуютъ среднія ступени.

Отмѣтивъ необходимость 3-хъ моментовъ во всякомъ поэтическомъ произведеніи (А, х, а), слѣдуетъ помнить, что конкретности, образности недостаточно; въ противномъ случаѣ яркія сновидѣнія были бы художественнымъ творчествомъ.

Digitized by Google

Поэтичность содержанія. Идеальность въ поэзіи и наукѣ.

Риторичность,—стремленіе сознательно изображать содержаніе чертами далекими отъ дѣйствительности, возвеличивающими ее, основана на cum hoc ergo propter hoc. Гёте: „Der Schulmann, indem er lateinisch zu schreiben und zu sprechen versucht, kommt sich höher und vornehmer vor, als er sich in seinem Alltagsleben dünken darf. Sprüche, 161. Рабское изученіе образцовъ приводитъ къ заключенію, что впечатлѣніе, производимое ими, не можетъ существовать безъ средствъ, которыми въ нихъ. Такимъ образомъ возникаетъ манера. Отсюда между прочимъ ложно-классическіе пріемы. Освобожденіе отъ манеры есть освобожденіе личности. Новая русская поэзія—съ Ломоносова до насъ—представляетъ интересъ такого освобожденія.

Объ этомъ—Бѣлинскій, VIII, 210: Всё это (стрѣлы, мечи, копья, щиты и пр. въ „Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ")—признакъ риторики; ибо поэзія проста: они не чуждается *обыкновенныхъ* предметовъ дѣйствительности, не боится сдѣлаться отъ нихъ прозою, но *поэтизируетъ* самыя *прозаическія вещи*". Здѣсь, какъ и ниже, предполагается какая-то особая „*поэтичность содержанія*": „Заслуга Жуковскаго:... далъ возможность содержанія для русской поэзіи (VIII, 349). „Пушкинъ.... употребилъ стихъ: „Но тынъ взоръ кровавой дикой...." Изъ прежнихъ поэтовъ, едва-ли бы кто неиспугался пошлости и прозаичности этого слова (тынъ)" (VIII, 325). *Есть прозаическіе предметы:* „замѣтимъ еще его (Пушкина) удивительную способность дѣлать поэтическими самые прозаическіе предметы. Что, напримѣръ, можетъ быть прозаичнѣе выѣзда въ саняхъ франта, въ сюртукѣ съ бобровымъ воротникомъ? Но у Пушкина это—поэтическая картина:

Ужъ темно: въ санки онъ садится:
Пади! пади! раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.

Digitized by Google

VIII, 337, и друг. пр. 338 (Одесская грязь), 442 (Черкешенка учитъ плѣнника языку ея родины) [1]).

Отождествленіе искусства съ дѣйствительностью мы находимъ въ утвержденіяхъ, что „жизнь—поэзія", „мѣстность—живописна". Ландшафтная живопись усовершенствована не въ Швейцаріи или другой странѣ, изобилующей такъ называемыми красотами природы.... Русскіе поэты, Марлинскій, Пушкинъ, Лермонтовъ и особенно Грибоѣдовъ, не красотамъ кавказской природы обязаны своими произведеніями.

„Искусство—подражаніе природѣ"—не примѣнимо къ архитектурѣ и музыкѣ. Доля правды есть однако въ этомъ утвержденіи. Какъ въ жизни отдѣльныхъ художниковъ, такъ и въ исторіи художественныхъ школъ различаютъ періоды изученія природы, которымъ мы обязаны лучшими произведеніями, и періоды, когда люди отворачиваются отъ природы или поставляютъ цѣлью подражаніе себѣ и другимъ (отсюда манерность, риторичность). (Тенъ Чтен. объ искусствѣ 10—4). Безусловное подражаніе не есть цѣль искусства. (Тенъ ib. 14—6). Художественное произведеніе подражаетъ лишь взаимнымъ отношеніямъ и зависимости частей въ предметахъ (ib. 16—7.) Оно измѣняетъ эти отношенія, выдвигая впередъ признакъ, служащій представителемъ или замѣстителемъ многихъ другихъ. (ib., 18 слѣд.). Такой признакъ (resp. признаніе) называютъ существеннымъ.

Это м. б. справедливо лишь съ дополненіемъ „существенный лишь для извѣстной точки зрѣнія", и не безусловно. Эта существенность не выраженіе неизвѣстной „сущности вещи", а субъективный актъ объединенія признаковъ, дѣйствительная связь коихъ намъ неизвѣстна. Поэтому художественное произведеніе даетъ всегда лишь одностороннее неполное познаніе предмета и явленія. Хвастливо-легкомысленно утверждать, что въ языкѣ, (resp. въ живописи, поэзіи) *вполнѣ* отразился вѣкъ, народъ. Запахъ можетъ нимъ

[1]) Это даетъ поводъ остановиться на отношеніи поэзіи (resp. искусства) къ дѣйствительности.

Digitized by Google

напомнить весь цвѣтокъ, но только, если онъ былъ намъ раньше извѣстенъ. Изъ запаха мы неможемъ вывести формы растенія.

Никакой живописецъ или ваятель несоздалъ бы изображенія льва, еслибы ему былъ данъ лишь признакъ, выдаваемый за сущность, а въ дѣйствительности являющійся лишь блѣднымъ отвлеченіемъ: „большое четвероногое хищное животное", или фигура: „пасть, поднявшаяся на четыре лапы;" ни Фальстафа—изъ сластолюбія или хвастливости. Языкъ, или поэзія или искусство—только одна изъ дѣятельностей человѣка. Лишь совокупность проявленій даетъ внутренній міръ человѣка. Но одному нельзя узнать всѣхъ. Искусство сводитъ разнообразіе явленій къ относительно немногимъ символическимъ формамъ (образамъ; музыкальная пьеса—образъ настроенія ея создателя.) Но есть разница въ способахъ идеализаціи. См. замѣтку Пушкина о характерахъ Мольера и Шекспира, сравненіе способовъ идеализаціи романскихъ и германскихъ народовъ, Вогюэ, Revue de d. m. 1884. Juillet, 2, 276—7.

Требуютъ правды отъ художественнаго произведенія. Что такое эта правда? Тенъ: „Un caractère essentiel..... c' est une qualité, dont toutes les autres, ou du moins beaucoup d'autres, derivent suivant des liaisons fixes, (Philos. de l'art" I [3], 37). Т. о. свойства льва выводятся изъ того, что онъ большое плотоядное (но и тигръ и крокодилъ?); свойства Голландіи (ib 38—41)—изъ того, что она *аллювіальная* страна (но по низовья Днѣпра, Волги, Нила?) Vous devinez maintenant, et par la *seul* force du raisonnement, l'aspect du pays.... ib 39. — C'est lui (le caractère fondamental) que l'art a pour but de mettre en lumière, et, si l'art entreprend cette tâche, c'est que la nature n'y suffit pas. Car dans la nature le caractère n' est que dominant; il s'agit dans l'art de le rendre dominateur. (42)

То, что изъ *X* (объясняемаго) выдвигается извѣстная черта, зависитъ отъ свойства *A* (объясняющихъ компленсовъ), т. е. *существенный* (!) характеръ—субъективенъ. Въ объясняемомъ, если вообразимъ себѣ его объективно существующимъ, нѣтъ черты, изъ которой par la seul force du raisonnement можно было бы

Digitized by Google

нывести всѣ остальныя, ибо каждый признакъ (напр. аллювіяльность страны) есть произведеніе множества другихъ признаковъ и измѣняется, смотря по этому множеству. Поставить аллювіяльную страну подъ другую широту и долготу, населить ее другимъ племенемъ, или дать тому же племени другую исторію, другое сосѣдство к пр., и мы получимъ не Голландію. Такимъ образомъ чистое самообольщеніе, когда намъ кажется, что свойства Голландіи мы вывели изъ одного существеннаго признака—аллювіяльности.

Изъ односторонности художественныхъ произведеній вытекаетъ, что самое пользованіе ими предполагаетъ извѣстное предварительное знаніе предметовъ, которые оно изображаетъ. Отсюда необходимость комментаріевъ для извѣстныхъ устарѣвшихъ или неродныхъ намъ произведеній. Отсюда возможность того, что старѣютъ даже совершеннѣйшія произведенія.

„Le grand malheur du realisme, c'est qu'il faut connaître le milieu reproduit pas le photographe pour apprecier le mérite de ses chefs-d'oeuvre, qui est dans l'exacte ressemblance. La description des courses de Zarckoé selo, qui a charmé tous les lecteurs russes, risque de vous laisser aussi indifférent, que le seraient les Moscowites pour la brillante description du grand prix de Paris dans Nana. Вогюэ, Revue d. d. m. 1884, juillet 2-me l., 299.

Объ отношеніи искусства къ природѣ и наукѣ:—Бѣлинскій: „Ландшафтъ, созданный.... талантливымъ живописцемъ, лучше всякихъ живописныхъ видовъ въ природѣ". Бѣл. IV, 269.

„Въ наукѣ и искусствѣ дѣйствительность болѣе похожа на дѣйствительность, чѣмъ въ самой дѣйствительности, и художественное произведеніе, основанное на вымыслѣ, выше всякой были [1]); а историческій романъ Вальтеръ Скотта въ отношеніи къ нравамъ, обычаямъ, колориту и духу извѣстной страны, *достовѣрнѣе* всякой исторіи, ib 271 (Сюда же „Пушкинъ вполнѣ Испанецъ въ „Донъ Жуанѣ" и пр.). Гёте иначе: Die frage: wer höher steht, der Historiker

[1]) Бѣлинскій здѣсь согласенъ съ Шеллингомъ, Шевыревъ „Теорія поэзіи въ историческ. развитіи." 163—4.

Digitized by Google

oder der Dichter? darf dar nicht anfgewnrfen werden; sie knnkurrieren nicht miteinander, so wenig als der Wettläufer nnd der Faustkämpfer. Jedem gehübrt seine eigene Krone". Göthe Sprüche Max. und. Reflex., 147—какъ совѣтъ—познай себя (свои силы и средства), протягивай ножки по одежкѣ, а то—„бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ".

Объ *идеальности* искусства, отношеніи его къ дѣйствительности—Гёте:

Das Zufällig-Wirkliche, an dem wir weder ein Gesetz der Natur, noch der Freiheit für den Augenblick entdecken, nennen wir das *Gemeine*, Göthe., Spr, 122.

Das Schöne ist eine Manifestation geheimer Naturgesetze, die [1]) uns ohne dessen Erscheinung ewig wären verborgen geblieben, ih. 130.

Wem die Natur ihr offenbares Geheimniss zu enthüllen anfängt, der empfindet eine unwiderstehliche Sehnsucht nach ilrer würdigsten *Auslegerin*, der Kunst. ib. Spr. 132.

Erst hört man von Natur und Nachahmung derselben, dann soll es eine schöne Natur geben. Man soll wählen; doch wohl das Beste und woran soll mau's erkennen? Und wo ist denn die Norm? Doch wohl nicht auch iu der Natur?.

Und gesetzt, der Gegenstand wäre gegeben, der schönste Banm im Walde, der in seiner art als vollkommen auch vom Förster anerkannt würde. Nun, um den Baum in ein Bild zu verwandeln, geh

---

[1]) Красота есть обнаруженіе тайныхъ законовъ природы, которые, если бы они намъ не явились, остались бы на-вѣки скрытыми.

Такъ и красота рѣчи, сказывающаяся въ рѣчи мѣрной, есть ощутительное указаніе на *согласіе* ея *стихій* между собою, на ея *чувствительность* къ измѣненіямъ мысли, на свойства, которыя трудно поддаются разсудочному описанію. Красота извѣстнаго стихотворенія со стороны языка есть для насъ нѣчто несомнѣнное. Объясненіе условій этой красоты есть лишь искомое.

— Объективнымъ мѣриломъ красоты служитъ согласіе въ ея оцѣнкѣ различныхъ слоевъ и поколѣній.

Такъ писавшіе языкомъ безобразнымъ съ нашей точки зрѣнія до XVIII в. включительно лично могли находить этотъ языкъ прекраснымъ (напр. противопоставляя „высокій славянскій діалектъ" „просторѣчію" какъ грубому); но ихъ мѣра мала сравнительно съ тою, по которой мы, согласно съ древними греками, говоримъ о красотѣ поэзіи Гомера, или, согласно съ творцомъ народныхъ пѣсенъ, признаемъ красоту этихъ послѣднихъ.

Digitized by Google

ich um ihn herum und suche mir die schönste Seite. Ich trete weit genug weg, um ihn völlig zu übersehen: ich warte ein günstiges Licht ab, und nun soll von dem Naturbaum noch viel auf das Papier übergegangen sein! Der Linie mag das glauben; der Künstler hinter den Kulissen seines Handwerks sollte aufgeklärter sein. Gerade das, was ungebildeten Menschen am Kunstwerk als Natur auffällt, das ist nicht Natur (von aussen), sondern der Mensch (Natur von innen). Объ идеальности поэтическаой (и вообще художественнаго образа) см. Мысль и языкъ, 2 изд. стр. 190—191.

Яблоко, которое я вижу, держу, нюхаю, ѣмъ, не выдумано мною, но оно существуетъ для меня настолько и въ такомъ видѣ, насколько и какъ оно воспринимается мною, и насколько эти воспріятія вызываютъ прежнія или сходныя воспріятія и мысли.

Вообще все то, что мы называемъ міромъ, природою, что мы ставимъ внѣ себя, какъ совокупность вещей, дѣйствительность, и самое наше *я* есть сплетеніе нашихъ душевныхъ процессовъ, хотя и не произвольное, а вынужденное чѣмъ-то находящимся внѣ насъ. Въ этомъ смыслѣ все содержаніе души можетъ быть названо идеальнымъ. Но въ этой всеобъемлющей идеальности мы различаемъ низшія и высшія теченія: сырые матеріалы и продукты различной степени сосредоточенности. Въ тѣсномъ смыслѣ только эти сырые матеріалы наиболѣе субъективные, наименѣе выразимые, называемъ реальными, а мысль—идеальною. Въ этомъ уже заключено, что мысль, все равно, художественная или научная, также неможетъ быть тождественна съ дѣйствительностью, какъ спиртъ и сахаръ съ зерномъ, картофелемъ и свекловицей. Требованіе, чтобы искусство было подражаніемъ природѣ, т. е. той же дѣйствительности, похоже на требованіе, чтобы высшіе организмы питались не сосредоточенной пищей и не химическими продуктами, а какъ земляные черви—даже больше: чтобы при питаніи небыло претворенія веществъ въ болѣе тонкія и нужныя, т. е. чтобы самого питанія небыло. Если бы это требованіе было исполнено, оно было бы безцѣльно, ибо зачѣмъ подражаніе, когда есть сама природа?

Digitized by Google

Толки объ объективно прекрасномъ и также о томъ, что и *жизнь* со сионим мѣлочаин—такой *художественный факт*ъ, что неумѣлая художественность скорѣй ослабляетъ ея впечатлѣніе, чѣмъ концентрируетъ его (Дѣло 1875, VII. Ст. Языкова), основаны на qui pro quo. Если жизнь (природа, дѣйствительность) есть художественный, то она же и научный фактъ. Такимъ образомъ прійдемъ аъ ненужности науки. Но дѣйствительность въ смыслѣ низшихъ сферъ душевной дѣятельности человѣка, соотвѣтствующихъ душевной дѣятельности животныхъ, ни художественна, ни научна.

Каждый разъ, аогда намъ кажется, что природа непосредственно производитъ на насъ художественное впечатлѣніе, между этими впечатлѣніими в природою стоитъ нѣчто весьма сложное; ибо тотъ взглядъ, результатомъ ноего является нынѣшнии пейзажная живопись, былъ недоступенъ даже живописцу XVI вѣка, ие говоря уже о болѣе раннемъ времени.

Wenn Künstler von Natur sprechen, so intelligieren sie immer die Idee, ohne sich's deutlich bewusst zu sein. Göthe Spr.

Требоваиіе, чтобы исаусство было подражаніемъ природѣ, заключаетъ въ себѣ другое: чтобы стремленіе аъ совершенству въ искусствѣ было стремленіемъ аъ унвчтоженію разинцы между произведеніемъ искусства и природы, между сахаромъ и свеклоницей. Но нскусство и прнрода несоизмѣримы.

„Какъ понидимому ни иелѣпа мысль французсаихъ эстетиаовъ прошлаго столѣтіи, что искусство должно уарашать природу, ио въ ней есть своя часть истины; тольао они не понили самнхъ себи и, по разсудочному протнворѣчію, отрицая простое списываніе съ природы, прииняли подражаніе прнродѣ, хоти и уарашенной. И если ихъ подражанія были манерны, нскусственны и мертвы, то ие дальше ихъ ушли и эти quasi-романтичесаіи списыванія съ иатуры, въ которыхъ красуются мужицаіи побранки и поговораи во всей ихъ неопритной естественности“. Бѣлинсаій, IV, 267.

„Науаа отвлеааетъ отъ фактовъ дѣйствительности ихъ сущиость—идею; а нсаусство, завмствуя у дѣйстнительности матеріалы,

Digitized by Google

возводитъ ихъ до общаго, родового, типическаго значенія, создаетъ изъ нихъ стройное цѣлое". Бѣл., IV, 267.

„Къ живописи примѣняется то же, что и къ литературѣ,— ко всякому искусству: кто всѣ детали передаетъ — пропалъ; надо умѣть схватывать однѣ характерастическія детали. Въ этомъ одномъ и состоитъ талаатъ а даже то, что называется творчествомъ". Тургеневъ, 1-ое собр. писемъ, 490.

Поэзія (искусство), какъ и наука, есть *толкованіе* дѣйствительности, ея переработка для новыхъ, болѣе сложныхъ, высшихъ цѣлей жизни. Степень совершенства этой дѣятельности, имѣющая только временную и субъективную мѣрку, безразлична при сужденіи о необходимости этой дѣятельности вообще.

Поэтическій образъ можетъ быть названъ идеальнымъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ не какъ „воплощеніе идеи" (мысль непонятная), а въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть названо идеальнымъ представленіе въ словѣ. Именно идеализація, какъ созданіе поэтическаго образа, состоитъ въ выдѣленіи изъ основного комплекса воспріятій, въ объединеніи извѣстныхъ чертъ и въ устраненіи другихъ, присутствіе коихъ сбивало бы мысль съ пути, по которому направляетъ ее образъ. Это тоже отвлеченіе, отличающееся отъ научнаго лишь видовыми признаками. Вытекающею отсюда одностороннностью и вмѣстѣ сосредоточенностью дѣйствія художественнаго произведенія объясняется то явленіе, которое иногда приписываютъ неправильному развитію людей, именно слезы, восторги и пр., вызываемые поэтическими образами, и равнодушіе къ дѣйствительности, изъ коей взяты эти образы. Зло было бы здѣсь лишь тогда, если бы слезы и т. п., вызываемыя романами и проч. притупляли воспріимчивость, что бываетъ однако лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Согласно съ этимъ поэтическій образъ, какъ обыкновенно говорится, можетъ быть вѣрнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, т. е. *со стороны своего содержанія* онъ можетъ (ничего) незаключать въ себѣ, чтобы немогло заключаться въ самой трезвой научной мысли и въ самомъ повседневномъ, ничтожномъ по своей стоимости для насъ воспріятіи.

Digitized by Google

Такъ въ стихотв. Фета:

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали;
Конный или пѣшій—
Невидать въ пыли.
Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

только форма настраиваетъ насъ такъ, что мы видимъ здѣсь не изображеніе единичнаго случая, совершенно незначительнаго по своей обычности, а знакъ или символъ неопредѣлимаго ряда подобныхъ положеній и связанныхъ съ нимъ чувствъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно разрушить форму. Съ какимъ изумленіемъ и сомнѣніемъ въ здравомысліи автора и редактора встрѣтили бы мы на особой страницѣ журнала слѣдующее: „Вотъ что-то пылитъ по дорогѣ, и неразберешь, ѣдетъ ли кто, или идетъ. А теперь видно.... Хорошо бы если-бы заѣхалъ такой-то!“ Этотъ примѣръ ведетъ къ разсмотрѣнію слѣдующаго.

Виды поэтической иносказательности.

Въ словѣ съ живымъ представленіемъ всегда есть и до самаго забвенія представленія увеличивается несоразмѣрность между этимъ представленіемъ и его значеніемъ, т. е. признакомъ, средоточіемъ коихъ оно становится. Такъ и поэтическій образъ, каждый разъ, когда воспринимается и оживляется понимающимъ, говоритъ ему нѣчто *иное* и *большее*, чѣмъ то, что въ немъ непосредственно заключено. Такимъ образомъ поэзія есть всегда *иносказаніе*, *ἀλληγορία* въ обширномъ смыслѣ слова.

Отдѣльные случаи поэтической иносказательности, въ дѣйствительности переходящіе другъ въ друга и потому трудно-разграничимые, слѣдующіе.

Digitized by Google

А. Иносказательность въ тѣсномъ смыслѣ, переносность (метафоричность), когда образъ и значеніе относятся къ *далекимъ другъ отъ друга порядкамъ явленій*, каковы напр. *внѣшняя природа* и *личная жизнь*: Гейне, Ein Fichtenbaum steht einsam.... Лермонтовъ, *Сосна*: „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко

На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

(Переводъ Тютчева сохраняетъ противоположность половъ „Ein Fichtenbaum„ и „die Palme“ и имѣетъ съ тѣмъ большую степень иносказательности):

На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ
Кедръ одинокій подъ снѣгомъ бѣлѣетъ,
И сладко заснулъ онъ въ инистой мглѣ
И сонъ его южа лелѣетъ.
Про юную пальму все снится ему,
Что въ дальнихъ предѣлахъ Востока,
Подъ пламеннымъ небомъ, на знойномъ холму,
Стоитъ и цвѣтетъ одинока.

Или *несходныя положенія человѣческой жизни*. Пушкинъ „Аріонъ“ (1830):

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я—безпечной вѣры полонъ—
Плющамъ и пѣлъ.... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ-налету вихорь шумный....

Digitized by Google

Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою;
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Б. *Художественная типичность* (синекдохичность) образа, когда образъ становится въ мысли началомъ ряда подобныхъ и однородныхъ образовъ. Цѣль поэтическихъ произведеній этого рода, именно обобщеніе, достигнута, когда понимающій узнаетъ въ нихъ знакомое: „я это знаю", „это такъ", „я видалъ, встрѣчалъ такихъ", „такъ на свѣтѣ бываетъ". И тѣмъ не менѣе образъ является откровеніемъ, колумбовымъ яйцомъ.

Изобильные примѣры такого познанія при помощи созданныхъ поэзіей типовъ представляетъ жизнь (т. е. примѣненіе) всѣхъ выдающихся произведеній новой русской литературы, съ „Недоросля" и до сатиръ Салтыкова; у послѣдняго сверхъ его собственныхъ типовъ, имена коихъ стали нарицательны, еще (какъ въ древнегреческой трагедіи, выросшей на эпическихъ основахъ, какъ въ итальянскихъ кукольныхъ комедіяхъ съ постоянными характерами)— пользовались извѣстными уже типами (Молчалинъ, Чацкій, Ноздревъ, Расплюевъ). Условія такой типичности и вмѣстѣ примѣръ познанія при помощи готовыхъ поэтическихъ образовъ отмѣчены Пушкинымъ:

„Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей и пороковъ.... Но нигдѣ, можетъ быть, геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣль.... Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе.*** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, хвастливъ, неглупъ, забавенъ безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную: онъ былъ женатъ. Шекспиръ

Digitized by Google

неуспѣлъ женить своего холостяка.... Сколько сценъ потерянныхъ для кисти Шекспира! Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынонъ его, былитый отецъ, миніатюрный Фальстафъ III, однажды въ его отсутствіи, повторилъ про себя: „Какой папенька хлибній! Какъ папеньку государь любитъ!" Мальчика подслушали и крикнули: „Кто тебѣ это сказалъ, Володя!"—Папенька, отвѣчалъ Володя (Шейлокъ, Анджелло и Фальстафъ Шекспира).

О синедохичности образовъ—Тургеневъ (1-е собраніе писемъ, 104, 106 и сл., 239): „Грифчинъ С-съ непривъ, говоря, что лица, подобныя Н. П. и П. П. (въ „Отцахъ и дѣтяхъ")— ниши дѣды: Н. П., это—я, Огиревъ и тысячи другихъ; П. П. — Столыпинъ, Есаковъ, Боссетъ, — тоже ваши современники. Они лучшіе изъ дворянъ — и именно потому и выбравы мною, чтобъ доказать ихъ несостоятельность." — „Я никакъ не могу согласиться, что даже „Стукъ-Стукъ" нелѣпость. Что же оно такое? спросите вы. А вотъ что: повальная студія русскаго самоубійства, которое рѣдко представляетъ что-либо поэтическое или патетическое, и напротивъ почти всегда совершается слѣдствіе самолюбія, ограниченности, съ примѣсью мистицизма и фатализма."

Сюда—поэтическія описанія, нвалогичныя съ ландшафтной живописью мертвой природы, напримѣръ „Обвалъ" Пушкина; Тютчева: Тихой ночью, поздвимъ лѣтомъ,

Какъ ни небѣ звѣзды рдѣютъ!
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ!....
Усыпительно-безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной.
Золотистыя ихъ волны,
Убѣленныя луной. (LXXVI).

Его же „Полдень" (*IV*): Лѣниво дышетъ полдень знойный; *V*, Песокъ сыпучій по колѣни....; *XCIV*, Не остывшія отъ зноя ночь іюльская блистала; *LXXIV*, Первый листъ: „Листъ зеленѣетъ молодой".... *LXXV*, „Кикъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь."

Digitized by Google

Сюда же изображенія лицъ, характеровъ, событій, чувствъ, сводящія безконечное разнообразіе жизни къ сравнительно небольшое число группъ. Здѣсь поэзія, какъ и пластическое искусство въ своихъ областяхъ, является могущественнымъ донаучнымъ средствомъ познанія природы, человѣка и общества. Она указываетъ цѣли наукѣ, всегда находится впереди ея и незамѣнима ею во вѣки.

Это одинъ изъ случаевъ спиекдохи. Неизмѣнный ходъ познанія здѣсь—отъ образа къ познаваемому. Отсюда—непоэтичность, т. е. безцѣльность холодныхъ и блѣдныхъ конкретными чертами, придуманныхъ иносказаній, напр. олицетвореній готовыхъ отвлеченныхъ понятій, ничего неприбавляющихъ къ этимъ поняті̀ямъ. Евангельскія и другія подобныя притча поэтичны постольку, поскольку допускаютъ и другія примѣненія.

Сохраняя эту типичность, при дальнѣйшемъ возбужденномъ имъ движеніи мысли, образъ можетъ стать для него иносказательнымъ въ тѣсномъ смыслѣ (метафоричнымъ). Есть много поэтическихъ произведеній, которые могутъ быть понимаемы такъ или иначе, *смотря по свойствамъ понимающаго, степени пониманія, мгновенному настроенію.* Держать понимающаго на вѣсу между одною и другою иносказательностью; говорить то, что хорошо и для понимающаго ребенка, но что будетъ хорошо и при разнообразныхъ болѣе глубокихъ проникновеніяхъ въ смыслъ, могутъ только контуры глубокія. Таковы—„Кавказъ“, „Обвалъ“ Пушкина. Сюда рядъ стихотвореній Тютчева.

„Утро въ горахъ“ (II-ое изд., 1868 г.):

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.
Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скатъ,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

Digitized by Google

„Снѣжныя горы“ (III.... И между тѣмъ канъ, полусонный, напъ дольній міръ....);

„Ярній снѣгъ сінлъ въ долааѣ
Снѣгъ растаялъ и ушелъ...:
А который вѣнъ бѣлѣетъ
Тамъ, на высяхъ снѣговыхъ“ (XXXII).

„Надъ виногрядными холмами“ (XXXIV). *Женева*:

„Утихла буря, легче дышетъ
Лазурный сонмъ женевскихъ водъ....
А тамъ въ торжественномъ покоѣ,
Разоблаченная съ утра
Сіяетъ Бѣлая гора,
Кааъ отпровенье неземное“.

„Хотя и и свилъ гнѣздо въ долинѣ“ (CXLV) Ср. Пушкиаа „Монастырь на Казбекѣ“:

Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться иъ вольной вышинѣ:
Туда бъ въ заобличную нелью
Въ сосѣдство Бога скрыться инѣ“.

Въ томъ случаѣ, когда поэтъ прамо, или же аедопускающими двусмыслеааости намеками направляетъ мысль аъ такому, а не другому поиаманію образа, этотъ послѣдній становится подчиаеанымъ моментомъ болѣе сложнаго образа, заключающаго въ себѣ и толаованіе, сдѣлнное самимъ поэтомъ. Получается новая форма: параллелизмъ мысли, наогда нвственный и въ расположеніи и въ аыражеаіа, иногда болѣе ила менѣе скрытый. Таковъ аапр. ридъ стахотвореній Тютчева, канъ бы служащихъ отвѣтомъ на вопросъ: „*Что внизу?*“, сосредоточивающихъ антересъ не столько аа самомъ образѣ, сколько на его прамѣаеаіа. Стих. Тютчева, *Ива* (VIII):

„Что ты клоаишь аадъ водами,
Ива, макушау свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устама
Ловишь бѣглую струю?

Digitized by Google

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей,
Но струя бѣжитъ и плещетъ,
И, на солнцѣ нѣжась, блещетъ
И смѣется надъ тобой".

(Неудовлетворимость стремленій къ наслажденію и счастью, равнодушная природа).

Фонтанъ (XXVIII): „Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится...."

(Неудовлетворимость стремленій къ знанію, роковой предѣлъ человѣческой жизни—явственный параллелизмъ въ выраженіи и расположеніи чвстей).

„Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгораетъ....
Такъ грустно тлится жизнь мои...."

(Жажда полной, хотя бы и мгновенной жизни—явственная подчиненность образа „какъ-такъ");

"Дума за думой, волна за волной—
Два проявленья стихій одной....
Тотъ же все призракъ тревожно пустой (CXIV).

„Не разсуждай, не хлопочи.... Безумство ищетъ, глупость судитъ.... Чего желать, о чемъ тужить?" (CXV).

„*Равнодушная природа*": Пушкинъ, Евг. Он., VII, 1—3: „Гонимы вешними лучами" и пр. Тютчевъ, „Весна": „Какъ ни гнететъ руна судьбины.... Что устоитъ передъ дыханьемъ и первой встрѣчею весны?".... (IX); „И гробъ опущенъ ужъ въ могилу.... А небо такъ нетлѣнно чисто (противоположность тлѣнья и нетлѣнности); „Гроза прошла. Еще нурнсь, лежалъ высокій дубъ, перунами сраженный.... А ужъ давно звучнѣе и полнѣй нервныхъ пѣснь по рощѣ раздалася,... (LXXXV)—здѣсь, какъ совершившееся, то, что, какъ *желаніе*, въ стих. Пушкина „Аквилонъ": „Пускай же солнца ясный ликъ отнынѣ радостью блистаетъ" и пр.; „Конченъ пиръ, умолкли хоры.... Какъ надъ этимъ дольнимъ чвдомъ.... Звѣзды чистыи горѣли...." (CVI); Est in arundineis

Digitized by Google

modulatio musica ripis: „Невучесть есть въ морскихъ волнахъ,... И отчего же въ общемъ хорѣ Душа не то поетъ, что море, И ропщетъ мыслящій тростникъ?“ (CLX); „Смотри, какъ западъ загорѣлся Вечернимъ заревомъ лучей, Востокъ померкнувшій одѣлся Холодной сизой чешуей! (предвѣстія войны) Въ враждѣ ль они между собою? Иль солнце не одно для нихъ и, неподвижною средою дѣля, не съединяетъ ихъ?“ (XXXV) — „Жалкій человѣкъ! Чего онъ хочетъ? Небо ясно, подъ небомъ мѣста много всѣмъ“.... *Валерикъ* Лермонтова; ср. его же „Парусъ“.

Равнодушная новая жизнь: XVIII „Какъ птичка раннею порою“.... Какъ грустно полусонной тѣнью,

Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ плененемъ брести!“

Уйти! („Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть. Лерм.)—Тютчевъ: „Душа хотѣла-бъ быть звѣздой, Но не тогда, какъ съ неба полуночи.... Но днемъ, когда сокрытыя, какъ дымомъ“.... (XXIV). „Еще шумѣлъ веселый день.... И мнѣ казалось, что меня какой-то миротворный геній, Изъ пышнозолотого дни Увлекъ незримо въ царство тѣней!“ (XXVI).

Когда, что звали мы своимъ,
На вѣкъ отъ насъ ушло....
Пойдемъ и взляжемъ вдоль рѣки....
.... Душа впадаетъ въ забытье,
И чувствуетъ она,
Что вотъ умчала и ее
Великая волна.... (CXXXI).

(Ср. CLVII). „Какъ хорошо ты, о море ночное... Волны несутся, гремя и сверкая, Чутаія звѣзды глядятъ съ высоты.... Въ этомъ полненьи, въ этомъ сіяньи, Вдругъ онѣмѣвъ, я потерянъ стою, И какъ охотно бы въ ихъ обаяньи Всю потопилъ бы я душу свою“.

Душа „съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться“ (Тютчевъ, XXIII).

„Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ....
.... За льдиной льдина вслѣдъ плыветъ....

Digitized by Google

.... Всѣ вмѣстѣ—малыя, большія,...
.... Сольются съ бездной роковой!...
О нашей мысли обольщеаье,
Ты, человѣчесаое я!
Не тааово ль твое зааченье?
Не тааова ль судьба твоя? (LXIV).

А пока: „Кааъ ни гнетъ руаа судьбины.... И рвись, бодрый, самовластный, Въ сей мротворный океанъ!... И жазни божесаи-всемірной, Хотя на мигъ причастенъ будь! (Весна, IX).

Уйти въ себя: Silentium: „Молчи сарывайся а тан И чувства а мечты свои“.... (XVII); „Душа моя—элизіумъ тѣней“. (XXI).

Въ мірѣ безсознательнаго, въ мірѣ сновидѣній: „Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной, Земная жизаь кругомъ объята снами..... (XI) Этому настроенію сродни аочь: *Видѣніе* (XLII): „*Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья*“...; *День и ночь* (XXXVIII):

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безымянной,
Поаровъ наброшенъ златотканный....
Но меркнетъ день, настала ночь,
Прашла, и съ міра роаового
Таань благодатную покрова
Собравъ, отбрасываетъ прочь.
И бездна намъ обнажена....

„Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отрадный, день любезный,
Какъ золотой аоверъ свила,—
Коверъ, наанаутый аадъ бездаой....
И, аакъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ....
И человѣкъ, аааъ сирота бездомный,
Стонтъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ аъ лицу предъ этой бездной темаой.

Digitized by Google

И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое.... (XCV).

Первоначальное мѣсто образа въ тѣсномъ смыслѣ (=представленіе въ словѣ) въ говорящемъ (поэтѣ)—до опредѣленнаго значенія, въ понимающемъ—до всякаго значенія. Но при созданіи сложныхъ поэтическихъ образовъ матеріаломъ могутъ служить и прежніе продукты поэтическаго познанія. Отъ вышеприведеннаго случая, когда главнымъ является примѣненіе, слѣдующее за образомъ,—одинъ шагъ къ тому случаю, когда примѣненіе и по мѣсту является первымъ, а образъ въ тѣсномъ смыслѣ, при помощи коего нѣкогда создано было примѣненіе, вторымъ, какъ по придаточности значенія, такъ и по мѣсту. Эта поэтическая перестановка (inversio) можетъ быть названа сравненіемъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Біографъ Тютчева разсказываетъ, что разъ Тютчевъ, возвратившись домой въ ненастную осеннюю ночь на открытыхъ извощичьихъ дрожкахъ, весь промокшій, сказалъ дочери, помогавшей ему снимать мокрое платье: „я сложилъ нѣсколько стиховъ“. Это было стихотвореніе (XCVI):

Слёзы людскія, о слёзы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя
Неистощимыя, неисчислимыя
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую ночною порой.

Премиссы этого стихотворенія: а) готовое, извѣстное съ незапамятныхъ временъ сравненіе: “дождь, это слезы“; б) общее печальное настроеніе, вызванное слышаннымъ или видѣннымъ, можетъ быть, въ тотъ вечеръ. Подъ вліяніемъ этого настроенія впечатлѣніе минуты (глухая пора, дождь льетъ, льетъ, льетъ) сли-

Digitized by Google

вается съ первымъ членомъ сравненія *a* и объясняется вторымъ выдвигая въ немъ признаки (постоянство, безвѣстность, незримость, неистощимость), которыя опять обращаютъ мысль къ дождю. Такимъ образомъ въ иниерсіи тотъ же путь проходится мыслью дважды. Ср. Пушкинъ „Я пережилъ свои желанья“—*образъ, лежащій въ основѣ стихотворенія,—въ концѣ*:

„Тихъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженный
Трепещетъ запоздалый листъ“.

(Бѣлинскій, VIII, 331).

„Узникъ“—орелъ въ клѣткѣ:

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ...?

Вакхическая пѣсня—„Что смолкнулъ веселія гласъ...?
Какъ эта лампада блѣдвѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума“...

Вліяніе поэзіи. Героизмъ.

Случаи *A* и *Б* могутъ разсматриваться не только, какъ направленные къ поэзіи, имѣющіе теоретическое значеніе, но и со стороны практической, какъ вліяющіе на измѣненіе дѣйствительности черезъ посредство чувствъ, производимымъ ими въ понимающемъ. Эти стороны поэтической иносказательности (метонимичное заключеніе отъ причины къ дѣйствію) сходна съ практическимъ значеніемъ музыки, возбуждающей бодрость или уныніе, радость или печаль и посредствомъ этихъ чувствъ вліяющей на дѣйствія. Всякій поэтическій образъ, черезъ посредство своей метафоричности въ тѣсномъ смыслѣ или типичности (т. е. черезъ

Digitized by Google

моментъ познанія), можетъ производить такое вліяніе мимоходомъ. На этомъ основано распространенное мнѣніе о нравственномъ, воспитательномъ, облагораживающемъ значеніи поэзіи вообще,— мнѣніе, къ которому надобно прибавить и обратное.

Но есть роды поэзіи, которые небудучи дидактичны въ тѣсномъ смыслѣ, достигаютъ практической цѣли возвеличеніемъ или умаленіемъ дѣйствительности. Сюда, во 1-хъ, обширный—древній родъ величаній, выродившійся между прочимъ въ жеклассическое хвалебное стихотворство. Въ русской народной поэзіи этотъ родъ представленъ между прочимъ обширнымъ и прекраснымъ разрядомъ малороссійскихъ колядокъ и щедровокъ. Пѣсни эти, по случаю начала новаго періода земледѣльческой жизни (отчасти и пастушеской), „новаго лѣта", ставятъ лицъ, коимъ поются (хозяина, хозяйку, сына, дочь) въ идеальныя, желанныя положенія; иногда явственно апотеозируютъ ихъ, для того чтобы „дім звеселити", чтобъ это желанное осуществилось. Они основаны на вѣрѣ въ таинственную силу слова, въ то, что слово есть сущность, слово— дѣло; что произнесеніе настоящаго слова, если и не есть еще осуществленіе, то прямо ведется къ нему: „від сёго слова бувай же здоров!" или ор. „иому поёмъ, тому выпоемъ", „тому сбудется, неминуется".

Мы давно пережили эту вѣру и удержали память о ней лишь въ немногихъ выраженіяхъ, какъ „будьте здоровы" и т. п.; но есть область, въ которой и мы должны признать слово за дѣло, въ которой казаться тоже, что быть.

Склонность дѣтей къ героизму наблюдается отъ времени до времени въ слѣдующемъ: гимназистъ 3-го класса, начитавшись Майнъ-Рида, отправляется странствовать, съ намѣреніемъ переплыть океанъ и пр. Жаль только, если для этого онъ арадетъ у родныхъ и знакомыхъ; жаль, если онъ при этомъ обнаруживаетъ весьма скудныя географическія познанія. Если мальчикъ, вообразивши себя сказочнымъ героемъ, размахиваетъ линейкой, какъ мечомъ, то по какимъ признакамъ можемъ его счесть не дѣйствительнымъ героемъ въ ту минуту? Если потомъ въ жизни

Digitized by Google

ему случится съ напряженіемъ силъ или съ потерею здоровья и жизни сдѣлать что-либо доброе и великое, то не будетъ ли это дѣло (практическій героизмъ) корениться къ томъ (идеальномъ) размахиваньи линейкою? И не можетъ ли случиться, что при этомъ дѣлѣ онъ будетъ такъ поглощенъ его техникой, что для чувства неостанется мѣста? Если такъ, то героизмъ, какъ чувство полноты силъ, какъ счастье, скорѣе тогда, когда ребенокъ размахиваетъ линейкой, чѣмъ послѣ. Кто воображаетъ себя счастливымъ, тотъ дѣйствительно счастливъ. Тутъ не можетъ быть разницы между дѣйствительнымъ и мнимымъ.

Мысль, что истинный героизмъ не зависитъ отъ того, совершено ли дѣйствіе, выдерживающее критику или нѣтъ, находитъ себѣ иллюстрацію у Гейне и у Гёте.

(Die Tyroler).... von der Politik wissen sie nichts, als dass sie einen Kaiser haben, der einen weissen Rock und rothe Hosen trägt.... Als nun die Patrioten zu ihnen hinaufkletterten und ihnen beredtsam vorstellten, dass sie jetzt einen Fürsten bekommen, der einen blauen Rock und weisse Hosen trage, da griffen sie zu ihren Büchsen, und küssten Weib und Kind und stiegen von den Bergen hinab, und liessen sich todtschlagen für den weissen Rock und die lieben alten rothen Hosen. Im Grunde ist es auch dasselbe, für was man stirbt, wenn nur für etwas liebes gestorben wird, und so ein warmer treuer Tod ist besser, als ein kaltes, treuloses Leben. Schon allein die Lieder von einen solchen Tode, die süssen Reime und lichten Worte erwärmen unser Herz, wenn feuchte Nebelluft und dringliche Sorgen es betrüben wollen. Heine, Reisebilder.

Ср. Гёте (Der neue Amadis): „Als ich noch ein Knabe war.... du warst mein Zeitvertrieb, goldne Phantasie; und ich war ein warmer Held, wie der Prinz Pipi, und durchzog die Welt.

Страданія и радости отъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ причинъ одинаково дѣйствительны. У Л. Толстого („Отрочество“) есть параллель къ Гётевскому Амадасу: глава XV „мечты“ въ чуланѣ—„И какъ скоро вхожу въ колею прежнихъ мечтаній, и вижу, что продолженіе ихъ невозможно и, что всего удивительнѣе,

Digitized by Google

не доставляетъ мнѣ никакого удовольствія". Гёте: „Ach! wer hat sie mir entführt? Hielt kein Zauberband sie zurück vom schnellen Fliehn? Sagt, wo ist ihr Land? Wo der Weg dahin? (D. n. Amadis),

Такимъ образомъ, хотя бы и пошатнулась и исчезла вѣра въ чудесную силу слова, но если геронческіе образы, пѣсни таковы, что слушающіе принѣняютъ ихъ къ себѣ; то практическая цѣль величанья достигается.

Въ письменной поэзіи созданіе положительныхъ идеаловъ, направленныхъ въ этой цѣли, затруднено нашей разборчивостью:

„Мечты поэта!
„Историкъ строгій гонитъ васъ".

А такъ какъ этотъ историкъ болѣе—менѣе въ каждомъ изъ насъ, то мы неможемъ сказать:

„Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ";

ибо то, что мы признаемъ за обманъ, уже неспособно насъ возвышать.

Но если трудно найти натуру и красан для „насъ возвышающего" цѣльнаго лица, то можно ее найти для взаимодѣйствія образовъ, событій, чувствъ, коихъ совокупность можетъ произвести тоже (веселящее) бодрящее, облагораживающее дѣйствіе. Кромѣ того, есть и другой протертый путь, косвенно ведущій къ той же цѣли—сатира, въ коей дѣйствуетъ „одно честное благородное лицо"—„смѣхъ".

Счастлива литература, обладающая образами, которые способны давать такое направленіе героизму отрочества и юности. Счастливы поколѣнія, которыя такими впечатлѣніями молодости предохранены отъ сауан жизни. Поэзія способна формировать, давать форму мечтамъ юности. Потребность положительныхъ типовъ глубоко чувствовалъ Гоголь (онъ исарененъ въ этомъ). Онъ сознавалъ и невозможность создавать такіе типы безъ увѣренности въ ихъ существованіи въ дѣйствительности, и опасность пессимизма.

Великіе люди невсегда велики въ глазахъ не однихъ своихъ каммердинеровъ; но великъ міръ, человѣчество, народы, событія даже до ежедневныхъ, если понято ихъ значеніе.

Digitized by Google

„Кто жилъ и мыслилъ, тотъ неможетъ
Въ душѣ непрезирить людей". Евг. Онѣг. I. XLVI.

Это истина, однако, полная. Принятая за полную, она ведетъ къ теоретическимъ заблужденіямъ и разрушаетъ нравственность. Въ примѣненіи къ „народу" воспитательно дѣйствуетъ идеализація мужика, знакомство съ народной поэзіей. Пусть мужикъ дуренъ, но между прочимъ поэзія его хороша. Слѣдовательно, онъ не весь дуренъ и главное въ немъ, какъ и въ человѣкѣ вообще, можетъ быть не то, что онъ дуренъ, и то, что онъ способенъ къ хорошему.

Цѣль въ искусствѣ. Чистая и дидактическая поэзія. Картина Крамского „Христосъ".

„Выраженіе *„искусство безцѣльно"*—образно и, какъ всякое образное положеніе, можетъ посредствомъ ложныхъ толкованій легко быть доведено до абсурда. [1]) Одно изъ самыхъ слабыхъ возраженій—заимствованное изъ сравненія съ тѣмъ, что само внѣ научнаго познанія: „искусство также неможетъ быть безцѣльно, какъ небезцѣльны созданія его небеснаго первообраза, божественнаго всемогущества" (Wikernagel, Poetik). Но человѣкообразное представленіе Бога, имѣющаго *цѣли*, слѣдовательно, *нѣчто* въ данный моментъ имъ недостигнутое, его ограничивающее,—несовмѣстимо съ безпредѣльностью и совершенствомъ Божества. Оставаясь на человѣческой почвѣ, слѣдуетъ разсмотрѣть сначала безспорныя стороны вопроса.

Художественныя произведенія, возникая изъ нѣкотораго стремленія художника, заканчиваютъ собою это стремленіе и служатъ

[1]) Осуждая нынѣшнюю науку, какъ она ему видится, Толстой: „я знаю, что по своему опредѣленію наука должна быть *безполезна*, т. е. наука для науки, но вѣдь это очевидная отговорка. Дѣло науки служить людямъ".—„Наука еще можетъ ссылаться на свою глупую отговорку, что наука дѣйствуетъ для науки, и что, когда она разработается ученымъ, она станетъ доступною и народу; но искусство, если оно искусство, должно быть доступно всѣмъ, а въ особенности тѣмъ, во имя которыхъ оно дѣлается".

Digitized by Google

его цѣлью. Тиаимъ образоиъ вопросъ состоитъ только въ присутствіи али отсутствіи внѣшиихъ цѣлей. Безспорно таиже отличіе цѣлн отъ дѣйствія: имѣло ли *цѣль художественное произведеніе или нѣтъ*, дѣйствіе, вліяаіе его, если оао воспринимается, неподлежитъ сомнѣнію. Нкаоиецъ, безспорно, что самъ художникъ можетъ имѣть ваѣшнія цѣли и можетъ аеимѣть ихъ. Уже изъ этого вытекаетъ, что изреченіе „безцѣльаость исауусствк", понятое безуслоино,—ошибочно. И тикъ вопросъ состоитъ въ оцѣнкѣ послѣдствій присутствія или отсутствія ваѣшнкхъ цѣлей въ исауусствѣ.

Безъ образа нѣтъ исиусства, въ чкстности поэзіи. Безъ многосложиости, ионкретности нѣтъ образи. Искусство всѣхъ временъ напривляетъ усилія иъ достиженію внутренней цѣли. Извѣстная множествеиность чертъ и прочность ихъ связи, т. е. легкость, съ которою ихъ совоаупность схватывается и сохрииается понимающимъ, есть мѣра художествеааости. Есла кто-либо рѣшилъ зарапѣе доказать или внушить аѣчто и такнмъ образомъ сознательно стремится иъ опредѣленной цѣли и доказываетъ *примѣромъ*, нзъ котораго вытеккетъ тольао то, что имѣло быть докизано; то онъ—прозаикъ, ученый, моралистъ, проповѣдниаъ, пророиъ, но не художникъ. Если онъ, выбравъ примѣръ, нкходитъ удовольствіе въ его изобрженіи и, увлеченный, сообщаетъ своему примѣру жизненность, конкретность; [1]) то неизбѣжно примѣръ будетъ говорить больше того, или вовсе не то, что предположено. Ткнимъ обрнзомъ, подъ вліяніемъ натуры художника, дидкктическаи цѣль явится чѣмъ-то второстепеннымъ.

Поэтическое дидаитическое произведеніе удалится отъ прозы и приблизится къ чисто поэткческимъ произведеніямъ. Ткнимъ образомъ по присутствію или отсутствію внѣшней сознательной цѣли повзін дѣлитсн ик дидактическую въ обширіомъ смыслѣ и чистую.

Чтобы быть дидактикомъ и въ тоже иремя повтомъ, нужно облидкть любовью къ истинѣ, недопускающею искаженія примѣрк

[1]) Das ist die wahre Symbolik, wo das Besondere das Allgemeinere repräsentiert, nicht als Traum und Schatten, sondern als lebendig augenblickliche Offenbarung des Unerforschlichen. Göthe, Spr. 137.

Digitized by Google

въ угоду тому, что имъ должно быть доказано. Подъ этимъ условіемъ дидактическая поэзія равноцѣнна съ чистою. Достоинство дидактической поэзіи зависитъ также отъ того, что ею должно быть доказано. Это demonstrandum можетъ быть образомъ характера и настроенія самаго поэта. Такимъ образомъ дидактическая поэзія является субъективной и въ извѣстномъ смыслѣ лирической. Этотъ лиризмъ и дидактичность—въ лицахъ романовъ, драмъ, устами коихъ говоритъ самъ авторъ.

Мое отношеніе къ Шиллеру, говоритъ Гёте, основывалось на опредѣленномъ направленіи къ одной цѣли; наша дѣятельность сообща (unser Gemeinsamthätigkeit)—на различіи средствъ, какими мы старались достигнуть этой цѣли. По поводу тонкаго различія между нами, которое было предметомъ нашего разговора, и о которомъ напоминаетъ мнѣ одно мѣсто Шиллерова письма, мнѣ пришли слѣдующія мысли: большая разница, ищетъ ли поэтъ частнаго но всеобщему, или же видитъ онъ въ частномъ всеобщее. Изъ перваго пріема возникаетъ аллегорія, гдѣ частное имѣетъ лишь значеніе примѣра (Beispiel, Exempel), образца всеобщаго; второй же пріемъ есть сущность поэзіи въ собственномъ смыслѣ (ist eigentlich die Natur der Poesie); онъ высказываетъ частное, не думая объ общемъ или неуказывая на него. Кто живо воспримемъ это частное, тотъ вмѣстѣ съ нимъ получаетъ и общее, незамѣчая этого вовсе или замѣтивъ лишь поздно“ (Göthe, Sprüche IV, 149). Тѣмъ неменѣе Шиллеръ все также поэтъ.

(Mahomet).... heftig behauptet und betheuert, er sei Prophet und nicht Poet, und daher auch sein Koran als göttliches Gesetz und nicht etwa als menschliches Buch, zum Unterricht oder zum Vergnügen, anzusehen.

Wollen mir uun den Unterschied zwischen Poeten und Propheten näher andeuten, so sagen wir: beide sind von einem Gott ergriffen und befeuert; der Poet aber versendet die ihm verliehene Gabe im Genuss um Gennss hervorzubringen, Ehre durch das hervorgebrachte zu erlangen, allenfalls ein bequemes Leben. Alle übrigen Zwecke versäumt er, sucht mannigfaltig zu sein, sich in Gesin-

Digitized by Google

nung und Darstellung gränzenlos zu zeigen. Der Prophet hingegen sieht nur auf einem einzigen bestimmten Zweck; solchen zu erlangen bedient er sich der einfachsten Mittel. Irgend eine Lehre will er verkünden und, wie um eine Standarte, durch sie und um sie die Völker versammeln. Hiezu bedarf er nur, das die Welt glaube; er musst also einsönig werden und bleiben; denn das Mannigfaltige glaubt man nicht, man erkennt es". Göthe, Westöst. Diwan.

Стасовъ, И. Н. Крамской по его пасьмамъ и статьямъ (ст. 2-я В. Евр. 1887. Дек.).

Крамской о своей картинѣ „Христосъ въ пустынѣ": уже пять лѣтъ неотступно онъ стоялъ передо мною; я долженъ былъ написать его, *чтобы отдѣлаться*.... Во время работы за нимъ *я*, много думаи, молился и страдалъ.... Бывало вечеромъ уйдешь гулять и долго по полямъ бродишь, до ужаса дойдешь,—и вотъ видишь фигуру старую. На утрѣ, усталый, измученный, изстрадавшійся, сидитъ одинъ между... печальными, холодными камнями. Руки судорожно и крѣпко сжаты; пальцы впились, ноги поранены и голова опущена. Онъ крѣпко задумался, давно молчитъ, такъ давно, что губы даже какъ будто запеклись, глаза незамѣчаютъ предметовъ, а только время отъ времени брови шевелятся, повинуись закоаамъ мускульнаго движенія. Начего онъ нечувствуетъ; нечувствуетъ, что холодно немножко, нечувствуетъ, что у него всѣ члены уже какъ будто окоченѣли отъ продолжительнаго и неподвижнаго сидѣнья. Нигдѣ ничего нешевельнется, только у горизонта чорныи облака плывутъ отъ востока да нѣсколько волосковъ по воздуху стоитъ горизонтально отъ вѣтерка. И онъ все думаетъ, все думаетъ.... Вы спрашиваете: „могу ли я написать Христа?...." совершилъ можетъ быть профанацію, но немогъ неписать. Долженъ былъ написать.... не могъ обойтись безъ этого.... мнѣ иногда кажется, что это канъ будто и похоже на ту фигуру, которую я по ночамъ видѣлъ, то вдругъ—никакого сходства. Словомъ грустное сознаніе (извѣстной степени прозаичности изобра-

Digitized by Google

женів), что мнѣ нѣтъ другого удѣла, какъ изображать самые тривіальные портреты съ самыхъ обыденныхъ личностей.... (468—9).

Съ натуры ли пишетъ художникъ? „Фигура Христа меня очень долго преслѣдовала.... я видѣлъ эту думающую, тоскующую, плачущую фигуру.... я видѣлъ ее, какъ живую. Однажды слѣдуя за нею, я вдругъ почти натолкнулся на нее, именно на разсвѣтѣ; именно она такъ сидѣла, сложивши руки, опустивши голову; ротъ отъ долгаго молчанія почти помертвѣлъ. Онъ меня незамѣтилъ. Я тихонько, на цыпочкахъ, удалился, чтобы немѣшать, и затѣмъ ужъ я забыть немогъ.... Мнѣ *надо* было сдѣлать, чтобы *хотя сколько-нибудь подѣлиться впечатлѣніемъ.* Все это тамъ есть, невыдумано; я все такъ видѣлъ. Случайно вся обстановка была именно такова". 469—70.

Спустя 5 лѣтъ онъ пишетъ о той же картинѣ: „подъ вліяніемъ ряда впечатлѣній у меня осѣло очень тяжелое ощущеніе отъ жизни (Какое? *А*—для критики недоступно). Я знаю всю, что есть одинъ моментъ въ жизни каждаго человѣка, маломальски созданнаго по образу и по подобію Божію, когда на него находитъ раздумье: пойти ли направо, или налѣво? Я, по собственному опыту, по моему маленькому, могу догадываться о той страшной драмѣ, какая разыгривалась во времена историческихъ кризисовъ. И вотъ у меня является страшная потребность разсказать другимъ то, что я думаю. Но какъ разсказать?

Чѣмъ, какимъ способомъ я могу быть понятъ? *По свойству натуры, языкъ іероглифа* для меня доступнѣе всего (здѣсь—разница между художникомъ и ученымъ). И вотъ я *однажды*, когда особенно былъ этимъ занятъ, гуляя, работая, лежа я пр. и пр., вдругъ увидалъ фигуру, сидящую въ глубокомъ раздумьѣ. Я очень осторожно началъ всматриваться, ходить около нея, и во время моего наблюденія, очень долгаго, она непошевелилась, мени незамѣчала. Его дума была такъ серьозна и глубока, что я заставалъ его постоянно въ одиомъ положеніи. Онъ сѣлъ такъ, когда солнце было еще передъ нимъ, сѣлъ усталый, измученный, сначала проводилъ глазами солнце, затѣмъ незамѣтилъ ночи, и на зарѣ уже,

Digitized by Google

когда солнце должно было подняться сзади его, онъ все продолжалъ сидѣть неподвижно.... Мнѣ стало ясно, что онъ занятъ важнымъ для него вопросомъ, настолько важнымъ, что къ страшной физической усталости онъ нечувствителенъ. Онъ точно постарѣлъ на 10 лѣтъ. Но всеже я догадывался, что это такого рода характеръ, который, имѣя силу все сокрушить, одаренный талантами покорить себѣ весь міръ, рѣшается несдѣлать того, куда влекутъ его инклинности. Кто это былъ? *Я незнаю.* По всей вѣроятности, это была галлюцинація; я въ дѣйствительности, никто думать, невидалъ его. Мнѣ показалось, что это всего лучше подходитъ къ тому, что мнѣ хотѣлось разсказать. Тутъ мнѣ даже ничего ненужно было придумывать: я только старался скопировать. И когда кончилъ, то далъ ему дерзное названіе. Я знаю только, что утромъ, съ восходомъ солнца человѣкъ этотъ всчезъ. И я *отдѣлался отъ постояннаго его преслѣдованья.* То есть, я незнаю, что это. Это есть выраженіе моихъ личныхъ мыслей" 470—1.

„Какъ надо понимать, спрашиваетъ Стасовъ, утвержденіе Крамского въ 1878 г., что картина названіе „Христомъ" только по окончаніи ея, между тѣмъ какъ изъ письма еще 1872 г. мы знаемъ, что картина носила именно это названіе и имѣла именно эту задачу еще до приступа къ писанью ея? Кажется, все это произошло изъ желанія сдѣлать не картину, к, говори словами самого Крамского, *іероглифъ*, т. е. произошло отъ того, что художественныя цѣли были тутъ второстепенны, а на мѣсто ихъ на лицо были лишь задачи разсудочныя (а плакалъ?!), заимствовавшія отъ искусства лишь форму. Тѣмъ немекѣе къ картинѣ было немало достоинствъ *истинно художественныхъ.* Общее расположеніе, поза, освѣщеніе, драпировки, даже отчасти тонъ, были прекрасны. ....Былъ у нея одинъ сильный недостатокъ, много портившій все дѣло: это элегическое, меланхолическое выраженіе, приданное лицу Христа. *Всѣмъ дорогъ, важенъ и нуженъ* въ картинѣ Христосъ дѣйствующій, проповѣдующій, совершающій великія дѣла, а не сомнѣвающійся и разслабленный, затрудненный и нерѣшительный, нанимъ вздумалъ его представить Ге (Тайная вечеря) и Крамской.

Digitized by Google

Это было только дѣломъ ихъ личнаго настроенія и характера" (этого мало!). Еще въ дневникѣ 1873 г. Крамской называетъ своего Христа „меланхолическимъ". Онъ пишетъ въ 1876 г. „Васильевъ часто меня (въ 1871 г.) спрашиваетъ: зачѣмъ у меня въ большинствѣ случаевъ такое горестное выраженіе, когда я счастливъ? Онъ того не могъ понять, что личное счастье еще незаполняетъ жизни". Какая разница—Ивановъ съ его „Явленіемъ Христа Народу": здѣсь Христосъ является твердымъ, рѣшительнымъ, увѣреннымъ въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, идущамъ мужественно навстрѣчу великимъ событіямъ" (471).

Отсюда слѣдуетъ, что какъ субъективенъ художникъ, такъ и зритель, слушатель, читатель, и что художнику остается искать своего цѣнителя. Въ „Люди 40-хъ годовъ" Писемскаго герой читаетъ свой романъ двумъ женщинамъ. „Онъ полагалъ, что раздирающія душу и въ тоже время, какъ ему казалось, исполненныя житейской правды сцены непремѣнно поразятъ его слушательницъ", но одну „просто мучила ревность" (такъ какъ въ изображенной имъ женщинѣ она узнавала другую, а не себя), а другая „m-lle Прыхина.... полагала, что перу писателя всего приличнѣе описывать какого-нибудь рыцаря или по крайней мѣрѣ, хотя и штатскаго молодого человѣка, но ѣдущаго на конѣ, и съ нимъ встрѣчается его возлюбленная въ платьѣ амазонки и тоже на конѣ и т. п.", „Зачѣмъ описывать то, что мы знаемъ, видимъ и встрѣчаемъ каждый день? Это уже и безъ того наскучило".... „никогда, на на какой картинѣ мужикъ неможетъ быть интересенъ! иногда!" А „Монте-Кристо—прелесть, чудо!" (Писемск. Соч. XVI, 92—3).

Въ 1872 г. Крамской писалъ: „Надо написать еще Христа.... т. е. не собственно его, а ту толпу, которая хохочетъ во все горло, всѣми силами своихъ громадныхъ животныхъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите: нашелся чудакъ: „Я, говоритъ, знаю одинъ, гдѣ спасеніе. Меня послалъ Онъ, и я Его сынъ. Я знаю, чего Онъ хочетъ. Идите за мной!" Его схватали: „Попался! Ага! Вотъ онъ!"—„Постойте, геніальная мысль! Знаете что", говорятъ солдаты: „онъ царь, говорятъ? Ну хорошо, нарядимъ его шутомъ

Digitized by Google

царемъ!" (изъ другого письма).—Чудесно! Сейчасъ все готово, и господамъ докладываютъ. И вотъ все высыпало на крыльцо, на дворъ, и все, что есть, покатывается со смѣху. На важныхъ лицахъ благосклонная улыбка, сдержанная, легкая: тихоньао хлопаютъ въ ладоши; чѣмъ дальше отъ интеллигенціи, тѣмъ шумнѣе веселость, а на низменныхъ ступеняхъ развитія—гомерическій хохотъ. Христосъ блѣденъ, прямъ и спокоенъ, только аровавая пятерня отъ пощечины горитъ на щекѣ.

Изъ 1-го письма: „И пошла гулять по свѣту слава о бѣдныхъ сумасшедшихъ, вахотѣвшихъ указать дорогу въ рай. И такъ это понравилось, что вотъ до сихъ поръ все еще покатываются со смѣху" (472—3). „Не знаю какъ вы, а я вотъ уже аоторый годъ слышу всюду этотъ хохотъ".

Въ 1878 г. К. писалъ Гаршину: „Художниаовъ — двѣ категоріи, рѣдко встрѣчающихся въ чистомъ видѣ: одни объективные, наблюдающіе жизненныя явленія и ихъ воспроизводящіе добросовѣстно, точно; другіе субъективные. Эти послѣдніе формулируютъ свои симпатіи и антипатіи... подъ впечатлѣніемъ жизни и опыта... Я вѣроятно принадлежу аъ послѣднимъ. Позднѣе, въ 1885 г. подъ впечатлѣніемъ картины Рѣпина „Иванъ Грозный съ сыномъ": „Я былъ очень благополученъ, придумавъ теорію, что историческая картина постольку интересна, нужна.... поскольку она параллельна... къ современности, и поскольиу можно предложить зрителю намотать себѣ что-нябудь на усъ.... но теперь къ чорту полетѣли всѣ теоріи". 476.

Стасовъ: „Въ этихъ его картниахъ не само событіе, не самъ Христосъ были ему важны и нужны, а та отвлеченная идея, которая была у него въ головѣ. У Крамского въ эту минуту были въ головѣ *примѣръ*, *доказательство*, *указаніе*, выводъ, и онъ употреблялъ исаусство, какъ іероглифъ, кааъ полезиую формулу.... Свою мысль.... онъ могъ бы доказать и показать на сто разныхъ другихъ манеровъ". (Точно ли? А признаніе Крамского, что этотъ образъ преслѣдовалъ его много лѣтъ?). Совершенно другое было всегда въ созданіяхъ велиаихъ живописцевъ, незадававшихся мыслью

Digitized by Google

поучать картинами, они ничего не хотѣли ни доказывать ни указывать (?); имъ былъ нуженъ, дорогъ самъ изображаемый фактъ; имъ нужна была вотъ эта самая изображаемая личность, а никакая другая (слѣдовательно, художественны только этюды, портреты?). Для ихъ чувства и представленія въ эту минуту несуществовало никакой другой сцены и личности, небыло возможности замѣнить ихъ какою-то другою сценою и личностью. Такова и картина Иванова „Явленіе Христа народу“. Тутъ нѣтъ никакой разсудочной подкладки, никакого намѣренія что бы то ни было доказать. Иванову страстно хотѣлось только изобразить дорогое и высокое для него событіе, какъ оно въ самомъ дѣлѣ было (!) или, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ только Ивановъ способенъ былъ его схватить и выразить *во всей правдѣ*.... И это стало ясно Крамскому только очень поздно, уже тогда, когда картина его была давнымъ давно рѣшена и написана“.

Заранѣе опредѣлить границы, въ какихъ долженъ держаться художникъ, нельзя; но ясно, что субъективизмъ и дидактичность, доведенные до краю, приводятъ (при здравомысліи) къ научному обобщенію, для котораго тотъ или другой примѣръ безразличенъ, т. е. примѣръ схематиченъ; объективизмъ, доведенный до краю, прежде всего дѣлаетъ невозможной историческую живопись (ибо здравомыслящій художникъ долженъ же сознавать, что его изображеніи прошедшаго въ высокой мѣрѣ субъективны), затѣмъ доводитъ до абсурда копированіе дѣйствительности, ибо зачѣмъ работа Данаидъ—переносить на полотно неизмѣримо малую часть впечатлѣній однаково безразличныхъ, при томъ съ сознаніемъ, что наша копія воспріятія все таки вполнѣ субъективна.

Вдохновеніе.

Съ точки миѳическаго міросозерцанія всякое выходящее изъ ряда душевное движеніе есть внушеніе божества, демона [1]).

[1]) Ср. въ лѣтописи: „вложи Богъ въ сердце N-у“, такъ же, какъ о сумасшествіи: божевільний, „мов несамовитий“, бѣшеный; объ обладаніи человѣкомъ (*навіженний*),

Digitized by Google

Платонъ различаетъ 4 рода восторга (*μανία*): 1-й—въ пророчествахъ сообщается отъ Аполлона, 2-й—въ таинствахъ очищенія—отъ Вакха, 3-й—въ поэзіи—отъ музъ, 4-й—отъ Эрота и Афродиты.

О 3-мъ: „Кто безъ маніи (*κατοχή*—одержаніе), внушаемой музами, приходитъ къ вратамъ поэзіи, думая, что искусствомъ (*ἐκ τέχνης*, т. е. сознательно, умышленно) сдѣлается изъ него хорошій поэтъ, тотъ никогда недостигнетъ совершенства, и *поэзія его*, какъ поэзія благоразумнаго (*τοῦ σωφρονοῦντος*), будетъ отличаться отъ *поэзіи безумствующихъ*". (Федръ), Шевыревъ „Теор. поэз.", 22.

Какъ цѣпь желѣзныхъ колецъ заимствуетъ свою силу отъ магнита, такъ муза посылаетъ вдохновеніе поэтамъ, которые сообщаютъ его другимъ, и такъ составляется цѣпь людей вдохновенныхъ (*διὰ δὲ τῶν ἐνθέων τούτων ἄλλων ἐνθουσιαζόντων ὁρμαθὸς ἐξαρτᾶται*). Въ самомъ дѣлѣ, не искусствомъ, но энтузіазмомъ и вдохновеніемъ великіе эпическіе поэты сочиняютъ свои... произведенія. Славные лирики также, подобно людямъ, волнуемымъ безуміемъ корибантовъ (жрецовъ фригійской Кибеллы), плящущихъ внѣ себя, неостаются въ умѣ своемъ, когда творятъ изящныя пѣснопѣнія: какъ скоро вошли они въ ладъ гармоніи и ритма, то преисполняются безуміемъ, объемлются восторгомъ, подобнымъ восторгу вакхановъ, которыя во время упоенія черпаютъ въ рѣкахъ млено и медъ, чего небываетъ съ ними во время поноя. Въ душѣ поэтовъ лирическихъ на самомъ дѣлѣ совершается то, чѣмъ они хвалится. Они говорятъ намъ, что черпаютъ въ медовыхъ источникихъ, что подобно пчеламъ летаютъ они по садамъ и до-

---

несвой: „Яга (фурія), під пелену підкравшись,
Гадюкой в серце пововзла,
По всіх куточках позвивавшись,
В Аматі рай собі знайшла;
В отравлену її утробу
Наклала злости, мов би бобу;
Амата стала несвоя:
Сердита (-лась?) лаяла, кричала" и пр. (Котл. Эн. 122, изд. 1875 г.).

Несамовитий: „Зробився Турн несамовитий
Ярився, лютував" и пр. (ib. 162).

Digitized by Google

линамъ музъ, и въ нихъ собираютъ пѣсни, которыя поютъ намъ. *Они говорятъ правду* [1]). Поэтъ въ самомъ дѣлѣ есть существо легкое, крылатое и святое; онъ можетъ творить тогда только, когда восторгъ его обыметъ, когда онъ выйдетъ изъ себи, и разсудокъ покинетъ его. Но покамѣстъ онъ съ нимъ, человѣкъ неспособенъ творить вовсе и произносить пророчества"... „Каждый изъ нихъ, по жребію Божію, успѣваетъ только въ томъ родѣ, къ которому муза его призываетъ (въ диѳирамбѣ, похвальной одѣ, плисовой пѣснѣ, эпосѣ, ямбахъ), и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ родѣ, потому что не искусство, а сила божественная внушаетъ нхъ. Если бы искусствомъ они умѣли творить, то могли бы успѣть въ разныхъ родахъ. А конецъ, на какой Богъ, отъемли у нихъ смыслъ, употребляетъ вхъ какъ служителей своихъ наравнѣ съ пророками и гадателями, есть тотъ, чтобы мы, внимая имъ, познавали, что не сами собою они говоритъ намъ вещи дивныя, ибо онн внѣ своего разума, но что самъ Богъ намъ черезъ нихъ глаголетъ" (Іонъ).

„И для того чтобъ судить о поэтѣ", для критика нужно, по Платону, вдохновенное сообщеніе съ поэтомъ. (Шевыр. „Теор. п." 23—4).

Итакъ—*искренность*, отсутствіе самонаблюденія и самонаправленія въ моментъ поэтическаго творчества, полное погруженіе въ созданіе.

Ia, das ist das rechte Gleis,
Das man nicht weiss,
Was man denkt,
Wenn man denkt;
Alles ist als wie geschenkt. G. Spr. 43.
All'unser redlichstes Bemühn
Glückt nur im unbewusten Momente.
Wie möchte denn die Rose blühn,
Wenn sie der Sonne Herlichkeit erkennte?, ib 56.

[1]) Воображеніе до иллюзіи.

Digitized by Google

„Грусть, овладѣвшая Неждановымъ, была то чувство, присущее всякой перемѣнѣ мѣстопребыванія, чувство, которое испытываютъ всѣ меланхолики, всѣ задумчивые люди; людямъ хриктера бойкаго, сангвиническаго оно незнакомо: они скорѣе готовы радовиться, когда нарушается повседневный ходъ жазни, когда мѣняется ея обычная обстановка".—„Неждановъ до того углубился въ свои думы, что понемногу, почти безсознательно началъ передавать ихъ словами; бродившія въ немъ ощущенія уже складывались въ мѣрныя созвучія....—Фу ты чертъ!—воскликнулъ онъ громко. Я, кажется, собираюсь стихи сочинить!—Онъ встрепенулся, отошелъ отъ окна; увидавъ на столѣ десятирублевую бумажку.... сунулъ ее въ карманъ и принялся ризхаживать по комнатѣ.

—Видо будетъ взять задатокъ, размышлялъ онъ.... „Пока онъ велъ въ головѣ эти разсчеты, прежнія созвучія опять зашевелились въ немъ. Онъ остановился, задумался.... и устремивъ глаза въ сторону, замеръ на мѣстѣ.... Потомъ рука его, какъ бы ощупью, отыскали и отперли ящикъ стола, достали изъ самой ея глубины исписанную тетрадку....

„Онъ опустился на стулъ, все не мѣняя направленія взгляда, взялъ перо и, мурлыча себѣ подъ носъ, изрѣдка взмахивая волосами, перечеркивая, марая, принялся выводить строку за строкою....

„Дверь отворилась.... Неждановъ не замѣтилъ.... и продолжалъ работу.... (затѣмъ).... вдругъ выпрямился, оглянулся и, промолвивъ съ досадой: „А! вы!"—швырнулъ тетрадку въ ящикъ стола" (Тург. „Новь").

Пушкинъ 1824 г.: *Кн.* О чемъ вздохнули такъ глубоко?
Нельзя ль узнать?
Поэтъ. Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы....
.... Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;

Digitized by Google

За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались".

(Разгов. ан. съ поэтомъ).

—„Что, спросилъ импровизаторъ, ааааово?" —„Удивительно!" — отвѣчалъ поэтъ. „Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. Итакъ для васъ несуществуетъ ни труда, ни охлажденья, ни *этого безпокойства*, которое предшествуетъ вдохновенью? Удивительно, удивительно!" Импровизаторъ отвѣчалъ: „Всякій талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ аарраrсиаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ, рѣзцомъ и молотомъ раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя риѳмами, размѣренная стройными, однообразными стопами? Никто, кромѣ самого импровизатора неможетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чужой внѣшней волею. Тщетно я самъ захотѣлъ бы это изъяснить. (Пушк. „Егип. ночи").

.... „О комъ твоя вздыхаетъ лира?
Кому въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ
Ты посвятилъ ея напѣвъ?...
.... Кого твой стихъ боготворилъ?
—И, други! Никого, ей Богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку риѳмъ: онъ тѣмъ удвоилъ

Digitized by Google

Поэзіи священный бредъ,
Петрараѣ шествуя во слѣдъ,
А муки серца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.
Прошла любовь, *явилась муза*
И *прояснился* темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуаовъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ....
....Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
И саоро, саоро бурн слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда то и начну писать
Поэму пѣсень въ двадцать пять.

(П. „Евг. Онѣг." 1, LVII—LIX).

„Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и къ *объясненію* оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира, всѣ болѣе ея требуютъ творчества, fantaisie, воображенія, *знанія* природы". (Пушк. „О вдохновеніи и восторгѣ").

„Писать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудой: вдохновенія несыщешь; оно само должно найти поэта". (П. „Пут. въ Арзр." 1829 г.).

Вестникъ—І. Эаз. Шестодневъ: Всякое животное смотритъ внизъ, человѣкъ—вверхъ, потому что сроденъ съ небомъ и туда восходитъ умомъ: „Или небоудеши самъ искоуснлъ чл҃че другоици

Digitized by Google

на млтвѣ стоѥ, нако ти се въземлеть оумъ выше нбсъ в аны бо лѣпная та мѣста виде се твориши.... и съ тѣми стми радуѥ се хвалиши Б̃а". (с. 199).

Бѣлинскій: „Если н подъ словомъ „вдохновеніе" разумѣю нравственное опьяненіе, какъ бы отъ пріема опіума или дѣйствія виннаго хмели, изступленіе чувствъ, горячку страсти, которыя заставляютъ непризваннаго поэта изображать предметы въ какомъ-то безумномъ круженіи, выражаться дикими, натянутыми фразами, неестественными оборотами рѣчи, придавать обыкновеннымъ словамъ насильственное значеніе: то какъ вразумите вы меня, что „вдохновеніе" есть состояніе духовнаго ясновидѣнія, кроткаго, но глубокаго созерцанія таинства жизни, что оно, какъ бы магическимъ жезломъ, вызываетъ изъ недоступной чувствамъ области мысли свѣтлые образы, полные жизни и глубокаго значенія, и окружающую насъ дѣйствительность, нерѣдко мрачную и нестройную, являетъ просвѣтленною и гармоничесаою? Поэзія и наука тождественны, если подъ наукою должно разумѣть не одни схемы знанія, но сознаніе кроющейся въ нихъ мысли. Поэзія и наука тождественны, какъ постигаемыя не одною какою-нибудь изъ способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовнаго существа, выражаемою словомъ „разумъ". Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзкою чертою отдѣляются отъ такъ называемыхъ „точныхъ" наукъ, нетребующихъ ничего, кромѣ разсудка и развѣ еще воображенія.... „Подъ словомъ „точныхъ" истинъ разумѣются тѣ истины, которыхъ очевидности и непреложности неможетъ непризнать ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, не лишенный здраваго смысла... „Въ этомъ отношеніи наука въ высшемъ ея значеніи, т. е. философія и поэзія, тождественны: та и другая равно далеки отъ того, что имѣетъ хотя видъ „точности". (Бѣлинск. Сочвн. IV, 253—4, 1841 г.).

Digitized by Google

Поэзія и проза. Ихъ дифференцированіе.

Если смотрѣть на поэзію прежде всего и главнымъ образомъ, какъ ни извѣстный способъ мышленія и познанія, то также нужно будетъ смотрѣть и на прозу [1]). Каково бы ни было въ чистности рѣшеніе вопроса, почему поэтическому мышленію болѣе (въ его менѣе сложныхъ формахъ), чѣмъ прозаическому, сродни музыкальность звуковой формы, т. е. темпъ, размѣръ, созвучіе, сочетаніе съ мелодіей; оно неможетъ подорвать вѣрности положеній, что поэтическое мышленіе можетъ обходиться безъ размѣра и пр., какъ наоборотъ, прозаическое можетъ быть искусственно, хотя и не безъ вреда, облечено въ стихотворную форму; что въ эмбріональной формѣ поэзіи, словѣ, невѣдомость представленія или его отсутствіе несказывается въ звукахъ (внѣшней, звуковой формѣ).

Какъ для опредѣленія поэзіи обратимся къ ея простѣйшей формѣ, т. е. къ слову съ живымъ представленіемъ; такъ для генетическаго опредѣленія прозы слѣдуетъ взять во вниманіе слѣдующее. Жизнь такого слова съ внутренней стороны состоитъ въ томъ, что около представленія собираются выдѣленные изъ чувственныхъ образовъ признаки, пока представленіе нестанетъ съ ними въ противорѣчіе или непотеряется въ ихъ массѣ, какъ несущественное. Тогда слово теряетъ представленіе и остается лишь звуковымъ посредникомъ между познаваемымъ или объясняемымъ и объясненіемъ (первообразная форма прозы). Въ рѣчи оно явлется лишь краткой формулой, которой цѣнность—въ томъ, что она можетъ быть превращена непосредственно въ опредѣленную величину, или рядъ такихъ величинъ каждый разъ, когда на ней остановили вниманіе. Поэтому, если значеніе слова для мысли вообще, безъ различія двухъ его состояній, можно сравнить съ употребленіемъ условныхъ цѣнностей въ торговлѣ; то слово образное—деньги, безóбразное—ассигнаціи и векселя. При этомъ прозаическое слово нестанетъ обрывнымъ отъ того, что мы, такъ сказать, размѣняемъ его на конкретный образъ, что, на пр., по

[1]) Бѣлинскій IV, 253—4: поэзія и философія.

Digitized by Google

поводу услышаннаго выраженія „картина такого-то „Еловый лѣсъ", мы одновременно представимъ себѣ знакомую намъ картину (ея образъ), а нестанемъ вызывать въ сознаніе послѣдовательно возникающаго ряда ея признаковъ (понятія) [1]). Въ обонхъ случаяхъ, т. е. замѣняется ли прозаическое слово образомъ или понятіемъ, то и другое стремится къ уравненію съ познаваемымъ при помощи этого слова. Уравненіе понятія съ познаваемымъ есть его опредѣленіе. Усложненіе этой послѣдней дѣятельности создаетъ науку.

Наиболѣе общія категоріи науки, *фактъ* и *законъ*, напоминаютъ категорія искусства, въ частности поэзіи: *образъ* и *значеніе*, но во многомъ отличны отъ этихъ послѣднихъ.

а) Установленіе факта предполагаетъ въ предѣлахъ всеобъемлющей субъективности человѣческой мысли совершившееся разграниченіе областей объективнаго и субъективнаго; онъ есть результатъ критики, т. е. сомнѣнія, завершившагося сознательнаго отнесенія мысленнаго къ первой изъ этихъ областей.

На раннихъ ступеняхъ развитія человѣчества и человѣка господствуетъ вѣра въ объективность, истинность мысли. Наука и тождественная съ нею критика предполагаетъ уже появившееся сознаніе, что мысли, вызывающія другъ друга, могутъ себѣ противорѣчить, что ихъ теченіе можетъ быть истинно и ложно (Zeit. f. Völkerpsychol. VIII, 168).

Поэтическій образъ ненуждается въ такой повѣркѣ. Поэтическая правда, напр., выраженія „безумныхъ лѣтъ *угасшее* веселье" состоитъ въ способности или неспособности вызывать въ мысли извѣстное значеніе, а не въ повѣркѣ тождества, или нетождества веселья со свѣтомъ, способности или неспособности веселья угасать. Поэтическая правда — мѣткость слова. Тоже и въ примѣненіи къ болѣе сложнымъ поэтическимъ образамъ.

---

[1]) Если ученое возстановленіе представленія въ словѣ недѣлаетъ этого слова для насъ поэтичнымъ, то изъ этого слѣдуетъ: поэтическое мышленіе есть то, для котораго образъ существенно важенъ, такъ или иначе направляя мысль, измѣняя результаты мышленія; когда же значеніе обобщилось и окрѣпло, то наглядный способъ его обозначенія (=дидактичность, напр. нѣсколько пословицъ на одну тему) несдѣлаетъ мышленія поэтичнымъ.

Digitized by Google

б) Та вещь кубической формы и пр., которая лежитъ передо мною, есть не фактъ, а совокупность безчисленнаго множества фактовъ и соотвѣтственныхъ законовъ математическихъ, геометрическихъ, механическихъ, физическихъ, химическихъ, естественно-историческихъ и пр. Отъ конкретнаго явленія въ научномъ фактѣ остается только то, что имѣетъ отношеніе къ соотвѣтственному закону. Общая формула науки есть уравненіе: *фактъ = закону*. Что неподходитъ подъ нее, есть заблужденіе, ведущее къ отысканію новаго тождества. Само собою, что безъ постояннаго нарушенія и возстановленія закона тождества небыло бы человѣческой науки; какъ если бы равновѣсіе, спокойствіе было не стремленіемъ только, то небыло бы жизни съ ея ростомъ и умаленіемъ. Однако мы можемъ наблюдать случаи продолжительнаго сохраненія равенствъ между фактами и законами не только въ математическихъ положеніяхъ, въ родѣ: „треугольникъ А — съ точки зрѣнія равенства внутреннихъ угловъ двумъ прямымъ"; но и въ другихъ, въ родѣ: „русское слово А, кончающееся на согласную", по отношенію къ положенію, что „всякое такое слово (если незанмствовано) потеряло гласную на концѣ", или „слово А безъ представленія имѣло нѣкогда представленіе".

Фактъ, понятый въ этомъ смыслѣ, возникаетъ въ мысли изъ болѣе сложныхъ комплексовъ одновременно съ возникновеніемъ или возстановленіемъ въ ней закона. Но если, согласно съ обычнымъ способомъ выраженія, подъ фактомъ разумѣть эти болѣе сложные комплексы: то можно сказать, что научное мышленіе есть заключеніе отъ факта, какъ частнаго, разсматриваемаго въ извѣстномъ отношеніи къ однороднону съ нимъ закону; что *законъ одинаково выражается во всѣхъ однородныхъ фактахъ; что законъ постоянекъ, неподвиженъ, опредѣленъ*, между тѣмъ какъ *факты*, въ коихъ онъ выражается, *измѣнчивы, подвижны, неопредѣленны*. При этомъ можно разумѣть то, что для поясненія принѣромъ такого-то общаго свойства треугольниковъ можно взять любой изъ безчисленнаго множества возможныхъ треугольниковъ; при добываніи общаго положенія „всякое слово рождается съ представле-

Digitized by Google

ніемъ и стремится, къ его потерѣ", качество и количество частныхъ случаевъ, съ конхъ мы начинаемъ, неизмѣнитъ результата [1]). Законъ относительно неподвиженъ и въ другомъ смыслѣ. Онъ представляется болѣе объективнымъ, чѣмъ частныя воспріятія, ибо въ силу большей отвлеченности разница въ его пониманіи разными людьми можетъ быть выпущена изъ вниманія.

Отлично отъ этого общая формула поэзіи (resp. искусства) есть „A (образъ) < X (значеніе)", т. е. между образомъ и значеніемъ всегда существуетъ такого рода неравенство, что A меньше X. Установленіе равенства между *A* и *X* уничтожило бы поэтичность, т. е., или превратило бы образъ въ прозаическое обозначеніе частнаго случая, лишеннаго отношенія къ чему-либо другому (см. вышесказанное по поводу стихотв. Фета „Облакомъ волнистымъ"), или превратило бы образъ въ научный фактъ, а значеніе въ законъ. X по отношенію къ A есть *всегда* нѣчто *иное*, часто даже неоднородное. Поэтическое мышленіе есть поясненіе частнаго другимъ неодиородимымъ съ нимъ частнымъ [2]).

Поэтому, если поэзія есть иносказаніе, *ἀλληγορία* въ обширномъ смыслѣ слова, то прова, какъ выраженіе элементарнаго на-

[1]) *Проза:* (Кн. Андрей) видѣлъ въ Сперанскомъ „разумнаго, строго мыслящаго, огромнаго ума человѣка.... Сперанскій въ глазахъ князя Андрея былъ именно тотъ человѣкъ, разумно объясняющій всѣ явленія жизни, признающій дѣйствительнымъ только то, что разумно, и ко всему умѣющій прилагать мѣрало разумности, которымъ онъ самъ (кн. Андрей) хотѣлъ быть.... Непріятно поражало кн. Андрея слишкомъ большое презрѣніе къ людямъ, которое онъ замѣчалъ въ Сперанскомъ, и разнообразность пріемовъ въ доказательствахъ.... Онъ употреблялъ всѣ возможныя орудія мысла, *исключая сравненія*, а слишкомъ смѣло, какъ казалось кн. Андрею, переходилъ отъ одного къ другому. То онъ становился на почву практическаго дѣятеля и осуждалъ мечтателей, то на почву сатирика и иронически подсмѣивался надъ противниками, то становился строго логичнымъ, то вдругъ поднимался въ область метафизики (это послѣднее орудіе доказательства онъ особенно часто употреблялъ). Онъ переносилъ вопросъ на метафизическія высоты, переходилъ въ опредѣленія пространства, времени, мысли и, вынося оттуда опроверженія, опять спускался на почву спора.

Вообще главная черта ума Сперанскаго, поразившая кн. Андрея, была неизмѣнная, непоколебимая вѣра въ силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому немогла прійти въ голову та обыкновенная для кн. Андрея мысль, что нельзи всетаки выразить всего того, что думаешь, а никогда неприходило сомнѣніе въ томъ, что не вздоръ ли все то, что я думаю, и все то, во что я вѣрю". В. и М. II, 244—5.

[2]) *Примѣры:* Всякая сосна своему бору шумитъ (своему лѣсу вѣсть подаетъ). Далеко сосна состоитъ, а своему лѣсу вѣетъ. Въ связи съ „за моремъ веселье да чужое,

Digitized by Google

блюденія, и наука стремится стать въ нѣкоторомъ смыслѣ тождесловіемъ (*ταυτολογία*).

X (значеніе поэт. образа) замѣтно измѣняется при каждомъ новомъ воспріятіи A (образа) однимъ и тѣмъ же лицомъ, а тѣмъ болѣе — другимъ; между тѣмъ A (образъ), единственное объективно данное въ поэтическомъ произведеніи, при воспріятіи остается приблизительно неизмѣннымъ. Поэтому, въ противоположность отношенію закона и фаата, въ *поэзіи образъ неподвиженъ, значеніе измѣнчиво, опредѣлимо лишь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ*, а въ ряду случаевъ *безгранично*.

в) Въ наукѣ отношеніе частнаго случая къ закону (треугольникъ ABC—къ положенію, что „внутреннія углы равны двумъ прямымъ“) доказывается посредствомъ разложенія частнаго случаи. Полнота и точность анализа есть мѣра силы доказательствъ, вѣриости общаго положенія. Въ поэзіи (и вообще въ исаусствѣ) связь образа и значенія недоказывается. Образъ возбуждаетъ значеніе, неразлагаясь, а непосредственно. Если бы попытаться превратить изгибы поверхностей, образующихъ статую, въ рядъ математическихъ формулъ, то, неговоря уже о томъ, что при этомъ многое осталось бы неанализированнымъ, совокупность этихъ формулъ, воспринимаемыхъ послѣдовательно, недала бы впечатлѣнія статуи. Рядъ цифръ, означающихъ мелодію, чтобы дать музыкальное впечатлѣніе, долженъ быть превращенъ въ воображаемые или дѣйствительные звуки.

Случаи, когда картина требуетъ надписи (се левъ, а не собака) музыка—(словесной) программы, поэтическое произведеніе—объясненія, могутъ приготовить насъ къ пользованію художественностью этихъ произведеній; но въ ту минуту доказываютъ

а у насъ горе да свое“ ср. Салтык. „За рубежомъ“, Спб. 1881, 241 сл. 280—97. Хоть въ ордѣ, да въ добрѣ (ubi bene, ibi patria).

Субъективность: Всякая птичка своимъ носкомъ клюетъ. *Своекорыстіе, эгоизмъ:* Спаси меня, Богородица, и помилуй деревни Виткуловы самый крайній домъ (а прочихъ, какъ знаешь), Д. 666. (Всѣ недовольны) „к всякій требуетъ лично для себя конституціи, а прочіе пусть по прежнему довольствуются ранами и скорпіонами“. За рубежемъ, 24. Своя рубашка къ тѣлу ближе. Своя подоплека къ сердцу ближе. Сурово не бѣлье, свое рукодѣлье (всякому свое и немыто бѣло).

Digitized by Google

отсутствіе этого пользованія и временную, или постоянную негодность для насъ этихъ произведеній. Наоборотъ легкость апперцепціи художественнаго образа соразмѣрна его совершенству (для насъ) и испытываемому нами удовольствію.

Когда возникаетъ проза? Проза [1]) для насъ есть прямая рѣчь не въ смыслѣ первообразности и несложности, а лишь въ смыслѣ рѣчи, имѣющей въ виду или только практическія цѣли, или служащей выраженіемъ наука. Прозаичны—слово, означающее нѣчто непосредственно, безъ представленія, и рѣчь, въ цѣломъ недающая образа, хотя бы отдѣльныя слова и выраженія, въ нее входящія, были образны.

Лишь время возникновенія прозы, какъ выраженія степеней науки, уже предполагающихъ письменность, можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ указано съ приблизительною точностью. Но появленіе науки въ письменности не есть время ея рожденія, а рѣчь съ незапамятныхъ временъ имѣла и значеніе чисто практическое и кмѣстѣ подготовляла науку. Нельзя себѣ представить такого состоянія человѣка, когда бы онъ, говоря, непроизводилъ въ себѣ усложненія мысли, влекущаго за собой потерю представленій. Уже въ глубоко древнихъ слояхъ праиндоевропейскихъ языковъ находимъ прозаичные и кмѣстѣ научные элементы: мѣстоименія и происшедшія изъ нихъ грамматическія стихіи словъ, выраженія формальныхъ разрядовъ мысли; числительныя, представившіи свое содержаніе непосредственно, а не, какъ донынѣ въ нѣкоторыхъ кмеракавскихъ и африканскихъ языкахъ, при помощи образовъ: рука, двѣ руки, двѣ руки и двѣ ноги, человѣкъ; извѣстные глаголы, *ас*, *и* или *ja*.

Если прозаическіе элементы рѣчи и проза вообще—производны, то *не будетъ* ли *когда либо поэзія* вовсе *вытѣснена*

[1]) Лат. prosa sc. oratio, locutio изъ prosa, provorsa (какъ susum изъ sursum, subvorsum, retrosum изъ retrorsum, retrovorsum)—собственно, обращенная впередъ (какъ prosa sc. dea-богиня правильныхъ родовъ, головою ребенка впередъ), прямая въ томъ смыслѣ, что ее невогнулъ стихъ (prorsa oratio, quam non inflexit cantilena) или въ смыслѣ простой. Zeitschr f. Völkerps. II, 5, VIII, 22, Pott, Etymol. Forsch. 218

Digitized by Google

прозою? Къ предварительному рѣшенію этого вопроса можно подойти, заключая по аналогіи.

Разграниченіе дѣятельностей вообще неведетъ къ ихъ умаленію. Напр., въ индо-европейскихъ языкахъ нѣкоторыя музыкальныя свойства словъ (какъ различіе долготы и краткости гласныхъ, различіе восходящаго и нисходящаго удареніи, протяжность, приближающая простую рѣчь къ речитативу, повышеніи и понаженіи, усиленія и ослабленія голоса, какъ средства разграниченія отдѣльныхъ словъ) стремятся исчезнуть. Вмѣстѣ съ этимъ существуетъ и возрастаетъ съ одной стороны благозвучность связной рѣчи и стиха, и развитіе пѣсни, вокальной музыки, съ другой. Языки дикарей Африки и Америки, какъ утверждаютъ путешественники, настолько нуждаются въ поясненіяхъ указательными движеніями рукъ и губъ, что разговаривать для нихъ въ потемкахъ трудно. Вѣроятно, такъ было нѣкогда и во всѣхъ языкахъ. Если теперь даже ораторская рѣчь на англійскомъ, русскомъ и пр. можетъ вовсе несопровождаться жестами, то это выдѣленіе мимики неуничтожаетъ ея важности на сценѣ, при обученіи глухонѣмыхъ и возможности, дѣйствительности ея совершенствованія. Сюда же — разграниченіе чисто инструментальной и вокальной музыки и т. п. Такимъ образомъ вообще слѣды прежнихъ ступеней развитія, раздѣлясь, неизглаживаются, а углубляются.

Дифференцированье поэзіи и прозы неведетъ къ гибели поэзіи.

а) Образность языка въ общемъ неуменьшается. Она исчезаетъ только въ отдѣльныхъ словахъ и частяхъ словъ, но не въ языкѣ; ибо новыя слова создаются постоянно, а тѣмъ больше, чѣмъ дѣятельнѣе мысль въ языкѣ, а непремѣнное условіе такихъ словъ есть живость представленія. [1]) Чѣмъ сильнѣе развивается языкъ, тѣмъ болѣе въ немъ количество словъ этимологически прозрачныхъ. Поэтому нельзя утверждать, что степень звуковой первообразности языковъ соотвѣтствуетъ степени ихъ поэтичности.

[1]) О романскихъ языкахъ въ этомъ отношеніи см. Гена „Италія".

Digitized by Google

Эта первообразность, иначе консервативность, скорѣе можетъ указывать на медленность развитія лексической стороны языка. Литовскій языкъ въ звуковомъ отношеніи первообразнѣе славянскаго; но онъ скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе, славянскаго возбуждаетъ поэтическое творчество, если судить по тому, что народная поэзія русскихъ, сербовъ, болгаръ гораздо обширнѣе и выше литовской, насколько она намъ извѣстна по существующимъ сборникамъ Нессельмана, Шлейхера, Юшневичей.

б) Элементарная поэтичность языка т. е. образность отдѣльныхъ словъ и постоянныхъ сочетаній, какъ бы ни была она замѣтна, ничтожна сравнительно съ способностью языковъ создавать образы изъ сочетанія словъ, все равно, образныхъ или безобразныхъ. Слова: *гаснуть* и *веселье* для насъ безобразны; но „безумныхъ лѣтъ *угасшее веселье*“ заставляетъ представлять *веселье* угасаемымъ свѣтомъ, что лишь случайно совпадаетъ съ образомъ этимологически заключеннымъ въ этомъ словѣ (скр. *вас*—свѣтить; сюда же, а не къ *вас*—покрывать, мр. „*веселая* весна звеселила усі зірочки“).

в) Эти уже вторичные и производные мелкіе образы по дѣйствію мгновенны и малозамѣтны сравнительно съ болѣе сложными, какъ напр. сравненіе, въ свою очередь входящее, какъ черта, въ еще болѣе сложный образъ:

Какъ часто лѣтнею порою....
....Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой. (Онѣгинъ, 1, XLVII).

Два предпослѣднихъ стиха—представленіе, два послѣднихъ —значеніе; вся строфа вмѣстѣ—представленіе. Ср. ib. 2, XVIII, 7—14; XXI, 9—14 и пр.

Digitized by Google

г) Еще далѣе: такіе образы оставляютъ лишь мимолетныя впечатлѣнія сравнительно со всей картиной характеровъ и положеній въ толпѣ второстепенныхъ лицъ, средн картинъ природы, на фонѣ духа времени и мѣста,—картиной, развиваемой въ названномъ романѣ и др. подобныхъ.

Когда начинать съ мѣлочей и частностей, вліяніе языка намъ осязательно, ибо невозможность или возможность и эффектъ сочетанія двухъ словъ, дающихъ образъ, условлены давнымъ языкомъ. Но, по мѣрѣ приближенія къ цѣлой картинѣ, мы чувствуемъ возможность отдѣленія ея отъ словъ и частныхъ образовъ, которыми она написана. Такъ, живописная картина можетъ быть отвлечена отъ полотна и красокъ и извѣстныхъ пріемовъ и до нѣкоторой степени передана тѣмъ или другимъ способомъ рисованья, гравюры, мозаики, даже вышиванья на канвѣ квадратикамъ, изъ чего, конечно, неслѣдуетъ, чтобы она могла быть первоначально написана однимъ изъ послѣднихъ способовъ. Это—образъ того, что называютъ общечеловѣчностью искусства и науки. Только наука прямолинейнѣе и безцвѣтнѣе искусства, а потому отвлеченнѣе.

Такимъ образомъ въ правильномъ развитіи языка, въ разграниченіи въ немъ поэтическихъ и прозаическихъ стихій нельзя усмотрѣть ничего ведущаго къ ослабленію поэтической дѣятельности, напротивъ, многое ведущее къ усложненію и усовершенствованію поэтическихъ образовъ.

д) Обращаясь за тѣмъ прямо къ наблюденію поэтической производительности нашего времени, мы видимъ, что мнѣнія о ея паденіи могутъ быть основаны развѣ на недоразумѣніяхъ. Напр., иные безсознательно поддаются непровѣренному наукой пессимизму, подъ вліяніемъ устарѣлыхъ теорій смѣшиваютъ возвышенность съ поэзіей и пошлость съ прозой и, небудучи въ состояніи усмотрѣть вокругъ себя ничего, кромѣ пошлости, создаютъ себѣ мнѣніе о поэтическомъ прошедшемъ, напримѣръ о поэтичности среднихъ вѣковъ сравнительно съ прозаичностью новаго времени. Иные смѣшиваютъ поэзію съ извѣстными стихотворными

Digitized by Google

формами или вообще поэтическимъ направленіемъ и въ отживаньи ихъ видятъ упадокъ поэзіи.

Ничего общаго съ этимъ неимѣетъ совершающійся въ литературной жизни нашего вѣка переворотъ, о которомъ говорилъ уже Пушкинъ (Онѣгинъ, гл. 3, XI—XIV), какъ наблюдатель и участникъ:

„Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя,
Какъ совершенства образецъ....
... И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.
А нынѣче (1826—7) всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ....
.... Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы....
Друзья мои! Что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы.
Тогда романъ на старый (?) ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но *просто* вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства....

—Сквозь спокойный эпическій разсказъ пробьется лирическая струя:

„Я поведу ихъ (дѣтей) подъ вѣнецъ....
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,

Digitized by Google

Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили ни язынъ,
Отъ поихъ и теперь отвынъ".

Если устранить частности предположеннаго Пушкинымъ романа, то то, о чемъ онъ говоритъ, тотъ „новый бѣсъ смиренной прозы", простоты пересказа и замысла, противополагаемыхъ ходульности прежнихъ направленій, есть лишь переходъ къ высшей, болѣе сложной поэтической формѣ повѣсти и романа, поглотившей мѣлкія поэтическія формы и съ избыткомъ вознаградившей за ихъ потерю (Буслаевъ „О знач. соврем. романа", Мои досуги II).

Противъ мнѣнія о непоэтичности нашего времени [1]) можно выставить слѣдующія положенія:

Повѣсти и романы во всей Европѣ появляются тысячами и находятъ милліоны усердныхъ читателей; нерѣдко обогащаютъ авторовъ, въ болѣе образованныхъ странахъ дѣлаютъ особу ихъ непривосновенною, окружаютъ ее большимъ уваженіемъ, чѣмъ то, которымъ пользуются сильные міра. Если неслучатся непредвидѣннаго мірового переворота, это должно итти все прогрессивно, въ виду возрастанія грамотности и любви къ чтенію и въ виду огромныхъ массъ народа, еще незахваченныхъ этимъ литературнымъ теченіемъ. Количественно поэтическая производительность нашего времена или неуступитъ массѣ произведеній, накопленныхъ тысячелѣтіями, или превзойдетъ ее.

Какъ ни всеобъемлющи признанныя формы повѣсти и романа, но поэзія только тамъ, гдѣ она сосредоточеннѣе и сильнѣе, чище. Если есть основаніе находить ее напр. въ старинныхъ книжевыхъ запискахъ; то съ гораздо большимъ основаніемъ мы можемъ видѣть ее въ раздробѣ и въ смѣси съ прозаичностью и

[1]) —Даже Буслаевъ („Мои досуги", II, 260): „Въ *наше* (?!) новое непоэтическое время".... —Годы тутъ ничего незначатъ, а если *наше* время—вѣкъ, то Шиллеръ, Гете и пр.; Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ и др.; В. Гюго и плеяда романистовъ съ Бальзакомъ и Ж. Зандомъ; Пушкинъ, Лермонтовъ и плеяда романтиковъ, и т. д. —какой вѣкъ поэтичнѣе нашего?

Digitized by Google

въ ученой, и въ повседневной газетной литературѣ. Послѣдняя, удовлетворяя лишь злобѣ дня и незавѣщая потомству ничего великаго, цѣльнаго, быть можетъ, не только относительно общаго развитія, но и относительно поэтическаго творчества играетъ роль, сходную съ ролью мелкихъ животныхъ въ образованіи пластовъ земли. Мы можемъ видѣть поэзію во всякомъ словесномъ произведеніи, гдѣ опредѣленность образа порождаетъ неопредѣленность значенія, т. е. *настроеніе* за немногими чертами образа и при посредствѣ ихъ *видѣть* многое въ нихъ незаключенное; гдѣ даже безъ умысла автора или напереворъ ему появляется иносказаніе.

Какъ вообще, такъ и здѣсь форма не есть нѣчто вполнѣ отдѣлимое отъ содержанія, а относится къ нему органично, какъ форма кристалла, растенія, животнаго къ образовавшимъ ее процессамъ. Свободная и широкая поэтическая форма вынуждена свойствами мысли, именно относительнымъ совершенствомъ наблюденія и комбинацій и богатствомъ ихъ результатовъ. Тѣ современныя поэтическія созданія, которыя переживутъ нашъ вѣкъ, будутъ, конечно, выше средняго уровня нашей посредственности. Поэтому косвенно будетъ относиться и къ намъ то, что вѣрно относительно этого средняго уровня. Въ немъ мы замѣчаемъ усовершенствованіе пріемовъ и образовъ не меньшее того, которое поражаетъ насъ при сравненіи современнаго ландшафта и жанра съ живописью прежнихъ вѣковъ. Художникъ идетъ здѣсь объ руку съ цѣнителемъ, потому что послѣдній есть тотъ же художникъ, только не объективирующій своихъ образовъ, а находящій ихъ готовыми и отъ нихъ начинающій свое творчество (какъ рѣчь и пониманіе—двѣ стороны того же явленія). Такое настроеніе цѣнителя дѣлаетъ невозможнымъ появленіе на художественной выставкѣ вмѣсто лѣса, луга, горъ, неба, какія мы теперь видимъ даже на посредственныхъ картинахъ, олеографіяхъ, даже грошевыхъ эстампахъ, тѣхъ деревьевъ изъ отдѣльныхъ листиковъ неизвѣстной породы или тѣхъ метелокъ, того дѣтскаго маранья, которое выдается за изображеніе природы на лучшихъ картинахъ XVI—XVII, даже XVIII вѣка. Въ той ли самой мѣрѣ или нѣтъ,

Digitized by Google

но и искусство изображать человѣки подвинулось впередъ. Тоже и въ поэзіи.

Художественность образи и эстетичность впечатлѣнія, будучи постоянною принадлежностью искусства, есть величина чрезвычайно измѣнчивая. Что нехудожественно для насъ, то въ иныхъ случаяхъ было тиково для тѣхъ состояній, изъ коихъ мы выросли. Мы сами въ дѣтствѣ бывали въ восторгѣ отъ кукольнаго театра, а о впечатлѣніи настоящаго и очень плохого могли бы сказать словами пословъ Володимеровыхъ, пораженныхъ „красотою церковною“: „несвѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли“.

Наши требовательность относительно совершенства художественнаго образа такъ далека отъ притупленности чувствъ, какъ та масса знанія и любви къ ней, при помощи коей, напримѣръ, современный романистъ удовлетворяетъ нисъ, далека отъ невѣжества и равнодушія полудиларя.

Недѣйствующій органъ атрофируется. Возрастаніе требованій отъ поэтическихъ произведеній и вообще развитіе художественнаго чувства было бы невозможно, если бы это чувство неудовлетворялось. Наша требовательность относительно достоинствъ поэтическаго произведенія свидѣтельствуетъ противъ предполагаемаго паденія поэзіи.

Это, по сказанному выше объ органичности формы вообще, относится не только къ внутреннимъ свойствамъ образовъ, но и къ ихъ внѣшней формѣ.

Замѣчено, что послѣ того какъ побѣждены трудности стихотворства на русскомъ литературномъ языкѣ нашего вѣка, мы расположены строже судить о самой техникѣ стиха. Нельзя сказать, чтобы послѣ того какъ

„Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ“,

самая стихотворная форми была пережита, а невведена въ должныя границы.

Конечно, усиленіе поэтическаго чутья идетъ быть можетъ не во всѣхъ слояхъ народа равномѣрно. Наблюденіе отдѣльныхъ слу-

Digitized by Google

чаевъ повело къ предположенію, что самою неизмѣнною природою вещей предустановлено обратное отношеніе между народною поэзіей и литературою грамотныхъ классовъ: возникаетъ послѣдняя, падаетъ первая. Правда, мы видимъ у себя вытѣсненіе народныхъ пѣсень высокаго художественнаго и нравственнаго достоинства произведеніями линейской, солдатской и острожной музы. Мы должны предположить имѣстѣ съ этимъ въ той средѣ, гдѣ это происходитъ, пониженіе эстетическаго чутья. Но мы ненидимъ, чтобы это было условлено свойствами самой народной поэзіи и самой литературы. Это лишь временная болѣзнь нашего развитія. Литература, личная поэзія могли бы примкнуть къ преданію, поддержать его и недать въ немъ погибнуть тому, что достойно жизни.

Критика, сосредоточенность знаній и взаимодѣйствіе наукъ [1]).

Художественное, въ частности поэтическое произведеніе, подобно человѣку, растенію, животному, является средоточіемъ обширнаго круга наукъ. На поэтическое произведеніе можно смотрѣть съ точекъ зрѣнія, которыя можно сравнить съ точками зрѣнія химіи, морфологіи, физіологіи. Элементарный морфологическій составъ поэтическаго произведенія и его дѣйствіе, подобно всему существующему, имѣетъ свою исторію. Вся совокупность знаній, въ примѣненіи къ изученію поэтическаго произведенія, составляетъ *критику* [2]).

Если всякая отрасль знанія есть продуктъ великихъ усилій мысли, то сосредоточенность знаній, условленная тѣмъ, что поэтическое произведеніе важно для насъ, какъ конкретное цѣлое, есть дѣло тѣмъ болѣе трудное. Поэтому „l'art est difficile, la critique est aisée“ можетъ быть справедливо лишь въ примѣненіи къ фыркнью по поводу художественнаго произведенія, а не къ научной критикѣ. Замѣчательные критики болѣе рѣдки, чѣмъ замѣчательные

[1]) Эта глава, повидимому, составляла введеніе къ публичной лекціи объ Одиссеѣ.

[2]) Нельзя сказать, какого рода знанія *нежужны* при объясненіи состава, дѣйствія и происхожденія поэтическаго произведенія. Критика идетъ какъ бы противъ начала раздѣленія труда. Художественное произведеніе, какъ и человѣкъ, есть микрокозмъ.

Digitized by Google

художники и поэты. Великихъ критиковъ нѣтъ, но великая критика есть. Это справедливо и относительно русской словесности.

Чего можно ожидать въ будущемъ?—Фаустъ въ „Русскихъ ночахъ“ (изд. 1844 г.) Одоевскаго указываетъ, какъ на одно изъ главныхъ золъ нашего времени на гибельную *специальность*, которая нынѣ почитается единственнымъ путемъ къ знанію,—и обращаетъ человѣка въ камеръ-обскуру, вѣчно наведенную на одинъ и тотъ же предметъ: цѣлые годы онъ отражаетъ его безъ всякаго сознанія, зачѣмъ и для чего и въ какой связи этотъ предметъ съ другими? Еще до сихъ поръ есть люди, которые увѣрены, что чудеса англійской промышленности происходятъ отъ того, что тамъ, если человѣкъ дѣлаетъ винтъ, то дѣлаетъ его цѣлую жизнь и ничего, кромѣ этого винта въ мірѣ незнаетъ. Для этихъ господъ *сосредоточенность вниманія*, эта высшая духовная сила, могущая втянуть въ свою сферу всю природу, есть не иное что, какъ машина, которая колотитъ цѣлые годы по одному и тому-же мѣсту“ (346—7).

„Отъ безвѣрія въ возможность общихъ началъ, отъ навыка довольствоваться второстепенными случайными причинами, отъ непривычки къ высшему движенію духа“ (ib. 345), въ „сосредоточенности вниманія“, втягивающей въ свою сферу всю природу, происходитъ „раздоръ и разрозненность въ наукѣ и въ жизни.... анархія, споры неоканчаемые и труды безсвязные.... безсиліе человѣка предъ природой. Коснитесь какого угодно предмета.... соберите отвѣты людей *специальныхъ*, этихъ кандидатовъ въ *немогузнайки*, какъ говорилъ Суворовъ“ и „этотъ повальный обыскъ“ (ib. 347) подтвердитъ, что „ученые разбрелись въ разныя стороны, и каждый говоритъ языкомъ, котораго другой непонимаетъ“ (ib. 352), что они безсильны передъ природой.

Затѣмъ Фаустъ приводитъ рядъ мудреныхъ вопросовъ, безотвѣтность коихъ является упрекомъ современной наукѣ. Почему напр. химикъ неможетъ объяснять „нѣкоторыхъ историческихъ происшествій вліяніемъ химическаго состава веществъ, въ разныя времена употреблявшихся въ пищу человѣкомъ“? (ib. 347). Почему

Digitized by Google

человѣкъ, занимавшійся изученіемъ Китая, ни ботаникъ, ни медикъ неможетъ объяснить свойства и употребленія чудеснаго цѣлебнаго растенія жинсенка? и т. д.—Рядъ подобныхъ вопросовъ безконечевъ, какъ область познанія.

Я думаю, что, хотя значительная часть современной публики и отнесется съ недовѣріемъ или отрицаніемъ къ утвержденію, что связь наукъ потеряна, но когда-то она существовала, остальному она можетъ глубоко сочувствовать.

Трагизмъ положенія глубже, чѣмъ это можетъ казаться, потому что реномендуемын для выхода изъ него средства безнадежнѣе. Въ видѣ сожалѣнія объ утраченномъ лучшемъ прошедшемъ (котораго небыло)—желаніе лучшаго будущаго. Послѣднее въ разсматриваемомъ отношеніи лишь въ малой мѣрѣ зависитъ отъ усилій отдѣльныхъ лицъ.

Нельзя думать, что философія можетъ явиться распредѣлительницей ролей = главною распорядительницею умственной фабрики. Тотъ, который незанимается моимъ дѣломъ, большею частью и незнаетъ, наковъ тотъ винтъ, который и фабрикую. Какъ же онъ можетъ наставить меки относительно значенія этого винта въ машинѣ?

Ученый, по крайней мѣрѣ второстепенный, большею частью поставленъ матеріальными условіями своей жизни въ необходимость вснать лишь второстепенныхъ ближайшихъ причинъ („лучча синици в жмепі, кіж журавель в небі"). Если у него—достатокъ и досугъ, онъ дѣлаетъ тоже, потому что, оставаясь въ привычной колеѣ, мысль его достигаетъ болѣе цѣнныхъ продуктовъ на научномъ рынкѣ. Искусственно вліять на ученыхъ приманками—повижать цѣнность продуктовъ ихъ мысли. Съ теченіемъ времени человѣкъ все глубже врѣзывается въ свою колею. Одно лѣкарство—смерть и смѣна поколѣній; въ примѣненіи къ формирующемуся поколѣнію—обученіе. Цѣль дидактики—изыскать, что при данномъ состояніи наукъ можетъ наиболѣе содѣйствовать универсальности мысли, привычнѣ къ высшему движенію духа, что можетъ сообщить наиболѣе возвышенную точку зрѣнія на міръ.

Digitized by Google

Ранняя специализація можетъ быть оправдана лишь какъ слѣдствіе матеріальной нужды. Она противна природѣ дѣтскаго и юношескаго возраста. Одоевскій говоритъ, что дѣти научили его универсальности. Они хотятъ знанія вещей, а не сторонъ ихъ. Односторонняя гимнастика вредна даже въ томъ случаѣ, если бы гимнасіархи сами были въ ней мастерами.

Міръ ученыхъ не есть особый, автономный міръ. Въ ученомъ лишь интенсивнѣе совершается та дѣятельность мысли, что и въ другихъ. Онъ конденсаторъ разсѣянной въ людяхъ силы. Поэтому, если бы точно въ мірѣ ученыхъ усиливались раздоръ и взаимное непониманіе, то это значило бы, что весь человѣческій міръ находится въ періодѣ разрушенія, стремленія элементовъ врозь.

Противъ этого говоритъ многое. Содраганія собирательныхъ общественныхъ единицъ указываютъ на единство чувства. Собирательныя единицы становятся болѣе нервными. Усиливается начало національности и вмѣстѣ солидарности между народами (т. е. не только любви, но и вражды) въ связи съ большею силою взаимнаго пониманія. Чтобы сознательно не только любить, но и ненавидѣть человѣка, для этого нужно его знать. Ошибочно думать, что народныя антипатіи лишь слѣдствія недоразумѣній. Гдѣ нѣтъ незнанія, тамъ нѣтъ любви. Никогда понятіе о человѣчествѣ несуществовало въ такой полнотѣ и раздѣльности, какъ теперь. Наименѣе раздѣльно оно у тѣхъ, которые представляютъ себѣ человѣчество будущаго въ видѣ одного стада или многихъ одинаковыхъ стадъ, мирно пасущихся на одной нажити. Это—противъ указаній исторіи органической жизни земли, противъ указаній и исторіи въ тѣсномъ смыслѣ и палеонтологіи: универсальность типа есть его первобытность и несложность, обособленія личности безъ обособленія народности несуществуетъ.

Широта возрѣнія не въ томъ, чтобы видѣть все, а въ томъ, чтобы напр. *въ наукѣ* сознательно стоять на своей точкѣ зрѣнія, недумая, что съ нея видно все, признавая законность, необходимость другихъ точекъ зрѣнія (противъ этого правила ученые, по крайней мѣрѣ второстепенные, часто погрѣшаютъ); *въ поли-*

Digitized by Google

тикъ—стоять на точкѣ своей національности болѣе широкой, чѣмъ точки партіи, и недумать, что міръ и цивилизаціи рушатся, когда высыхаетъ лишь то болото, въ коемъ мы квакаемъ.

Если въ дѣйствительности всякъ идетъ прямо, ауда глаза глядятъ, гонитъ свою борозду, жнетъ свою полосу; если инмѣренныя усилія захватить и смежныя борозды частью приводятъ къ незначительнымъ результатамъ, частью безуспѣшны; если нѣтъ такихъ надсмотрщиковъ, которые бы давали порядокъ работѣ, или они и есть, да ихъ никто неслушнетъ; если тѣмъ не менѣе раздѣленіе труда приводитъ къ его сосредоточенію: то должны быть самодѣйствующіе регуляторы этого труда.

Какъ абсолютная истина, такъ и абсолютная универсальность недостижимы, но стремленіе къ нимъ доводитъ до новаго развитія силъ и новаго усложненіи и углубленія содержанія.

Возвращаюсь къ вопросу о взаимодѣйствіи наукъ. Никогда оно небыло столь возможно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ дѣйствительно, какъ теперь. Благодаря механичности регулятора, наука, преслѣдуя свои узкія цѣли, достигаетъ возможности вліянія внѣ своей сферы. Спеціализація труда въ зрѣломъ возрастѣ, насколько она увеличиваетъ успѣшность личной дѣятельности, единственный путь къ возможной универсальности. Говорю *насколько*, потому что „заставь дурака Богу молиться“ и пр.

Наше время представляетъ примѣръ взаимодѣйствія наукъ и избранія лицами срединныхъ путей: языкознаніе и физіологіи, языкознаніе и психологія, языкознаніе и исторіи; психологія и физіологіи. [1])

Il faut cultiver notre gardin. Этимъ мы оплодотворимъ смежныя поля. Значительное совершенство въ изображеніи человѣческой фигуры оказало вліяніе на возникновеніе современной ландшафтной живописи; изобразительныя искусства вліяютъ на теоретическое изученіе природы и обратно. Въ нѣкоторыхъ, при томъ не вто-

[1]) Иловайскій говоритъ о некомпетентности нынѣшняго языкознанія въ вопросахъ историко-археологическихъ. Онъ игнорируетъ ту компетентность, которая состоитъ въ запрещеніи извѣстныхъ пріемовъ.

Digitized by Google

ростепенныхъ, а очень существенныхъ отношеніяхъ художникъ лучше знаетъ природу, чѣмъ ботаникъ, зоологъ, анатомъ. Между художникомъ и естествоиспытателемъ въ тѣсномъ смыслѣ—отношеніе, какъ между художникомъ слова и филологомъ или лингвистомъ.

Вниманіе къ простѣйшимъ, постоянно повторяющимся явленіямъ жизни даетъ возможность понимать явленія сложныя. Наука и состоитъ именно въ рисчлененіи этихъ послѣднихъ. Такъ въ частности, наблюденіе и пониманіе того, что происходитъ въ насъ каждый разъ, когда мы думаемъ словами и говоримъ, если не вполнѣ разъяснитъ намъ свойства поэзіи и науки, то значительно измѣнитъ тѣ мысли объ этихъ явленіяхъ, которыми мы пробавлялись по старой памяти.

Твердо держась правила измѣрять большое, неопредѣленное, лишь неподовольно обхватываемое мыслью, малымъ и опредѣленнымъ; въ частномъ случаѣ, придерживаясь сравненія слова съ одной—и поэзіи и науки съ другой стороны, можно прійти по меньшей мѣрѣ къ одному выводу, нелишенному практической важности: поэзія не разъ когда-либо въ прошедшемъ человѣчества и не изрѣдка, отъ времени до времени, а постоянно служитъ источникомъ науки, которая въ свою очередь питаетъ новое поэтическое творчество. И такъ, мы вѣримъ, будетъ, пока живутъ люди. Но жизнь человѣчества течетъ волнами съ измѣнчивымъ уровнемъ, быстротою, силою. Нельзя изсушить источника поэзіи, но можно временно засорить его. „Взрывая, возмутишь ключи", говоритъ Тютчевъ, и то, что направлено къ ослабленію поэтическаго творчества, косвенно ослабляетъ и науку, и наоборотъ. Таковы, напримѣръ, насильственныя измѣненія въ языкѣ, его дезорганизація отъ чрезмѣрнаго вторженія посторонныхъ стихій. Въ концѣ все перемелется—мука будетъ; но, пока она будетъ, проходятъ столѣтія. Такъ, старинная русская письменность, за исключеніемъ Слова о полку Игоревѣ, представляетъ почти пустыню въ смыслѣ отсутствія поэтическаго творчества....

Digitized by Google

Условія процвѣтанія и паденія поэзіи.

Потребность исходить отъ образа есть всегда. Рѣчь — не объ измѣненіи количества разсѣянныхъ въ языкѣ поэтическихъ элементовъ, а объ ихъ сосредоточеніи въ болѣе видныя и крупныя цѣлыя.

Языки создаются тысячелѣтіями, и если-бы напр. въ языкѣ русскаго народа, письменность коего лѣтъ 900 была лишена поэзіи, небыло поэтическихъ элементовъ, то отауда взялось бы ихъ сосредоточеніе въ Пушкинѣ, Гоголѣ и послѣдующихъ романистахъ? Откуда быть грозѣ, если въ воздухѣ нѣтъ электричества? Даже болѣе: поэтическія стихіи языка даже и немогутъ существовать только въ видѣ элементовъ. Сила сберегается только трудомъ. Должны были быть и поэтическія произведенія, но лишь въ другихъ сферахъ. Расцвѣтъ поэзіи (т. е. письменной) есть результатъ извѣстной степени взаимодѣйствія до того различныхъ теченій мысли.

Есть двѣ стороны поэтическихъ произведеній: образъ и значеніе. Что содѣйствуетъ конкретности, прочности, значительности образовъ, то содѣйствуетъ процвѣтанію поэзіи и наоборотъ.

Говорить о практичности нашего вѣка, выражающейся въ томъ, что мы не хотимъ искусства для искусства и отъ любимой поэтической формы нашего времени (романа), кромѣ забавы, требуемъ поучительности, въ силу чего уже неудовлетворяемся сказаами, съ похожденіями невѣроятныхъ героевъ, которыя еще въ 40-хъ годахъ выдавались за романы („Вѣчный Жидъ“, „Монтекристо“), Бусл. О знач. совр. романа. Въ этомъ много неяснаго. Конечно, человѣчество жило недаромъ и накопило къ нашему времени больше знаній, чѣмъ ихъ было прежде. Въ смыслѣ большого умѣнья пользоваться природой нашъ вѣкъ можетъ быть практичнѣе другихъ. Можетъ быть, можно назвать большей практичностью и то, что это большее знаніе вошло, какъ матеріялъ,

Digitized by Google

въ поэзію и условило собою бо́льшую конкретность и поучительность ея образовъ. Но какой же нѣтъ небылъ практиченъ по своему, по своему знанію и вѣрѣ? Развѣ при извѣстномъ воззрѣніи невполнѣ практично отвращаться отъ міра и умерщвлять плоть ради благъ будущей жизни? И какъ никакой нѣтъ непропов'ѣдовалъ искусства для искусства, разумѣя подъ этимъ, что искусство, не расширяя знанія и невозвышая чувства, не принося осязательной пользы, должно производить только мимолетные, безслѣдные результаты; такъ и въ нашъ вѣкъ „искусство для искусства“—обычное выраженіе требованія художественности, способности образа дѣйствовать, производить практическія послѣдствія.

Мы, которые, какъ доказано, вовсе не враги фантастичности, если она намъ по плечу, дѣйствительно находимъ извѣстные романы устарѣлыми вовсе не потому, что они фантастичны, а потому, что они поэтически невѣроятны.

Все, что съуживаетъ кругъ наблюдаемыхъ явленій, дѣлаетъ односторонніе точки зрѣнія, ограничиваетъ средства выраженія, ведетъ къ паденію искусства. Паденіе или отсутствіе письменной поэзіи наступаетъ, когда письменность сосредоточена въ ограниченномъ классѣ народа, забывающемъ, что избранные существуютъ для среды, изъ коей избравы судьбою; что интересы рода выше интересовъ вида и недѣлимыхъ. Литература, въ частности поэзія, всегда, т. е. и во времена своего процвѣтанія, аристократична въ томъ смыслѣ, что создается и движется умами, стоящими выше толпы; но, говоря образомъ знакомымъ русской поэзіи, пророкъ остается пророкомъ лишь до тѣхъ поръ, пока проникнутъ своимъ признаніемъ „глаголомъ жечь сердца людей“, т. е. людей безъ ограниченія видомъ. Это предполагаетъ въ высшемъ умѣ стремленіе къ массѣ, любовь къ ней; ибо невозможно ни любить, ни дѣлать добро тѣмъ, кого презираешь. Говорить уму и сердцу

Digitized by Google

людей можно лишь зная то, что они знаютъ и кое-что сверхъ того, и лишь въ нихъ языкѣ.

Отчужденность литературнаго класса общества, ограниченность круга наблюдаемыхъ явленій, односторонность точекъ зрѣнія и бѣдность средствъ выраженія, въ частности языка, и результатъ всего этого—слабость или отсутствіе поэзіи, находятся въ такой зависимости, что отъ одного изъ этихъ моментовъ можно заключать но всѣмъ прочимъ.

Въ Европѣ, насколько извѣстно, временъ литературнаго коснѣнія или паденія поэзіи, съ одной, и процвѣтанія, съ другой стороны, находятся въ зависимости отъ отношенія пишущихъ къ традиціи (преданію, образцамъ).

Бываютъ условія, порождающія въ верхнихъ слояхъ презрѣніе къ окружающей дѣйствительности и устремляющія надежды лишь къ возстановленію прошедшаго или построенію будущаго. При этомъ прошедшее усвояется односторонне. Изученіе прошедшаго неоживляетъ мысли, а опѣшиваетъ ее. Въ словесности (разсматривая часть вмѣсто цѣлаго) прежнія средства ввижутся прекрасными не относительно своего содержанія, а безусловно. При пользованіи ими является ошибочное заключеніе—cum hoc ergo propter hoc: это было цѣлесообразно въ свое время, стало быть, оно таково и теперь и всегда. Отказавшись отъ своего ума, даже умный отъ природы писатель становится рабскимъ и глупымъ подражателемъ и продѣлываетъ исторію дурня въ извѣстной пѣснѣ: „Задумалъ дурень на Русь гулять", поступаетъ по пословицѣ: „заставь дурака Богу молиться, онъ и лобъ разобьетъ".

Является умышленное, требующее подчиненія отъ другихъ стремленіе изображать дѣйствительность традиціонными чертами ей несвойственными, далекими отъ нея, исключающими огромную долю ея содержанія и несважающими остальную, ради мнимаго ея украшенія и возвеличенія. Это въ области выраженія даетъ надутость образовъ, риторичность или, съ другой стороны, вредную для мысли отвлеченность и блѣдность, вообще *манерность* въ значеніи отличномъ отъ *стиля*—слова, понимаемаго преимущественно въ

Digitized by Google

хорошемъ смыслѣ. Языкъ стремится при этомъ стать мертвымъ, и чѣмъ онъ мертвеннѣе, тѣмъ выше толпы и аристократичнѣе кажется себѣ самому пишущій ни немъ. Этотъ личный мотивъ играетъ важную роль *въ стремленіи* безплодныхъ въ поэзіи, замкнутыхъ въ себѣ литературныхъ классовъ, obscurorum virorum, рожденныхъ въ ретортѣ, но неспособныхъ свѣтить гомункуловъ (Фаустъ Гёте), *къ мертвенности* литературнаго языка. Гёте говоритъ: Der Schulmann indem er lateinisch zu schreiben und zu sprechen versucht, kommt sich höher und vornehmer vor, als er sich in seinem Alltagsleben dünken darf (Goethe, Sprüche 161). Это примѣняется не къ одному латинскому языку [1]), подпавшему высокое развитіе національной поэзіи въ Италіи въ XVII в. [2]), сдѣлавшему тоже въ Польшѣ, въ коей за временемъ блестящихъ писателей, пользовавшихся туземнымъ языкомъ, истинныхъ знатоковъ древности и истинныхъ патріотовъ, какъ Кохановскій, Шимоновичъ, Кленовичъ,

[1]) Враждебное отношеніе православнаго духовенства къ мѣстнымъ нарѣчіямъ основано, повидимому, на устарѣломъ и дурно понятомъ фактѣ, что первыя произведенія на чисто-малорусскомъ языкѣ имѣли характеръ пародій; или на предположеніи, что вообще мѣстные говоры могутъ заключать въ себѣ лишь вульгарныя (площадныя, бранныя) и шутливыя выраженія; или на забвеніи того, что самъ Христосъ говорилъ, какъ выражаются нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ о малорусскомъ народномъ языкѣ, на жаргонѣ. Въ 26 № (26 января 1868 г.) Новостей перепечатано:

„Одинъ изъ наблюдателей въ отчетѣ своемъ о церковно-приходскихъ школахъ его уѣзда донесъ .... Херсонскому Епархіальному училищному совѣту, что у нѣкоторыхъ изъ законоучителей церковно-приходскихъ школъ замѣчается стремленіе упрощать библейскія и евангельскія выраженія словами мѣстнаго нарѣчія; напримѣръ, слово „Евангеліе“ объясняется „то, що нивъ у церкви чытае“, „діяволъ“ — „брехунець“, и что этотъ недостатокъ замѣчается у законоучителей нетолько церковно-приходскихъ школъ, но и земскихъ. Вслѣдствіе этого, какъ сообщаютъ „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости“, мѣстный Епархіальный училищный совѣтъ, въ силу опредѣленія своего отъ 30 Іюня и 29 Іюля 1867 г. за № 11 ст. 6 предлагаетъ духовенству, при преподаваніи Закона Божія, избѣгать вульгарныхъ и шутливыхъ выраженій изъ мѣстнаго нарѣчія, несоотвѣтствующихъ важности предмета“.

[2]) Въ XVII ст. побѣда (древняго стиля надъ новымъ) совершилась: Италія утратила духъ творчества, уделялась болѣе и болѣе къ міръ латинскій, и почти промѣняла свой новый, свѣжій языкъ, сотворенный подвигами Данте, Петрарки, Аріосто, Тасса, на языкъ латинскій. Число писателей латинскихъ въ Италіи XVII вѣка превышаетъ число итальянскихъ, а сіи послѣдніе заклеймены отвержеаннымъ (то есть ставшимъ презрительнымъ) именемъ seicentisti (шестисотеяные, то есть писатели тысяча шестисотыхъ годовъ), писателей XVII вѣка, какъ самаго безплоднаго и несчастнаго для словесности итальянской. Шевыревъ С. (Теорія поэзіи въ ист. разв. 82—3).

Digitized by Google

слѣдуетъ XVII вѣкъ макаронизма, іезуитства и крайняго развитія шляхетской замкнутости, вѣкъ рѣшившій политическую гибель Польши. Тоже въ общемъ слѣдуетъ сказать и о другихъ языкахъ.

Такъ на Руси односторонность, неполнота, слабость дѣйствія просвѣтительнаго начала сказывается въ томъ, что въ письменности въ X по XVII ст. включительно нѣтъ ни одного стихотворца; кромѣ „Слова о П. Иг., ни одного поэтическаго произведенія, достойнаго этого имени—между тѣмъ какъ въ нелитературныхъ слояхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, живая струя поэзіи непрекращалась.

„*Отсутствіемъ стихотворства*“, преобладаніемъ требованій литературы греческой (византійской) въ книжной (русской) литературѣ среднихъ вѣковъ объясняется.... отсутствіе въ ней стихотворнаго отдѣла“.... чѣмъ „она такъ отличается отъ литературъ западныхъ того времени.... Въ Византіи нецвѣло стихотворство, стихотворцевъ художниковъ небыло; небыло ихъ между книжниками и тамъ, гдѣ господствовало вліяніе Византійской литературы... какъ на Руси..., такъ у Сербовъ православныхъ и у Болгаръ, между тѣмъ какъ у Сербовъ въ приморьи Адріатическомъ разцвѣло стихотворство уже въ XV вѣкѣ“.

„Изъ этого неслѣдуетъ, что и у Сербовъ и у Болгаръ, и у насъ небыло прежде любви къ стихамъ въ народѣ: пѣсни пѣлись болѣе, чѣмъ послѣ.... но книжной литературѣ, организованной по мѣркѣ Византійской, *до нихъ небыло дѣла.* Съ другой стороны,—между тѣмъ какъ размѣръ русскаго народнаго стиха немогъ въ ней назваться приличнымъ, немогъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе отдѣлились языкъ и слогъ этого стиха отъ языка и слога книжной прозы,—немогли утвердиться въ ней и ризмѣры стиха, допущенные піитикой Византійской: они были слишкомъ ненародны, слишкомъ дики для смысла русскаго человѣка. Какъ немогла русская литература допустить изъ народной словесности ничего, что явно противорѣчило требованіямъ литературы Византійской (а силлабическіи вирши въ польской?), такъ немогла она допустить и изъ Византійской того, что явно противорѣчило народному вкусу. До XVI—XVII вѣка

Digitized by Google

литература русская оставалась безъ стихотворнаго отдѣла. Только съ ослабленіемъ Византійскаго вліянія на нашу литературу могло прекратиться въ ней отреченіе отъ стихотворнаго лада; только вслѣдствіе сближенія Русской литературы съ западной Европейской, гдѣ господствовали размѣры стиховъ болѣе сходные съ нашимъ народнымъ.... могло возродиться стихотворное направленіе въ нашей литературѣ (Срезневскій, Мысли объ ист. русск. яз. 93)[1]).

Къ XIV в. становится очень замѣтно, а далѣе усиливается раздѣленіе письменнаго языка на языкъ свѣтскихъ грамотъ и языкъ духовныхъ произведеній. Первый несопротивляется теченію времени, второй старается упорно держаться старины, измѣняя ее лишь по невѣжеству пишущихъ, и все болѣе и болѣе мертвѣетъ. Первыя изображаютъ дѣйствительность для удовлетворенія практическимъ потребностямъ, какъ планъ или карту, и не какъ картину: во вторыхъ дѣйствительность проникаетъ лишь украдкой. Выдѣлившаяся въ XIV вѣкѣ западнян и южная письменность до конца XVIII вѣка находится относительно проникновенія въ нее народнаго языка и годности для поэзіи еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ сѣверно-русская того же времени. На сѣверѣ туземный элементъ языка при существованіи только областныхъ видоизмѣненій, всетаки былъ цѣленъ и настолько силенъ, что пробивался наружу въ авторской чистотѣ и свѣжести въ цѣломъ рядѣ довольно обширныхъ сочиненій мірянъ, и иногда и духовныхъ лицъ. Пришлыя стихіи церковно-славянскія съ греческимъ успѣли стать до нѣкоторой степени туземными. На западѣ и югѣ русскій элементъ былъ двойственъ (бѣлорусс. т. е. въ основ. пр. и мр.), для собственной Литвы чуждъ, по причинамъ политическимъ—слабъ и податливъ.

Къ иноземнымъ стихіямъ церковно-славяно-греческимъ въ немъ съ самаго XIV вѣка и затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ въ боль-

[1]) Параллель къ этому: отсутствіе крупныхъ стихотворцевъ на русскомъ литературномъ языкѣ въ малороссіянѣ. Для Гоголя это языкъ—весной: „Сочиненіе мое будетъ на иностранномъ языкѣ". Россія у него противополагается Малороссіи (Письма Гоголя).

Digitized by Google

шей мѣрѣ присоединяется языкъ польскій, рабски подчиненный латинской конструкціи и уснащенный лексическими заимствованіями изъ латинскаго и нѣмецкаго. Преобладаніе этихъ дезорганизирующихъ примѣсей въ письменномъ языкѣ становится такъ велико, что нерѣдко онъ остается русскимъ лишь по письменамъ, лишь ради минимаго соблюденія законовъ, называвшаго оффиціальный языкъ Литовскаго княжества—русскимъ. Оторванность этого языка отъ почвы, непримиримость входящихъ въ него стихій, его неуклюжесть в негодность для поэзіи, какъ она понималась въ XVII вѣкѣ, были такъ велики, что сами православные іерархи, напр Л. Барановичъ, для стихотворной рѣчи предпочитали языкъ польскій. Такимъ образомъ письменный языкъ Великой Руси до XVII вѣка включительно заключалъ въ себѣ несравненно болѣе задатковъ литературнаго возрожденія, чѣмъ языкъ юго-западной Руси. Поэтому, кромѣ чисто политическихъ причинъ, самое возрожденіе въ Великой Руси наступаетъ столѣтіемъ раньше и съ неизмѣримо большею силою, чѣмъ въ Южной, и получаетъ общерусское значеніе [1]).

Цивилизація и народная поэзія.

> Litteratur ist das Fragment der Fragmente: das wenigste dessen, was geschah und gesprochen worden, ward geschrieben; vom Geschriebenen ist das wenigtse übrig geblieben. Göthe, Sprüche, 147.

Положеніе, что цивилизація и народная поэзія противоположны и несовмѣстимы,—ошибочно. Развѣ тѣ формы жизни, о

[1]) Настоящая глава, которой въ рукописи дано заглавіе „Условія процвѣтанія и паденія поэзіи", заканчивается конспективно слѣдующими замѣтками подъ заголовкомъ „Успѣхи новой русской письменности и въ частности поэзіи": 1. Превращеніе литературы въ свѣтскую, т. е. признаніе, что есть духовные высшіе интересы не исключительно религіознаго характера. 2. Въ связи съ этимъ и между собой: а) все большее и большее признаніе правъ просторѣчія, а стало быть и классовъ говорящихъ просторѣчіемъ. Въ отдѣльномъ лицѣ большее взаимное проникновеніе двухъ теченій; б) увеличеніе способности наблюденія и конкретности образовъ.

Digitized by Google

которыхъ свидѣтельствуютъ устныя поэтическія произведенія, какъ VI-ая и слѣдующія пѣсни Одиссеи (Навсикая и пр.) ее цивилизація? Вѣрнѣе, что господство письменности несовмѣстимо съ господствомъ устнаго преданія, съ той оговоркою, что письменность мертва, что она никогда небыла и неможетъ быть полнымъ отраженіемъ жизни, и что, стало быть, пользованіе ею возможно лишь настолько, насколько она оживляется и дополняется устнымъ преданіемъ. Такимъ образомъ противоположность *письменности* и вытекающаго изъ нея способа измѣненія поэтическаго образа и *устной поэзіи* небезусловно. Письменность, литературное преданіе можетъ питать устную поэзію [1]). Смѣна устнаго преданія письменностью есть рядъ разнообразныхъ и длинныхъ процессовъ; при наблюденіи отдѣльныхъ случаевъ и ихъ моментовъ, нужно спрашивать, насколько первое вытѣснено вторымъ и измѣнено имъ. Нерѣдко эти вопросы смѣшиваются, такъ что выходитъ, что вытѣсненіе есть вмѣстѣ и замѣна въ смыслѣ возникновенія.

Бываетъ порой, когда судно, влекомое вѣтромъ или теченіемъ рѣки, несетъ сѣдоковъ всѣхъ вмѣстѣ; кастушекъ другая, когда это судно можетъ двигаться впередъ только завозомъ: нѣсколько человѣкъ сходитъ съ него въ лодку и завозятъ впередъ якорь, къ нему притягивается судно. Всегда ли ихъ силы соразмѣрны тяжести судна?

Такъ, говорятъ, въ народной жизни настаетъ пора, когда „общее, безличное творчество“ (какъ въ языкѣ) уже недостаточно; мы требуемъ индивидуальности, потому что теперь она усвоила себѣ *лучшее* изъ народнаго духа, и самый этотъ духъ стоитъ на такой высотѣ, что дальнѣйшіе его успѣхи вытекаютъ уже не изъ него самого“ (въ его цѣльности) непосредственно, а при посредствѣ индивидуальныхъ усилій. Въ некультурное время это было иначе, и *народная поэзія должна приходить въ упадокъ*, какъ скоро общій духъ (Gesammtgeist) достигъ такой степени развитія,

[1]) Христіанскіе мотивы въ народной поэзіи; церковно-славянизмы въ малорусскихъ думахъ.

Digitized by Google

такого богатства, что проявляться въ бо́льшей силѣ онъ можетъ лишь индивидуально. Тогда *люди болѣе сильные* и *благородные духомъ* и *вмѣстѣ съ тѣмъ высшіе классы* общества отстраняются отъ народнаго творчества (Volksdichtung), послѣднее опускается до простонародности (пошлости, грубости, Gemeinheit), становится базарнымъ (wird Bänkelsängerei); *но за то* возникаетъ *искусственная* поэзія. Конечно, *одновременное процвѣтаніе* искусственной и народной поэзіи весьма возможно, но лишь при условіи, что народъ раздѣлится такимъ образомъ, что и на пользу народной поэзіи останется въ дѣйствіи много благородныхъ силъ" (H. Steinthal, Das Epos, Zeitschr. f. Völk. V,—1868,10).

Подобныя мысли высказывались и въ болѣе конкретномъ и интересномъ видѣ раньше и у насъ. Кулишъ (З. О. Ю. Р. I 1856, 180—2): „Отчего Гладкій (ib 165).... не воспѣтъ нашими слѣпцами такъ, какъ Палій...? Мнѣ скажутъ, что этому причиной общій упадокъ малорусскаго народнаго творчества, происходящій вслѣдствіе *обобщенія національностей*, или что причиною этому *отсутствіе* старосвѣтской *централизаціи* Малороссіи. Но то и другое будетъ справедливо только отчасти, и не въ приложеніи къ вопросу о слѣпцахъ. Я прибавлю третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что *духъ народный* ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ темной для нея исторической цѣли, и *возродился* въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей *любви* къ нему и *сознательно продолжающемъ* его духовную жизнь въ новыхъ формахъ цивилизаціи. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, *на какомъ бы языкѣ они ни были написаны*, суть продолженія первыхъ твореній малороссійскаго поэтическаго генія и никакимъ образомъ недолжны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ.... ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсодистовъ, *какъ* греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ—отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи....

Digitized by Google

... Великія явленія въ исторіяхъ литературъ неповторяются въ точной параллели между собою, но по одинаковости натуры общаго генія человѣческаго, они болѣе или менѣе имѣютъ между собою общее; и потому наши пѣсни, сложенныя народомъ, послужатъ, если непослужили уже отчасти, къ возсозданію вѣрнаго образа прошедшаго въ произведеніяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ вкуса новаго цивилизованнаго общества. *Мы* и *народъ — одно* и *тоже*, по нравственному развитію малороссійскаго населенія; но только онъ, съ его изустною поэзіею, представляетъ въ духовной жизни, *первый* періодъ образованія, а *мы* — начало новаго *высшаго* періода". . . . „*Наша* литература построена прямо на началахъ *его* изустной словесности", но.... „приняла въ себя новыя начала жизни". *Мы*, слѣдовательно, только *многосторонніе* своихъ предшественниковъ, украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же послѣ этого образомъ, современные намъ слѣпцы, неприналлежа къ развивающейся (преимущественно передъ прочими) части малороссійскаго населенія, а, составляя только его отребье, могутъ творить новыя дуны, въ уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности?"

Приведя это мѣсто, Пыпинъ. (Обз. мр. этногр. VI, В. Евр. 1885. XII, 788) замѣчаетъ: „Мысли въ общемъ справедливыя, хотя можно бы сказать ихъ проще. Дѣло въ томъ, что народная поэзія *вообще* исчезаетъ, становится *невозможной*, когда жизнь становится болѣе сложной — не только съ распространеніемъ цивилизаціи, но съ укрѣпленіемъ государственнаго быта; когда народная масса, за дѣйствіемъ новаго механизма національной жизни, теряетъ возможность отожествляться съ нею (какъ бывало во время болѣе патріархальныя) или даже слѣдить за ея явленіями: народъ можетъ слагать эпосъ лишь о томъ, въ чемъ онъ участвуетъ своей массой, что по своей простотѣ выходитъ изъ предѣловъ его пониманія, а сложная государственная жизнь, какъ и сложныя явленія цивилизаціи, становятся недоступны этому пониманію".

Digitized by Google

Да, это такъ: народъ неможетъ воспѣвать Вѣнскаго конгресса, или административныхъ и судебныхъ преобразованій такого-то царствованія; но неужели любовь или печаль и радость стали по нынѣшнимъ цивилизованнымъ временамъ такъ сложны, что воспѣвающая *ихъ* народная поэзія стала *вообще* невозможной? Пусть народъ неможетъ создать оркестровой симфоніи или оперы; но почему же существованіе оперы, въ которую мужикъ неходитъ, должно производить то, что онъ, если это правда, забываетъ и замѣняетъ худшими свои простые напѣвы?

Далѣе Пыпинъ прилагаетъ свою аппробацію и къ слѣдующимъ мыслямъ Кулиша. „Кулишъ, говоритъ онъ, справедливо возстаетъ противъ превратнаго представленія цивилизаціи, какъ чего-то враждебнаго истинно народнымъ началамъ": „Цивилизація раздѣлили ниже общество на двѣ части.... и слѣпцы остались за предѣлами нижего круги. Но она *не въ силахъ* была *расторгнуть* внутреннюю связь цивилизованнаго человѣка съ остатками прежняго общества, и потому *народная поэзія возродилась* въ новомъ малорусскомъ мірѣ *со всѣми* признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. *Противъ цивилизаціи* возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ народной жизни. Но это—только вопли, безъ которыхъ несовершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. *Истинно-философскій умъ стоитъ выше сожалѣній* о томъ, что старое исчезаетъ, уступая мѣсто новому, и *успокаиваетъ* себя убѣжденіемъ, что *всякій* переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни, а жизнь, двигаясь впередъ, непремѣнно создастъ для себя новыя и новыя формы".

Что выйдетъ изъ малороссійскаго цивилизованнаго общества.... мы незнаемъ, но неможемъ потерять вѣры.... что эта сумятица понятій.... скрываетъ вѣрный ходъ къ *высшему*, духовному развитію.... Залоги грядущей жизни часто скрываются глубоко въ народѣ (разумѣя подъ этимъ словомъ не однихъ простолюдиновъ). Исторія уже много разъ насъ изумляла обнаруженіемъ.... новой живненной силы подъ омертвѣлыми.... остатками прошедшаго.... и

Digitized by Google

слишкомъ бурными массами новыхъ, еще безобразныхъ явленій.... (З. о. Ю. Р. I, 182—3).

И такъ, начавши съ науки, мы договорились до вѣры.

На рѣкѣ Удахъ, на пѣскѣ, когда-то былъ общественный лѣсъ, стоялъ и шумѣлъ, давая тѣнь и убѣжище звѣрю и птицѣ, унирая землю листомъ. Его срубили, частью сожгли, частью продали и деньги отнесли для высшихъ цѣлей цивилизаціи въ кабакъ и казначейство. Долго еще торчали пни и задерживали на мѣстѣ тонкій слой лиственнаго перегноя; но пни выворчевали, скотъ истолокъ землю въ пыль, вѣтеръ разнесъ ее, дожди смыли въ въ рѣку, и теперь тамъ голый пѣсокъ; неростетъ на чебрецъ, ни полынь, а скотъ незабродитъ... Истинно философскій умъ долженъ стоять выше сожалѣній о шумѣ и тѣнистой зелени, успокаивая себя тѣмъ, что вещество неуничтожается, но преобразовывается все въ новыя и новыя формы, и что хотя у мужиковъ нѣтъ лѣса, а у скотины—пастьбища, но гдѣ-нибудь около Таганрога мѣлѣетъ отъ наносовъ море, и когда оно совсѣмъ обмѣлѣетъ, тамъ, быть можетъ, выростетъ лѣсъ лучше прежняго.

Вѣра въ совершенствованіе этого міра, лучшаго изъ міровъ, потому что онъ одинъ только намъ сколько-нибудь извѣстенъ, поддерживаемая научными соображеніями о возникновеніи высшихъ формъ органической жизни, нужная для успокоенія духа, необязываетъ закрывать глаза на колебанія уровня жизни; а тотъ философскій умъ, который небудетъ жалѣть о лѣсѣ на Удахъ, будетъ умъ, который надъ лѣсомъ видитъ, а подъ носомъ невидитъ. Что было, то было, и неслучиться не могло при данныхъ условіяхъ; но вопросъ въ томъ, точно ли эти условія всеобщи и неизмѣнны. Съ этой точки зрѣнія всеобщія утвержденія въ разсужденіяхъ, подобныхъ приведеннымъ, превращаются въ рядъ вопросовъ:

Всегда ли высшіе классы, являющіеся носителями индивидуальнаго развитія, усвоиваютъ себѣ все лучшее изъ народнаго духа?

Всегда ли они вмѣщаютъ въ себѣ все болѣе сильное и благородное духомъ изъ народа, такъ что можно сказать, что духъ народный, ослабѣвъ въ безсознательно жившей массѣ, *всегда воз-*

Digitized by Google

рождается и находитъ *продолженіе* своей дѣятельности въ высшихъ классахъ?

Все ли равно для *породы*, на какомъ бы языкѣ ни продолжалась избранная ея дѣятельность?

Всегда ли *мы* и *народъ* одно и тоже, съ тою разницею, что мы многосторонніе и совершеннѣе его?

Всегда ли отношеніе личнаго творчества къ безличному таково, какъ въ древней Греціи? И можетъ ли, напримѣръ, новая Греція считаться достойнымъ продолженіемъ древней, высшей формой существованія этой послѣдней?

Всегда ли искусственная поэзія является, какъ возмѣщеніе безыскусственной и вознагражденіе за ея паденіе, да и всегда ли въ высшихъ классахъ появляется какая бы то ни была искусственная, т. е. личная поэзія?

На это мы отвѣтимъ словами Буслаева, котораго нельзя обвинить ни въ незнаніи, ни въ отсутствіи любви къ русской словесности. Буслаевъ говоритъ: „Сочувствія къ народности (=къ массѣ), коренившейся въ язычествѣ, небыло и немогло быть между грамотными людьми древней Руси. Языческая словесность и христіанская литература шли у насъ двумя совершенно разлачными путями. Столкновеніе между тою и другою оказывалось только въ томъ, что люди лучшіе, просвѣщенные христіанствомъ, обличали невѣжество въ языческихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, въ невоздержности и въ нечистотѣ семейной жизни“...., Пѣть пѣсни, разсказывать сказки и басни почиталось дѣломъ языческимъ, забавою дьявольскою. Въ извѣстномъ словѣ Христолюбца.... къ бѣсовскимъ играмъ, которыхъ неподобаетъ христіанамъ играть, причисляются: *плясаніе*, *гудьба*, т. е., музыка, *пѣсни бѣсовскія*, (по слов. Никіева сбори. XIV-го вѣка *пѣсни мірскія*, т. е. народныя пѣсни вообще) .... „И такъ *всѣ* игры и забавы, всѣ задушевныя убѣжденія, связанныя тѣсными узами съ темною миѳическою стариною, всякій досугъ простого народа, когда фантазія и чувство просятъ себѣ выраженія въ пѣснѣ и плескѣ,— однимъ словомъ, всякое веселье его казалось *лучшимъ* (?) яв-

Digitized by Google

дямъ той эпохи дѣломъ предосудительнымъ, наважденіемъ дьявольскимъ“ (Оч. II, 68—9). [1])

Весьма существенно то, что, по словамъ Кулиша, *возрожденіе* духа народнаго въ дѣятельности небольшого верхняго слоя зависитъ отъ *близости* этого слои къ массѣ и *любви* къ ней. Но всегда ли отношеніе продолжателей къ массѣ любовно, и какова эта любовь? Она можетъ быть различна. Одиссей:

„Я же скажу, что великая нашему сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье; кто всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимая, кто гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно покрытыми; какъ изъ кратеръ животворный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣненныхъ разносятъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй неможетъ.

Одисс. IX, 5 сл.

Это τέλος = конецъ, цѣль, идеалъ Одиссея, языческаго героя. Есть и такая (любовь), о которой говоритъ мр. пѣсня: „Мій батенько мене любитъ, то він мене з світа згубить.“ Есть и такая любовь, предметъ которой не ближній, а наша честь, нашъ идеалъ, и которая есть не любовь, а себялюбіе. Такое чувство можетъ только уничтожать дѣйствительность, а не преобразовывать ее въ высшія формы, и если невсегда дѣйствуетъ лишь разрушительно, то лишь потому, что невсегда встрѣчается въ безпримѣсномъ видѣ.

Если нравственность есть то, что расширяетъ и укрѣпляетъ связи между людьми, то такое чувство безнравственно, хотя бы и говорилось, что носители его, проникнутые высшими идеалами, совершаютъ гражданскій или религіозный подвигъ. Къ этимъ носителямъ, оправдываютъ ли они себя своими гражданскими идеа-

[1]) (Pfaffen) Der Gottes—Erde lichten Saal
Verdüstern sie zum Jammerthal.
Daran entdecken wir geschwind,
Wie jämmerlich sie selber sind, Göthe, Zahme Xenien, VI, 87. Безнаказанно такъ можно было говорить только въ XVIII—XIX вв.

Digitized by Google

лами, или представленіями объ отношеніи этой жизни къ загробной, можно примѣнить стихи Полонскаго „Поэту гражданину“:

Нѣтъ правды безъ любви къ природѣ, [1])
Любви къ природѣ [2]) нѣтъ безъ чувства красоты,
Къ познанью нѣтъ пути намъ безъ пути къ свободѣ,
Труда—безъ творческой мечты“.

Гдѣ нѣтъ любви, невозможной безъ чувства красоты, тамъ нѣтъ свободы и творчества, т. е. преобразованія низшихъ формъ мысли и жизни въ высшія. Оправданіи этого радикализма и отрицанія дѣйствительной жизни, этого, употребляя терминъ нашего времени „разрушенія эстетики“ едва ли основательны: „Нельзя неотдать нѣкоторой справедливости обличителямъ, потому что *своего* веселья, *своего* поэтическаго досуга, какъ свидѣтельствуютъ наши древніе писатели, *народъ неумѣлъ*, въ ихъ глазахъ, облагородить идеями новой религіи, неумѣлъ искупить своихъ языческихъ забавъ ревностью къ тому высокому ученію, которое проповѣдывалось избранными умами тогдашней эпохи“ (Буслаевъ, Оч. II, 69). Откуда въ народѣ могло явиться побужденіе оправдывать существованіе своего нравственнаго облика передъ обличителями? Послѣдніе являлись въ роли преобразователей. Они и должны были возвысить существовавшее до новыхъ идей, различить, что въ прежнемъ было согласно съ новыми идеями, а что нѣтъ. Вмѣсто этого они, съ одинаковымъ отрицаніемъ отнесясь ко всему и тѣмъ осудивъ свою дѣятельность на безплодіе, умѣли только повторять жалобы на пристрастіе народа къ плясцамъ и гудцамъ и равнодушіе его въ церкви. Они не только жаловались: они дѣйствовали для водворенія мрака, печали и пустоты своихъ идеаловъ на мѣстѣ жизни, и успѣли въ этомъ, такъ какъ были силою организованною, союзною съ государствомъ. Противодѣйствіе народа явилось бы, да и являлось, противодѣйствіемъ государству.

Но можетъ быть Христіанство и ненашло на русской почвѣ никакой словесности? На это—Буслаевъ: „независимо отъ письменности“,

[1]) Къ человѣку.
[2]) Къ природѣ: Гете, Sprüche—Wem die Natur etc., см. выше стр. 64.

Digitized by Google

судя „по нѣкоторымъ даннымъ", дѣйствительно существовала словесность народная въ пѣснахъ, сказкахъ, пословицахъ, миѳическихъ сказаніяхъ и въ цѣломъ рядѣ народныхъ произведеній, состоявшихъ въ связи съ миѳическими обрядами. Даже въ концѣ XII вѣка простой народъ.... въ самыхъ коренныхъ основахъ своей жизни, въ бытѣ семейномъ, держался до-христіанской старины. Въ „Церковномъ правилѣ" митрополита Іоанна между прочимъ говорится, что простой народъ въ его времи игралъ свадьбы по языческимъ преданіямъ съ плясаніемъ и гудѣніемъ, полагая, что церковное *вѣнчаніе нужно только боярамъ* и *князьямъ* (Бусл., Оч. II, 67). И не одни свадьбы. По свидѣтельству одного слова въ Паисіевомъ сборникѣ, были и другіи игрища, позорища, „сборища идольскія", которыя, несмотря на то, что на этихъ позорищахъ небыло „ни покрова, ни затишья", привлекали людей настолько, что церкви стояли пусты (ib 69—70). Были языческіе годовые праздники. Весь кругъ домашней и хозяйственной жизни сопровождался пѣснями. Косвенно объ этомъ свидѣтельствуетъ нынѣшняя народная поэзія, ибо, какъ бы ни было велико вліяніе на нее христіанства, до сихъ поръ, сколько знаю, никто еще нерѣшался утверждать, что оно внушило любовь къ пѣнію, то есть столько же и даже больше къ поэзіи, чѣмъ къ музыкѣ; что оно выучало возводить къ идеаламъ дѣйствительныя житейскія отношенія, величать князя съ княгинею (молодыхъ), поѣзжанъ, участниковъ игрищъ, отца и мать семейства, сына, дочь, какъ въ колядкахъ. Пусть Боянъ Сл. о П. Иг. есть миѳъ, пусть Гомеръ будетъ миѳъ; но такіе миѳы немогутъ создаваться безъ соотвѣтствующей дѣйствительности, какъ невозможенъ миѳъ о солнечной колесницѣ у людей, незнающихъ колесницы. И такъ Сл. о. П. Иг. свидѣтельствуетъ, что были героическія пѣсни, величавшіе подвига отдѣльныхъ лицъ (Яаъ Усмошвецъ).

Были ли пѣсни, величавшіе боговъ? Были ли человѣкообразные боги, которыхъ можно было величать пѣснями? Старинная письменность до 50-хъ годовъ молчательно въ этомъ несомнѣвалась, хотя сохранила объ этомъ очень мало свѣдѣній. Въ бли-

Digitized by Google

жайшее въ намъ времи изъ противодѣйствія увлеченіямъ „нищихъ мнѳологовъ“ (которыхъ, если разумѣть болѣе менѣе самостоятельныя изслѣдованія, было, можетъ быть, въ сотни разъ менѣе, чѣмъ въ Германіи) стали говорить о *неразвитости* славянской мнѳологіи. Если бы подъ этимъ разумѣлось только то, что сказанія о богахъ небыли увѣковѣчены письменностью, и служеніе имъ непородило, ааа въ Греціи, пластнан и архитеатуры; то споръ былъ бы невозможенъ. Но говорится нѣчто другое.

Буслаевъ здѣсь умѣренъ, хотя невполнѣ ясенъ: „Славянсаій мнѳологичесаій эпосъ *неуспѣлъ* создать полныхъ оаругленныхъ типовъ божествъ, подобно эпосу гречесному, скандинавскому или финсаому“. Хотя онъ находится „въ родственной связи съ мнѳической старвною“, безъ чего „невозможно было бы процвѣтаніе такого благоуханнаго народнаго эпоса“, какъ руссаій, сербсаій и болгарсаій“.

„Славянсаій эпосъ“ и доселѣ живетъ.... вѣрою въ цѣлый рядъ мнѳичесаихъ существъ, но существъ мелаихъ немногозначительныхъ: это не арупныя величавыя личности греческаго Зевса, финсааго Вейнемейнена, скандинавскаго Тора или Одина съ опредѣленнымъ нравственнымъ хараатеромъ, развитымъ во множествѣ подвиговъ и похожденій, но рядъ существъ несамостоятельнаго, неотдѣльнаго бытія: это цѣлыя толпы вилъ, русалоаъ, дивовъ, полудницъ и т. п. Ааа существи стихійныя, всѣ эти мнѳологичесаіи лица *могли предшествовать* образованію нравственныхъ, опредѣлительныхъ хараатеровъ въ типахъ божествъ; но могли они быть и остаткомъ, аоторый сохранился въ памяти народи отъ этихъ человѣаообразныхъ идеаловъ. Такимъ образомъ господство нилъ, дивовъ, русалокъ въ народномъ впосѣ можетъ озиачать *не то, чтобы* въ *впрованьяхъ* народа *неуспѣли еще сложиться* болѣе арупныя мнѳологичесніа личности, но—что эти личности *неполучили* болѣе *опредѣленныхъ формъ* въ поэзіи *эпической* и потому современемъ зибылись, оставивъ по себѣ своихъ спутниковъ, эту, такъ сказать, собирательную мелочь народной мнѳологіи“.

Digitized by Google

„И таиъ главный характеръ славянскаго эпоса—героическій или юнацкій". Сложившись въ миѳическую эпоху, этотъ эпосъ „проникнутъ вѣрованіемъ въ связь героевъ съ міромъ сверхъестественнымъ" (Бусл. Оч. II, 6—7). Казалось бы, что здѣсь—признаніе миѳологическаго основанія народной поэзіи. Но а) вилы—южнославянскіе, о дивахъ ничего неизвѣстно (Диаъ кличетъ, Марья Диаоана сестра Владиміра), русалки, можетъ быть, въ значительной степени христіанизаго образованіи; б) если крупныя божества неполучили формъ въ эпической (или лирической?) поэзіи, то они и вовсе несложились, потому что, гдѣ же они могли бы сложиться, кромѣ поэзіи. Внѣ поэзіи нѣтъ сферы, гдѣ могутъ создаваться миѳы. Можемъ ли себѣ представить эпосъ безъ лицъ (за исключеніемъ позднѣйшей описательной и дидактической поэзіи)? Если нѣтъ, то эпоса, воспѣвшаго стихійныя массовыя божества, небыло. Стало быть, вообще миѳическаго славянскаго эпоса, съ точки зрѣнія Буслаева,—небыло.

Веселовскій: „невсегда старые боги сохранялись въ памяти средневѣковаго христіанина, прикрываясь только именами новыхъ святыхъ..... Образы и вѣрованія средневѣковаго Олимпа могли слагаться" прямо изъ непониманія евангельскихъ разсказовъ, легендъ и т. п. „Такого рода созданіе ничуть непредполагаетъ, что на почвѣ, гдѣ оно произошло, было предварительное сильное развитіе миѳологіи. Ничего такого могло и небыть, то есть *миѳологіи, развившейся до олицетворенія божествъ*, до признаніи между ними человѣческихъ отношеній, типовъ и т. п.; *достаточно было особаго склада мысли*, никогда *неотвлекавшейся отъ конкретныхъ формъ жизни* и косную абстракцію *низводившей до ихъ уровня*. Если въ такую умственную среду попадетъ остовъ какого-нибудь нравоучительнаго аполога, легенда, полная самыхъ аскетическихъ порывовъ, они выйдутъ изъ нея сагой, сказкой, миѳомъ; неразглядѣвъ ихъ генезиса, мы легко можемъ признать ихъ за таковые. Такимъ процессомъ скотій богъ Волосъ могъ также естественно выработаться изъ святого Власія, покровителя животныхъ, какъ, по принятому мнѣнію, св. Власій—подставиться на мѣсто коренного языческаго Волоса. Я недовазываю перваго, но позволю себѣ

Digitized by Google

пожалѣть, что съ указанной мною точки зрѣнія исторія средневѣковаго двоевѣрія слишкомъ мало изучена" (О Солом. и Китонр. XIII—XIV).

Хотя здѣсь не утверждается, что такъ именно было на Руси, но, судя по совокупности изслѣдованій Веселовскаго, можно думать, что онъ склоненъ принимать это предположеніе за дѣйствительность.

Согласно съ этимъ состояніе мысли русскихъ и другихъ славянъ до усвоенія и преобразованія ими заимствованныхъ христіанскихъ мотивовъ характеризовалось тѣмъ, что *они никогда* до того времени *неотвлекались отъ конкретныхъ формъ жизни*, что *они до той поры несоздавали олицетвореній божествъ*.

Что до перваго, то древнѣйшіе переводы Священнаго писанія застаютъ уже языкъ славянскій (отъ котораго русскій немогъ многимъ отличаться) весьма развитымъ и способнымъ къ отвлеченіямъ. Если приписать это вліянію христіанства, на четыре—пять столѣтій предшествующему Кириллу и Меѳодію (Буслаевъ „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ"), то тѣмъ самымъ отодвинется настолько же время, когда въ языкѣ олицетворенія божествъ (если они были) были наслѣдственны.

Что до втораго, то а) для олицетворенія божествъ нетребуется высокаго развитія. Такое олицетвореніе безспорно приписывается разнымъ народамъ земнаго шара, стоящимъ гораздо ниже славянъ.—Если славяне не успѣли развить этихъ олицетвореній (Буслаевъ), а не забыли ихъ, то они составляютъ рѣдкое и необъяснимое исключеніе.

б) Ученые, какъ Миксъ Мюллеръ, думаютъ, что спеціально греческому миѳологическому періоду предшествовалъ періодъ до раздѣленія арійскаго племени, въ которомъ существовали уже личныя божества: Djaus = *Ζεύς*, Варуна = *Οὐρανός*, Ушас = *Ἠως*, Сарнію = *Ἐρινύς* и нѣкоторыя др. (Essais II, 163 и пр.). Было бы странно думать, что славяне составляютъ исключеніе изъ арійскихъ племенъ—что они неуспѣли образовать личныхъ божествъ, тогда какъ другія сродныя племена имѣли ихъ уже въ незапамятную старину, до приходи въ Европу. Вѣроятнѣе думать, частью,

Digitized by Google

что славяне имѣли эти олицетворенія, но забыли ихъ (Ср. Литов. dëwa слав. богъ); частью же, что слѣды доисторической старины еще сирываются въ народныхъ вѣрованіяхъ и языкѣ, но остаются неизвѣстны ученымъ: кто прилагалъ къ славянской мѳологіи то знаніе и умѣніе, какія прилагались къ мѳологіи индійской, иранской, греческой, латинской и германской?

в) Еслибы оказалось, что слѣдовъ личныхъ божествъ точно нѣтъ, то и въ такомъ случаѣ заключеніе отсюда къ тому, что личныя божества неуспѣли развиться, было бы ошибочно: гдѣ слѣды греческаго Олимпа у новыхъ грековъ? [1])

И таинъ болѣе вѣроятно, что и у славянъ были личныя божества, поэтическія сказанія объ нихъ, мѳологическій эпосъ, но все это *забыто*. *Почему?* Вслѣдствіе глубокаго разъединенія грамотныхъ и неграмотныхъ классовъ и невниманія или отвращенія первыхъ къ послѣднимъ; вслѣдствіе отсутствія той любви, которая одна дѣлаетъ возможнымъ творческое взаимодѣйствіе высшихъ и низшихъ, новыхъ и старыхъ теченій мысли. Сверху—радикализмъ, узость пониманія, незнаніе, сухость сердечная. (Кто любитъ и знаетъ, тотъ неможетъ быть радикаломъ).

Вездѣ ли такъ было? Буслаевъ: „Справедливость требуетъ замѣтить, что и на западѣ, со временъ св. Бонифація (+755) постоянно встрѣчаемъ въ постановленіяхъ соборныхъ и въ правилахъ запрещеніе духовнымъ и свѣтскимъ пѣть народныя пѣсни“. „Однако доисторическая народная поэзія тѣмъ не менѣе состояла въ такой живой связи съ просвѣщеніемъ нѣмецкихъ племенъ, основаннымъ на началахъ христіанскихъ, что собраніемъ древнѣйшихъ пѣсенъ Эдды мы обязаны духовному лицу, современнику нашего перваго лѣтописца“ (Оч. II, 68). Въ XII—XIII в. въ Германіи—Нибелунги, Гудруна.

Слѣдствіе односторонняго исключительно религіозно-аскетическаго направленія старинной русской словесности—ея скудость, неэстетичность. Таинъ называемое, „разрушеніе эстетики“ нашего времени есть явленіе совершенно ничтожное въ сравненіи

[1]) Слѣды личныхъ божествъ у русскихъ славянъ, см. въ Словѣ о П. И.

Digitized by Google

съ тѣмъ, которое совершалось отъ принятія христіанства въ теченіе восьми вѣковъ. Поразительно отсутствіе за все это время стихотворной формы, если несчитать виршей Симеона Полоцкаго XVII в. и т. п. Отсутствіе прекрасной формы указываетъ на то, что красота жизни или вовсе нечувствовалась, или навязывалась мысли невольно, безсознательно и враждебно, какъ бѣсовское наважденіе („И рече единъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христосъ: возьмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте, ать вы Исаій спляшеть“ Лавр.[2]) 187).

„Въ Германіи блистательное развитіе духовной пѣсни пошло отъ такъ называемыхъ Кирелейсовъ, почему и самая пѣснь называется *leise* (Буслаевъ Оч. II 75); у насъ, хотя въ XII—XIII в. народъ или дружина пѣли „Киріе Элейсон“ (ib 76), однако никакого развитія непослѣдовало.

„Только при развитіи свѣтской литературы, въ которой выражаются нравственныя и умственныя потребности не одного.... круга писателей духовныхъ, но цѣлаго народа, возможно повсемѣстное *распространеніе.... идей христіянства....* Свѣтская литература и вообще искусство, вначалѣ враждебныя религіи, становится наконецъ ея служителями“ (Но для этого нужно, чтобы они небыли уничтожены; гдѣ они уничтожены, тамъ они и не служили). „Высоко-религіозныя поэмы и мистеріи древней и средневѣковой литературы на западѣ возможны были только потому, что христіянская идея привилась въ литературѣ чисто народной. Высочайшія произведенія архитектуры и живописи на западѣ въ XIII—XV в., свидѣтельствуя о сочувствіи народа къ идеямъ христіянскимъ, вмѣстѣ служатъ выраженіемъ художественнаго настроенія, которое чуждо было у насъ и младенчествовавшему народу, съ одной стороны, и строгому пуризму грамотныхъ людей, съ другой“ (Оч. II 71).

„Отсутствію художественной литературной дѣятельности соотвѣтствуетъ въ древней Руси недостатокъ дѣятельности артистической вообще“ (ib 71). Строители храмовъ были византійцы,

Digitized by Google

нѣмцы, итальянцы. Свѣтская живопись отсутствовалв. Объ эстетическомъ достоинствѣ иконописанія нечего и упомнинать. „Копированіе съ чужихъ рисунковъ до того господствовало между древнерусскими живописцами, что самое понятіе о сочиненіи, о художественномъ воспроизведеніи онв выражали словами *переводъ*, и *переводить* значило для нихъ *сочинять*“ (Оч. II, 72).

Естественная смерть, то есть перерожденіе народной поэзіи— явленіе необычное, рѣдкое. Мы большею частью видимъ смерть насильственную. При измѣненныхъ условіяхъ въ новое время мы видимъ повтореніе перерыва въ преданіи. Съ новой народной поэзіей (въ Мр. съ XVI—XVII в.) повторнется тоже, что было съ древней. Наблюдатели единогласно говорятъ о вытѣсненіи въ неграмотномъ народѣ стнраго хорошаго новымъ дурнымъ, о замѣнѣ высшихъ музыкальныхъ и поэтическихъ формъ низшими.

Въ высшемъ слоѣ тоже нельзи говорить о перерожденіи народной поэзіи въ высшіи формы. Разница съ древней Русью та, что въ XIX в. сдѣланы нѣкоторые коллекціи. Сравненіе съ ботаническими или зоологическими коллекціями показываетъ, что собранін произведеній народной поэзіи уступаютъ естественно-историческимъ въ систематичности. Сохраненъ большею частью только изуродованный трупъ пѣсни: искусство и знаніе непридало ему даже вида жизни. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о литературѣ на народныхъ основахъ. Отъ народа взято очень мнло. Для нроди сдѣлано мало.

Къ случаямъ въ народной жизни, сходнымъ съ насильственною смертью въ индивидуальной, могутъ очень легко относиться, съ таиъ называемой *объективностью*, которая въ сущности не есть *болѣе широкое знаніе*, а лишь *болѣе полное равнодушіе*. Пыпинъ (Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ, В. Евр. 1886 февр. 729): „всякія подобныя историческія связи, вліяніе одного національнаго элемента на другой, преобладніе одного и подчиненность другого, составляютъ всегда явленіе двухстороннее: одинъ элементъ беретъ верхъ, потому что уступаетъ другой, и если результатъ оказывается тяжелымъ и

Digitized by Google

бѣдственнымъ для элемента подчиняемаго, то вина такого результата пвдаетъ также и на этотъ послѣдній, на его собственную слабость, недостаточное развитіе его силъ, и ссылки на „коварстио," „насиліе" и пр. почти всегда свидѣтельствуютъ о нежеланіи понять историческій фаатъ съ общихъ его сторонъ." Черепяца провалила черепъ, ноторый самъ виноватъ, потому что мягче черепицы. Прошедшее невозвратнмо; но сердечное отношеніе къ нему даетъ урокъ для будущаго: „не убій."

Поэзія устная и письменная.

Народная поэзія. Исходя отъ ближайшихъ нъ намъ явленій, мы подъ народной поэзіей разумѣемъ прежде всего поэзію низшихъ слоевъ современнаго общества, слоевъ почти незнающихъ пвсьмеиности, шаолы, науки. Въ этомъ смыслѣ народнвя поэзія, кааъ заключающая въ себѣ меньшую долю сознательности, безыснусственна. Она несовсѣмъ правяльно протввополагнется не поэзіи тольао яысшихъ, письменныхъ, ученыхъ слоевъ, но всей словесной продуктивности этвхъ слоевъ, т. е. аакъ поэзіи, тааъ и прозѣ. *Народная поэзія* и *литература* служатъ представителями двухъ различныхъ состояній человѣческой мысли, которыя относятся другъ къ другу, какъ степени, предшествующая и послѣдующая.

Было время, когда литературы небыло. Тогда, какъ обыкновенно говорится, народная поэзія господствовали (точнѣе: тогда она были наиболѣе видпымъ продуатомъ человѣческой мысля) ясключительно. Дѣленія слоевъ на высшіе болѣе нультурные и низшіе небыло.

Повтому подъ народной поэзіей мы разумѣемъ поэзію всего народа до его раздѣленія на классы, замѣтно различные по степени нультуры. Танъ нанъ переходъ отъ такого состоянія цѣльности народа къ его аультурной раздробленности, по общему закону природы и человѣческой жизни, можетъ произойти лишь исподоволь, то мы должны вапередъ быть готовы къ тому, что

Digitized by Google

охарактеризовать состояніи мысли, соотвѣтствующія народной поэзіи и литературѣ, можно будетъ лишь приблизительно. Въ извѣстныхъ произведеніяхъ народной, т. е. устной и безличной поэзіи мы должны быть готовы встрѣтить подготовку литературныхъ явленій; наоборотъ, первоначальные продукты литературы должны по многомъ напомнить настроеніе мысли, свойственное народной поэзіи. Рѣзкимъ признакомъ остается только то, что заключается въ самомъ словѣ „литература", именно, то что литературное произведеніе при самомъ возникновеніи своемъ предполагаетъ письменность.

Положеніе: „поэтическій образъ *неподвиженъ относительно къ измѣнчивости содержанія*" выдерживаетъ всяческую повѣрку. Само собою, относительная неподвижность есть относительная измѣнчивость. Въ способѣ измѣненія образа состоитъ разница между устною и письменною поэзіей.

Давно замѣчено, что въ Европѣ паденіе народной поэзіи, то есть исчезаніе и забвеніе ея прежнихъ произведеній и отсутствіе новыхъ, идетъ отъ запада къ востоку. Не всѣ роды народной поэзіи умираютъ равномѣрно. Вѣроятно, нѣтъ въ Европѣ народа, въ коемъ несохранилось бы, съ одной стороны, остатковъ или болѣе позднихъ продуктовъ лирической народной пѣсни, преимущественно женской, съ содержаніемъ болѣе-менѣе подчиненнымъ музыкѣ, съ другой—остатковъ миѳическаго эпоса въ видѣ сказки, повѣрья, предразсудка. Между тѣмъ эпосъ, еще въ средніе вѣка жившій въ Германіи и Франціи, нынѣ сохраняется лишь у Финновъ, миѳическія пѣсни коихъ собраны и соединены въ нѣкоторую цѣлость финскимъ ученымъ Лённротомъ уже въ 30-хъ годахъ нашего вѣка, и у восточныхъ Славянъ. Въ приднѣпровьѣ дума, вѣроятно весьма поздняя форма историческаго и церковучительнаго эпоса, очевидно умираетъ. Въ глухихъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи народъ еще пробавляется остатками стариннаго полуисторическаго эпоса, неприбавляя къ нему ничего существеннаго. На Балканскомъ полуостровѣ болгары лучшимъ, что у нихъ сохранилось въ эпическомъ

Digitized by Google

родѣ, обязаны сосѣдству съ сербами, которые сами здѣсь непредставляютъ единства. Лишь въ Босніи, Герцоговинѣ, Черногоріи и гористыхъ частяхъ княжества Сербіи живетъ еще полною жизнью мужесаая эпичесаая пѣсня, рецитируемая подъ звуки одностру̀нной скрипки (*гусле*—на нихъ играютъ смычкомъ, *гудало*). Здѣсь до послѣдняго времени въ рѣдаомъ домѣ небыло этого инструмента. Почти всѣ мужчины и многія женщины умѣли владѣть имъ. Между тѣмъ въ Сремѣ, Бачкѣ, Банатѣ гусли стали исключительно слѣпецкимъ инструментомъ, юнацкія пѣсни поются подъ нихъ тольао слѣпцами, да и тѣ предпочитаютъ просить подъ гусли милостыню. Гдѣ общенародны гусли, тамъ и способность воспроизведеніи „юнацаихъ пѣсень“ и созданія ихъ велика. Караджичъ знавалъ тааихъ, которые помнили до сотни пѣсень, въ нѣсиолько сотъ стиховъ каждая. Важныя въ историчесаомъ смыслѣ событія до послѣдняго времеии порождали новыя пѣсни, неотличающіяся отъ старыхъ по стилю и красотѣ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень, записаниыя Вукомъ, сочинены тѣми, отъ коихъ были записаны.

Въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчаемъ въ наибольшей чистотѣ условія жизни, существовавшія нѣкогда вездѣ, гдѣ процвѣтало народное творчество. Эти условія приблизительно таковы:

Масса народа—нерасчленена [1]) вліяніемъ письменности, школы и науки, условливающихъ возможность сосредоточеииаго,

[1]) Въ гомерическое время масса народа въ общественномъ отношеніи была уже расчленена. Кромѣ царей, ведущихъ свой родъ отъ боговъ (διοτρεφεῖς, διογενεῖς βασιλῆες), старшинъ народныхъ (γέροντες), были еще знатные (ἀριδῆες). Этому противополагался δῆμος ἀνήρ—простой человѣкъ, κακός—подлый. Таковъ былъ Ѳерситъ (Ил. II, 212 сл.), на изображеніе котораго нѣмецъ неножалѣлъ черныхъ красокъ, хотя то, что онъ говоритъ противъ Агамемиона, такъ справедливо, что многоумный Одиссей ненаходитъ другихъ возраженій, кромѣ брани и палки. Менелай спрашиваетъ у Писистрата и Телемаха: „Какіе вы люди? Въ васъ неузнала, я вижу, порода родителей вашихъ; Оба, конечно, вы дѣти царей, порожденныхъ Зевесомъ, скипгродержавныхъ; подобные вамъ не отъ низкихъ родятся“ (Од. IV, 61 сл.). Навсикая—Одиссею: „Странникъ, конечно, твой родъ знаменитъ: ты, я вижу, разуменъ. Дій же и низкимъ, и рода высокаго людямъ съ Олимпа счастье даетъ безъ разбора“ (ib. VI, 187—8). Въ старѣйшихъ и лучшихъ сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ есть указаніе на существованіе и даже антагонизмъ аристократіи и простого народа. На пр. царь (князь) Стефанъ Лазарю:

Digitized by Google

неравномѣрнаго и одностороннаго развитія личностей. Затѣмъ— свобода, т. е. не столько полное отсутствіе угнетенія, сколько гнетъ, неусовершенствованный средствами цивилизаціи, грубый, дѣйствующій больше издали, неразлагающій семейной и общественной жизни, при томъ равномѣрный, возбуждающій энергію сопротивленія; равномѣрное распредѣленіе достатка, всеобщая бѣдность (сравнительно со странами болѣе цивилизованными), непроизводящая однако вырожденія породы; равномѣрное по качеству и количеству распредѣленіе труда и талантовъ. Когда, при болѣе сложныхъ состояніяхъ общества, письменность даетъ перевѣсъ грамотнымъ классамъ надъ безграмотными; богатство, умственный трудъ, созерцательность, а нерѣдко и бездѣльная жизнь сосредоточивается въ однихъ слояхъ, а механическій трудъ въ другихъ, низшихъ: то все болѣе наклонное къ умственному труду, болѣе талантливое и энергическое частью выходитъ изъ низшихъ слоевъ и ослабляетъ ихъ своимъ выходомъ, частью насильственно подавляется и лишается энергіи; происходитъ различеніе между *urbanum* и *rusticum*, *paganum*, между большимъ городомъ и провинціей, деревней, между цивилизованными классами и грубою чернью, несовмѣстимое со всенароднымъ поэтическимъ творчествомъ. Гдѣ есть это творчество, тамъ нѣтъ образованныхъ и богатыхъ, высоко стоящихъ надъ массой, но нѣтъ и черни; развитіе каждой особи разностороннѣе, гармоничнѣе, а тѣмъ какъ бо́льшее нарушеніе равновѣсія вызываетъ больше движенія, то и состояніе народа

„Oj Бога ми, вјеран слуго Лазо!
Ја немогу тебе оженити
Свињарицом ни говедарицом;
За те тражим госпођу ђевојку....
Ја сам за те нашао ђевојку....
У онога стара Југ-Богдана....
Но се Југу поменут несмије,
Нијe ласно њему поменути,
Јер је Богдан рода господскога,
Неће дати за слугу ђевојку“ (Кар. II, 181—2).

Такъ и въ мр. колядкахъ elegali—знатные, богатые, полководцы, судьи. обладатели обширныхъ полей, стадъ, „царі та пани та отецькі сини“.

Digitized by Google

тамъ устойчивѣе, движеніе его въ смыслѣ прогресса или регресса медленнѣе и равномѣрнѣе.

Лишь продолжительное преемственное пользованіе письменностью и ея усовершенствованіями даетъ личной мысли замѣтную степень самоувѣренности, свойственное нашему времени отношеніе къ прошедшему. Быть можетъ, никогда человѣкъ несознавалъ такъ ясно, какъ теперь, своей зависимости отъ прошедшаго и несчиталъ столь важнымъ его изученіе. Но это есть не вѣра въ авторитетъ, какъ образецъ для подражанія, сознательное или безсознательное признаніе его важности, какъ исходной точки для дальнѣйшаго движенія мысли. Исторія есть vitae magistra не потому, что прямо учитъ, какъ быть въ данномъ случаѣ (такого случая въ ней небыло), а потому, что избавляетъ отъ напрасной траты силъ, указывая на пройденные пути, по которымъ ходить уже нельзя. Всеобщее господство извѣстнаго мнѣнія является доказательствомъ не его безусловной истины, а того, что оно уже созрѣло и готово измѣниться подъ напоромъ личной мысли, на немъ основанной. Безусловность и необходимость истины, напр. „всѣ люди смертны", есть лишь способность мышленія изъ ряда произвольно взятыхъ мыслей извлекать общіе признаки.

Наоборотъ, чѣмъ ближе къ полному отсутствію письменности и науки, сложившейся раздѣльными личными усиліями, тѣмъ робче личная мысль жмется къ авторитету и тѣмъ больше—наклонность жить по *пошлинѣ* (какъ повелось, по-хорошему, въ отличіе отъ болѣе поздняго смысла слова *пошлый*). „Что говорятъ всѣ, то истинно, что всѣ дѣлаютъ, то правильно", при чемъ самое понятіе „всѣ" сводится на околотки и т. д. Что только лично, то ложно и грѣшно, ибо vox populi-vox Dei. Лучшимъ хранителемъ преданія, настраивающимъ на свой ладъ и все общество, является старчество, само по себѣ наклонное видѣть зло впереди и счастье въ прошедшей юности (пессимизмъ и ретроспективность мысли). Поэтому, чѣмъ дальше назадъ отъ науки, тѣмъ болѣе замѣчается наклонность къ вѣрѣ въ золотой вѣкъ назади и въ возможность возрожденія міра лишь чудомъ.

Digitized by Google

При господствѣ этихъ условій и поэзія, хотя и перерабатываетъ новыя впечатлѣнія, но „обращена назадъ, къ прошедшему“ (Буслаевъ, Оч. I, 596). Личное произведеніе при самомъ своемъ появленіи столь подчинено преданію относительно размѣра, напѣва, способовъ выраженія, начиная отъ постоянныхъ эпитетовъ, до сложныхъ описаній[1]), что можетъ быть названо безличнымъ. Синъ поетъ ненаходитъ основаній смотрѣть на свое произведеніе, какъ на свое, на произведенія другихъ того же круга, какъ на чужія. Разницы между созданіемъ и воспроизведеніемъ, между самодѣятельностью и страдательностью почти сводится на нѣтъ. Слушающій замѣчаетъ и запоминаетъ только то, что создано въ общемъ стилѣ, къ усвоенію чего онъ приготовленъ; но этотъ стиль есть общій и въ тотъ смыслѣ, что онъ неисчерпывается мыслью отдѣльнаго лица. Услышанное другимъ при повтореніи почти неизбѣжно измѣняется не только по формѣ, но и по содержанію, ибо и самъ первый пѣвецъ, при жизненности народной поэзіи, неможетъ повторить пѣсни именно такъ, какъ спѣлъ первый разъ. Такимъ образомъ *пѣсня на протяженіи своей жизни является не однимъ произведеніемъ, а рядомъ варіянтовъ*, коего концы могутъ быть до неузнаваемости далеки другъ отъ друга, а промежуточныя ступени незамѣтно между собою сливаются. Измѣненія образа и выраженія относятся другъ къ другу не какъ варіянты рукописи (лучшіе—болѣе близкіе къ подлинникну и худшіе—его искаженія; этого рода разница появляется лишь когда отлетѣла жизнь народной пѣсни), а лишь какъ одновременные и разновременные, а послѣдніе—какъ предшествующіе и послѣдующіе. Народная поэзія, какъ языкъ, по выраженію В. Гумбольдта, не произведеніе

[1]) Ср. постоянность размѣра и слога въ др.-греч., серб., ст.-нѣмецк., ст.-франц. эпосѣ („Ueber das volksthümliche epos der Franzosen“ Z. f. Völkerps. IV, 150—60). По поводу постоянныхъ эпитетовъ и эпическихъ повтореній можно развѣ съ особымъ ограниченіемъ говорить о „свѣжести впечатлѣнія произведеннаго предметомъ на пѣвца“ (Буел. Оч. I, 79). Въ названіи всякаго берега *крутымъ*, всякой дѣвицы *красною;* въ повтореніяхъ въ родѣ гомерическихъ: „Встала младая съ перстами пурпурными Эосъ“, „Въ край нашъ (это, конечно, я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты“—столько же свѣжести личнаго впечатлѣнія, сколько въ сохраненіи представленія въ отдѣльномъ словѣ.

Digitized by Google

(ἔργον), а дѣятельность (ἐνέργεια), *не пѣсня*, *а*—потен actionis, *пѣніе* (Steinthal „Epos.“, Z. f. Völkerps. V, 7). Отсюда видно нерѣдко неизбѣжяое и непоправимое зло того способа закрѣпленія народно-поэтическихъ произведеяій пясьменностью и изданія въ свѣтъ, при коемъ намъ дается лишь нѣсколько точекъ даиженія, недостаточныхъ для опредѣленія промежуточнаго пути. Для ясторіи и теоріи народной поэзія необходимо возможно большее число варіянтовъ, выхвачеяныхъ изъ теченія въ аозможиой конкретности и точности. Критиаа народной поэзіи неможетъ обойтись безъ указанія лучшихъ изъ варіянтовъ. (Моя ст. о сб. Головацааго).

Языаъ, вѣроятно, навсегда останется первообразомъ и подобіемъ такого гуртового характера народно-поэтическаго творчества.

Это положеніе лишь ограничиаается, но неотрицается другимъ, что письмена, особеняо звуковыя, наиболѣе совершеняыя и саойственяыя наиболѣе соаершеянымъ языкамъ, превращая мимолетиое объектнвированіе мысли въ словѣ въ болѣе постоянное, содѣйствуютъ обособленію личностя и усилеиію ея вліянія на языкъ. Пясьмеяа эти частью съ самаго начала, частью по мѣрѣ усовершеиствованія аъ яхъ употребленіи принуждаютъ пишущаго разлагать рѣчь на періоды, предложенія, слова, звуки, т. е. ведутъ его къ раздѣльиому понимаяію рѣчи. Разъ понятое въ томъ же видѣ сознательно передается ученику. Сознательный консерватизмъ въ письменномъ употребленіи рѣчи образуетъ прявычку, проявляющуюся и въ разговорѣ и отчасти противодѣйствующую стремленію говорящаго къ сбережеяію мышечной силы посредстаомъ уподобленій, стяженій, сокращеній, опущеній. Въ силу этого, пря другихъ причинахъ, расчленяющихъ общество, возникаетъ различіе между пясьмеянымъ и устнымъ языкомъ гораздо большее, чѣмъ то, которое до письмеяиости было между отяосительно архаичною рѣчью мѣриой пѣсни, пословицы, заговора и немѣрнымъ просторѣчіемъ. Къ различіямъ грамматическимъ присоединяются лексическія и синтактичесаія. Пишущій, имѣя передъ глазами написанное и говоря для читателя, можетъ болѣе говорящаго заботиться о выборѣ словъ, устраненіи повтореній, обобщеніи частностей для

Digitized by Google

усиленія дѣйствія рѣчи [1]). Такъ въ письменномъ человѣкѣ—два теченія языка, хотя въ лучшихъ случаяхъ и нелишенныя взаимодѣйствія, но раздѣльныя. Это раздвоеніе ведетъ къ наблюденію, сравненію, обобщенію явленій языка, лишь по степени отличное отъ строгаго языкознанія, съ особою силою возникавшаго каждый разъ тамъ, гдѣ представлялась необходимость и удобство для сравненія разныхъ наслоеній языка или разныхъ языковъ, какъ въ древней Индіи (толкованіе Ведъ), Александріи, Римѣ, въ Европѣ времени возрожденія и въ XIX вѣкѣ. Вліяніе письменности сходно съ вліяніемъ знакомствъ съ иностранными языками: сознаніе разницы между способами выраженія и выраженіемъ ведетъ къ наблюденію, что элементы мысли могутъ быть между собою несогласны и мысли въ цѣломъ—ложны.

Знаніе независимо отъ своей степени ведетъ къ умышленному вліянію на познаваемое. Отсюда мы не безъ основанія относимъ къ извѣстнымъ лицамъ, какъ извѣстные общіе характеры литературныхъ языковъ, впрочемъ заключая обыкновенно a potiori (языкъ Ломоносова, Карамзинъ, Пушкина), такъ и извѣстныя слова и обороты. И тѣмъ не менѣе въ цѣломъ мы по отношенію къ языку остаемся на степени безличнаго творчества.

При всѣхъ условіяхъ литературнаго языка мы чувствуемъ безсиліе отдѣльной личности по отношенію къ звуковымъ измѣненіямъ, забвенію и созданію грамматическихъ категорій (к творчество языка и въ этомъ послѣднемъ отношеніи продолжается непрерывно и во всѣхъ слояхъ народа). Но и по отношенію къ болѣе зависимымъ отъ личности сторонамъ языка, напр. въ вы-

[1]) Въ изустной поэзіи въ связи съ относительною простотою мысли стоитъ обыкновенно медленность ея теченія и слабость обобщенія. Вниманіе столь же долго останавливается на важномъ и несущественномъ съ позднѣйшей точки зрѣнія (Бусл. Оч. I 63-5). Для облегченія памяти слушателя сказанное много разъ затѣмъ повторяется буквально. Напр. сказано, что послу дано такое-то порученіе, потомъ, когда говорится объ исполненіи, то самое порученіе повторяется дословно. (Tobler «Ueber das volksthümli». Epos der Franz. Z. f. Völkerps. IV, 160). Эта растянутость долгое время остается и въ письменности. Поразительные образцы ея, а также отсутствіе соподчиненія понятій и замѣны частнаго общимъ—во многихъ вр. грамотахъ до XVIII в. Въ нашей литературѣ, въ силу отсутствія хорошей школы до сихъ поръ терпимо нестерпимое многословіе. Сжатость мр. пѣсни, повидимому,—продуктъ новаго времени.

Digitized by Google

бору, заимствованію словъ изъ старинныхъ, простонародныхъ, иностранныхъ, къ измѣненію значенія, къ лексическимъ новообразованіямъ, къ слогу, общество терпитъ произволъ личности, лишь будучи само въ ненормальномъ состояніи, какъ бываетъ при началѣ литературъ или ихъ возрожденіи послѣ долгаго перерыва. Такъ мы ограничиваемся ироническою улыбкой, видя, что писатель въ простотѣ души считаетъ полезнымъ и нужнымъ сказать „глупь“ вмѣсто „глупость“, или, если ему недаютъ покою сложныя нѣмецкія слова, и онъ обогащаетъ русскій языкъ „судоговореніемъ“, „законопроэитомъ“, „чашетрубочной и чашелистикомъ“; но недали бы ходу переводу понятному только при подстрочномъ сравненіи съ подлинникомъ, каковы многіе церковно-славянскіе переводы съ греческаго, бывшіе въ употребленіи (но въ нашемъ!) цѣлые вѣка (ср. напр. одно изъ относящихся сюда свидѣтельствъ у Соловьева XIII², 185). Въ организованномъ обществѣ, съ серьезнымъ отношеніемъ къ литературѣ слагается и по отношенію къ письменному языку общественная совѣсть, чутье пользы, мѣры и красоты, равно связывающее писателя и читателя. Мысль должна развиваться, стало быть, и языкъ долженъ расти, но незамѣтно, какъ трава ростетъ. Все, что останавливаетъ на самомъ словѣ, всякая не только неясность, но замѣтная необычность его, отвлекаетъ вниманіе отъ содержанія. Лишь прозрачность языка даетъ содержанію возможность дѣйствовать легко, сильно, художественно. Здѣсь же причина, почему кругъ дѣйствія литературнаго языка ограниченъ, почему извѣстный языкъ можетъ оказаться дурнымъ проводникомъ мысли въ массы, и при невозможности преобразованія долженъ быть замѣненъ другимъ. Само собою, что такъ какъ этотъ другой является затѣмъ, чтобы устранить зло, связанное съ непонятностью перваго, то онъ будетъ безцѣленъ, если непримкнетъ къ просторѣчію массы, а начнетъ съ такъ называемаго обогащенія его языка.

И такъ и при господствѣ письменности нормальный ростъ языка есть незамѣтное измѣненіе, подобно измѣненію образовъ въ народной поэзіи. Противоположность безличнаго и личнаго

Digitized by Google

творчества сказывается въ характерѣ преемственности литературныхъ произведеній.

Закрѣпленіе такихъ произведеній письменностью сразу отодвигаетъ воспроизведеніе отъ новаго созданія, ибо даетъ возможность точнаго повторенія и тѣмъ предохраняетъ повторяемое отъ медленнаго перерожденія безсознательнымъ варьированіемъ.

Преемникъ воспитывается не только итогами мысли предковъ, извлекаемыми изъ общенія съ людьми (мыслями, какъ говорится, носящимися въ воздухѣ, никому въ частности непринадлежащими), но и произведеніями прежнихъ вѣковъ, слагаемыми этихъ итоговъ, взятыми порознь, произведеніями современниковъ и предшественниковъ въ ихъ особности. Чѣмъ богаче прошедшее литературы и обширнѣе пользованіе имъ, тѣмъ, при равенствѣ прочаго, разнообразнѣе могутъ быть новыя произведенія.

Въ частности сказанное примѣнимо къ преемственности поэтическихъ образовъ. Въ народной поэзіи, несмотря на неизвѣстное множество промежуточныхъ формъ, мы большею частью неможемъ установить разницы между варіантами и новою пѣснею. И для слушателя личный авторитетъ пѣвца и авторитетъ носимаго имъ преданія большею частью нераздѣлимы. Между тѣмъ при господствѣ письменности установляется разница въ степени прочности и существенности произведеній мысли.

Все примыкающее къ данному произведенію, какъ варіантъ, имѣетъ лишь значеніе перехода къ другому дальнѣйшему и минуетъ незамѣтно, неоставляя *раздѣльныхъ* слѣдовъ не только въ собирательной памяти общества, но и въ личной памяти автора. Произведенія, какъ отдѣльнаго автора, такъ и школы, связанной преемственностью, даже глазамъ историка, отыскивающаго связь явленій, представляются обособленными, явственно разграниченными ступенями генеалогической лѣстницы. Въ этомъ отношеніи поучительно наблюденіе различія личностей поэтовъ и ихъ произведеній при преемственности образовъ, напр. (чтобы остаться въ кругу явленій, указанныхъ выше) въ слѣдующемъ:

Digitized by Google

а) Пушкинъ, Онѣг. гл. VII, строфа I („Гонимы вешними лучами и пр.—объективное изображеніе весны); стр. II—III—чувства, возбуждаемыя весною въ поэтѣ, между прочимъ:

„Или, нерадуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горьную утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданье прежнихъ лѣтъ...?

Ср. Тютчева (изд. С. Пет. 1886 г., LI) „Весна".—Въ изображеніе весны (строфы 2—4) вплетены, какъ отрицательныя черты, субъективные элементы.

„Не о быломъ вздыхаютъ розы...
И страхъ кончины неизбѣжной
Несвѣтъ съ древа ни листа. (строфа 4).

Примѣненіе образа у Тютчева (стр. 1 и 5) другое:

„И жизни божески-всемірной
Хотя на мигъ причастенъ будь".

Стихи Пушкина ib. строфа II:

„Или мнѣ чуждо наслажденье
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что лиетъ и блеститъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

Ср. со ст. Тютчева (ib. XLIII) „Какъ птичка раннею зарею":

„Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!

б) Пушкинъ „Аквилонъ", 1824 г.:

„За чѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?...

Digitized by Google

Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.
Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и *славой*—
И бураы тучи разогаалъ
И дубъ анзвергнулъ величавый.
Пусаай же солнца ясный ликъ...
Отныиѣ радостью блистаетъ...
И тихо зыблетсн тростникъ".

(= паденіе Наполеона; ненужность реанціи во 2-й половинѣ царствованія Алеасандра I). Ср. Тютчевъ (XLIII) „Гроза ѝрошла":... Образъ поставлевъ тааъ, что даетъ возможность широнаго, заранѣе неопредѣлимаго примѣненія. Ближе всего — постоянная мысль автора „о равнодушіи природы".

в) Пушаинъ „Подражаніе норану": „И путаикъ усталый на Бога ронталъ"—1824 г. = Лерм. „Три пальмы" 1839 г.

г) Пушнннъ „Узаанъ" („Сижу за рѣшотаой въ темнницѣ сырой")—1824 г. = Лерм. „Плѣиный рыцарь"—1841 г.

д) Пушнннъ „Отрывни изъ путешествія Евгенін Онѣгина":

„Иаын нужны мнѣ картины:
Передъ взбушаой двѣ рябины...
Передъ гумномъ соломы нуча...
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака.

=Лермонтовъ „Родина", стихи—15 и слѣд. а по размѣру явственно отличные отъ стиховъ 1—14 того же стнхотворенія. (Отаосительно мотива „любовь къ отчизнѣ наперекоръ разсудну"—ср. призаанія Бѣлннсиаго и стнх. Тютчева „Умомъ Россію ае понять").

е) Пушнинъ „Проронъ" (1826 г.) = „Проронъ" Лермоатова (1841 г.).

ж) Пушаинъ „Цвѣтонъ" (1828 года) („Цвѣтокъ засохшій, безуханный"...) = Лермонтовъ „Вѣтка Палестины" (1836 г.).

Digitized by Google

Пессимизмъ и ретроспективность мысли.

Характерная черта тѣхъ слоевъ народа, для которыхъ наибольшее практическое значеніе имѣетъ повѣрье, обычай и вообще народная поэзія, состоитъ въ глубокомъ и радикальномъ пессимизмѣ. Этимъ неисключается свѣтлый, радостный тонъ отдѣльныхъ произведеній и цѣлыхъ разрядовъ произведеній. Молодость, здоровье берутъ вездѣ свое. Но свойственное человѣку стремленіе къ лучшему находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ этимъ пессимизмомъ. Примиреніе общее, теоретическое здѣсь и невозможно, а возможны лишь частныя сдѣлки съ вѣрованіемъ, т. е. человѣкъ этого образа мыслей можетъ думать: „я надѣюсь устроиться лучше прежняго, несмотря на то, что свѣтъ идетъ къ худшему".

Первобытный радикальный пессимизмъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ пессимизмомъ нѣкоторыхъ ученій нашего времени. Нынѣ существуетъ, какъ частное явленіе, вѣра въ вырожденіе всѣхъ классовъ общества, въ увеличеніе страданій низшихъ слоевъ человѣчества, во всеобщее гніеніе цивилизацій вслѣдствіе ненормальности устройства общества. Однако это современное вѣрованіе сопряжено съ другимъ: что упомянутая ненормальность есть лишь ошибка человѣчества, и что человѣчеству предстоитъ возможность, даже необходимость, сдѣлавъ надъ собой гигантское усиліе, разомъ стряхнуть съ себя тысячелѣтнія заблужденія и водворить на землѣ царство правды и добра. Это направленіе мысли вѣритъ въ золотой вѣкъ на землѣ въ будущемъ, а прошедшее представляетъ въ мрачныхъ краскахъ.

Какъ на иллюстрацію того, что такое современный пессимизмъ и какъ онъ въ концѣ концовъ есть оптимизмъ, вѣра въ силу человѣческаго духа, въ себя, въ свой кружокъ, въ свой народъ, въ человѣчество [1]), я укажу на характерныя признанія

[1]) Напрасно, слишкомъ узко понимая вѣру, видятъ ея оскудѣніе въ современномъ обществѣ. Вѣра—одна изъ непремѣнныхъ сторонъ человѣческой жизни. Она неисчезаетъ, но принимаетъ такія направленія, что скрывается изъ глазъ тѣхъ, которые ждутъ ее встрѣтить въ заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ.

Digitized by Google

человѣка 40-хъ годовъ—Бѣлинскаго, признанія непредназначавшіяся для печати, совершенно исареннія и неутратившія своего интереса и для насъ.

Бѣлинсаій перешелъ отъ апріорнаго, все оправдывающаго взгляда на жизнь къ апостеріорному осужденію ея явленій. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ саоего развитія онъ пишетъ:

„Скажи Грановскому, что чѣмъ больше живу и думаю, тѣмъ больше, ароаиѣе люблю Русь, но начинаю сознавать, что это—съ ея *субстанціяльнай* стороны; но ея *опредѣленіе* (т. е. акциденція), ея дѣйствительность настоящая начинаетъ приводить меня въ отчаяніе: грязно, мерзао, возмутительно, нечеловѣчески“ (Бѣлинсній, ст. Пыпина, Вѣст. Евр. 1874 г. Декабрь, 498).... „Любовь моя къ родному, къ руссаому стала грустнѣе. Это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все *субстанціяльное* въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе грустно, грязно, подло“ (ib. 593).

Но признаніе неличія субстанціальной стороны русскаго народа нанерекоръ свидѣтельству того, что Бѣлинсній называетъ опредѣленіемъ, и дѣйствительности, т. е. наблюденія и опыта, равносильно признанію credo quia absurdum. То отечество, которое, какъ ему казалось, любилъ Бѣлинсаій, было субстанція; во субстанція неподлежитъ наблюденію: поэтому Б., указывая на то, что для него и его аружка русское общестно неслужитъ почвою, аакъ на одну изъ причинъ своей саорба, прямо называетъ свое отечество призраномъ:

„Человѣаъ—нелиаое слово, великое дѣло, но тогда, когда французъ, нѣмецъ, англичанинъ, руссаій. А русскіе ли мы? Нѣтъ! Общество смотритъ на насъ, наак на болѣзненные наросты на своемъ тѣлѣ, а мы на общество смотримъ, аакъ на.... (пропущено непечатное выраженіе). Общества европейскія въ большей или меньшей степеии имѣютъ свои общественные интересы, въ которыхъ всѣ члеаы ихъ могутъ чувствовать свое родство, свое врааственное, разумное единство“, чего ненаходилъ Бѣлинскій въ своемъ обществѣ. „Мы люди безъ отечества, нѣтъ, хуже, чѣмъ

Digitized by Google

безъ отечества, мы—*люди*, которыхъ *отечество призракъ*, и диволи что, сими мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремленія, наша дѣятельность *призракъ*" (1841 г. ib. В. Е. 1875 г, февр., 614). „Это—содержаніе безъ формы, слѣдовательно, не дѣйствительность, а призрачность" (ib. 615).

Объективно эти мнѣнія совершенно невѣрны: связь Бѣлинскаго и его кружка съ обществомъ была дѣйствительна, дѣятельность ихъ небыла призрачна, по его собственному признанію; но слова Бѣлинскаго совершенно истинны, какъ характеристика его настроенія, противорѣчія между сознанною мыслью и чувствомъ, вытекающимъ изъ глубины безсознательности.

„Я невѣрю моимъ убѣжденіямъ и неспособенъ измѣнить имъ. Я смѣшнѣе Донкихота; тотъ по крайней мѣрѣ отъ души вѣрилъ, что онъ рыцарь, что онъ сражается съ великанами, а не съ мельницами, и что его безобразная и толстая Дульцинея—красавица; и я знаю, что я не рыцарь, и все таки сражаюсь; что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и грустка и все таки *люблю ее на зло здравому смыслу и очевидности*" (ib. 622). Разница съ Донкихотомъ несомнѣнна: Донкихотъ былъ человѣкъ непосредственный, чуждый рефлекса, при томъ низіонеръ. Бѣлинскій—человѣкъ рефлексіи, самонаблюденія и самоосужденія, но имѣетъ и человѣкъ способный къ трезвымъ наблюденіямъ внѣшнихъ явленій; но онъ взводитъ на себя напраслину, говоря о себѣ, что не рыцарь: онъ настоящій герой своего времени, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ Печоринъ, съ которымъ у нихъ, какъ увидимъ, есть сходство. Весьма замѣчательно, какъ Бѣлинскій отъ осужденія себя и другихъ переходитъ къ своей *вѣрѣ*:

„Ученые профессоры наши—педанты, гниль общества; полуграмотный купецъ Полевой даетъ толчокъ обществу, и потомъ вдругъ... отступаетъ... Я самъ, и самъ—фантъ русской жизни, но что же это за уродливый фантъ! Я понимаю Гете и Шиллера лучше тѣхъ, которые ихъ знаютъ наизусть, а безъ по-нѣмецки... Такъ неволить ли мнѣ себя? О нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Мнѣ кажется, дай мнѣ свободу дѣйствовать для общества хоть на 10

Digitized by Google

лѣтъ... и я можетъ быть въ три года возвратилъ бы (т. е. возвиградилъ бы) свою потерянную молодость... полюбилъ бы трудъ, нашелъ бы силу воли. Да, въ иныя минуты я глубоко чувствую, что это—свѣтлое сознаніе своего призванія, а не голосъ мелочного самолюбія, которое силится оправдать свою лѣность... и ничтожность натуры" (ib. 603). И такъ Бѣлинскій, какъ герой нашего времени", чувствовалъ въ себѣ силы необъятныя", и не только въ себѣ и въ субстанціи народа, но и въ болѣе реальномъ явленіи общества":

„Я встрѣчалъ и внѣ нашего кружка людей прекрасныхъ, которые дѣйствительнѣе насъ; но нигдѣ невстрѣчалъ я людей съ такою ненасытною жаждою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способностью самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы (т. е. кружокъ). Вотъ отчего *все къ намъ льнетъ, все подлѣ насъ измѣняется*" (ib. 615). Чего же больше?

„Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А, вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя" (Лерм. „Герой нашего времени").

Замѣчательное совпаденіе съ грустною любовью къ Россіи и вѣрою въ идеалъ Бѣлинскаго представляетъ написанное позже нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ его писемъ стихотвореніе Лермонтова: „Люблю отчизну я, но странною любовью". „Я люблю за что, незнаю самъ—Ея степей холодное молчанье, Ея лѣсовъ безбрежныхъ полыханье, Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ.... Съ отрадой, многимъ незнакомой, я вижу полное гумно, Избу покрытую соломой, съ рѣзными ставнями окно".... (1841 г.). Сюда же относится и стихотвореніе Тютчева; имѣющее впрочемъ нѣсколько славянофильскій оттѣнокъ:

„Умомъ Россію непонять,
Аршиномъ общимъ неизмѣрить!
У ней особенная стать:
Въ Россію можно только вѣрить".

Digitized by Google

И такъ изъ приведеннаго мы видимъ, что вѣра въ общество и въ свои личныя силы, какъ источникъ его жизни, какъ рычагъ его движенія, обхватываетъ современнаго человѣка со стихійною силою, наперекоръ тому, что онъ называетъ требованіемъ разсудка, ко согласно съ его истинными потребностями. Ибо, „если вѣра въ Бога есть сила армій, если глубокая сосредоточенность чувства заставляетъ человѣка на все рѣшиться, все выполнять; если на войнѣ сильные люди становятся еще сильнѣе отъ поддержки сильныхъ вѣрованій“ (Беджготъ „Естествозн. и Полит., 117—8); то тоже слѣдуетъ сказать и о рыцаряхъ другого рода, безкровно воюющихъ мыслью и словомъ и дѣломъ за идею. И имъ для борьбы и побѣды необходима вѣра въ себя и въ общество.

Эта вѣра есть непремѣнное условіе здороваго нравственнаго состоянія современнаго цивилизованнаго человѣка. Безъ нея современному человѣку предстоитъ или мрачное порпѣніе или самоубійство, какъ тому изъ героевъ Достоевскаго, который путемъ выкладокъ дошелъ до отчаянія въ будущности русскаго народа и застрѣлился.

Господствующій типъ средн наиболѣе развитыхъ классовъ современнаго общества—люди сознательной, самоувѣренной мысли, люди живущіе, глядя впередъ на восходящійся передъ ними (болѣе-менѣе смутный) образъ лучшаго будущаго, людв, которыхъ жалобы на настоящее основаны не на томъ, что когда-либо было лучше, а на томъ, что по ихъ мнѣнію теченіе, уносящее ихъ отъ прошедшаго, слишкомъ медленно. Между тѣмъ именно при этомъ настроеніи движеніе исторіи совершается быстрѣе, чѣмъ когда-либо.

Не то представляютъ намъ тѣ изъ низшихъ слоевъ современнаго народа, которые живутъ еще преданіемъ, и не то предполагаемъ мы въ древности, въ такъ называемый эпическій или народно-поэтическій періодъ. Характерная черта этихъ слоевъ и этого періода состоитъ въ радикальномъ безпримѣсномъ пессимизмѣ.

Digitized by Google

Гриммъ указываетъ на связь съ германскими преданіями греческихъ сказаній о смѣнѣ вѣковъ. Гезіодъ говоритъ о пяти поколѣніяхъ: 1-омъ, золотомъ — блаженныхъ демоновъ, 2-мъ, серебрянномъ — болѣе слабыхъ, но божественныхъ существъ, 3-мъ, мѣдномъ — поколѣніи воиновъ, рожденныхъ отъ ясени (μελία — ясень, древко копья), 4-мъ, героевъ, 5-мъ, желѣзномъ — нынѣшнихъ людей. Платонъ знаетъ только три преемственныхъ поколѣній: демоновъ, героевъ и людей. (Gr. Myth. 541).

Аѳанасьевъ полагаетъ, что золотой вѣкъ есть свѣтлая и счастливая пора весны и лѣта, а вѣкъ желѣзный — холодная ледяная зима, которая должна уступить мѣсто возрожденному и просвѣтленному міру, т. е. новому лѣту. „Впослѣдствіи, когда позабытъ былъ первоначальный смыслъ этихъ метафорическихъ выраженій, человѣкъ, ненаходя въ своемъ дѣйствительномъ быту ни полнаго счастья, ни твердой, незыблемой справедливости, отодвинулъ преданіе о золотомъ вѣкѣ въ незапамятное прошедшее и въ далекое будущее“ (Аѳ. П. В. II, 446).

Неотвергая того, что въ основѣ этого рода сказаній лежитъ смѣна временъ года, и думаю однако, что миѳъ вообще, такъ и здѣсь, такое основаніе миѳа есть лишь заключенное въ немъ представленіе, неисчерпывающее и необъясняющее его значеній.

Такимъ же образомъ и историческія воспоминанія, напр., память о смѣнѣ каменнаго и бронзоваго вѣка желѣзнымъ, или о дѣйствительно совершившихся общественныхъ измѣненіяхъ въ родѣ водворенія гдѣ-либо крѣпостного права, хотя и должны приниматься въ соображеніе, но немогутъ служить достаточнымъ объясненіемъ всеобщаго пессимистическаго взгляда на жизнь природы и человѣка, болѣе сильнаго и живучаго, чѣмъ вѣра въ возрожденіе міра въ то время, когда зло достигнетъ наибольшей силы. (Серб. „спрашиваютъ у волка: „когда наибольшій холодъ?“ — Когда рождается солнце“).

Эта вѣра, которую можно обозначить именемъ вѣры въ наступленіе царства Божія, явлнется скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. При томъ же она заключаетъ въ себѣ мысль не о

Digitized by Google

совершенствованіи существующаго міра (онъ напротивъ клонится къ паденію), а о смѣнѣ его новымъ, подобно тому какъ христіанское вѣрованіе видитъ впереди безконечное царство Божіе (впрочемъ для немногихъ избранныхъ) не на этой землѣ.

Въ русской народной поэзіи мысль о торжествѣ правды надъ привдой отнесена въ область сказки, между тѣмъ какъ противуположная мысль о томъ, что „привда правду переспорила" многократно повторяется въ пословицахъ, пѣсняхъ, преданіяхъ, т. е. въ произведеніяхъ, стремящихся къ болѣе правдивому изображенію жизни, чѣмъ сказка.

Группируя свидѣтельства такихъ произведеній русской поэзіи, мы видимъ:

а) Было такое время, когда звѣри и птицы говорили человѣческимъ языкомъ. Въ связи съ этимъ—преданія о происхожденіи различныхъ животныхъ, между прочимъ, собакъ, медвѣдя, а также растеній (братъ и сестра) изъ людей.

б) Хлѣба было больше.

в) Люди были больше ростомъ, сильнѣе, долговѣчнѣе.

г) Между ними царствовали правда и счастье.

Въ связи съ такимъ взглядомъ находится общій печальный колоритъ по крайней мѣрѣ русской лирической поэзіи. Между прочимъ, почти всѣ звуки внѣшней природы (вѣтра, звѣрей, птицъ, кромѣ развѣ соловья) въ народной русской поэзіи представляются печальными и „вѣщуютъ" печаль.

Современный намъ нѣмецъ, говоря о такъ называемомъ нигилизмѣ у русскихъ, замѣчаетъ: „Es ist schwer ein Russe und kein pessimist zu sein".

Насколько во всемъ этомъ участвуютъ особенности русской и вообще славянской народной жизни, этого я опредѣлить немогу; но, допуская нѣкоторую долю этого участія, я думаю, что такое настроеніе должно характеризовать первобытнаго человѣка вообще, такъ какъ оно согласно съ другими явленіями первобытной жизни, изъ которыхъ должна вытекать, такъ сказать повальная несамоувѣренность личной мысли.

Digitized by Google

Представимъ себѣ, что письменность, печать, школа несуществуетъ. При этомъ хранителями преданія являются преимущественно старики. Они даютъ тонъ обществу. Старческій возрастъ самъ по себѣ располагаетъ къ пессимизму. Современный намъ старикъ можетъ бороться съ этимъ настроеніемъ лишь при помощи науки, сообщающей точныя наблюденія; но онъ борется не всегда успѣшно съ субъективными основаніями такого настроенія, состоящими въ томъ, что дѣйствительно съ лѣтами изсякаютъ источники личнаго счастья. Даже образованные старцы, нарекающіе на молодежь и превозносящіе врени своей молодости, и теперь весьма обыкновенны.

Нравственный перевѣсъ старчества, подчиненіе другихъ возрастовъ его авторитету является причиною медленности измѣненія жизни. Новыхъ данныхъ личнаго наблюденія и опыта мало. Оборачиваясь назадъ и глядя на прошедшее глазами стариковъ, человѣкъ подвергается иллюзіи въ родѣ той, по которой кажется, что деревья аллеи, по мѣрѣ удаленія отъ насъ, стоятъ все тѣснѣе. Образы прошедшаго служатъ тогда недосягаемыми образцами для подражанія. Эта иллюзія существуетъ и для насъ, но въ силу навыка къ исторической перспективѣ принимается нами не болѣе, нежъ за иллюзію. Нынѣ практическое значеніе исторіи состоитъ не въ томъ, что она учитъ, какъ быть, а лишь въ томъ, что она, указывая пройденный путь, избавляетъ отъ напрасной траты силъ, предостерегаетъ, что по пройденному пути ходить нельзя. Въ этомъ отношеніи характеристична смѣна значеній слова *пошлый*.

Несамоувѣренность мысли заставляетъ древняго человѣка искать опоры своему мнѣнію во мнѣніяхъ упомянутаго авторитетнаго старческаго большинства. Періодъ народной поэзіи есть время крѣпкой вѣры въ авторитетъ. И мы придаемъ величайшее значеніе авторитету и вообще опыту прежнихъ вѣковъ, но для насъ свидѣтельства исторіи имѣютъ особый смыслъ. Мы знаемъ, что такъ называемая истина входитъ въ міръ узкими вратами личныхъ мнѣній. Господство извѣстнаго мнѣнія, его популярность въ данное время служитъ для насъ не доказательствомъ его истин-

Digitized by Google

ности, а напротивъ указаніемъ на то, что это мнѣніе достигло поры, когда оно должно измѣниться, и на то, въ какомъ направленіи должно произойти это измѣненіе.

Человѣкъ авторитета и преданія думаетъ иначе: „что говорятъ всѣ, то должно быть истиною; что всѣ дѣлаютъ, то должно быть правильно"; „quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est, hoc est vere proprieque catholicum" (Тейл. „Перв. культ." I, 12); что лично, то тѣмъ самымъ ложно и грѣшно, ибо авторитетъ, недовольствуясь фактическою властью, всегда стремится обезпечить и освятить себя, приписывая своей власти происхожденіе свыше. Первобытное время есть время господства привычки, переносящей вѣрованія, обряды и обычаи въ новое состояніе общества, отличное отъ того, среди коего они возникли (Survivals, Тейл. I, 15). Быстрыя измѣненія жизни новаго времени связаны съ твердою вѣрою въ себя, въ превосходство личной мысли (основанной на коллективной) передъ этою послѣдвею, настоящаго и будущаго—передъ прошедшимъ; напротивъ относительная неподвижность низшихъ слоевъ новаго общества, указывающая на такую же и большую неподвижность всего общества въ древнее время, связана съ мечтательно любовнымъ отношеніемъ къ прошедшему, съ его идеализаціей и обоготвореніемъ.

Подобно тому, какъ въ рядахъ организмовъ по направленію отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ увеличивается сила сопротивленія вліянію среды и различіе между процессами совершающимися въ организмахъ и ихъ средѣ; и въ человѣческомъ мірѣ есть рядъ ступеней развитія, характеризуемыхъ все бо́льшею и бо́льшею силою самодѣятельности, т. е. меньшею степенью подражательности, обнаруживаемой лицомъ подъ вліяніемъ другихъ лицъ и общества. Слово „самодѣятельность" должно быть здѣсь и вообще понимаемо не какъ дѣятельность безъ внѣшняго толчка или дѣятельность количествомъ превосходящая этотъ толчокъ (такого неравенства дѣйствія и воздѣйствія въ мірѣ нѣтъ), а какъ сравнительно высшая степень качественнаго различія между дѣйствіемъ и воздѣйствіемъ.

Digitized by Google

По господствующему нынѣ взгляду, народная поэзія есть массовое, гуртовое творчество, имѣющее мѣсто тогда, когда продуктивность лица столь сходна по качеству съ продуктивностью другихъ лицъ той же коллективной единицы, что лицо само не-находитъ основаній смотрѣть на свою продуктивность, какъ на свою исключительную собственность и, наоборотъ, на произведенія другихъ, какъ на чужія. Такое состояніе лишь градуально отлично отъ позднѣйшаго. Въ подобномъ состояніи находимся и мы каждый разъ, какъ высказываемъ мысли, какъ говорится, носящіяся въ воздухѣ, въ тоже время и наши и ненаши; когда чувствуемъ себя поднятыми или залитыми волною своего времени. Но въ часъ такое состояніе быстро прекращается, именно, между прочимъ, всегда, когда мы формулируемъ и закрѣпляемъ свою мысль на бумагѣ; для такъ называемаго эпическаго, точнѣе народно-поэтическаго времени такое состояніе длительно.

Въ народной поэзіи, при самомъ первомъ появленіи произведенія въ устахъ одного лица это произведеніе носитъ столь слабую печать индивидуальности въ выборѣ содержанія, выраженій, размѣра, музыкальнаго мотива, что безсознательно усвоается окружающими и безсознательно же, хотя непремѣнно, варьируется ими въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Языкъ и народность [1])

Довольно распространено мнѣніе, что своеобразность народности находится въ прямомъ отношеніи къ степени ея отчужденности отъ другихъ и въ обратномъ къ степени цивилизаціи. Послѣдователи этого мнѣнія поясняютъ его приблизительно такимъ образомъ.

Мы видимъ, говорятъ они, что въ настоящее время своеобразность нравовъ, обычаевъ, костюмовъ можно найти лишь въ какихъ-либо глухихъ углахъ Европы, между тѣмъ какъ въ ста-

[1]) Статья, напечатанная въ В. Евр. 1895, сент.

Digitized by Google

рину было иначе. Теперь житель иаиого-иибудь нѣмецкаго или французскаго захолустья смотритъ даже не нѣмцемъ или французомъ, ио иоситъ совершенио особый отпечатоаъ, тольио и приадлежащій даиной мѣстности. Напротивъ, у цааилизоваинаго человѣиа, особенно человѣка, миого путешествовавшаго по Европѣ, является общеаультуриый тапъ, хараитеризующій уже ае француза, англичаниаа, нѣмца, а вообще цивилизоваииаго человѣка. Между образованными людьми всѣхъ націй болѣе общаго ае тольио въ теоретичесиихъ убѣжденіахъ, но и въ чертахъ хараатера, чѣмъ между образованными людьми извѣстнаго аарода и ихъ иеобразоваиаыми соотечествеиниками. Въ этомъ убѣждаетъ, между прочимъ, сравиеніе себя и своихъ знакомыхъ, съ одной стороны—съ героями ааостраиныхъ романовъ, иаходящахся въ подобномъ обществеиномъ положеніи, съ другой стороиы—съ лицами изъ простонародья въ русскихъ повѣстяхъ.

Это явленіе представляется проазведеаіемъ двухъ факторовъ, дѣйствующихъ совмѣстио, именно: успѣховъ человѣческой мысли, иапраалеаной на изучепіе природы, и врожденной человѣау подражательиости.

Отиуда бы ни происходило различіе иародиостей, во всяиомъ случаѣ оно поддерживается пространственнымъ разобщеніемъ и разлачіемъ географическихъ влiяній. Но спошенія между людьми облегчаются и увеличиваются, благодаря азобрѣтеніямъ, какъ пароходы, желѣзныи дороги, телеграфы и пр. Прииудительаость географическихъ условій теряетъ свою силу, по мѣрѣ того аааъ, благодаря властв надъ простраиствомъ, человѣкъ получаетъ возможность мѣнять мѣсто жительства и создавать себѣ исаусственную среду, болѣе благопріятную для жизни, чѣмъ каная-либо изъ даныхъ природою. Смѣшеніе между людьми различныхъ народовъ влечетъ за собою сарещиваніе видовъ и образоваиіе общихъ типовъ. Все, что увеличиваетъ сношепія между людьми, усиливаетъ нивеллирующее дѣйствіе подражательности, искони свойствеиной человѣау, сиачала рефлективиой, непроизвольной, потомъ сознательиой и критической. Подражательность производитъ слiяніе

Digitized by Google

племенъ въ народы, аналогично съ чѣмъ можно предвидѣть, что рано или поздно, положимъ черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, народы сольются въ одну общечеловѣческую народность. Указаніемъ на возможность такого явленія служатъ въ прошедшемъ и настоящемъ явленіи, какъ распространеніе культуры извѣстнаго народа на многіе другіе, какъ смѣна народныхъ культовъ христіанствомъ, непризнающимъ народныхъ различій. Когда изъ двухъ народовъ одинъ заимствуетъ у другого, напр., устройство суда присяжныхъ, и второй у перваго устройство быта крестьянъ, то оба становятся сходнѣе другъ съ другомъ, чѣмъ были прежде.

Препятствія заимствованію и подражанію, поставляемыя въ настоящее время различіемъ языковъ, могутъ сгладиться и исчезнуть. Указанія на это есть въ настоящемъ. И прежде были языки, какъ греческій, латинскій, вліяніе коихъ простиралось далеко за ихъ первоначальныя границы. Теперь есть международные языки образованныхъ людей всѣхъ націй, зная которые, можно объѣхать весь земной ширъ. И кромѣ этой исключительной общеупотребительности такъ-называемыхъ всемірныхъ языковъ, мы видимъ, что какъ скоро въ данной мѣстности поселяется нѣсколько племенъ, и какъ скоро необходимость заставляетъ ихъ стремиться ко взаимному пониманію, между ними устанавливается общность языка двумя путями: или тѣмъ, что языкъ сильнѣйшаго племени вытѣсняетъ языкъ слабѣйшаго, который при этомъ исчезаетъ (напр., наречія обрусѣлыхъ финновъ), или тѣмъ, что изъ смѣшенія происходятъ амальгамированные языки, какови: англійскій, французскій, итальянскій, испанскій, венгерскій.

Къ этому присоединяется мнѣніе, что все увеличивающееся число переводовъ съ одного языка на другой, т.-е. увеличеніе количества и напряженности усилій передать средствами одного языка сказанное на другомъ, должно сглаживать ихъ различія. Кромѣ того, полагаютъ, что высшее развитіе ослабляетъ въ языкѣ звуковой элементъ и усиливаетъ логическій, считаемый общечеловѣческимъ, выводитъ изъ употребленія своеобразные обороты и поговорочныя выраженія,

Digitized by Google

Одинъ изъ сильныхъ авторитетовъ по части славянскаго языковнанія, Миклошичъ, того мнѣнія, что въ языкахъ Европы возникаетъ общій новоевропейскій синтаксисъ, основанный на синтаксисѣ классическихъ языковъ.

Таковы извѣстныя намъ соображенія, заставляющія предположить, что ходъ развитія человѣчества, направленный къ освобожденію человѣка отъ давленія внѣшней природы, исподволь слагаетъ съ него и оковы народности. При этомъ предполагается, что существованіе одного общечеловѣческаго языка было бы настолько согласно съ высшими потребностями человѣка, насколько выгодны для насъ искусственныя условія жизни, благодаря которымъ уже теперь въ Петербургѣ можно имѣть тропическіе плоды.

Этимъ соображеніямъ мы противопоставимъ другія, имѣющія для насъ болѣе силы.

1) Какое значеніе имѣетъ подражательность въ личной жизни? Особь во всѣхъ сферахъ жизни есть нѣчто въ высокой степени самодѣятельное по отношенію къ вліяніямъ другихъ особей и остальной природы. Человѣкъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, есть конецъ ряда низшихъ существъ. Всякая сила дѣйствуетъ на него не иначе, какъ видоизмѣняясь въ немъ и вызывая въ немъ противодѣйствіе. Подрѣжаніе, вызываемое въ человѣкѣ извѣстнымъ дѣйствіемъ, неможетъ быть точнымъ повтореніемъ этого дѣйствія, по той причинѣ, что для такого повторенія подражающему нужно бы было быть тождественнымъ съ тѣмъ, что произвело это дѣйствіе, и притомъ въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ; послѣднее невозможно уже по одному физическому закону непроницаемости, не говоря о болѣе сложныхъ законахъ мысли. Если апріорныхъ соображеній недостаточно, то можно простымъ наблюденіемъ увѣриться, что непроизвольное, недохолящее до созиванія субъекта подражаніе движеніямъ и звукамъ другого даетъ движенія, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, только сходныя, а не тождественныя. На болѣе высокихъ ступеняхъ душевной жизни подражаніе другому лицу или есть пониманіе его движеній и звуковъ,—такъ что, перифразируя: „du gleichst

dem Geist, den du begreifst", можно сказать, что „das Gleichen" есть только „das Begreifen",—или предполагаетъ это пониманіе.

Но извѣстно, что взаимное пониманіе не есть перекладываніе одного и того же содержанія изъ одной головы въ другую, но состоитъ въ томъ, что лицо *А*, связавшее содержаніе своей мысли съ извѣстнымъ внѣшнимъ знакомъ (движеніемъ, звукомъ, словомъ, изображеніемъ), посредствомъ этого знака вызываетъ въ лицѣ *Б* соотвѣтственное *содержаніе*. Понимающіе другъ друга могутъ быть сравнены съ двумя различными музыкальными инструментами, приведенными между собою въ такую связь, что звукъ одного изъ нихъ вызываетъ не такой же, но соотвѣтственый звукъ другого. Какимъ образомъ подъ словомъ „свѣча", я могу понимать точно то же, что мой собесѣдникъ, когда органы воспріятій у насъ различны, а накопленіе воспоминаній (объ этомъ) различно гораздо болѣе того? Этимъ объясняется парадоксъ, что всякое, даже самое полное пониманіе есть въ то же время непониманіе. Человѣкъ неможетъ выйти изъ круга своей личной мысли [1]). То, что называется общимъ уровнемъ мысли между людьми, возможно лишь благодаря способности отвлеченія, то-есть сведенію дѣйствительнаго различія мыслей въ различныхъ субъектахъ на извѣстный минимумъ различій, и благодари фикціи, состоящей въ принятіи этого минимума за эквивалентъ полныхъ мыслей.

Эти элементарныя, но многими игнорируемыя положенія объясняютъ намъ многое. Во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни „несамостоятельность", „подражательность" выражаютъ лишь извѣстныя, болѣе или менѣе низкія степени различія самостоятельности, своеобразности мыслей и дѣйствій. Въ другомъ, безусловномъ смыслѣ эти понятія немыслимы.

Такъ, напр., можно поддѣлывать подписи, но увеличительное стекло отроетъ поддѣлку; можно тщательно списывать прописи,

[1]) Мысль и чувства человѣка невыразимы, хотя для насъ необходимо противоположное этому убѣжденіе, такъ что эта невыразимость сознается и даже становится руководящимъ принципомъ лишь въ исключительныхъ настроеніяхъ: „Молчи, скрывайся и таи" (Silentium Тютчева).

Digitized by Google

ио образовать себѣ точно такой почеракъ, какъ у другого, невозможно. Можно воспитаніемъ достигнуть многаго: сдѣлать человѣка болѣе или менѣе энергичнымъ, свѣдущимъ, правдивымъ; но обезличить его, сдѣлать совершенно похожимъ на образецъ, невозможно.

Понятно, что такъ какъ народы состоятъ изъ лицъ и соприкасаются между собою черезъ посредство лицъ, то все сказанное о своеобразности и замкнутости лица примѣнится и къ народу настолько, насколько его единство сходно съ единствомъ лица. Взаимное вліяніе народовъ есть тоже лишь взаимное возбужденіе [1]). Распространеніе культуры одного народа на другіе кажется намъ объединеніемъ народовъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы витаемъ на холодныхъ высотахъ абстракціи. Но если мы сообразимъ, что немногіе признаки, повтореніе коихъ мы замѣчаемъ въ жизни разныхъ народовъ, существуютъ въ дѣйствительности лишь въ группахъ множества другихъ признаковъ, какъ конкретныя явленія, то мы принуждены будемъ говорить, напр., не о томъ, что единое въ себѣ и неизмѣнное христіанство разлилось по цивилизованному міру, а лишь о томъ, что христіанство въ видѣ первоначально-опредѣленнаго возбужденія было поводомъ возникновенія цѣлой цѣпи христіанствъ, весьма различныхъ между собою, если разсматривать ихъ въ ихъ конкретности. Есть не только восточное и западное, но и русское, польское, нѣмецкое христіанство и даже нѣмецкія христіанства. Вся сила въ томъ, чтобы непринимать своихъ абстракцій за сущности, что, однако, дѣлается когда разсматриваютъ, напр., христіанство независимо отъ среды, въ коей оно проявляется.

Другой примѣръ, поясняющій свойства традиціи, представляютъ странствующіе повѣсти и разсказы. О многихъ изъ нихъ мы, благодаря мастерамъ особаго рода литературныхъ изслѣдованій, какъ Бенфей, Либрехтъ и многіе другіе, можемъ сказать, что ихъ мотивы обошли безъ малаго весь земной шаръ, перебывали и остались у множества народовъ, начиная отъ инозцевъ и

[1]) О подражательности, какъ средствѣ образованія національностей: Беджготъ, Естествознаніе и политика, стр. 134 и слѣд.

Digitized by Google

готтентотовъ. Казалось бы, что эти странствованія суть очевидныя доказательства способности всѣхъ народовъ воспроизводить одно и тоже содержаніе. Но спрашивается, имѣемъ ли мы основаніе назвать эти географическія и хронологическія передвиженія жизнью въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы приписываемъ жизнь языку? Конечно, да. Если же такъ, то къ странствующимъ литературнымъ мотивамъ долженъ быть приложенъ тотъ взглядъ, котораго мы держимся относительно формъ языка. Важность грамматической формы состоитъ въ ея функціи, которая, конечно, должна имѣть мѣсто прикрѣпленія. Подобнымъ образомъ главное въ странствующемъ разсказѣ есть то, какъ онъ дѣйствуетъ, т.-е. понимается и примѣняется на каждой точкѣ своего пути. Весьма почтенныя литературныя изслѣдованія такихъ разсказовъ со стороны ихъ абстрактнаго тождества по своему характеру и значеніе равняются такимъ грамматическимъ изслѣдованіямъ, которыя разсматриваютъ не формы, а ихъ препараты, лишенные функцій, т.-е. жизни. Признаніе, что мотивы странствующихъ повѣстей неизмѣнны, равносильно съ господствующимъ мнѣніемъ, что значеніе корня остается неизмѣннымъ во всемъ семействѣ словъ и пидаетъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ.

Тоже самое можно сказать о всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ. Жизнь ихъ состоитъ въ томъ, что они понимаются, и какъ понимаются. Въ противномъ случаѣ о нихъ стоитъ говорить не болѣе, какъ о глыбѣ камня, кускѣ полотна и пр. Если же такъ, то кто станетъ утверждать, что пониманіе и вліяніе произведеній греческаго ваянія одно и тоже въ нынѣшнія времена Греціи и теперь? Тогда и теперь—это совершенно различныя произведенія искусства, имѣющія лишь одинъ и тотъ же матеріальный субстратъ, но не одну и туже, такъ сказать, душу. Эти различія измѣняются не только по времени, но и по народамъ.

Если бы языки были только средствами обозначенія мысли уже готовой, образовавшейся помимо ихъ, какъ дѣйствительно думали въ прошломъ, отчасти и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то ихъ различія по отношенію къ мысли можно бы сравнить съ различіями почер-

Digitized by Google

ковъ и шрифтовъ одной и той же азбуки: намъ болѣе или менѣе все равно, какимъ почеркомъ ни написать, какимъ шрифтомъ ни напечатать книгу, лишь бы можно было разобрать; такъ было бы безразлично для мысли, на какомъ языкѣ ее ни выразить. При такомъ положеніи дѣла было бы вѣроятно, что какъ скоро распространилось бы убѣжденіе, что разница между языками лишь внѣшняя и несущественная, что привязанность къ своему языку есть лишь дѣло привычки, лишенной глубокихъ основаній, то люди стали бы мѣнять языкъ съ такою же легкостью, какъ мѣняютъ платье. Въ результатѣ можно бы ожидать того, что подобно тому, какъ ради извѣстныхъ удобствъ филологи приспособляютъ латинскія письмена ко множеству различныхъ языковъ, и какъ установляются общія системы мѣръ и вѣсовъ, рано или поздно былъ бы принятъ скорѣе всего совершенно искусственный, наиболѣе легкій и простой общій языкъ. Можно бы ожидать, что такой языкъ, зародившись на вершинахъ интеллигенціи, имѣющей уже и теперь общіе искусственные языки для главъ, какіе цифры, алгебраическіе, химическіе и метеорологическіе знаки, постепенно спускался бы въ низшія сферы и, наконецъ, обнялъ бы все человѣчество. Но нашему вѣку принадлежитъ открытіе, что языки потому только служатъ обозначеніемъ мысли, что они суть средства преобразованія первоначальныхъ, до-языкныхъ элементовъ мысли и поэтому могутъ быть названы средствами созданія мысли. Языки различны не только по степени своего удобства для мысли, но и качественно, то есть такъ, что два сравниваемые языка могутъ имѣть одинаковую степень совершенства при глубокомъ различіи своего строя. *Общечеловѣческія* свойства языковъ суть: по звукамъ — членораздѣльность, съ внутренней стороны — то, что всѣ они суть системы символовъ, служащихъ мысли. Затѣмъ всѣ остальныя ихъ свойства суть *племенныя*, а не общечеловѣческія. Нѣтъ ни одной грамматической и лексической категоріи, обязательной для всѣхъ языковъ.

Хотя въ настоящее время языкознаніе большею частью не въ состояніи услѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ первоначальная

Digitized by Google

техника мысли, условленная языкомъ, сказывается въ сложныхъ произведеніяхъ мысли; но тѣмъ не менѣе стоитъ прочно то положеніе, что эта техника гораздо важнѣе для совершенства и качества произведенія мысли, чѣмъ, напр., пріемы, орудія и матеріалы рисованія, живописи, гравюры для произведеній этихъ искусствъ. Эта техника, знаемъ ли мы объ этомъ, или нѣтъ, непремѣнно сказывается во всемъ, что бы мысль ни создала черезъ посредство языка [1]). Разсматривая языки, какъ глубоко различныя системы пріемовъ мышленія, мы можемъ ожидать отъ предполагаемой въ будущемъ замѣны различія языковъ однимъ общечеловѣческимъ — лишь пониженія уровня мысли. Ибо если объективной истины нѣтъ, если доступная для человѣка истина есть только стремленіе, то сведеніе различныхъ направленій стремленія на одно не есть выигрышъ. Языкъ не есть только извѣстная система пріемовъ познанія, какъ и познаніе необособлено отъ другихъ сторонъ человѣческой жизни. Познаваемое дѣйствуетъ на насъ эстетически и нравственно. Языкъ есть вмѣстѣ путь сознанія эстетическихъ и нравственныхъ идеаловъ, и въ этомъ отношеніи различіе языковъ не менѣе важно, чѣмъ относительно познанія [2]).

Языкъ можно сравнить съ зрѣніемъ. Подобно тому какъ малѣйшее измѣненіе въ устройствѣ глаза и дѣятельности зрительныхъ нервовъ неизбѣжно даетъ другія воспріятія и этемъ вліяетъ на все міросозерцаніе человѣка; такъ каждая мѣлочь въ устройствѣ языка должна давать безъ нашего вѣдома свои особыя комбинаціи елементовъ мысли. Вліяніе всякой мѣлочи языка на мысль въ своемъ родѣ единственно и ничѣмъ незамѣнимо.

Человѣкъ, говорящій на двухъ языкахъ, переходя отъ одного языка къ другому, изиѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ и направленіе теченія своей мысли, при томъ такъ, что усиліе его

---

[1]) Лишь при помощи языка созданы грамматическія категоріи и параллельные имъ общіе разряды философской мысли; внѣ языка онѣ несуществуютъ и въ разныхъ языкахъ различны. Самое содержаніе мысли относится къ этимъ категоріямъ различно въ разныхъ языкахъ даже народовъ сродныхъ и живущихъ въ сходныхъ физическихъ условіяхъ.

[2]) Необязательность эстетическихъ идеаловъ см. выше стр. 169 сл.

Digitized by Google

воли лишь измѣняетъ колею его мысли, а на дальнѣйшее теченіе ея вліяетъ лишь посредственно. Это усиліе можетъ быть сравнено съ тѣмъ, что дѣлаетъ стрѣлочникъ, переводящій поѣздъ на другіе рельсы (Это сознавалось съ большею или меньшею ясностью уже давно, въ посвященіи грамматики Ломоносова) И наоборотъ, если два а нѣсколько языковъ довольно привычны для говорящаго, то вмѣстѣ съ измѣненіемъ содержанія мысль невольно обращается то къ тому, то къ другому языку. Мнѣ кажется, это можно наблюдать въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ грамотахъ, въ коихъ, смотря по содержанію рѣчи, выбивается наверхъ то польская, то малорусская, то церковно-славянская струя. Это же явленіе составляетъ реальное основаніе ломоносовскаго дѣленія слога на возвышенный, средній и низкій.

Примѣромъ того же служитъ двуязычность высшихъ классовъ русскаго общества.

Въ этомъ, вполнѣ русскомъ, семействѣ Тютчевыхъ, говоритъ Аксаковъ, „почти исключительно господствовалъ французскій языкъ, такъ что не только всѣ разговоры, но и вся перепаска родителей съ дѣтьми и дѣтей между собою, какъ въ ту пору, такъ и потомъ въ теченіе всей жизни велась не иначе, какъ по французски. Это господство французской рѣчи неисключало у Екатерины Львовны (матери Ѳ. И. Тютчева, ум. въ 1866, на 90-мъ году жизни) приверженности къ русскимъ обычаямъ и удивительнымъ образомъ уживалось рядомъ съ церковно-славянскимъ чтеніемъ псалтырей, часослововъ, молитвенниковъ у себя въ спальной, и вообще со всѣми особенностями русскаго православнаго и дворянскаго быта. Явленіе, впрочемъ, очень нерѣдкое въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX, когда русскій литературный языкъ былъ еще дѣломъ довольно новымъ, еще только достояніемъ любителей словесности, да и дѣйствительно небылъ еще достаточно приспособленъ и выработанъ для выраженія всѣхъ потребностей перенятаго у Европы общежитія и знанія. Вмѣстѣ съ готовою западною цивилизаціею заимствовалось и готовое чужое орудіе обмѣна мыслей. Многіе русскіе государственные люди, превосходно излагавшіе

Digitized by Google

свои мнѣнія на французскомъ, *писали* по-русски самымъ неуклюжимъ, варварскимъ образомъ, точно съѣзжали съ торной дороги на жесткія глыбы только-что поднятой нивы. Но часто, одиовременно съ чистѣйшимъ французскимъ жаргономъ в... изъ однихъ тѣхъ же устъ можно было услышать живую, почти простонародную, идіоматическую рѣчь, *болѣе народную* во всякомъ случаѣ, чѣмъ наша настоящая, книжная или разговорная. Разумѣется, такая *устная* рѣчь служила чаще для сношеній съ крѣпостною прислугою и съ низшими слоями общества, но тѣмъ не менѣе эта грубая противоположность, эта рѣзкая бытовая черта, рядомъ съ вѣрностью бытовымъ православнымъ преданіямъ, объясняетъ многое и очень многое въ исторіи нашей литературы и нашего народнаго самосознанія" [1]). „Не странно ли, что при всей рѣзкости *народнаго* (?) направленія мысли въ Тютчевѣ, нашъ высшій свѣтъ, high life, не только неотвергалъ Тютчева и неподвергалъ равному съ славянофилами осмѣянію и гоненію, но всегда признавалъ его своимъ,—по крайней мѣрѣ интеллигентный слой этого свѣта. Конечно, этому причиною было то обаяніе всесторонней культуры, которое у Тютчева было такъ нераздѣльно съ его существомъ и влекло къ нему всѣхъ, даже несогласныхъ съ его политическими убѣжденіями. Эти убѣжденія признавались достойными сожалѣнія крайностями, оригинальностью, капризомъ, парадоксальностью сильнаго ума в охотно прощались Тютчеву ради его блестящаго остроумія, общительности, привѣтливости, ради утонченно-изящнаго европеизма всей его вялѣшности. Къ тому же всѣ „національныя идеи" Тютчева представлялись обществу чѣмъ-то *отвлеченнымъ* (чѣмъ, повидимому, онѣ и были въ немъ отчасти), дѣломъ *мнѣнія* (une opinion comme une autre!), а не дѣломъ жизни. Дѣйствительно, онѣ невносили въ отношеніи Тютчева къ людямъ ни исключительности, ни нетерпимости; онъ непринадлежалъ ни къ какому литературному лагерю и былъ въ общеніи съ людьми всѣхъ круговъ и становъ; онѣ невидоизмѣняли его привычекъ, непересоздавали его частнаго быта, неналагали на него никакого клейма

[1]) И. Аксаковъ, біографія Ѳ. И. Тютчева. М. 1886 г. Стр. 9—10.

Digitized by Google

ни оптін, ни національности.... Но точно ли этотъ русскій элементъ въ Тютчевѣ былъ одною отвлеченностью, мыслью, только дѣломъ одного мнѣнія? Нѣтъ: любовь къ Россіи, вѣра въ ея будущее, убѣжденіе въ ея верховномъ историческомъ призваніи владѣли Тютчевымъ могущественно, упорно, безраздѣльно, съ самыхъ раннихъ лѣтъ и до послѣдняго вздыханія. Онѣ жили въ немъ на степени какой-то стихійной силы, болѣе властительной, чѣмъ всякое иное личное чувство. Россія была для него высшимъ интересомъ жизни; къ ней устремлялись его мысли на смертномъ одрѣ. А между тѣмъ странно подумать, что стихотвореніе по случаю посѣщенія русской деревни („Ахъ, нѣтъ, не здѣсь, не этотъ край безлюдный былъ для души моей родимымъ краемъ") и стихотвореніе „Эти бѣдныя селенья", написаны однимъ и тѣмъ же поэтомъ [1]).

Ѳ. И. Тютчевъ служитъ превосходнымъ примѣромъ того, какъ ощущеніе тѣмъ или другимъ языкомъ даетъ мысли то или другое направленіе, или, наоборотъ, какъ въ предчувствіи направленія, которое приметъ его мысль въ слѣдующее мгновеніе, человѣкъ берется за тотъ или другой изъ доступныхъ ему языковъ. Два рода умственной дѣятельности идутъ въ одномъ направленіи, переплетаясь между собою, но сохраняя свою раздѣльность, черезъ всю его жизнь, до послѣднихъ ея дней. Это—съ одной стороны, поэтическое творчество на русскомъ языкѣ, съ другой стороны—мышленіе политика и дипломата, свѣтскаго человѣка въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ—на французскомъ.

„Въ 22 года его почти безвыѣзднаго пребыванія за границей,—говоритъ его біографъ,—онъ почти неслышитъ русской рѣчи, и по отъѣздѣ Хлопова (бывшаго крѣпостного дядьки Тютчева, взаимно связаннаго съ нимъ тѣсной дружбой) и совсѣмъ лишается того немногого, хотя и благотворнаго соприкосновенія съ русскою бытовою жизнью, которое доставляло ему присутствіе его дядьки въ Мюнхенѣ. Его первая жена не слова незнала по-русски, также какъ и вторая, научившаяся русскому языку уже по переселеніи въ Россію (и собственно для того, чтобы понимать

[1]) Тамъ же, стр. 75—76.

Digitized by Google

стихи своего мужа). Слѣдовательно, самый навыкъ его домашняго быта былъ чуждый. Съ русскими путешественниками бесѣда происходила, по тогдашнему обычаю, всегда по-французски; по-французски же, исключительно, велась и дипломатическая корреспонденція, и его переписки съ родными“ [1]).

„По собственному его признанію, онъ тверже выражалъ свою (прозаическую) мысль по-французски, нежели по-русски, свои письма и статьи писалъ исключительно на французскомъ языкѣ и, конечно, на девять десятыхъ болѣе говорилъ въ своей жизни по-французски, чѣмъ по-русски.“ А между тѣмъ стихи у Тютчева творились *только по-русски*. Значитъ, изъ глубочайшей глубины его духа били ключомъ у него поэзіи, изъ глубины, недосягаемой *даже для его собственной воли*,—изъ тѣхъ тайниковъ, гдѣ живетъ наша первообразная природная стихія, гдѣ обитаетъ самая правда человѣка“ [2]). Стихи у него не были плодомъ *труда*, хотя бы и вдохновеннаго, но все же труда, подчасъ даже усидчиваго у иныхъ поэтовъ“... „Онъ ихъ не писалъ, а записывалъ“. Лучшіе созданы мгновенно.

Тютчевъ представляетъ поучительный примѣръ не только того, что различные языки въ одномъ и томъ же человѣкѣ связаны съ различными областями и пріемами мысли, но и того, что эти различные сферы и пріемы въ одномъ и томъ же человѣкѣ разграничены и вещественно. Во время предсмертной болѣзни, съ половиною тѣла пораженной параличемъ, Тютчевъ почти до смерти сохранилъ способность къ блестящей французской рѣчи и живой интересъ къ политикѣ. Разъ, послѣ продолжительнаго обморока, первыми словами его были: „какія послѣднія новости изъ Хивы?“ Между тѣмъ власть надъ стихомъ и чувство стихотворной мѣры оставили его гораздо раньше. Онъ порывался слагать стихи, но ничего не выходило.

Знаніе двухъ языковъ въ очень раннемъ возрастѣ не есть обладаніе двумя системами изображенія и сообщенія одного и

[1]) Тамъ же, стр. 53.
[2]) Тамъ же, стр. 85.

Digitized by Google

того же круга мыслей, но раздволяетъ этотъ кругъ и наперед затрудняетъ достиженіе цѣльности міросозерцанія, мѣшаетъ научной абстракціи. Если языкъ школы отличенъ отъ языка семейства, то слѣдуетъ ожидать, что школа и домашняя жизнь небудутъ приведены въ гармоничныя отношенія, но будутъ сталкиваться и бороться другъ съ другомъ. Ребенокъ, говорящій: „du pain“ къ родителямъ и гувернанткѣ и (тайномъ) „хлѣбца“ къ прислугѣ, имѣетъ два различныя понятія о хлѣбѣ.

Когда два лица, говорящія на одномъ языкѣ, понимаютъ другъ друга, то содержаніе даннаго слова въ обоихъ различно, но представленіе настолько сходно, что можетъ безъ замѣтнаго вреда для изслѣдованія приниматься за тождественное. Мы можемъ сказать, что говорящіе на одномъ языкѣ при помощи даннаго слова разсматриваютъ различныя въ каждомъ изъ нихъ содержанія этого слова подъ однимъ угломъ, съ одной и той же точки. При переводѣ на другой языкъ процессъ усложняется, ибо здѣсь не только содержаніе, но и представленіе различны.

Если слово одного языка непокрываетъ слова другого, то тѣмъ менѣе могутъ покрывать другъ друга комбинаціи словъ, картины, чувства, возбуждаемыя рѣчью; соль ихъ исчезаетъ при переводѣ; остроты непереводимы. Даже мысль, оторванная отъ связи съ словеснымъ выраженіемъ, непокрываетъ мысли подлинника[1]). И это понятно. Допустимъ на время возможность того, что переводимая мысль стоитъ передъ нами, уже лишенная своей первоначальной словесной оболочки, но еще неодѣтая въ новую. Очевидно, въ такомъ состояніи эта мысль, какъ отвлеченіе отъ мысли подлинника, неможетъ быть равна этой послѣдней. Говоря, что взъ мысли подлинника мы беремъ существенное, мы разсуждаемъ подобно тому, какъ еслибы сказали, что въ орѣхѣ существенное не скорлупа, а зерно. Да, существенное (geniessbar) для насъ, но не для орѣха, который немогъ бы образоваться безъ скорлупы, какъ мысль подлинника немогла бы образоваться

[1]) Мысль извѣстная, не требующая ссылокъ въ подтвержденіе. Ср. однако: Mommsen, Die Kunst des deutschen Uebersetzens aus neueren Spr. Leipz. 1858, стр. 9 и pass.

Digitized by Google

безъ своей словесной формы, составляющей часть содержанія. Мысль, переданная на другомъ языкѣ, сравнительно съ фиктивнымъ отвлеченнымъ ея состояніемъ, получаетъ новыя прибавки, несущественныя лишь съ точка зрѣнія первоначальной ея формы. Если при сравненіи фразы подлинника и перевода мы и затруднемся нерѣдко сказать, насколько ассоціяціи, возбуждаемыя тою и другою, различны, то это происходитъ отъ несовершенства доступныхъ намъ средствъ наблюденія.

Поэзія въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, указываетъ путь впередъ. Существуетъ анекдоты, изображающіе невозможность высказать на одномъ языкѣ то, что высказывается на другомъ. Между прочимъ, у Даля: заѣзжій грекъ сидѣлъ у моря, что-то напѣвалъ про себя, и потомъ слезно заплакалъ. Случившійся при этомъ русскій попросилъ перевести пѣсню. Грекъ перевелъ: „сидѣла птица, незнаю, какъ ее звать по-русски, сидѣла она на горѣ, долго сидѣла, махнула крыломъ, полетѣла далеко, далеко, черезъ лѣсъ, далеко полетѣла... И все тутъ. По-русски не выходитъ ничего, и по-гречески очень жалко!“

Въ дѣйствительности, всякій переводъ болѣе или менѣе похожъ на извѣстную шуточную великорусскую передѣлку малорусскаго „ой бувъ та нема“... „Эхъ былъ, да нѣтути“. Даже легкое измѣненіе звука, повидимому, нисколько некасающееся содержанія слова, замѣтно измѣняетъ впечатлѣніе слова на слушателя. Вѣроятно, многіе испытали на себѣ непріятное впечатлѣніе фальши, неискренности, слушая пѣвца или актера, говорящаго въ угоду мѣстной публикѣ на непривычномъ для него нарѣчіи. Искусство переходитъ здѣсь въ лицемѣріе.

Можно ли поэту писать на чужомъ языкѣ? Тургеневъ: „Я никогда, ни одной строки въ жизни не напечаталъ не на русскомъ языкѣ; въ противномъ случаѣ я былъ бы не художникъ, а просто дрянь, Какъ это возможно писать на чужомъ языкѣ, когда и на своемъ-то, на родномъ, едва можно сладить съ образами, мыслями,“ и т. д. [1])

[1]) Первое собраніе писемъ стр. 261.

Digitized by Google

Трудность самого наблюденія различій въ эффектахъ увеличивается, когда мы имѣемъ дѣло со словами одного происхожденія въ обоихъ языкахъ; сходное въ двухъ языкахъ одного происхожденія происходитъ не отъ того, что пути ихъ развитія дѣйствительно сходятся, а отъ того, что, расходясь отъ одной точки, они нѣкоторое время идутъ почти параллельно другъ подлѣ друга. Впрочемъ то, что переводъ съ одного языка на другой есть не передача той же мысли, а возбужденіе другой, отличной, примѣняется не только къ самостоятельнымъ языкамъ, но и къ нарѣчіямъ одного и того же языка, имѣющимъ чрезвычайно много общаго. „Я попросилъ разъ одного хохла,—говоритъ Пигасовъ въ „Рудинѣ“ Тургенева,—перевести слѣдующую, первую попавшуюся мнѣ фразу: грамматика есть искусство правильно читать и писать. Знаете, какъ онъ это перенялъ? „Храмитыга е ыскуство правыльно чытаты и пысаты“... Что же это языкъ по-нашему? самостоятельный языкъ?“ Именно то, что переводъ съ литературнаго языка на областное нарѣчіе и съ одного областного нарѣчія на другое весьма часто кажется пародіею, именно это служитъ доказательствомъ, что, предупреждая рѣшеніе науки, вѣрное чутье понимаетъ самыя сходныя нарѣчія, какъ различные музыкальные инструменты, быть можетъ, иногда относящіеся другъ къ другу, какъ церковный органъ и балалайка, но тѣмъ не менѣе незамѣнимые другъ другомъ. Для того чтобы такъ было, нѣтъ никакой нужды лѣзть изъ кожи, чтобы сдѣлать фразу нарѣчія совершенно непохожею на фразу литературнаго языка, какъ это дѣлали у насъ нѣкоторые ревнители самостоятельности малорусскаго языка. Это значитъ возить дрова въ лѣсъ. Есть чувства и мысли, которыхъ не вызвать на обще-литературномъ языкѣ извѣстнаго народа никакому таланту, но которыя сравнительно легко вызываются на областномъ нарѣчіи. Есть писатели, которые—сама посредственность, когда выбираютъ своимъ органомъ литературный языкъ, но которые на родномъ нарѣчіи глубоко художественны и правдивы. Ихъ творенія, какъ научные матеріалы, незамѣнимы никакими изданіями памятниковъ народной поэзіи, сборниковъ словъ и обо-

Digitized by Google

ротовъ, обычаевъ, повѣрій и пр. Мы имѣемъ такихъ писателей, имѣютъ ихъ и нѣмцы и высоко цѣнятъ ихъ вліяніе на общенѣмецкій языкъ и литературу.

Такое мнѣніе о нарѣчіяхъ и поднарѣчіяхъ общераспространено и нуждается въ подкрѣпленіи авторитетовъ. Впрочемъ, такихъ подкрѣпленій можно найти довольно. Срави., между прочимъ, мнѣніе Гримма, что еслибы нарѣчія чешское и польское исчезли въ общеславянскомъ языкѣ, какъ это представляютъ себѣ нѣкоторые возможнымъ и желательнымъ, то это было бы достойно сожалѣнія, або каждое изъ этихъ нарѣчій имѣетъ свои ничѣмъ незамѣнимыя преимущества [1]). Здѣсь рѣчь только о формахъ въ родѣ двойственнаго числа, но съ большимъ основаніемъ можно бы это сказать, имѣя въ виду весь строй языка. „Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ,—говоритъ В. Гумбольдъ,—можно распознать опредѣленную связь звуковъ языка съ его духомъ. Однако же, даже въ нарѣчіяхъ (того же языка) незначительныя измѣненія гласныхъ, мало измѣняющія языкъ въ общемъ, по праву могутъ быть отнесены къ состоянію духа народа Gemüthbeschaffenheit), подобно тому, что замѣчаютъ уже греческіе грамматики о болѣе мужественномъ дорическомъ a сравнительно съ болѣе нѣжнымъ іонійскимъ ae“ [2]).

Возвращаясь къ вліянію иностранныхъ языковъ, мы видимъ, что еслибы знаніе ихъ и переводы съ нихъ были во всякомъ случаѣ нивеллирующимъ средствомъ, то были бы невозможны ни переводчики, сильные въ своемъ языкѣ, ни переводы, образцовые по своеобразности и художественности языка. Между тѣмъ извѣстны переводы, между прочимъ, книгъ священнаго писанія, по упомянутымъ свойствамъ и вліянію на самостоятельное развитіе литературы превосходящіе многія оригинальныя произведенія. Даже въ школѣ переводы съ иностранныхъ языковъ не отечественный, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, оказываются могущественнымъ средствомъ упрѣпленія учащихся въ духѣ и преданіяхъ отечествен-

[1]) Kleine Schriften, IV, стр. 105.

[2]) Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, стр. 272. ed. Pott.

Digitized by Google

наго языка и возбужденія самостоятельнаго творчества на этомъ языкѣ. Упоминутыя условія состоятъ, съ одной стороны, въ томъ, чтобы ознакомленіе учащихся съ иностранными языками начиналось лишь тогда, когда они достаточно укрѣпились въ знаніи своего; съ другой стороны—въ томъ, чтобы языкъ учениковъ былъ для учителя родной, и чтобы учитель въ состояніи былъ требовать отъ переводовъ точности и согласія съ требованіями отечественнаго языка. Пристрастіе многихъ русскихъ изъ классовъ, покровительствуемыхъ фортуной, къ обученію дѣтей новымъ иностраннымъ языкамъ заслуживаетъ осужденія не само по себѣ, а по низменности своихъ мотивовъ. Такіе русскіе смотрятъ на знаніе иностранныхъ языковъ, какъ на средство отличаться отъ чернаго люда, и какъ на средство сношенія съ иностранцами. Въ послѣднемъ отношеніи они стараются не снискать уваженіе иностранцевъ, а лишь говорить, какъ они. Въ языкѣ видятъ только звуки, а не мысль, а потому, ради чистоты выговора, начинаютъ обученіе иностранному языку чуть не съ пеленокъ и, какъ во времена „Недоросля“, поручаютъ дѣтей Вральманамъ. Такъ, изъ дѣтей съ порядочными способностями дѣлаются полуидіоты, живые памятники безсмыслія и душевнаго холопства родителей.

Что до замѣчательныхъ людей, въ родѣ Тютчева, съ дѣтства усвоившихъ себѣ иностранный языкъ вмѣстѣ съ богатымъ запасомъ содержанія и непотерявшихъ способности производить на отечественномъ языкѣ, то въ нихъ дѣятельность мысли на иностранномъ языкѣ, безъ сомнѣнія, происходила въ ущербъ не только мысли на отечественномъ, но и общей продуктивности. Въ самомъ Тютчевѣ можно замѣтить узость сферы, обнимаемой его русскимъ языкомъ. Онъ сдѣлалъ бы больше, еслибы при томъ же талантѣ и такихъ же занятіяхъ владѣлъ лишь однимъ языкомъ и зналъ другіе лишь ученымъ образомъ настолько, насколько это нужно для возбужденія мысли, идущей по нолеѣ родного языка.

Хотя двуязычность въ людяхъ высшаго круга—не рѣдкость въ русскомъ обществѣ XVIII и XIX вѣка, но тѣмъ не менѣе она составляетъ, предъ лицомъ русскаго народа, не правило, а

Digitized by Google

исключеніе. При томъ мы идемъ же отъ этого состоянія, а не къ нему. Вліяніе двуязычности на болѣе обширные классы населенія, почти на цѣлые, впрочемъ немногочисленные, народы, какъ чехи, я думаю, тоже неблагопріятно.

Можно принять за правило, по крайней мѣрѣ для новаго времени, что расцвѣту самостоятельнаго народнаго творчества въ наукѣ и поэзіи всегда предшествуютъ періоды подражательности, предполагающіе болѣе или менѣе теоретическое или практическое, болѣе или менѣе глубокое и распространенное знаніе иностранныхъ языковъ; что, соразмѣрно съ увеличеніемъ количества хорошихъ переводовъ, увеличивается въ народѣ запасъ силъ, которыя рано или поздно найдутъ себѣ выходъ въ болѣе своеобразномъ творчествѣ. Собственно здѣсь о подражательности и самостоятельности судитъ тотъ, какъ о необходимости и свободѣ воли. Гдѣ виденъ еще первый толчокъ, какъ въ первомъ отраженіи шара отъ биліярднаго борта, то называютъ подражательностью, необходимостью; гдѣ между возбужденіемъ и воздѣйствіемъ является промежуточная среда, мѣняющая это возбужденіе, то называютъ самостоятельностью и свободою. Но подражательность есть тоже своеобразность, очевиднымъ доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, наша подражательная литература. Наоборотъ, въ ней болѣе самостоятельныхъ продуктовъ мысли; только научное наблюденіе открываетъ слѣды внѣшняго импульса.

Говоря объ отношеніяхъ равноправныхъ народовъ, можно думать, что ихъ своеобразность стиралась бы, если бы ихъ общеніе съ другими возрастало въ большей прогрессіи, чѣмъ ихъ внутренняя связь. Но для увеличенія ихъ особности достаточно даже того, чтобы ихъ внутреннее и внѣшнее общеніе усиливалось въ равной мѣрѣ. Между тѣмъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что среди большихъ народныхъ массъ Европы внутреннее общеніе народовъ увеличивается въ большей мѣрѣ, чѣмъ международное, разумѣется, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ правильное теченіе дѣлъ измѣняется силою оружія или политическаго шахрайства.

Digitized by Google

Дифференцированіе первонначально сходныхъ языкоаъ незначитъ, что въ народахъ уменьшается способность возбужденія со стороны другихъ языковъ; но оно, мнѣ кажется, значитъ, что, какъ человѣку, такъ и народу съ каждымъ годомъ становится труднѣе выйти изъ колеи, прорываемой для него своимъ языкомъ, именно настолько, насколько углубляется ата колея. Съ этой точка зрѣнія кажется, что чѣмъ архаичнѣе языкъ народа, чѣмъ менѣе рѣзніе перевороты въ немъ совершаются въ теченіе времени, отдѣлвющаго его отъ начала, тѣмъ болѣе возможна дла него денаціонализація.

Крайне наивно думать, что хорошій переводчикъ имѣетъ способность выскакивать изъ своей народной шкуры и входить въ анородиую мысль; что будто бы то самое, что дѣлаетъ нѣмцевъ „лучшими въ мірѣ“ переводчикамв, облегчаетъ амъ перемѣну народности и производитъ то, что, напр., тааъ много нѣмецкихъ фамилій между слнзіами (Rüdiger, [1]) 118). Нѣтъ спору, въ нѣмецкой литературѣ множество превосходныхъ переводовъ со маожества языковъ земного шарн. Германія—страна филологіи, родина сравнительнаго языкознаніа. Но все это главнымъ образомъ заависитъ отъ степени образованности, отъ количества запроса на ученыхъ и ноличества сихъ послѣдвихъ, употребляющихъ разумный трудъ на изученіе иностранныхъ языковъ и литературъ, и лишь въ меньшей степени отъ общихъ свойствъ ихъ народности и азыка. Здѣсь индобно различить теоретическое и прантическое знаніе взыка, т.-е. легкость думать и говорить вн немъ. Въ послѣднемъ отношеніи нѣмцы вввже славянъ, и, если вообще можно гордиться чѣмъ-лабо, могутъ ва этомъ основнніи гордиться большею заманутостью и устойчавостью своей народности. Есла бы близость и географичесное сосѣдство языковъ были главными фанторами, дающими нхъ теоретичесное знаніе, то тааое зааніе литовскаго взына было бы достоинѣмъ русснихъ и полаковъ, я мы учились бы этому у нихъ, а не у Шлейхера. Между тѣмъ извѣство, что, неговорв уже о звукахъ, многіи натегорін слаазиснихъ языковъ на прнктиаѣ представляютъ длв взрослаго нѣмца, образованнаго и простолю-

[1]) Ueber Nationalität, Z. f. Völkerps. III, 1865.

Digitized by Google

дина, затрудненія, неодолимыя въ цѣлые десятки лѣтъ. По этому мы можемъ судить о ихъ способности владѣть языками, менѣе сродными съ нѣмецкимъ.

Относительно этого вопроса я незнаю точныхъ наблюденій, но мнѣ кажется, что врядъ ли между нѣмецкими простолюдинами найдется столько практически владѣющихъ какими-либо иностранными языками, какъ между русскими, находящимися въ сношеніяхъ съ инородцами, напр. на Кавказѣ, въ Сибири. Хотя я недумаю, чтобы взрослый русскій могъ вполнѣ усвоить какой-либо иностранный языкъ, даже въ звуковомъ отношеніи (хотя гамма звуковъ, которою владѣетъ русскій,—въ особенности бывалый и знающій польскій языкъ, и, наоборотъ, полякъ, знающій по-русски, что нерѣдко,—гораздо обширнѣе той, какою владѣетъ нѣмецъ), но это не мое лишь личное мнѣніе, что онъ скорѣи выучится по-нѣмецки и по-французски, чѣмъ нѣмецъ и французъ по-русски. Трудно выдумать что-либо болѣе поверхностное, чѣмъ мнѣніе, что нѣмецъ по складу своей народности космополитъ, что французъ, напр., только французъ, и одинъ нѣмецъ—человѣкъ. Жалобы германофиловъ на то, что нѣмцы-переселенцы, гдѣ они невзолированы, какъ въ Россіи, теряютъ свою народность,—предполагаютъ странное и неосуществимое желаніе, чтобы вліяніе отдѣленнаго, поглощеннаго отечества на второе и третье поколѣніе нѣмецкихъ переселенцевъ было сильнѣе вліянія окружающей ихъ среды.

Само собою разумѣется, что если нельзя признать непремѣнно денаціонализирующимъ того изученія иностранныхъ языковъ и того литературнаго (вліянія), которыя мы можемъ наблюдать въ наше время, то то же можно сказать о подобныхъ явленіяхъ древняго времени. Доисторическіе слѣды, оставленные взаимнымъ вліяніемъ народовъ, имѣютъ если не исключительно, то преимущественно лексическій характеръ; но именно лексическая сторона языка наиболѣе способна безъ перерожденія выдерживать напоръ внѣшнихъ вліяній. Говоря à priori, всякое иностранное слово на новой почвѣ должно переродиться; но безчисленны примѣры того,

Digitized by Google

что такое перерожденіе и въ звукахъ и въ значеніи столь очевидно, что нетребуетъ доказательствъ. Можно думать, что особность и своеобразность народовъ существуетъ не нипереноръ ихъ взаимному вліянію, а такъ, что возбужденіе со стороны, меньшее того, какое получается извнутри, является однимъ изъ главныхъ условій, благопріятствующихъ развитію народа, подобно тому какъ, по мысли В. Гумбольдта, вліяніе личности говорящаго на другую состоитъ не въ нытѣсненіи этой послѣдней, а въ возбужденіи ея къ новой плодотворной дѣятельности [1]). Взаимное возбужденіе народовъ предполагаетъ не ассимиляцію, а лишь взаимное приспособленіе, которое можно сравнить съ тѣмъ, какое возникаетъ между цвѣтами, питающими насѣкомыхъ, и насѣкомыми, содѣйствующими оплодотворенію цвѣтовъ.

Какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого *денаціонализація?* Она состоитъ въ такомъ преобразованіи народной жизни, при которомъ традиція народа, заключенная главнымъ образомъ въ языкѣ, прерывается или ослабляется до такой степени, что является лишь второстепеннымъ фиторомъ преобразованія. Случаи полнѣйшей денаціонализаціи могутъ быть наблюдаемы только въ жизни отдѣльныхъ личностей, еще негонорящими перенесенныхъ въ среду другого народа. Въ такихъ случаяхъ жизнь предковъ такой личности носится въ ея собственное развитіе лишь въ видѣ физіологическихъ слѣдовъ и задатковъ душевной жизни. Въ примѣненіи къ цѣлымъ народностямъ, необходимо состоящимъ изъ лицъ разныхъ возрастовъ, такіе случаи и невозможны. Здѣсь денаціонализаціи предполагаетъ непремѣнно лишь ослабленіе традиціи между взрослымъ и подростающимъ поколѣніемъ, т.-е. частное изъятіе этого послѣдняго изъ вліяній семейства. Допустимъ самыя благопріятныя условія денаціонализаціи, именно, что подвергаемый народъ нелишается имущества и необращается въ рабство въ его грубой формѣ, и что подростающему его поколѣнію, въ замѣнъ семейства, дается лучшій изъ воспитательныхъ суррогатовъ семейства, — школа. Но школа эта, по предположенію, непользуется

[1]) Ueber die Verschied., стр. 213.

Digitized by Google

языкомъ учениковъ, какъ готовымъ образовательнымъ средствомъ, но, обучая ихъ новому языку, тратитъ время не то, чтобы приготовить изъ сознанія учениковъ родъ палимпсеста. Очевидно, что воспитанники такой школы, при равенствѣ прочихъ условій, будутъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже тѣхъ, которымъ при поступленіи въ нее нужно было не забывать, а лишь учиться, прилагая школьныя крохи къ огромному запасу до-школьныхъ запасовъ мысли. Подобные результаты мы получимъ, если вмѣсто школы поставимъ другія образовательныя средства, обнимаемыя понятіемъ жизни въ обществѣ. Такимъ образомъ, для денаціонализируемаго народа естественнымъ теченіемъ дѣлъ создаются неблагопріятныя условія существованія, вытекающія изъ умственной подчиненности, которая будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ менѣе подавляемый народъ приготовленъ къ усвоенію языка подавляющаго. При подобной ломкѣ неизбѣжно на мѣстѣ вытѣсняемыхъ формъ сознанія воцарится мерзость запустѣнія, и занимаетъ это мѣсто до тѣхъ поръ, пока вытѣсняющій языкъ нестанетъ своимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непригоровится къ новому народу. Люди, по правилу, добровольно неотказываются отъ своего языка, между прочимъ, въ силу безсознательнаго страха передъ опустошеніемъ сознанія. Ибо, пока мы не научены чему-либо лучшему, мы держимся мнѣнія В. Гумбольдта, что „никакой народъ немогъ бы оживить и оплодотворить чужого языка своимъ духомъ, безъ того, чтобы непреобразовать этого языка въ другой“ [1]) Другими словами: народность, поглощаемая другою, вноситъ въ эту послѣднюю начала распаденія, которыя, конечно, произведутъ замѣтные результаты тѣмъ скорѣе, чѣмъ многочисленнѣе и нравственно сильнѣе и своеобразнѣе поглощаемая народность, и наоборотъ [2]).

[1]) Ueber die Verschiedenheit, стр. 208.

[2]) Это мѣсто рукописи было использовано А. А. въ разборѣ „Народныхъ пѣсень Галицкой и Угорской Руси, собранныхъ Я. Ѳ. Головацкимъ“, стр. 32—34. Здѣсь въ академической рецензіи денаціонализація формулируется опредѣленнѣе: „Вообще денаціонализація сводится на *дурное воспитаніе*, на нравственную болѣзнь: на неполное пользованіе наличными средствами воспріятія, усвоенія, воздѣйствія, на ослабленіе энергіи мысли; на мерзость запустѣнія на мѣсто вытѣсненныхъ, но ничѣмъ незамѣненныхъ формъ сознанія; на ослабленіе связи подростающихъ поколѣній со взрослыми, замѣняемой лишь слабою связью съ чужими; на дезорганизацію общества, безнравственность, оподленіе.“

Digitized by Google

Прямѣнии это къ Россіи, я думаю, что à priori, кліякіе финскихъ и другихъ племенъ, ке вымершихъ, а поглощеккыхъ руссаими, на образованіе русской народности кеподлежитъ сомнѣнію; ко уаазакія ка частные случаи этого пліинія, кромѣ нѣкоторыхъ леасничесанхъ заимствованій, большею частью ложны. Такъ мнѣкіе, что великорусскіи племека со стороны языка своимъ существованіемъ обязаны вліякію финновъ, остается ложкымъ, такъ ааа при нынѣшкихъ средствахъ взыкознакія въ грамматическомъ строѣ великорусскихъ нарѣчій кеможетъ быть открыто кикакихъ слѣдовъ посторонкихъ вліяній....

Возвращавсь аъ денаціокализаціи и разрыву съ предакіемъ, слѣдуетъ прибавить, что съ точка зрѣкія взыка подъ этимъ понятіемъ слѣдуетъ разумѣть вовсе ие то, что̀ разумѣютъ подъ кимъ побораааи идек иародиости, когда, иапр., жалуются ка расколъ между высшими и кизшими слоями русскаго народа, между до-Петровской к послѣ-Петровской Русью. Народкая традиціи или развитіе народной жкзки безъ выхода кзъ колек имѣетъ мкого общаго съ традиціею извѣстной релкгіи ила каучиаго направлекія. То,что̀ съ одиой точки кажетсв измѣкою извѣстиымъ качаламъ, съ другой—представляется ляшь ихъ развитіемъ, ибо развитіе здѣсь есть лишь другая сторока предыдущаго момента. Человѣкъ, воспитаниый въ догматахъ извѣстаой религіи и потомъ дошедшій до кхъ отрицаніи, по своему кравственкому облаку принадлежитъ къ кей кастолько же, иасколько послушкый сыкъ этой релкгіи. Западкый протестактизмъ прикадлежитъ къ школѣ католвцвзма, русскіе дкссидеиты —къ школѣ пракослазіи. Мысль эту, котораи у касъ давко кысказака, еслк кеошибаюсь, кѣмъ-то изъ славякофкловъ, теперь я нахожу у Штейктали. Католиаъ, протестактъ и еврей, сходящіеся въ религіозко-философскихъ воззрѣкіяхъ, даютъ этимъ воззрѣпіямъ каждый свою историческую подкладку [1]). То же въ области кауки. Послѣдователк Гримма к Боппа аамень за аамнемъ разрушаютъ сложеккое ими здакіе, ко въ то же времл они продолжаютъ ихъ дѣло такъ, что Гриммъ

[1]) Zeitschr. für Völkerpsychologie VIII. 1875, 266—7. (Zur Religionsphilosophie).

Digitized by Google

и Бопшъ при новыхъ условіяхъ немогли бы поступить иначе. Подобно этому, напр., въ русскомъ народѣ отчужденіе отъ народности мы можемъ наблюдать только въ отдѣльныхъ лицахъ, въ силу сословныхъ предразсудковъ съ дѣтства дрессируемыхъ для этого. Но образованный человѣкъ, участвующій въ созданіи литературы и науки на русскомъ языкѣ, или добровольно и сознательно отдающійся ихъ теченію, какой бы нибудь ни преднялъ его изувѣры за отличіе его взглядовъ и вѣрованій отъ взглядовъ и вѣрованій простолюдина, не только неотдѣленъ отъ него какою-то пропастью, но, напротивъ, имѣетъ право считать себя болѣе русскимъ, чѣмъ простолюдинъ. Ихъ связываетъ единство элементарныхъ пріемовъ мысли, важность которыхъ неослабляется отъ сложности работъ, на которыя они употреблены. Но литературно-образованный человѣкъ своего народа имѣетъ передъ простолюдиномъ то преимущество, что на послѣдняго вліяетъ лишь незначительная часть народной традиціи, именно, почти исключительно устное преданіе одной мѣстности, между тѣмъ какъ первый, въ разной мѣрѣ, приходитъ въ соприкосновеніе съ многовѣковымъ теченіемъ народной жизни, взятымъ какъ въ его составныхъ частяхъ, такъ и въ конечныхъ результатахъ, состоящихъ въ письменности его времени.

Согласно съ этимъ, образованный человѣкъ несравненно устойчивѣе въ своей народности, чѣмъ простолюдинъ. Послѣдній на чужбинѣ почти совершенно разрываетъ связи съ родиной, и хотя съ трудомъ и плохо выучивается чужому языку, но съ необыкновенной быстротой забываетъ свой, какъ напр., поляки солдаты въ русскомъ войскѣ. Для перваго и на чужой сторонѣ лучшая часть вліяній своей народности можетъ сохраниться. Замѣчу между прочимъ, что не-русскіе плементы языка одного изъ блистательнѣйшихъ русскихъ писателей, долго жившаго и умершаго за границей, происходятъ въ гораздо меньшей мѣрѣ отъ этого обстоятельства, чѣмъ отъ воспитанія.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что если цивилизація состоитъ, между прочимъ, въ созданіи и развитіи литературъ, и если литературное образованіе, скажемъ больше, если

Digitized by Google

та доля грамотности, которая нужна для пользованія молитвенникомъ, библіею, календаремъ на родномъ языкѣ, есть могущественнѣйшее средство предохраненія личности отъ денаціонализаціи, то цивилизація не только сама по себѣ не сглаживаетъ народностей, но содѣйствуетъ ихъ уарѣпленію. Предполагая, что въ будущемъ смѣшеніе племенъ на той же территоріи увеличится, слѣдуетъ принимать въ разсчетъ, что съ тому времени увеличатся и препитствіи къ образованію смѣшанныхъ языковъ, состоящія, кромѣ упомянутаго увеличенія въ каждомъ народѣ привычки къ своему языку, и въ облегченіи средствъ поддерживать связь между отдаленными концами одной и той же народности. Мы видимъ и теперь напр., какъ группируются нѣмцы у насъ и въ Сѣверной Америкѣ.

Но, говорятъ намъ, неужели мы невидимъ, что образованіе національныхъ литературъ предполагаетъ сліяніе племенъ въ націи, объединяемыя литературнымъ языкомъ? И развѣ неговорятъ намъ замѣчательные филологи, что подъ вліяніемъ общенія мысли языки становятся все болѣе и болѣе сходными въ важнѣйшихъ сторонахъ своего строенія? Не вправѣ ли мы продолжить это стремленіе до полнаго сліянія по крайней мѣрѣ европейскихъ языковъ арійскаго племени? Конечно, мы вправѣ были бы это сдѣлать, если бы посылки были вѣрны.

Между тѣмъ общія очертанія исторія арійскихъ языковъ, по которой, до дальнѣйшаго, мы можемъ судить объ остальныхъ, представляются намъ въ видѣ ихъ дифференцированія не только въ звукахъ, но и въ формахъ, взятыхъ въ ихъ употребленіи. Отъ одного общаго языка пошло десять, одиннадцать или двѣнадцать, смотря по тому, какъ считать, славянскихъ нарѣчій. Отдѣльные народы денаціонализованы и нарѣчія вымерли, но въ общемъ это несоставляетъ большого расчета, и врядъ ли кто-либо въ состояніи доказать, что когда-либо славянскихъ нарѣчій было больше, чѣмъ теперь. Между тѣмъ доказательства противнаго весьма сильны.

Если бы кто вздумалъ понимать объединеніе племенъ въ народъ, напр. русскій, какъ дѣйствительное сліяніе нѣсколькихъ

Digitized by Google

нарѣчій и поднарѣчій въ одно, какъ говорятъ, органическое цѣлое, тотъ создалъ бы себѣ миѳъ. Конечно, отдѣльные русскіе говоры вѣроятно возникли вслѣдствіе смѣшенія племенъ и взаимнаго проникновенія элементовъ двухъ или нѣсколькихъ сосѣднихъ говоровъ. Но не таково возникновеніе того, что мы называемъ русскимъ языкомъ. Этотъ языкъ есть совокупность русскихъ нарѣчій.

Народность съ точки зрѣнія языка есть понятіе отличное отъ такъ называемой „идеи національности". Тѣмъ не менѣе эти понятія настолько связаны другъ съ другомъ, что требуютъ тщательнаго разграниченія.

Кажется очевиднымъ, что не только чутье, но и сознаніе народнаго единства, въ смыслѣ общенія мысли, установляемаго единствомъ языка, есть явленіе глубоко древнее, при томъ такое, время происхожденія коего неможетъ быть опредѣленно съ точностью. Въ отличіе отъ этого мы слышимъ, что идея національности родилась впервые въ началѣ нашего вѣка, что она дала толчокъ „постепенному выдѣленію личностей народовъ цивилизованныхъ" „изъ первоначальнаго безразличія дикихъ народовъ", что „великая заслуга сообщенія этого толчка" можетъ быть приписана опредѣленнымъ личностямъ, въ Германіи — между прочимъ Фихте старшему, у насъ — славинофиламъ" (Градовскій [1]), 246). Подобныя мнѣнія высказываются и другими, но лишь отчасти справедливы. Конечно, въ отличіе отъ Экклезіаста, мы думаемъ, что подъ солнцемъ все ново и небываетъ повторенія событій. Идеи національности нашего времени запечатлѣна своеобразностью, но подобныя появлялись и раньше. Родовое ихъ сходство состоитъ, мнѣ кажется, въ слѣдующемъ. Такая идея есть не непремѣнный признакъ народа, а появляющій отъ времени до времени умыселъ отдѣльныхъ лицъ и кружковъ сдѣлать извѣстныя черты, приписываемыя народу, руководящимъ началомъ намѣренной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, обществъ, правительствъ этого народа, — сообщить бо́льшую энергію дѣятельности, возвеличить ея

[1]) Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ, Спб. 1873.

Digitized by Google

начала. Такимъ образомъ эта идея есть частью извѣстное содержаніе мысла, частью общее душевное настроеніе личности, аружка, общества, иногда, въ рѣдкіи критическія минуты народной жизни—зачательной части народа. Въ этомъ смыслѣ эту идею мы признаемъ вездѣ, гдѣ въ народѣ, подъ вліяніемъ враждебнаго столкновенія съ другими народами, возникаетъ апотеоза извѣстныхъ народныхъ признаковъ, и гдѣ на знамени пишется что-нибудь въ родѣ: „съ нами Богъ, разумѣйте языци и покоряйтеся"; или: „съ нами цивилизація" а потому опять-таки „покоряйтеся".

Идея національности есть всегда родъ мессіанизма. Усматривая всеобщность этихъ чертъ, въ различныхъ, иногда противоположныхъ взглядахъ, окрашенныхъ „идеею національности", мы приходимъ къ мысли, что они суть неизбѣжное слѣдствіе извѣстныхъ условій народной жизни, а лишаемся и права и охоты относиться съ насмѣшкою къ явленіямъ, какъ наше славянофильство. Извѣстное стихотвореніе Хомякова выражаетъ весьма вѣрно настроеніе славянофиловъ и намекаетъ на необходимость возникновенія ихъ ученія, какъ противодѣйствія подобному и столь же одностороннему ученію культуртрегеровъ:

„Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
Мы соль земли....
Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья нерядалъ....
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ",—

(Гр., 220, 233), т. е. Онъ со славянофилами, несмотря на то, что со стороны въ ихъ смиреніи была замѣтна гордость. Безъ этой гордости, будетъ ли ея мотивомъ извѣстная утрировка положительныхъ преимуществъ народа, измѣримыхъ „общимъ аршиномъ", или *вѣра* въ грядущее, въ высокое назначеніе своего народа, пока усматриваемое только пророческимъ взоромъ, нельзя обойтись, какъ скоро обстоятельства,—такія ли, какъ наши, или такія, какъ въ Германіи начала нынѣшняго вѣка,—требуютъ удаленія „духа уныніи". Передъ судомъ потомства нѣтъ правыхъ,

Digitized by Google

но въ свое время, а отчасти и въ наше, славинофилы имѣли право сказать своимъ противникамъ, искавшимъ истины лишь внѣ себя:

„Цивилизація для нихъ фетишъ....
Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не снискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не слуги просвѣщенья, а холопы. *(Тютчевъ)*.

Эти противники невидѣли того, что нѣмецкое культуртрегерство по меньшей мѣрѣ столь же одностороннее. Упрекая славянофиловъ въ томъ, что они, будучи небольшимъ кружкомъ, всегда имѣли слабость говорить отъ лица всей Россіи, они невидѣли того, или мирились съ тѣмъ, что культуртрегеры берутся рѣшать за все человѣчество. Въ статьѣ Рюдигера, обратившей на себя ихъ вниманіе и переведенной на русскій языкъ, мы находимъ слѣдующее. Идея національности, или просто національность, возникла лишь въ наше время наперекоръ успѣхамъ цивилизаціи, единственно лишь потому, что та же цивилизація устранила нѣкоторыя вліянія, враждебныя національности, что она ослабила аскетизмъ христіанства, измѣнила взглядъ на династическія права, разрѣшила муниципальную и сословную замкнутость, дала побѣду демократіи. Такимъ образомъ, сама цивилизація вызвала силу, враждебную высшимъ интересамъ человѣчества, ибо *національное стремленіе удержать народныя различія вопреки* нивеллирующей цивилизаціи неизбѣжно переходитъ въ несправедливое пристрастіе къ своему, въ незнаніе чужого, въ пренебреженіе и вражду къ нему (98). Образованіе, неразлучное со стремленіемъ за предѣлы одного народнаго, старается пренебрегать несущественными различіями. Образованный умъ отъ всякаго мнѣнія требуетъ истины, отъ художественнаго произведенія—красоты, отъ учрежденія—цѣлесообразности. Но во всякомъ народѣ многое невыдерживаетъ такой повѣрки, и нужна особенная любовь къ своему, чтобы считать сказку о древнихъ вѣкахъ народной исторіи за истину, грубую образину грубыхъ вѣковъ—за мастерское произведеніе искусства, нелѣпый законъ—за произведеніе глубочайшей государственной

Digitized by Google

мудрости. Во многихъ народахъ толпа вѣритъ подобнымъ вещамъ, а знающіе больше несмѣютъ ей противорѣчить (119). Національность можетъ служить и прогрессу, и реакціи, смотря по тому, что именно до сихъ поръ препятствовало національному развитію. Такъ, напр., національныя стремленія либеральны въ Германіи, гдѣ свободѣ и единству противодѣйствуютъ государи; но онѣ враждебны прогрессу тамъ, гдѣ онъ враждебенъ національности. „Такъ въ славянскихъ земляхъ ненавидятъ нѣмецкую образованность т.-е. почти всю образованность, какая тамъ есть, и всѣ стремятся къ варварству прежнихъ вѣковъ“ (103).

Здѣсь подъ національностью мы должны разумѣть „идею національности“, а не народность въ обширномъ смыслѣ, або если подъ этою послѣднею будемъ понимать не болѣе какъ сосудъ цивилизаціи; то и въ такомъ случаѣ мы не въ состояніи будемъ понять, какъ развитіе содержимаго могло разрушить сосудъ, (какъ птица, вылелѣвываясь изъ яйца, разрушаетъ скорлупу), а напротивъ укрѣпить этотъ сосудъ. При этомъ, повидимому, идеѣ національности, какъ силѣ, враждебной цивилизаціи, приписывается, какъ постоянный признакъ—ложь. Но, исключивъ недобросовѣстныхъ людей, которые есть во всякомъ обществѣ, образованномъ или нѣтъ, развѣ можно сказать, что необразованный умъ принимаетъ то, что про себя считаетъ ложью, безобразіемъ, нецѣлесообразностью, за нѣчто противоположное, только потому, что такъ думаютъ его соотечественники? И носители національной идеи, какъ поклонники единой вселенской цивилизаціи, считаютъ мысль истинною только до тѣхъ поръ, пока неубѣдились въ ея ложности. Приписывать имъ требованіе, что личное мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ большинства, должно быть подавляемо—крайне несправедливо. Даже тогда, когда ихъ идеалы позади, эти носители являются всегда представителями начала движенія, а не застоя.

Имѣно поэтому съ гораздо большимъ основаніемъ ихъ можно упрекнуть въ телеологической точкѣ зрѣнія на исторію какъ на исполненіе призваній, развитіе предначертанныхъ началъ, воплo-

Digitized by Google

щеніе заранѣе готовой идеи. Это замѣтно, между прочимъ, у А. Градовскаго, несмотря на то, что онъ старается возвыситься надъ точною зрѣніи славянофиловъ. Онъ говоритъ: „народное творчество—вотъ послѣдняя *цѣль, указываемая наукой* каждому племени, цѣль, безъ которой неможетъ быть достигнуто совершенство роди человѣческаго" (Град., 146). Особенность Градовскаго состоитъ въ томъ, что у него „послѣдняя цѣль" указывается не провидѣніемъ, и наукою, отъ чего дѣло теряетъ большую часть своей ценности. Что можетъ значить „указаніе цѣли" Сущему наукой, т.-е. въ концѣ концовъ вами лично, ибо наука, какъ извѣстно, говоритъ только устами отдѣльныхъ своихъ представителей? Неможетъ быть, чтобы русскій народъ до сочиненія такого-то профессори неимѣлъ цѣли. Вѣроятно, слѣдуетъ понимать по прежнему, что эта цѣль была предначертана, и только открыта, говори возвышеннымъ слогомъ, наукою, а по просту—такимъ-то [1]). Но если наука не въ состояніи внѣстѣ съ тѣмъ (какъ это и есть въ дѣйствительности) открыть, гдѣ кончается подражаніе и начинается творчество, то открытіе это пустое. И если когда-либо будетъ достигнуто совершенство роди человѣческаго, такъ что дальше некуда будетъ ити, то наука не въ состояніи будетъ этого замѣтить. Въ отличіе отъ національной идеи понятіе народности, опредѣляемое языкомъ, кажется несовмѣстимымъ съ орудованіемъ идеями, какъ конечная цѣль и достиженіе совершенства. Народъ, какъ и языкъ, имѣетъ безчисленное множество цѣлей, достигаетъ ихъ именно тѣмъ самымъ, что живетъ, но для земного наблюдателя неимѣетъ ни одной конечной.

Странность взглядовъ Рюдигера объясняется тѣмъ, что его „цивиливація", какъ общечеловѣческое начало, есть въ дѣйствительности цивилизаціи съ точки зрѣнія нѣмецкой національной идеи, столь же узкой, какъ и славянская. Онъ на себѣ доказываетъ свои слова, что „національные взгляды необходимо односторонни, и національ-

[1]) И кромѣ Градовскаго у многихъ ученыхъ есть эта замашка говорить отъ имени науки, какъ будто они, или нѣкто подразумѣваемый, у нея по особымъ порученіямъ, иногда вступаться за ея честь, какъ будто она имъ тетка или сестра, или другая близкая особа слабаго пола.

Digitized by Google

ное чувство немыслимо безъ несправедливости къ чужимъ" (118). Въ сущности Рюдигеръ говоритъ: благо, если „свое" хорошо, какъ у нѣмцевъ; тогда его охраненіе и развитіе законно. Но у славянъ „свое" дурно, и потому любовь къ нему и ея послѣдствія суть преступленія противъ человѣчества. Но кто сказалъ, что „свое„ у нѣмцевъ хорошо, и что оно должно стать общечеловѣческимъ? Кто опредѣлилъ содержаніе этого прогрессивнаго „своего" и рѣшилъ его несовмѣстимость съ иноземною формою? Сами же носители нѣмецкой національной идеи, которые хотятъ быть судьями въ своемъ дѣлѣ и выдаютъ личную мѣрку за абсолютную. Ихъ идеалъ въ концѣ концовъ сходенъ съ идеаломъ славянофиловъ. Какъ эти мечтали о денаціонализаціи славянскихъ племенъ русскими, такъ тѣ видятъ всемірное назначеніе нѣмцевъ въ денаціонализаціи сосѣднихъ народовъ. Взявши денаціонализацію въ самомъ мягкомъ ея видѣ, мы получимъ, что развитіе цивилизаціи съ точки зрѣнія культуртрегеровъ должно совершиться на чужой счетъ; за обученіе враговъ цивилизаціи добру, истинѣ и красотѣ, и учителямъ должно перепадать кое-что въ видѣ матеріальнаго богатства или менѣе вещественныхъ удовлетвореній, сопряженныхъ съ властью. Такимъ образомъ и здѣсь мы можемъ перефразировать слова Мефистофеля: „Was man den Geist der Zeiten heisst, das ist im Grund der Herren eigner Geist"—то, что вы называете общечеловѣческимъ, есть только ваше; оно еще необязательно для всѣхъ, но вы хотите его сдѣлать такимъ, получить за это плату и сверхъ того сохранить при этомъ убѣжденіе, что даромъ потрудились на благо человѣчеству. Вы говорите: „съ нами Богъ", но этого Бога создали вы сами, хотя и не безъ достаточнаго основанія, не безъ нужды для вашей собственной жизни, но безъ вниманія къ тому, годится ли этотъ Богъ для другихъ и захотятъ ли, и могутъ ли другіе увѣровать въ него добровольно, или же вѣра въ него должна быть вколочена. Если это послѣднее справедливо, то допустивши даже, что извѣстной народности предстоитъ всемірное значеніе, мы должны будемъ признать, что развитіе цивилизаціи совершается

Digitized by Google

въ видахъ всего человѣчества, ибо все человѣчество заключаетъ въ себѣ и подавляемые народы, то есть частью обращаемые въ прахъ и пепелъ, частью денаціонализуемые, аоторымъ при этомъ неможетъ быть по себѣ.

Какъ попытка устранить одностороннюсть идеи національности и ограничить позывы къ обнѣмечиванію, обрушенію и т. д., выставляется *право* національныхъ культуръ, то есть право народовъ на самостоятельное существованіе и развитіе.

Измѣненіе взглядовъ на отношеніе между общечеловѣческимъ и народнымъ, между общенароднымъ и свойственнымъ части народа, между этимъ послѣднимъ и личнымъ, объясняется до нѣкоторой степени, если будетъ поставлено въ рядъ движенія человѣческой мысли, состоящаго въ переходѣ отъ признанія объективной связи между изображеніемъ и изображаемымъ, къ ограниченію и отрицанію этой связи.—Типомъ этого движенія можетъ служить любой изъ случаевъ, въ огромномъ количествѣ собранныхъ изслѣдователями первобытной исторіи мысли. Напримѣръ, сначала человѣкъ, думая и говоря о враждебномъ существѣ, какъ волкъ, приписываетъ своей мысли не ту лишь долю бытія, какую она имѣетъ, какъ проявленіе его личной мысли, а гораздо большую, состоящую въ непосредственной силѣ приблизить, удалить, прогнѣвать или умилостивить это существо. Мысль лица представляется здѣсь сначала непосредственнымъ рычагомъ внѣшняго объективнаго бытія. Затѣмъ ея могущество приводится лицомъ въ тѣ границы, которыя намъ кажутся естественными: ей приписывается непосредственное вліяніе только на само дѣйствующее лицо. Изъ примѣра видно, что подъ *изображеніемъ* разумѣется здѣсь не только *выраженіе* мысли въ рисункѣ, словѣ, обрядѣ, но и сама эта мысль, по отношенію къ своему объекту.

Убѣжденіе въ тождествѣ или объективной связи изображенія въ этомъ обширномъ смыслѣ слова и изображаемаго свойственно не одному лишь дѣтству человѣческой мысли, какъ думаютъ многіе. Это убѣжденіе лишь мѣняетъ свое содержаніе съ успѣхомъ знаній. Усилія мысли снимаютъ съ истины одинъ покровъ за

Digitized by Google

другамъ; но то, что въ первыя минуты открытія казалось голою истиною, вслѣдъ затѣмъ непремѣнно оказывается лишь новою ея оболочкой. Борьба съ предразсудками есть безконечная работа. У насъ нѣтъ мѣрки, которая давала бы право сказать, что въ наше время предразсудковъ убавилось. До сихъ поръ оскорбленіе словомъ, какъ унизительное для оскорбленнаго, считается за оскорбленіе дѣломъ и нерѣдко влечетъ за собою весьма реальную месть, несравненно бо́льшую, чѣмъ та, какой можно бы ожидать, если бы при этомъ принималось во вниманіе не предразсудочное отождествленіе слова и вещи, а лишь вліяніе слова на мнѣніе другихъ лицъ и на проистекающія отсюда дѣйствія. Науку напрасно стараются нѣкоторые отгородить рѣзкими и неподвижными границами отъ миѳической мысли, ибо разница здѣсь лишь въ степени. Въ противоположность тѣмъ, которые видятъ начало критической мысли въ такой-то опредѣленной точкѣ исторіи, можно думать, напр., не только то, что каннибализмъ имѣлъ рціональныя основанія, но и то, что основанія ему положены именно критической мыслью, совершенно аналогичной съ тою, которая нынѣ стремится измѣнить и улучшить строй общества.

И въ наукѣ донынѣ продолжается отождествленіе изображенія и изображаемаго въ видѣ субстанціаціи понятій. Давно ли душевныя способности принимались за нѣчто реальное, и самая душа считалась чѣмъ-то реальнымъ, а не мысленнымъ объединеніемъ извѣстнаго ряда признаковъ. Развѣ недумаютъ многіе, что матерія есть вещь, а прочее все гиль? Давно ли считалось общепризнаннымъ, что общечеловѣческая мысль воплощается въ языкѣ, такъ что, если мы, поставивъ передъ собою эту мысль, отнесемъ извѣстныя ея свойства, то можемъ быть увѣрены, что изслѣдованіе языка обнаружитъ намъ тѣ же свойства? Пріемъ несомнѣнно ученый, но представляющій аналогію съ тѣмъ, когда, наприм., по сновидѣнію, по чертамъ на бараньей лопаткѣ и пр. гадаютъ о внѣшнихъ для этихъ предметовъ и явленій событіяхъ.

Само столь обычное и необходимое для насъ противоположеніе мысли и объекта есть тоже субстанціація мысли, ибо „безусловно—

Digitized by Google

объективное", то, чѣмъ въ концѣ концовъ условлена наша мысль, самъ совершенно недоступно, а то, что мы называемъ объектомъ, при самомъ правильномъ пониманіи, оказывается тоже мыслью, но еще неотдѣлившейся отъ чувственныхъ воспріятій, еще регулируемою ими. То, что называется ходомъ объективированія мысли, есть терминъ неточный и состоитъ въ равной мѣрѣ въ признаніи элементовъ объекта субъективными.

Переходя къ *общечеловѣческому* и *народному*, посмотримъ, какъ судитъ о нихъ А. Градовскій, авторъ сочиненія, вообще весьма хорошаго, несмотря на то, что въ „Отечественныхъ Запискахъ" оно было представлено чуть ли не преступленіемъ противъ общества.

До сихъ поръ мысль, что „идея человѣчества воплощается въ исторіи отдѣльныхъ народовъ", нѣмцы считаются за глубокую философскую истину и понимается такъ, что идея, какъ воплощающаяся въ чемъ-то независимомъ отъ меня, говорящаго это, и сама независима отъ меня и существуетъ сама по себѣ. „Но,— говоритъ Градовскій,—отношеніе между общечеловѣческимъ и народнымъ таково, какъ между логическимъ понятіемъ и реальнымъ явленіемъ". „Наше представленіе объ общечеловѣческомъ есть продуктъ... обобщенія частныхъ явленій". „Оно немѣетъ реальнаго бытія" и существуетъ только въ мыслящемъ лицѣ и черезъ него (239). Кажется, это довольно ясно. Отсюда нравоученіе, что неслѣдуетъ и невозможно жертвовать народнымъ, какъ живымъ и реальнымъ, общечеловѣческому, какъ призрачному и отвлеченному.

Между тѣмъ рѣшимость автора оказывается шаткою. „Неужели,—говоритъ онъ,—по нашему мнѣнію, общечеловѣческое есть только логическая функція, плодъ абстракціи, имѣющій какого значенія въ жизни народовъ? О, нѣтъ! это значило бы отрицать достоинство одной изъ драгоцѣннѣйшихъ способностей человѣческаго духа и ума—способности... къ составленію общихъ понятій" (240). До сихъ поръ это то же, что мы видѣли и выше. Казалось бы даже, что излишне и говорить объ этомъ, такъ какъ

Digitized by Google

признаніе *общечеловѣческаго* понятіемъ незаключаетъ въ себѣ его отрицанія. Но дѣло въ томъ, что авторъ и самъ, по слѣдамъ предшественниковъ, впадаетъ въ миѳологію, приписывая этому понятію иное существованіе, чѣмъ то, какое ему подобаетъ, какъ обобщенію, исходящему отъ лица: „Вмѣсто того чтобы говорить объ общечеловѣческой цивилизаціи, правильнѣе говорить объ общечеловѣческомъ въ цивилизаціи, т.-е. о совокупности такихъ условій культуры, которыя *должны быть* усвоены цѣлымъ другомъ народовъ, какъ бы эти народы ни расходились во всемъ остальномъ“ (237—8). Если общечеловѣческое имѣетъ принудительную силу для всѣхъ народовъ, то, значитъ, оно представляется чѣмъ-то болѣе существеннымъ, чѣмъ другія обобщенія.

Далѣе авторъ спеціализируетъ эти условія. Это, во-первыхъ, „тѣ условія, безъ которыхъ немыслима нормальная жизнь человѣка и цѣлаго народа, какова бы ни была особенности его культуры“... напр. личная безопасность, свобода совѣсти, мысли, слова, обезпеченіе условій народнаго здравія, продовольствія, образованія и т. д. „Понятіе общечеловѣческаго является (здѣсь) даже основаніемъ для критика національныхъ несовершенствъ“, напр., когда съ этой точки отвергается утверждаемое, что „рабство есть естественное призваніе негра“. Во-вторыхъ, это внѣшнія условія осуществленія человѣческихъ цѣлей, напр.: пути сообщенія, орудія обмѣна, машины, техника въ поэзіи и искусствѣ и т. д. (240—1).

Нетрудно однако возразить, что все это можетъ разсматриваться только, какъ народное, т.-е., напр., съ одной стороны, личная безопасность, свобода и пр. каждымъ народомъ понимается различно; съ другой стороны, даже въ употребленіи и пониманіи вещей, переходящихъ отъ одного народа къ другому, существуетъ большое разнообразіе. Такъ, напр., дикарь можетъ носить подаренный ему мундиръ безъ рубашки и панталонъ. Еще менѣе замѣтна общечеловѣчность въ пріемахъ производства. Неужели, напр., авторъ думаетъ, что силлабическое стихосложеніе на русской почвѣ было равно польскому или французскому, или что есть, напр., въ живописи и гравюрѣ не только два народа, двѣ школы,

Digitized by Google

но даже два художника съ одинаковой техникой? Если бы рѣчь шла только о возможности дѣлать отъ всего отвлеченія, то не стоило бы приводить частныхъ примѣровъ; но дѣло идетъ о большемъ, именно о возможности критики *народнаго*, съ точки зрѣнія *общечеловѣческаго*. Такая критика одинако настолько же миѳологична, насколько была таковою попытка вывести нормальныя условія жизни пѣсца, или же возможности его акклиматизаціи тамъ-то изъ свойствъ рода, обнимающаго собаку, волка, шакала и пр.

Но наиболѣе очевидна субстанціяція мысли въ самомъ противоположеніи общечеловѣческаго, какъ понятія, народному, какъ реальному явленію. То и другое реально и идеально ровно настолько, насколько реально и идеально понятіе. Такъ, видъ въ зоологіи и ботаникѣ имѣетъ никакъ не болѣе правъ на объективное бытіе, чѣмъ родъ понятія. Русскій народъ такъ точно, какъ и понятіе „общечеловѣческое въ цивилизаціи“,—если будемъ на него смотрѣть сверху внизъ [1]) т.-е. по направленію къ элементамъ, изъ коихъ оно возникло,—немедленно распадется на частныя: элементы, классы, милліоны недѣлимыхъ въ разные вѣка. Очевидно, что крайне ошибочно было бы реальность оріентировать личности въ отличіе отъ идеальности понятія „народъ“, ибо личность, мое *я* есть тоже обобщеніе содержанія, измѣняющагося каждое мгновеніе. Ключъ къ разгадкѣ явленій личной, семейной, родовой, племенной, народной жизни скрытъ глубже, чѣмъ въ абстракціи, называемой личностью. Отсюда слѣдуетъ, что противоположеніе реальности народа идеальности человѣчества есть весьма плохое лекарство отъ неумѣренныхъ претензій національной идеи, выдающей себя за общечеловѣческое. Единственное лекарство отъ такихъ ошибокъ мысли состоитъ въ томъ, чтобы держать понятіе неизмѣнно открытымъ, открывать его приливу новыхъ элементовъ, который незамедлитъ разрушить понятіе, преобразовавъ его въ новое. Въ иныхъ случаяхъ эти спеціяліяціи иным кажутся болѣе опасными, чѣмъ...[2]). Напр., если бы кто сказалъ, что понятіе о единомъ

[1]) Съ этого мѣста рукопись утрачена, и статья воспроизводится такъ, какъ напечатана въ Вѣсти. Евр.

[2]) Пропускъ.

Digitized by Google

народѣ (такомъ-то) заключаетъ въ себѣ несовмѣстимыя противорѣчія и потому разрушается, то иной могъ бы подумать, что отъ этого пошатнутся столбы государственнаго и народнаго зданія. Но въ успокоеніе такихъ опасеній можно указать на то, что идеи начинаютъ руководить жизнью лишь послѣ, чрезъ длинные періоды, какіе нужны для превращенія ихъ, такъ сказать, въ черноземъ мысли, т.-е. въ нѣчто, о чемъ больше нерзсуждаютъ.

Преимущество понятія *народнаго*, опредѣляемаго языкомъ, предъ общечеловѣческимъ, или народнымъ въ смыслѣ „идеи національности", состоитъ въ томъ, что первое объективнѣе въ томъ смыслѣ, что менѣе апріорно, а потому, оно сильнѣе возбуждаетъ изслѣдованіе. Штейнталь [1]), сказавши о возникновеніи обособленной личности, какъ продукта духовнаго развитія изъ общаго (das Gemeine, общее и вмѣстѣ пошлое), даннаго природою, продолжаетъ: „Но внѣмъ болѣе благородныя души (Geister) постолько преодолѣваютъ ограниченность индивидуальности, что изображаютъ общій законъ и идеалы (das allgemeine, das gemeinsame Gesetz und Ideal)". Стало быть, по его мнѣнію, расходящіяся линіи дифференцированья преломляются въ высшихъ сферахъ развитія и вновь сближаются другъ съ другомъ. Подобную мысль высказываетъ и Орестъ Миллеръ, говоря о дифференцированіи личности и народа. Появленіе самостоятельной личной мысли и сохраненіе ея при помощи письменности сообщаетъ движеніе народной жизни. „Разнообразясь въ проявленіяхъ своей жизни и двинувшись впередъ, народъ не только не перестаетъ быть, но именно черезъ это дѣлается въ полномъ смыслѣ самимъ собою; чѣмъ болѣе возникаетъ въ народѣ отдѣльныхъ физіогномій, тѣмъ болѣе всѣми этими физіогноміями *выяснится*, опредѣлится и выступитъ весь наружу общій складъ народнаго духа или *народный типъ*. Именно въ эпоху первобытную, т.-е. въ эпоху почти рѣшительнаго несуществованія личностей, народы своими нравами, своею духовною жизнью мало розняться между собою; потому-то и первобытная пора ихъ устной словесности представляетъ безъ всякаго

[1]) Zeitschrift für Völkerpsychol., II, 1862.

Digitized by Google

умышленнаго заимствованія другъ у друга несравненно болѣе сходствъ, чѣмъ особенностей. Позже и въ устной словесности, въ силу долгой работы понемногу проникающей и въ нее личной мысли, начинаютъ выражаться и особенности народныя. Но только въ литературѣ — конечно здоровой, самостоятельной, и *окончательно* и *вполнѣ* можетъ выразиться личная физіогномія народа.

„Между тѣмъ въ *этомъ проявленіи личности не только не исчезаютъ общечеловѣческія основы*, но, напротивъ, именно въ ней и *достигаютъ отъ своего настоящаго окончательнаго развитія*. Такъ точно типъ человѣческаго лица своего *высшаго* и полнѣйшаго развитія достигаетъ именно въ тѣхъ людяхъ, которые имѣютъ характерную, опредѣлившуюся физіогномію, а не въ тѣхъ, въ которыхъ незамѣтно ничего, кромѣ общихъ составныхъ частей человѣческаго лица.

„Про лицо, въ которомъ есть только глаза, носъ, ротъ и пр... и во всемъ этомъ ничего особеннаго, ничего такого, что бы принадлежало только одному этому лицу, такъ и хочется сказать: „какое это пошлое, нечеловѣческое лицо!“ Главное въ человѣческомъ типѣ ямевно и составляетъ способность, во всѣхъ человѣческихъ лицахъ, сохраняя общія свои основанія, въ то же время становиться въ каждомъ изъ нихъ чѣмъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ. Поэтому-то и то, что выражаетъ собою всего полнѣе не физическій, а духовный типъ человѣческаго рода — словесность, своего полнаго развитія достигаетъ и со всею ясностью выводитъ наружу *всю глубину человѣческаго духа* именно тогда, когда являются въ словесности произведенія отдѣльныхъ лицъ, т.-е. личнаго творчества, изъ которыхъ каждое составляетъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ“ [1]).

Здѣсь прежде всего нужно устранить ошибочную мысль (или, быть можетъ, лишь ошибочное, безъ нужды инѳологическое выраженіе), что „личное творчество выводитъ наружу всю глубину человѣческаго духа“. Какъ будто эта глубина не тогда только и возникла, когда обнаружилась! Какъ будто полнота развитія есть

[1]) Ор. Миллеръ, Опытъ истор. обозрѣнія русск. слов., стр. 18—19. 1866.

Digitized by Google

нѣчто заранѣе данное, но лишь скрытое и спящее до поры, какъ, по миѳологическому воззрѣнію, невра въ времнѣ. Затѣмъ: вѣрно, что дифференцированіе народовъ связано съ обособленіемъ въ нихъ личностей; но думать, что дифференцированіе народовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ общечеловѣчности, это все равно, что думать, что человѣкъ, возвышаись надъ своими звѣрообразными предками, стремится къ общеживотности. Приближеніе къ общечеловѣчности мы можемъ представить себѣ лишь позади нынѣшняго уровня развитія человѣчества, тамъ, гдѣ и Миллеръ видитъ сходство между народами, независимое отъ заимствованій, Но по направленію къ будущему общечеловѣчность, въ смыслѣ сходства, можетъ только уменьшаться. Она увеличивается лишь въ смыслѣ силы взаимнаго вліянія, подобно тому, какъ съ возникновеніемъ человѣка усиливается его вліяніе на животныя и растенія и наоборотъ.

Digitized by Google

Отдѣлъ второй.

ТРОПЫ и ФИГУРЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

О тропахъ и фигурахъ вообще.

Gust. Gerber. „Die Sprache als Kunst" 2-te auflage, 1885. Г. I, 561; Г. II, 526. Berlin.

Основное воззрѣніе Гербера характеризуется его дѣленіемъ искусствъ: 1) искусства *зрѣнія*: а) зодчество, б) ваяніе, в) живопись; 2)—*слуха*: а) музыка, б) Sprachkunst, а) Dichtkunst (I, 32; II, 339), при чемъ членамъ $1^б$ и $2^б$ особенно, преимущественно передъ $1^а$ и $2^а$ свойственна-дѣ аллегоричность. Къ $2^б$ относятся, кромѣ „эстетическихъ фигуръ", отличаемыхъ отъ соотвѣтственныхъ формъ внутри языка (троповъ и грамматическихъ фигуръ), еще „die selbständigen Werke der Sprachkunst", т. е. между прочимъ пословица, басни, притча.

Начиная отъ древнихъ грековъ и римлянъ и съ немногими исключеніями до нашего времени опредѣленіе словесной фигуры вообще (безъ различія тропа отъ фигуры) необходится безъ противопоставленія рѣчи простой, употребленной въ собственномъ, *естественномъ*, первоначальномъ значеніи, и рѣчи украшенной, переносной. Ср. напр. съ одной стороны—новыхъ:

„Фигурой рѣчи называется уклоненіе отъ обыкновеннаго способа выражаться, съ цѣлью усилить впечатлѣніе" (*Бэнъ* „Стилистика и пр." перев. Грузинскій, М. 1886 стр. 8).

„Der tropus ist ein zum Schmuck der Rede von seiner ursprünglichen natürlichen Bedeutung auf eine andere übertragener Ausdruck, oder, wie die Grammatiker meist definiren, eine von der Stelle, wo sie eigentlich ist, auf eine andere, wo sie uneigentlich ist, übertragene Redeweise (Volkmann, Rhetorik der Griechen und Römer, p. 391 [1]). (Это—переводъ изъ Квинтиліана).

[1]) Цит. изъ сочиненія: Figure iz naŝom narodnom pjesničtvu s njihovom teorjom. Napisao Luka Zima. Na svjet izdala Jugosl. Akad. znanosti i umjetnosti. U Zagrebu, 1880, (335 стр.), стр. 5.

Digitized by Google

„Figur ist eine kunstmässig geänderte Form des Ausdrucks, eine bestimmte und von den gewöhnlichen und *zuerst* sich darbietenden Art entfernte Gestaltung der Rede (ib. Zima, 6).

—Съ другой стороны— древнихъ:

„*Ornari* orationem Graeci putant, si verborum immutationibus utantur, quas appellant *τρόπους* et sententiarum orationique formis, quae vocant *σχήματα*" (Cic. Brut. 17, 69).

„Tropus est verbi vel sermonis a *propria* significatione in aliam cum virtute mutatio (Quint, VIII. 6 [1]).

„Est igitur tropus sermo a naturali vel principali significatione translatus ad aliam, ornandae orationis gratia, vel (ut plerique grammatici finiunt) dictio ab eo loco, in quo propria est, translata in eum, in quo propria non est" (Quint, IX, 1, 5).

„Figura.... est conformatio quaedam orationis, remota a communi et primum ee offerente ratione (Quint. у Зимы, 6).

„*Τῆς δέ φράσεως εἴδη εἰσὶ δύο, κυριολογία τε καὶ τρόπος. Κυριολογία μέν οὖν ἐστιν ἡ διὰ τῆς πρώτης θέσεως τῶν ὀνομάτων τὰ πράγματα σημαίνουσα—τρόπος δέ ἐστι λόγος κατὰ παρατροπὴν τοῦ κυρίου λεγόμενος κατά τινα δήλωσιν κοσμιωτέραν ἢ κατὰ τὸ ἀναγκαῖον*" (Tryphon „*Περὶ τρόπων*", ed. Spengel, III, 191, Zima, 5).

Говоря объ украшеніи рѣчи, мы предполагаемъ, что мысль въ словѣ можетъ явиться и неукрашенною, подобно тому какъ можно построить зданіе, а потомъ, неизмѣняя общихъ его очертаній, прибавить къ нему скульптурныя и живописныя подробности. Такимъ образомъ украшеніе будетъ роскошью, исключающею мысль о необходимости.

Однако уже и древніе должны были допустить, что украшеніе рѣчи можетъ быть и необходимо:

„Illustrant (orationem), quasi stellae quaedam, translata verba atque immutata. Translata ea dico, quae per similitudinem ab alia re aut suavitatis, aut *inopiae* causa transferuntur; immutata, in quibus pro verbo proprio subjicitur aliud, quod idem significet,

[1]) Тропъ есть перенесеніе слова отъ собственнаго значенія къ несобственному, напр, *острый* умъ (собств. *острая* сабля)" (Мининъ, Теор. сл. 8, Спб. 1872 г.).

Digitized by Google

sumptum ex re aliqua consequenti (Cic. Or. 27, Gerb. I, 332. translata — по ааалогіи (метафора), immutata — по болѣе тѣсному сочетааію представленій).

„Translatio ita est ab ipsa nobis concessa natura, ut indocti quoque ac non sentientes ea frequentes utantur.... *Copiam* quoque *sermonis auget* permutando aut mutuando, quae non habet; quodque difficillimum est, praestat, ne nlli rei nomen deesse videatur. Transfertur ergo nomen aut verbum ex eo loco, in quo proprium est, in eum, in quo aut *proprium deest*, aut translatum proprio melius est. Id facimus, aut quia *necesse* est, aut quia significantius est aut quia decentius" (Quint. VIII, 6, 4, у Gerb. I, 332).

Усвоивъ себѣ осаоваыя поаатія нынѣшняго азыкознаація и спрашивая себя затѣмъ, аакъ возникло богатство (copia sermonis) наличныхъ языковъ, мы отвѣчаемъ:

Независимо отъ отношеаія словъ первообразныхъ и производныхъ, всякое слово, какъ звуковой заакъ значеаія, осаоваао на сочетаніа звука и заачеаія по одаовремеааости или послѣдовательности, слѣдовательно есть метонамія.

Нѣсколько сотъ тысячъ словъ языка, аааъ русскій (у Даля около 200 т.) и т. п., возаакла изъ аебольшого числа кораей (500 — 1000). Поэтому, если бы даже допустить аевѣроятное, что эти кораи была собствеаными выражеаіяма, аоличество словъ переаосныхъ, возникшихъ по аеобходимости, inopiae causa, въ нѣсколькао сотъ разъ превосходило бы аоличество собствеаныхъ. Но а эта уступка аевозможаа. То, что является кораемъ отаосительнао своихъ производныхъ, было словомъ съ тѣми же тремя элемеатама зааченіе, какіе различаютъ во всякомъ вновь образуемомъ словѣ: образъ, собстаенао значеніе и его связь съ образомъ. Всѣ зааченіе въ азыкѣ по происхождеаію образаы, каждое можетъ съ теченіемъ времеаа стать безобразаымъ. Оба состояаія слова, образаость и безобразность, равао естествеаны. Если же безобразаость слова сочтеаа была за нѣчто первоаачальаое (тогда какъ она всегда производиа), то это произошло отъ того, что оаа есть иремеиаый покой мысли (тогда какъ образность есть аовый еа

Digitized by Google

шагъ), и движеніе болѣе привлекаетъ вниманіе и болѣе вызываетъ изслѣдованіе, чѣмъ покой.

Спокойный наблюдатель, разсмотривая готовое переносное выраженіе или болѣе сложноа поэтическоа созданіа, можетъ найти въ своей памяти соотвѣтственное безобразное выраженіе, болѣе образнаго соотвѣтствующее его (наблюдателя) настроенію мысли. Если онъ говоритъ, что это безобразное есть „communis et primum se offerens ratio", то онъ свое собственное состоянie приписываетъ соадителю образнаго выраженія. Это въ родѣ того, какъ если бы ожидать, что среди горячей битвы возможно такое же спокойное разсужденіе, какъ за шахматвой доской, если играютъ заочно. Если же перенестись въ условія самаго говорящаго, то легко переверяуть утвержденіе холоднаго наблюдателя и рѣшить, что primum se offerens, хотя и на „communis", есть именно образное. И въ случаяхъ, когда мы мысленно устраняемъ вполнѣ или отчасти безобразное выраженіа и замѣняемъ или дополняемъ его образнымъ, послѣднее на необходимо лишь въ томъ случаѣ если оно нехорошо. Понятія достоинства выраженіа, аго красоты тождественны съ его соотвѣтствіамъ мысли, его необходиыостью. Побужденія эстетическія и логическія (цѣли познанія) здѣсь нераздѣльны.

Въ примѣненіи къ сложнымъ поэтическимъ произведеніямъ случаи, когда первое приходящее на мысль есть рядъ отвлеченныхъ понятій, и второе — образы, не измѣняющіе этихъ понятій — суть случаи ненужности поэтическихъ произведеній, отсутствія плодотворности движенія мысли, низкаго достоинства образовъ.

Примѣръ ненужности образа: стихотвореніе Плещеева „*Два пути*" (посв. И. С. Аксакоау) обращено къ дѣятелимъ 60-хъ годовъ, которымъ хорошо было извѣстно отношеніе къ двумъ дорогамъ, и новаго авторъ, исходившій изъ отвлеченнаго положенія, ничего имъ несказалъ. (Ср. Ксенофонта „Меморабиліи, кн. II, гл. I, 20, 23. — Ев.: „взыдѣте узными враты", „широкъ путь вводяй въ пагубу"). Тотъ же образъ является необходимымъ въ устахъ Іоанна Вишенскаго (изъ Вишни).

Digitized by Google

Какъ нынѣ германизація говоритъ чехамъ и охотно сказала бы Руси, и поломизація говоритъ Руси: „отдай мнѣ свое *я*, и и отдамъ свою цивилизацію, и недашь души, зничитъ нехочешь и цивилизаціи", такъ было и издавна. И много мужно было силы душевной, чтобы непойти на иту сдѣлку и, *примѣняя къ себѣ и своимъ*, какъ Іоаннъ изъ Вишни, слѣдующее мѣсто Евангеліи: „и понтъ его діаволъ на гору высоку зѣло и показа ему вся цирствія міри и славу ихъ, и глагола ему: сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонивши ми ся. Тогда глнгола ему Інсусъ: нди *за мною* (*ὕπαγε Σατανᾶ*), писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши" (Мит. 4, 8) *сказатъ сатанѣ*:

„Чтожъ ми дашъ, діяволе, именуй, ди зваю иннередъ?" — Если хочешъ биснупомъ... арцибиснупомъ, кардиналомъ... быти, падъ поклони ми ся, я тебе дамъ... И если хощеши подноморымъ или судіею... старостою... воеводою, гетманомъ и канцлеромъ быти, падъ поалони ми са... и тебѣ и кролевство дамъ....если хочешъ хитрецемъ, мастеромъ, ремесникомъ рукодилымымъ быти и другихъ имыслювъ (=омъ?) превозыйти, чемъ бы еси и отъ сусѣдъ прославитися и деньги собрати могалъ, пидъ поклонимися, я тебе упремудрю, научю, настивлю и въ доскоиалость твоего променіи мысль твою приведу". „Чтожъ ва пожитоаъ съ того твоего дированія... коли я живота вѣчнаго отпнду?" (Арх. Ю. З. Р. т. VII, ч. I, 19—24).

Какъ и нынѣ, [1]) нужно было говорить: „Не бо азъ хулю грнматичиое ученіе и ключь нъ позннанію складовъ и рѣчей, ико же нѣцыи мнитъ и подобно глаголютъ: „занеже самъ неучился, того ради и нимъ завидитъ и нозбраннетъ"... Не вѣдомость хулю художества, але хулю, што теперешніе наши новые русскіе философы незнаютъ въ церани ничто же читити, ни тое самое псалтыри и часослова. А смадь (s. вм. *знать*), если бы хто што с-трохи м зналъ, инъ южъ досягнетъ стиха нкого басней аристотельскихъ, тогды южъ псалтыри читати ся соромѣетъ, и прочее правило церновное ми за что вмѣинетъ, и яко простое и дурное быти разумѣетъ. А тежъ невижу нашихъ, только прбстою наукою нашего

[1]) Читано въ 1888 году.

Digitized by Google

благочестія воспитающіеся, тые и подиигъ церковный и отпрающотъ; а латинсаихъ басней ученицы, зовемыи аазаодѣи, трудитиси въ церкви иехочють, толко аомедіи строютъ и играютъ". И недивно! Прикеду притчю: Коли южъ хто иаказанія киѣшиего с-троху (s. км. страху) досяглъ, подобенъ конеки въ стайни хованому и на узахъ держааому, который часу пролѣтиого дождавши, коли траву ощутитъ и выпущенъ будетъ, иевѣда иихъ си поймати дасть отъ игранья, скаканья и шалеаьи, ради своеволное владаости. Такъ власне, коли хто зъ благочестія догматъ до латынскаго мудрованіи и хитрости кыпущенъ будетъ, аевѣда, какъ его южъ ухватити, и обуздати, и къ благочестію правлечи; бо есть тааъ сладкая латинское прелести трава, ижъ ее вола на широаомъ пола вкусивый заживати, иижли къ тайни благочестія, на привязехъ заионыихъ, иайлепшамъ овсомъ истиниое науки питатися хочетъ. Тамъ бо есть у Латыии своекиля, тамъ есть чистецъ по смерти мудрымъ безеникомъ, вшетечиниомъ и роскошаикомъ, а у иасъ, *дурное Руси*, чистца по смерти немашъ, тольао въ терпѣлавомъ страданіи и покаиніи прежде умертія. И дли того въ тѣснотѣ сей мало изволяютъ быти: аси ся на широту роскоши верглися" (Іоаниъ Вин. „Посланіе иъ старицѣ Доминкіи", ib. 28—30).

Такъ было, и нынѣ *опять* діаволъ торжестиуя гоаоритъ: „Вижу, мало ихъ собирается и зиаходитъ на тотъ тѣсный гостинецъ хотищихъ и любящахъ ходити. Всѣ пали и поклонилися славѣ царства, арасоты и любве вѣаа того иастоящаго миогокладомаго. Отъ начальныхъ и до послѣдаихъ, отъ духовио зоиомыхъ и до простыхъ, отъ властей до подручныхъ, всѣ полюбили тотъ мечтъ, блискъ и пестроты красоты царства моего мірскаго, иоторую есми Христови обиажилъ и показалъ". (Арх. Ю. З. Р. т. VII, ч. I).

И вотъ „отъ боренія плоти и страстей и воздушныхъ злобныхъ духокъ подиебесныхъ" онъ уходитъ въ святую гору (скалы и пещеры), а „хотий ко святѣй горѣ мировяти..., или буди желѣзенъ или сребренъ" (ib. 36).

Какъ нужио устранить или ослабить внѣшнія впечатлѣнія, чтобы иѣчто вспомнить, рѣшить, такъ во всѣ времена люди уда-

Digitized by Google

лились въ своего рода пустыню, санъ, монастырь, чтобъ облегчить себѣ работу надъ собою, для нравственнаго усовершенствованія, и наоборотъ стремились въ міръ. Другой мотивъ—отреченіе отъ своей воли. Ср.: Н. Толстой: поступивъ опять въ полкъ и „почувствовавъ себя лишеннымъ свободы и закованнымъ въ одну узкую неизмѣнную рамку... Ростовъ испыталъ... успокоеніе... послѣ проигрыша Долохову.... Онъ рѣшился загладить свою вину, служить хорошо и быть вполнѣ отличнымъ товарищемъ и офицеромъ, т. е. прекраснымъ человѣкомъ, что представлялось столь труднымъ *въ міру*, а въ полку столь возможнымъ". (Война и миръ, II, 180).

Останавливая свое вниманіе на первообразныхъ поэтическихъ формахъ (образности языка), древне-греческіе а за нами римскіе риторы установили два разряда поэтическихъ и риторическихъ выраженій: σχήματα—figurae и τρόποι—tropi. По недостаточности этимологическаго анализа, они разумѣли подъ ними почти исключительно сочетанія словъ; но сюда же относятся не только слова, представляющія явную двойственность состава (бѣлоснѣжный, мр. сивозалізний), но и слова образованныя посредствомъ замѣны ряда возможныхъ признаковъ однимъ (борзая; мр. осточортіти, пополотніти), слова безъ внутренняго представленія въ своей вещественной части, но своей грамматическою формой (родомъ, числомъ, выраженіемъ одушевленности и неодушевленности и пр.) производящіе психологическое суждѣніе и дающіе образъ.

Всякое искусство есть образное мышленіе, т. е. мышленіе при помощи образа. Образъ замѣняетъ множественное, сложное, трудно уловимое по отдаленности, неясности, чѣмъ-то относительно единичнымъ и простымъ, близкимъ, опредѣленнымъ, наглядным. Такимъ образомъ міръ искусства состоитъ изъ относительно малыхъ и простыхъ знаковъ великаго міра природы и человѣческой жизни. Въ области поэзіи эта цѣль достигается сложными произведеніями въ силу того, что она достигается и отдѣльнымъ словомъ.

Digitized by Google

Если обозначить вновь обозначаемое иначеніе черезъ x, а прежнее черезъ A, то въ отношеніи x къ A можно различить три случая:

Изъ двухъ значеній, приводимыхъ въ связи выраженіями:

1) значеніе A вполнѣ заключено въ x, или наоборотъ x обнимаетъ въ себѣ все A безъ остатка; напр., *человѣкъ* (A) и *люди* (x). Представленіе такого x въ видѣ A, или наоборотъ, называютъ $συνεκδοχή$, соподразумѣваніе, совключеніе, съ-приятіе, pars pro toto et vice versa.

Съ-приятіе же есть слово раздрѣлма (?) а другое съ собѣ павлѣла, яно же, мироу сѣштѣ, въ него же є мѣста рещти „нѣ рити“ речемъ „нѣсть ороужіа ратьнаго“ или „праздно есть ороужіе иѣнѣ“. Georgii Cherohosci de figuris, Изб. 1073 г. Бусл. Ист. Хр. 269,

2) понятіе A заилючается въ x лишь отчасти; напр. птицы (x) и лѣсъ (A) въ (лѣсныя птицы). Представленіе такого x въ видѣ A, или наоборотъ, называется $μετωνυμία$, переименованіе, знамѣніе имеіи другимъ, напр.: „лѣсъ поетъ“ (лѣсныя птицы); „отъ шуми всадникоиъ и стрѣльцовъ разбѣгутся всѣ *города*; они уйдутъ въ густые лѣса и взлѣзутъ на скалы“. Іерем. IV, 29.

3) поиятіе A и x ии первый взглядъ несовпаднютъ другъ съ другомъ ии въ одномъ признакѣ, ниироти̇въ исключаютъ другъ друга, нипримѣръ, *подошва обуви* и *часть горы*. Но психологически сочетаиія A и x приводятся въ связь тѣмъ, что оба непосредственно или посредственно приводятъ на мысль третье сочетиніе $Б$, или же обн производятъ сходныя чувства. Представленіе такого A въ видѣ $Б$ et vice verso называется $μεταφορά$, именемъ, которое греческими риторами и Цицероиомъ (translatio) понимилось ие тольно въ этомъ чистиомъ, но и въ общемъ смыслѣ тропи и фигуры.

Тнпъ нипр., логически нѣтъ связи между хрустальнымъ бокаломъ шампанскаго и женщиной №, вбо даже очертаніи стаиа женщиины нетождественны съ очертиніями бокала; но отъ внин— хмель, отъ женщины—опьиненіе любви, и отсюда № названа ири-

Digitized by Google

сталломъ и фіаломъ (*φιάλη* чаша для вина, широкая и плоская); отсюда—сравненіе и затѣмъ метафора:

....Да вотъ въ бутылкѣ засмоленой,
Между жаркимъ и бланманже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ таліи твоей,
Зизи, *кристалль* души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый *фіалъ*,
Ты, отъ кого и пьянъ бывалъ! Он. V, 32.

Совмѣщеніе троповъ. Дѣленіе поэтической иносказательности по способу перехода отъ A къ *x* есть сильное отвлеченіе; конкретные случаи могутъ представлять совмѣщеніе многихъ троповъ: Subiit argentea proles, *auro* deterior, fulvo pretiosior *aere*. Ovid. Met. I, 114: aurum, aes=totum pro parte (aurea aenea proles)=synecdoche; но въ то же время aurum—вещество вмѣсто того, что изъ него сдѣлано=metonymia; все вмѣстѣ *argentea proles, aurum, aes*—вѣка, различаемые по степени счастья=metaphora (Gerber, II, 48).

Синекдоха и эпитетъ.

Синекдоха есть такой переходъ отъ *A* къ *x*, при которомъ въ *x*, т. е. въ искомой совокупности признаковъ, *одновременно* дано воспріятіемъ или же мыслимо и *A*, но такъ, что *A* почему-либо выдѣляется изъ ряда признаковъ *x*, напр.: *Адріатическія волны* (A)=*Адріатическое море* (*x*); просить на *чашку чаю, стаканъ вина* (A, разсматривая независимо отъ метонимичности)=на чай, вино(*x*); ср. *хлѣбъ—соль*.

Этотъ пріемъ имѣетъ огромную важность въ словообразованіи, такъ какъ сюда относятся названія вещей по заключеннымъ въ нихъ всегда или большею частью признакамъ, напр.: сар. *дантін*, слонъ (зубатый. т. е. клыкастый), *кѣсім*, левъ (волосатый, т. е. тривастый); *кожанъ*, *ушанъ*, *дятелъ*, *cervus* (серна, корова),

Digitized by Google

schlange (çrank, ire); дрврхнѣм. *sneccho* (schnecke, snakan, repere); др.-снанд. *snaca*=anguis, аагл. *snake*—id.; *полозъ, ужъ*=anguis, ἔχις.

Можно съ перваго разу подумать, что въ случаяхъ, кааъ *дантин*,—переходъ отъ общаго (мало-ли что зубато?) нъ частному; на самомъ дѣлѣ въ момеатъ аааменованіа признанъ мыслятся лишь въ предѣлахъ нскомаго *х* н будетъ по отношенію аъ нему частнымъ.

Сюда же (если не нъ метониміи) можно бы отнести *названіе вещи по дѣйствію*, которое хотя и недано одновремеаао съ пространственными признаками, но сочетаетсн съ нимн танъ именно, что кажется съ нима одновременаымъ: *данта* (какъ ѣдящій), *перстъ* (н. прннасающійся), *рука* (к. берущая); *будякъ*, лит. dagys, лот. *dadzis*, Distel (нолоть, жечь); *осока* (нолючая,рѣзучая) лит. aszaka, лот. asaka gräte (рыбья к.), *ость* въ печеномъ хлѣбѣ); *груздь* (жгущій).

Трясина. „Есть болота *зыбкія*, аоторыя народъ несовсѣмъ вѣрно называетъ трясннамн, ибо они нетрясутсн, а зыблются, волауются подъ ногамн человѣка, „ходенемъ ходятъ", (С. Аксаковъ).

Буслаевъ: „обшнрнѣйшее примѣненіе въ образованін языка нмѣетъ метафора, т. е. переаесеяіе слоаа отъ одного значенія нъ другому по подобію. Она оказываетсн производствомъ названій предметовъ, свойствъ и дѣйствій *отъ одного и того же корня*". Такъ, отъ *скакать—скакунъ*, аузвечикъ а *скакуха*, лягушка;.... отъ *бучáть* (издавать звуаъ)—*бучало*, водоворотъ и *бýчень*, шмель; отъ *махать—махало*, арыло, *махалка*, хвостъ у рыбы, *махáвка*, флюгеръ и пр.;.. отъ *ходить—ходило*, лопатаа въ тѣлѣ животааго.... *ходули*, ноги, *ходунъ*, дрожди".... (Оч. I, 165).

О метафорѣ могла бы быть рѣчь, если бы значеніе лягушки, нанъ прыгающей, предполагало значеніе нузнечика (пруга), подобно тому, какъ *перо* рыбье предполагаетъ *перо*, аанъ орудіе летанья, но ае въ тѣхъ случаяхъ, о ноторыхъ говорятъ Буслаевъ. Парность здѣсь произаольна.

Еслк назовемъ синендохой случай *кеçин*, то сюда же въ конечномъ результатѣ *epitheton ornans—косматый* левъ. Эпитетъ есть форма общая по отношенію къ отдѣльнымъ тропамъ, т. е. фагура, а

Digitized by Google

ие тропъ. Въ эпитетѣ синекдоха можетъ покрывать собою метонимію (ноюшии *стоялая*) и метафору (муравьище випучее).

Остаемся пока при обычномъ пониманіи эпитета, какъ приложеніи опредѣлительнаго прилагательнаго къ опредѣляемому существительному.

Всякое опредѣлительное, уменьшая объемъ и увеличивая содержаніе понятія, приближаетъ это понятіе къ конкретности; но уже древніе различаютъ, какъ Квинтиліанъ, эпитетъ поэтическій отъ риторическаго—*epitheton ornans*, поэтическое опредѣлительное, отъ прозаическаго [1]). Прозаическій эпитетъ производитъ разграниченіе, совсѣмъ исключаетъ изъ мысли извѣстное значеніе. Напр., если есть два Дона, великій и малый (Донецъ), а разумѣется только первый, то эпитетъ *великій*, необходимый для ясности, будетъ прозаическій: (у)спала князю (у) умъ похоть(и) искусити Дону великого", „Половьци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому", „Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великого Дону до малаго Донца". „Синее"—прозаическій эпитетъ въ слѣдующемъ: „Отъ Переволоки до Ахтубского устья, внизъ къ Синему морю". 1575. Ак. Ист. I, 356.

Epitheton ornans производитъ не устраненіе изъ мысли видовъ, незаключающихъ въ себѣ признака, имъ обозначеннаго, а замѣщеніе опредѣленнымъ образомъ одного изъ многихъ неопредѣленныхъ. По этому epitheton ornans можетъ означать признакъ общій всему роду, съ точки зрѣнія прозаической ясности, излишній, напр.: „Мои малыя пташечки, ахъ вы, свѣтъ мои носатыи"; у Квинтиліана примѣръ—humida vina.

Если epitheton ornans означаетъ признакъ видовой (resp. свойственный предмету не постоянно, а временно), то онъ не только не запрещаетъ, а напротивъ побуждаетъ подъ видомъ разумѣть родъ, подъ временнымъ постоянное: „а всядемъ братіе на свои *брзыя* комони, да позримъ синего Дону" (Донъ невсегда

[1]) Противоположеніе, какъ и самые термины, epitheton necessarium et ornans, неудобно, потому что основано на признаніи того, что считается украшеніемъ, ненужнымъ. Zima, 169.

Digitized by Google

представляется синимъ). Такимъ образомъ epitheton ornans есть тропъ, синекдоха (отъ частнаго къ общему, отъ одного признака къ предмету).

Отсюда видна логическая ошибочность дѣленія: *эпитеты* и *фигуры* (напр. Бѣлоруссовъ, Учебн. слов., 10).

Будучи всегда синекдохой, ep. ornans можетъ въ тоже время связывать два разнородные комплекса признаковъ, сравнивать два предмета, обозначая одинъ свойствами другого, т. е. быть метафорой, напр. „Безъ дыму безъ смороду, безъ чаду *кудрявого*", „Муравьище *кипучее*" Бусл. Оч. I, 74. Лерм. „Ландышъ серебристый". „О Донче! немало ти величія лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ" Сл. о П. Иг.

Отсюда видна логическая неправильность выраженія „Кромѣ *уподобленій* и *метафоръ*, эпитеты составляютъ существенную принадлежность эпическаго разсказа." (Бусл. 78).

Поэтическій эпитетъ можетъ двояко относиться къ опредѣляемому слову:

а) Обыкновенный въ современной поэзіи случай тотъ, когда эпитетъ берется изъ новаго наблюденія надъ явленіемъ и неимѣетъ ничего общаго съ этимологіей опредѣляемаго слова:

„Два дни ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада *сумрачной* дубровы,
Журчанье *тихаго* ручья. Пушк. Он. I, 44.

б) Эпитетъ согласуется съ представленіемъ (этимологическимъ значеніемъ) опредѣляемаго, напр. „*крутой берегъ*", серб. „жуто злато", „грязи топучія", такъ что, при свѣжести представленія въ опредѣляемомъ, все сочетаніе было бы тавтологично (ср. „старые старики", нр. „молодая молодица"), а при забвеніи представленія въ опредѣляемомъ — имѣло бы видъ возстановленія этого представленія (*бѣлая* лебедь, „крапива жгучая да и осока то рѣзучая" Бусл. Оч. I, 74, бѣлый день). Или же эпитетъ тавтологиченъ не по отношенію къ своему опредѣляемому, а по отношенію къ его синониму, напр. „*зелена* травица" при „мурава, зелье,

Digitized by Google

гр. *χλόη* зелень, трава; серб. *вити* ребра К. II, 465, по отношенію къ *вити* плећи К. I, 613. (*плех* въ „плету, подоплеаа, бѣлопленій"); лютый звѣрь („лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже", Поуч. Мон.) по отношенію къ „волкъ"; „на черныя грязи, на топучія болота", Буся. Оч. I, 79.

Случаи *эти* въ древней поэзіи врядъ ли были особенно часты. Кажется ошибочнымъ изъ нихъ выводить постоянные эпитеты народной поэзіи вообще, какъ Колосовъ: „связь звуковъ съ мыслію или вѣрнѣе съ впечатлѣніемъ (т. н. ясность представленія) поддерживалась въ народномъ сознаніи эпитетами (какъ „крутой берегъ"), которые потому и являются въ народной поэзіи постоянными". (Колосъ, Теор. поэз. 25).

Таніе случаи теряются въ массѣ постоянныхъ эпитетовъ и другихъ постоянныхъ выраженій народной поэзіи. Это постоянство стиля зависитъ не отъ частнаго случая (связи эпитета и вообще поэтическаго образа съ этимологіей даннаго слова), а отъ общаго подчиненія народнаго пѣвца преданію.

Постоянные эпитеты сербской народной поэзіи: „јарко и жарко сунце, зора бијела, ведро небо, тавна ноћ, црна земља К. I, 142, 243, III, 56, равно поле I, 318, 333, 365, 477, 532, поље широко I, 394, Срнјем земља равна II, 576, II, 581, Ломна гора II, 534, Ломна Херцеговина III, 55, Ломан Шенуларъ III, 55, 67, Сине и слано море I, 318, II, 71, 74, 81, весо ћурђен дан I, 334, ситна роса I, 330, тиха роса II, 2, плахи дажд II, 2, ајша росна, ситна вода ладна I, 475, дебел лад I, 478, тихо Дунаво II, 52, 66, 70, 445, црна гора I, 532, град бијели II 96, III 53, 6, танка стаза I, 348, добар јунак II, 98, 119, добар конь II, 101, 103, 170, сив соко II, 44 руса глава II, 391, 428, III, 91, 280, прси широне I, 486, бијело лице II, 1, 68, бијела рука II, 471, нити плећи I, 613, вити ребра II, 465, ноги лагане I, 254, 323, танана робиња II, 23, 66, 67, танана невјеста II, 121, танка латинка II 534, лако здравље II, 170, цјерна љуба, стара мајка II, 471, млада мајка I, 674, рујно вино; дебело месо, бијело платно I, 491, 610, бијеле даре II,

Digitized by Google

22—3, танко рухо, кошуља I, 567, жуто злато, 491, суво злато, лака носила I, 553, лађа I, 556 снтна мрежа II, 52 бјело стадо I, 374, змија љута II, 53, 86, камен становити ib. 88, Рјечн. станован, станац=вр. стоячій; мач зелен II, 150, нтар лон II, 73, жнно срце II, 23, жива жеља II, 77=живи огањ 86—87, ватра жнва II, 87, грозне сузе II, 186, сухо злато, суна муња Аѳ. Поэт. В. I, 195—6. Кад је било о зори бијелој. Чоја 59=бно данак сваие ib.

Эпитетъ сростается съ опредѣлнемымъ: „Какую ты полную праву нмѣешь“?

Којк ти је годема невоља,
Те ти нисн снате дочекала. Кар. II, 22.
.... Он диже млогу снлну војску. ib. 107.

„Тавиица клѣта“ не только въ устахъ узника нлн пѣвца ему сочувствующаго, но и въ устехъ палачк, который вызываетъ узнпка къ ен дверямъ, чтобы отрубить ему голову:

Ко је овђе Селак Волојевић?
Неа изнђе пред тавиицу клету.... Кар. IV, 25.

Такимъ образомъ грязное бѣлье, которое Навсикая беретъ для мытьи (Од. VI, 26) всетаки *Ἕιματα σιγαλόεντα*, а Несторъ *днемъ* подымаетъ руан *εἰς οὐρανὸν ἀστερόεντα* (И. XV, 371) [1]),

Бог убио снаку *милу* мајау
Која вали браца нег' срдашце (сына).
Рајаоивђ, Срп. н. п. 168.

(говоритъ голова сына убитаго по винѣ матери).

Πυκινός ἔπος (Ил. VII, 375), *μῦθος* (Od. III, 23) = річи вниовні (густое, плотное, твердое = убѣдительное слово). Зкгов.: Будь мои слова *крѣпки* и *лѣпки*.... Ѣй (невѣсты) мамонька По під небеса ходит, Богу си твердо молнт.... Гол. IV, 371 (ср. Дай же нам, Боженьку, повязати Марисю твердо ib. 392, ср. 439).

На *чорну* земленьку Гол. IV, 371, *μέλας, μέλαινα* (*γαῖα, ἤπειρος*); вѣтеръ *буйный*, вѣтры буйные, Барс. passim; песан сыпучіе Барс.

[1]) *ἀστερόεις*—*Варуна*, небесный сводъ въ связи съ ночью и въ противоположность *Митрѣ*, дню (M. Müller, Ess. II, 60—2).

Digitized by Google

55 и pass.; камешки катучіе, Барс. 55; *гнъздо*, вито тепло гнѣздышко 73. (Ср. „тепло-вито гнѣздо", что напоминаетъ „тепловито мое солнышко" ib. 72). Гвоздики *шеломчатые*, Барс. Прич. 74. Дкемъ ѣздить по унылыимъ по свадебкамъ, Ввечеру да по смврекынмъ бесѣдушаамъ, 118; по зкмнымъ тихомѣркымъ бесѣдушиамъ ib. Ступистан лошадушка, бѣлая лебедушка, косата ластушка; снѣжочки перистые (21), кружки хоботистые (93)—хороводы извивающіеся подобко хвосту. Огонь *муравейный*: „тутъ издула огокечаи *муравейныи*, затоплила я аирпичну свою печеньау" Барс. Прнчит. 27. „Горите вы слѣдочки да Добрыники, Во той было во печки въ *мурáвленой*, Гильф. Океж. был. 26.

„Уточка водоплавиая", „водоплавающая дичь". С. Акс. Недѣля, годъ—*учетные*: „цѣлыхъ три этыхъ учетвыхъ недѣлюшки Я лежу да во тижелой во постелюшкѣ, Барс. Пр. 128. Окъ былъ во тижелой во постелюшкѣ Цѣлыхъ двѣ втыхъ урѣчиыихъ недѣлюшаи 137. *Ретиво сердце* (общее врусс.)—быстрое, скорое ка гнѣвъ к другіе вффекты, какъ „ретивый ионь". Ср. „Была ка слово ока да не спѣсивая, На ркчахъ она да *небросливая*. Барс. Пр. 82. Крѣпче камня и булата, остраго кожа и *борзомткаго* копья. Майк. Вр. закл. 438. (Отсюда мурзамецкое? безъ отношекін къ Мурзѣ). *Вътлиная* неслушушка, Барс, Пр. pass,—прввѣтливая кевѣстка.

Увиваться (ухаживать и пр.). Дочь говоритъ: Недай Господи на семъ да ка бѣломъ свѣту поостаться отъ родители отъ матушки: Надо ластушкой летать да кругомъ людушекъ, Надо плеточкой кругъ ихъ да обвиватиси, Точко бѣлочкѣ въ глаза да имъ посматривать, Барс. Прич. 66.

Точка зрѣкія скктактическая, съ которой подъ эпитетомъ разумѣютъ только прилагательное опредѣлительное, удерживаемая въ пінтикѣ в риторикѣ, вкоситъ въ эти учекія чуждую имъ категорію.

Съ точаи зрѣвіи пікткческой къ впитетамъ слѣдуетъ откестк всякіи паркыя сочетаиія словъ, изображающіи вещи, начества, дѣйствіи *ихъ признакомъ*.... Такимъ образомъ сюда не только:

а) прилагателькын опредѣлителькыя,

Digitized by Google

но и б) существительныя аппозитивныя. Неустранная разницы не только грамматической, но и нераздѣльнаго съ ними поэтическаго значенія между „црвено вино, мокрая трава“ и „црвеника нино, мокрица травица“, надо думать, что если первые изобразительны, то вторые болѣе конкретны и подавно. [1])

Въ выраженіи: „конь добра лошадь“ парное сочетаніе *добра-лошадь*“ есть эпитетъ по отношенію къ *конь*. Ср. Л. Толстого „Казаки“: „Лукашка разъ огрѣлъ его (коня) плетью по сытымъ бокамъ, огрѣлъ другой, третій, и *кабардинецъ* (замѣна опредѣляемаго приложеніемъ), оскаливъ зубы и распустивъ хвостъ, фыркая заходилъ ни зднихъ ногахъ и на нѣсколько шаговъ отдѣлился отъ кучни козаковъ.

„Эхъ, добра лошадь!“ сказалъ хорунжій. Что, значитъ *добра лошадь*, а не *конь*? это означало особенную похвалу коню.

„Левъ конь“,подтвердилъ одинъ изъ старыхъ козаковъ“ (II, 8, 477).

„Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся“ (Он. I, 43).

„Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ таліи твоей,
Зизи, *кристалль* души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви примаичивый фіалъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ“ (ib. V, 32).

Свѣтъ глазъ монхъ.... „Што ћеш сине, моj очини виде“, (Чуб. Чојк. 312).

в) Прилагательное при другомъ прилагательномъ:

„Ой *ясна*-красна въ лузі калина
А ясній-красній Орися въ батька“.

г) Нарѣчіе при прилагательномъ: „Дуго-млого“ (Кнр. I, 607).

д) Нарѣчіе и нарѣчный падежъ при глаголѣ: Срб.

„Мнjка Лази тијо одговара“ (Кар. II, 23).
„Па је њему тијо беседила“ (ib.)

[1]) Примѣры см. А. А. Потебня — Изъ записокъ по русской грамматикѣ. III. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго, 130 сл. et passim.

Digitized by Google

„Па је старац тихо говорио“ (ib. 70)

„Кротко ходи, док до његи приђе,

„Кротко ходи, тихо бесјеђаши“ (ib. 121).

Ср. мр.—„тихая розмова“; „Ситни таиче, мој“! (Кар. I, 326); „Іел' слободно на весељу твоме поиграти *ситно* валуђерски“ (Кар. II, 372). „Зезицею кычеть“—изобразительнѣе, чѣмъ просто „кычеть“.

—Почему нельзя сюда отнести отношенія предикативнаго? Если муравьище *кипучее*, облако *ходячее*, лѣсъ *стоячій*—есть (кромѣ метафоричности)—поэтическій эпитетъ, то почему *лѣсъ стоитъ* неназвать также?

е) Глаголъ при глаголѣ: „Думає—гадає“.

„Непокорився—непоклонився,

Шапочки незнявъ, неподяковавъ“.

Περίφρασις, описаніе. Хуже—*обиняк*, рѣчь околицею, околичнословіе, або поэтическая перифраза, чтобы достигнуть поэтической изобразительности, должни необнивать образа тряпицей, необходить его околицей, („обойтись посредствомъ платка“; „невыразимые“; „оно“ (г—но); „нельзя ли нашему чайничку возымѣть купное сообщеніе съ вашимъ самоварчикомъ“), а выставлять его найболѣе характерныя черты.

Описаніе, какъ и эпитетъ, вмѣсто отвлеченнаго слова ставитъ образъ:

„И вы, красотки молодыя,

Которыхъ позднею порой

Уносятъ дрожки удалыя

По петербургской мостовой,

И васъ покинулъ мой Евгеній“ (Он. I, 43).

—Совсѣмъ оставилъ чтеніе:

„Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги

И полку съ пыльной ихъ семьей

Зидернулъ траурной тафтой“ (ib. I, 44).

Digitized by Google

—Въ комнатѣ, въ которой жилъ дядя:

„Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ“ (ib. II, 3).

—Онѣгинъ невѣжа и опасный человѣкъ (ib. II, 5).

Поэтическому эпитету при опредѣляемомъ соотвѣтствуетъ болѣе сложная форма, состоящая въ томъ, что при *названномъ* явственно общемъ ставится характерностическая частность. Напр.:

....„*Лѣтнею порою*,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою,
И водъ веселое стекло
Неотражаетъ линъ Діаны“ (Он. I, 47).

„Ой вже *весна*, ой вже красна;
Из стріх вода капле“....

Выраженію опредѣляемаго эпитетомъ соотвѣтствуетъ указаніе на частное, признакъ, при отсутствіи явственнаго указанія на общее:

Йшли корова из діброви, а овечки з поля,
Виплакала карі очи, край казака стоя.
Ой куди ж ти одъїжджаєш, сизокрилий орле?
Ой хто ж мене молодую до серця пригорне?
Водиця з Дунаю, з Дупаю тихого, бережка крутого.

Примѣры синекдохи. 1. Часть вмѣсто цѣлаго, однородное множество представлено единственнымъ числомъ а) имени конкретнаго: „иде москаля, ян трави“; chłop strzela, Pan Bóg kule nosi и т. п. пословицы образца „человѣкъ предполагаетъ и проч.“.

Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
„И *рабъ* судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,

Digitized by Google

Увидя въ втомъ страшный ядъ,
Его разчетливѣй *сосѣдъ*;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чуданъ. Онѣг. II, IV.

б) именн собирательнаго: „Русь, чадь и пр., наскольно таное собирательное не есть другой тропъ, напримѣръ, метонимія“: высушася весь городъ нъ С-ю, Нов. I, 8. Сюда же собирательныя получившія потомъ значеніе множественнаго числа (братья, няжья) или послужившія темою для его образованія (клинья и проч.). [1])

в) Часть вещи, по обстоятельствамъ, въ какихъ нходитси говорящій, обращающая нн себя его внимнніе, вмѣсте всей вещи: „хозайсній глазъ“. Это можетъ быть или часть вмѣсто цѣлаго (синендохн), нлн орудіе вмѣсто дѣйствователи (метонимія).

Повтъ, задумчивый мечтатель,
Убитъ пріятельсной *рукой*. Онѣг. II, 40.

Копье вмѣсто *воинъ*: бысть же у погаиыхъ 9 сотъ ношій, и у Руси девяносто, Лавр.[2] 341 (1169) Ипат.[2] 381. Сюдн Бусл. Оч. I, 173: нн рогн, ни копыта. Срав. „Изъ запнс.“ II,[2] 460: „перомъ (соколовъ), (бѣлокъ) шерстью, вернуть что лицемъ“. Ср. „мѣнять ухо на ухо“, „шерсть на шерсть“. Вмѣсто мечъ—ст. нѣм. *Ort*, die spitze des Schwertes, v. *Ecke*—острie мечъ, v. schneide v. Heft; вмѣсто щитъ—лит. *umbo*, Buckel, ст. нѣм. *rant* (желѣзная рама щита изъ досокъ v. плетеная); вм. корабль — *kiel*, Segel; им. *море*—Wellen; вм. 100 всадниковъ— hundert Pferde, v. Helme, v. „Lanzen“.

---

[1]) Сюда, новидимому, слѣдующіе примѣры: а) отъ единицы ко множеству—по происхожденію собирательныи: *животъ* въ значенін скота вообще: хлѣбъ да животъ, и безъ денегъ *живетъ* (безлнчно), т. е. можно жить. Даль, Посл. 54. *Птица, рыба* (рыбу ловить). *Скотъ* (девятеро скоту), — *ина*. „Гдѣ вода была, тамъ и будетъ; куда деньга ношла, тамъ и копится“. *Деньга* деньгу наживаетъ Д. ib. Безъ рубля—безъ ума ib. 56. Копейка обозъ гонитъ ib. 57. Деньга и камень долбитъ ib. 58. Песъ косматъ—ему тепло; мужикъ богатъ—ему добро, ib. 58. Богатый, что быкъ рогатый: въ тѣсныя ворота невлѣзетъ, ib. 59.

Digitized by Google

На берегу пустынныхъ *волнъ*
Стоялъ онъ думъ великихъ полнъ, Мѣд. В. Пушк. [1])
Адріатическія волны!
О Брента! Ов. I, 49.
Брожу надъ моремъ, жду погоды,
Маню *вѣтрила* кораблей, Он. I, 50.

Сюда же, неразнесенныя по рубрикамъ, подъ общимъ заголовкомъ „синекдоха—часть вм. цѣлаго": „Ту нша Половци языкъ в приведоша къ Гюргеви, Ип.[2] 315. „Игорь Святославичь совокупивъ полки своя в ѣха въ поле за Воръсколъ и стрѣте Половцѣ, иже ту ловять языка" Ип.[2] 387. Таак и до послѣдняго времени: „добыть, достать языка"=плѣнника, отъ котораго узнаютъ о положеніи и пр. непріятеля; „оговорщикъ, докащикъ".

Одна книга опредѣляетъ характеръ чтенія. Въ слѣдующемъ—вмѣстѣ метонимія (авторъ вмѣсто сочиненія) и свекдоха.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно процвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея
А Цицерона нечиталъ.... Он. VIII, 1.
Идетъ купецъ взглянуть на флаги
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса? Он. (П.[8] III, 186)
Отселѣ грозить мы будемъ шведу;
„Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду" М. Вс. II.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы, одинъ в пр. М. Вс.
„Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ *флаги* въ гости будутъ къ намъ. ib.
.... Мрачный *валъ*,
Плескалъ на пристань, роптя певъ

[1]) *Вселенная*—обитаемая земля въ отличіе отъ пустыни: (заблудившіеся въ безводной пустынѣ) „идохомъ дружно дни три не пивше и тогда дойдохомъ въ населенную" (Патер. Синайск. XII, в., Бусл. Хр. 334); весь миръ—Буса. Оч. I, 174.

Digitized by Google

И бьись о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей. ib.
.... Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей
Чей въ древни вѣки *парусъ* дерзкій
Поработилъ брега морей. П. Родосл.
Во врени смуты безначальной,
Когда то *ляхъ*, то гордый *шведъ*
Одолѣвалъ нашъ край печальный
И гибла Русь отъ разныхъ бѣдъ.... ib.

„Мое серце“, вр. „надежная головушка“—мужъ по отношенію къ женѣ и наоборотъ. Барс. Прич. I, 133; „нога человѣческая здѣсь небывала“.

Стопа, черностопъ: „Гнавъ самого (Кончака) необрѣте, бяшеть бо *тала* стопа за Хоромъ Ип.[2] 430.

Хохолъ съ точки зрѣнія великоросс.—малороссіянинъ.

Знамя вм. *отрядъ*. Позрѣвъ же семь и сѣнь, и види стягъ Василювъ стояще и добрѣ борющь и Угры гонящь. Ип.[2] 512 п. chorągiew; „промышляй о своей головѣ“=о себѣ, своей безопасности, Л. 248; „одна голова не бѣдна“.... „жить одною головою (одиноко, безсемейно), „Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее, Л.[2] 250. Голову сложить. „Не рокъ *головы* ищетъ, сама голова на рокъ идетъ. Даль. „На свою голову“! „Не сносить ему головы“! (по метонимія: была бы *голова* (умъ), будетъ и булава, и наоборотъ: была бы булава, найдется и голова). Синекдоха: столько-то подати съ головы; стольо-то головъ скота. Мр. головоньна моя бідная! и пр. Головою незнаю, неизвалъ (вовсе), Даль, *самъ* незнаю; „сколько головъ, столько умовъ; сто головъ—сто умовъ; выдать кого *головою*. *Моя голова*=*я*: головонька жъ мои бідная; въ мене ненька та нерідная и пр.“ „Голово мон козацькая! Бувала ти у земляхъ Турецьких, у вірахъ бусурманьських, А тепер пропало на безвідді на безхлібьї погибати. Ант. и Драгом. I, 118. Оженився, зажурився.... чи дітками, чи женою, чи своею головою.

Digitized by Google

М. 75. Ты ночуй, ночуй невѣжа за в'ратами...: ,,Каково тебѣ невѣжа за в'ратами. Таково же мнѣ, невѣжа, за тобою, за твоею дурацкой головою. Шейн. Р. П. 347 [1]).

Тешко чекам да неђеља дође
Да изађем на авлијиска врата
Да погледам и горе и доле
Окле ће се помолити драги,
Јали драги, јали драгог перје.
,,Б'јело перје, куда ми се вијеш?
—Драга моја, око двора твога.
,,Бјело перје, кад ћеш довијати?
—Драга моја, тамо до јесени.
,,Бјело перје, чекати те неђу,
—Драга моја молити те неђу:
Даница је чекала мјесеца
Крај горице четир годинице
А ти мене ни годину неђеш.

Ђ. Рајковић, С. н. п. жен. 10.

г) Опредѣленное число, мѣра, наглидная величина, имѣсто неопредѣленнаго множества. ,,Я тебѣ сто разъ говорилъ.... ,,Стократъ блаженъ, кто предаиъ вѣрѣ.... Он. IV, 51.

Рогато—много, *стогомг*—много; нарѣчіе отъ ,,народъ, людъ"—*людно*—много, *семейно*—многолюдно, *обельно*—кругомъ. Бусл. Оч. I, 173. (съ переходомъ въ метафору).

Ворохъ—куча обмолоченныхъ, по непровѣянныхъ хлѣбныхъ зеренъ, Новг. Барсовъ, *вырьшь* frumentum, quod tritonatur. Mikl. Gr. II, 56. *Куча*, непочатой уголъ.

Війська 40000—въ мр. п.; 40000 убитыхъ, Лавр.[2] 261.

Отрицательное опредѣленіе числа дли выраженіи большого неопредѣленнаго: ,,Сердешна Пріська выкупала ёго иедесять разів

[1]) *Метафора*, покрывающая синекдоху: *Голова* дѣлу. „Стрѣлецкій, волостной, градской *голова*. Голова *рыбы*, голова капусты, голóвки, головы сапоговъ. *Нога* стола, ножка цвѣтка, листка. „Ногою твердой стать при морѣ. Пушк. М. Вс. —Якъ маю кланятись постолу, такъ (аже лучче) поклонюсь чоботу. Ср. Je ne veux faire la cour à personne, mais moins encore au peuple qu'au ministre (Stendhal).

Digitized by Google

и изпід караулу и из полоди, а раз прийшлось из острога ыыпатн. Квитка Мертя. Великдень.

„Ой у полі криниченьаа на чоткрі зводи; любня нозак дівчиноньну не чотнрі годн. Метл. 7. Хорутанса. jezer. f.=1000. Tri jezeri ljudi 3000. м. б. того же происхожденія, что jezero, lacus, именно въ знач. *кучи*, множества (ср. тьма).

Это—сннендохн, пока ими представляется однородное съ ннми, затѣмъ метафора (ауча народу).

Сюда же—рядъ прнмѣровъ подъ заголоѣаомъ:

Опредѣленное представленіе количества:

„Мы и толнная рать и народъ таноный, канъ Данан, Тщетныя бнтыы яели и безплодной яойной яоевали.

Съ меньшею ратью яраговъ и нонца неузрѣли.
Ибо, когда бъ яозжелали Ахейцы и граждане Трои,
Клятяой мнръ утяердивши, народъ обоюдно исчнслить;
И Трояне собрались бы, ясѣ саолько есть нхъ во градѣ;
Мы же, Ахейскій народъ, раздѣлнся тогда на десятки,
Взяли бъ на каждый нзъ нихъ отъ троянсннхъ мужей яиночерпца;
Многимъ десятнамъ у насъ недостало бъ мужей яиночерщевъ!
Столько, еще повторяю, чнсломъ превосходятъ Ахейцы
Въ градѣ жнвущихъ Троянъ, Иліада. II, 120 сл.

(Это вмѣсто генетичесааго нзображеяія счисленія, ямѣсто указанія на готовое число. Въ нонцѣ сраженія, нанъ часто въ Иліадѣ, поторяется, аакъ заалюченіе, то, что ызъяало сраженіе).

Сто разъ, тысячу разъ говорено (вмѣстѣ и гнпербола): нде ляхівъ 40000.

Цѣна.... И яъ средѣ ихъ яянлась Паллада,
Въ длани яращая эгидъ, драгоцѣнный, нетлѣнный безсмертный:
Сто на эгидѣ бахромъ развѣвалося, чнстое злато,
Дняно плетенныя ясѣ, н цѣна имъ стотельчіе каждой.
Ил. II, 446 сл.=ἑκατόμβοιος δὲ ἕκαστος).

Digitized by Google

Вообще *волы*—цѣна, Ил. XXI, 79:... Треножникъ огромный мѣдный; въ двѣнадцать воловъ оцѣнили его Аргивяне, Ил. XXIII, 703.=τὸν δε (τρίποδα) δυωδεκάβοιον ἐνὶ σφίσι (между собою, т. е. глядя на него) τῖον Ἀχαιοί. Стоїть *вола*, Къ ист. зв. IV, 84—5.

Низкая цѣна, малость, ничтожество, ничего:

„Ни за цапову душу (Къ ист. звук. 84—5). Ні гаріля, ни цяточки; яи за поиюшку табаку—Οὐδ' ἕλα δοίης, Od. XVII, 455—ты бы не далъ „аиі *дрібка* солі“ (у Жуковск. соли щепотку)=ничего.

Уметъ=ничтожиан вещь.... „апостоли.... и до крове за Христово имя пострадвша и вся *уметы* створше (все поставивъ ни во что) въ слѣдъ его текоша. Кир. Тур. Калвйд. 5. Іоснфъ не рече: жьрци иа мя въставуть и озлобять Іюден.... Ничтоже снхъ не рече, иъ всн *уметы* сътвори я о своемь бо нерадивъ животѣ.... дьрзнувъ вьниде къ Пилвту.... ib. 32.

Вѣхоть соломы. „Послв Володимѣръ слугу своего, доброго, имеиемъ Рвчтьшю, ко брвту своему Мьстиславу, тако река: „молви брату моему: прислалъ, рци, ко мнѣ сыновѣць мой Юрьи просить у меие Берестья, азъ же ему иедалъ ни города, ии села, а ты рци, иедввай яичегоже“. И вземь соломы въ руку отъ постеля своее, рече: „хотя быхъ ти, рци, братъ мой, тотъ вѣхоть соломы далъ, того иедавай по моемь животѣ иикомуже Ип.² 600.

Трынь—трава. Мало, нисколько. Ни черта, ии х., ии души. Ни синь пороха. Мр. Як кіт иаплакав, нк в зайця, нк шилом борщу (патоки). Ном. 148. *Сильно, много*. На всі заставки. Ном. 149. „Стара.... жеив—честна та *ани раз* ие фудульиа. Федьк., Люба—згуба, 22.

Много иароду (тѣсио): „чорт иапхав“; иа річці тій жили батьки моі я панства *чортів тиск*: Василь, Иван, Микола. Греб. 34. Много войска: москаля як трави; ἦλθον (конные и пѣшіе) ἔπειθ' ὅσα φύλλα καὶ ἄνθεα γίγνεται ὥρῃ ἠέριοι, Od. IX, 5=Вдругъ ихъ явилось такъ много, какъ листьевъ древесныхъ или раннихъ весенниихъ цвѣтовъ. Можетъ быть, сюда сербск. „одоше (сви) лнстом“, „Ајте листомъ у летницу бјелу“.

Digitized by Google

ἔσκον δ' ἐν λειμῶνι Σκαμανδρίῳ ἀνθεμόεντι μυρίοι, ὅσσα τε φύλλα καὶ ἄνθεα γίγνεται ὥρῃ. Ἠύτε μυιάων ἀδινάων ἔθνεα πολλά, αἵτε κατὰ σταθμὸνποιμνήιον ἠλάσκουσιν ὥρῃ ἐν εἰαρινῇ, ὅτε τε γλάγος ἄγγεα δεύει, τόσσοι ἐπὶ Τρώεσσι καρηκομόωντες Ἀχαιοὶ ἐν πεδίῳ ἵσταντο διαρραῖσαι μεμαῶτες. Л. II, 467—73.

Боръ (*не боровъ*): „иноплеменьници (Полонци) собриша полки свои многое множество и выступиша, яко борове велиніе, Ипат. 2. 21; Шварно съ Володимеромъ поиде во силѣ тижьцѣ, бяхуть бо полци видѣніемъ, авы борове велицѣи, ib. 203—29; (полци) сташа около города, яки борове велицѣи, ib. 209—38. И поидоша полоне, акы борове, и не бѣ презрѣти ихъ, и Русь поидоша противу имъ. Л.² 268. „Бојна вопља, вао црна гора, А барјаци, као и облаци". Од мрамора до сува јавора.... Све је Турска војска притиснула: Коњ до коњи, јунав до јунава, Бојна вопља као чарна гора, Све барјаци као и облаци, А чадори као и снегови... Кар. II, 313.

„Завади се мајка и ћевојка
Не о граде, ни о винограде,
Већ о једну танану кошуљу. Кар. II, 22.

Много: тьма тьмущая Д. II, 600. Куры не клюютъ (въ метоним.). Хоть пруды пруди, мосты мости. *Людно*: нѣауда изъ тучи капнѣ капнуть. *Густо*, рясно: нѣауда мачинаѣ пасть (гипербола).

Синекдохическое отрицательное обозначеніе: немного = мало. Gerb. I, 363—4.

Ой не разъ не два выкупляла Объясн. милор. пѣс. I, 249 = много разъ—сноръе метонимія. Сколько душъ людей, головъ скоти: „Нема нівого, аж ні духа, ні лялечки". Манжура, Сказки.

Трудно: „на своею нетрудною крыльцю". Сл. о П. Иг. „И саоро съвъвупишася святіи отци, по суху же и по морю, *нетрудно* путьшествующе, яво аорибли пълни духовнаго богатьства, ли яко орли, апостольсвымъ въкриливъшеся ученіемъ, льгъци суще тѣломъ, постьници бо бѣша. (Кир. Тур. Калайд. Пам. 76).

Digitized by Google

д) Особое названіе „ἀντονομασία“, [1]) перемѣна имени, переименованіе, носитъ синекдоха, состоящая или α) въ замѣнѣ видового или собственнаго имени родовымъ, напр. *Господь* вм. Богъ (о чемъ ниже), или β) въ замѣнѣ собственнаго имени по родовому признаку или нарицательнаго имени другимъ собственнымъ, напр. *Цицеронъ* — ораторъ (ср. итал. cicerone), *Соломонъ* — судья, Меценатъ, Катонъ (цензоръ нравовъ), спартанецъ, эпикуреецъ, сибаритъ, Менторъ, вандалъ, *перейти черезъ Рубиконъ* (сдѣлать рѣшительный шагъ подобно Цезарю, перешедшему черезъ Рубиконъ). [2])

Общее названіе антономасіи β) есть *allusio*, намекъ (поэтическая ссылка на преднзвѣстное). Аллюзія шире, потому что подъ нею можно разумѣть и другіе тропы, метафору, метонимію и фигуры (напр., иронію), наспольно они намекаютъ на извѣстные разсказы, хотя бы въ нихъ собственнаго имени и небыло („*варганить*“ о легкой цыганской работѣ; „пшинъ“ отъ разсказа о неумѣломъ нузнецѣ: лемѣшъ, подкова, гвоздь, и наконецъ пшикъ). Условія поэтичности и умѣстности антономасіи β заключаются въ томъ, чтобы она и для говорящаго и для слушающаго была понятна, т. е. легко замѣщала конкретнымъ образомъ сложные ряды мыслей. Въ противномъ случаѣ она становится пустымъ хвастовствомъ, напыщенностью, риторичностью въ дурномъ смыслѣ слова.

Господствующія антономасіи этого рода указываютъ на запасъ знаній и вкусы даннаго времени, на литературныя вліянія, коимъ оно подчиняется. Такъ, періодъ ложнаго классицизма характеризуется на западѣ и у насъ, до Пушкина включительно, намеками (въ томъ числѣ и антономасіями β) на лица и событія классической древности.

.... „Сельскіе Циклопы
Передъ медлительнымъ огнемъ

---

[1]) Обычное явленіе въ языкѣ — вытѣсненіе опредѣляемаго эпитетомъ (= антономасія), напр. *борзая, косой*. См. Изъ записокъ по р. грамм., между прочимъ III, т. „Объ измѣненіи значенія и зам. им. сущ.“ Стр. 49 и др.

[2]) Если отъ частаго употребленія поэтическій характеръ такъ сливается со своимъ собственнымъ именемъ, что это послѣднее получаетъ характеръ условной цѣнности, то употребленіе этого имени будетъ антономасія.

Digitized by Google

Россійскимъ лѣчатъ молотковъ
Издѣлье легкое Европы. Онѣг. VII, 34.
„Дорога зимняя гладка,
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки ib. 35.

(*Ἀυτομέδων,—ονος*—возница Ахилла). Другія аллюзіи у Пушк.:

„Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны:
Двуногихъ тварей (антономасіи *a*) милліоны (синекдоха)
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно. Онѣг. II, 14.

„Poor Jorick", Онѣг. „Подъ небомъ Шиллера и Гете", Он. Переименованіе рѣдко является безъ примѣси одобренія, возвеличенія или осужденія, насмѣшки.

„Предметомъ ставъ насмѣшекъ шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ [1]),
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже „Демономъ" моимъ. Он. VIII, 12.
„Кузина, помнишь Грандисона? ib. VII, 41.
„Съ блестящей Невой Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы, ib. VIII, 16.
Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень, Орфей.

Антономасія—одинъ изъ моментовъ вліянія литературныхъ типовъ на жизнь, почему исторія этого вліянія неможетъ обойтись безъ указаній на антономасіи (Митрофанушка, Простаковъ,

[1]) „Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ?" Он. VII, 124.

Digitized by Google

Чацкій, Молчалинъ, Скалозубъ, Загорѣцкій, Хлестаковъ, Чичиковъ, Печоринъ, Ташкентцы, Помпадуры и Помпадурши, Разуваевъ и Колупаевъ, Донъ-Жуанъ, Чайльдъ Гарольдъ, Он. I, 38; IV, 34. Фальстафъ, Фаустъ, Мариизъ Поза, Донъ-Кихотъ, Гамлетъ. Арминды I, 33; Ловласы IV, 7).

Для исторіи небезразлично, какого происхожденія такое собственное имя: собственно историческаго или поэтическаго; но разница эта до нѣкоторой степени изглаживается тѣмъ, что и дѣйствительное лицо становится достояніемъ преданія и исторіи языка не иначе, какъ прошедши сквозь среду мысли и словеснаго выраженія, стало-быть, во всякомъ случаѣ, какъ типъ поэтическій.

При переходѣ собственнаго имени въ нарицательное можетъ случиться или то, а) что такой переходъ остается въ предѣлахъ синекдохи, т. е. значеніе нарицательнаго вмѣщаетъ въ себѣ значеніе собственнаго, напр. Дунай—рѣка вообще, или даже вода вообще. (Бусл. Оч. I, 175. Jag. Arch.: „Ой піду я піду понад Дунаймн", „Дунай море плисти"), или б) что синекдоха переходитъ въ *метонимію*, когда подъ извѣстною антономасіею, напр. „omne tempus Clodios, non omne Catones feret" понимать не „таа́ихъ, какъ Клодій, Катонъ...", а въ смыслѣ преобладающаго ихъ качества: „во всякое время возможенъ *порокъ*, не во всякое добродѣтель". (Gerb. II,[2] 61 [1]). Иначе: синекдоха переходитъ въ метонимію, такъ какъ вновь обозначаемое вмѣщаетъ въ себѣ уже не тотъ признакъ, по которому оно первоначально названо извѣстнымъ собственнымъ, а лишь признакъ сходный съ первымъ, напр. ит. cicerone уже не есть ораторъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ M. T. Cicero. Въ Россіи прозывали малороссіянъ въ XVII вѣкѣ измѣнниками, въ XVIII и XIX вѣкѣ Мазепами. Ср. Малюта Скуратовъ, Аракчеевъ, (эпигр. Пушн.). Такимъ образомъ *москаль* — великороссіянинъ (синекдоха), солдатъ, хотя бы и не великороссіянинъ, (метонимія);

[1]) Сюда случаи, какъ *virtus*, мужество, конюшество (доблесть коня): Што се сјаје преко Саве? Ал је сунце *сунчевито*, А *мјесеце мјесечити*, Или гори град градишки? Ђ. Рајковић, Серб. н. п. 39. Мјесец мјесечити=тьма тьмущая, сила силенна. дубъ дубомъ, Чеш. kluka klukovská, Žid židovská, donebak donebácka, dub dubová. (Vondrák, Schimpfwörter im Böhmischen. Arch. XII, 1—2, 62).

Digitized by Google

обмоскалити—на основаніи „нѣкъ скаже москаль „сухо“ підіймайсь по ухо“ (метонимія).

Лет. *krêws* (собств. Кривичь), Русскій (синекдоха); солдатъ, krêewôs eet—итти въ солдаты (метонимія), krêewu putraimi—пшонная крупа (ер. русен. гречка, гречиха, нѣм. heidekorn, чешск. pahanka, польск, tatarka, франц. blé sarrazin.).

Литовск. *Gudas*, (вѣроятно соб. Готъ) полякъ, русскій (метонимія), преимущественно съ презрительнымъ оттѣнкомъ, Pervolf. Arch. VII, 595.

Постороннія мнѣнчесаін значенія, прасоединяяеь къ значенію чужого, враждебнаго народа, превращаютъ собственное имя народа въ аазваніе велакана. Таавовъ скандинавса. йотунъ, нѣм. Hüne (Гунъ), *Ens* (*? Антъ*), славянск. сполинъ, исполинъ, обръ, поль. olbrzym (собств. Obrzin), прнсл. штоудъ, gigas (Чудь *Χούδος*) сиб. чудаки, первобытные жители Сибири (Ирк.), они же нолоты (пра тульсномъ *волотъ*, богатырь, малор. велетень). Новг. Ряз. *Гольда*, бродяга, нищій, каакъ бранное слово. Ср. подъ 1058: „побѣда Ияславъ (Кіев.) Голяди“, Лавр.[2] 158 м. б. лотыш. племи но м. б. отъ *гол-*. Волог. *чудь* (ругательное), невѣжда. Сарат. *мящерый*, неучтивый, неуклюжій. Влад. Ряз. *дулебый*, косой, разноглазый, Бусл. Оч. I, 176.

Servus, *sclavus*, Davus, Geta. „Сослоніе рабовъ носитъ у горскихъ татаръ (на сѣверномъ склонѣ Кавказа, между протокомъ Терека Урухомъ, населеннымъ осетинами—Дигорцами и Эльбрусомъ, по верховьямъ р. Черека—Чеана и Боксана) одно названіе съ тѣмъ, которое принадлежитъ нхъ вѣковымъ противникамъ черкесамъ въ осетинскомъ языкѣ. У горскихъ татаръ *рабъ* назывался *касакъ*, а это имя, повидимому тожественно съ осетинскимъ названіемъ черкесовъ: Касагъ, извѣстнымъ въ нашей лѣтописи въ формѣ *косогъ*. Въ этомъ мы имѣемъ прямое указаніе на то, что основаніе рабству положила война, и что (здѣсь) первоначальныма рабами были военноплѣнные изъ черкесъ“. „(Въ горскихъ обществахъ Кабарды“, изъ путеш. Вс. Миллера и Макс. Ковалевскаго. Вѣст. Евр. 1889. IV, 572. Ср. въ другомъ отношеніи *козакъ* и *черкасъ*.

Digitized by Google

2. *Цѣлое вмѣсто части.*

Представленіе единицы множествомъ:

а) для наглядности [1])—множественное число дѣлимаго вещества; множ. ч. вещей, представляющихъ множество частей: *сани*.

б) для возвеличенія—plur. maiestatis, *ὑπερβολή*: по правилу „громила велвний чоловік".

Цѣлое вмѣсто части, общее вмѣсто частнаго само по себѣ неможетъ служить изобразительности; но оно служитъ поэтическимъ цѣлямъ не какъ синекдоха (понятію коей оно противорѣчитъ), и какъ другая фигура. Такъ, du kehrst mir ans *ganze Haus* ш, когда рѣчь только о безпорядкѣ, произведенномъ въ комнатѣ (Gerb. II,[2] 32), есть гипербола.

Подъ антономасіей, какъ вышеупомянуто, разумѣлись и случаи „цѣлое вм. части", или даже, суди по мѣсту въ Извор. 1076 г. взъ соч. Georgi Choeroboscі, De figuris, только этотъ случай: „Въименнмѣстьство ѥсть рѣчь съ прилогѡ нли съ знименни само то истоѥ (то самое), обавлѧа имѧ, ѥгда дъви нли многи нимъ нивѣдомн (извѣстны) чл҃ци истовоѥ имѧ имоуште, тн хоштемъ ѥдиного отъ нихъ помѧнути, тожде да не речемъ истаго имени, нъ отъ съловучивъшихъсѧ „нрѣчнѫ" рекъше или „дрѣводѣлю" нарнчѧште; аще ли и тѣлесьныѧ имѣуштѧ врѣды, хромьци рекъше или плѣшнва нарнчѧште". Бусл. Хр. 270. Отсюдн можно понять, что антономасія бываетъ, когда для различенія двухъ Ивановъ мы называемъ одного (по прозванію) кузнецомъ, другого плотникомъ.

Ванернагель говоритъ, никъ о видѣ синекдохи, объ употребленіи названія рода вм. видн и лицн, напр.: *художникъ* имѣсто *живописецъ*; *смертные* вмѣсто *люди*: *Господь* (Herr) вмѣсто *Богъ*. Въ школѣ—„французъ", „нѣмецъ" въ смыслѣ „такой-то преподаватель французскаго, нѣмецкаго языка".

---

[1]) Сюда и такіе случаи: множ. число названія конкретнаго для выраженія общаго и отвлеченнаго: „возьми самъ въ руки топоръ или косу; это будетъ тебѣ въ добро и полезнѣе для твоего здоровья всякихъ маріенбадовъ—медицинскихъ маціоновъ и валихъ прогулокъ. Гоголь, Выбранныя мѣста.

Digitized by Google

У Аристот. (Poet., 26)—примѣръ перехода отъ рода нъ виду: *τηῦς δέ μοι ἥδ' ἕστηκε*, Од. 24, 308, гдѣ *стоять* (будьто) родовое по отношенію нъ *ὁρμεῖν*, стоать на якорѣ (Gerber, II, 24).

Однако цѣль такого нанменованіи есть образность, наглядность: предметъ представлеаъ однимъ азъ своихъ признаковъ, который мыслится прв этомъ не въ своей возможной всеобщности, а какъ принадлежащій имению этому предмету. Таанмъ образомъ и здѣсь можно видѣть не общее вмѣсто частнаго, а наоборотъ, какъ и выше. Ср. напр. „Приде Ярославъ (на Святополка) и сташа противу оба полы Днѣпра, и несмяху ня си онѣхъ, ни они снъ начати.... И воевода нача Святополчь, ѣзди въздѣ берегъ, укоратв Новгородьцѣ, глаголи: что придосте съ *хромьцемъ симь*! о (=а) вѣи плотницн соуще, а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ", 1016 Лав.,[2] 138.

Сюда же случай перехода отъ собирательности нъ единичности, ари чемъ наогда изиѣаяется родъ. (Ср. Эд. Вольтеръ, Розысн. о грам. родѣ. Спб. 1882).

Въ нѣаоторыхъ случаахъ аазвааіе единицъ собнрательнымъ имеаемъ по основанінмъ неясно: бѣлье, платье, ружье. Въ иныхъ случаяхъ можетъ быть частное значеніе общаго получилось отъ перехода общаго къ людямъ, которымъ оао чуждо: солдатъ извѣстааго *ружья* (общее), знаетъ тольао *свое ружье* (Gewähr) [1]).

Въ другихъ—личаость обозаачаемаго терается въ собирательности, вслѣдствіе чего собирательное, кааъ предикативный вли аппозитивный аттрибутъ, затѣмъ вытѣсанющій подлежащее, пред-

[1]) *Ружье* (отъ собирательнаго къ единичному): „А возять тѣ пушки, и всякіе пушечные запасы и запасное всякое воинское *ружье* на царскихъ домовыхъ лошадяхъ. Котош. 113. Да *ружье* же, корабины и пистоли съ олетры и мушкеты и бонделеры на царской обиходъ покупаютъ вныхъ государствахъ ib 90. Да имъ же (рейтарамъ) изъ царскіе казны дается *ружье*: корабины и пистоли и порохъ и свинецъ, а лошади и платье покупаютъ сами ib. 108... а у ружья что попортятся или на бою отобьютъ, и въ то число ружье дается иное. ib. Да солдатомъ же дается изъ царскіе казны ружье: мушкеты, порохъ, фитиль, бердиши, пики малые. ib. 110,

[2]) О *мужчина, женщина*, мр. *дружина* см. III, Изъ записокъ по грам. Gerber (II, 61) принимаетъ abstracta вм. concreta въ случаяхъ Das Essen steht auf dem Tisch Stickerei—за метонимію, а не за синекдоху.

Digitized by Google

ставляетъ это послѣднее худшимъ, меньшимъ, презрительнымъ. Ср. навье бьютъ полочаны, 1092, Ливр.², 208. можетъ быть не собират., а мн. ч. Въ нынѣш. Орл. и др. *навье*—мертвецъ.

Сложная форма синекдохи. Если общее положеніе синекдохично сводится на частное, то, (какъ уже различили древніе, Аристотель), получается двоякая форми (по отношенію къ наклоненію, изъявительн. v потенціальное):

а) частное есть дѣйствительное, т. е. нѣчто принимаемое за историческій фактъ. Это *παράδειγμα*, exemplum. Напр., „Стансы" Пушкина 22 дек. 1826 г.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петри
Мрачили мятежи и казни;
Но привдой онъ привленъ сердца и пр.

Примѣръ (das Beispiel) рядомъ съ общимъ даетъ частные его характеризующіе моменты, взятые изъ этого общиго.

Ohne Wahl vertheilt die Gaben,
Ohne Billigkeit das Glück,
Denn Patroclus Liegt begraben
Und Thersitus kehrt zurück. Schiller, Siegesfest (Gerber, II, 41)

б) частное есть возможное: „*ὡσπερ εἴ τις λεγοι, οἷον εἴ τις λέγοι* (см. о баснѣ, ниже=*παραβολή*, Gerber II², 45). (Шекспиръ, Венеціянскій купецъ).

Сложная синекдоха есть поэтичная *типичность*. (См. „Виды поэтической иносказательности", стр. 70). Примѣръ, (*παράδειγμα*), Zima 94—5: Срмо моја зар ме чекат нећеш? Даница је чекала мјесеца За горицу седам годинвца, А ти мене нећеш ни годину, Ни годиву, ни ње половину.

(Здѣсь типичность съ нашей точки есть въ тоже время историчность съ точки говорящаго).

Примѣръ (составляющій одно съ общимъ) въ формѣ hendiadys:

Digitized by Google

Plerumque gratae divitibus vices
Mundaeque parvo sub lare pauperum
Coenae sine aulaeis et ostro
Sollicitam explicuere frontem, Horat. Od. III, 29.

Примѣръ метафоричекъ съ позднѣйшей точки: Три године, како драгог двориm, Нит' ме грли, нит' ме лице љуби, Ни ме пита, јесам ли му здрава. А мати му к'о аждаха љута, И с ње роним сузе често пута, Мене зове да сам нероткиња. Препреклеђа ни воће нероди, Докле сунце не огрије зраком, А невјеста— док је нељубљена, Нељубљена и немилована. Ристић С. н. п. 74. Даљѣе свекровь сыну: А мој сине, млађане Јоване! Каква ти је воћка без пролеђа, Док је сунце не огрије зраком, Онако је и моја снахица, Јер је досад нијеси љубио, Ни јој лицемъ лице угријао, ib. 75.

Чтобы примѣръ могъ имѣть силу доказательства, нужна его однородность съ доказываемымъ, т. е. чтобы метафора еще отсутствовала, чтобъ на ея мѣстѣ была еще синекдоха:

Ој ђевојко ситна љубочнце,
Љубио б'ти, али си малена!
Љуб' јуначе, биђу и голема:
Малено је зрно бисерово
Ал се носи на господцкон врату.
Малена је тица ластовица
Ал' умори коња и јунака. Н. Бегонић, С. н. п. 107.

Метонимія.

Если при переходѣ отъ образа (A., напр, части, особи) къ значенію (*x*, напр. цѣлому роду), это послѣднее неисключаетъ изъ себя образа (какое исключеніе есть принадлежность метафоры, напр.: *голова* въ смыслѣ чего-либо главнаго, „мое золото“ въ смыслѣ „мой дорогой“), но сверхъ этого (въ отличіе отъ синекдохи) получаетъ новое качество, напр.: „Эхъ ты, голона!“, „стоять, лежать въ головахъ“—то это будетъ метонимія.

Digitized by Google

Это новое качество x (сравнительно съ данным въ A) можетъ получиться лишь въ силу того, что оно при извѣстныхъ условіяхъ сопровождаетъ въ мысли A.

Потъ—признакъ труда, а трудъ земледѣльца ведетъ къ жатвѣ (въ значеніи продукти); поэтому *потъ*=хлѣбъ на полахъ: „Zertreten liegt der Schweiss des Landmanns“ (Schiller).

Можно бы распредѣлить случаи метониміи по различію основаній сочетанія A съ x, т. е. а) или по тому, что A одновременно существуетъ съ x въ пространствѣ, одновременно съ нимъ дается воспріятіемъ; б) или по тому, что A предшествуетъ x-у во времени, в) или слѣдуетъ за нимъ; г) или по тому, что A связано съ x причинно, Gerb. II², 55. Но въ моментъ наименованія, рѣчи, эти основанія несуществуютъ для говорящаго; они относятся послѣ постороннимъ наблюдателемъ, съ которымъ можно и поспорить. Такъ кажется сомнительнымъ, что для говорящаго „*Λεύκαινον ὕδωρ*“ есть слѣдствіе, дѣйствіе сильнаго движенія веселъ. (Gerber, II, 62). Для говорящаго то, что дано въ A (образѣ) есть ближайшее, первое по времени; x—всегда послѣдующее, болѣе отдаленное: такимъ образомъ для него всѣ упомянутыя основанія сочетаній A съ x, сводятся на *б*), которое служитъ основаніемъ и синекдохи и метафоры. Кажется болѣе удобнымъ распредѣлить примѣры метониміи по общимъ разрядамъ значенія (x), которое доходитъ до сознанія говорящаго.

x есть пространство (содержащее и пространственно измѣримое содержимое), время, дѣйствіе (состояніе и свойство).

Метонимія—отъ примѣты къ тому на что, она указываетъ.

Представленія мѣста: пространство представляется тѣмъ, что въ немъ происходитъ. Человѣкъ правленъ восходомъ солнца; глядя на него, онъ находитъ, что южная сторона—правая: ссир. *дакшина*—правый и южный. Сближеніе *сѣверъ* съ сскр. *савја*—ошибочно. *Сѣверъ*=sziaurys, холодный сѣверный вѣтеръ, и отсюда страна свѣта. Гомеръ (правый—восточный):

Τύνη δ' οἰωνοῖσι ταναυπτερυγέσσι κελεύεις
Πείθεσθαι, τῶν οὔτι μετατρέπομ' οὐδ' ἀλεγίζω

Digitized by Google

Εἴτ' ἐπὶ δεξί' ἴωσι πρὸς ἠῶ τ' ἠέλιόν τε,
Εἴτ' ἐπ' ἀριστερὰ τοίγε ποτὶ ζόφον ἠερόεντα. Il. XII, 237—40.
„Ты ширяющимъ (въ воздухѣ) птицамъ
Вѣрать велишь? Презираю а птицъ и о томъ незабочусь,
Вправо ли (птацы) аесутся нъ востоау деаааацы а солнцу,
Ила аалѣао оии аъ тумаиаому западу (мчатся).

Цсл., серб. *югъ*, южный, теплый вѣтеръ, южаая страни свѣта. Есла бы первое заачеаіе было то, ан которое указываетъ гречеса. *αὐγή*, свѣтъ, блескъ, лучъ, то всетаан, такъ кааъ оно забыто, *югъ* въ этомъ словѣ представлялся бы страаою теплаго вѣтра.

Полдень—страаа свѣта, гдѣ солнце въ полдеаь, а противоположная—*полночь* и *ночь*. *Съверъ*, *югъ*, какъ страаы свѣта—вѣтры: „явилася звѣзда нопейнымъ образомъ *съ теплаго вътра*, межа полудаи и запида и даію и іощію хожаше къ востону, и поиемногу поступаше къ сѣверу. Иск. лѣт. I, 309.

Востокъ. Въ солнечио свѣтлой Итааѣ жаву н.... маого
Тамъ и другихъ острововъ, аедалеаихъ одиаъ отъ другого:
Заиъ и Дудихій и лѣсомъ богатый Закинеъ; и на самомъ
Западѣ плоско лежатъ оаруженная моремъ Итака
(Прочіе жъ ближе нъ предѣлу, гдѣ Эосъ и Геліосъ
всходатъ). Одис. IX, 21 сл.
Близко увидишь другую сналу, Одиссей многославаый:
Ниже оаа, отстоитъ же отъ первой иа аыстрѣлъ изъ
лука. Одис. XII, 101—2.

Какъ далеко, какъ высоко?

„Руною подать"; „въ обхватъ толщиаою."

Верста, (Изъ зап. по рус. грам. I, 1—5 стр.); *сажень*, *локоть*, волока. Къ исторіа звуковъ IV, 17 (учистокъ, который *волочатъ*, боронуютъ).

А свитая святыхъ отъ Воскресеаія Христова есть вдалѣе, нно двою дострѣлить мужъ, Даа. Пал. Сах. 16. И ту же е(сть) мѣсто близъ, ако *двою дострѣлу* ньдалѣ (ако двою стрѣлити) отъ реаѣ, идѣ же Илья пророаъ восхищеиъ бысть. ib Христ. Буся. 664. И нко праблазася Игорь аъ полкомъ своимъ и переѣхнша

Digitized by Google

поперенъ, ту яша единъ *перестрѣлъ* одале отъ полку своего, Ип.[2] 433. Люто (=ъ) бо бѣ у Черигова, оже и таранъ нань (вар. на нъ) поставиша, меташа бо каменемъ полтора перестрѣла, яко же можаху 4 мужи силнии подъяти, Ип.[2] 515 (1234).

Есть бо печерка та и до сего дня мужа возвысше, Дан. Пал. Сах., 17.

„Як на воловий рын", Ном. 148.

Поплылъ быстрѣй онъ, ступивъ торопясь на твердую землю,
Но отъ нея на такомъ разстояньи, въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ, онъ шумъ буруновъ межъ скалами услышалъ. Од. V, 399 сл.,

...тамъ помѣстье царя Алкиноя съ его плодоносными
Садомъ, въ такомъ разстояньи отъ града, въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ. Одис. VI, 293 сл.
...На такое отдалъ разстоянье, въ какомъ человѣчій
Явственно голосъ доходитъ до насъ, закричалъ я Циклопу. Од. IX, 473 сл.
Въ растоянья, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ
Внятенъ, Сиренъ увидѣли мимо плывущій корабль нашъ. Од. XII, 181.

Но лишь предстали они на полетъ копья или меньше, лица враговъ онъ узналъ, Ил. X. 357. См. Ил. XXIII, 529; *τόσσον τίς τ'ἐπιλεύσσει, δσσον τ'ἐπὶ γαῖαν ἵησιν*, Il. III, 12—человѣкъ (*τίς*) видитъ сквозь него (туманъ) (лишь) ткъ далеко, какъ (онъ же) броситъ камень; *δσσον τ'ἐπὶ δουρὸς ἐρωὴ γίγνεται*—насколько раждается верженье копья—насколько хватаетъ брошеннаго копья, Ил. XV, 357.

Верста, юны: ...устремившись съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,
Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
Клитонеонъ благородный: какую по сѣмому полю
Борозду плугомъ два мула проводятъ, настолько оставилъ
Братьевъ своихъ позади, возвратился онъ первый къ народу. Од. VIII, 120 сл.
Такъ сговоряся, они у дороги межъ грудами труповъ
Оба припали; а онъ мимо ихъ пробѣжалъ безразсудный,
Но лишь прошолъ настолько, какъ борозды нивы бываютъ
Мулами вспаханной (долѣе мулы всловъ тяжконогихъ
Могутъ плугъ составной волочить по глубокаму пару),
Бросился гнаться герой.... Ил. X, 349 сл.

(Церковь) бѣ.... содѣлана при немъ (Мстиславѣ) выше, неже на кони стоячи рукою досячи, Кенигсб. сп. 104, Бусл. О преподб. отец. яз. 370; стружия възвыше (Дан. Пал.).

Digitized by Google

Конь: по три копља у пријеко скаче, по четира небу у висине, у напредан ни броја се незин, Кар. II, 140.

Цичи шара (бедевија), како змија љута,
На ноздрве модар пламен лиже,
Међе пене преко господара,
По с три копља у висине сваче,
По с четари добре(=ѣ?)у напредан, ib. 453.

„Естли на берегу ни рѣцѣ которая ся аому татьба станетъ въ чомъ канъ бы отъ берега палицею доаинута, тогды таковую татьбу побережную маетъ судити осминнъ воеаодинъ. 1499. Ан. Зап. Рус. 1, № 170. Якъ штнхом докинуть (близько) Ном. 148. И бысть въ тъ день мьгла велика, яко не индити до понець копья, Ип.[2] 231.

Поприще, прпприште: „въ Сурии же бысть трусъ великъ, земла разсѣдшнса трой попращь, изиде дивао и-землѣ: мъсна человѣчьснымъ гласомь глаголющи, Лавр.[2] 161.

Днище: „вземше у нихъ вѣсть, оже половци *днища* далѣе лежать, Ипат.[2] 455=день пути. Срнвни сербсн. *данишше*, locus longae per diem=дановиште. Относительно—ште:

Шатор, пиње угрин Іанно.
Украј Саве воде ладне
Ни вилино игралиште
На јуначко разбојаште
И на вучје вијалиште (гдѣ воютъ волна), Кар. Рјечн.

Вообще имена мѣстъ ни—ище, *изна* суть метонимін.

Тнное же метонимачное обозначеніе мѣста лежитъ въ основаніи метафоры *долой* (прочь), *кромѣ*, сербсн. *ван* (промѣ, нань).

Долой въ значеніи *прочь*. Ср. Въ Новгородск. догов. гр. 1317. (С. г. гр. I, N 13): Или хто данъ ни порунѣ Новгородѣчь или Новоторжанинъ, а съ тыхъ порука *на землю*; или кого къ человапью (тв. князь) привелъ, а съ тыхъ человапье *на землю*; или грамоты дерноватыи ни кого запнсалъ, а тѣ грамоты подереть. Въ договорѣ Дм. Ив. съ нн. Тв. 1368 (ib. № 28): и что еси

Digitized by Google

привелъ иоугородцевъ и Новоторжцевъ иъ целованью, а то целованье *долов*ъ".

Въ этимологіи русскаго языка *мѣсто* представляется множественнымъ числомъ предмета, въ немъ находящагося: въ *головахъ*, въ старинномъ изыкѣ „въ Угры"; независимо отъ множеств. ч. греческа. ἔλαιον Oelmarkt; σίδερος—желѣзная лавка ἰχθῦες—рыбный рыноаъ; τα μύρα—Salbenbude; ὄφα—Gemüsemarkt, τα λάχανα—Krautmarkt (Gerb. II, 57).

Количество—пространствомъ: непочатой уголъ; „запасу небольшое *мѣсто* осталось, а первой разграбленъ весь.... и книги, и одежда"... (Житье Аввакума, 36). „Всѣ люди переморилъ, иначе неотпусаалъ промышлить, осталось (людей) небольшое мѣсто по степямъ скитающеся. ib. 38. Ячмеицу было посѣяно небольшое мѣсто.... выросъ да и сгинулъ было отъ дождевъ ib. 69. Полуголова Ив. Елагинъ былъ и у насъ въ Пустозерсаѣ.... я изялъ у иасъ сказау.... и иное тамъ говорено многонько и Никоиу, заводчику ересемъ, досталось небольшое мѣсто". ib. 90.

Значеніе единицы клади—изъ значеніи постели и шкуры.

Время—мѣстомъ: „Азъ же иѣиогда видѣхъ у сосѣда сиотину умершу и, той иощи возставши, предъ образомъ плакався довольно о душѣ сиоей, помивая смерть, ико и мнѣ умереть, и съ *тѣхъ мѣстъ* обыкохъ по вся иощв молитися", Жит. Авваи. 11.

Время случайнаго событіи опредѣляется другимъ относительно постояннымъ событіемъ:

Другого дни велми рано иръвавыи зори свѣтъ повѣдаютъ, (и въ это время) чрныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прякрыти ѯ солнца". Мое слово о Пол. Игор. 39, прим. 42.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ,
Ложе покинулъ тогда и возлюбленный сынъ Одиссеевъ. Од. II, 1, III, 404.
Эосъ, покинувши рано Титона прекраснаго ложе,
На небо вышла сіять для блаженныхъ боговъ и для смертныхъ.
Боги тогда собрались на великій совѣтъ, Од. V, 1.

Још зорица није забјелила
Ни даница лица помолила, (иогда)
Бијела је вила поалиаула

Digitized by Google

Са Авале зелене планине.
Вила зове у Бијоградъ Стојни
По имену два брата Јакшића, Карадж. II, 605. [1])
Весна: „зринуласи водици з Дунаю
З Дунаю тихого, бережаа крутого.

Геліосъ съ моря прекраснаго всталъ и явился на мѣдномъ
Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.
Тою порою достигнулъ корабль до Нелеева града
Пышнаго Пилоса, Од. III, 1.
Покуда длилося утро, пока процвѣтала подыматься священный
День, мы держались и нихъ отбивали сильнѣйшихъ; когда же
Геліосъ къ позднему часу воловъ отпряженья склонился,
Въ бѣгъ обратили Киконы осиленныхъ ими Ахеянъ. Од. IX, 55 сл.

Ср. „Йшли норови из діброви, а овечни съ поля; виплакала карі очи, нрай нозааа стоя; „въ свинячій голосъ", Ном. 150, вр. въ свиной голосъ. „Яа у саду такъ и в лісі.... соловейно на горисі, зосуленьаа на аалині (т. е. весна въ полномъ разгарѣ); десь мій мялий, и пр. Гей та вітер повівае, та рожа процвітае—під моїми воротами свистілочка грає, мене мати лає, гулять непусаає.

Періодъ времени—его началомъ: *годъ, тыждень*.

Пушаинъ, Онѣгинъ: До окончаніи балета I, 22; ѣдетъ съ бала раннимъ утромъ, Он. I, 35; лѣтиею ночью, I. 47; до зари, II, 28; ночью, III, 16; осенью, когда опустѣли поля, IV, 41; зима, IV, 42; бесѣда послѣ обѣда, IV, 47; когда сталъ зимній путь, V, 2. Былъ вечеръ. Небо мерало. Воды струились тихо и пр. VII, 15.

Но подиялася вѣзда лучезарная, *вѣстница* свѣтлой
Въ сумракѣ раннемъ родившейся Эосъ; и, путь свой окончивъ,
Къ брегу Итаки достигнулъ корабль, обѣгающій море. Од. XIII, 23, ...и долго
Ждалъ, и ужъ около часа, въ который судья, разрѣшивша
Юношей тяжбу, домой вечерять утомленный уходитъ,
Съ площади выплыли вдругъ изъ Харибды желанныя бревна. Од. XII, 438.
Въ часъ же, какъ мужъ дровосѣкъ начинаетъ обѣдъ свой готовить,
Сѣвъ подъ горою тѣнистой, когда уже руки насытилъ,
Лѣсъ повергая высокій, и томность на душу находитъ,
Чувства жъ его обнимаетъ алканіе сладостной пищи;
Въ часъ сей Ахеяне силой своей разорвали фаланги, Иліада, XI, 86.

[1]) *Зоря*, Къ исторіи звуковъ III, 22—4. Объясненія мир. л. I, 101 сл.

Digitized by Google

Арханг. „въ сутках̀ъ *двѣ воды*“. (т. е. 12+12 часовъ, дважды повторенные приливы и отлины); продолжительность нывѣзда въ море опредѣляется на одиу на двѣ и пр. воды (Подвысоцкій); промежутокъ въ 6 часовъ между приливомъ и отливомъ: „стоять цѣлую воду“ (т. е. переждать шесть часонъ). Годность судна: „судно на *пятой* водѣ“, т. е. служить 5-й годъ.

Жатва = лѣто: „мѣвю же весноу и жетвоу, в осень и зимоу. I. Э. Шест. стр. 110, об.

У нашої та Малашки під хатою кро́вать;
Додержала та Грицули, вже й корови доить;
„Нехай доять (2), до череди гонять“.
Ой ревнув товар, до чередн йдучи,
Ой погубив та Грицюнё та свої оиучі.... Чубинск. V, 99.

Для писцовъ нѣкоторыхъ русскихъ грамотъ лѣтосчисленіе отъ сотворенін міра кли отъ Рождества Христова слишкомъ отвлеченно, и онн опредѣляютъ годъ напнсанія частнымъ болѣе близкимъ къ пишущему событіемъ, какъ доныиѣ прн воспоминанінхъ въ разговорѣ:

„А дана грамота іюлн того лѣта, коли кнпзь Александръ Ивановичъ (дающій) сѣлъ на своей отчинѣ на Новѣгородѣ“. 1410—17. Ак. Арх. Экап. I, 13.

„А дана грамота Маіа въ 8 того лѣта, колн кнпзь неликій Данпло Борисовичъ (дающій) вышолъ на свою отчину отъ Махмета царя въ другій рядъ. 1410, 17. ib. 14.

„А дана грамота, коли кпязь великій (Московскій) книжну отдалъ во Царь, на ту звму, на Вербницу, 1414, гр. кн. Углицкаго Андр. Влад. ib. 14.

„А купвлѣ тогды, коли былъ князь велнкій Василей Васильевичъ въ великомъ Новѣгородѣ, вно опослѣ того, съ того лѣта съ того Петрова дни.... 1414, откупная грамм. ib. 19.

„А дана грамота того лѣта, коли государь князь Михайло Ондреевичъ (дающій) женился 1437, ib. 29.

Digitized by Google

Въ языкѣ: лѣто, зима, годъ, рокъ, вѣкъ, трава (годъ: „быкъ по пятой травѣ“, Бусл. Оч. I, 170); мѣсяцъ, недѣля, влр. упряжка, треть лѣтняго дня (пахаяье до отдыха лошади).

Мигъ, разъ, momentum, вр. *духовинка, душокъ*: давно ль онъ приполъ?—есть духовинка, душокъ, какъ я здѣсь, Бусл. ib.; серб. за *трен*, у оној трен (тренуће ока), momentum. Срб. *дд маха, ддмах, нднах, мдхом*, тотчасъ, немедленно.

Названіе періодовъ временн, гевр. мѣсяцевъ: *листопадъ, рѣкоставъ* (время, когда рѣки покрываются льдомъ), сѣяставъ; грудень—ноябрь, Лавр.[2], 252.

Народно-календарныя названія дней: 16 янв. на Петра полукорма (вышла половина зимняго корма); 17 марта (на теплаго Олексія).

Метонимія здѣсь нли въ обозначеніи двя празднованіемъ святого яли вмѣстѣ я въ томъ, что этому святому приписывается дѣйствіе, характернзующее время его празднованія: 8 апр. Родіона Ледолома; 12 апр. Василій Парійскій—землю парятъ; 14 апр. Мартына лисогоя (на Мартына переселеніе лисицъ язъ старыхъ въ новыя норы); 17 апр. Зосимы пчельника н пр. см. Даль. Этимъ объясняется то, что народныи яазванія мѣсяцевъ по грамматической формѣ суть вмена дѣйствующахъ лицъ: Рyєнь, Styczeń, Лютый, Цвѣтень, Kwiecień, Październik, Grodzień, Березозолъ.

Множественное число имеяя, характернзующаго времяа, яапр. *зори*, время на зарѣ, менѣе нзобразительно. Это важное средство словообразованія.

Метонимія—время. Къ случаямъ метоннмическаго обозначенія времени относится:

Никогда: И створи мнръ Володимеръ съ Болгары н ротѣ заходиша межю собѣ н рѣша Болгаре: „толи яебудеть межю нами мира, оля камень почнеть плавати, а хмель тонути. Лавр.[2], 82.

Коли ж братцейку гостейком будеш?
—„Возьмн, сестрице, білий каменец,
Білий каменец, лехкое перо,
Та пустн ёго во твхнй Дунай:

Digitized by Google

Як білий каменец на верх спливе,
Лехкое пірейко на спід упаде,
Подумай, сестро, що с тога буде?
Коли сонейко на-зітнок зійде,
Вдодж, сестрице, гостём въ тя буду, Гол. II, 55.

Вагда: Стара мајка не ме жали.
Ке ме жали, не ме тъжи,
Дур да гарван побелѣе,
Дур да море да исахне,
Дур да гламаа ластар пустне
Дур да арба гламна стане, Верков. Н. п. Мак. буг. 284.

Тоді тобі, козаченьку, ся отрута минеться, як у полі край дороги сухий дуб розівъється, Мет. 90. Чи видіа єсь, мій милекький камінь над водою? Коли камінь той поплине, тоді буду твою. Гол. II, 748.

Ой упала (кохнлася) звізда з неба, у воду упала;
„Розвьязки ми, мамко, світок, як єсь завьязала"!
— Ой як тажко каменем по воді плавати,
Тяжче єще, моа дошо, світок розвьязати, Гол., II, 788.
Ой вийди, сестро, на вруту пору,
Та подивися на бистру воду,
Та як там буде камінь плавати,
Тоді будемо з войни вертати, Гол., III, 12.
Жен'се душо, жен'се срце, не бранимти ја:
Један листаа краі Дунава, други крај мора,
Код са листак с листом саст'о, онда и ти с њом, Њ. Рајк. 14.
Шта је, драги, неоженио се,
Дов нероди јавор јабукама,
А не не нивне чуберв по камењу.
Ту ј са момча добре досадило
Па накити јавор јабукама,
А пресади чубер по камењу.
Ено, драга, ти се неудала,
Док не чула, гдјн-но риба пјева.

Digitized by Google

Ено нико чубер по каменьу.

Ено роди јавор јабукама, Давидовић, Н. п. пр. Босн., 26.

Дѣйствіе и состояніе представляется однимъ (болѣе наглядным и характеристичнымъ) моментомъ изъ многихъ. Напр. *уѣзжалъ изъ дому, когда къ нему пріѣзжали:*

„Сначала всѣ къ нему ѣзжали,
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги;
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ. Онѣг. II, 5.

„И поиде къ Мстиславу съ дружиною отъ отця своего", Лавр.[2], 326.

Будетъ быстро: Ужъ тѣснее въ санки онѣ садятся;
Поди! Поди! Раздался привѣтъ.... Онѣг. I, 16.

Въ лѣтописномъ языкѣ: „Половци стояху на оной сторонѣ Трубежа исполчившеся. Святополкъ же и Володимеръ вбредоста въ Трубежъ къ Половцамъ. Володимеръ же хотѣ наряднѣ полкъ, они же непослушавша, *не ударища въ конь* къ противнымъ. Се видѣвше Половци и побѣгоша". Лавр.[2] 224. 1178. (Всеволодъ Юрьевичъ) иде къ Торжку, въ волость ихъ (Новгородьць), и похотѣвше взять города, бѣша бо обѣщалися дать дани ему Новоторжьци, и неуправиша. Дружина же Всеволожа начаша князю жаловатися: „мы нецѣловать ихъ пріѣхали." И се рекше, *ударища въ конь* и взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти *на щитѣ*, и товаръ взяша, а городъ пожгоша весь. Лавр.[2] 366.

„Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.... И рече ему буй-туръ Всеволодъ.... Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а моя ти готови, осѣдлани, у Курьска напереди" Сл. о полку. „Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ *всѣдъ* съ Черниговци въ двою коню, и незастахомъ въ Смолнискѣ". Поуч. В. Мономаха, Лавр.[2] 239.

Digitized by Google

Рюрикъ же посла къ великому князю Всеволоду, река: „брате и свате! Романко отъ насъ отступилъ и *крестъ цѣловалъ* къ Ольговичамъ; а, брате и свате, пошли *грамоты хрестьныя поверзи* имъ, а самъ *поиди на конь*.... Всеволодъ.... ту зиму перестрикъ, на лѣто *всѣде на конь* (синекдоха: не онъ одинъ, а съ войскомъ, и метонимія) про свата своего и подъ Рюриковъ тверди Кыевъ". Лавр.[2] 392.

Изяславъ.... (поча) ся слати въ Угры.... и къ Лихы... и къ чесаому князю.... прося у нихъ помоги, а быша всѣли на кони сами поляне своимъ поити къ Киеву.... „Богъ вы помози, оже ми ся есте или помогати; а язъ вы реку: „братье, съ Рожества Христова полѣзвте на кони", и съ Рождества Христова полѣзоша на кони. Ип.[2] 268—9.

И тако скупя всю силу свою король и *полъзе на кони*, а ко Изяславу посла мужи свои река ему: „азъ ти есмь съ братомъ твоимъ съ Володимиромъ отселѣ *уже пошолъ*, а ты поиди оттолѣ, саупися весь. Ипат.[2] 282.

Царь на мя Грецкый въставаетъ ратью, и сѣ ми зимы в весны нелзѣ на конь къ тобѣ всѣсти. ib 283. „из ти на конѣ уже всядаю (у)же и сына Мстислава съ собою поимаю; а ты полѣзи уже на конѣ". ib. 308. Половци же улюбивши думу его, *потоптавше* роту его дѣля в *всѣдоша на коня* и ѣхавше изъѣхаша городъ Чюрнаевъ ib. 450.

„Не выдадите ли (бояръ), а и поилъ есмь конѣ Тьхверью, а еще Волховомъ напою. Новг. 41, Бусл. Оч. I, 89 = нападу на Новгородъ.

(У) спало князю (у) умь похоти и жалость ему знаменне заступи исаусити Дону Великаго. Хощу бо рече копне преломити конець поля Половецкаго съ вами Русвци, хощу главу свою прложити, а любо испити шеломомь Дову. Сл. о П. Иг. „Тогда Володимеръ и Мономахъ пилъ золотомъ шеломомъ Донъ". Ипат.[2] 480. Ты бо можеши Волгу веслы расплескати, а Донъ *шеломы вылляти*, Сл. о п. Иг. Половци же вжасошася, отъ страха невъзмогоша и *стяга* поставити, но побѣгоша хватаючи коними. Ип.[2]

Digitized by Google

186—7. Хочемъ порнути стягъ, побѣгнути съ полномъ своимъ въ Каевъ ib. 231; поверга стягы а поскачи аъ жадовьснимъ воротнмъ ib. 232; Изяславъ прнѣха въ Киевъ и таао удпря йу трубы, съзва Кианы, Ип.[3] 278. Мр. звнвъ аорогов, польсн. zwinąl chorągiewkę, бѣжалъ въ прямомъ н переносномъ.

Се бо Мстиславь велиныи (и) наслѣди отцн своего *пота* Володнмера Мономаха велнкаго. Володимеръ самъ собою постоа ин Дону и маого *пота утерз* за землю Руссную, а Мьстиславъ мужи свои посла, загна Половци за Донъ н за Волгу, за Яинъ. Ип.[3] 217.

Дорошенао.... оттула испалъ ну Путивлю, алеже оаому з двора зайшло непотѣшное, же жона оному *скочила черезъ плотъ* з молодшнмъ, зоставившн войну.... снмъ повернулъ до Чигирнна, Лѣт. Самовадца, 100.

Бесѣда ср. Рум. нувънт, sermo nlb. нувънд id. kuvente, convivium, новогреч. *χουβερτάζειν* loqui. Mikl. (Die slav. elem. im Rum.) счнтаетъ рум. н аовогр. слова албанснвми, ао это—лнт. conventus; срб. хора *диванити*, бесѣдовать отъ диван=соборъ, вијеће, разговоръ и *зборити*—говорнть, бесѣдовать—отъ *збор*, собрнніе, разговоръ. *Бесѣдовать*—знчченіе рѣча отъ значеніа сидѣнья вмѣстѣ, отъ значеаіа общественнаго собранія, кааъ въ серб. збор н зборнти.... Стояла бесѣды, что бесѣды дубовыя, исподернуты бнрхатомъ; Во бесѣдочкахъ тутъ свдѣлн атаманы аозачіе.... Древ. ст. 1818, 106; На томъ соволѣ аорнблѣ сдѣлннъ муравленъ чердакъ, въ черданѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ, подернута бесѣда рытымъ бархатомъ, На бесѣдѣ то сндѣлъ нупавъ молодецъ ib. 3; при всемъ аародѣ, пра бесѣдѣ, вдову опозорилн ib. 149. Бесѣдка—скамья около дома.

Жены поссорятз:

Ласно би се, брате, иженили,
Ал'ннд туђе сеје составимо,
Туђе ће нас сеје завадвтн,
Башка ће нам дворн погралнти,
Између ньнх трње посадитн,
И ароз трње воду навратита,

Digitized by Google

Нека трње у њиову расте,
Да се никад састат немоћне, Кар. II, 43.
Колико се браћа миловала
Под њима се добри коњи љубе, ib.
Појездиме до два побратима
Напоредо језде добри коње.
Напоредо носе бојне копља
Један другом бело лице љуби
Од милоште ко два побратима, ib. 215.
Ја немогу тебе оженити
Синђарицом ни говедарицом,
За те тражимъ Госпођу дјевојку
И за мене добра пријатеља.
Који ће ми сјести уз колено,
Са којим ћу ладно вино пити, ib. 182.

Состояніе, какъ пребываніе въ средѣ: „Бить въ солдатахъ = въ сердцахъ.

Въ niewygasły неугасимый и т. п. отрицаніе конкретнаго случая стало (метонимично) представленіемъ невозможности повторенія того же случая. Изъ зап. по р. гр. II,[2] 236.

Изображеніе чувства жестомъ.

Скорбь овладѣла душою его, по бедрамъ онъ могучимъ
Крѣпко ударивъ руками, въ печали великой воскликнулъ:
Горе! къ какому народу зашолъ я! здѣсь можетъ быть область
Дикихъ незнающихъ правды людской... Од. XIII, 128.
Ой вдарився козакъ Нечай по полахъ рукою:
Ой прийдеться разлучитись съ дітьми и жоною. Ант. и Драг. II, 57, 59.
Ой якъ ударивъ та козакъ Нечай та об стілъ булавою:
Ой тутъ мені козаку Нечаю накладати головою. ib. 73.
Махнувъ Нечай передъ себе правою рукою:
Ой прийдется разлучитись съ жинкой молодою ib. 79.

Серб *махнути* се чега — „махнуть рукою на что".

Царь с'удари рукомъ по колѣну:

Digitized by Google

Ако жене до Бога имаго!
Сад да су ми два сестрића моја
Два сестрића, два Воиновића,
Сад бы они на меjдан изишли. Кар. II, 144, 149.

Въ области вдр. нар.—*скрутить нос*—возгордиться; *ужимать губы*,—превозноситься, дутьси; *ужиматься*—церемониться; *ужимка*—скромность, *обмывать зубы*—смѣяться, улыбаться; *умилка*—улыбка, умильный—веселый. Буcл. Оч. I, 184. Сосѣдъ надулся. Пушк. Онѣг. II, 4. Облизываться, зариться на что; отойти съ неудачей, ни съ чѣмъ (удовольствоваться тѣмъ, что облизывался): „что, братъ, облизался?“ „Облизись!“ (отказъ); „отойти съ облизнемъ“. Мр. „облизня шіймати“. (у Даля и вр.). „И ѣхахомъ (изъ Чернигова) сквозѣ полкы Половьчскиѣ не (=нѣ) въ 100 дружинѣ и съ дѣтьми и съ женами, и облизахутси на насъ акы волци, стоящe и отъ перевоза и зъ горъ. Богъ и святыи Борисъ неда имъ мене въ користь: невредени дондохомъ Переяславлю“ Поуч. Моном. Лавр.[2] 240.

Громко восклицнулъ и въ бедра съ досады ударилъ руками Асій Гармонидъ и, ропщущій на небо, такъ говорилъ онъ. Ил., XII, 162, (*πεπλήγετο μηρώ*), „вдарився“ по бедрамъ).

Показать шишъ, мр. „дулю дати“. „Руки въ боки, глаза въ потолокъ“ (Даль)=„нашъ братъ самородокъ тренъ-брень вальсикъ или романсикъ, и, смотришь—уже руки въ панталоны и ротъ презрительно сиривитъ: „я молъ геній!“ Тургеневъ.

Такимъ образомъ мы доходимъ до положенія, что всякое изображеніе v. представленіе явленіи (вещи, дѣйствія и состоянія, качества) въ видѣ одного изъ его моментовъ, въ томъ числѣ въ видѣ впечатлѣнія—есть метонимія. Ср. Буcл. Оч. I, 168.

Если при этомъ есть сближеніе разнородныхъ комплексовъ, то метафоричность совмѣщается съ метонимичностью. Названіе золота по цвѣту или блеску въ словѣ *золото*, а равно и повтореніе того же пріема въ сочетаніи эпитета и опредѣляемаго *жуто злато* суть метонимія. Представленіе муравейника кипящимъ котелкомъ или горшкомъ („Въ лѣсу котелонъ кипитъ, а убыли нѣтъ

Digitized by Google

и пр. Худяковъ, Велик. знгадки, Этногр. сб. VI, 82) въ загадкѣ, и равно сочетаніе подлежащаго со сказуемымъ „муравейникъ нитъ", опредѣляющаго съ опредѣлвемымъ „муравьище нипучее", суть не только метониміи, но и метафоры. Здѣсь можно разсмотрѣть явленія, которыя можно по синекдохѣ „отъ части къ цѣлому" назвать „поэтическими эпитетами" (см. выше стр. 211. сл.).

Дѣйствіе однимъ (болѣе наглядным, характеристичным) *моментомъ*. *Растъ*. „Діждавъ расту топтати"! Номисъ 95. „уже ни ростъ вналъ 90. „Вже ёму расту нетоптати! (=на Божій дорозі) 158 „Топчу, топчу ростъ, ростъ, Богъ здоровья дасть, дасть! Дай Боже потоптати и того рону діждати! (Топчучи весною ростъ), ср. Номисъ 7. Отсюди „Бодай ти росту нетоптав!=Бодай ти зозулі нечувавъ!=Щоб ни той годъ діждати сону топтати. Ном. 7. (Переходъ въ метафору).

Сонъ. „Сонъ головоньку клонитъ" т. е. самостоятельное существо *сонъ* заставляетъ человѣка клонить голову; но въ названіи растенія *сонъ* (шептопе) онъ симъ склоняетъ свою голову (цвѣтонъ всегда склоненный внизъ) метафора.

Серб. „тако ме земља не прихватила". Посл. 298 (чтобъ нежилъ). Тако ме напријед ногами изнесили 299. Тако ме прије сјутра у мртве очи нељубили. ib. Тако ми се врсни свијећи неугасили (тако сви одъ моги роди непомрли и неимао но врснѣ имена славити и у славу устнючи свијеће палити) ib 304. Тако од моје ги трнги свијеће неостало, 308.

Сѣча (=притчи)=поминованіе Ип.[3] 600—1. Тако ми тросноть (poligonum aviculare) ни огньиште неизникнуо 308. Тако сњеду носу неплела на очино огньиште П., 310. Вољели бих сједу носу плести У призреиу, нишеј циревини, Но ја пођи у Прилипа градн, Марковн се незнивати љубн Кнр., II, 238.

Челядоньки въ дому, щожъ меии по тому.
Дали бъ же я *білу руку*, тиихъ незнаю кому.

Рукобитье, ударить по рукамъ. „*чоломкатись*". Били намъ чоломъ войти мѣсти Кіевскаго и всв мѣщане"... 1506. Гр. С. А. З. II, 2 et passim—происхожденія независимаго отъ московскаго само-

Digitized by Google

державін. Серб. *поклонити* подарить, *пòклонъ*—даръ. *Покориться*= поклониться; *повиновеніе*=покора, поклонъ. Капу скида, до земље се свиња И краљици Божіу помоћ даје К. II, 67.

„И оттолѣ *мечь взимаютъ* Роговоложи внуци противу Ярославича внукомъ". Лавр.[2], 285.

Здороваться. Серб. *здравица* (см. Рјечн.). Добрòдошлица, добрòдошка, добродошлица, чаша вина или ракије, што се даје ононе, кои дође за „добро дошао". Ср. *цѣловати* привѣтствовать (Лавр.[2],247—4 и пр.) поздравлять съ именинами, Лавр.[2], 249.

Ой поможи Боже на рушничку стати, Тогді нерозлучить ні батько ни мати, Метл. 53. (дѣйствіе—составнымъ моментомъ) „Онда ћу ти отворити врата, „Све полако да не чује тата. Ако л' чује са кревета тата; Биће тјесна ободвојим врата, ђ Рајков. С. н. п. 24.

Сонлива, лѣнива=често јој је на јастуку глава и бијеле низ пеницере руке, іb 89. Покрыть дѣвкѣ голову (выдать замужъ); *гладить* кого по головѣ; *поставить кого на ноги*=вылѣчить (и метафора, *поправить состояніе, дать ходъ*).

Давай Богъ ноги? Нога ноги не будетъ тамъ. Поклонную голову и мечъ несѣчетъ (сначала нетонимія, потомъ метафора).

Срб. прегорети=прежалити, verschmerzen, потомъ пожертвовать, лишиться *съ винит.*: Братъ говоритъ: „Сутра ће ме на муке метати"—„Не бој ни се, ној брате једини! У секе (=у нена) су до три мила сина, једнога ћу прегорети за те". Рајковић С. н. п. 167. Мр. *розгорювати* (добыть горькимъ трудомъ), болг. спечѣли благо. „Удала се млада Видосава, за некога Дуку Сенковића, Пушћа Дуку у готову *муку* (т. е. „у богатство муком стечено") Zіша, 39.

Сяг.: да.... опытаешь, которы есть преслушалъ заповѣди его и *присягъ* къ невходнымъ безъ повелѣнія его (Кир. Тур. Калайд. Пам. 147.), т. е. вошелъ въ запретный виноградникъ. *Посягъ*,— прикоснулся: „За пущеная отъ жены по невѣжеству, (незнанію) *посягшія* (вышедшая за....) Вправ. Кюр. Калайд. Пам. 191.

Digitized by Google

У древнихъ клявшіеся, какъ Ганнибалъ отцу Гамилькару въ ненависти къ Риму, прикасались къ алтарю, гдѣ совершалось жертвоприношеніе.

Страдати. Какъ въ русскомъ старинномъ „желѣти" лишиться = Gdy kto orze y sieie rolie czudze, tedy nasienia tego ma stradac. 1513. Lel. Ks. Ust. 61, et passim.

Переходъ мысли „ut e praecedentibus sequentia vel contra, intelligamus" Квинтиліанъ относитъ къ синекдохѣ на томъ основаніи, что предшествующее и послѣдующее разсматриваются, какъ части одного дѣйствія. (Gerb. II,[2] 66), но это была бъ синекдоха, если бы части эти были однородны.

Необходимо ли раздѣлять относящіеся сюда случаи такъ, чтобы называть одни отъ предыдущаго къ послѣдующему, другіе наоборотъ, потому что всякая метонимія есть переходъ отъ субъективно-перваго, предшествующаго, т. е. наиболѣе бросающагося въ глаза, обращающаго на себя вниманіе. И лишь посторонній наблюдатель можетъ разсуждать, что λεύκαιτον ὕδωρ (Од. XII 172) есть послѣдствіе того, что люди стали грести. Для мысли самого говорящаго первымъ было то, что они вспѣнили воду.

Дѣйствіе — знакомъ (вещественнымъ, символомъ въ тѣсномъ смыслѣ). *Столъ* (столомъ брата своего). Тижела, ты, *шапка* Мономаха; пожинать *лавры*. Здѣсь — легкій переходъ къ метафорѣ. „Да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русьскѣй и въ насъ, въ братьи, оже вверже въ ны ножь". Лавр.[2], 253 ....иъ Святополку: Что се зло створилъ еси въ Русьстѣи земли и вверглъ еси ножъ въ ны? чему еси ослепилъ братъ свой? Лавр.[2], 253. Нехочемъ ти дати *стола* Володимерьскаго зане вверглъ еси *ножь* въ ны, егоже небыло въ Русьскѣи земли ib. 264, (Давиду, бывшему виновникомъ ослѣпленія Васильна). Сербск. „крв и нож" (кад се хоће да каже да је ко с ким у великој омрачи или завади) Рјечн. „Ніхто нерозлучить.... Тільки насъ розлучить ваступ та лопата.... дубовая хата". М. п.

Дѣйствіе — мѣстомъ, гдѣ оно происходило: „Убитъ подъ Бородинымъ". „При Калкѣ одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ". Пуш.

Digitized by Google

Въ *формахъ* — выраженіе постояннаго многократнаго дѣйствія прошедшимъ однократнымъ или *будущимъ* = *отпекдоха*?

„Већ ме боли срце за ђевојком....
Она носи чердан до појаса,
На чердану цеаин до цекина,
Цекин звекну, моје срце јекну!
До цекина динар до динара,
Динар сијну, моје срце кину!

Н. Бетовић. Серб. нар. пѣсни I, 95.

Свойство дѣйствія приписывается *времени* (ибо время = совокупность составляющихъ его дѣйствій) — „свободное время". Скорый гонецъ: „До города Черкаського *скоримъ* часом пилною годиною прибувавъ" Мет., 387. Якъ сі слова зачуваю, так скорим часом пилною годиною до верітъ откождаю, Шкатулу зъ земли зъ аролевськими листами вѣймаю, сам на доброго коня сідаю, скорим часимъ, пилною годиною до города Чигрина прибувавъ Мет., 388.

Моментъ, представляющій дѣйствіе, можетъ относиться къ нему, какъ *причина*: *жалованье, жаловати, милостыня*, милость.

„*Жаловати*, какъ теперь (в. мр. см. З. о Ю. Р. I, 66), такъ и встарину — *любить*, и *жалованье* — собств. любовь и то, что дается по любви, а потомъ и безъ нея, но такъ, что берущій неимѣетъ на полученіе юридическаго права, какъ напр. аллзь по отношенію къ царю татарскому (Новг. I, 78, 79, подъ 1338 г.), или получающіе „прощу": „отъ иконы пресвятыя Богородица явиси жалованіа и прощенія людемъ много: слѣпымъ, хромымъ, разслабленнымъ, глухымъ и инымъ", іѣ. 105 (подъ 1413). Ср. *миловати*, любить; *милостыни*, даръ нищему; *помилованіе*, тоже.... согласно съ чѣмъ можно думать, что для древняго русскаго человѣка „господи помилуй", значило не только „прости" но и „даруй", какъ наоборотъ это послѣднее въ полъ. значитъ и „прости".

Милость въ Рус. Пр. есть то, что дается господиномъ закупу (resp. холопу).... Отсюда *милостьникъ*, закупъ или холопъ обельный. Въ стар. серб. *милость*, царское пожалованье и самая

Digitized by Google

жалованная грамота; въ нов. между проч. подароаъ по любви; ст. серб. *милостьникъ*, получившій царскую жалованную грамоту. Кажется, что тутъ тоже, что въ ст. русс., но перенесенное въ высшую сферу, такъ какъ въ числѣ милостниковъ есть лица знатныя. (Даничъ. Рјечн.).

Доказательствомъ древности значенія *давать изъ милости* въ *миловати* служитъ то, что въ Р. Пр. это значеніе породило уже другое: просто „давать", а съ *про*=лит. рга (gerti); нѣм. *ver.* (какъ въ „оже аупецъ пропьется или пробіється, въ безумни чюжь товаръ испорътитъ") „терять давая". Къ нст. звуковъ, III, 53—54.

Чауши се поклонише Мирну:
„Божји т'помоћ, господару Марко!"
А Марно их омилова руком:
„Добро дошли, моја ђецо драга! Кар. II, 192.

Моментъ, изображающій дѣйствіе или предметъ, заимствованъ отъ дѣйствія или состоянія лица воспринимающаго. Такъ какъ при этомъ предметъ изображаемый можетъ олицетворяться, то относящіеся сюда случаи вмѣстѣ и метафоры: *жилой* домъ, *пьяный* медъ. Другіе примѣры—Изъ зап.², 236—7.

Либонь моїх братнів на світі немає,
Альбо їхъ порубано, альбо їхъ пострелнно
Альбо у горду *тяжку* позаймано", Ант. и Др. I, 117.

Ср. „з тяжної неволі втікати". ib. 119. Буслаевъ объ этомъ слѣдующее:

„Созерцая природу, человѣкъ приписываетъ ей качества и дѣйствія своихъ воззрѣній, *не по подобію* или *метафорѣ*, а по врожденному своему стремленію сблизиться съ предметомъ наблюденія и познаванія, по свойству самого разума человѣческаго налагать отпечатокъ своей дѣятельности на всемъ томъ, чего коснется. Языкъ выражаетъ это дѣйствіе разума весьма просто, а именно: называетъ вещи не потому, что́ онѣ суть на самомъ дѣлѣ, и потому, ка́къ онѣ кажутся. Плывающіе по морю, конечно, звнютъ, что берега и горы стоятъ неподвижно, неплаваютъ; однако въ арханг. нарѣчіи говорится: *берегъ всплываетъ*, *сопка*

Digitized by Google

всплываетъ, т. е. выказывается, появляется изъ-подъ горизонта. Такое выраженіе составилось не по уподобленію берега чему-либо плывущему, а по наглядкѣ: потому что берегъ или сопка въ этомъ случаѣ дѣйствительно кажется всплывающими. Слѣдовательно, это вовсе не метафора, а скорѣе метонимія, и при томъ еще на самой начальной степени своего развитія, въ перенесеніи *кажущагося* впечатлѣнія на предметъ оное произведшій". Бусл. Оч. I, 168—9.

Здѣсь „*врожденное* сближеніе съ предметомъ познанія", зависящее отъ „свойства разума" налагать на все свой отпечатокъ отличается отъ *метафоры*, изъ чего слѣдуетъ, что метафора не есть *врожденный* способъ перехода мысли и независитъ отъ упомянутаго свойства разума. Вещи всегда называются по тому, чѣмъ *они кажутся*, и мыслятся такими, какими, кажутся, ибо то, что они *есть*, есть не сущность, а позднѣйшая измѣненная болѣе продолжительнымъ и многостороннимъ наблюденіемъ видимость. Когда пловцы, зная, что берегъ стоитъ, говорятъ: „берегъ всплываетъ", то тутъ именно и есть доступное сознанію заключеніе по аналогіи: *какъ плыву я*, такъ плыветъ на встрѣчу берегъ; тутъ и есть различеніе между образомъ и значеніемъ, т. е. поэтичность метафоры. Но была ли эта сознательность, это различеніе тогда, когда появилось это выраженіе?

Состояніе, характеръ—однимъ дѣйствіемъ изъ него вытекающимъ. Канова была до замужества:

„Вы раздайтесь, разступитесь, добры люди,
Вы на всѣ ли на четыре на сторонушки!
Понуль батюшио мени замужъ невыдалъ... и далѣе
Яушк. Соч. 609.

Дѣйствіе представлено тѣмъ, что его производитъ (*органомъ, орудіемъ*): Господареве *очи* ноћи гоје. Малор. „очицями гуси пасе", „Да неосаудѣетъ руна дающаго".

Милош пева, вила му одпева:
Лепше *грло* у Милоша царско,
Јесте лепше него је у виле Кар. II, 216, 218.

Digitized by Google

Сердце—гнѣвъ. Гр. *χόλος, χολή*—желчь, гнѣвъ. Имѣть на кого зубъ=серб. он има зуб на њега, замышляетъ ему зло. См. О нѣкоторыхъ символахъ, 29. „Да зоаѣ отселѣ имемся въ (v. по) едино *сердце* (будемъ согласны=голосъ въ голосъ ср. волосъ въ волосъ) и блюдемъ Русьскѣ земли. Лавр.[2] 297; „видивши ли, непомнить тебе, ходя въ твоею *руку*"=находясь въ зависимости, Л.[2] 249; неволя ми было пристати въ с(ъ)нѣтъ, ходяче въ руку, ib 257.—взяста *копьемъ* градъ, Л.[2]258=приступомъ.

„Цуръ тобі, пекъ тобі, *осина* тобі." „Нехай ёму осичина". Ном., 99, 69. (А щобъ ти аа осині повісився, ib. 73; "коломъ ёму въ спину", вжъ ще вмерло невинне).

Рука=почеркъ, подпись (руку приложилъ); *сердце*, любовь (метонимія); (метофора) сердешно нее до твого пристало, М. 6.

Въ послѣднее время стали особенно чувствоваться полномочіе а развязныя руки тамъ, гдѣ нужно препятствовать въ дѣйствіяхъ, и связанныя руки тамъ, гдѣ нужно споспѣшествовать *имя* (?) Гоголь, Перет. IV, 718.

Голова въ значеніи ума (или вмѣстилище вмѣсто вмѣстимаго). Забрать себѣ что въ голову, выкинуть изъ головы, потерать голову, (неизнать, что дѣлать); безмозглый, *ухо* нѣть, безъ сердца. См. гомер. *κῆρ, σπλάγχον, φρένες, μυκτῆρ* (ноздря)—ирокія, *фрѣсъ*—superciliium и Nachmuth, уста и сердце.

Что *водка* дѣлаетъ! *Хмель*—опьяненіе (состояніе и дѣйствіе). *Медъ* (уже независимо отъ этимологическаго значенія=опьяняющій)=*μέθυ*. „въ медоу неможаемся, мъногы бо погоубилъ медъ, Изборн. 1076, 151... Медъ и женьі—творятъ неразумьныя. Лавр. 168. Съ моужатицею отниудь непосѣди а непобесѣдоуи съ нею въ *винѣ*, нѣда нанѣ отклоанться дньі тноя на ню а дхъмь своимь пожлъзненнсѣ въ пагоубу злѣ, ib. 175. Сербск. И под јелу пију вино ладно, *у вину* ихъ сиња преварио. *Јечам* трче и ракија виче, посл. (Zimn 39). Обізвався козакъ на солодкімъ *меду*.

Содержащее (въ пространственномъ отношеніи) представляетъ *содержимое*: а) сосудъ въ значеніи содержимаго.

Digitized by Google

„Богданъ прими злѣшну купу вина,
Куну прими, а пити је неће.

Перенесеніе свойства содержимаго (его дѣйствія) на содержащее: „пить кровьную чашу“.

b) *Мѣсто и время—вмѣсто содержащагося въ нихъ.* Страна—вмѣсто *народа*: „Почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашу несуть розно“. Лавр.[2] 247.

И плакашася по вемь (Володимирѣ Глѣбовичѣ) всѣ Переяславци.... бѣ бо князь добръ и крѣпокъ на рати.... о немъ же Украйна многе пестона. Инат.[2] 439. „За тобою, Морозенку, вся украйна плаче“. Половцы говорятъ: „возмемъ *сала* и пойдемъ съ полономъ въ Половцѣ Л.[2] 340.

Куши свете ломну гору црну,
Гору црну и Бѣлопаланѣе, Кар. II, 534.

„Ту прислашася къ нему Черныи Клобуци и все Поросье. Лавр.[2], 230.

Святославъ же съ братьею.... совокупивше и Берендѣичѣ и Поросье и всю Русскую землю, полкы поидоша отъ Кыева къ Вышегороду. Лавр.[2], 321.

„А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ“, Онѣг. I, 35.

„Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы коленопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля;
Нѣтъ, непошла Москва моя
Къ вему съ повинной головою,
Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ. Онѣг. VII, 37.
Тихо спитъ Одесса П. Соч.[3], III, 187.

Отсюда видно, что обыкновенно эта метонимія соединяется съ олицетвореніемъ, въ чемъ и причина ея образвости.

„Бывало льстивый *голосъ света*
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ, Ов. VI, 5.

Digitized by Google

„Были вѣчи Троана, минули лѣта Ярославля.... Уже бо
братіе невеселая година въстала... Сл. о Пол. Игор.

„И за могильною чертою
Къ ней (тѣни поэта) недомчатся гимнъ *времень*,
Благословенія племенъ. Он. VI, 37.

.... Два, тра ромааа
Въ которыхъ отразился *отецъ*,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно. Оа. VII, 22.

Уже въ нѣкоторыхъ случаахъ „содержащаго въ значенін содержамаго“ напр. „горьная чаша, легкомысленный Парнжъ“, замѣтно слѣдующее:

Представленіе *обстоятельствъ* и объентовъ *дѣйствія* свойствама субъента безотносательнаго (подлежащаго) или относительнаго (дополненіа по отаошенію къ опредѣленію):

а) сидѣть у *больной трудной* постелюшна. Изъ записокъ по грам.[2] 144.

б) прилагательныя и причастія согласуемыя, замѣаемыа въ позднѣйшемъ языкѣ нарѣчіями и дѣепричастіяма.—Все то, что свидѣтельствуетъ о бо́льшей конкретноста амеаа въ древн. языкѣ [1]).

Дѣйствующее въ значенін *дѣйствія* или произведеніа:

„Читалъ охотно Апулея
„А Цацерона нечиталъ. Онѣг.

(Выше этотъ примѣръ, канъ едааств. въ значеніа множеств., частное въ значеаін общаго).

Полкъ, походъ, битва: „то было въ ты рата а въ ты плъны, а сицеи рата неслышано. Сл. о Пол. Игор.

„Бѣша бо многи на полку“. Лавр.[2], 70=„нъ батвахъ; отца аадѣзохъ съ полку пришедше. Лавр.[2] 239; дивно ли оже мужь умерлъ въ полку томь Л. 245; вороташасн опить на полчаще, 288; остася Изаславъ съ малою дружаною на полчаща, 323; мы, инаже, на полну томь со Мстиславомъ небыла, 359; Кыянъ одинѣхъ изгыбло на толку томь 10 тысячь, (1223), 424.

[1]) См. III т. Изъ записокъ, 487 и др.

Digitized by Google

Отъ пот. agentis къ пот. actionis: *Перунъ* и *piorun*; *лихорадка*—болѣзнь и виновница болѣзней. Буcл. Оч. I, 169. У древнихъ обычно имя божества о вещи или явленіи, отъ нихъ зависящихъ: Sine Cerere et Baccho friget Venus (Terent.); vario, incerto Marte, pinguis Minerva, Gerb. II², 64.

Лицо—въ значеніи того, *что ему принадлежитъ* или иначе съ нимъ связано: „сосѣдъ погорѣлъ". *Святой* вмѣсто *его церкви* и его изображенія [1]). *Сила, душа, демонъ* въ значеніи лица.

Τὸν δε μετ' ἐισενόησα βίην Ἡρακληείην,
Εἴδωλον αὐτὸς δὲ μετ' ἀθανάτοισιν θεοῖσιν
Τέρπεται ἐν θαλίῃς καὶ ἔχει καλλίσφυρον Ἥβην, Od. XI, 601 сл.

„Затѣмъ и увидѣлъ Ираклову силу, призракъ (одинъ), а самъ онъ среди безсмертныхъ боговъ „сладость блаженства" вкушаетъ (Жуковскій) и держитъ прекрасноногую Гебу".

И у людей и у безсмертныхъ есть двойственность, ибо *сильный Гефестъ*=*сила и Гефестъ*=Гефестова сила: „Съ сими словами разрушила цѣпи Ифестова сила=*μένος Ἡφαίστοιο*, Od. VIII, 359; „возбудилъ Алкиноеву силу свитую=*ἱερὸν μένος Ἀλκινόοιο*, Od. VIII, 385. „Телемакона сила святая блеснула „легкой улыбкою въ очи отцу, неоримѣтно Эвмею. Одис. XVI, 476. См. *ἧς Τελεμάχοιο* etc. Lex. „Самъ, разсудокъ и сердце". Од. XX, 10 слѣд. „Сказалъ своему сердцу", Од. VI, 464. „Демонъ враждебный Елену вовлекъ въ непристойный поступокъ, Собственнымъ сердцемъ она незамыслила бъ гнуснаго дѣла, Од. XXIII, 222.

Предводитель—*вмѣсто войска*: Hannibal ante portas.

Свойство—вмѣсто *лица*: „Як обступлить нашого брата циганьске навожденіе, так незваєш, що й робить". Квитка, Солд. патретъ. (Gerb. II, 61, наобор. *лицо*—типич. миеолог.—вм. дѣйствія и качества, ib. 64). Его стиховъ плѣнительная сладость.... *младость, печаль, радость*, Пушк.

„Не всякое отвлеченное, означающее конкретныя вещи, слѣдуетъ принимать за метонимію. Juventus въ смыслѣ juvenes, sene-

[1]) См. Изъ записокъ по русской граммат., т. III. Стр. 211 сл.

Digitized by Google

ctus = senes, servitium = servi, nobilitas = nobiles, ἡλικία=ἥλικες, συμμαχία=σύμμαχοι, нѣм Jugend, Alter, Adel, показываютъ только то, что отвлеченныя употребляются, какъ собирательныя".

„Напротивъ, за метонимію слѣдуетъ считать: tua calamitas вм. tu calamitosus (Phaed. 1, 3, 16), mediocritas mea", „Ew. Majestät", „meine Wenigkeit", Gerber, II², 60. (Мнѣнческія основанія этой метониміи — см. изъ записокъ по грамм. III, Hendiadys, „твой воръ" и пр.). Но если метонимично такое обозначеніе одного лица, то почему не метонимично такое же обозначеніе многихъ лицъ, какъ собирательной единицы? — У Л. Зимы изъ серб. пѣсн. 44 стр.:

Іао, Іово, моје несудјење!
Што је, Іово, моје миловање?
Имам Имбра, обреченье моје,
Обреченье, моје несудјење
Милане, прво гледање!
Ej Стојане, све моје уздисање!

Хвалила се хвала материна
Овданъ (об?) везем, по сву ноћцу предем!
....Али хвала на превету спава
ђерђев јој се по буњишту ваља, Рајнов. С. н. п. 153.

Отъ дѣйствія, *признака* къ лицу. Слово = человѣкъ: Та нема цвіту найсинішого надъ ту ожиноньку, та нема *слова найвірнішаго* надъ ту дружиноньку (Метл. 243), въ поль. серб. vjara, вјера = человѣкъ вѣрный. О связи нѣмот. предст. 20.

„Тудн пішли, поїхала любая *розмова*". „Славјо (v) слатко разговоре, Што ниј' чути пјесме твоје? Рајнов. С. н. п. 102. Ој дјевојко, раио материна, Блиго теби док те рани мајна, ib 89. О дјевојко, име племенито, ib.

Зафали се фала материна, Да обноћ преде, а дању везе. Код ја одо фали на пенџере, Али фала на душеку спава, Давидовић, С. н. п. изъ Босне, 35. Ој дјевојко, бриго митерина, Све се бриеш, да се удат нећеш, ib. 45.

Digitized by Google

Мое сердце, малый, ая—не въ томъ смыслѣ, что дорогой, какъ для человѣка сердце, а въ смыслѣ любимаго *сердцемъ*. Срб. Бог убио сваку милу мајну, аоја воли браца нег' *срдашце* (Рајков. С. н. п. 168)—предпочитаетъ брата *сыну*, ношенаому подъ сердцемъ v. въ сердцѣ=въ утробѣ.

Вещество вмѣсто формы, вещество вмѣсто вещи (гомер. *χαλκός*, въ значеніи сѣкиры, жертвеннаго ножа а пр., *σίδηρος*, желѣзо, въ смыслѣ сѣкиры и всего желѣзнаго, *μελίη*, ясень аъ смыслѣ древка копья и всего копья; *дубъ*, лодаа), если вещество бросается въ глаза больше, чѣмъ форма, или если форма безразлична (съ свинцомъ въ груди; въ шелку и бархатѣ, въ золотѣ; „все мое", сказалъ булатъ). Подобнымъ образомъ цвѣтъ вмѣсто платья: зелено да сиве на сунином сынѣ.

Отъ послѣдовательности къ *причинѣ*—потому, понеже, заие.

Отъ *общаго* къ *частному*: *година* (погода), *погода* (буря); вријеме—ненастье, буря: на пут га заста вријеме—(непогода), Рајконић, 100.

Время—мѣстомъ. „Жизни даль", Онѣг. V, 7. „За могилой, въ предѣлахъ вѣчности", Он. VII, 11. *Покамѣста* — понамѣстъ: „ѣдитъ и пьютъ до тѣхъ мѣстъ, каиъ приаесутъ ѣству третью, лебедя". Котоших.[2] 9.

Пространство—времеаемъ: „до сихъ поръ, по сіе время". *Для выраженія* „очень *далеко*, очень *высоко*", а равно для выраженія интенсивности дѣйствія, качества—формула: *више неба, више льсу* стоячаго; *краша* злота, т. е. первоначально: высоко небо, а то-то выше: Szeroko daleko mojej matki pole, Ale szerzej, dalej pacierzenie moje. Zej. Piesn. ludu polsk.

Ой аасоко клен дерево мое, А ще више два соколи літає. М. 115. Ой горе, горе, що чужа украіна, А іще гірше невірна дружиаа. Ой висоао клеа дерево вѣється, А ще више соколоньан граютъ, Об. мр. п. II, 732. „Висоао се соколови грају, још су аиша врата Цараграда, Шилбоаъ (Schildwache) стоји сирота дивојка, Рајконић, Серп. нар. пѣс. 75. Высоко се орле тица аије, Іош су

Digitized by Google

виши Деанови дворн, у двору ји Деанова мајка.... ib 146. Сюда отнесеннын выше къ синиидохѣ выраженія для *много*: *не разъ*, *не два* (отрицаніе числиннаго предѣла).

Метафора.

Аристотель (Poet, 21): *μεταφορὰ δ'ἐστὶν ὀνόματος ἀλλοτρίου ἐπιφορά ἢ ἀπὸ τοῦ γένους ἐπὶ εἶδος, ἢ ἀπὸ τοῦ εἴδους ἐπὶ γένος, ἢ απο τοῦ εἴδους ἐπὶ εἶδος, ἢ κατὰ τὸ ἀνάλογον.* Метафора есть пиренесеніе посторонняго слова (т. е. слова съ другнмъ значеніемъ по отношенію къ значенію нсномому: а) или отъ рода нъ виду б) или отъ види къ роду, в) или отъ вида нъ вниу, г) или по соотвѣтствію (сходству). и) и б)—свнекдоха, в)—метонимія, г)—метафора въ тѣсномъ смыслѣ.

„Соотвѣтствіемъ называю (*τὸ δὲ ἀνάλογον λέγω*), иогда второе таиъ относится нъ первому, каиъ четвертое нъ третьему. Тогда можно поставить вмѣсто второго—четвертое и вмѣсто четвертаго—второе".

Напр. таиъ относится *фіалъ* (чаша) нъ *Діо́нису*, какъ *щитъ* нъ *Арею*, повтому можно щитъ назвать *фіаломъ Арея*, и фіалъ *щитомъ Діо́ниса*. Или: *старость* относится иъ *жизни*, каиъ *вечеръ* но *дню*; повтому можно назвать вечеръ *старостью дня*". Иногда, говоритъ Аристотель далѣе, возможна метафорв, хотн недостаетъ слова въ одномъ изъ отношеній. Тикъ *солнце* относитсн къ недостающему слону для разсѣванік его лучей, какъ *сѣмя* къ *сѣянію*; поэтому можно говорить о сѣяньи солничныхъ лучей". Gerber II, 25—7).

Герберъ распространяетъ миѣніе Аристотелн о возможности обоюдной замѣны соотвѣтственныхъ членовъ пропорцій въ метафорѣ и на другіе тропы.

„Какъ въ синеидохѣ и метониміи въ силу связи переноснаго значенія съ собственнымъ дана возможность взаимной нхъ замѣны; таиъ существеннан черта пропорціи, изъ которой вытекаетъ метафора, тв, что каждый разъ эта пропорція диетъ возможность обра-

Digitized by Google

зовать двѣ метафоры. Синекдохично говорится: „ввѣрять *волнамъ*“ = (морю); и „море врывается въ корабль“ (=волны); кого въ ему свое оружіе въ сердце (=мечъ) и „нашъ мечъ повсюду господствуетъ (=наше оружіе).

Метонимично: „онъ любитъ *бутылку*“ (=вино) а „поставь сюда вино (=бутылку); „измѣнника ждетъ пуля (=смерть) и „шлемъ смерть въ ряды враговъ“ (пулю). Подобнымъ образомъ, если дана пропорція: лучъ (strahl): солнце=стрѣла: лукъ; то изъ нея вытекаетъ двѣ метафоры: *стрѣла солнца* и *лучъ* (strahl) *лука*.

„Само собою, что не при всякой пропорціи должны встрѣтиться обѣ метафоры. Въ настоящемъ примѣрѣ обычно „стрѣлы солнца“; а что легко могло бы быть сказано „strahl des bogens“ видно изъ того, что въ ср. архн. нѣм. *strâle* значитъ именно „стрѣла“. (ib. 73—74).

Здѣсь именно видна слабость этого разсужденія, потому что *strâle* значитъ стрѣла и могло быть употреблено въ значеніи луча солнечнаго, подъ вліяніемъ мысли о солнцѣ, разящемъ лучами; но нѣтъ основаній представлять лукъ посылающимъ свѣтлые и теплые лучи, а потому нѣтъ основаній говорить о лучахъ лука. Такимъ образомъ въ синекдохѣ можно сказать: „человѣкъ смертенъ“ (=люди), но нельзя сказать: „люди вошли въ комнату“ вмѣсто „(этотъ) человѣкъ“.

Разсужденіе Аристотеля объ обоюдной замѣнѣ членовъ пропорціи въ метафорѣ было бы справедливо, если бы въ языкѣ и поэзіи небыло опредѣленнаго направленія познанія отъ прежде познаннаго къ неизвѣстному; если бы заключеніе по аналогіи въ метафорѣ было лишь безцѣльною игрою въ перемѣщеніе готовыхъ данныхъ величинъ, а не серьознымъ исканіемъ истины.

Въ дѣйствительности такая игра въ перемѣщеніи есть случай рѣдкій, возможный лишь относительно уже готовыхъ метафоръ. Нужная, стало быть, единственно-хорошая метафора вытекаетъ всегда изъ случая, который у Аристотеля является какъ бы исключеніемъ, именно когда (говоря схематически) дана пропорція съ четвертымъ членомъ неизвѣстнымъ: а : б = в : х. Здѣсь *а* : *б* — прежде

Digitized by Google

познанное, напр. *вода* и *ея капля*. Это—прочное основаніе дальнѣйшаго познанія. Затѣмъ входитъ въ мысль *жалость* (чувство), и спрашивается, какъ понять, представить, назвать слабую степень этого чувства. Отвѣтъ—„*капля жалости*“ (Пушк.) При позднѣйшемъ, чисто поэтическомъ пониманіи есть установленіе отношеній: *вода*: *капля*=*жалость*: *капля жалости*; при болѣе раннемъ миѳическомъ состояніи мысли это—уравненіе 2-го отношенія съ первымъ: *жалость*=*вода* (основанное, можетъ быть, на томъ, что *жалость* рождаетъ *слезы*, причемъ—опять уравненіе *слезы*=*жалость*). Но изъ этого никакъ неслѣдуетъ, чтобы второе отношеніе нужно было для уясненія перваго; нѣдь въ первомъ отношеніи нѣтъ неизвѣстной величины.

Дѣло другое, если представить себѣ не въ видѣ ребяческой забавы взрослыхъ людей, а въ видѣ серьезнаго труда хотя бы и дѣтской мысли, слѣдующее: № (сестры Фаэтона): *плакали* по немъ = янтарь: *x* (наплывидные кусочки); *x*=слезы сестеръ Фаэтона.

Уже древніе замѣтили, что не во всѣхъ случаяхъ метафоры возможно перемѣщеніе и поэтому дѣлили метафоры на двухсторонніе, обоюдныя (reciprocae) и односторонніе (unius partis). Такъ можно назвать *τὸν στρατηγὸν—κυβερνήτην τῆς πόλεως* и наоборотъ *τὸν κυβερνήτην ἄρχοντα τῆς πόλεως*; gubernator auriga carinae, auriga—gubernator currus. Но если говорится cacumen montis, то нельзя сказать „cacumen hominis“; или можно назвать *ὑπώρειαν τῆς Ἴδης—πόδα*, но нельзя *τὸν τοῦ ἀνθρώπου πόδα* назвать *ὑπώρειαν*, т. е. это можно было бы лишь въ случаѣ, если бы мы человѣка представляли горою. (См. Gerber, II², 78, Demetrius, Diomedes).

Квинтиліанъ (Instit. orat lib. VIII cap. 6) для этого общаго значенія (въ какомъ употребляетъ Аристотель *метафору*), вѣроятно, слѣдуя греческимъ риторамъ, употребляетъ слово tropus: „*tropus* est verbi vel sermonis a propria significatione in aliam cum virtute mutatio. Сюда онъ относитъ: *synecdoche*, (ut ex uno plures intelligamus, parte totum, specie genus, praecedentibus sequentia, vel contra), *μετωνυμία*, (quae est nominis pro nomine positio, cuius vis est, pro eo, quod dicitur ponere) и то, что у Аристотеля есть

Digitized by Google

μεταφορὰ κατὰ τὸ ἀνάλογον, именно metaphora v. translatio. Объ этой послѣдней онъ говоритъ: „metaphora brevior est similitudo... comparatio est, cum dico fecisse quid hominem *ut* leonem; translatio, cum dico de homine: leo est". Согласно съ этимъ и Цицеронъ (De oratore, lib III, cap. 38—9. Ср. однако Zima, 79).

Это опредѣленіе отношенія между сравненіемъ и метафорою остается неизмѣннымъ до нашего времени. Такъ Вакернагель: [1]) при *сравненіи* (фигурѣ), рядомъ съ обычнымъ представленіемъ и его выраженіемъ, ставится другое представленіе и выраженіе, менѣе обычное, болѣе чувственное и наглядное; при метафорѣ (тропѣ) совсѣмъ устраняется обычное, менѣе чувственное представленіе и его выраженіе, а на мѣсто его становится его болѣе чувственный противень (Gegenbild). И такъ, однимъ словомъ, метафора есть сокращенное сравненіе. (Poetik. 520) Brinkman — Die metaphern, 1878, I, 23—5.

Можно бы возразить, что всякое совершившееся наименованіе даетъ намъ сравненіе двухъ мысленныхъ сочетаній: обозначающаго и обозначаемаго. Когда словесно выражается, какъ знакъ, такъ и обозначаемое, отношеніе между тѣмъ и другимъ можетъ быть, какъ синекдохично и метонимично, такъ и метафорично. Такимъ образомъ въ слѣдующемъ грамматически выраженное сравненіе ведетъ не къ метафорѣ, а антономасіи.

„Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ, какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей. Онѣг. VI, 7.
.... И путешествія ему (Онѣгину),
Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ. Он. VIII, 13.

[1]) Poetik, Rhetorik und Stilistik. von W. Wackernagel, Halle, 1866 г.

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе вѣрно, что сравненіе, какъ грамматическая форма, какъ словесное обозначеніе и образа и обозначаемаго, заключаетъ въ себѣ метафору, а не другіе тропы. Ибо: чѣмъ дальше образъ отъ обозначаемаго, тѣмъ труднѣе будетъ пониманіе образа и тѣмъ необходимѣе прилагать къ нему обозначаемое; наоборотъ, чѣмъ больше сродство знака и значенія, тѣмъ легче первый обходится безъ словеснаго обозначенія второго, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ синекдохи (напр. *рабъ* судьбу благословилъ) сравненіе есть лишь скоропреходящій моментъ процесса наименованія, моментъ, на которомъ мысль почти никогда неостанавливается, и который поэтому почти никогда нетребуетъ особаго словеснаго выраженія. Въ случаяхъ „какъ Горацій", а также въ фигурѣ exemplum, явственное сравненіе вноситъ въ объясняемое новые признаки и потому до нѣкоторой степени метафорично.

Необходимость метафоры (или метафоричеснаго сравненія) сказывается особенно наглядно въ тѣхъ случаяхъ, когда ею выражаются сложные и смутные ряды мыслей, возбужденныхъ неопредѣленнымъ множествомъ дѣйствій, словъ и пр. Въ „Войнѣ и Мирѣ" Л. Толстого Наташа, въ разговорѣ съ матерью, старается дать себѣ отчетъ во впечатлѣніи, которое на нее производятъ характеры Бориса Друбецкаго, который за ней ухаживаетъ, и къ которому она какъ будто неравнодушна, и Пьера Безухаго.

„Мама, я онъ очень влюбленъ (Борисъ)? Какъ на ваши глаза? Въ часъ были такъ влюблены? И очень милъ, очень, очень милъ! Только несовсѣмъ въ моемъ вкусѣ: *Онъ узкій такой, какъ часы столовые*.... Вы не понимаете? Узкій, знаете, сѣрый, свѣтлый...

—Что ты врешь! сказала графиня. Наташа продолжала:

—Неужели вы непонимаете? Николинька (братъ) бы понялъ... Безухій тотъ синій, темносиній съ краснымъ, а онъ (Борисъ) четвероугольный [1]).

—Ты и съ нимъ (Пьеромъ) кокетничаешь, смѣясь сказала графиня.

[1]) Иначе понимали древніе: τετράγωνος (о человѣкѣ)—дѣльный, хорошій, солидный (Аристотель, у Gerb. II,² 79), homo quadratus—приличный, хорошій (о строеніи тѣла—стройный).

Digitized by Google

—Нѣтъ, онъ франмасонъ, я узнала. Онъ славный, теммосиній съ краснымъ. Какъ вамъ растолковать.... Соч.[8], VI, В. и М. т. II, ч. III, 267—8 гл. 13.

Этого растолковать невозможно. Это понять можетъ только тотъ, кто продолжительною совмѣстною жизнью и обмѣномъ мыслей настроенъ гармонично съ Наташей, на него Борисъ и Пьеръ съ одной стороны и привычные глазу вонъ тѣ столовые часы и темносинее съ краснымъ производятъ дѣйствія, сходящіеся въ темной глубинѣ воспріятія. Читателю остается замѣтить, что выдумать тяное сближеніе трудно; его можно замѣтить въ себѣ и другихъ, потому что такъ бываетъ. Это необходимый пріемъ, сводящій сложное ни простое и дѣлающій это сложное manіable, тѣмъ, что имъ можно орудовать.

Порядокъ знака и значенія. Въ готовомъ, днимомъ словѣ— сначала представленіе, потомъ значеніе. (Мр. п. XVI в. 18—9).

При созданіи слова (и сравненіи) знакъ берется изъ ближайшей обстановки внѣшней и внутренней (т. е. того прошедшаго и отдаленнаго, которое въ данную минуту близко нашей мысли); но для того, чтобы изъ этой обстановки взять именно то-то, и для того, чтобы взятое получило для насъ именно такое-то значеніе, нужно, чтобы предварительно это значеніе было въ насъ (не въ той ясности, которая достигается лишь послѣ представленія, а) въ видѣ хотя бы и темнаго вопроса. Ближайшіе поводы выбора образа съ одной и толкованія съ другой стороны могутъ быть различны.

„Какъ красиво!“ подумалъ онъ, глядя на странную точно перламутровую раковину изъ бѣлыхъ барашковъ—облачковъ.... Какъ все прелестно въ эту прелестную ночь! И когда успѣла образоваться эта раковина.... Да вотъ такъ-то незамѣтно измѣнились и мои взгляды на жизнь!“ Л. Толстой, А. К. II, 64. и предыдущ. Т. е. явленіе внѣшней природы привлекаетъ къ себѣ вниманіе независимо отъ другого, господствующаго въ данную минуту интереса, которымъ будетъ направлено толкованіе этого явленія.

Digitized by Google

Другой примѣръ вопроса, прерывающаго ходъ мысли, выбора образа изъ воспоминаній подъ вліяніемъ этого хода и толкованія этого образа—Анна Кирен. II, 156: .... „А какимъ образомъ знаніе сложенія и вычитанія и китехизиса поможетъ ему (народу) улучшить свое матеріальное состояніе, я никогда не могъ понять. Я третьяго дня встрѣтилъ бабу съ грудянымъ ребенкомъ.... къ бибкѣ ходили, ни мальчики ирикса напали,... бабка ребеночка къ курамъ на нашестъ сажаетъ и приговариваетъ что-то"... Ну вотъ вы, сами говорите! Чтобы она не носили лѣчить крипсу ни нашестъ, для втого нужно... весело улыбаясь, сказалъ Свіяжскій.

Ахъ, нѣтъ!—съ досадой сказалъ Левинъ: это лѣченіе для меня только подобіе лѣченія народа школами"....

По общему *содержанію значеній* уже древніе дѣлили метафору по дѣленію предметовъ на одушевленные и неодушевленные, изъ котораго вытекаетъ четыре рода метифоры: или переиесеніе остается въ предѣлахъ одушевленности и неодушевленности: а) отъ одушевленнаго къ одушевленному: *ἡνίοχος νηός* въ зн. *ταύτης*; *Ποιμὴν λαῶν—βασιλεύς*; б) отъ неодушевленнаго къ неодушевленному: *ἀπέρμα πυρός* (Од. V, 490); или оно переходитъ за предѣлы этихъ разрядовъ: в) отъ одушевленнаго къ неодушевленному: *κοὺς Ἴδης=ὑλώρεια*; *οὐθαρ ἀρούρης=τὸ γόνιμον*; г) отъ неодушевленнаго къ одушевленному; *σιδήρειον ἦτορ=σκληρόν* (Gerb. II, 79).

По отношенію къ формѣ метифори выражается и) членомъ предложенія, б) цѣлымъ предложеніемъ или нѣсколькими. Въ послѣднемъ случаѣ метафора имѣетъ форму или *аллегоріи* или *уподобленія*, (сравненія въ ироническомъ смыслѣ, Gerb. II, 95). Аллегорія—Матѳ. 3, 10; 3, 12.

Метафора, выраженная членомъ предложенія. Буслиевъ говоритъ, что въ случаѣ метафоричности прилагательное и глаголъ отличаются отъ существительнаго тѣмъ, что „переносятъ свое значеніе не *сами* по *себѣ* (какъ существительныя), и только по отношенію къ существительнымъ, т. е. переносятъ свое значеніе, примѣняясь къ различнымъ предметамъ. Напр. *тухлый* (чуть слышный) *громъ*; *сочная* (глубокая), *сытая* (полная, покрывающая

Digitized by Google

меди) *вода*; *сладимый* (южный, обѣщающій плодородіе) *ветеръ*; *тѣшить* корову (доить), *замереть* (о листьяхъ), завянуть, побледнуть. (Бусл. Оч. I, 166).

Это различеніе невѣрно. Какою бы частью рѣчи ни было не только метафорическое, но вообще иносказательное слово, его иносказательность узнается по контексту. Это вполнѣ примѣняется къ примѣрамъ ощественныхъ, приведеннымъ тамъ же (стр. 165): *чело*—полныя зерни, падающія впереди прочихъ; *щеки*, утесы по обѣимъ сторонамъ рѣки; *шея*, проливъ; *рогъ*, уголъ, мысъ; *грива*, рощи, длинное, нешироное возвышеніе между двумя логами или пропастями; *хвостъ*, конецъ острова, лежащій ниже по теченію рѣки, и прочія названія частей тѣла человѣка и животныхъ, употребляемыя въ переносномъ значеніи (многіе десятки подобныхъ примѣровъ преимущественно греч. и латинск. собраны у Гербера. „Die Sprache als Kunst" I, 344—350).

Вообще всякое значеніе узнается только по контексту. Понятіе о грамматической самостоятельности (напр. именит. самостоятельный) или относительно (какъ оно и принимается) или, невозможно, ибо слово можетъ быть только частью рѣчи, т. е. чѣмъ-то несамостоятельнымъ.

Такимъ образомъ, для пониманія слова *πρόσωπον*, *facies*, *лицо*, необходимы помощь того ближайшаго или дальнѣйшаго грамматическаго цѣлаго, въ которомъ оно дано: *πρόσωπον νεώς* передняя часть судна, facies frontis; *лицо* ткани, лицо дѣли (лицевая, показная его сторона).

Въ этомъ отношеніи метафоры, вошедшія въ языкъ, неотличаются отъ тѣхъ, которыя поэтами являются личными. Метафора въ части предложенія дѣлаетъ метафоричнымъ все то цѣлое, которое нужно для ея пониманія, т. е. напр. „хоть *капли жалости* храни, (Пушк.): жалость—жидкость, которую хранить можно въ сосудѣ, какимъ, стало быть, представляется человѣкъ.

Формы метафоры (въ синтактическомъ отношеніи).

Метафора можетъ заключаться во всякомъ членѣ предложенія, причемъ остальные, первоначально (т. е. до сочетанія) неметафоричные, становятся метафоричны.

Digitized by Google

Объясняемое выражено словомъ; оно есть (относительное) подлежащее при метафорическомъ *а)* предикативномъ аттрибутѣ, *б)* приложеніи, *в)* обращеніи.

а) Метафора=предикативный аттрибутъ: Гість першого днв золото, другого серебро, а третёго мідь, хоть до дому їдь.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть сомнѣніе, разрѣшаемое только произношеніемъ, находятся ли передъ ними предикативный аттрибутъ или приложеніе:

„Но наше сѣверное лѣто,
Карикатура южныхъ зимъ,
Мельнетъ и нѣтъ. Он. IV, 40.

Или: Но наше сѣверное лѣто—карвнатури южныхъ знмъ; мелькнеть и нѣтъ.

б) и в) Татьяна предъ онномъ стояла....
.... Задумавшись, моя душа, Он. III, 37.

Сюда мр. сердце, рыбко: „Подай ученьку, моє золото.... Серце дівчино, дорогий криштале. Кирмелю серце,.. Ганнусю серце, Мет. 6. Ой ти дівчино, повния рожа... Ой ти казаче, Хрещитий барвинку.—Ти вони, *суки*, торбу вирали.—Дівчино моя, Переяславко, Дай мені вечервти, моя ластівко, Мет. 5.

Такое приложеніе или обращеніе можетъ вытѣснить относительное подлежащее и стать на его мѣсто:

„Ој Омере, моје мило *перје*!
Ајд Омере, рано материна,
Аіде, рано, ди те жени мајни;
Ти се мани Мериме дјевојке;
Љепшом ће те оженити мніка,
Љепшом Фитом, Атлагиђи *златом*. Кар. II. I, 267 (1891), а дальше *злато* (т. е. Фата) уже анъ подлежащее v. дополненіе.
Неће мајка просити Мериму,
Нећ му проси Атлагиђа злато....
.... Пред њу теће Атлагиђа злато.... 258.
Ој Боги ти Атлагиђа злато....
Ајде, сними „злато“ (Фатиму) са ноњица 269.

Digitized by Google

Сада ће ми моје злато (Мерима) рећи.... 270.
Леже злато (Фатима) у мене душене, 270.
Момцк сребро и древојке злато
Хоће сребро да се позлаћује;
Неће злато сребро свакојако,
Веће хоће по избор коиато, Рајачић, Ср. н. п. 79.
Прођ се шћери челембкре (ср. „о јамборе, 38)
Іова.... У Іова је мајка жеравица,—
Ако му је мајка жеравица,
Іа сам млада студена водица,
Угасићу *живу* жеравицу, ib. 100 (ср. жива жеља, п. ч. жеља — огонь).

Метафора въ приложеніи: ...но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейщюцъ
Перстами робкихъ ученицъ. Он. III, 31.
„И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранитъ безмолвно. Он. VII, 47.

Къ метафорическому приложенію можетъ примыкать дальнѣйшее развитіе заключеннаго въ немъ образа:

„Мој Дамоне, моје јасно сунце!
Љепо ти ме бјеше обасјао,
Ал' ми брже за горицу заће.

Метафора—въ опредѣленіи, объясняемое—въ опредѣляемомъ. Сюда метафорическіе эпитеты: *Ἄσβεστος δ' ἄρ ἐνῶρτο γέλως μακάρεσσι θεοῖσιν*, Л. I, 599. Пушк. „сыпать острыя слова", Он. I, 37; Веселый снѣгъ, IV, 42. Въ волненьи буныхъ думъ своихъ, IV, 34

Поэта *пылкій* разговоръ
И умъ его въ сужденьяхъ *зыбкой*....
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать.... II, 15.

Digitized by Google

Метафора—въ подлежащемъ: „Теперь ревнивцу то-то праздникъ, Он. VI, 12. На всѣхъ различныя вериги, I, 44.

Метафора=подлежащее (*относительное*), при коемъ *въ родительномъ* стоитъ объясняющее:

„Но вы къ моей несчастной долѣ
Хоть *каплю жалости* храня,
Вы не оставьте меня. Он. III, 31.
.... „Но *вихорь моды*....
Но *мятежа сенатскаго потокъ*....
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ....
Такъ наша вѣрная подруга
Бываетъ въ мигъ увлечена, IV, 21. ib.
.... Евгеній былъ долженъ оказать себя
Не *мячикомъ предразсужденій*,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ. Он. VI, 10.
„Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ....
Чтобы прошло *хлопотъ пыланье*;
Но въ персяхъ то же трепетанье
И не проходитъ *жаръ хлопотъ*,
Но ярче, ярче лишь горитъ, III, 40.

„Не потерплю, чтобъ развратитель *Огнемъ и вздоховъ и похвалъ* Младое сердце всколыхалъ. VI, 15. Условій свѣта свергнувъ *бремя*, I, 45. Яремъ барщины, II, 4; узы брака, II, 13. На самомъ *утрѣ* нашихъ *дней*, I, 45. Того *змѣя воспоминаній*, Того раскаянье грызетъ, I, 46. Постылой *жизни мишуры*, VIII, 46.

Вездѣ относительное подлежащее указываетъ на образность дополненія: въ „*капля жалости*“ изъ „капля“ видно, что жалость—какъ жидкость. Жажда знаній, VI, 31=thirst of knowledge, fames honorum, auri sacra fames etc.

Есть ли это въ народной поэзіи?

Метафора въ глаголѣ. Метафорическое сказуемое заставляетъ представлять подлежащее согласно съ проистекающимъ изъ него дѣйствіемъ. Также вліяетъ оно на дополненіе: текутъ невинныя

Digitized by Google

бесѣды съ прикрасой легкой клеветы Ов. VII, 47. Тщеславіе *кольнемъ* надеждой Он. III 25. День протекъ, III, 36. Уланъ умѣлъ ее плѣнить, VII, 8— 10.

Увы, Татьяна *увядаетъ*;
Блѣдвѣетъ, гаснетъ и молчитъ:
Ничто ея *незанимаетъ*,
Ея души *нешевелитъ*. IV, 24.

„Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ рвдостныхъ надеждъ,
Ихъ несвершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
Увялъ! VI, 36.

Ср. ....Младой пѣвецъ нашелъ безвременный конецъ:
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ! VI, 31.

Кого жъ любить? кому же вѣрить?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ *несетъ*?
Кто насъ заботливо лелѣетъ? IV, 22.

Метафора—въ сказуемомъ простомъ:

З розуму звести (зъ ума), з глузду спасти, зсунутись.—Ой *гуде, гуде* молода дівчина, та як сива голубка. М. 55.

Не дав менi Господь пврн,
Та дав менi таку долю
Та й та *пішла за водою*.
Иди, доле, за водою,
А я піду за тобою
Дівчиною молодою Мет. 57.

Чи и въ тебе, мои мати, увесь хліб поїла,
Що ти мене, мои мати, та на вік *зайла*?
Чи и въ тебе, моя мати, усе плаття поносила
Що ти мене, моя мати, та на віки затопила?

Digitized by Google

Ой *завьяжи*, мои матн, та білим платкомъ *очі*
....Веди мене, мои матн, де вода холоднійша,
Топи мене, моя матн, а що и найаращійша. Мет. 263.
Ой годі матн сим *очі вибивати*. М. 265.
Ой мати моя, що тн гадала,
Що за нелюба світъ завьязала....
....Ой мати мои, калиновий цвіт....
Що завьязала за нелюба світ, М. 244.
Ніаудн пійти поговорити,
Въ серці печалі та розділятн.—
Ой жіиво моя, пійди до куми,
Пійди до кумв огню набери,
Изъ серця печаль з кумою розділи, Мет. 246.

Метафора—въ сказуемомъ составномъ:

Гаииусю серце, щожъ ти мені дала
Що мене до себе такъ причаровала?
А въ мене чари, чари готові:
Білеє личао н чорні брови, Мет. 6.
Биље моје бјело литце
А мавђије црне оћи, Рајковнћ, 117.
Кааъ чужая-то жена—лебедь бѣлая моя,
А свои шельма жена полынь горькая трава,
Полынь горьаая трава, стрекучая крапнва,
Стреаучая крапива, что во полюшаѣ росла,
Въ чистомъ полѣ иа межѣ, на широкомъ рубежѣ.
Шейнъ Рус. иар. п. 353.

Метафора—въ дополненіи блнжайшемъ и дальнѣйшемъ.

Die Kirche hat einen guten Magen,
Hat ganze Länder aufgefressen,
Und doch noch nie sich übergesse. Göths.
Не говоритъ она: отложинъ;
Любвн мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе *въ сети* заведемъ...
А то, скучая наслажденьемъ,

Digitized by Google

Невольникъ хитрый *изъ оковъ*,
Всечасно вырваться готовъ. Он. III, 25.
Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей, IV, 7.

Метафора — въ обстоятельствѣ.

Изъ метафорическаго прилагательнаго можетъ выйти такое же нарѣчіе (пылко...); изъ метафорическаго глагола — дѣепричастіе („*Кипя* враждой нетерпѣливой, Он. VI, 12); изъ дополненія — тоже; къ послѣднему случаю *творительный* превращенія и сравненіи: „Съ вечера разорвался туманъ, тучи разбѣжались *барашками*, пронснѣло. Л. Толст. „Языкъ дѣвическихъ мечтаній въ немъ думы *роемъ* возмутилъ, Он. IV, 11. „*Горой* кибитки нагружаютъ, VII, 32.

Сюда метафоры для обозначенія общихъ понятій: *времени*—мѣстомъ, причины—соприкосновеніемъ, сходствомъ, подобіемъ, количества—величиной вещи и пр.: *Трохи (немного):* Када ми се у њедра ватио (говоритъ дѣвица) *Мрва* ти се не насмија мајко, Мрва своје не одсјекох главе, Рајн. С. н.п. 178.)

Сравненія.

По степени равновѣсія между образомъ и значеніемъ *метафорическое сравненіе* народной пѣсни предполагаетъ три формы:

а) Грамматическій и лексическій параллелизмъ.

б) Отсутствіе явственно выраженнаго значенія.

„Иногда короткая пѣсня заключаетъ въ себѣ только одинъ образъ безъ объясненія, такъ что можетъ возникнуть сомнѣніе, точно ли предъ нами поэтическій образъ, а не прозаическая мысль, напр.:

Ой коби я була знала, що я твоя буду,
Выпрала бим сорочечку від чорного бруду, Гол. IV, 453.

Digitized by Google

Что значитъ „прать сорочау", видно напр. изъ слѣдующаго: жінка, що од живого чоловіка та... прала другому сорочку и все прочеє, Квитка, От тобі й скарб. Разборъ сборн. Головацкаго, 85.

в) Подчиненіе образа значенію. Сюда метафорическіе запѣвы. („Подчиненіе символическаго образа объясняемому (примѣненію, значенію) представляетъ нѣсколько видоизмѣненій: *сравненіе въ тѣсномъ смыслѣ* при инверсіи, напр. „№ мается, як горох при дорозі", *припѣвъ*, *запѣвъ*", Объясн. млр. п. I, 237).

Сравненіе *ante*: „Иногда Пьеръ вспоминалъ о слышанномъ имъ разсказѣ о томъ, какъ на войнѣ солдаты, находясь подъ выстрѣлами въ прикрытіи, когда имъ дѣлать нечего, старательно изыскиваютъ себѣ занятіе, для того чтобы легче переносить опасность. И Пьеру всѣ люди представлялись такими солдатами, спасающимися отъ жизни: кто честолюбіемъ, кто картами или женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто виномъ, кто государственными дѣлами. „Нѣтъ ни ничтожнаго, ни важнаго, все равно: только бы спастись отъ *нея* (жизни), какъ умѣю," думалъ Пьеръ: „Только бы невидѣть *ее*, эту страшную *ее*," Война и Миръ, II, 438. (Ср. Калила и Димна: человѣкъ, сидящій надъ змѣемъ и тянущійся къ ягодамъ).

—Какъ солнце и каждый атомъ эфира есть міръ, заключенный въ самомъ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющій только атомъ недоступнаго человѣку огромнаго цѣлаго: такъ каждая личность носитъ въ самой себѣ свои цѣли, и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы служить недоступнымъ человѣку цѣлямъ общимъ. (Затѣмъ *цѣли* жизни пчелы съ точекъ зрѣнія ребенка, поэта, пчеловода, ботаника и заключеніе):

„Чѣмъ выше поднимается умъ человѣческій въ открытіи этихъ цѣлей, тѣмъ очевиднѣе для него недоступность конечной цѣли. Человѣку доступно только наблюденіе надъ соотвѣтственностью жизни пчелы съ другими явленіями жизни. Тоже нужно сказать о цѣляхъ исторической жизни народовъ, Война и Миръ, IV, (Приложенія 119—20).

Digitized by Google

Wie das Gestirn,
Ohne Hast,
Aber ohne Rast.
Drehe sich jeder
Um die eigne Last, Göthe, Xen. II, 43.

—*Какъ—послѣ*. Въ Москвѣ (Пьеръ) почувствовалъ себя *дома*, въ тихомъ пристанищѣ. Ему стало въ Москвѣ покойно, тихо, привычно и грязно, *какъ* въ старомъ халатѣ. В. и М. II, 432.

Еще (сверхъ того) Наташа была весела, потому что былъ человѣкъ, который ею восхищался: восхищеніе другихъ была та мазь колесъ, которая была необходима для того, чтобъ ея машина совершенно свободно двигалась. В. и М. IV, 392.

Москва была пуста, какъ пустъ бываетъ замирающій, обезматочивѣвшій уликей. (развитое сравненіе ib. 429—32, 39.)

(*Какъ*—post. Zima. 75 сл. Сравненіе съ союзомъ соединительнымъ. Zima, 76. Сравненіе ante безъ союза, Zima, 78).

Метафора въ сравненіи съ *какъ*. Разстояніе между этой метафорой и метафорой въ опредѣленіи—невелико:

....поцілую
Да у тую губоньку да *золотую*
Да в той усочок, як *колосочок*
Да въ тиі брівоньки чорні, якъ *шнурочок*
Да въ той видочок, повен *як чурочок*. Мет. 5.

Ср. бровн на шнурочку

Ой любив та кохав, собі дівчину мав, гей як у саду вишня М. 23. Що любив и кохав, собі дівчину мав, як віроньку ясну М. 24. Моя врода, якъ певная рожа, М. 37. Въ хаті у неі, як у віночку, сама сидить, як квіточка, хліб випеченний, якъ сонце (Зап. о Ю. Р.).

„Я любив тебе, я кохав тебе, як батько дитину,
Извьялив себе, изсушив себе, як вітер бвлину. М. 12.
Ой гуде гуде молода дівчина, та як сиза голубка. М. 55.

Сравненіе относится не къ сказуемону, а къ подлежащему въ слѣдующемъ:

Digitized by Google

„Братіки мої старші рідненькі,
Якъ голубояьки сивенькі!
Не добре ми.... починали, Мет. 346.
„За річкою за бистрою десь мій милий живе,
А до мене що вечерк, як рибонька пливе. М. 87.
„Любилися, кохалисв, як голубки в парі,
А тепер розійшлися, якъ чорніи хмари, ib 63.

Сравненіе съ *як* и затѣмъ объясненіе:

Невтішайтеся, мої вороженьки, моїй пригоді, що ни мов пригодонька, як літни(в) роса: якъ сонечко зійде, а вітер повіє, роса опаде; оттак моя пригодонька навік пропаде, Мет. 43. Ой женися, синку, да женися, небоже, дк небери вдови (удівоньки) молодої, несуди тобі Боже. Ой женися, синку, ой женися, небоже, [1]) ой берн, синку, молоду дівчину, номожи тобі Боже! Що(=бо) у вдови серце, да якъ зімнеє сонце: Ой хоть воно яснепько гріє, да холодний вітер віє; А въ дівчиви серце да як літнеє сонце: Ой хоть воно хмарнесенько гріє, та тепленькій вітер віє, Мет. 240—1.

Разошлись Сава съ Моравой, Милад. 238. (Да) як ми любилися (Да) й обоє хороші (А) тепер розошлися, як пил по дорозі, (Да) як ми любилися (Да) як голубів пара, (А) тепер разошлися, як чорвая хмара. (Да) як ми любилися, як зерно въ орісі, А тепер розошлися, як туман по лісі. Да як ми любилися, як брат из сестрою, А тепер розошлися, як Дніпро з Десною (Черниг. губ.).

Дви се воде слијевали, По пољу се розл'јевале, То небиле двије воде, Већ то биле дви дјевојке за драгог се завадиле, Једна другој говорила: Ој ти друго и недруго! Ајде да се искарамо, Да се право дијелимо: Теби ћурци и шиндељи, И све земље и градови, Мени драги у кошуљи. Ако ти је на то жао, Скини с њега и кошуљу, Рајнов. 84.

Славянскія сравненія. Образы въ гомерическихъ уподобленіяхъ нетолько берутся изъ воспоминанія, но и изображаются такими, посредствомъ частицъ, какъ ὡς δ'ὅτε, какъ у позднѣйшихъ поэтовъ:

[1]) Ср. ma pauvre mère; жальть=любить и милый=жалкій.

Digitized by Google

„какъ... тааъ", или безъ „какъ", лишь съ постпозитивнымъ союзомъ: „то-то случилось: тааъ".... Воспоминанію придается большая или меньшая полнота чертъ дѣйствительности, большая или меньшая конкретность, которая однако у Гомера, согласно съ общимъ спокойнымъ характеромъ матери музъ *Μνημοσύνη* (воспоминаніе) и богини поэзіи *Μοῦσα* (кор. *ман*, мнять, помнить), никогда недоходитъ до отождествленія неносказательнаго образа съ выраженіемъ непосредственнаго воспріятія дѣйствительности.

Славянсаія пѣсни (имѣю въ виду преимущественно лучшія изъ нихъ, восточныхъ и южныхъ славянъ, русскія и сербскія) употребляютъ сравнительные союзы въ краткихъ сравненіяхъ (усочок, ик волосочок; брівоньки тонкі, яа шнурочоа и т. п.); но общая грамматическая форма развитыхъ сравненій въ этихъ пѣсняхъ есть *ἀσύνδετον*, безсоюзіе. Развитость сравнительныхъ союзовъ въ славянскихъ взыаахъ поиазываетъ, что безсоюзіе въ разсматриваемомъ случаѣ есть не необходимость, выаужданая скудостью мысли, какъ было нѣаогда до образованія часто-формальныхъ союзовъ во всѣхъ арійскихъ взыкахъ, а сознательаый поэтическій пріемъ. Смыслъ, эффектъ этого пріема тотъ, что образъ въ уподобленіи представляется не воспоминаніемъ, а *наличнымъ впечатлѣніемъ*. Кромѣ этого, впечатлѣніе наличности и конкретности образа можетъ установиться и другими средствами, напр. олицетвореніемъ, обращеніемъ къ нему, какъ къ лицу.

„Грушице моя, чом ти незеленая? Милая мов, чом ти невеселая?" (Метл., О св. нѣиотор. представл., 1; О нѣкотор. символахъ въ слав. нар. поэзіи, 3—4 стр.).

Конкретность образа достигается разлачными средствами и въ томъ случаѣ, если этотъ образъ данъ преданіемъ, а не свѣжимъ недавнимъ воспривтіемъ. Сюда: *Изображаніе пути*, которымъ пѣвецъ приходитъ къ возможности вспомаить традиціоаяый обрвяъ. Объясн. млр. п. I, 2; „Ой зійду в на шпілечоа, М. 79—80". Воаа ёго за ворота собаками випроводяла, А по ёго сліду каменем поаотила: Ой як мені важко сей камень аотити, то так меяи важко за Иваном жити, М. 115—6. „Ой возьму я снігу

Digitized by Google

въ руку", О нѣкотор. симв. 33. *Изображеніе лица*, которое видитъ, которое дѣлаетъ (Объясн. млр. п. I, 11); *Изображеніе символическаго образа* ковкретнымъ воспріятіемъ (ib. 9, 10); *изображеніе символа лица* или состоянія *въ видѣ его обстановки* (Объясн. млр. п. 160—1, 179 сл. 242, Метл. 79). Чисто формальнымъ средствомъ такого изображенія можетъ служить соединительный союзъ, заставляющій насъ и образъ и его значеніе ставить на одну и туже сцену:

Облак се вије по ведром небу
И лепи Рамно по белом двору,
Опроштај ннте од своје мајае, Кар. I, 16.
Одби се грана од јергованви, И лепи Смиљи од своје мајке,
Од своје мајке в од свег рода, Кир. I, 34.
Сунце вамъ је на заходу, брзо ће вам заћ',
А невјести ни отходу, брзо ће вам поћ', ib. 35.
Тешко земљв, куда војска прође,
И девојци, која сама дође
Прво јој је јутро прекорево;
Ди с ваљала, неби сама дошла, Н. Бег. I, 173.
Ој ни дворі зілля,
А в хиті весілля=
Оволо двори јасење,
У овомъ двору веселье, Кар. I, 58.
Пали магла ви Бојану,
А сватови ни ливаду, ib. 67=
Ужъ кавъ палъ тумивъ ни свие море,
А злодѣй тоски во ретнио сердце.—
„Зелененький барвіночку, стелися визевько,
А ти милий чорвобривий, присунься близенько."
Ој горе, горе, що чужа укріпи,
А ще гірше невірви дружива (Сравн.)
Свкћир-гвожће мува је нелваа
Да велвка мука ви јувака,
Тавница је гори од свкћира,

Digitized by Google

А зла памит горе од обоја
А зла жена горе од сае троје, Н. Бег. С. н. п. I, 173.

Тешко вуку за аиме аелају, и јуааау за аим аеговоре (послов.).—Има доста горе несјечеае, и господе младе аељубеае.... ће се ауједикоји поћа, И мене ће мој суђеаи доћа, Кар. I, 376.

Мушка глава и шушњата грана:
Удри граном по зелеаој трави,
Лист опаде, а граа остаде;
Оаака је вјера у јунаа:
Доа пољуби: узећу те, драга!
Код пољуба: „доа упатам баба".
Бабо вели: „док упитам рода!"
А род вели: „доа роди шеница!"
Іа да Бог да њему аеродила,
Неродала чам шеница раћа,
Већ родила љуљем и аукољем! Петраа. С. а. п. изъ Боса. I, 180 — 1. Немој таао, аазаћеш се, Маро! — Нећу богме ни ојати, Іово: Іош имеде горе аеломљеае И господе младе нежеаеае, ib. 183, Ср. ib 184—5.

Противопоставлеаіе сравниваемыхъ:

Нечудам се мраку, ни облаау,
Ни Врбасу, што се често мути,
Већ мом драгом, што се на ме мути,
Кђ да сам му нешто учинила,
Што сам другог очам' погледала, ib. 198.
Під тобою, селезеню, нода аесхитаетця,
А з тобою, дівчиноаька, аічка аезмагаетця. Мет. 58.
Тужаа та је даааа без суаашца,
Таина иојца без сјајаа мјесеца,
А дјевојка, која нема драгог, ћ. Раја С. н. п. М. 5.

Переходъ обстановки въ *символъ.*:

Ой заржи, заржи, вороаий коаю, та під аруту гору йдуча,
Нехай зачує серце дівчина, сніданья готуюча.

Digitized by Google

Коннчок *заржав*, козак засвистав, дівчина заплакала

Ой гай же, гай же, мій милий Боже, ой кому я достануся! Мет. 55=Объясн. Мяр. п. II, 591, гдѣ наоборотъ — превращеніе символа въ обстановку. ..

Характерны для малорусскихъ сравненій *βραχυλογία, ἔλλειψις, ἀποσιώπησις*, т. е. послѣ образа — умолчаніе значенія и переходъ къ дальнѣйшей мысли, связанной съ подразумѣваемой. [1]) Что это сознательный пріемъ, свойственный извѣстному роду пѣсень, видно изъ того, что и другія опущенія свойственны тому же роду. Такъ въ этихъ пѣсняхъ отсутствуетъ постоянно указаніе на то, кто говоритъ. Это ясно или изъ обращенія „що ти, милий, думаєш, гадаєш?“ или изъ содержанія рѣчи. Постоянно опускается „сказавъ“ и т. п.

Примѣры: Нема краю тихому Дунаю,
Нема впину вдовиному сину,
Що звів з ума дівку свротану,
А ізвівши, на коника сівши:
(элл.) Зоставайся, слави набірайся. Мет. 15, ib. 99.

Ой гай матв, ой гай мати, ой гай зелененькій,
Виізджає з украіни козак молоденькій.
Якъ віизджав, шапочиу зняв, низенько вклонився:
Прощай, прощай, громадопько, може з ким сварився. [2])
Мет. 23.

Въ отличіе отъ этого думы всегда обозначаютъ, кто говоритъ и почти никогда неопускаютъ самыхъ словъ „промовляє“ и т. п.

[1]) *Опущенія*: Куди хожу, куди хожу, а все понад воду:
Гей не прійде мій миленькій на мою незгоду.
Головацкій II, 407. (Объясн. мяр. п. I, 226).
Два голуба воду пили, а два колотили.
Бодай же тим тяжко, важко, що нас розлучили, Мет. 63. (Слово о П. И. 84 – 5).
„Перебреду бистру річку й половину ставу—Сватай мене, козаченьку, невводь у славу“, Мет. 83, (Объясн. мр. п. II, 369 сл.). „У городі огірочок, зелений листочок—Небачила миленького, болить животочок“, М. 83.

[2]) Сидить голуб на березі, голубка на вишні,
Скажи, скажи, серце мое, що маеш на мысли?
—А яж тобі божилася, що люблю як душу,
Тепер мене покидаеш, я плакати мушу. Мет. 63.

Digitized by Google

Тоді вдова теє зачуває, словами промовляє: ой сини ж мої, дити молодиї, Мет. 345. „Тоді близький сусіда теє зачуває, до вдови словами промовлє: ой удово, стареньаая жоно“... ib. 346 и еще дважды ib. „Оттоді ж то удовини сини один до 'дного *истиха* словами промовляли; то болший брат: (элл.) „Глянтеся, братта и пр. 353 ib.

Противоположеніе:

Ой зійду я на горбочок,
Та гляну я ни ставочок,
Пливуть качии в два рядочки,
Одна одну спережає,
Кожна собі пару має,
А н живу в Бога в карі
Не дав мені Господь пари, Мет. 57.

Ой на ставі дві качоньці, не можу их вігнити,
Не буду ж н за тобою, можу о тім знати;
Ой на ставі дві качоньці дикує и ночує,
Не буду ж я за тобою, моє серце чує, Гол. II, 351.
Ой зи иром брала я лён, всю долиу сходила,
Нема того тай небуде, кого вірно любила, Мет. 61.
Попід мостом трава з ростом, що й иінь напасетця,
Небачила миленького, незрадила серцн, Мет. 52.
У городі криниченька, ключка и відро;
А вже ж моїй дівчиноньки давно невидно (О нѣкот. симв.),
Ой вийду я зи ворітечка, да рине вода, рине,
Неснлуйте мене за нелюба, нехай вінъ изгине, Мет. 243.

Объяса. млр. п. I, 4. .

Киша пада, трава расте, гора зеленн,
Састаје се гора с листом, и ја немам с ним, Н. Бегов. I, 173.

Въ млр. пѣсиѣ обычный параллелизмъ образа и значенін находитъ соотвѣтствіе въ разнѣрѣ и напѣвѣ (въ свонхъ протазисъ—1-й стихъ, аподозисъ—2-й). Парность стиховѣ и нхъ законченность ведетъ къ тому, что вся пѣсня—изъ паръ. Отсюда—пере-

Digitized by Google

становки, отсутствіе единства. Иначе въ серб. п., гдѣ пѣсня, иногда начинаясь со сравненія, тождественнаго малорусскому, оставляетъ его:

Цвати ружо, јк те брати иећу,
Рост' дјевојао, узет те иећу.
—Млидо момче, молити те иећу:
Довећe ће мени дјевер доћи
А у јутру кићени сватови.
Іа ћу молит' куми и дјевера
Нек ме иоди крајем твога двора,
Твом се двору поклонити иећу
Твојој мајци назват Бога иећу, ћ. Раји. С. н. п. 34.

Сравненіе въ надѣ пространственнаго сопоставленія:

Кити се ньебо зијездами,
Зелено поље оицама....
Устани, душо Радојче!
Ди видиш ките инсоке,
Кићено ньебо зијездима,
Пред њими сунце и мјесец;
Да видиш ките нивоке,
Зелено поље овцами,
Пред њими бритац и сека, Петран. С. п. изъ Боси. I, 6.
Лидио вода, сува жећо моји!
О ћевојка, жава жељо моји!
Живом сам те жељом пожелио,
Од жеље ми срце испуцало,
Кајао земља од жаркога сунца,
Бог ће дати, киши ударити,
Те земља земљи систивита;
Срце моје састит се иеморе,
Док ми драго не доће у дворе, Петр. ib. I, 132—3.
Пошетало злато митерано.
По бостану по свон ћулистину....
Она аде руменој јабуци—

Digitized by Google

Љуто цвили зелена јабука.
Питала је лијепа дјевојка:
Шта́ је теби, румено јабуко?
Говорила румена јабука:
Не питај ме, лијепа дјевојка!
Родила сам родом шећерлијем,
Сваk ме бере, за сваkога нисам.
Говорила лијепа дјевојка:
А јабуко! једне ти смо среће:
И ја млада-лијепа дјевојка,
Сваk ме проси, за сваkога нисам.
Кога оћу, оног ми недаћу,
Кога нећу, и силом намећу, Петр. ib. I, 187.

Из такой же схемѣ ib. 134—5: Разговоръ между соколомъ, которому господинъ за малую нику отрубилъ крыло, и дѣвицею, у которой подруга отбила милого:

Траву пасло шарено љељенче,
Сусрете га лијепо дјевојче:
„Куд ћеш, ће ћеш, шарено љељенче?“
—Непитај ме лијепо дјевојче!
Имадијах кошуту—јарана
Дакас ми је ловци уловише.“
Њему вели лијепа дјевојка:
А љељенче, једне ти смо среће!
Имадијах драго у махали,
Дакас ми је друга премамила,
Да Бог даде, те се немамила, ib. 225—6.
О чардаче, мое љетовање!
О пенџеру моје погледање!
Лијепо е с васке погледати,
Кад се роње у пољу шеница,
Кад се бере винова лозница,
Кад се јање у планини онце,
Кад се љуби момак и ћевојка, ib. 104.

Digitized by Google

Сравненіе влагается въ уста 3-му лицу:

Сиње море и дубине твоје!
Нико тебе препливат не може.
Веће вила на коњу љељену.
(Код су били на сред мора тиха)
Коњиц вилин тио проговара:
А ти вило, по богу сестрице:
ће су мору највише дубине?
ће ли небу највише висине?
ће ли вило (пољу) најшире ширине?
На аом пољу највише бојиште?*
Вила коњу тио проговора:
Коњиц љељен, мој по богу брате,
На сред мора (вар. под Измиром) најдубље дубине,
На сред неба највише висине,
На сред поља најшире ширине,
На Косову највише бојиште,
Ерцеговци најбољи јунаци,
Сарајевке најбоље дјевојке, ib. 9.
Л'јепо ти је рано уранити
У мараму маглу покупити:
Колико је магли у марами,
Толико је вјере у јунаау.
Мушка вјера и разбјена здјела (не держитъ воды)
Мушка глава и шушњата грана:
Удри граном о зелену траву
Лист опаде, а граиа остаде:
Етака је вјера у јунака. ђ. Рађи. С. н. п., 29.
У Ивана зелена ливада
Нит' кошева, нит' аоњма гажена,
Кроз њу текла вода некошена.
Грабила је Мара непрошена.
У руци јој бјела марамица
А за главом румена ружица:

Digitized by Google

Миого ј' бјеља Мара нег марама
Румениja него је ружица, ib. 77.

Разбыгъ мысли. Конкретность образа, какъ въ гомерическихъ сравненіяхъ = обозначается путь мысли (встану я):

Љепо ти је раио уранити
Пред зорицу на једну урицу,
У прозорје, када славуљ поје.
Славуљ виче: ајд' ив воду, милче!
Ал' ив воду, али на ливвду,
На ливади бунар вода хладна,
Крај буиарв зелени се трава,
Нв травнци лист артње б'јеле,
На вртији црио слово пише
Црио слово, ал'је жалобито:
Грјехота је обљубит' дјевојку
Обљубити па је оставитв,
Оставити пв заборавити,
Ier је тешка дјевојачаа клетва... Ђ. Раји. С. н. п. 22.

Изображеніе пути мысли въ сравненіяхъ съ *какъ*:

Ie си љ' прош'о крај дуђана,
Iес' ли видно лист папјера?
Оиаао је бјело лице...
Iеси л' прош'о иниз горницу,
Iес ли видио трииницу?
Оиаке су црие очи.
—Iеси л' прош'о иниз борице?
Iес ли видио пијавице?
Оиаае су обрвице. Раји. С. н. п. 75—6.

Модальныя формы сравненія: а) положительная—образъ представленъ, аакъ фаатъ, за нимъ слѣдуетъ значеніе. Отношеніе сходства между тѣмъ и другимъ просто признается: Ой, зійди, зійди, зірочко та вечіриия, Ой вийди, вийди, дівчиноньку моя віриая, Мет. 81—2; „Чи и в лузі не калиив булв? (г-ритъ калиив); Чи я въ батьаа ие дитиив булв (говоритъ дівчина). Въ видѣ

Digitized by Google

положительнаго сопоставленія можетъ быть выражено противоположеніе, всегда предполагающее сравненіе (Из-за гори висоної гуси вилітають; Ще роскоши незазнала, а літа минають (О нѣкоторыхъ симв., 5)—здѣсь сравненіе только *роскоши*, какъ свободы, приволья, съ высокимъ полетомъ и *противоположеніе* полета отсутствію росноши. (Разб. п. Головацкаго, 85).

б) образъ ставится положительно, какъ восприятіе, затѣмъ, какъ бы въ силу того, что дѣло разсмотрѣно вноаь и лучше, онъ отрицается, съ тѣмъ чтобы на мѣсто его постаанть его значеніе:

Сунашце се крајем горе краде;
То небнло жарено сунашце,
Већ се Раде од матере краде. Рајн. С. в. п. 60.
Надви ее облак изнад дјевојан;
То небво облак изиад дјевојан',
Већ добар јунак тражи дјевојак', Кар. I, 2 тоже, ib. 54, 57, 58, 73. Сюда же въ Сл. о П. И. „тогда пущаетъ". Кар. II, 14:
Два су бора напоредо росла,
Међу нима танковрха јела;
То не била два бора зелена,
Ни међ' њима танковрха јела,
Већ то била два брата рођева и пр.
Ой у лузі, в лузі червона калина;
(Ой) тож не калина, молода дівчина,
Молода дівчина, що вірно любила, Мет. 94. М. Голов. IV, 61, II, 30—1.

в) Образъ въ видѣ вопроса, аатѣмъ его отрицаніе и значеніе.

Шта се сјаји кроз гору зелену?
Да л'је сунце, да л'је јасан мјесец?
Нв т'је сунце, ни ти јасан месец,
Већ зет шури на војводство иде, Кар. I, 13; сюда Кар. I, 37, 56, 540. Тановы начала эпическнкъ пѣсевь, Кар. II, 496, 245, 295, 319; Голов. IV, 532, I, 42—3.

Чи оговь горит, чи поломя палає

Digitized by Google

Чи на молоді вінок сияє?
Ні огонь негорит, ні полонія неналає
Но на молоді вінок сияє. (Зап. ч. Под. губ.)
Вийшла она на подвірьє
И дивится в чисте поле:
„Ой Романе, Романочау!
Що то в полі за димове?
Чи то вірли крилми бьются,
Чи ончари с турнв гонять?„
—Ой Олево, сестро моя,
Ні то вірли крилми бьются,
Ні овчари с турми говять,
Лиш то турни и татаре,
А вей твої суть бояре, Гол. I, 40—1. Въ вар. той же пѣсни: „Чо' то в полі туман кіптвт?
Ци грін гремит, ци звін звеннт?
Він до неї промовляє—
А сам тяжко издихає:
Не туман то в полі кіптнт,
Ні грін гремит, ні звін звевнт,
Ай то твоє йде весилье, ib 41—2.
Ой одсуну нватирку... подивлюся,
Яж думвла, що сонечко сходить,
Аж мій милий по рвночку ходнть.
За собою кониченька водить. Гол. IV, 188.

г) Срввненіе начинается прямо съ отрвцанія тождества образа со знвченіенъ:

Не нукушечка, братцы, во сыромъ бору куковала,
Не соловьюшко, братцы, въ зеленомъ саду громко свищетъ,
Добрый молодецъ въ неволюшнѣ слезно-горьно плачетъ.

Якуш. Соч. 555. Срав. ту же форму ib. 559, 597, 602, 604. Mikl. Gramm. IV, 179. То в неділю рано пораненько не сина зозуля накувала, То вдова старенька жона из своёго дома изхож-

Digitized by Google

дали, Вгору руки изнімала, Синів своіх клила, проклинала, зи слёзами світа Божого не видала и па воротихъ звалилася, Мет. 350.

д) Безъ огни да огня мое сердце изожгли,
Что безъ вѣтру мои мисли разнесли, Янушк., 606.

Не отъ витри, не отъ вихори, да не отъ Божьей милости, верея пошталася, ворота отворилися, широко размахнулиси. Не слыхали молодешенька, каяъ боире во дворъ взъѣхали, Якушк. 666.

Asyndefon, *attractio* (перенесеніе изъ значеніи въ образъ):

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ,
Но нрче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луни въ воздушной синевѣ.
Но ти, которую несмѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавни луни,
Средь жонъ и дѣвъ блеститъ одна, Е. Он. VII, 52.

Къ изображенію самой точки зрѣнія на образъ, и самаго смотрящаго и того пути, кинимъ онъ дошелъ до ниблюденін, Мр. п. XVI в., 19 (Объясн. млр. п. I, 2), 20, 26, 30, 37 сл. Влар. Якушкинъ, 524.

„Сюдн относятси запѣвы. Ой піду я... Ой зійду я... Ой свду я... и пр. (Объясн., 2).

„Ти вилетіли гална з зеленого гнйка,
Сіла-пала галка на зеленій сосні,
Вітер повивнє, сосонку хитнє...

Все это передъ глизами; но *хитатись* = *хилитись* имѣетъ уже традиціонное значеніе, а если нѣтъ, то такое значеніе могло создаться въ эту минуту, одновременно съ обращеніемъ пѣвци къ самому себѣ: Не хилися, сосно, бо й так мепі тошно“... „Лишь позднѣе, подъ вліяніемъ привычни къ таному пріему, можетъ появитьси намѣренное его употребленіе (для заполненіи первой по-

Digitized by Google

ловины двустишія, для риемы) и разработка, вирьироваиье начальнаго символи чрезъ всю пѣсню или ея часть: „Не хилися сосно... Не хилися гілко, бо й тик меиі гірко, Не хилися иизько, иема роду близько". Исподоволь становится иозможиой ти отдиленность и случайность связи между символомъ и значеніемъ, которая въ глизахъ самого инрода становится образомъ безсмыслицы:

Въ огороді бузииа, и в Киеві дидько;
Тим я тебе полюбила и проч. (Млр. п. 19).

Конкретность, опредѣленность изображенія зависитъ отъ опредѣлениости точки зрѣиія. Для этого иужио указить, кто имеиио видитъ, кто считаетъ, кто дѣлаетъ изображаемое. Согласио съ этимъ опредѣленія мѣсти, времеии, изображеиія дѣйствія въ формахъ опредѣленно-личныхъ поэтичиѣе, чѣмъ въ формахъ безличныхъ. У Гиѣдича—выраженіе; „*Видно* (сквозь туманъ) иедальше, каиъ падаетъ брошеиный камень" оставляетъ иеопредѣлимымъ, кому видно, что бросилъ камеиь, и потому меиѣе поэтично, чѣмъ въ Ил. III, 12: *Τόσσον τίς τ'ἐπιλεύσσει, ὅσον τ'ἐπὶ λᾶαν ἵησιν*— настолько человѣкъ видитъ, насколько (онъ же) камень бросаетъ. =„И створи миръ Володимеръ съ болгары и ротѣ заходиша межю собѣ (=е), и рѣша Болгире: „толи ие будетъ межю иими мира, оли же камеиь начиетъ плавати, а хмель почиетъ тоиути (грязиути), Лавр. Ипат. подъ 985. Это меиѣе поэтично, чѣмъ „иииогда" въ млр. п: „Ой озьми сестро пісну и жменю.

...И огни ихъ иесчетные (въ полѣ) горѣли,
Словио какъ ии иебѣ звѣзды вкругъ мѣсяца яснаго соимомъ
Ярко блестятъ, иогди стиетъ воздухъ безвѣтреиъ... и
Видны исѣ звѣзды, и пистырь (дивуись) душой веселится
Ил. VIII, 554.

(И) какъ когда со скалы видитъ тучу мужъ-пастырь,
Какъ она сходитъ иа море подъ вѣяньемъ западн(буйнымъ)
И черыѣе смолы они издали ему кажется,

Digitized by Google

Какъ она сходитъ на море и ведетъ за собой страшную
бурю.
И содрогнулся увадя и загаалъ своа овцы въ пещеру;
(отсюда Гаѣдичъ:)
Вслѣдъ таковы за Аяксами, юношей, пламенныхъ въ
битвахъ,
Къ брани кровавой съ врагомъ устремлялись фаланги
густыя
Черныи, грозно кругомъ и щиты воздымая и копьи.
Ил. IV, 276.
Пастухъ слышитъ ревъ горныхъ ручьевъ аъ наводаеньи, Ил.
IV, 452.
Но Эней и своихъ возбуждалъ сподвижниковъ храбрыхъ
за нимъ совокупно
Всѣ устремилися: такъ за овномъ устремляются овцы,
Съ паствы бѣжа къ водопою; и пастырь душой весе-
лится, Ил. XIII, 489.
Словао какъ дубъ подъ ударомъ (крушительнымъ) Зевса
Кронида
Падаетъ съ корнв, изъ древа (разбитаго) вьется зловон-
ный
Сѣрый дымъ; и стоитъ, какъ бездушный, паденіа зра-
тель,
Близкій прохожій: „погибеленъ громъ неликаго Зевса“:
Такъ ниспроверглвси быстро на прахъ Пріамидова крѣпость
Ил. XIV, 414. = *ὡς δ'ὅθ'ὑπὸ πληγῆς πατρὸς Διὸς ἐξεφίπη δρῦς.*

Уподобленія [1]) въ гомеровскихъ поэмахъ, особенно въ Иліадѣ, гдѣ они многочисленнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ въ Одиссеѣ, недаромъ въ теченіе вѣковъ служили образцомъ преимущественно эпическинъ поэтамъ разныхъ аародовъ. Оаи въ высокой степеаи поэтачны, совершеины, потому что въ такой же степени правдивы

[1]) Различаются: сравненія въ тѣсномъ смыслѣ (vergleichung) и уподобленіемъ (gleichniss) не свойствомъ значенія, т. е. не тѣмъ, что въ 1-мъ менѣе чувственное объясняется болѣе чувственнымъ, а во 2-мъ чувственны и объясняющее и объясняемое, а лишь степенью конкретности образа. Въ 1-мъ образъ лишь намекъ, во 2-мъ картина.

Digitized by Google

и естественны. Они вполнѣ удовлетворяютъ слѣдующему основному требованію мысли: такъ наз цѣль образности есть приближеніе значенія образа къ нашему пониманію, и таз каз безъ этого образность лишена смысла, то образъ долженъ быть намъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ объясняемое имъ. Въ Иліадѣ и Одиссеѣ изображаются событія не только не обычныя, но преимущественно такія, подобныхъ которымъ мирнымъ слушателямъ вѣроятно никогда не случалось видѣть, напр. въ Иліадѣ, какъ шли на битвы Ахейцы и Троинцы, каз ихъ было много, каз блестѣли ихъ панцыри, какъ ихъ строили вожди, какъ выдѣлялся такой-то, какую они подымали пыль, какой крикъ, какъ текла кровь, какъ падали головы и тѣла, какъ бѣжали Троянцы, какъ защищались Ахейцы у кораблей, какъ тѣ и другіе рѣдко держались въ битвѣ, каз сыпались камни и проч. Нѣсколько рѣже изображаются столь же требующія объясненія душевныя движенія: каково было мужество Гектора, какъ обрадовались его приходу Троянцы на полѣ, какъ волновались страхомъ и пр. Ахейцы, какъ забывалъ о своей пользѣ Ахиллъ; или въ Одиссеѣ, какъ злился Одиссей на жениховъ, какъ обрадовалась ему Пенелопа и т. п. Въ отвѣтъ на эти вопросы Иліада даетъ рядъ картинъ приморской, горной, нелишенной лѣса мѣстности, картинъ по содержанію знакомыхъ пастуху, земледѣльцу, плотнику, охотнику, путнику, мореходцу, хозяйкѣ, почти всегда свидѣтельствующихъ о большой наблюдательности и трезвости мысли, лишь изрѣдка окрашенныхъ мнимыми толкованіями: народъ всколебался, какъ морскія волны или нива, Ил. II, 144; зашумѣлъ, каз море, II, 394; каз когда волна идетъ за волной (у прибоя), разбиваясь шумно о берегъ, IV, 422; блескъ панцырей, какъ зарево лѣсного пожара на горахъ, II, 455; люди падали, какъ деревья, подгорѣвшія во время пожара, XI, 155; X упалъ, какъ подрубленное дерево; Арійцы высыпали на поле, каз племена перелетныхъ птицъ съ крикомъ садятся у потока Каистра, II, 459; Троянцы шли съ ураномъ, какъ летятъ журавли III, 2; Ахейцевъ было много, каз листьевъ и цвѣтовъ весною, густо, какъ мухъ въ пастушьемъ шалашѣ, когда молоко сливаютъ

Digitized by Google

въ посуду, II, 467; Вожди строили ихъ, какъ пастухи отдѣляютъ своихъ козъ отъ чужихъ, II, 474.

Въ Одиссеѣ наоборотъ два раза явленія мирной жизни сближаются съ образами, которые могутъ быть знакомы только воину и мореходцу:

Такъ объ Ахейцахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ
Былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами.
Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,
Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ,
Спасть отъ дня роковаго спасти согражданъ и семейство,
Видя, какъ онъ содрагается въ смертной борьбѣ, и прижавшись
Грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно
Древками копій ее по плечамъ и хребту поражая,
Бѣлую въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе;
Такъ отъ печали и плача лицы ея увядаютъ.
Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы, Од. VIII, 521.
Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на обломкѣ
Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посейдона, носясь.
Въ шумѣ бунтующихъ волнъ, воздымаемыхъ силою бури;
Мало изъ мутнозеленой пучины на твердую землю
Ихъ, утомленныхъ, изъѣденныхъ острою влагою, выходитъ;
Радостно землю объемлютъ они, избѣжавъ потопленья.
Такъ веселилась она (Пенелопа) возвращеннымъ любушь супругомъ,
Рукъ бѣлоснѣжныхъ отъ шеи его оторвать не имѣя силы, Одисс. XXIII, 233.

Иліада знаетъ краткій сравненія: „Тааъ и они, пораженные (мощной) рукою Энея, рухнулись оба (на землю), подобные соснамъ великимъ, Ил. V, 559: *καππεσέτην ἐλάτῃσιν ἐοικότες ὑψηλῇσιν*. Образъ „соснамъ великимъ“ чрезъ посредство *ἐοικότες* (подобные), согласующагося съ подлежащимъ, относится въ значеніе этого послѣдняго, такъ что здѣсь имѣемъ сравненіе отличное по эффекту отъ „*подобно* соснамъ“. Ср. сравненіе въ аттрибутѣ:—объ убитомъ Гекторѣ: Гнѣдичъ: (свѣжъ) онъ лежитъ, какъ росою умытый, нѣтъ слѣда отъ крови = какъ орошенный лежитъ, (какъ) омытый отъ крови. Ил. XXIV, 419.— „Теперь (же) ты мнѣ росистый и (какъ) недавно убитый... лежишь, подобный тому и пр.“ У Гнѣдича:

Ты жъ у меня, какъ росою умытый, покоишься въ домѣ,
Свѣжій, подобно какъ смертный, котораго Фебъ сребролукій.
Легкой стрѣлою своей, налетѣвшій внезапно сражаетъ, XXIV, 757.

Digitized by Google

Но особенность гомерическихъ пѣсень, сравнительно съ позднѣйшей поэзіей, состоитъ не въ такихъ сравненіяхъ, а въ томъ, что въ нихъ весьма часто образъ, которому нѣчто уподобляется, берется въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ мысли, независимо отъ того, для чего онъ понадобился; берется освобожденный отъ обстоятельствъ, ненужныхъ для сравненія: „Палъ онъ, какъ ясень (пышный), который на холмѣ далеко (путнику) видномъ, ссѣченный мѣдью, зеленыя вѣтви къ землѣ преклоняетъ; такъ онъ упалъ (πελάσσῃ, aor. conj). Ил. XIII, 178. „Свалился онъ, какъ когда *тотъ* (извѣстный) дубъ *свалился* (копир. случай въ кор.). Или бѣлый тополь или гонкая ель, которую на горахъ плотники-мужи срубили вновь ниточенными сѣкирами для корабля". Ил. XIII, 389. Гнѣдичъ: „Палъ онъ, какъ *падаетъ* дубъ или тополь серебряно-листый, или огромная сосна, которую съ горъ дровосѣки острыми вкругъ топорами ссѣкутъ, корабельное древо." — „И на пыльную землю палъ онъ, какъ тополь. Въ низовьи большого болота онъ выросъ глядкій, на самой верхушкѣ лишь выросли вѣтви. Мужъ колесничникъ его блестящимъ желѣзомъ ссѣкъ, чтобы въ ободъ его для прекраснаго согнуть колесницы. (И вотъ онъ) сохнетъ, лежитъ на брегѣ потока, Ил. IV, 482. — „Какъ еслибъ какая жена слоновую кость обагрила, Карсиня или Меонская,... для пышныхъ нащечниковъ конямъ, въ домѣ лежитъ у владѣлицы: многіе конники страстно жаждутъ обрѣсть, но лежитъ драгоцѣнная царская утварь, должная быть и конію украшеньемъ и конника славой,—такъ у тебя, Менелай, обагрились пурпуркой кровью бедра крутыя... Ил. IV, 141.

Уже этотъ послѣдній примѣръ показываетъ, что въ числѣ обстоятельствъ образа, второстепенныхъ по отношенію къ главному основанію сравненія (здѣсь бѣлая кость, окрашенная пурпуромъ), нѣкоторыя могутъ идти въ ходъ, какъ основныя второстепенныя, дорисовывающія сравниваемое. Такъ здѣсь изъ того, какъ многіе желали этихъ украшеній, но какъ они берегутся для царя и пр., видно, какъ дорога была пѣвцу кровь Менелая (Ср. Gerber, II, 115). Ср. также: Александръ—Гектору: Сердце у тебя, какъ

твердая сѣкира, вонзаемая въ дерево человѣкомъ, когда онъ асаусво обтесываетъ корабельный брусъ, и (своею тяжестью) увеличивающая (силу) его удара.*)

Тѣмъ не менѣе въ гомерическихъ сравненіяхъ большое количество чертъ образа остается безъ употребленія, недаетъ возможности заключать о соотвѣтственныхъ чертахъ сравниваемаго. Черты эти неостаются тѣмъ не менѣе безъ дѣйствія на слушателя. Онѣ ураааиваютъ ходъ его мысли съ медленнымъ теченіемъ мысли пѣвца; онѣ отвлеааютъ отъ главнаго, успокаиваютъ волненіе, которое могло бы быть произведено этимъ главнымъ. (Gerber, II, 108). Все вто хорошо, потому что просто и необходимо. аакъ прямое послѣдствіе естественной медленности теченія мысли. Поэтому азъ первоклассныхъ художниковъ другого времени, другого болѣе быстраго теченія мысли, лишь немногіе рѣшатся умышленно замедлять таанмъ образомъ свою рѣчь. Къ такимъ, кромѣ явныхъ подражателей Гомера, каяъ Виргилій, принадлежитъ Гоголь въ „Мертвыхъ душахъ“ (соч. 3 изд. III, 10—11, фраза мелиала..., накъ мухи на рафаиадѣ; 43, церковный хоръ — по поводу собачьяго лая; 90, Ноздревъ прячалъ, каяъ поручаъ во время приступа; 93, оналъ лица ея круглился, накъ вачко...; 97—8, лицо, аакъ тыква, изъ наааахъ дѣлаютъ балалайаи; 133, на лицѣ выразалось чувство, авленіе подобное появленію на поверхности водъ утопающаго; 173, Чичиковъ своимъ появленіемъ распространиялъ радость... каяъ когда пошутилъ начальникъ; 178, Чичиковъ стоялъ, каяъ человѣкъ, который на улицѣ вспомнилъ, что позабылъ что-то дома; 198, гостья вся обраталась вслухъ, каяъ баранъ—охотникъ; 203, чиновники были ошеломлены, аяяъ

*) *Гномическій аористъ*: Ср. „Та й пригнала ёму на плече, зазираючи ёму у вічи, та такъ цилно, ніби той баранчик, що його хотять різати, а він жалібно дивитця; так и вона зірнула на Василя, а слёзинка неначе так росинка на цвіточку, так у неї в очицях засіяла; та так жалібно, як тая соплочка *заграла*, такъ вона ёго спитала: як же ти мене після сёго покинеш? Маруся, Квит. — Більш у неї (відьми) небуло ніякого хозяйства, та й на що їй? Чого забажала, то у ночі перекинулась чи собакою, чи кішкою, чи жабою, чи рибою, и чого їй треба, усёго достала, и е у неї, Конот. Від. Квитка. — За брата бих прне очи дала, за драгога ђердан испод врата: Село прођох, а драгога неђох. Свијет прођох, а брата ненађох, Рајковић, С. в. п. 74, ib 189.

Digitized by Google

шаольникъ, которому засунули въ носъ гусарк, Ср. также 258, 260—1.

Относительно того, что здѣсь умышленное подражаніе, сравн.: „Онъ (художникъ)... наконецъ оставилъ себѣ въ учители одного божественнаго Рафаэля, подобно какъ *великій* поэтъ художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ прелестей и величивыхъ красотъ, *оставляя* (не думалъ ли онъ объ aor. gnomic.?) наконецъ себѣ нестольною книгой только Иліаду Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и нѣтъ ничего, чтобы не отразилось въ таномъ глубокомъ и великомъ совершенствѣ. И зато вынесъ онъ изъ своей шаолы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти." Портретъ, Соч., 3 изд. II, 35.

У Пушкина въ Ев. Он. можно замѣтить нѣчто сходное съ гномическимъ аористомъ, настоящее изображеніе конкретнаго случая:

Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный;
Такъ уносялись мы мечтой
Къ началу жизни молодой, I, 47.
Пора пришла, она влюбилась:
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено, III, 7.

Съ *как*: Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелеста полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла, какъ линдышъ потаенный,
Незнаемый въ траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой, II, 21 (сравненіе дорисовываетъ) Но обыкновенно съ *как*—болѣе краткія сравненія:

„Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная, боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой, II, 25.

Digitized by Google

Я зналъ прекраснцъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ, какъ зима II, 22.

Такъ. Сравненія постпозитивныя: Такъ точно старый инвалидъ, Он. II, 18. Такъ рѣзвый баловень служака,—опущ. строфы въ Ев. Он. XI; III, 422 и XIII; такъ хищный волкъ, ib.; III, 40; IV, 10; Смѣнитъ неразъ младая дѣва мечтами легкія мечты; Такъ деревцо свои листы мѣняетъ съ каждою весною, IV, 16.

Смѣшеніе сравненія съ метафорою.

Со случаями ассимиляціи фонетической и синтактической сходны случаи частнаго сліянія образа и значенія, сліянія прогрессивнаго, а) когда въ реаультатѣ сравненія является метафора, или регрессивнаго б) когда постпозитивный образъ вноситъ нѣкоторыя черты въ сравниваемое:

а) Оно (Ай) своей игрой и пѣной,
Подобіемъ того-сего,
Меня плѣняло: за него
Послѣдній бѣдный лептъ бывало
Давалъ я...
Но измѣнитъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я бордо благоразумный
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ ай и больше неспособенъ;
Ай любованцѣ подобенъ,
Блестящей, вѣтренной, живой
И своенравной и пустой...
Но ты, бордо, подобенъ другу,
Который въ горѣ и въ бѣдѣ
Товарищъ завсегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихій раздѣлить досугъ.
Да здравствуетъ *бордо, нашъ другъ*! Оа. IV, 45—6.

Сюда же Он. V, 32, (кристаллъ—фіалъ).

б) И *меркнетъ* милой Тани младость:

Digitized by Google

Такъ одѣвветъ бури тѣнь
Едва рождающійся день, Он. IV, 23.
Недвижимъ онъ лежалъ и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ завылетъ раненъ;
Дымясь изъ рвны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь;
Игрвлв жизнь, випѣла вровь;
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и *тихо* и *темно*;
Замолкло навсегда омо,
Завръты ставни, окна мѣлюмъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ,
А гдѣ, Богъ вѣсть, пропалъ и слѣдъ. Он. VI, 32.
Блаженъ, ко смолоду былъ молодъ
...Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣналв ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой, VIII, 11.
Мечты — листья, Онѣг. IV, 16.
Любви всѣ возрасты покорны,
Но юнымъ дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Квкъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они (поля, сердца) свѣжѣютъ
И обновляются и зрѣютъ,
И жизвь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній *и безплодный*

Digitized by Google

На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печалеаъ страсти мертаый слѣдъ:
Такъ бури осеии холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обаажаютъ лѣсъ аонругъ. VIII, 29.
Поэтъ погибъ... но ужъ его
Никто аепомнатъ; ужъ другому
Его неаѣста отдалась.
Поэта память *пронеслась*,
Какъ дымъ по аебу голубому, VII, 14.

При большей степени сліанія образа и значенія уже нѣтъ слѣдоаъ прогресснаости или регресснаоста вліяніа образа. Оно пронзошло за сценой и мы видимъ только результатъ:

„Уаы на жизненныхъ браздахъ
Мгноаеиной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Проаидѣньи,
Восходятъ, зрѣютъ а падутъ;
Другія имъ послѣдъ идутъ. Он. VI, 38.

Ср. раздѣльныя сравнеаія поколѣній и листъеаъ—Ил. VI. 145; XXI, 463 сл.

Postposit. asyndeton: Wein macbt munter geistreicben Mann; Weibrauch ohne Feuer man nicht riechen kann. Göthe, Xenien, IV, 67. „So sei doch höflich!“ — Höflich mit dem Pack? Mit Seiden näht man keinen groben Sack., ib. V, 82. — Sollen dich die Dohlen nicht umschrein, musst nicht Knopf auf dem Kirchthurm sein, ib. V, 73. Сравн. postp. asyndeton (=примѣненіе басни, пратчи): „Посланный отъ Нероаа... принесъ Петронію повелѣніе Цезаря аозврататься въ Римъ и тамъ ожидать рѣшеніа своей участи... Флавій Авреліи спросилъ его (Петроніа), долго ли думаетъ онъ оставаться въ Кумахъ и нестрашится ла раздражать, цесара осдушаніемъ? — „Я не только недумаю ослушаться его“, отвѣчалъ Петроній, „но даже намѣренъ предупредить его желаніе. Но аамъ, друзья мои, совѣтую аозврататься: путникъ въ

Digitized by Google

ясный день отдыхаетъ подъ тѣнію дуба, но во время грозы отъ него благоразумно удаляется, страшась ударовъ молніи". Пушк. Изд. Общ. IV, 382.

Виды метафоры, со стороны качества образа и отношенія къ значенію. [1])

Προσωποποιία, personificatio, олицетвореніе. Въ языкѣ сюда — женскій и мужескій родъ въ примѣненіи къ названію предметовъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ и глагольное сказуемое, приписывающее тѣмъ предметамъ дѣйствіе.

Звательный именъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ и 2-е лицо:

Ой гаю мій гаю, густий, непрогляну,
Що на тебе гаю, и вітер не віє...
Ніч моя темная, зори мои ясна!
Яка моя доли нещасна!

Старый солдатъ, служитель при корпусѣ кизенноштатныхъ студентовъ Харьковскаго университета (1852—4 г.), заправляя сѣчу въ починкъ и зажигая её: „Щож ти не гориш? Гори-ж, горн!"

„На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шолку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ игляное ухо, непопадалъ, и потому сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: „ве лѣзетъ вирвараа! уѣла ты меня шельма этиная!" Гоголь, Шинель. Сербск. Пушко шарко, и отац и мајко.

Въ нѣмецк. стихотвореніи 1300 г., играющій въ иглы — къ шару: „louf Kugel vrouwe! zouw din (eile), liebiu frou, nu zouwe!" Въ пѣснѣ Christian'a von Hamle: „Her Anger, waz ir iuch fröiden muostent nieten, dô min frowe kom gegân!... Erloubet mir, her Grüener Plân, daz ich mîne füe e setzen müeze dâ min frowe hât gegân."

---

[1]) Метафора, особенно развитая, (сравненіе, аллегорія) бросаетъ отсвѣтъ на сравниваемое, которое она изображаетъ то милымъ, то противнымъ, то важнымъ, то ничтожнымъ и пр. Герберъ.

Digitized by Google

Вообще „быть можетъ, никто не пользовался въ такой мѣрѣ олицетвореніемъ, какъ нѣмецкіе и романскіе средневѣковые поэты“ У Нѣмцевъ: Frau Minne, Frau Ehre, Frau Welt, Frau Abenteuer и т. п. Wackernagel Poetik 524—5.

Печушка матушка! Кабы и не тебѣ, а ты ли кому, послужилъ бы Богу и государю! (*Олицетвореніе* — въ уменьшительныхъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ. Домъ нашъ *глазами* стоитъ къ рѣкѣ (окнами, лицемъ) Арх.

Ты пади, *стрѣла*, не на воду, не на землю,
Ты пади, стрѣла, во дубъ-древо,
Изъ сыра дуба въ сиза голубя
Сизу голубю пади ты во право око!, Кир. II. в. III, 18
Ты *тулупъ* ли мой, тулупчикъ, шуба кожа!
Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридсять лѣтъ:
Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи. Кир. II. в. II, 1.

Что дѣйствительно сказуемое чувствуется, какъ дѣйствіе, результатъ воли подлежащаго:

„У воротъ вереюшка
Не вилась и повилась;
Не *сама* завивалась,
Завивали плотнички,
Плотнички москонскіе,
Топоры королевскіе.
На Ивину удерцы
Не вились и повились;
Не сами завивались
Завивала матушка...

Стан. Темижбекская, Кубан. Обл. (Сб. мат. для описанія Кавк., вып. III, 62).

Ты березк-ль моя да моя кучерявая!
Ты нестой, ты нестой надъ быстрой рѣкой.
Эта рѣчушка *бѣжитъ неутомится*,
Ока врозь разольется... ib. 74.
Морозъ лютый сапожки стекая,

Digitized by Google

Бѣлый снѣжокъ въ глаза порошитъ, ih 83,
—Ой ходитъ сонъ коло вікои,
А дрінота коло плота. М. 2.

Сюда *съ умомъ, безъ ума.*

„Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая заонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ. Он. III, но
...И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали? IV, 15

Next day sche made a desperate and feehle attack, presenting her self at shruhlands lodge-gate and threatening that *she* and *soorrw* would sit down before it; and that all the world should know, how a daugkter treated her mother (о матери, которая была принуждена оставить домъ дочери). Теккерей.

Личное творчество строитъ на основаніи языка, въ томъ же направленіи.

Задумчивость, *ея подруга*
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченіе сельскаго досуга
Мечтами украшала ей, Он. II, 26.
Привычаа усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ, II, 32.
Потомъ унидѣлъ онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же...
...Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена, I, 14.
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за аоротъ взяла

Digitized by Google

И въ темный уголъ заперла, VIII, 34.
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю... I, 55.
Развратъ, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя
И наслаждаясь нелюби, XVII, 7.
Ея постели сонъ бѣжитъ IV, 23.
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней IV, 41.
Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтреная *младость*,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ *старость* сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: *надежда* имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ, V, 7.
Столы зеленые раскрыты;
Зовутъ задорныхъ игроковъ—
Бостонъ, и ломберъ—стариковъ,
И вистъ, до нынѣ знаменитый,
Однообразная семьи,
Всѣ жадной скуки сыновья. V, 35.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года, VII, 1.
Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, Весна! пора любви!... VII, 2
...Но лѣто быстрое летитъ.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,

Digitized by Google

Какъ жертва, пышно убрана...
Вотъ Сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ *матушки* зимы. VII, 29, 30.
Увы невѣста молодая
Своей *печали невѣрна*.
Другой увлекъ ея *вниманье*,
Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить, VII, 8—10.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильардѣ отдыхалъ,
На смятомъ сукнѣ лежалъ
Манежный хлыстикъ... VII, 17.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодный.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою, VII, 20.
Мосты чугунные чрезъ воды.
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ горы; подъ водой
Прорѣемъ *дерзостные* своды. VII, 42.
Не спится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели поднимаетъ, VII, 43.
Въ безплодной сухости рѣчей
Вопросовъ, сплетень и вѣстей

Digitized by Google

Не испыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки,
И даже глупости смѣшной
Въ *тебѣ* не встрѣтишь, свѣтъ пустой, VII, 48.
Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вопругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ, *податель* струй цѣлебныхъ. Пушкинъ.
Что устрицы? Пришли! О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ, ib. 186.

Муза и проч.—у Пушкина:

Въ тѣни близь водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Явилася *муза* стала мнѣ. Оп. VIII, 1.
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней, I, 45.
И подъ веселое стекло
Неотражаетъ ликъ Діаны, I, 47.
Онъ святъ для внуковъ Аполлона, I, 49.
Быть можетъ въ Летѣ непотонетъ
Строфа, слагаемая мной, II, 40.
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ, II, 40.
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы, II, 13;

Гименъ, III, 50; *Лель*, V. 10; Граціи, VII, 46; Мельпомена, VII, 50

Ἀλληγορία, иносказаніе, въ обширномъ смыслѣ обнимаетъ всѣ случаи различія между образомъ и значеніемъ. Стало быть, неговоря уже о возможности примѣненія этого слова къ другимъ искусствамъ, въ области словесности, аллегорія совпадаетъ съ

Digitized by Google

поэзіей вообще. Затѣмъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ подъ *аллегоріей* разумѣютъ слiяніе нѣсколькихъ метафоръ. Cic De orbtore: Jam cum confluxerunt plures continuae translationes, blib plane fit orntio: itaque genus hoc Graeci appellbnt *αλληγορίαν*, Gerb. II,² 92.

Аллегорія въ еще болѣе тѣсномъ смыслѣ есть метафорв не только в) *сложная* (метафора въ одномъ словѣ, кааъ „понимвніе", „волненье", „плѣнительный", и въ одномъ предложенін или сочетанін предложеній, нпир. пословицн, можетъ аллегоріей и неказываться), но и б) *полная*, т. е. тикая, въ словесномъ выраженін аоторой нѣтъ явственныхъ указаній нн ея значеніе (*полная*, т. е. такая, которая въ цѣломъ другого значенія, нромѣ метафоричнаго, не имѣетъ. Таалмъ обрнзомъ „Его язвнтельныя рѣчн *влнвали* въ душу *хладный ядъ*" (Пушк. Демонъ) есть метафоричное нзображеніе дѣйствін *рѣчей*, а въ цѣломъ не аллегорично).

Твкнн образомъ у Пушанна (Онѣгинъ VIII, 1—7) развитое олицетвореніе поэзіи въ цѣлонъ не есть иллегорія, тнаъ нааъ лнцо самого нвтора, мѣсто и людн, среди ноторыхъ является его муза, его подруги, не метвфорнчны. Точно также по неметафоричности субъеата („нто") не есть аллегорія слѣдующее:

„Блаженъ, нто праздникъ жизни рвно
Оствнлъ, недопивъ до дна
Бокали полнаго внна;
Кто недочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Кнаъ я съ Онѣгиным моинъ. Он. VIII. 51.

Прнмѣръ аллегорін у Ванернигеля (Poetik): „Die Römische Dichtkunst war aus Griechischen Samen in den Garten eines Kaisers verpflanzt, wo sie, nls schöne Blume da stand *und* blühte" есть неполная метвфора, твкъ какъ образность вттрибутовъ невполнѣ знслоняетъ прозаическое значеніе субъекти „римсная поэзія".

Ст. Пушнина „Дорожныя жалобы" по отношенію обрвза (дорожныя неудобствн) нъ болѣе общему однородному знвченію— метоннмично; но отчвстя сходное съ нимъ „Телѣга жизни" аллегорично, не потому, что на знвченіе его неуавзывветъ въ немъ

Digitized by Google

самомъ ничто, и что это загадка, разгадка коей—въ заглавіи „Телѣги *жизни*“ (ибо въ такомъ случаѣ множество образовъ, понимаемыхъ иносказательно—„грязь блеститъ на солнцѣ“ и т. п. были бы аллегоричны); *а потому*, что весь образъ другого значенія, кромѣ метафоричнаго, неимѣетъ: нѣтъ другой телѣги съ ямщикомъ-временемъ, кромѣ телѣги жизни.

Такимъ образомъ *аллегорія*—фантастическій образъ, созданный или взятый ad hoc, только ради значенія. Общее дано *ante*. Тѣмъ неменѣе аллегорія можетъ быть необходима для мысли, насколько она даетъ частныя опредѣленія этого общаго. Холодныя аллегоріи—ненужныя.

Фантастичность цѣлаго совмѣстима съ реальностью, мѣстностью и историчностью чертъ. Въ этомъ отношеніи „Телѣга жизни“ со своимъ русскимъ (до эманципаціи) сѣдокомъ и ямщикомъ:

„Съ утра садимся мы въ телѣгу,
Мы рады голову сломать
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошелъ е-на мать“

выше, чѣмъ Гете „An schwager Kronos“ (сравнить).

Въ аллегорію можетъ входить олицетвореніе (ямщикъ—время, Кронось).

Аллегорія въ частномъ смыслѣ—отвѣтъ на вопросъ „какъ бываетъ“, „какъ есть“; басня—на вопросъ „какъ быть“.

Эту разницу могъ имѣть въ виду Лессингъ, говоря, что басни „ein bild“. Однако „медвѣжья услуга“ „волчьи доводы“ (Волкъ и ягненокъ)? — Die Fabel sagt: so geht es zu in der Welt. (Gerb. II, 463—4). Но въ аллегоріи *обычность* внесена въ самый образъ. (см. Ев.).

Образъ аллегоричный всегда непремѣнно фантастичный.

Стихотвореніе Пушкина „Аріонъ“ аллегорично потому, что самъ авторъ представленъ мионическимъ пѣвцомъ, участникомъ поѣздки, въ родѣ похода Аргонавтовъ, начавшейся крушеніемъ.

Ближайшій смыслъ стихотворенія объясняетъ обстоятельство жизни автора (близость его къ потерпѣвшимъ крушеніе 14 дек. 1825 года).

Digitized by Google

Сложность образа соотвѣтствуетъ сложности вопроса (выраженнаго или невыраженнаго), на который образъ служитъ отвѣтомъ. Иначе: должно быть соотвѣтствіе между психологическимъ подлежащимъ и сказуемымъ (какъ и между грамматическими).

На вопросъ *каково* N, *что* и *какъ* оно дѣлаетъ, служитъ отвѣтомъ *метафора* въ части предложенія и (сравненіе) въ части періода. X (неизвѣстное) здѣсь оказывается однимъ понятіемъ. Сюда—притча.

Вопросы *почему* и *для чего*, а равно *слѣдуетъ ли, должно ли?* —т. е. вопросы о причинѣ и цѣли таковы, что неизвѣстное въ нихъ по разъясненіи можетъ оказаться только отношеніемъ мысленныхъ единицъ. Отвѣтъ на эти вопросы невмѣщается въ грамматическое единство (т. е. предложеніе или грамматическое сочетаніе предложеній) и составляетъ по отношенію къ вопросу нѣчто самостоятельное, ибо внословное сочетаніе предложеній (съ *потому что, ибо*) заключаетъ въ себѣ и повтореніе вопроса. Такимъ образомъ если отвѣтъ на *почему, для чего* метафоиченъ, то онъ составляетъ особую сложную метафору: аллегорію, басню, притчу. [1])

---

[1]) тък. (ткну) притъча—подобіе. *Тъчьнъ*, равенъ, сверстенъ: „съ точными и меньшими любовь имѣти (Лав. 101. 9). Точно—именно равно. „Хощешь ткнути (напасть ср. potykać się) на нѣшіе, Л. 140. 21. Угри же королевы то узрѣша Володимеровы полкы, ту же не постряпуче поткнуша къ нимъ, Лав. 145. 9. Вышедшимъ же пѣшимъ изъ города стрѣлятся, и поткну нань (вин. ин.) съ дружиною—съ Половци. 145—35 *Ткнути* на... аттаковать Ип. 47—5; 61—32; 62—1. *поткнутися, случиться* Ип. 48. 13; 148, 24. *подътыкати*—побуждать. Н. п. 139, 32.

См. Микл. слово съ тък—*тъчь*—(Ст. славянск. тъкмежь, partium ср. съ Чеш. towuati, Нѣм. vergleich, тъчьнъ, равенъ, сходенъ ср. съ „точь въ точь".

Притыкати сравнивать: „да не зазирайте мене, братіе, понеже во пьсѣхъ *притычю* (сравню съ собаками), вы бо мя нудите оттуду притъча приносити... аще вы глаголю о чловѣ *крить*, то вы речете: тъ бо мощьнъ бѣ и вѣло сильнъ; да сего цѣща (=ради) ни чльдѣ васъ *притычю* (сравню; съ жѣсти. над. предмета, съ коимъ сравн.) изъ звѣрій, (genit partit.) пьсѣхъ, тъ же такомъ звѣри иже въ естьствѣ своимъ того съмысла не имать, въ наказаніемъ чльчьмь такъ (=такомъ) бываетъ (Златоструй до 1300 г. Срезн. Пам, Изв. X, 534). „Или Русьскому гостьи *притыча* ся пригодить въ Ризѣ... никако же его въ дыбу въсадити (Догов. 1230. Изв. Хт, 600.). Притъча=убить или ранить и т. п. Ср. Мр. пригода. Ср. Притча Буск. Очер. 18, 122, 198.

Въ догов. 1229 по Сп. Д. (Русс. Лив. Акты, Прил.): Бъ того не дал, аче кого притча прииметь, ли лодья уразится... По сп. А. Оу кого ся избіеть оучанъ, а любо чеанъ, Бъ того не далъ...

Digitized by Google

Евангельская притча. Подъ параболой (*παραβολή*) въ Евангеліи разумѣется, во-первыхъ, всякое сближеніе, иносказаніе, напр.: отъ смоковницы возьмите подобіе (*ἀπὸ δὲ τῆς συκῆς μάθετε παραβολήν*): аогда вѣтвь (*κλάδος*, можетъ быть, скорѣе *почка*) становится сочна и пускаетъ листья, то знаете, что близко лѣто. Такъ, когда вы увидите все сіе, знайте, что близко, при дверяхъ (кончина вѣка) Матѳ. 24, 2—3.

Во вторыхъ, сближеніе, уподобленіе, назначаемое для неосвященныхъ, таинственный смыслъ аоего требуетъ разъясненія и посвященнымъ: вамъ дано знать тайны (*τὸ μυστήριον*) Царствія Божія, а тѣмъ внѣшнимъ (*τοῖς ἔξω*) все бываетъ въ притчахъ (*ἐν παραβολαῖς*). такъ что они своими глазами смотрятъ и не видятъ, своими ушами слышатъ и неразумѣютъ... (Ученикамъ): Непонимаете этой притчи? И какъ же вамъ понять всѣ притчи?, (По поводу притчи о сѣятелѣ) Маркъ 4, 11, 3.

Загадочность и необходимость толкованья, аоторое и прилагается аъ пѣскольаимъ притчамъ, вытекаетъ изъ свойства вопроса, отвѣтомъ на аоторый служитъ евангельсаап притча. Этотъ вопросъ есть не „почему“ и „для чего“, не частный случай, требующій теоретическаго оправданія, какъ выше, не вопросъ о связи понятій; а о составѣ очень сложнаго понятія, каково понятіе Царствія Божія.

Приближеніе къ извѣстному нравственному совершенству есть приближеніе къ царствію Божію: „анижинаъ сказалъ:... одинъ Богъ... и любить его... и любить ближняго... это больше всѣхъ всесожженій и жертвъ: Іисусъ саазалъ ему: недалеао ты отъ Царствія Божія. Мараъ 12, 32—4.

Въ Гр. 1504 (С. г. гр. № 140): лѣсомъ къ березе къ вопчей, что стоитъ на межо на сутокехъ.. Хто съ серца или съ кручины такъ бьетъ (т. е. какъ и чѣмъ ни попало), —многи притчи отъ того бываютъ: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ и перстъ, и главоболіе и зубная болезнь, а у беременныхъ женъ и дѣтямъ поврежеиіе бываетъ въ утробѣ, Домостр. 88. А въ конюшне и у сѣна и у соломы одноличво изъ фонаря огня не вымати, всякія для притчи, Домостр. 24.

—Притучати (ити?) валиь (fortuna)и звѣздамъ неразумьнѣ *притучать*, яко же и фортѣ и роаъ и лучны несъмысльнѣ вѣруютъ (Изборникъ Святосл. Бусл. Матер. 9. Здѣсь есть усиленіе предшествующей ф. м) Срб. врагъ *потакне* (под-тыкнути) ову мађеху, да није могла своју пшеницу колико кра на очима звѣзди, Кар. Припов. 164.

Притча, parola, parabola, Mikl. II, 79.

Digitized by Google

Понятія о нравственномъ совершенствѣ объективируются въ Богѣ. Приближаться къ Богу значитъ становиться сыномъ Божіимъ: любите враговъ вашихъ; да будете сынами Отца Вашего небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми... Матѳ. 5, 44—5.

Затѣмъ подъ приближеніемъ Царствія Божія, можно разумѣть наступленіе общественнаго порядка, возникающаго изъ распространенія сыновства Божія.

И вотъ на вопросъ „что есть Царстаіе Божіа“ иногда въ началѣ лишь подразумѣваемый, иногда заалюченный въ началѣ отвѣта, (чему уподобимъ царствіе Божіе, или какою притчею изобразимъ его?) Маркъ 4, 30: „Оно аакъ зерно горчичное, которое, когда сѣется въ землю, есть меньше всѣхъ сѣмянъ аъ землѣ; а аогда посѣяно, всходитъ, и становится больше всѣхъ злааовъ, и пуокаетъ большіи вѣтви, таак что подъ тѣнью его могутъ укрываться птицы небесныа“.

БАСНЯ. [1])

(Lessing. Abhandlungen über die Fabel 1795. S. Werke, Leipz. 1867).

Басня аъ сборникѣ, на бумагѣ, въ устномъ произношеніи (№, скажи басню!)—ни на что ненужна, празднословіе. Но басня является и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о слезахъ, о аровн, о головѣ, о судьбѣ обществъ, гдѣ не до шутокъ а празднослоаів. [2]) Наблюдать тааіе случаи въ дѣйствительности трудно, потому что ихъ нѣтъ, когда мы способны аъ наблюденію, и появляются они тогда, когда намъ не до наблюденін; но есть приблизительно вѣрныи изобра-

[1]) Печатаемые наброски была конспектомъ частнаго курса лекцій, читанныхъ на дому. Программа первой вступительной лекціи: *Отношеніе поэтическаго произведенія къ слову.* Начать съ басни для методологическаго удобства. Условія правильнаго наблюденія: устранить по возможности предразсудка. Примѣры предразсудка въ наукѣ: перенесеніе прежнихъ обобщеній въ новое изслѣдованіе (миѳъ въ наукѣ). Примѣръ изъ зоологіи: неизмѣняемость видовъ и Дарвинъ. Въ приложеніи къ баснѣ—что есть отвлеченность?

[2]) Непріятный человѣкъ—безвременная басня: „онъ всегда будетъ на устахъ невѣждъ“.—„Притча изъ устъ глупца отвратительна, ибо онъ нескажетъ ее въ свое время“. Сирахъ, 21, 19—20.

Digitized by Google

женін. Это тоже отвлеченія, но слабѣйшія и болѣе близкія къ дѣйствительности.

Примѣры политической басни: *басня* Іоѳама, Кн. Судей, гл. IX; *басня* Наѳана, Кн. царствъ, II, 12. *Стезихоръ* (б. о конѣ, оленѣ и человѣкѣ = о Фвларвсѣ и гимерцахъ, Lessing Phedr. IV, 4 Equus et aper). *Пушкина*, Капитанская дочка, гл. XI, сказки калмычки о воронѣ и орлѣ—Пугачева). Отсюда два елемента басни: *образъ* и примѣненіе. [3])

Свойства образа.

1. Это не емблема, не образъ въ тѣсномъ смыслѣ, не сравненіе только (суховерхое дерево, капля, висящая на листу и пр.). Тургеневскіе Necessitas и пр., *Два брата*, *Сфинксъ*, *Камень* (стихотворенія въ прозѣ)—все это субъекты отсутствующихъ предикатовъ. Съ точки соотвѣтствія между подлежащимъ и сказуемымъ, у Тургенева l. c. сказуемое = программа для живыхъ киртинъ, которыя неотвѣчаютъ ни на какой постоянный вопросъ. Подлежащее у него соотвѣтственно этому не конкретный случай, требующій рѣшенія, которое дается обобщеніемъ, а готовое обобщеніе, нетребующее отвѣта, а уже заключающее его въ себѣ.

Образъ въ баснѣ долженъ быть не однимъ моментомъ, а рядомъ моментовъ (представляющихъ единство, о чемъ ниже), потому что объясняемое басни есть сложное явленіе, (разлагаемое) состоящее изъ одного или многихъ дѣйствующихъ лицъ, производящихъ дѣйствіе. Эмблема соотвѣтствуетъ только субъекту, а не сложности объясняемаго. Изобразительныя искусства (скульптура, живопись) только заставляютъ догадываться о дѣйствіи, а не изображаютъ его. Примѣры—ето *лиса*, *волкъ*, *медвѣдь*.

2. Образъ басни долженъ быть дѣйствіемъ, измѣненіемъ или рядомъ измѣненій, представляющихъ единство. Примѣръ отсутствія единства, Phaedr. IV, 11. Воръ и лампадна. V, 3. Лысый и муха.

3. Басня, будучи дѣйствіемъ (что предполагаетъ дѣйствующее лицо v. лица—*подлежащія* и дѣйствія—*сказуемыя*), вся въ цѣ-

[3]) Розборъ этихъ басенъ сдѣланъ въ соч. „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка“. А. Потебня.

Digitized by Google

ломъ есть отвѣтъ на запросъ, дѣлаемый сознанію новымъ конкретнымъ явленіемъ, т. е. есть постоянное сказуемое перемѣнчивыхъ подлежащихъ.

Если бы дѣйствующія лица басни (и обстоятельства, напр. мѣстность и пр.) привлекали къ себѣ вниманіе, возбуждали сочувствіе или неудовольствіе настолько, насколько это бываетъ въ животномъ или человѣческомъ эпосѣ, ооиѣети, романѣ, то басня перестали бы быть собою, т. е. быстрымъ отвѣтомъ на вопросъ.[1]) Для того чтобы обширное поэтическое произведеніе стало такимъ отвѣтомъ, нужно, чтобы оно отодвинулось въ даль, всѣ его подробности исчезли, и остались лишь нѣкоторыя общія очертанія: Парисъ похищаетъ Елену. Менелай и Агамемнонъ ведутъ грековъ подъ Трою. Гибнетъ Патроклъ, Ахиллъ и много грвавовъ отъ оружія и заразы. Гибнетъ Троя... Вотъ басня на тему: „delirant reges, plectuntur Achaei", „пани снубуться, а у мужнів чуби тріщить", но богатство содержанія нечезло. [2])

Пользоваться такъ сложными поэтическими произведеніями можно и должно; но, очевидно, такое пользованіе опредоолагаетъ другое, исключительно свойственное этимъ произведеніямъ и отличное отъ пользованія баснею.

Такимъ образомъ басня, ради годности своей къ употребленію, недолжна останавливаться ни на характерѣ дѣйствующихъ лицъ, ни на изображеніи сцены. Отсюда—требованія относительно изложенія. Двѣ манеры: 1) древніе, прямодушественно греки, и 2) Лафонтенъ съ подражателями и переводчиками. Отсюда—внѣшность *животныхъ* въ басняхъ(=*фигуры* въ шахматахъ). Очеловѣченіе міра несоздано баснею, а предполагается ею, какъ нѣчто готовое. Gerber II², 463—5, ib. о необходимости эзопоскаго яз.).

---

[1]) Пушкинъ—Сапожникъ (1829) и Квитка—Салдацкій патретъ. Лермонтовъ—Три пальмы (карававъ).

[2]) Почему аллегорическій образъ неможетъ быть развитъ въ обширное произведеніе безъ утраты своего дѣйствія, т. е. эстетическаго достоинства? Внутреннее, противорѣчіе между метафоричностью образа и его конкретностью, Gerber II², 483. Оцѣнка аллегорической живописи: область живописи—синекдоха, метонимія, но не метофора.

Digitized by Google

Рядъ дѣйствій въ баснѣ долженъ прекращаться, какъ скоро явилась возможность примѣненія. Басни *Старикъ и смерть* оканчиваетси: „*Помоги поднять бремя*!“ Но, говоритъ Лессингъ, съ аонцомъ басни неаончилось событіе: исполнила ли смерть просьбу? оставила ли она старика въ живыхъ? и пр.—*Турухтанъ* а *море* (Strandläufer)—„море унесло нйцо турухтана“—(первая половина и собственно аонецъ басни.)— „Турухтанъ мститъ, доходитъ до царя птицъ Гаруды и Вишну“—(вторая половина, 2-я басня), но примѣненіе первой и второй половины различно, а въ цѣломъ басни неможетъ имѣть примѣненія. (Объясн. млр. п. I, 256).

4. *Конкретность дѣйствія.* Что будетъ, если превратить въ общія положенія басни: Пугачева (орелъ и воронъ); Обезьяна и дѣтеаыши; Страусъ, прячущій голову; басню Наеана?

а) Если дѣйствія, приписываемыв лицу или лицамъ сказаи, басни, суть свойства не родовыя, а частныя, то при обобщеніи получается нелѣпость: всѣ богатые (=ааждый богатый) для своего гостя отнимаютъ овцу у бѣднаго.—Если бы Наеанъ сказалъ Давиду: нѣноторые богатые и пр., то Давидъ могъ бы отвѣтить: „да, вѣроятно, есть гдѣ-либо, но съ какой стати ты говоришь мнѣ это? И если бъ Наеанъ саазалъ: „ты одинъ изъ нихъ“, то можно возразить: „это еще нужно доказать.“ Такамъ образомъ басня превраталась бы въ изслѣдованіе.

б) Если едяничный образъ (=дѣйствіе) можетъ быть обобщенъ безъ перехода въ абсурдъ, то по обобщеніи мы получаемъ научное положеніе: „говорятъ, обезьяны производятъ по два дѣтеныша. Одного изъ нихъ мать любитъ и лелѣетъ, другого ненавидитъ и пренебрегаетъ. Странно, что любимаго мать удушаетъ своими ласнами, объятіями, тогда какъ нелюбимый благополучно доростаетъ до совершенволѣтія.“ Fab. Aesop., 263 (Less.—71).

Такимъ образомъ получается прозаическое, научное обобщеніе.

Почему такія положенія: „ласточки“ возвращаютсв весной и проч. (Іоан. Экз.) — научны? Свойство ааучнаго обобщенія состоитъ въ томъ, что оно ведетъ мысль аъ частностямъ, въ немъ заключеннымъ, по не къ частностямъ другого круга.

Digitized by Google

Поэтому для установленія связи между такимъ обобщеніемъ и явленіемъ другого порядка нужно бо́льшее усиліе мысли, чѣмъ для установленіа связи между единичными явленіями, которыя при правильномъ обобщеніи были бы разнесены по различнымъ разрядамъ. Съ увеличеніемъ этого усилія уменьшается способность объясненіи частнаго общимъ другого порядка. Отсюда необходимость, принимая объясняющее для инороднаго (общаго или частнаго), называть это послѣднее и указывать на его отношеніе къ первому (*παραβολή* = сравненіе, *παραβάλλω*, бросать, класть подлѣ, сближать съ). Это *притча*, *приклад*ъ (иное значеніе получило слово *примѣръ*). [1]) „И отъ ластовицъ не вѣроуеши ли, ѥже оу тебѣ щьбьчеть вьсе лѣто зѣло красьнѣ? и зимѣ пришьдъши отидеть отъ тебѣ, и за короу залѣзъши праплатитьтиса доубоу, и перье съврьжеть; годоу-же весньноуоумоу пришьдъшоу паки са обрьжеть перьемь, ѥако и навь из гроба исходѧщи, весна бо еи въстаніє прнесеть, и много ѥаы г҃ять и щьбьчеть, тъкмо не рекоущв: ч҃лвчине! отъ мене вѣроуи во въскрьсении. (I. Экз. Калайд. 137).

Здѣсь общее, объясняющее, представлено, какъ постоянно повторяющееся явленіе: „каждый разъ какъ наступитъ пора, каждая ласточка“ и пр.

[1]) *Притъча*—сравненіе (=послѣ сравниваемаго): „Яко же и дымъ отъ дрѣва и отъ огнѣ възидетъ горѣ рѣдькъ и слабъ, таче яко възидетъ на высость, яко облакъ се сътънетъ и оудебелить; тако же и водьное ѥ҃ство и родъ Бъ възвышивъ съте. и дебели, оутвр'дивъ. А яко же по истинѣ е прит'ча си, свидѣтельствуетъ Исаиѣ гл҃е, яко же и҃бо аы дымъ оутвръди се. Іоан. Экз. Шестод. 34. Небо ледъ, а подъ нимъ огонь солнца: „Есть же и притъча тому“: оловяный котелъ съ водою подъ углями, ib. об. 34 ib. 170, об. 171. Кака доброта ест бес прилада творьча и славна и дивна и чюдна, Шестодн. 19.

Приклоненъ—подобьнъ (ср. сходенъ). Въ Библіи 1499 г. (Буся. Мат. 51.): и бо; ровѣ (=е) не прик(л)он'ни вѣѣхъ его и елиѣ (віс) не бысть приклон'но отраслехъ его и сосны не подобны отраслемъ его, 31, 8: вьсе дрѣво еже въ раи Божіы не бысть приклонно ему въ добротѣ его, ib.

Ой біла паутина по тину повилась,
Маруся з Іваном понялась повилась,
Які руки, тані ноги, тана й голова,
Увійшлися, обнялися-люба й розмова.

Област. вкр. *суразица*, сходство, подобіе, противень, Буся. Оч. I, 180.

Протиу: Зоаъ бо человѣкъ протиу бѣсу, и бѣсъ того не вамисляти. Ин. 99 (371). У Котошихина: противъ того, какъ=согласно съ тѣмъ. подобному тому какъ.

Digitized by Google

„Возможность есть видъ всеобщности", напримѣръ избраніе, назначеніе кормчимъ наиболѣе опытнаго изъ корабельщиковъ, рядомъ съ чѣмъ—возможность назначенія кормчаго по жребію. Въ реторикѣ Аристотеля: „назначать правительственное лицо по жребію все равно, какъ если бы владѣлецъ корабля, нуждаясь въ кормчемъ, вмѣсто того чтобы выбрать для этого наиболѣе годнаго изъ своихъ корабельщиковъ, взялъ такого, на котораго упадетъ жребій". (Lessing).

Что можетъ быть, можетъ и не быть, почему объяснительная сила возможнаго больше силы дѣйствительнаго. Отсюда—превращеніе *притчи* (*παραβολή* Аристотеля съ *ὥσπερ, εἴ τίς*) въ басню (*λόγος*), въ коей дѣйствіе изображено, какъ дѣйствительное и индивидуальное.

Отношеніе образа къ объясняемому: а) образъ есть постоянное сказуемое въ перемѣнчивымъ подлежащамъ=постоянное средство аттракціи измѣнчивыхъ апперципируемыхъ. *Примѣры:* басни Стезихора, Лягушки просящія царя (Эзопъ; Федръ относитъ къ Писистрату); Оселъ и пастухъ (ФедръI,15): патріотизмъ. „Слонъ и мышка", Крыловъ; „Дуракъ", Тургеневъ, Стих. въ прозѣ; Арабъ и верблюдъ, Babrius. Цыганъ: ора, мели, їжь. — Отсюда—вѣчность басни; предѣлы ея существованія.

б) Образъ есть нѣчто гораздо болѣе простое и ясное, чѣмъ объясняемое, что легко увидѣть на примѣрахъ хорошей басни.

Когда, указывая на вещь, называютъ ее по имени, то буде мы говоримъ понятнымъ языкомъ, какъ неспроситъ, что значитъ это названіе. Когда басня разсказывается по поводу извѣстнаго говорящимъ частаго случая, то, буде она хороша, т. е. ясна, внято неспроситъ, къ чему она и что она значитъ. Мужъ и жена замечтались о томъ, какъ устроятъ они свою жизнь, когда выиграютъ въ лотерею 200 тысячъ, заспорили и наговорили другъ другу колкостей. Но тутъ вспомнился имъ цыганъ, его будущая корова съ телякомъ и сынъ, котораго онъ ударилъ: „не їздь (на телякѣ), спинку переломаш?" И они разсмѣялась.

Вотъ она рѣшительница спора. Вотъ случай прозаическаго, осязаемаго значенія поэзіи.

Digitized by Google

Но разъ оторванный отъ своего корня поэтическій образъ ходитъ по людямъ, какъ готовое сказуемое еще неизвѣстныхъ подлежащихъ, разъ возникаютъ профессіональные хранители и распространители этихъ образовъ,—возникаетъ и стремленіе пояснять, на что этотъ товаръ можетъ быть пригоденъ. Такое поясненіе происходитъ трояко: или словесно выраженнымъ указаніемъ на частный случай, сходный съ разсказаннымъ въ баснѣ; или приведеніемъ общаго положенія, на которое указываетъ басня; или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Примѣръ послѣдняго случая — басня Крылова „Ворона“ (въ павлиньихъ перьяхъ).

Двойная (сложная) *басня*. Если частный случай *А*, по поводу котораго сказана, или къ которому примѣнена уже готовая басня *Б*, будетъ изложенъ такъ, что самъ по себѣ находитъ примѣненіе, т. е. самъ по себѣ составляетъ басню, и если это изложеніе *А* будетъ преступомъ къ *Б*, то получится поэтическая форма, которую Лессингъ назвалъ составною басней (zusammengesetzte fabel).

Очевидно, не точно выраженіе Лессинга, что „одна и та же басня можетъ быть (смотря по способу обработки) то простою, то сложною“, ибо сложность здѣсь имѣетъ и состоитъ въ томъ, что въ составной баснѣ имѣется новый актъ творчества, такъ какъ въ ней не одна басня, а двѣ.

Примѣры. „Волкъ и мышонокъ“, Крылова: волкъ утащилъ овцу, мышенокъ стянулъ у него кусочекъ мяса, и волкъ закричалъ“: караулъ! Разбой! Держите вора!

Такое жъ въ городѣ, а видѣлъ, приключалось:
У Климыча судьи часишки воръ стянулъ,
А онъ кричитъ на вора: караулъ!

Ср. у Бабрія: Левъ отнялъ у волка овцу, волкъ взвылъ, сталъ жаловаться, что незаконно отнимаютъ у него его собственность. — „Зеркало и обезьяна“, Крылова:

Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою глядитъ на Петра

Лафонтенъ: Le coq et la perle—полный параллелизмъ: во 2-ой пол. Un ignorant hérita d'un manuscrit.

Digitized by Google

Лессингъ: простая (эзоповская) басня („Львицу попрекаютъ (по нѣкоторымъ версіямъ именно свинья), что она родала только одного дѣтеныша“: „Да, одного, но льва“) становится составною по присоединеніи къ ней слѣдующаго: „я“, говорилъ стихоплетъ поэту, „сочиняю по семи трагедій въ годъ! А ты? Въ семь лѣтъ одну!“ — Да, одну, но Аталію (Расинъ).

Въ составной баснѣ баснопасецъ пользуется простой басней такъ же, какъ пользуется ею въ ея первобытномъ состояніи, съ тою разницею, что въ этомъ состояніи басня приходитъ на мысль по поводу частнаго житейскаго случая, а въ составной баснѣ наоборотъ.

Соединеніе мотивовъ можетъ быть въ различной степени отлично. Чѣмъ общѣе образъ *А* и чѣмъ становится неопредѣленнѣе кругъ, количество его примѣненій, тѣмъ нужнѣе становятся вмѣшательство самого автора, выражающееся въ сопоставленіи *А* съ *Б*, которое сужаетъ кругъ примѣненія. Напримѣръ, бас. Гребенки, „Ячмень“: пустые и полные колосья ячменя, склонившіеся „мовми неграмотніи перед велиним паном и пр. Въ этой баснѣ сопоставленіе А (колосья) съ Б (неграмотными), затрудняютъ примѣненіе *А* къ самонадеянности достойныхъ и высокомѣрію ничтожныхъ и неразумныхъ людей, ограничивая примѣненіе отношеніями земледѣльца къ состояніямъ и званіямъ чуждымъ при дурномъ состояніи общества.

Обобщеніе. Лессингъ (Abhandlungen über die Fab.): если извѣстна всеобщее нравственное (т. е. относящееся къ человѣческой жизни, а не внѣшнему, физическому міру) утвержденіе (Satz) къ частному случаю и разсказать этотъ случай, какъ дѣйствительный (какъ событіе, а не въ смыслѣ примѣра или сравненія), и при томъ такъ, чтобы этотъ разсказъ служилъ къ наглядному познанію общаго утвержденія, то такое сочиненіе будетъ басня. [1]) Выходитъ такъ, что какъ будто сначала существуетъ въ мысли общее утвержденіе „лесть гнусна“ и пр., затѣмъ въ баснѣ оно изво-

[1]) Wenn wir einen allgemeinen moralischen Satz auf einen besonderen Fall zurückführen, diesem besondern Falle die Wirklichkeit ertheilen, und eine Geschichte daraus dichten, in welcher man den allgemeinen Satz anschauend erkennt: so heisst diese Erdichtung eine Fabel.

Digitized by Google

дится къ частному случаю, какъ говоритъ Лессингъ, или умышленно скрывается за иносказаніемъ, переряживается въ иносказаніе, какъ говорили оспариваемые имъ авторитеты (La fable est une instruction deguisée sous l'allégorie d'une action, De la Motte; La fable est un petit poëme, qui contient un précepte caché sous une image allégorique, Richer).

Въ примѣненіи къ языку это значило бы, что слово сначала означаетъ цѣлый рядъ вещей, дѣйствій, качествъ, а потомъ въ частности эту вещь и пр., при чемъ является вопросъ: какимъ образомъ возникало общее? Но общее возникаетъ изъ частнаго. Добываніе общаго усиліями мысли столь трудно и продолжительно, что многіе языки, а тѣмъ болѣе многіе отдѣльные люди, извѣстныхъ обобщеній немогутъ выразить, потому что ихъ незнаютъ.

Въ примѣненіи къ баснѣ нужно бы, въ случаѣ вѣрности Лессингова опредѣленія, предположить, что сочинитель или примѣнитель ея стоитъ самъ на высотѣ абстракціи, что цѣль его возвести на эту высоту слушатели, и что средства, избираемыя имъ, достигаютъ этой цѣли.

Случаи дѣйствительнаго примѣненія басни показываютъ, что цѣль разсказчика—опредѣленіе точки зрѣнія на дѣйствительный частный случай (*А*, психологическое подлежащее) посредствомъ сравненія его съ другимъ частнымъ же случаемъ, разсказываемымъ въ баснѣ (*Б*, психологическое сказуемое). Указаніе случая *А* другимъ лицомъ (не авторомъ) можетъ быть ошибочно (разумѣется не тотъ случай: „на ворѣ шапка горитъ"). Но утвержденіе, что авторъ писалъ безъ „натуры", справедливо только относительно повторателей, собирателей, пишущихъ по рецепту, на тему. „Suspicione si quis errabit sua Et rapiet ad se, quod erit commune omnium Stulte nudabit animi conscientiam. Huic excusatum me velim nihilominus (но пусть этотъ мнѣ не вмѣнитъ): Neque enim notare singulos mens est mihi, Verum ipsam vitam et mores hominum ostendere. Phaedri, Fab. III, Ad Eutychum, 45—50.

Разъясненіе достигается тѣмъ, что изъ *А* выдвигаются впередъ лишь черты, находящія соотвѣтствіе въ *Б*. Слѣдовательно,

Digitized by Google

а) обобщеніе является, какъ нѣчто послѣдующее, какъ результатъ сравненія частностей; *б*) оно остается примѣненнымъ къ частному случаю а относительно частнымъ, а до того обобщенія, которое выставляютъ въ началѣ или въ концѣ басни баснописцы, ни примѣняющему, ни слушающему басню дѣла нѣтъ. Отсюда происходитъ, что и поздвѣйшій баснописецъ, продавецъ басни (читатель готовой басни), которому, наоборотъ нѣтъ дѣла до ея дѣйствительнаго примѣненія, а есть лишь—до возможнаго примѣненія, находитъ эту возможность не тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ искать, выставляетъ обобщеніе лишь слабо связанное съ басней. Такъ, книгопродавецъ, рекомендующій книгу покупателю, можетъ быть не только пристрастнымъ, но и плохимъ цѣнителемъ.

Геродотъ (I, 141): Киръ послалъ къ Іонійцамъ пословъ съ предложеніемъ возстать противъ Лидійскаго царя Креза. Тѣ отказались, и уже когда Персы завоевали Лидію, а Киръ былъ въ (столицѣ Лидіи) Сардахъ, они вмѣстѣ съ Эолійцами отправила пословъ въ Сарды, предлагая подчиниться ему на тѣхъ же условіяхъ, какія были приняты царемъ Лидійскимъ Крезомъ. Киръ выслушалъ ихъ предложеніе и разсказалъ имъ басню: „Флейтщикъ, видя рыбъ въ морѣ, сталъ играть, думая, что привлечетъ ихъ на берегъ. Надежды его были обмануты. Тогда онъ взялъ сѣть, закинулъ ее, вытащилъ полную рыбъ и, видя, какъ онѣ бились, сказалъ: „полно плясать! Вѣдь вы не хотѣли плясать ко мнѣ, подъ звуки моей флейты“. Бабрій, перасказывая эту басню, безъ примѣненія и съ небольшимъ измѣненіемъ („теперь вы пляшете безъ игры; лучше было плясать, когда я вамъ игралъ“), замѣчаетъ: „безъ труда, незаводивая сѣти, ничего недобудешь; но если ты закинулъ и удачно поймалъ, что хотѣлъ, тогда (надъ пойманнымъ!) умѣстна насмѣшка и шутка“. Но вѣдь трудъ былъ въ обѣихъ случаяхъ только разнаго рода (игра на флейтѣ и закидываніе сѣти). Смыслъ басни вовсе не въ томъ, а скорѣе: „полюби насъ въ червѣ, а въ бѣлѣ насъ всякъ полюбитъ“. „Ой як би дівчиноньки трошки богатенькі, взяв ба тебе за рученьку повів до батенька. Ой ни би и, козаченьку, трошки богатенька, наплювала б

Digitized by Google

и на тебе й на твого батенька! Ср. „И посласта къ Ярославу": миръ съ нами възми, а крестъ къ намъ целуй, а крови непроливай." Отвѣщавъ же Ярославъ (рече): мира нехощу... далече есте шли и вышли есте, аки рыба на сухо". 1216, Лавр.[2], 469.

Баснописецъ, примѣняющій къ баснѣ обобщеніе, бываетъ похожъ на продавца игрушекъ, который могъ бы наставить ребенка, сказавши: это кукла, ею играютъ такъ-то. Примѣняющій басню похожъ на ребенка, который никому необъясняетъ, а играетъ куклой; или игрока, который беретъ флейту и играетъ ту или другую пѣсню.

Совпаденіе бываетъ, когда продавецъ внѣстѣ и мастеръ и игронъ (Щедринъ „Игрушечныхъ дѣлъ мастера"). Конечно, и объясненіе продавца и обобщеніе баснописца могутъ быть болѣе или менѣе точны; но изъ того, что оно у извѣстныхъ баснописцевъ, людей умныхъ, бываетъ нерѣдко неточно и ошибочно, слѣдуетъ, что это обобщеніе есть не нѣчто данное, а выводимое изъ частнаго случая басни, при томъ съ усиліемъ, которое можетъ принимать ложное направленіе. Такъ, Федръ (I, 1) говоритъ, что басня „Волкъ и ягненокъ" „мѣтитъ на людей, которые обманомъ и хитростью тѣснятъ добрыхъ". Это значитъ—попасть пальцемъ въ небо! Ни обмана, ни хитрости нѣтъ. Для такого обобщенія довольно: волкъ подкараулилъ ягненка и съѣлъ. „Батте", говоритъ Лессингъ, „говоритъ, что нравоученіе вытекающее изъ этой басни „que le plus faible est souvent opprimé par la plus fort." Какъ мѣлко! Какъ ошибочно! Если бы басни должна была научать только этому, то поэтъ выдумалъ fictae causae волка совсѣмъ понапрасну, совсѣмъ отъ скуки (für die Langweile). Его басни говорила бы гораздо больше, чѣмъ онъ ею хотѣлъ сказать и была бы другая. „Нравоученіе ея (Fab. Aesop. 230): *οἷς κράθεσις ἀδικεῖν, καὶ αὐτοῖς οὐ δικαιολογία ἰσχύει*". Кто хочетъ обидѣть невиннаго, тотъ постарается сдѣлать это *μετ' εὐλόγου αἰτίας*; онъ найдетъ предлогъ, но ничуть неизмѣнитъ намѣренія, если этотъ предлогъ будетъ посрамленъ (Lessing, l. c. 64). Это обобщеніе

Digitized by Google

совпадаетъ съ Крыловскимъ. „У сильнаго всегда безсильный виновать", если къ нему прибавить черту самой басни:

Ягненка видитъ онъ (волкъ), ни добычу стремится,
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ....

У Лафонтена: La raison du plus fort est toujours la meilleure.

„Не воззри на мя, ниляже господине, яко волкъ на ягня, но воззри на мя, господине мой, яко мати на младенца", Слово Дан. Зат. Послѣднее сравн. съ Эзоп. у Бабрія, 16.

Обобщеніе частнаго случая можетъ идти безъ помѣхи до высочайшихъ ступеней. Басня отдѣльно отъ примѣненія въ этомъ отношеніи похожа на точку, чрезъ которую можно провести безконечное число линій. Только примѣненіе басни къ частному случаю опредѣляетъ, какія изъ ея чертъ должны быть сохранены въ обобщеніи, если это обобщеніе должно сохранять связь съ самой басней. Это опять также указываетъ, что сначала басня и ея примѣненіе, а потомъ обобщеніе и нравоученіе. Это показываетъ и упомянутое выше побужденіе къ составленію двойныхъ басенъ. „*Мужикъ и аистъ*" (Бабрій, 13). Поселянинъ разставилъ сѣти на своемъ полѣ на журавлей, которые опустошали его посѣвы. Съ журавлями попался въ сѣти и хромой аистъ. „Я, говоритъ, не журавль, я посѣва не порчу; я, можешь видѣть по перьямъ, аистъ, самая добродѣтельная птица: кормлю отца, берегу его въ болѣзняхъ". А мужикъ: „какъ ты живешь, аистъ, того незнаю, а знаю, что я поймалъ тебя съ опустошителями моихъ полей. Потому, съ кѣмъ попался, съ тѣмъ будешь и повѣшенъ". Какія обобщенія? Смотря по примѣненію, по точкѣ зрѣнія примѣняющаго: съ кѣмъ кто попался, съ тѣмъ и отвѣчаетъ" (mitgefangen, mitgehangen); „дурное общество опасно", „человѣческая справедливость умышленно близорука и своекорыстна", невинный неизбѣжно страдаетъ съ виновнымъ, „нѣтъ правды на свѣтѣ" или наоборотъ: „справедливо, чтобы при соблюденіи высшихъ интересовъ необращать вниманія на претерпѣвающее отсюда частное зло и пр." Согласно съ этимъ, кто предлагаетъ басню въ ея отвлечен-

Digitized by Google

иомъ видѣ, по настоящему долженъ бы снабжать ее не одинъ, нерѣдко произвольнымъ обобщеніемъ, а указаніемъ на возможность многихъ ближайшихъ обобщеній.

„*Дикія козы*". Эзоповская басня, у Бабрія, 45: Зевсъ ниспослалъ снѣжную вьюгу. Спасаясь отъ нея, пастухъ думалъ загнать своихъ покрытыхъ снѣгомъ козъ въ горную пещеру—она была необитаема—и засталъ тамъ уже другихъ козъ дикихъ, которыя были и многочисленнѣе и больше и сильнѣе его козъ. Тогда онъ принесъ дикимъ листьевъ, а своихъ оставилъ на дворѣ и впроголодь. Когда же выяснилось, то онъ нашелъ, что свои мертвы, а дикія ушли въ горы по лѣснымъ дебрямъ. Онъ вернулся домой безъ козъ, достойный осмѣянія. Изъ погони за лучшимъ онъ потерялъ свое". Въ другой версіи эзоповской басни: „ненадобно пренебрегать своимъ добромъ, въ надеждѣ прибыли отъ чужого". Обобщенія слабо связаны съ басней; они имѣютъ въ виду пастуха, а не козъ и приписываютъ пастуху жадность. Отсюда такое обобщеніе одинаково приложимо и къ баснѣ „собака съ кускомъ мяса, идущая черезъ рѣчку и пр." Кеневичъ опровергаетъ мнѣніе, что басня была написана Крыловымъ по поводу дированія конституціи царству польскому тѣмъ, что она появилась почти 10 лѣтъ спустя послѣ этого событія. Но подобнаго рода принѣненіе возможно, и въ такомъ случаѣ мораль жадности, властолюбія и пр. можетъ быть замѣнена другою.

„*Лягушка и волъ*". Федръ I, 24: „Слабый, разыгрывающій могущественнаго, гибнетъ". Горацій, Лафонтенъ, Крыловъ имѣли въ виду такіе же обобщенія, предполагающія примѣненія къ случаямъ, „когда (Крыловъ) жить хочетъ мѣщанинъ, какъ именитый гражданинъ, а сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ". Бабрій „себѣ повредишь и не успѣешь, подражая тому, кто далеко тебя превосходитъ" примѣняетъ къ баснѣ: у ящерицы лопнулъ поперекъ (потрескалась спина), когда она задумала сравняться по величинѣ съ дракономъ. Но въ баснѣ „Жаба и волъ" (Бабрій, 28) жаба силится раздуться въ вола не изъ зависти, а узнавъ, что онъ раздавилъ ея дѣтеныша, слѣдовательно, собираясь мстить.

Digitized by Google

Если исходная точка въ баснѣ есть общее, то частное будетъ относиться къ этому общему, какъ примѣръ или доказательство. Такъ смотрятъ на это баснописцы.

Нянька и волкъ. Бабрій, 16: „Нянька говорила плачущему ребенку: „неплачь, а то волку отдамъ". Волкъ принялъ это за правду и долго ждалъ, пока наконецъ дитя затихло и усауло. Тогда волкъ ушелъ голодный. Дома волчица спрашиваетъ у него: „какъ же это ты на этотъ разъ ничего не принесъ?" — „Какъ было и принести, когда я повѣрилъ женщинѣ". Доказываетъ ли басня общее положеніе? Баснописцы называютъ басню примѣромъ и доказательствомъ.

Федръ I, 3: Graculus Superbus et Pavo:
Ne gloriari libeat alienis bonis
Suoque potius habitu vita degere,
Aesopus nobis hoc exemplum prodidit.

id. I, 5. Vacca et capella, ovis et leo:
Numquam est fidelis cum potente societas.
Testatur haec fabella propositum meum („львиная доля")

id. I, 9. Passer ad leporem consiliator:
Sibi non cavere et aliis consilium dare
Stultum esse paucis *ostendamus* versibus.

id. I, 12. Cervus ad fontem:
Laudatis utiliora, quae contempseris,
Saepe inveniri, haec testis est narratio.

id. I, 15. Cornix astuta (бросаетъ камушки въ кувшинъ съ водой):
Hac re *probatur*, quantum ingenium potest:
Virtute semper prevalet sapientia.

id. I, 17. Asinus ad Senem pastorem:
In principatu commutando saepius
Nil praeter domini nomen mutant pauperes
Id esse verum parva haec fabella *indicat*.

id. I, 21. Canis parturiens:
Habent insidias hominis blanditiae meti:
Quas ut vitemus, versus subjecti *monent*.

Digitized by Google

Крыловъ. Роща а *огонь:*

Когда корысть себи личааой дружбы ароетъ,
Оаа тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще *яснѣй,*
Послушай басеаьки моей.
Обезьяны: А безъ ума переаимать
И, Боже сохрани нанъ худо!
Я праведу *примѣръ* тому изъ дальаахъ странъ.
Червонецъ: Объ этой астинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей аа цѣлу аанигу стало,
Да важно говорнть ае всякому пристало,
Тааъ съ шутной пополамъ
Я басаей *доказать* ее намѣренъ вамъ.
Волкъ и лисица: Охотно мы даримъ,
Что намъ пепадобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ что *истина сносяье вполоткрыта.*

(Подъ истаной разумѣется развѣ частный случай?)

На это басню вамъ саажу я,
Канъ умѣю....
Чтобы тебѣ жавѣй представнть,
Канъ на себя аадѣнность аредна,
Позволь мнѣ басеальной себя ты позабавать...

По своему басаопясцы правы, потому что подъ *примѣромъ, прикладомъ, притчей, параболой, доказательствомъ* разумѣютъ заачения, предшествующія болѣе новымъ теорінмъ познааія. Для аихъ, канъ и средаяго человѣаа вообще, доказывать значатъ ааводать на мысль. Напр. путешествія полезны, потому что, путешествуя, мы аадамъ аовын веща и пріобрѣтаемъ аовыя познанія. „Необнаженный мечъ неможетъ оаазать своей крѣпоста, и перо, неисписавъ нѣсколькихъ листовъ,—своего красаорѣчія.—Небо для непрестаапаго движеаін паходится выши всего прочаго, а земля поэтому недвпжима служитъ въ хождеаію всѣмъ тварямъ.—Когда бы дерева могли переходить съ одного мѣста аа другое, то опи

Digitized by Google

неимѣли опасаться ни пилы, ни топора (Калила и Димна). Политач. и нравоучит. басни Индійская, пер. Волч. 1762, 21.

Въ другомъ смыслѣ понимается примѣръ и доказательство въ точныхъ знаніяхъ.

Совершеннѣйшій образецъ научнаго обобщенія есть ариѳметическій итогъ, получаемый изъ сложенія единицъ. Научное доказательство есть непремѣнно доказательство общаго положенія. Какъ повѣрка итога состоитъ въ дѣйствіи обратномъ тому, коимъ онъ полученъ; такъ вообще научное доказательство есть разложеніе общаго положенія на частности, изъ которыхъ оно состоитъ. Повторяя трижды обобщеніе 7, получимъ 21 ($7+7+7=21$ или $3\times7=21$). Доказательствомъ вѣрности 21, какъ результата этихъ дѣйствій, служитъ $\frac{21}{3}=7$ и $\frac{21}{7}=3$.

Такимъ же образомъ доказательство равенства треугольниковъ, въ коихъ одна сторона съ прилежащими въ ней углами равны, можетъ состоять лишь въ разложеніи наложеніи. Въ понятіи равенства угловъ *А* и *а*, *Б* и *б* заключено то, что стороны ихъ при наложеніи покроютъ другъ друга. Въ понятіи прямой линіи, уже заключенномъ въ понятіи треугольникъ, находятся то, что пересѣченіе ихъ можетъ послѣдовать лишь въ одной точкѣ. Такимъ образомъ точки пересѣченія сторонъ *АВ*, *БВ*, *ав*, *бв*, *В* и *в* совпадутъ.

Совершенное доказательство, т. е. разложеніе общаго положенія (суммы) безъ остатка, *можетъ* имѣть мѣсто только въ той области знаній, въ которой единица идеальна и равенство слагаемыхъ единицъ безусловно. Такова математика въ предѣлахъ конечныхъ величинъ и логика настолько, насколько она есть обобщеніе математическихъ пріемовъ мышленія. Во всѣхъ другихъ областяхъ знанія доказательство имѣетъ тотъ же характеръ, при меньшей точности.

Всѣ люди смертны, т. е. были и будутъ. Отдѣльные случаи дѣлаютъ это положеніе въ высшей степени вѣроятнымъ. Но понятіе „всѣ люди“ неразложимо безъ остатка. Прошедшее и будущее намъ неизвѣстно. Было бы убѣдительнѣе доказывать необхо-

Digitized by Google

димость смерти не отдѣльными случаями, а разложеніемъ понятія *человѣкъ*, какъ органическое живое, и доказательствомъ, что въ понятіи органической жизни заключена необходимость смерти; но и здѣсь, точность встрѣчаетъ препятствія: что такое жизнь? смерть? Во всякомъ случаѣ—нѣчто менѣе опредѣленное, чѣмъ $3 \times 7 = 21$.

Точность доказательства уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается неопредѣленность числъ слагаемыхъ и неравенство ихъ между собою. Неравенство людей по отношенію къ смерти можно безъ большой ошибки счесть равнымъ нулю; но разница между ними будетъ огромна по отношенію къ опредѣленному сроку жизни, напримѣръ 120 годамъ. („Число лѣтъ человѣка много если 100 лѣтъ, Кн. Прем. І. с. Сирах. 18,8). Поэтому болѣе менѣе точное доказательство нравственнаго правила въ родѣ „съ сильнымъ неборись, съ богатымъ нетяжись“ возможно лишь послѣ опредѣленія, что̀ мы въ данномъ случкѣ разумѣемъ подъ слабымъ, бѣднымъ и подъ богатымъ, сильнымъ.

Научный примѣръ отличается отъ научнаго доказательства, лишь какъ часть отъ цѣлаго, состоящаго изъ такихъ же частей. Совершенное обобщеніе (=законъ) и состоитъ именно въ томъ, что для полученія его изъ отдѣльныхъ случаевъ берутся только равныя доли. Поэтому *для поясненія обобщенія безразлично, какой примѣръ ни взять;* напр. можно взять любой треугольникъ для поясненія равенства угловъ 2 прямымъ; любую птицу—въ примѣръ того, что подъ птицей мы разумѣемъ животное, обладающее симметрическимъ строеніемъ тѣла. Небезразличіе примѣра увеличивается по мѣрѣ увеличенія несовершенства обобщенія. Напр. по отношенію къ обобщенію „всякое нынѣшнее русское слово, кончающееся на согласный звукъ, потеряло на концѣ гласный“ иные примѣры могутъ вызвать сомнѣніе въ его правильности, возбуждая вопросы: возникли ли иныя русскія слова уже въ то время, когда законъ гласности окончаній уже недѣйствовалъ? не заимствованы ли въ это время иныя изъ русскихъ словъ изъ другихъ языковъ, въ которыхъ небыло закона гласности окончаній?

Digitized by Google

Мы говоримъ: такое-то положеніе подтверждается фактами. Въ этомъ случаѣ подъ фактомъ разумѣемъ то, что выше названо примѣромъ, такъ что мы можемъ повторить сказанное о примѣрѣ другими словами: *обобщеніе* (или, перенося вопросъ, *законъ*) *одинаково выражается во всѣхъ фактахъ, послужившихъ для его построенія.* Еще иначе: *фактъ* въ этомъ смыслѣ возникаетъ *одновременно со своимъ обобщеніемъ или закономъ.* Причина, по которой мы считаемъ такой фактъ (напр., равенство угловъ 2-мъ прямымъ въ треугольникѣ А) за единицу, заключается въ томъ, что онъ обособленъ отъ другихъ такихъ же признаками, невошедшими въ обобщеніе, (напр., въ данномъ прямѣрѣ величина угловъ и сторонъ). Сцѣпленіе признаковъ, частью вошедшихъ въ обобщеніе, частью невошедшихъ въ него, можемъ назвать, въ отличіе отъ вышеупомянутаго факта—примѣръ, *конкретнымъ фактомъ.* Чѣмъ больше его конкретность, тѣмъ въ большее число обобщеній могутъ входить составляющіе его признаки. Понимая фактъ въ этомъ смыслѣ, мы можемъ сказать, что *обобщеніе, законъ постоянны, неподвижны, а факты измѣнчивы.*

И такъ, въ какомъ смыслѣ басня можетъ служить доказательствомъ общаго положенія?

„Эта басня учитъ, мой сынъ, быть кроткимъ. Увѣщаніе дѣйствуетъ лучше силы“ (Babr. 18, Гребенки, XVI). Чтобы доказать это по правиламъ ариѳметической повѣрки ($3 \times 7 = 21$ п. ч. $\frac{21}{3} = 7$), хотя и приблизительно, нужно бы показать значительное число случаевъ изъ (непремѣнно) человѣческой жизни, которые подтверждаютъ это правило. Вмѣсто этого Бабрій приводитъ разсказъ: „Солнце и Борей заспорили, кто изъ нихъ сниметъ плащъ съ человѣка, шедшаго по полю. Борей думалъ взять силой, но чѣмъ сильнѣе онъ дулъ и чѣмъ холоднѣе становилось человѣку, тѣмъ болѣе онъ закутывался, пока наконецъ непришелъ въ затишье за скалою. Тогда выглянуло солнце, пригрѣло. Человѣку стало жарко, и онъ скинулъ плащъ. Борей призналъ себя побѣжденнымъ. (Противоположное этому: басня Кира; Котъ и Повкръ, Крылова).

Digitized by Google

Дерево и клинья, Babr. 38: Дровосѣкъ, чтобъ срубить сосну и чтобы облегчить себѣ работу, сталъ колоть её, засадивши въ расщепъ деревянные клинья. Сосна простонала: „жаловаться ли мнѣ на топоръ (желѣзо), когда мои собственныя дѣти, деревянные клинья, разрываютъ меня, проникая въ мое сердце?“ Басня должна показать намъ, что чужіе немогутъ намъ сдѣлать столько зла, какъ близніе.

Дубъ и тростъ, ib. 36. Буря вырвала съ корнями огромный дубъ и съ горы сбросила его въ рѣку, по плоскимъ берегамъ которой росъ тростникъ. И сталъ дубъ дивиться, что буря, вырвавши его, невырвала тонкаго камыша. А камышъ и говоритъ: „недивись: ты спорилъ съ бурей и побѣжденъ, и мы гнемся и отъ легкаго вѣтерка“. Эта басня учитъ: съ сильнымъ лучше неспорить, и покориться. (Противоположное: Кулинъ и море—въ Пинчатантра, ср. Экклезіастъ IX, 13—6).

1. Уже выше было показано, что басня неможетъ быть доказательствомъ отвлеченнаго положенія потому, что они служитъ средоточіемъ многихъ отвлеченныхъ положеній, что каждый разъ она доказываетъ гораздо больше, чѣмъ требуется. Согласно со сказаннымъ о двухъ значеніяхъ факта, разсказъ ея есть фактъ не отвлеченный, а конкретный. Отсюда неравенство ея съ другими, почему они неможетъ быть примѣромъ.

2. Разсказъ басни есть фактъ неоднородный съ фактами, лежащими въ основѣ обобщенія, т. е. этотъ разсказъ есть такое же *иносказаніе* по отношенію къ обобщенію, какъ и по отношенію къ частному случаю, къ которому примѣняется басня. Т. е. правильное обобщеніе этого иносказанія, если бы оно было возможно никакъ немогло бы дать въ результатѣ общаго положенія, доказательствомъ коего яко-бы служитъ басня.

Какая же связь между нравоученіемъ и басней? Непосредственной нѣтъ, но иносказательный разсказъ басни служитъ средоточіемъ многихъ частныхъ случаевъ, къ нимъ примѣняется. Примѣненіе съ одной и той же точки установляетъ равенство между этими случаями и возводитъ ихъ къ отвлеченію. Такимъ образомъ

Digitized by Google

разсказъ басни по дѣйствію его можно сравнить съ магнитомъ, который группируетъ желѣзныя опилки.

Происхожденіе басни.

Nunc, fabularum cur sit inventum genus,
Brevi docebo. Servitus obnoxia (боязливая)
Quia quae volebat non audebat dicere
Affectus (скорбь) proprios in fabellas transtulit
Calumniamque (обвиненіе въ клеветѣ) fictis elusit
(уклониться, увертываться, отъ удара) jocis.
Phaedri, Fab. III, Ad Eutychum, 33 сл.

Далѣе: Illius (Aesopi) porro ego semita (v. semitam) feci viam
(протолъ по его тропѣ, v. стезю превратилъ въ дорогу)
Et cogitavi plura, quam reliquerat.
In calamitatem (на к. бѣду) deligens quaedam meam.
Quod si accusator alius Sejano foret,
Si testis alius, judex alius denique,
Dignum fuerer esse me tantis malis.
Nec his dolorem deluerem remediis, ib. 34—44.

(Еслибъ былъ другой судья. чѣмъ Сеянъ, любимецъ Тиберія, или по другому толкованію: „еслибъ.... у Сеяна былъ другой судья, чѣмъ Тиберій, который его низвергъ). Во всякомъ случаѣ одинъ изъ поводовъ къ иносказанію — подцензурность. Между прочимъ и самъ подцензурный баснописецъ изображенъ въ 1-ой баснѣ I-ой книги Федра: „Волкъ и игненокъ" съ поясненіемъ:

Haec propter illos scripta est homines fabula, Qui fictis causis innocentes opprimunt. (Съ нагольной правдой въ люди неважись, Даль, Посл. 193). „Nuda veritas" не мила знатнымъ, она заимствуетъ для представленія имъ одежду у Вымысла. (Басня Измайлова „Происхожденіе и польза басни", Сочин. изд. Смирдина, I, 3). Такая одежда нравоученія могла быть въ самомъ дѣлѣ необходима передъ скорымъ на руку властнымъ деспотомъ (Benfey, Panchatantra, I, XVI).

Но: в) басня появляется и тамъ, гдѣ нѣтъ стѣсненія никакого, гдѣ — цѣли теоретическія, которыя немогутъ вызвать ни въ комъ раздраженія;

Digitized by Google

б) басни есть средство познанія, обобщенія, нравоученія и, какъ средство, предшествуетъ общей истинѣ, которая при томъ невсегда горька.

в) басня принадлежитъ къ обширному роду иносказаній = поэтическихъ произведеній. Поэтому подцензурность можетъ только портить иносказаніе, замедлять и ослаблять его дѣйствіе, а не создавать его.

Въ чемъ состоитъ пользованіе готовою баснею (пословицею)? Примѣненная къ дѣйствительному случаю, она дѣйствуетъ мгновенно или вовсе недѣйствуетъ. Когда дана въ отвлеченномъ видѣ, то требуетъ, чтобы слушатель v. читатель изъ своихъ воспоминаній нашелъ извѣстное число *возможныхъ* примѣненій. Это требуетъ времени. Отсюда совѣтъ Тургенева читать его стихотворенія по одному, по два. Отсюда ошибка тѣхъ, которые безъ спеціальной научной цѣли читаютъ сборники пословицъ и т. п. быстро, подрядъ (ср. осмотръ картинныхъ галерей).

Евангельскія аллегоріи. Вопросъ „должно ли дѣлать?“ въ *частномъ случаѣ* вызываетъ отвѣтъ метафорическій, въ видѣ *общаго* положенія:

Фарисеи сказали ученикамъ его: „почему (т. е. по какому побужденію, стало быть, для какой цѣли) учитель вашъ ѣстъ съ мытарями и грѣшниками? Іисусъ же, услышавъ это, сказалъ: „*не здоровымъ нужно врачи, а больнымъ*“. Матѳ. 9, 11—12. Примѣнии это общее къ частному, получимъ: Іисусъ—врачъ, грѣшники—больные, но этимъ еще не опредѣленъ способъ исцѣленія, а потому слѣдуетъ разъясненіе: „Пойдите, научитесь, что значитъ „милости хочу, а не жертвы“ (Осіи 6, 6); ибо и пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію (εἰς μετάνοιαν, къ перемѣнѣ образа мыслей).

— Приходятъ къ нему ученики Іоанновы и говорятъ: „почему мы и фарисеи постимся много, а твои ученики непостятся? Матѳ. 9, 14. (Слѣд. *должно* ли ученикамъ Христа поститься?).

Digitized by Google

На это—два отвѣта: а) могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго (*οἱ υἱοὶ τοῦ νυμφῶνος*), пока съ ними женихъ? Но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься, Матѳ. 9, 15=не время;=одинъ тому часъ, що батько въ плахті; б) И (=при томъ же) никто заплаты изъ новой ткани непришиваетъ къ старой одеждѣ, ибо заплата отдеретъ (и) отъ стараго, и выйдетъ еще худшая дыра.

И не вливаютъ молодого вина въ старые бурдюки, а иного прорывнются бурдюки, и вино вытекаетъ, а бурдюки пропадаютъ; а новое вино вливаютъ въ новые бурдюки, и то и другое сберегается, Матѳ. 9, 16—7=новое ученіе несовмѣстимо со старымъ взглядомъ на значеніе поста.

— Предвидя, что Іисусъ исцѣлитъ сухорукаго въ субботу, лукаво спрашиваютъ:

„Можно ли исцѣлять въ субботы? Онъ же сказалъ имъ: кто изъ васъ, имѣя одну овцу, если она въ субботу упадетъ въ яму, невозьметъ ея и невытащитъ? (=всякій это сдѣлаетъ). Матѳ. 12, 10—11. (Изъ однородности этихъ случаевъ уже вытекаетъ отвѣтъ: „слѣдуетъ“; но къ этому присоединяется пріемъ, называемый *ἐπιδιόρθωσις*, correctio (Zima, 152)=говорящій беретъ назадъ сказанное, чтобы поставить на его мѣсто болѣе сильное; формула „но что я говорю? Это не то, а то“): Насколько же человѣкъ лучше овцы? И такъ *можно* въ субботы дѣлать добро, Матѳ. 12, 12.

„Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ“.

Тогда ученики сказали ему: знаешь ли, что фарисеи, услышавъ слово сіе, соблазнились? Матѳ. 15, 11—2. (т. е. слѣдуетъ ли руководиться мнѣніемъ фарисеевъ?). Онъ же сказалъ въ отвѣтъ: „всякое растеніе, которое не отецъ мой небесный посадилъ, искоренится“. Матѳ. 12, 13.

Оставьте ихъ: они слѣпые вожаки слѣпцовъ, а если слѣпецъ ведетъ слѣпца, то оба упадутъ въ яму. Матѳ. 15, 14 (= т. е. *каждый разъ*, всегда).

Digitized by Google

— Хананеянка, у которой дочь была бѣсноватая, клалялась ему и говорила: „Господи, помоги мнѣ!“ (*Слѣдуетъ* ли иначе?) Онъ же сказалъ въ отвѣтъ: нехорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ, Матѳ. 15,23,25—6 (дай прежде насытиться дѣтямъ, Мараъ, 7, 27); „и посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, Матѳ. 15, 24). — Она сказала: такъ, Господи, но и псы ѣдятъ крохи, падающія со стола господъ ихъ, Матѳ. 15, 27. (псы подъ столомъ ѣдятъ крохи у дѣтей, Маркъ, 7, 23).

— Горе міру отъ соблазновъ; вбо надобно прійти соблазнамъ, но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ. (Какъ быть?)—Если рука твоя или нога твоя соблазняютъ тебя, отсѣки ихъ и брось отъ себя; лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки или безъ ноги, нежели съ двумя руками и съ двумя ногами быть ввержену въ огонь вѣчный. И если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя: лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ жизнь, нежели съ двумя глазами быть ввержену въ геену огненную, Матѳ. 18, 7—9; образы напоминаютъ сказку о Лихѣ одноглазомъ, Аѳ. III, № 14).

— Непрезирайте ни одного изъ малыхъ сихъ (=дѣтей, ср. Матѳ. 28, 1—6) Какъ вамъ кажется? *Если* бы у кого было 100 овецъ, и одна изъ нихъ заблудилась, то не оставитъ ли 99 въ горахъ и не пойдетъ ли искать заблудшейся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вамъ, онъ радуется о ней болѣе, нежели о 99-ти незаблудившихся.

Такъ нѣтъ воли Отца вашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ. Матѳ. 18, 10—4.

— Слѣдуетъ ли поступать по дѣламъ книжниковъ и фарисеевъ?... По дѣламъ ихъ непоступайте, ибо они говорятъ и недѣлаютъ. Связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя и возлагаютъ на плеча людямъ, а сами нехотятъ и пальцемъ двинуть ихъ, Матѳ. 23, 3—4.

— Видя толпы народа, Онъ сжалился надъ ними, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы безъ пастыря, Матѳ. 9, 36. (Что дѣлать? Оставаясь при томъ же образѣ, въ смыслѣ ib.

Digitized by Google

37—8, можно бы ожидать отвѣта: нужно просить владѣльца стада, чтобы онъ выслалъ пастуховъ. Но образъ измѣняется:)

Жатвы много, а рабочихъ мало. И такъ просите господина жатвы, чтобы выслалъ рвбочихъ на жатву свою.

Эти образныя всеобщія (утвердительныя или условныя гипотетическія) сужденія легко превращаются въ басни, т. е. въ повѣствованія о конкретныхъ случаяхъ, повѣствованія, изъ которыхъ они и возникли, напр. Матѳ. 15, 25—6:

Бѣднякъ несъ хлѣбъ своимъ дѣтямъ. У воротъ встрѣтили его собаки и стали къ нему ласкаться. А онъ имъ и говоритъ: „какъ ни жаль, а нельзя же мнѣ накормить васъ, и оставить голодныхъ дѣтей?“ Поѣсъ хлѣбъ въ избу, посадилъ дѣтей за столъ и далъ имъ хлѣбъ. Дѣти стали ѣсть, крохи падали подъ столъ, а собаки ихъ подбирали.

Сюда—*пословицы*, въ которыхъ разсказъ басни (не заключительное изрѣченіе только) переданъ въ видѣ обобщенія: До поры и ведра по воду. До поры жбанъ воду носитъ. Пуганая ворона и куста боится. Кошку бьютъ, а неаѣткѣ замѣтаю даютъ. Сердитая собака волку корысть. [1])

ПОСЛОВИЦА.

Переходъ басни въ пословицу. При обычномъ (первоначальномъ) изложеніи басни тонъ повышается къ концу, и сила рѣчи падаетъ на конечное изреченіе. Такой ходъ и долженъ быть удер-

[1]) Басня въ видѣ пѣсни; (ср. Стрекоза и муравей):

Грлица је просо брала
И набрала три амбара.
К њој долази вијоглава:
Дај ми, грло, једно зрно!
— Недам, богме, ни једнога!
Бијаш (s.) брати, неспавати.
Ја сам брала, пјесам пјала.
Куд су кола шкрипутала,
Туд је грла скакутала:
Неће зрно, неће блат
У том грли пуп је врат, Н. Богов. С. н. п. I, 168.

Digitized by Google

жанъ прк продолжктелькости разсказа и при его совершеааой неизвѣстаоста слушателю. Но прк повторешк возможеаъ обратаый поридокъ.

„Хота де и раао, а знать аочевать", сказала лкса, попааша въ яапкааъ (въ яму).—„Чѣаъ масу ревѣть, ааъ дерево скрипитъ", сказалъ погонщиаъ, разсердквшись, что волы тяаутъ тажелый возъ молча, а возъ скрипитъ" Babrius, 52. (Ср. худое колесо пуще скркпитъ, Даль 257).

„Ако коза лаже, рог аелаже", (сказалъ хозяккъ въ отвѣтъ на оправданіе пастуха, который шыриулъ въ аозу намаемъ а сломалъ ей рогъ, Карадж. Посл. [1])

Personam tragicam forte vulpes viderat:

O quanta species, inquit, cerebrum non habet, Phaedri I, 7.

„Мы пахали!" — „Ори, мели, Іжь!" и пр.

— Арабъ, вьюча верблюда, спрашиваетъ: „лучше ли тебѣ на гору или подъ гору?"—А развѣ роваая дорога уже залегла?, Babr. 8.

— „Киселъ виаоградъ", зубы терпнутъ, „еще не пора", — сказала лисица, когда аемогла достать спѣлой аиста, Babr. 19, Кар. П. 133.

„*Вала нам* је све једно, немамо аикаква посла аи код куће, казали пси болесном коњу, кад су они чекали више њега, док липше, а он им говорио, да иду куһа, јер он аеће липсати", Кар. Посл. 31.

„Ваља да је нестало воде али драа", казао магарац, кад су га позвали аа свадбу" = „Случается, богатый у бѣдааго постучится. Подумаешь, деаегъ даетъ, анъ его молотитъ зоветъ".

„Заа Бог, чије масло у кандилу горн" (сказалъ пркмѣрко, человѣкъ, узаавши въ церкви лампадку, которую у аего украли).

„Знаду пси за мир?" сказала убѣгая лисица. Она уговорила иуръ сойти съ сѣдала, потому что объявленъ миръ между всѣмк жавотнымк, а пѣтухъ добавилъ: „вотъ ааши собаии бѣгутъ съ таикми вѣстями. Кар. 93.

[1]) Пословицы изъ пѣсень о Маркѣ Кралевичѣ и пр., Буслаевъ, Очерки I, 38 сл.

Digitized by Google

„Ко је мој, близу рупе стој", казао стари мишо осталим мишима, над су се с мачком мирили, Кар. 141.

„Не гризеш ти мене уши, веће онај што се вије изнад мене", казао зец жаби, кад му је грызла уши, а он од орла није смио да се макне.

„До поры у норы, а въ пору такъ въ пору", (саазала мышь на вопросъ, нанъ она поживаетъ).

„Держалась нобыла за оглобли, да упала" (отвѣтъ ва ободреніе: держись), Даль, 39.

„Не к Різдву йде, а к Велнкодню" (сказалъ цыганъ...); „кому скоромно, а намъ на здоровье" (Даль, 150). „Оскоромишься, котъ Евстафій!—Не оскоромлюсь, мышь Настасья! — „Буде хочешь въ рай, передайся нъ намъ", Дал, 168.

— Пріемъ Самуэля Уэллера (Записки Пиквинскаго клуба):

„Если судьба, такъ сказать, поставила васъ на общественную стезю, выдвинула на публичную дорогу, такъ ужъ тутъ на наждомъ шагу окружены вы такими соблазнами, о которыхъ и понятіи неимѣетъ несвѣтскій человѣкъ", сказалъ арнстократическій лакей. — Вотъ этакъ бывало точь въ точь, говаривалъ мой старый дяди, когда началъ таскаться по трактирамъ.

— Не прикажете ли, почтеннѣйшій, почистить немного вашъ фракъ? Я позову слугу. — Благодарю за ласку, любезнѣйшій, возразилъ Самуэль. Если мы станемъ себи чистить, небезпокоя слугу, то это всѣмъ доставитъ удовольствіе, какъ выразился одважды школьный учитель, когда молодые джентльмены неизъявили желаніи быть высѣченными слугою".

Эта форма знакома и нѣмецкому простонародію: „Aller Anfang ist schwer, sprach der Dieb und stahl zuerst einen Amboss". — „So leb der den wohl!" säd de Pastor tauh'n (zu einem) Def, de schull hängt warden (Simrock, Sprichw., у Geiger, II, 77).

(Пословица или поговорочное выраженіе приписывается лицу, въ устахъ котораго, для него самого, или только для посторонняго, это выраженіе имѣетъ ироническій смыслъ. По Герберу это

Digitized by Google

παραβολή, которую Аристотель называетъ *μεταφορὰ ἀπ' εἴδους ἐπ' εἶδος*, т. е. метонимія).

Самуэль Уэллеръ—22-й нумеръ спрашиваетъ сапоги.—Снажите вы ему, сорока вы моя, что на нее бываетъ свой чередъ, какъ говаривалъ одинъ ученый, собираясь нти въ акбакъ.—

— Я пособилъ вамъ изловить этого наналью. Распробестія, серъ, провалъ его побери! Въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ, какъ говаривалъ моя тетка, когда сверчокъ забился ей въ ухо.—

— Стало быть, теперь можно повести рѣчь нксчетъ того дѣла...—Ведите, серъ, готовъ слушать васъ, серъ, какъ говорилъ одинъ ученикъ своему учителю, когда тотъ съѣздилъ его линейкой по головѣ.

Вотъ это, судкрь мой, зикчитъ дѣйствовать по правилу или по принципу, какъ говаривалъ одинъ заимодавецъ, когда бывало просилк его возобновить отсрочну платежа.

Дальнѣйшій ходъ: опускаетси разсказъ, осткется только изреченіе.

Другой пріемъ — содержаніе басни стковится пословицей: Ругался котелъ горшку! Кобыла съ волаомъ тягалась... Фомка (воръ) и на долото рыбу удитъ, Д. 150. Ругала се сова сјеница: „идн кучко главата, Кар. П. 272. Куда конь съ копытомъ, тудк ракъ съ клешней (=жкба, Ккр. П. 34). Даль, 170. Безъ перевязлк и вѣникъ разсыпклси, Д. 249. Скма (мышь) залѣзла въ нувшинъ и кричитъ: „пусти!, Д. 211. Собакк нк сѣнѣ лежитъ, сама неѣстъ и другимъ недаетъ. — Бодливой коровѣ Богъ рогъ недаетъ.

Содержаніе бксни можетъ быть передано въ пословицѣ не какъ конкретный случкй (повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. — Див цигаи мкгір, щоб жінка болкісь); въ пословицѣ осткется не сокращеніе скмаго образа, заключеннаго въ баснѣ, а выводъ, обобщеніе, житейсаое правило, добытое *при помощи этого образа* или при помощи второго образа въ двойной баснѣ. Такимъ же обркзомъ сжимаются въ по-

Digitized by Google

словицу и другіе разсказы, не басни въ тѣсномъ смыслѣ слова (сказки, комедіи, романы). Непремѣнный признакъ этого случая тотъ, что въ обобщеніи остается слѣдъ образа. Въ противномъ случаѣ получается другой видъ пословицы, безобразное прозаическое изреченіе нравственнаго содержанія, связь коего съ извѣстнымъ образомъ неожеть быть доказана. („На худо — дурака стаиетъ", береги денежку и проч.). Напр. на Бога надѣйся, а самъ не плошай. — „*Богу молись, а къ берегу гребись*", Д. 6. = Богу се моли, а к брijегу греби, Кар. „Махни и ти рукама махни", казао св. Никола чаку, која је био пао у воду, па само вриао: „помози свети Никола!" а није гледао да плива или от воде да се отима. Кар. 176. = Bahr. 20: воловій возъ застрялъ въ грязи. Мужикъ сталъ звать на помощь Геракла. Гераклъ явился и сказалъ: берись за спицы (поворачивай колеса), колъ (остомъ) воловъ. Потрудись, а тамъ ужъ молись богамъ. Не то, и молитва не въ прокъ".

— Что отвлеченное, прозаическое въ общемъ (поэтическое лишь въ словесныхъ элементахъ) „счастье дороже ума (богатства)" (Д. 42), произошло при помощи поэтическаго образа, это вѣроятно; но что таково происхожденіе „*счастье дороже* (лучше) *богатырства*" (Д. ib.), это достовѣрно. Ср. Ав. Сказ. II, № 6; V, № 11; VI, № 13, про дурня или про Ѳому Беренникова.

Способность поэтическаго произведенія сжиматься ли въ пословицы или выдѣлять ихъ изъ себя условлена не одною степенью ихъ художественности. По замѣчанію Буслаева, Грибоѣдовъ и Крыловъ дали обществу нѣсколько пословицъ; между тѣмъ никто Пушкинъ, безъ сомнѣнія лучшій нашъ поэтъ, ни одной (Оч. I, 136).

Рядомъ съ пословицей изъ большого поэтическаго произведенія, сжатаго до одного-двухъ предложеній, во всякомъ случаѣ, до одной синтактической единицы (максимумъ — періода) стоятъ пословицы, болѣе-менѣе непосредственно коренящіяся въ наблюденіи, возникающія изъ прозаически выраженнаго частнаго случая или обобщенія:

Digitized by Google

„Сухая ложка ротъ деретъ"; „безъ поджога дрова негорятъ; Iедна палица ни пред царем негори, Кар. 112; неподмазанное колесо скрипитъ; ато чесиову поѣлъ, самъ скажется (ср. на ворѣ шапка горитъ); снѣгу нѣту, слѣду нѣту, Д. (=непада снијег да помори свијет, већ да свака звјерка свој траг покаже=није дошло пријѐме да погинемо, него да видимо, ао је кааов, Кар. 207). Не выносить сору изъ избы, Даль, Посл.

Какимъ образомъ простое (прозанчесное) житейсное правило или наблюденіе обращаетсн въ пословицу? *Пословица—сравненіе.* Важное значеніе здѣсь имѣетъ ассоціація представленій тааихъ, какъ напр. *шумъ—рѣчь*, *шумъ*—пѣна—соръ, щепка, щебень и пр. (См. О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ. Воронежъ, 1864. Отд. отт. Фил. зап.).

Прямое значеніе изреченія при превращевіи его въ пословицу становится образомъ. Образъ соединяетъ между собою частные случаи, къ аонмъ примѣняется, даетъ возможность обобщеніи; замѣняетъ собою эти случаи [1]).

Поговорка относится нъ *пословицѣ*, аааъ поэтическая эмблема (см. выше) аъ баснѣ. Пословица, кааъ и басни, служитъ отвѣтомъ на вопросъ, возбуждаемый житейсанмъ случаемъ, расчлененнымъ на одно или нѣсколъао дѣйствующихъ лицъ съ ихъ аачествами, одно или нѣсколько дѣйствій съ ихъ признаками и условіями. Поговорна, аааъ эмблема, есть образъ не этого сцѣпленіи лицъ и дѣйствій а отдѣльно взятаго лица, качества, дѣйствіи. Она есть элемеитъ пословицы, частью происшедшій изъ нея (остатонъ, продуктъ сгущенія), частью недоразвившійси до нея. Напр., „свиньи подъ дубомъ", „собака на сѣнѣ", волчій ротъ—лисій

[1]) Къ этимологіи „*слово, пословица*": 1478. И бяше въ нихъ (новгородцевъ) *непословича* и многма брани, мнози бо великоми и бояре перевѣтъ имѣаху князю великому и того ради неизволиша въ единомыслін быти, и всташа чернь аа бояръ, а бояре на чернь, Пск. II, П. С. V, 38. Того же лѣта (1367) по грѣхамъ нашимъ не бѣша *пословичи* Псковичемъ съ Новгородьци, Нов. I, 88. *Слухъ и слово:* лит. *giv—dėti*, слышать, *girus*, *ais слава*, хвала; мар. Кролевецкаго у. Черн. губ.: „у молодинах вуи и геть таки любив скленного бога, а нуд старость *слове* и въ рот небрав... горилки вже *слове* невживав, Рудченко, Сказки, I, 74, 77. Многи труды и подвиги подъялъ отъ исправленія иностранскихъ и древнихъ *пословицъ*, преводя на русскую рѣчь, Макар. въ предисл. къ Минеямъ.

Digitized by Google

хвостъ, „похилєє дерево“ (ср. аа похилєє дерево и кови скачуть), волкъ въ овчарнѣ; мѣдной посуды — арестъ да пуговица и пр.=бѣдевъ, Даль, 63—4 (ср. глупъ, пьяъ и пр. ih.); „тяауть лямау“ (тереть лямау = лямка—ремень v. тесьма черезъ плечо для тяги) сравнительно съ „тяив лямку, пока невыаопаютъ имку“, Даль 223; „свимать пѣаан“ (оянъ и съ дерьма пѣаан снимаетъ; у Щедриаа — газета пѣааоснимательница; Sie peitschen den Quark, ob nicht etwa Creme daraas werden wolle, Göthe, Sprüche.); „везетъ“ (счастье везетъ дураау, Д. 39), „убилъ бобра!“ (не убить бобра, аениажить (не видать) добра, Д. 26); сказать, сдѣлать „какъ *оъ печи*“ (аааъ дурень съ печи); *оъ дуба* (иаше *авось* не съ дубу сорвалось); съ дуру, какъ съ дубу; ии тпру, ни ву; прійти, стать въ тупикъ; (ето аашему брату) ва руау, по-нутру; слѣдъ простылъ, помипай аакъ звали.

Черезъ поговораy доходимъ до слова, кааъ поэтическаго произведевія.

Приголубить: (1178, Мстиславъ Романовичъ) приложися къ отцемъ своимъ и дѣдомъ своимъ, отдавъ общій долгъ, его же весть убѣжати всякому рожеаому. Нѣбѣ бо тоѣ землѣ въ Руси, которая же его нехотяшеть ав любяшеть; (по) всегда бо тосаяшеться ив великая дѣла; но преставися унъ... И плакашеся по аемъ вся земли. Русская, аеможе забыти доблести ето; и червіи клобуци вси немогуть забыти приголублевия его“, Ипат. 414. Ср. *голубой*, *сорочить*, srokaty, *вороной*, *проворонить*; млр. *гіва*, *ластовиння*; *осовѣть*, *пѣтушиться*, *разсобачиться*, *нахомутать* ив аого.

Мать и мачиха — tussilago farfara, (О пѣаот. символ. 34); *Братки*, братъ и сестра, Иванъ да Марья, полуцвѣтъ, viola tricolor. Вар. *дрема*, lychnis flos cuculi, lychnis viscaria, млр. смілка, (Къ ист. звук. III, 34). *Сонъ*, pulsatilla patens, puls. pratensis (=млр. пострілъ). *Люби мене не покинь* — lathyrus silvestris. *Забудьки*—arthemisia vulgaris, Зап. югозап. отд. 112 (чераобиль). *Cardiius nutans*, чертополіх; hypericum perforatum, звѣробой. (О купальсанхъ огняхъ, 15). *Человічій вік*, hemerocallis fulva. *Нечуй вітер*, hieracium filorella = низкé, аечує вітру, цвіте при самій

Digitized by Google

земли, Зап. югозап. отд. 124. *Переступень*, нечипай-зілля, bigonia alba; *перекоти-поле*, gipsophila paniculata; *материнка*, oryganum vulgare. = *Вовнянка*, agaricus nectator, лит. wilnytis, лот. wilnis.

Этимологически неясныя названія растеній:

Грибъ, лит. grybas (жм. grẽbas), gribti — хватать, брать; промзвод. graibyti, grybteriti (ср. грибы *брать*). *Груздь*, agaricus *piperatus* (горьковатъ, а лит. gruzdu, ëti, лот. gruzdu, ẽt, schwellen, ohne flamme brennen, лит. gruzdumi, вышкварка (сальная).

Девясилъ, млр., илр. девесилъ, inula helenium (у Даля также — девесилъ бѣлый, carlina vulgaris (млр. одкасникъ); одхасникъ-valeriana officinalis; „од пропасниці аорінь, посить на шиї", од порухи корінь, пьють у горильці; поль. dziewiosił, dziewiesił, chamaeleon, eberwurz; (dziewięsił у Кохановсааго и др. пис. XVI—XVII в. великанъ, гигантъ); серб, девесиль, м. девёсиље ср. некакни трави, од аоје кажу да стока у пролеће точи крвљу; Лит. debesylas, м. ai, *alant*, schwarzwurz, symfhytum officinale (по др. *alant*, inula helenium; Лит. dewin-wiru-spẽks, verbascum thapsus (=поль. dziewanna „dla dziwnej mocy tak zwano"; чеш. diwizna, илр. дивина; млр. горицвіт серб. гороцвијет, adonis vernalis.

Щиръ, — *ещь*, *ищя*, *ій*, amaranthus blitum, a. paniculatus, a. retrofletns), a. caudatus — красный; серб. штар. *Гадючій просурень*, bulbocodium ruthenicum, просурника, просурень, просерень (христоаозъ), сиротень, crocus reticulatus. *Папороть*; *буркунъ* (melilotus officinalis). *Пáзубникъ* (Ворон. бес. 1761, 238) fragaria vesca, ср. náземки (Курса. губ.) poziomki, млр. суница (полуница — frag. collina, алубника). *Скорода*, allium roseum „ядимъ имѣсто луау" (Ворон. бес. 1861, 247). *Скард*, Fick I, 205, *σκορδον*, *σκοροδον*, чесноаъ; млр. скорóда, лісове зілля, carex digitata.

Чертополохъ, eryngium planum — „отъ шутовъ": отъ нечистаго, когда овладѣетъ человѣаомъ, аладутъ въ углы избы или подъ подушау". Ворон. г. (Ворон. бес. 1861, 238). млр. *бодякъ*, ріпяхъ (=carduus nutans).

Digitized by Google

Млр. *вех*, м. ювр. вёх, у Дали *веха, вяха cicuta virosa*, аникуиъ (О аупал. огняхъ, 16). Ср. Fick, ссар. виша, м. сокъ, ядъ).

Субъективныя средства изобразительности.

Изобразительность достигается или качественно, указаніемъ признака вещи v. дѣйствія, или указательно, опредѣленіемъ отношенія говорящаго къ предмету рѣчи. (Это дѣленіе соотвѣтствуетъ дѣленію состава словъ на элементы качественные а указательные). Послѣднее субъективно въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Опредѣленность отношенія говорящаго къ предмету рѣчи заставляетъ и слушателя относиться къ этому предмету также. Сюда

а) Изображеніе интенсивности качества чувствомъ, которое оно пробуждаетъ. „*Чи-мало*“ = много, собств. *мало-ли*? Или вопросъ съ отрицаніемъ: та не лёд же то був, чи не врода его? Срібнеє горіннячно, золотеє та красінячо, шовковий лёдъ“ — „Чи не сучого сина хлопець?“

Сюда случаи, отмѣченные въ сочин. о колядкахъ (Объясненія малор. и серба. н. пѣс. т. II, 409—412):

Образъ его несказанной красой озарила Аѳина,
Такъ что дивились люди, его подходящаго видя, Од. XVII, 63

Тотъ же пріемъ примѣняется къ изображенію множества, величины и всякаго интенсивнаго качества. Это качество вызываетъ чувство, которое выражается восклицаніемъ:

(У некада Леде капетана)
Кажу чудо Росанду ћевојку.
Ја каква је, јада недопала!...
Кој' видио вилу на планини,
Ни вила јој, брате, друга није, Кар. II, 223.

Отнесеніе такого восклицанія, превращеннаго въ эпитетъ, къ предмету, возбуждающему чувство, и къ другому, связанному съ первымъ, объясняетъ ругательные эпитеты, неоправдываемые ходомъ изложенія:

Digitized by Google

А да видим *злосретне* пувице!
Ова иоси од злата кошуљу.

(Затѣмъ описаніе удивительнаой сорочка. Удивлеаіе и извлекло восклицаніе: „зла јој срећа). Кар. II, 550.

Доведе му без биљеге вранца...
Но се пусаак къ земљи увијаше
Од чистога и сребра и злата, ib 549.
А каава је, родила је курва!
Исаиђена човом ведепяћком,
Начичааа сребром бијелијем
Испуњеаа златомъ жеженіем
А од себе дивна и угледва
Љепша цура, но бвјела вила, Кар. IV, 62.

Сюда не каждый звательный падежъ обращенія, а лишь восалицаніе, аакъ средство изображеаія качества. Точно также не всякій вопросъ есть фигура, каак у Зимы, а опять таан тольао изображающій аачество (ср. чималий, чн мало?). Къ восклицааімъ аъ упомянутомъ смыслѣ — проклятіе, благословеніе (хороша, бодай II; а бодай васъ)

б) Представленіе предмета знакомымъ, извѣстнымъ, предстоящамъ воображенію, посредствомъ мѣстоименія указательнаго *въ смыслѣ члена*. См. мое слово о П. И., 72: „а злата и сребра ни мало того потрепати“ и слѣд:... је код иас чудан адет пост'о (тао).

Кад умире под прстен дјевојка,
Не копа се у *то* ново гребље,
Већ се баца у *то* сиње море Кар. II, 23.
Ал' га (чеда) мајка неговат' не може,
Већ му сава књиге и кошуље,
Па га зали у олово тешко,
Па га баци у то море сиње:
„Носи, море, са земље неправду“, Кар. II, 71.
Баци Симу у камену аулу,
А кључеве у то море сиње ib 74.
У Момчила сестра Јевросима,

Digitized by Google

Готови му то господсао јело,
Прије њега јело огледује, ib. 106.
Опасује мукадем-појаса,
А пињаде остре за појаса,
И ту бритку сабљу прнпасује, ib. 281.
Оплетоше мрежу племениту,
Бацише је у *то* сиње море, Петран. С. н. п. I, 20.
Да донесе млого сухо злато,
Да сплете *ону* сатну мрежу,
Ситну мрежу од сухога злата,
Да је баци у тихо Дунаво
Да увати рибу злитноврилу.
Да јој узме *оно* десно крило,
Опет рибу у воду да пусти,
Крило ди да госпоћи краљици,
Нек изеде оно десно крило,
Једнак ће му трудна заходнти, Кар. II, 52.
Дукат (=па) узе дебо бијелога
Други дукат вини и ракије
Трећи дукат сваке ћаконије
И убаве оне јасне свеће, ib. 97.
(ћеш) свалу прести, ни свили сједити
А носити диву и кадиву.
И још *оно* све жежено злато.
А какав је Скадар на Бојани!
Кад погледаш брду изпод града,
Све порасле смокве и маслине
И још они грозни виногради, ib. 105.
А допаде краљу Вукашине,
Удари га *оним* бојним копљем, ib. 113 (о коњ неупоминалось).
Узех њега за бијелу руку
И баш ону зи ногу десницу
Бацих његи у воду ситницу, ib. 347.

Digitized by Google

Али Мараов соао јогунница,
Као што је и његов господар:
Овъ не даде утве златоарнле,
Већ соаола шчепа везнрева,
Па му просу *оно* сиво перје, ib. 427.
Иза њега болест ударила
У Жабљака у постојбину му,
Мучна болест, оне красте веље, ib 528.
Пише књигу и шиље чауша
До Призрена града бијелога
До *онога* протопоп—Недељаа, ib. 190.
Кад се жени Смедеревац Ђуро,
На далеко запроси ђевојку,
У лијепу граду Дубровниау,
У *онога* араља Мијаила
По имену Іервну ђевојау, jb. 469.

Болг. сѣ разнгра оно (неупомнпутое выше) слано море и пр. Милад. 65. Начало пѣсни:

Іарко сунце на пут полазише.
За њим мила мајка нрнстојаше:
Іарао сунце! куд ћеш ва конаке?
Ко ће теби вечерицу дати?
Ко ће тебн ложницу стератн?
Ко ће теби рано пробудити,
Да огријеш земљу н градове
А и *ону* млагу снротицу,
Голу босу и неопасану? Петран. С. н. п. I, 1.

Въ мнр.—поэтнчно употребленіе мѣстонменін въ нар. п.:

Та в неділењау рано
Чогось теє море грало.
Тамъ Марьечаа потопала,
К собі батенька бажала, свад. п.

Къ тому же состоннію мысли (т. е. аъ живому представленію того, что еще невысказано) относится употребленіе мѣстоименія, какъ уаазанія не на предыдущее, а на послѣдующее:

Digitized by Google

Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
Съ *ея* холодною красою
Любила русскую зиму, Он. V, 4.
Покамѣстъ унывайтесь *ею*,
Сей легкой жизнію, друзья, Он. II, 39.

Въ млр. *той* и пр.—въ сравненіяхъ при *як*, *мов*, *неначе*. Этимъ оправдывается разумность сравненія, ибо тѣмъ образомъ то, съ чѣмъ вѣчто сравнивается для уясненія, оказывается само яснымъ для говорящаго, стоящимъ передъ его мыслью: ....таке задёрне собі було, що до всякого так у вічи й лізе, як тая оса, Кв.; вони гудуть, як тиї бджоли, ib. Бо́льшая ноляретность такого представленія видна изъ сравненія его съ болѣе отвлеченнымъ, съ *буває*: як вода, буває, греблю прорвавшя, и біжить, и шумить, и реве и клеаоче; такъ и Настуси як з ким зчепиться, Кв. Снід.

Як тая оса. Въ сербскомъ уаазаніемъ на такое конкретное преставленіе образа служитъ составной сравнительный союзъ *како-но* (=*како-оно* — первоначальный смыслъ *оно* видеиъ изъ сходства съ имѣющимъ лишь временное значеніе млр. *як ось*, кааъ вотъ):

Одви се Мара од рода,
Како-но чела од роја;
Прими се Петру делији
Каао но свила к јумаку, Кар. П. I, 34.

Кано: Вије л'му се б'јело перје око калпака,
Кано свила припредена око вретена, ib. 43.

Кан'да, что соотвѣтствуетъ гомерическому ὥς съ сослагательнымъ, *какъ будьто бы*:

Ај ћевојао, душо моја!
Што си тако једнолика
И у пасу танковита?
Кан'да с'сунцу косе плела
А мјесецу дворе мела. Кар. I, 161.

Digitized by Google

в) *Дат. поэтич.* Тапую же роль, какъ мѣстоименіе указательное при существительномъ, играетъ дательный мѣстоименія личнаго при саазуемомъ. См. Малор. пѣсня по списк. XVI, в. 6—12. Съ этимъ сродно обращеніе среди повѣствованія къ слушателю:

Ал'ето ти војске на алаје:
Све коњици под бојним копљима,
Пред њима је Бошко Југовићу,
На алату, вас у чистом злату,
Крствт га је барјак поалопно,
Побратиме! до коња алата... Кар. П. II, 290.
Ахъ, *братцы*, какъ я былъ доволенъ... Он. VII, 36.

г) Опредѣленіе отношенія говорящаго къ предмету, именно *сочувствія предмету*, презрѣнія и т. п.: *а)* посредствомъ уменьшительныхъ — ласкательныхъ формъ, *β)* посредствомъ эпитетовъ (собств. аппозицій), имѣющихъ объеативной изобразительности: „на сестру, мов на наймичау, нрнчить и недає їй, *сердешній*, добре ні за віщо взятись, Кв.“ Щож, Маруся? И вона, сердешна, щось изміинилась... Кв. Та як се промовив, так аж трохи невпав из ослона на спину: голова ёму закрутилась, в очах потемнило и зовсімъ стуманів, бідаха, Кв.

Сви сватови коње разнграше,
Стаде играт змија Ластавицу.
Колико је њега рвжљутила
У Призреиу истрла калдрму
И Призрена редом покварила,
Баш се *курвић* пограднти неће
За пуннјех двапаест година,
Што је цару авара учињено, К. П. II, 58.
Іа би аанл пред тамницу дођи,
Ал'је *пуста* синоћ затворена,
И кључеви двору однешени, ib. 98.
Он потеже сабљу од бедрице,
Ал'се *пуста* педв извадити,

Digitized by Google

Као да је за коре прирасла, ib. 110.

„Каква је, *клета*! неможе се човјек погледати".

На ногама гаће шаровите,

Каньe су јој клете исшићене! Рјечн.

Курвић = млр. снурвнй сын, въ смыслѣ не только осужденія, но и одобренія, удивленія, собств. подлецъ. Вызовъ на поединокъ:

...Но ако ти мајка није курва,

Ходи, дођи на кучко зборште... К. IV, 118.

Стаде Мато подагонит овце,

Но му вина Бошковић Смаиле:

„А небојсе Стојновичу Мато!

Дал' нијесмо вјеру уфатиме?"

Но *ми* Мато рвјеч проговара:

О Смаиле, родила те курва!

Лијепу смо вјеру уфатили,

Ал' је танка вјера у турака,

Ка' од вука конац у вештку" IV, 121.

Т. о. однородно съ серб. *курвић*, влкр. подлецъ, шельма, о женщинѣ безъ оттѣнка осужденія. При всей видимой грубости это однородно со слѣдующимъ:

Татьяна предъ окномъ стояла;

На стекла хладныя дыша,

Задумавшись, *моя душа*,

Прелестнымъ пальчикомъ писала

На отуманенномъ стеклѣ

Завѣтный вензель *О* да *Е*, Он. III, 37.

Мр. А вже сам-здоров, Евграпе, знаеш, що лежачи не в Юрусалим заїдеш" Гул. Артем. („здоровъ" указываетъ на вѣрованіе, что *самъ*, упомянутое не въ добрый часъ, можетъ быть вредно для лица).

γ) Посредствомъ вводнаго предложенія *(παρένθεσις)*, если это предложеніе выражаетъ не постороннія обстоятельства дѣйствія, а чувства говорящаго.

Скочи Іован од земље на ноге

Digitized by Google

(А нема му до петнаест љетах)
И Лабуда своге извадно, Ziua, Fig. 201.

д) *Апостроф*ѣ, aversio, въ томъ смыслѣ, что повѣствователь, какъ бы отворачиваясь отъ дѣйствія, обращается къ лицу (и предмету), *о которомъ рѣчь*, представляя его присутствующимъ, 2-мъ лицомъ (отъ этой фигуры слѣдуетъ отличать обращенія къ одушевленнымъ наличнымъ предметамъ, (Kolb. Pokocie II, 35, bis, 63, 97).

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью:
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ созданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой, Он. III, 15.

Въ сочетаніи съ олицетвореніемъ:

Увялъ! Гдѣ жаркое волненье ...и пр.
...И страхъ порока и стыда
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой! Он. VI, 36.
Но ты, бордо, подобевъ другу, Он. IV, 46.

Цѣлый рядъ апострофъ представляетъ то мѣсто VII главы 1-ой ч. М. душъ, гдѣ Чичиковъ разсматриваетъ списки мертвыхъ душъ: „когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ, которые точно были когда-то мужиками", то какое-то странное непонятное ему самому чувство овладѣло имъ... Смотря долго

Digitized by Google

на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ: „батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! Что вы, сердечные, подѣлывали на вѣку своемъ, какъ перебивались?“ и т. д.

Третье лицо вмѣсто второго — случай противоположный апострофѣ, но того же характера. Здѣсь собесѣдникъ принижается, приравниваясь къ вещи. Какъ явленіе языкное, это характеристично для нѣмецкаго языка — *er* пр. вм. *du*:

Such er den redlichen Gewinn,
Sei er kein schellenlauter Thor, Göthe.
Sah wieder preussisches militär,
Hat sich nicht verändert...
Sie stelzen noch immer so steif herum,
So kerzengrade geschniegelt,
Als hätten sie verschluckt den Stock,
Womit man sie einst geprügelt.
Ia ganz versehwand die Fuchtel nie:
Sie tragen sie jetzt im Innern;
Das trauliche *Du* wird immer noch
An das alte *er* errinern, Heine, Deutschand, III.

Въ русскомъ такая замѣна есть фигура только личная. Тааъ въ упрекахъ, выговорахъ и т. п.

А тут зверху жінка нападає, так що бідному Тихонові и просвіту нема: Сякий такий лисий дідуга! Ум відстарів. Пооббірав діточок и мене на старости, та всеж попроцвиндрював на той хліб. Тут би у такий голодний год и заробити копійчиину, а він людям ёго дурно роздає... Тютю дурний! Чи бачивъ хто такого дурня? Чорзна аому роздає и в ранці и в вечері, а ми уся ёго сімъя, голудуємо, та їмо відважений пай, мов рештанти... Оттак ти одурій на старости! „То Тихон було слухає, слухає, далі схопить себе за голову, та“: А вже ж мені сяя морока, скаже, та мерщій з хати... Кв. Добре роби.

Обращенія аъ неодушевленнымъ предметамъ отвлеченнымъ, въ велна. пѣсп. (Сб. матер. для описанія кавк. III, Станица Темижбеаская, Куб. области):

Digitized by Google

Ты черемуха, черемуха мая,
Черемуха-душа-аленькій цвѣтокъ, 49.
Трава моя, травушка, зеленый лужокъ,
Я по тебѣ, травушка, я ненахожусь, ib.
Ой садовая (ое) моя яблочка...
Отнатилася прочь отъ яблонки, 58.
Ой же ты, солнышко ясное... 59.
Долина доляюшка
Долина широкая! 60.
Березничекъ листоватай! 60.
Не стой верба кадъ водою
Хоть стой не стой развивайся.
Ужъ вы горы мои, горы крутыя,
Вы позвольте горы дли васъ постоати, 73.
Старояа ль ты моя вотъ стороношка... 74.
А молодость, молодость
Дѣвачьи красота,
Молодецкая сухота!
При чемъ (s) тебе молодость
При старости вспомянуть?
Вспомянуть тебе, молодость,
Госною—аручиною,
Великой печалью, 79.
Ой да ты полына, ты моя полына,
Полыяюшка, трава горькая!
Да яе я вотъ, моя полыяюшаа,
Да не я али тебе сѣала,
Да сама вотъ, моя полыаюшаа,
Да сама жъ ты уродилася,
Занимала вотъ, моя полыяюшка
Землю самую ни лучшую, 80.
Ой да вы ночи мои,
Ночи мои темныя!
Не могу то я васъ али мои ночушки

Digitized by Google

А я насъ проспать—прождать
А н васъ—продумати... 80.
Бодай тебе, рѣченька,
Бодай тебе, быстрая,
Желтымъ пескомъ
Пескомъ занесло! 82.
Туманы мои темные!
Да ты скука ты, моя скука,
Чужа дальня сторона!
Разлучила ты меня, моя скука,
Съ отцомъ съ матерью далеко, 86.

Обращеніе къ предметамъ, какъ средство конкретностн ихъ изображенія въ млр.—(въ сравненінхъ): „Грушице моя“ и пр... Въ влнр. и для изображенін обстановки: Вы, морозы... Якушк. Соч. 561. Ужъ вы, горы, 573, 604 (bis) 606, 668, 617.—Лучина,... Якушк. 619, Вы, туманы, 632, 660, 683, 689. Въ сравненінхъ — Якуш. 585, 602. Обращеніе къ отвлеченнымъ предметамъ: „Ужъ ты воля, Якуш. 580; Ахъ женитьба, 596; Куравушка, 604. Ужъ ты знмушка, 604; Ахъ ты, ночь, 606. Сторона, 622, 650; Коровать, 623. Полоса, 637; Заря, 661, сборы 667.

Обращеніе къ двумъ-тремъ предметамъ, безъ опредѣленія ихъ отношеній (asyndeton, слѣдствіе аффекта):

Выйде Филя, древле прегордый, надѣнся обнять землю, потребити море, со многымн Угры. Рекшю ему: „единъ камень много горньценъ избиваетъ“, а другое слово ему рекшю прегордо: „острый мецю! борзый коню! многая Русн!“ Богу же того нетерпящю во нно время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемъ древле прегордый Филя.“ Ип.[2] 492 подъ 1217=

(Вдова) Бьєла сына породзіла,
Й уповівшы говорила:
О муой сыну бєлюсєнькі!
Муй'о душко байструсєнькі
Ой чи цєбє утопіці,
Ой чи цєбє й годоваці? Заблудовскій, Этн. сб. III, 95.

Digitized by Google

Ой піду и піду понад Дунаймн....
Ой тамъ козаченько конн напуває,
Конн нз припон, самъ запланан стоя:
Головонько моя! Стороновька чужа! Чуб. V, 379.

У Гомера — въ силу сочувствія пѣвца — Геаторъ вызываетъ на поединокъ. Ахейцы молчатъ. Тогда Менелай упрекаетъ ихъ, называя между прочимъ Ахеинками, и вооружается:

Ἔνθα κέ τοι, Μενέλαε, φάνη βιότοιο τελευτὴ
Ἕκτορος ἐν παλάμῃσιν, ἐπεὶ πολὺ φέρτερος ἦεν
Εἰ μὴ ἀναΐξαντες ἕλον βασιλῆες Ἀχαιῶν, Il. VII, 104.

„Тогда бы тебѣ, Менелай, пришелъ (явился) конецъ жизни, въ рукахъ Геатора, потому что онъ былъ многимъ сильнѣе, если бы вскочивъ неудержали цари Ахейевъ."

Пандаръ стрѣляетъ въ Менелая. — „Но тебя, Менелай, неоставили жители неба, вѣчные боги и пр. ib. IV, 127. Такія обращенін аъ Менелаю — Ил. IV, 146, XIII, 603, XVII, 679, 707, XXIII, 600. Къ Патроклу — XVI, 20, 584, 693, 744, XVI, 787, 812, 843. Къ Ахиллу — XX, 2. Къ Мелкиппу XV, 582. Къ Фебу — XX, 152. Въ Одиссеѣ — къ Эвмею XXII, 55, 165, 442, 507; XV, 60, 135, XVII, 512.

La Roche въ примѣчаніи къ Иліадѣ (IV, 127) замѣчаетъ, что апострофа „hat nur formele Ursache und nicht ihren Grund in der Theilnahm, welche der Dichter für diese Persönlichkeit erwecken will (Homer's Ilias, I, 1—4, 449). Мнѣ неясно, какін могутъ быть формальныи причины. Конечно, не размѣръ, который можетъ стѣснить лишь плохихъ стихотворцевъ. Психологическое же побужденіе — не желаніе возбудить сочувствіе, а личное отношеніе пѣвца аъ предмету.

Апострофы въ началѣ пѣсень — см. Малор. п. по сп. XVI, 6, 15. Млр. Серб. Болг. звательный падежъ вмѣсто именительнаго именъ собственныхъ личныхъ можетъ быть случаемъ вытѣсненія именительнаго звательнымъ, предполагающимъ звательный при именительномъ. Объясненіе этого явленія требованіемъ размѣра скорѣе всего могло бы быть примѣнено къ сербскому десятвсложному стиху; но ср.

Digitized by Google

Каква j'красии Канца војводо, Кар. II, 463.

Болг. Болеи лежит Станковиие Дуко

Сиие мои, Станковиие Дуао...

Проговоре Станковиие Дуко, Мил. 65—7. [1])

Анафора. У Гоголя:: „Другъ мой, храни васъ Богъ отъ одностороиности. Съ нею всюду человѣкъ провзведетъ зло: въ литературѣ, ни службѣ, въ семьѣ, на свѣтѣ, словомъ — иездѣ! *Односторонній* человѣкъ самоувѣренъ, *односторонній* человѣкъ дерзокъ, *односторонній* человѣкъ всѣхъ вооружитъ противъ себя. *Односторонній* человѣкъ ни въ чемъ иеможетъ найти средины. *Односторонній* человѣкъ иеможетъ быть истиннымъ христіаниномъ: оиъ можетъ быть только фанатикомъ: одностороиность въ мысляхъ показываетъ только то, что человѣаъ еще ии дорогѣ къ хрнстіанству, но недостигиулъ его, потому что христіанство даетъ уже многостороиность уму. Слоиомъ, храни васъ Богъ отъ одностороиностн". Выбр. мѣста изъ перев.

Эпифора — точное повтореніе вышеупомянутыхъ словъ. Какъ въ народиомъ эпосѣ вмѣсто ссылоаъ и указаиій иа вышеизложеииое — буквальное повтореніе его (что образиѣе и поэтичиѣе); тикъ Гоголь — въ предѣлахъ періода, когда рѣчь становится болѣе одушевлеииой, (затѣмъ, кааъ маиера): „Не столько зла произвели симн безбожниаи, сколько произвели зла лицемѣры или даже, просто, иеприготовлеииые проповѣдователи Боги, дерзавшіе произиосить имя его иеосвященными устими", Гог. Пер.

„Хотѣлось, чтобы... предсталъ кааъ бы невольно весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разиообризіемъ богатствъ и даровъ, до-

[1]) Однородны съ апострофою случаи representatio (Zima, 135 сл.): в) настоящее вмѣсто прошедшаго и будущаго б) приближеніе прошедшаго (выраженіе прошедшаго) къ наглядности посредствомъ иирѣчій:

Отце прійшоиъ до мене тай каже....

в) указательное мѣстоименіе о предметѣ неупомииутомъ выше: и још оно све жежено злато.

Къ формальнымъ средствамъ изобразительности относится фигура διαλογισμός (Zima, 145—8), сходная съ dat ethicus (дѣлающимъ воображаемаго слушателя участникомъ повѣствованія). Это (διαλογισμός) субъективно въ томъ смыслѣ, что говорящій передаетъ не дѣйствительный разговоръ (какъ у Зимы, 147), а лишь прибѣгаетъ къ этой формѣ (самъ ии спрашивая и отвѣчая, или иводя другіи лица), какъ наиболѣе изобразительной.

Digitized by Google

ставшихся на его долю преимущественно передъ другими народами, и со маожествомъ тѣхъ недостатковъ, которые ааходятси въ аемъ тааже преимущественно предъ исѣма другима народами, ib.

„Я питалъ втайаѣ надежду, что чтеніе „М. Д.“ наведетъ нѣаоторыхъ на мысль пасать свои собственаыя запаски; что маогіе почувствуютъ даже аѣкоторое обращеаіе на самихъ себя, потому что а въ самомъ авторѣ, когда пасааы были „Мертвыи Душа“, произошло аѣкоторое обращеніе аа самого себя“, ib. Это эпифора — прибаиаа. Namque ego, crede mihi, si te modo pontus haberet, Te sequerer, conjux, et me quoque pontus haberet, Ov. M. I, 361.

„Все перессоралось: дворяае у аасъ между собою, аакъ кошаи съ собаками; купцы между собою — аакъ аошаи съ собакама, мѣщане между собою—какъ аошки съ собакама; арестьяае, если тольао неустремлеаы побуждающею салою на дружескую работу, между собою, какъ аошаи съ собаками; даже честные а добрые люди между собою въ разладѣ; тольао между плутами вндится что-то похожее на дружбу и соединеніе, въ то время, когда кого-аабудь изъ иихъ сально стааутъ преслѣдовать“. Перев.

„И теперь больше всего благодарю Бога за то, что сподобилъ оиъ меия хоти отчасти узаать *мерзости*, какъ моа собствеиаыя, такъ и моихъ бѣдныхъ собратьевъ. *И если* есть во маѣ какая-нибудь капля ума, свойствеанаго ие всѣмъ людямъ, тааъ это отъ того, что *всматривался я побольше въ эти мерзости. И если* маѣ удалось оказать помощь душеваую цѣкоторымъ близкимъ моему сердцу, а въ томъ числѣ и намъ, тааъ это отъ того, что *всматривался я побольше въ эти мерзости. И если* аааонецъ пріобрѣлъ любовь аъ людямъ аемечтательную, ио существеиную, тааъ это все же аакоаецъ отъ того же самаго, что *всматривался я побольше во всякія мерзости*. Перев.

Такое соединаеаіе еданоаачатіа *(ἀναφορά)* и еданооаоачааіа *(ἐπιφορά)* аазываетси *συμπλοκή* — сплетеніе. (Wackernagel).

Πολύπτωτον есть собственно повтореніе того же амеаи въ разаыхъ падежахъ (*πτῶσις* — casus), затѣмъ — служвтъ названіемъ и для повтореаія глагола въ разпыхъ формахъ.

Digitized by Google

Et superesse videt de tot modo millibus *unum*,
Et superesse videt de tot modo millibus unam Ov. Met. I, 325.

(Соединеніе *ἀναφορά* и *πολύπτωτον*).

τῆς δ' ἀρ ἀκουούσης ῥέε δάκρυα, τήκετο δε χρώς
ὡς δὲ χιὼν κατατήκετ' ἐν ἀπευπόλοισιν ὄρεσσιν,
ἣν τ' Εὖρος κατέτηξεν, ἐπὴν Ζέφυρος καταχεύῃ
τήκομενος δ' ἄρα τῆς ποταμοὶ πλήθουσι ῥέοντες
ὥς τῆς τήκετο καλὰ παρήϊα δάκρυ (collect) *χεούσης*
Od. XIX, 204 (Wackernagel).

...„А добродѣтельный человѣкъ все-таки невзятъ въ герои. И можно даже сказать, почему *невзятъ* (*ἐπίζευξις* —прибавка, повтореніе безъ опредѣленнаго мѣста): *потому* что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному *добродѣтельному человѣку*, *потому* что праздно вращается на устахъ слово „*добродѣтельный человѣкъ*“; *потому что* обратили въ лошадь *добродѣтельнаго человѣка*, и нѣтъ писателя, который бы неѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лацемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора наконецъ припречь и плутоватаго. И такъ припряжемъ его, плутоватаго человѣка“! М. Д. III. (Это соединеніе *ἐπίζευξις*, *ἀναφορά*, *πολύπτωτον*, *ἐπιφορά*, все вмѣстѣ *συμπλοκή*). Ср. повтореніе въ рѣчи мужиковъ, M. D. III гл.

„А теперь непозабывайте ни на мигъ, что все это вамъ дѣлается для *покупки* твердаго характера, а эта *покупка* покамѣстъ для васъ нужнѣе всякой другой *покупки*, и потому будьте въ этомъ случаѣ упрямы, просите Бога объ упрямствѣ“. Перец.

Digitized by Google

Гипербола и иронія.

„Возьмите Ивана Ивановича за руки, да выведите за двери!"

„Какъ! дворянина?" закричалъ съ чувствомъ достоинства и негодованія Иванъ Ивановичъ. „Осмѣльтесь только! подступите! Я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ паномъ! Воронъ ненайдетъ мѣста вашего!" (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его была потрясена).

Гипербола (*ὑπερβολή*—преувелаченіе)—фигура по отношенію къ метафорѣ; она неможетъ быть соподчинена съ тропама. Сюда Вакернагель [1]) относитъ и pluralis majestaticus: *Мы*=я, *Вы*=ты.

Гипербола можетъ быть принимасма и за родовое названіе, какъ вышеупомянутаго случая, такъ и противоположнаго *λιτότης* [2]) (мáлнть) — умепьшепія. Послѣднее есть тоже общее названіе. Въ частности *λιτότης* принимается въ транзативномъ смыслѣ в есть выраженіе взгляда на 3-ье лицо, между прочнмъ и презрѣнія къ нему; между тѣмъ *ταπείνωσις*; *униженіе*, и *μείωσις*, *умаленіе*, принимается въ рефлектнвномъ смыслѣ, когда лицо говоритъ о себѣ, напр. Давадъ Саулу: „Противъ кого вышелъ царь Изравльскій? За кѣмъ ты гонвешься? За мертвымъ псомъ, за одною блохою?" I, Кн. Цар., 24, 15 (Wackernagel, 530). Сюда же разныя историческія самоуничиженія, какъ captatio benevolentiae: „Холопишко твой №", „Padaш до nбg" и пр.

Гипербола есть результатъ какъ бы пѣкотораго опьяненія чувствомъ, мѣшающаго видѣть вещи въ ахъ настоящихъ размѣрахъ. Поэтому она рѣдко, лишь въ исключательныхъ случаяхъ, встрѣчается у людей трезвой и спокойной наблюдательности. Если упомянутое чувство неможетъ увлечь слушатели, то гипербола становится обыкновеннымъ враньемъ.

---

[1]) W. Wackernagel, Poetik, Rhetorik und Stilistik, II—aufl. 529—30, сл.; А. Потебня. Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ, множественное гиперболическое, стр. 1—15. От. от. Ф. Зап. 1887.

[2]) L. Zima (Figure u našem narodnom pjesništvu) *λιτότης* относитъ къ эвфемизму, отлично отъ преувеличенія (Dobro nye, moj brate вм. zlo je) 61—2.

Digitized by Google

Слово о полку Иг.: „Великый княже Всеволоде", ты бо можеши Волгу неслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти... Галичьскый Осмомысле Ярославе, высоко сѣдиши на своемъ златокованѣмь столѣ... меча бремены чрезъ облакы. — Въ народной поэзіи и языкѣ: „колосъ отъ колоса" [неслыхать человѣческаго голоса]; шапками закидаемъ... — Съ комическимъ эфектомъ: степени родства [десятая вода на анселѣ и пр.]; бѣдность [мѣдной посуды — крестъ да пуговица, рогатой скотины — тараканъ да жуковица]. *Величанье*, Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень, 61:

Ой якъ нона (дівчина) заговорять — як у дзвони дзвонить
Ой як вона засмієцьця — в Полтаві слинецьця.

У мене дівчина, дівчина рибчина:
Ой якъ заговорять, яа у дзвія задзвонить
Ой як засмієтьця, Дніпро розільєтьця, В. Е. 1881, іюль, 403.

Въ повѣсти Кохановской „Послѣ обѣда въ гостяхъ": „За послѣднее время у яего (у Чернаго) новая пѣсня, да вѣдь какая пѣсня! Ни старые, ни бывалые люди отъ роду неслыхивали этой пѣсни.... Вздохну, Дунай всколыхну
Всколыхну ли Дунай рѣку.
Что не къ морю вода подымалася,
По желтымъ пѣскамъ расплескалася,
Въ зеленыхъ моряхъ разливалась:
По дѣвушкѣ душа встосковалася... [1])

Очевидно, что эта новая пѣсня, если не цѣликомъ стара, то составлена изъ древнихъ элементовъ, древнѣе Слова о Полку Игоревѣ, но душа могла быть въ ней новая. Ср. Сербск. п.

Дјевојка је крај горе стојала
Сва (вся) се гора од лица засјала
И од лица и зелена вјенца, h. Рајн Срп. и, п. 12 и др.

[1]) Ср. Вакернагель. „Гиперболу можно употреблять въ обоихъ случаяхъ, (какъ для возвышеннаго, такъ и для смѣшного. И поэтому-то самому она является смѣшной, когда должна быть возвышенной. (Рамлеръ). Настоящее мѣсто и мѣра опредѣляется лишь счастливымъ тактомъ. Poetik, 530.

Digitized by Google

Кад увдахну, вас (весь) Будим устану,
Када јекну, вас ми Будим злекну.
И по кули рафи (полки) и долафи (агтогіит, оршак)
И по рафим зафи (блюдечки) и филджана
По долафим калајли ленџери (оловянные умывальники) Кар. С. н. п. ив Херцег. 132—3, 216.
Сузами (слезами) је море замутила
А јадима уставила лађу (остановила лодау), Караджић, Прјесме, I, 556—7 (ср. Мое Слово о П. Иг. 10)
Колико се старац наљутио (старикъ разсердился)
Из очиј'му ирвца (аровь) покапала, Чубро Чојн. 312.

У *страха глаза велики*. Ибро увидѣлъ спящаго Стојана.

Виђохъ змаја под јелу зелену
На прси (груди) му црна (черная) овца лежи (раскрытая, волосатая грудь)
А у зубе врано (черное) јагње држи (усы)
По прсима сјају му се очи (тоже, пуди),
Ка звијезде по небу ведроме.
Прислонио до јелу лубарду (пушку), Чуб. Чојк. 313.

Ср. анекдотъ „О жидѣ и волкахъ“.

[*Печаль*]: Невесело Лајчић Мустајбеже
Низ кобилу објесио брке, Чуб. Чојк. 118.

Въ Кіевской лѣтописи подъ 1618 г.: „Южъ у кроникахъ полскихъ (и) русскихъ читаемъ, же ледве зъ матки своее дитя на светъ отворило ворота зъ живота, „татарове едутъ“ закричало, и таиже правдою того жъ року стало, же по всей Полщи землю спустошили вширъ и надолжъ и назадъ вцале вернули“. Сбори. лѣтописей, относящихся до ю.-в. Руси. К. 1888,—87. Это предсказаніе есть въ основѣ фактъ, выраженный гиперболически. Какъ и въ дѣтской игрѣ:

„Комашки... ховайте подушки! Собаки брешуть, татари ідуть!

Digitized by Google

Мн. ч. существительныхъ для возвеличенія, идеализаціи предмета: Вы примайте ярлыки распечатывайте
Посаорѣе того прочитывайте. Кир. П. IV, 40.

Ср. серб. *крсти* въ пѣснѣ объ обрѣтеніи честнаго Креста Г.:
Гдѣ су сви наши часни крсти...
Наши с' крсти у земљи јеврејској, Кар. П. 35. (Знач. множ. числа, 8—13).

У Пушкина — рѣдко, да и то въ слѣдующемъ случаѣ, какъ аллюзія на слова извѣстнаго врали:

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Антомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ, какъ заборъ, Он. VII, 35.

Прим. А. С. П.: „Сравненіе заимствовано у К*, столь извѣстнаго игривостью воображевія. К*... разсказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ кн. Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концомъ изъ телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

Гоголь (М. Д. Изд. 1874, т. III, 266 — 7) — безъ всякой ироніи: „знать у бойкаго народа ты (тройка) могла только родиться,—въ той землѣ, что нелюбитъ шутить, а ровнемъ — гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, *пока не зарябитъ тебѣ* въ очи.

Чувство, лежащее въ основаніи pluralis majestatis, *мы*, есть то, когда человѣку кажется, что его *я* разрастается до слиніи съ государствомъ, сословіемъ, классомъ. Въ этомъ раздутомъ состояніи „*я*“ легко подвержено оскорбленіямъ. На это состояніе указываетъ Гоголь.

Digitized by Google

„Россіи такая чудная земли, что если скажешь объ одномъ коллежскомъ ассесорѣ, то всѣ коллежскіе ассесоры, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой счетъ. То же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ", Носъ II, 66. (изд. 1874 г.).

„Въ дешртаментѣ.... но лучше неназывать, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе всякаго рода должностныхъ сословій. *Теперь* уже *всякій* (гиперб.) частный человѣкъ считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество.

Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитана исправника, непомню какого городв, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнутъ государственныя постановленія, и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого-то романическаго сочиненія, гдѣ черезъ каждые десять страницъ является капитанъ исправникъ, мѣстами даже совершенно въ пьяномъ видѣ. И такъ, возбѣжденіе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ *однимъ департаментомъ*, Шинель" соч. II, 89.

Ср. М. Д. т. III, стр. 263 — 5 (изд. 1874 г.) — книга оскорбительная *для отечества*: Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны тѣхъ невзыскательныхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устраивая судьбу свою насчетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по ихъ мнѣнію *оскорбительное для отечества*, появится *какая-нибудь книга*, въ которой скажется иногда горькая правда, — они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину мухи, и подымутъ вдругъ крики: Да хорошо ли выводить"...

Относительно „теперь" ср. въ Перепискѣ: „въ *послѣднее время*, какъ бы еще нарочно, старался русскій человѣкъ выставить всѣмъ на видъ свою щекотливость во всѣхъ родахъ, и мелочь раздражительнаго самолюбія своего на всѣхъ путяхъ", 1847, Выбр. м. изъ пер. 647. [1])

[1]) 2-е письмо по поводу М. Д.

Digitized by Google

Въ силу того же чувства своего величія, происходятъ обвиненія людей другого соціальнаго или политическаго направленія въ измѣнѣ отечеству; отождествленіе нѣкоторыхъ мнѣній съ наукой и обвиненіе несогласныхъ съ нами не въ ошибочности мнѣній (что, сопровождаемое доказательствами, всегда умѣстно), а въ „ненаучности“ я даже въ оскорбленіи науки, какъ будто наука намъ мать, жена или сестра, честь которой мы обязаны защищать, такъ какъ безчестье ея упадетъ на нашу голову.

Чувство оскорбленія раздутаго „я“ проявляется, смотря по обстоятельствамъ, замкнутымъ страданіемъ или дѣйствительнымъ осаорбленіемъ мнимыхъ оскорбителей:

„Отрывокъ изъ статейки г-на Писарева.... показываетъ, что молодые люди плюются; — погоди еще не такъ плеваться будутъ! Это все въ порядкѣ вещей — и особенно на Руси не диво, гдѣ мы всѣ такіе деспоты въ душѣ, что намъ кажется, что мы не живемъ, если не бьемъ кого-нибудь по мордѣ. — А мы скажемъ этимъ юнымъ плевателямъ: „на здоровье!“ и только посовѣтуемъ имъ выставить изъ среды своей, хотя такихъ плохихъ писателей, какова были тѣ, въ кого они плюютъ! — 1862 Тургеневъ, 1-е собр. писемъ 99.

Ложь и гипербола. Ср. сцену изъ Фауста:

Meph. Wir legen nur ein gültig Zeugnis nieder,
Dass ihres Ehherrn ausgereckte Glieder
In Padua an heil'ger Stätte ruhn.
Faust. Sehr klug! Wir werden erst die Reise machen müssen!
M. Sancta simplicitas! Darum ist's nicht zu thun;
Bezeugt nur, ohne viel zu wissen.
F. Wenn er nichts Bessers hat, soi st der Plan zerrissen.
M. O heil'ger mann! Da wärt Ihr's nun!
Ist es das erste mal in eurem Leben,
Dass Ihr falsch Zeugniss abgelegt?
Habt Ihr von Gott, der Welt und was sich drin bewegt,

Digitized by Google

Von Menschen, was sich ihm in Kopf und Herzen regt,
Definitionen nicht mit grosser Kraft gegeben?
Mit frecher Stirne, kühner Brust?
Und wollt Ihr recht ins Innre gehen,
Habt Ihr davon, Ihr müsst er grad'gestehen,
So viel als von Herrn Schwerdtleins Tod gewusst!
F. Du bist und bleibst ein Lügner, ein Sophiste.
M. Ja, wen man's nicht ein bisschen tiefer wüsste.
Den morgen wirst, in allen Ehren,
Das arme Gretchen nicht bethören,
Und alle Seelenlieb' ihr schwören?
F. — Und zwar von Herzen.
M. — Gut und schön!
Dann wird von ewiger Treu und Liebe,
Von einzig überallmächt'gem Triebe —
Wird das auch so von Herzen gehn?
F. Lass das! Es wird! — Wenn ich empfinde,
Für das Gefühl, für das Gewühl
Nach Namen suche, keinen finde,
Dann durch die Welt mit allen Sinnen schweife,
Nach allen höchsten Worten greife
Und diese Glut, von der ich brenne,
Unendlich, ewig, ewig nenne,
Ist das ein teuflisch Lügenspiel? F, I. 106.

Мефистофель. Она добыть отъ насъ свидѣтельство бъ хотѣла
О томъ, что бренное ея супруга тѣло
Въ могилѣ, въ Падуѣ, изволитъ почивать.
Фаустъ Умно! Такъ съѣздить мы должны туда сначала?
M. Sancta simplicitas! Еще недоставало.
Свидѣтельство и такъ ты можешь подписать.
Ф. Ну, значитъ, новый планъ должны мы сочинять.
M. О, мужъ святой, ужель вы всѣхъ другихъ честнѣй
Хотите быть? Ужель ни разу не давали
Свидѣтельствъ ложныхъ въ жизни вы своей?

Digitized by Google

О Богѣ, о землѣ, о томъ, что сарыто въ ней,
О томъ, что въ головѣ а сердцѣ у людей
Таится—вы давно ль преважно толковали
Съ душею дерзкою, съ безсовѣтнымъ челомъ?
Но если глубже лишь мы вникнуть пожелаемъ,
Окажется сейчасъ, что знали вы о томъ
Не болѣе, чѣмъ мы о мужѣ Марты знаемъ.

Ф. Софизмы лжаные ты любишь говорить!

М. Да, если глубже не судить!
Не завтра ли, душа святая,
Бѣдняжку Гретхенъ надувая,
Въ любви божиться станешь ты?

Ф. И отъ души!

М. Ну, да, конечно,
И въ вѣчной вѣрности, и въ вѣчной
Любви и страсти безконечной—
И все отъ сердца полноты?

Ф. Пусть такъ! Когда и весь пылаю
И страсти пламенной моей
Напрасно имя подбираю,
Весь міръ стремленьемъ обнимаю
И рѣчи въ плама облекаю,
И жаръ, которымъ я сгораю,
Я вѣчнымъ, вѣчнымъ называю—
Ужели и тогда солгу и передъ ней? (Пер. Н. Холодковскаго)..

Ложь относится къ гиперболѣ, какъ иронія къ комизму.

Хлестаковщина. Гоголь къ Максимовичу, 1834: „Исторію Малороссіи и пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ или въ четырехъ большихъ томахъ," изд. Кулиша V, 198. Погодину (1834): Я весь теперь погруженъ въ Исторію Малорусскую и всемірную.... Мнѣ кажется, что в сдѣ-

Digitized by Google

лаю ное-что не общее во всеобщей исторіи. Малороссійская Исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иниче, впрочемъ, ей быть нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ аей ужъ слишкомъ горитъ, неисторнчески жгучъ и живъ; но что за исторіа, если она скучни, ib. 196. Объ аей же ib. 212.

Погодину (1834): „Я ни время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторів, и именно среднихъ вѣковъ. Если ты этого желаешь, то я пришлю тебѣ нѣкоторыя свон леицін, съ тѣмъ только, чтобы ты въ замѣнъ праслалъ ннѣ свои. Весьма недурно, есла бы ты отнялъ у какого-нибудь слушнтеля тетрядь записываемыхъ имъ твонхъ лекцій, особеино о среднахъ аѣкахъ... праслалъ бы черезъ Редькана мнѣ теперь же. Изд. Кул. V, 221. Еме же 1834: „Зиаешь ли ты, что зиачитъ не встрѣтать сочувствія, что зиачитъ ае встрѣтвть отзыва? Я чнтию одинъ, рѣшнтельно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня неслушветъ, ни ни одномъ ниразу иевстрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всяаую художаническую отдѣлиу, а тѣнъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрыаками и тольио смотрю вдаль и вижу его въ той системѣ, въ каиой оно явитсв вылатою чрезъ годъ. Хоть бы одио студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтиый, иакъ Петербургъ. Кул. V, 228.

Максимовичу, 1825: „Я пишу исторію среднихъ вѣионъ, которня, думаю будетъ состоять томовъ изъ восьми, если не изъ девяти. Авось либо и ни тебя ивпидетъ охота и благодатиый трудъ. А аужао бы, право, нужно озарить Кіевъ чѣмъ-набудь хорошимъ ib. 231.

Погодину 6-го деквбря 1835 г.: „Я расплевался съ университетомъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузаанный схожу съ аея. Но въ эти полтора года, годы моего безславія, потому что общее миѣніе говорнтъ, что я не за свое дѣло взялся, — въ эти полтора годи я много выиесъ оттуда и прнбавилъ въ соаровищницу душя. Уже ае дѣтсиія мысли, не ограниченный прежиій кругъ моихъ свѣдѣній, но высокіи, исполаенныя истины и ужа-

Digitized by Google

сающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ мои небесные гостьи, наводившіе на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто незнаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и пр. и пр.... Я тебѣ одному говорю это; другому нескажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это!... (изд. Кул. V, 247).

Матери 1830: Теперь вездѣ стараются распространять засѣваніе картофеля, польза котораго такъ очевидно, что *я* бы совѣтовалъ попробовать вамъ въ небольшомъ количествѣ. Въ другихъ странахъ прежде засѣваніе хлѣба и *стоитъ* только картофель... Картофель въ *милліонъ* разъ родится болѣе всякаго хлѣба... Мухи, по расчисленію практиковъ, картофленой выходитъ съ 1-й десятины столько, сколько изъ двадцати десятинъ другого хлѣба. Доходъ съ одной десятины полагаютъ простирающимся до 500 рублей.... Кул. V, 168—9.

Къ сестрамъ 1836. (какъ говорятъ съ дѣтьми): на пароходѣ „у каждаго изъ насъ небольшая комнатка, никакъ небольше орѣховой скорлупки". ....Въ Любекѣ „улицы узеньки, есть даже такія, что можно изъ окошка протянуть руку и пожать руку того, который живетъ противъ васъ... ib 263.

Въ Генуѣ улицы есть такъ узеньки, что двумъ человѣкамъ нельзя пройти въ рядъ. 288. Гог. изд. Кул. VI, 121, 122, 136,—7, 155, 158, 372.

„*Болѣзнь* мои выражается такими страшными припадками, какихъ никогда еще со мною небыло; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступавшее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина; всякое неизначительно привѣтное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ

Digitized by Google

силахъ вынести природа человѣка, и вскюе сумрачное чувство претворило въ печаль, и потомъ слѣдовалъ обмороиъ, иаконецъ совершенно сонамбулистическое состояніе. Гог. изд. Кул. V, 462 (1842 г.) см. еще ib VI 121.

Въ Ревизорѣ (д. III, ивл. V) городничій и Артемій Филиппоничъ просто лгутъ сознательно и, таак сказать, трезво; но Хлестаковъ, подъ вліяніемъ хорошаго завтрака и подобострастія чиновниковъ, присутствующихъ дамъ, доходитъ до опьиненія ложью (д. III, нв. VI). Случайно обмолвившись правдой, онъ за это самъ уличаетъ себя во лжи: ...„Каиъ взбѣжишь по лѣстинцѣ къ себѣ на четвертый этажъ, саажешь только аухаркѣ: „на, Мавруша, шинель“.... „Что же я вру, и и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ“... „Пошли толаи: каиъ, что, иому заннть мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотиики и брались, но подойдутъ бывало,— нѣтъ мудрено! Кажется и легио на видъ, а разсмотрѣть—просто, чортъ возьми! Видитъ, нѣчего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же миуту по улицамъ аурьеры, курьеры.... можете представить себѣ, тридцать пять тысичъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю?... Во дворецъ всяаій день ѣзжу и меня *завтра* же произведутъ *сейчасъ* въ фельдмаршалы (поскальзывается и чуть-чуть не падаетъ иа полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиноиниками).

Хлестаковъ. „Онъ просто глупъ; болтаетъ потому тольио, что видитъ, что его расположены слушать; вретъ, потому что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочио вина. Сцена, въ которой онъ завирается, должна обратить особенное инимаиіе. Каждое слово его, ...фраза или реченіе есть экспроитъ, совершенно иеожиданный, и потому долженъ ыражатьсн отрывисто.... Къ аонцу... начииаетъ его разбирать... онъ долженъ *раскричаться* и выражаться еще неожиданиѣе и чѣмъ дальше тѣмъ громче. Щеокину, Кул. V, 257.

Digitized by Google

Въ перепискѣ съ друзьями (4 письма по поводу М. Д.) (Соч.[3] IV, 654): я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавилса тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ надъ ними посмѣяться. Я оторвался отъ многаго уже тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарсиой масни, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той гадостью, аоторая всѣмъ видна, и когда, повѣряю себя на исповѣди передъ тѣмъ, кто повелѣлъ мнѣ быть въ мірѣ и освобождаться отъ своихъ недостатковъ, вижу много въ себѣ пороковъ, но они уже не тѣ, иоторые были въ прошломъ году: святая сила помогла мнѣ отъ нихъ оторваться...

Стилистическихъ своихъ грѣховъ онъ однако казнилъ мало. Такимъ образомъ гиперболичность составляетъ довольно видиую черту его слога.

Въ М. Д. (Соч.[3] III,): тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все что ни есть, порывается въ верху, закидывая голову, а онъ, (ионтрабасъ) одинъ, засунувша небритый подбородокъ въ галстухъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою поту, отъ ноторой трясутся и дребезжатъ стекла. 43.

„Ребята, впередъ!“ иричитъ онъ, (поручиаъ) порываясь, непомышляя.... что милліоны ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры иеприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ... 90.

....„Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, каиъ будто бы нѣсиолько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями“. 150.

—„А ваше накъ здоровье?“

—„Слава Богу, непожалуюсь, сиазалъ Собаневичъ. И точно, ие на что было жаловаться; скорѣе желѣзо могло простудиться и аашлять, чѣмъ этотъ на диво сформированный помѣщииъ. 153.

„Выставь ему вѣдьму — старость, къ нему идущую, иоторая вси изъ желѣза, передъ которою желѣзо есть милосердіе, ноторая

Digitized by Google

ни крохи чувства неотдастъ назадъ и обратно. О, еслибъ ты могъ сказать ему то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома Мерт. Д.! Переп. IV, 636.

...„Все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. За то, можетъ быть *отъ самаго созданія свѣта* небыло употреблено столько времени на туалетъ.... Цѣлый часъ былъ посвященъ на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ (Чичиковъ) М. Д. 771.

„Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудилъ на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ съ просонья, что стало мочи: „кто идетъ? Но, увидѣвъ, что никто нешелъ, а слышалось только вздали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря в, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ. Послѣ чего, поставивши алебарду, опять заснулъ по уставамъ своего рыцарства. 189.

Коляска... „Стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Соч. II, 125.

Просто пріятная дама: Сестрѣ я прислала матерійну: это такое очарованье, котораго просто нельзи выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки. .. Словомъ безподобно! Можно сказать рѣшительно, что *ничего еще больше небыло подобнаго* въ свѣтѣ.“ 193.

„Началъ онъ заводить между ними какіе-то вѣчные порядки, требовалъ... чтобы они въ какомъ случаѣ иначе всѣ неходили, какъ попарно.... 280.

„*Портретъ*. Садясь писать, онѣ (дамы) принимали такіе выраженіи, которыя приводили въ изумленіе художника: та старалась изобразить въ лицѣ своемъ мелонхолію, другая мечтательность, третьи во что бы то ни стало, хотѣла уменьшить ротъ и сжимала его до такой степени, что онъ обращался наконецъ въ одну точку, небольше булавочной головки“... (Соч. II, 30).

Digitized by Google

„Ничего немогли найти отъ огромныхъ его богатствъ, но, увидѣвши изрѣзанныя куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.“ ib. 41.

„*Невскій проспектъ*.... Какъ чисто подметены его тротуары и, Боже, сколько, ногъ оставило на немъ слѣдъ свой! И неуклюжій, грязный сапогъ отставного солдата, подъ тяжестью котораго, кажется трескается самый гранитъ, и миніатюрный, легкій какъ дымъ башмачокъ молоденькой дамы.... Начнемъ съ самаго утра, когда *весь* Петербургъ пахнетъ горячимъ только что выпеченнымъ хлѣбомъ и *наполненъ* старухами въ изодранныхъ платьяхъ и салопахъ, совершающихъ (салопкхъ?) свои *наѣзды* на церкви и на сострадательныхъ прохожихъ.... По улицамъ плетется нужный народъ; иногда переходитъ *ее* (улицу?) русскіе мужики... въ сапогахъ, запачканныхъ известью, которыхъ Екатерининскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ состояніи бы былъ обмыть. Н. Проспектъ. Соч. IV 155.

„Мальчишекъ въ пестряднныхъ халатахъ, съ пустыми штофами, или готовыми сапогами въ рукахъ, бѣгущихъ милліонами по Невскому проспекту. ib. 156.

Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ, пестрыхъ, легкихъ... ослѣпятъ хоть кого на Невскомъ проспектѣ. Кажется, будто цѣлое море мотыльковъ поднялось вдругъ со стеблей и волнуется блестящею тучею надъ черными жуками мужескаго пола. Здѣсь вы встрѣтите таліи, какія вамъ даже неснились никогда: тоненькія, узенькія, талін какъ нетолще бутылочной шейки.... Сердцемъ вашимъ овладѣетъ робость и страхъ, чтобы какъ-нибудь отъ неосторожнаго даже дыханія вашего, непереломилось прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства. ib. 157—8.

„Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою ляжетъ на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, міріады каретъ валятся съ мостовъ, форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ, и когда

Digitized by Google

самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ ib. 191.

...„За то вышло что-то чудное. Это не переводъ (Одиссея Жуковск.), но скорѣе возсозданіе, восарешеаіе Гомера. Переводъ какъ бы еще болѣе вводитъ въ древнюю жизнь, нежели сааъ оригиналъ. Переводчикъ незримо сталъ какъ бы астолкователемъ Гомера, сталъ кааъ бы какимъ-то зрительнымъ выясняющимъ стекломъ передъ читателемъ, сквозь которое еще опредѣлительнѣе и яснѣе высказываются всѣ безчисленныя его (?) сокроваща. Перев. IV, 587.

Она (Одиссея) вновь даетъ почувствовать всѣмъ нашимъ писателямъ ту старую астину, аоторую вѣкъ мы должны помнать, которую всегда позабываемъ, а имеаао: *но* тѣхъ поръ не принаматься за перо, поаа все въ головѣ не устамовится въ такой ясности и порядкѣ, что даже ребенокъ въ свлахъ будетъ покять и удержать все въ памята. ib. 591.

Пусть миссіонеръ аатолачества западваго бьетъ себя въ грудь, размахавлетъ рукаан и арасаорѣчіеаъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающіи слезы. Проповѣдникъ же католачества восточнаго долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобъ уже отъ одаого его смареннаго вида, потухнувшахъ очей и тахаго потрясающаго *гласа*, исходящаго изъ душа, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвигнулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самое дѣло и къ одинъ голосъ заговорило бы аъ нему: „непроизноса словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей церкви ib. 597.

Все единогласно, отъ бояръ до послѣдняго бобыля, положало, чтобы оаъ (Михаилъ Θеод. Романовъ) былъ на престолѣ. ib. 611.

Отвлеченными чтевіяма, размышленіями и безпрестакиыми слушаніями *всѣхъ* курсовъ каукъ его умъ заставишь только *слишкомъ* немаого уйти впередъ. ib. 619.

Нѣтъ, амѣй такую чистую, такую благоустроеиную душу, какую имѣлъ Карамзанъ, и тогда возвѣщай свою правду: *все* тебя выслушаетъ отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, м

Digitized by Google

выслушаетъ съ такою любовію, съ какою невыслушивается *ни въ какой* землѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ собирающій вокругъ себя верхушку модная общества, и съ такою любовію можетъ выслушать только одна чудная наша Россія, о которой идетъ слухъ, будто она вовсе нелюбитъ правды. ib 621.

— Еще *вся* книга (M. D.) неболѣе какъ недоносокъ; но духъ ея разнесся уже отъ нея незримо, и самое ея раннее появленіе можетъ быть полезно мнѣ тѣмъ, что подвигнетъ моихъ читателей указать *всѣ* промахи относительно общественныхъ и частныхъ порядковъ внутри Россіи. ib. 652.

— Сдѣлайте ваше путешествіе вотъ какимъ образомъ: прежде всего выбросьте изъ вашей головы *всѣ* до одного ваши мнѣнія о Россіи, какія у насъ ни есть, откажитесь отъ собственныхъ своихъ выводовъ, какіе уже успѣли сдѣлать, представьте себя незнающимъ ровно ничего и поѣзжайте, какъ въ новую дотолѣ вамъ неизвѣстную землю. ib. 662.

— Княгиня же О***, бывшая до нея губернаторшей въ томъ же вашемъ городѣ К***, не завела никакихъ заведеній, ни пріютовъ, непрошумѣла нигдѣ дальше своего города, неимѣла *даже* никакого вліянія на своего мужа, и невходила ни во что собственно правительственное и оффиціальное, а между тѣмъ до нынѣ *никто* въ городѣ неможетъ о ней вспомнить безъ слёзъ и *всякъ*, начиная отъ купца *до послѣдняго бобыля* до сихъ поръ еще повторяетъ: „нѣтъ небудетъ другой никогда княгини О***!“ А кто это повторяетъ? Тотъ же самый городъ, для котораго, вы полагаете, ничего невозможно сдѣлать; тоже самое общество, которое вы считаете испорченнымъ *на вѣки*. ib. 668.

Ваше (губернаторши) вліяніе сильно. Вы первое лицо въ городѣ, съ васъ будутъ перенимать *все* до послѣдней бездѣлушки, благодаря обезьянству моды и вообще нашему русскому обезьянству. ib. 668.

„Не только высшее правительство, но даже *всѣ* до единаго частные люди начинаютъ замѣчать, что причина злу *всего* есть та,

Digitized by Google

что свящeнники стали нерадиво исполнять свои должности". Ib. 677—8.

— „Вотъ скольнимъ условіямъ нужно было выполниться, чтобы переводъ Одиссеи (Жук.) вышелъ не рабсиая передача, но послышалось бы въ немъ слово живо и *вся Россія* приняла бы Гомера, какъ роднаго" ib. 586.

...Это полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня тольно тогда, когда я соберу въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ тоже время вокругъ его все тряпье до малѣйшей булавки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка, словомъ, когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. Ib. 820.

...„Мертвыя души не потому ткнъ *испугали Россію*, чтобы онѣ расирыли какія нибудь ея раны...ib. 650.

...Русь! Чего ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ *все, что ни есть въ тебѣ*, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою *я*, и уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необычайный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли неродиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь въ глубинѣ моей, неестественною властью освѣтились мои очи... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...

— Держи, держи, дуранъ! кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вотъ я тебя палашомъ! кричалъ скакавшій на встрѣчу фельдъегерь, съ усами *въ аршинъ*.

„Не видишь лѣшій, дери твою душу, казенный экипажъ!" И какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка. М. Д. III. 237—8.

Digitized by Google

Это—геніальное мѣсто, начиная отъ 236 ст.; „Брычка...“ Движевіе брички Чичикова превращается въ полетъ мысли автора по Руси „изъ... прекраснаго далека“.

Ни одно молодое сердце тутъ дрогнуло и расширилось и почуиствовало въ себѣ „силы нвобъятныя“ (Лермонтовъ), какъ самъ авторъ. Оно прекрасно въ глазахъ того, кому сообщается гиперболическое настроеніе автора, и кому поэтому покажется смѣшнымъ вопросъ, имѣлъ ли право авторъ быть въ такомъ настроеніи и выражать его. Оно прекрасно и по тому, какъ неожиданно обрываетъ заиесшуюся мысль холодная дѣйствительность; по той рѣзности, съ которой этимъ выставлена противоположность вдохновеиной мечты и отрезвляющей яви.

Но можетъ случиться, что красота этого мѣста для насъ не существуетъ, и что его гиперболичиость для насъ безсильна. Тогда болѣе холодныи объиснеиія автора насъ иеразогрѣютъ, какъ и вообще красота прозаическими объясненіями иеможетъ быть доказана.

Гоголь дѣлаетъ ошибку, стараясь оправдаться передъ тѣми, которые обвинили его за это лирическое отступленіе. Онъ только подтверждаетъ своимъ оправданіемъ, что средства поэта и прозаика различны, и что поэтъ, стараись говорить прозаическн, нерѣдко беретъ фальшивыя ноты. Единственное идущее къ дѣлу въ его оправданіи, это—то, что онъ не обманывалъ, а говорилъ подъ вліяніемъ истиннаго чувства. Остальное только подтверждаетъ его наклониость къ гиперболичиости, въ частности къ колебаніямъ между противоположиыми чувствами могущества и самосокрушеніи, самоуничиженіи, что грубо выражается пословицей: „какъ пьяиъ, то и капитанъ, а какъ проспится, и свиньи боится“. Объисненіе также гиперболично, какъ и лирическое отступленіе, но оно подмѣняетъ чувство „страшной силы“ и „власти“ чувствомъ сокрушенія о грѣхахъ.

...„Рѣчь о лирическомъ отступленіи, на которое больше всего напали журналисты, види въ немъ призваки самонадѣянности, самохвальства и гордости, *досель еще неслыханной* (гиперб.) ни

Digitized by Google

въ одномъ писателѣ. Разумѣю то мѣсто въ послѣдней главѣ, когда, изобразивъ выѣздъ Чичикова изъ города, писатель, на время, оставляя своего героя среди столбовой дорого, становится самъ на его мѣсто и, пораженный скучнымъ однобразіемъ предметовъ, пустынною безпріютностью пространствъ и грустною пѣснею несущеюся по всему лицу земли Русской, отъ моря до моря, обращается въ лирическомъ воззваніи къ самой Россіи, спрашивая у ней самой объясненія непонятнаго чувства, его объявшаго, т. е.: зачѣмъ и почему ему кажется, что будто все, что ни есть въ ней, отъ предмета одушевленнаго до бездушнаго, вперило на него глаза свои и чего-то ждетъ отъ него! Слова эти были приняты за гордость и доселѣ неслыханное хвастовство, между тѣмъ какъ они ни то, ни другое. Это просто *нескладное (λιτότης)* выраженіе истиннаго чувства (того-ли, о которомъ рѣчь дальше).

„Мнѣ и до нынѣ кажется тоже. Я до сихъ поръ немогу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздирающихъ звуковъ нашей пѣсни ....Кому, при взглядѣ на эти пустынныя, доселѣ незаселенныя и безпріютныя пространства, нечувствуется тоска; ному въ звунахъ нашей пѣсни неслышатся *болѣзненные упреки ему самому*, именно ему самому, тотъ или уже весь исполнилъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, или же онъ не русскій въ душѣ. Разберемъ дѣло, наяъ оно есть.“

„Вотъ уже полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, нанъ Государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руня намъ *всѣ* (гип.) средства и орудія для дѣла, и до сихъ поръ остаются *также* (гиперб.) пустынны и грустны и безлюдны ниши пространства, *также* безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышетъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но каною то холодною, занесенною вьюгою, почтовою станціей, гдѣ видится одинъ, по всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: „нѣтъ лошадей!“ Отчего это?

Digitized by Google

Кто виноватъ? Мы или правительство? Но правительство все время дѣйствовало безъ устали. Свидѣтелемъ тому цѣлые томы постановленій... А какъ на это было отвѣтствовано снизу? Дѣло вѣдь въ примѣненіи.... Куда ни обращусь, вижу, что виноватъ примѣнитель, стало быть нашъ же братъ"... *(λιτότης)*.

Но какимъ же образомъ произошло то, что „не тааъ ли и ты Русь, что бойкая, необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается назади. Остановился пораженный чудомъ созерцатель" и пр. (М. Д. I, 267)? — И неужели онъ дивится только изданію неисполняемыхъ законовъ?

„Не знаю, много ли изъ насъ таанхъ, которые сдѣлали *все*, что имъ слѣдовало сдѣлать, и которые могутъ сказать откровенно передъ цѣлымъ свѣтомъ, что ихъ неможетъ попрекнуть ни въ чемъ Россіа; что неглядитъ на нихъ укоризненно всякій бездушный предметъ съ ея пустынныхъ пространствъ; что все ими довольно и ничего отъ нихъ нездетъ.

Знаю только то, что я слышалъ себѣ упрекъ. Слышу его и теперь. И на моемъ поприщѣ писателя, какъ оно ни скромно *(λιτότης)*, можно было кое-что сдѣлать на пользу болѣе прочную.... Ну хоть бы и это мое сочиненіе.... „Мертвыя души", произвело ли оно то впечатлѣніе, какое должно было произвести, если бы только было написано такъ, наак слѣдуетъ?.... кто виноватъ?.... Я почувствовалъ *презрѣнную слабость моего характера, мое подлое малодушіе, безсиліе любви моей (λιτότης)*, а потому и услышалъ болѣзненные упреки себѣ во всемъ, что на есть въ Россіи (гнп.) Но высшая сила меня подняла: поступковъ нѣтъ непсправимыхъ, и тѣже пустынныя пространства, нанесшіи тоску мнѣ на душу, мена восторгнули великимъ просторомъ своего пространства, широкимъ поприщемъ для дѣлъ.

Отъ души было произнесено это обращеніе къ Россіи: „Въ тебѣ ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться ему!" Въ Россіи теперь на всякомъ шагу можно сдѣлаться богатыремъ (гин.) Всякое званіе, мѣсто требуетъ богатырства. Каждый

Digitized by Google

изъ насъ (гип.) до того опозорилъ святыню своего званія и мѣста (lit.) (всѣ мѣсти святы), что нужно богатырскихъ силъ на то, чтобы возвести ихъ на законную высоту. Я слышалъ то великое поприще, которое нынѣ изъ другихъ народовъ невозможно и только одному Русскому возможно, потому что передъ нимъ только такой просторъ и *только* его душѣ знакомо богатырство. Вотъ отчего у меня исторгнулось то восклицаніе, которое приняли за мое хвастовство и мою самонадѣянность". (1843). Переписка, т. IV 645—9.

Подъ формулу колебанія между противоположными чувствами самоуниженія и самовозвеличенія и противоположными поэтическими ихъ выраженіями (гиперболи и литотесъ) подводятся многія важныя явленія въ развитіи русскаго общества и русской литературы. Какое исходное чувство въ отдѣльныхъ случаяхъ, можетъ быть, трудно рѣшить. но одна противоположность порождаетъ другую.

Еще задолго до ближайшаго столкновенія съ западомъ, въ русскомъ народѣ и московскомъ правительствѣ возникло высокомѣріе, стремленіе къ величію. Котошихинъ: „Россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ ученія никакого добраго неимѣютъ и неприемлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства, и ненависти и неправды...

...Для науки и обычая въ иные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, стращась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи, и вольность благую, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставить къ нимъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія неимѣли и немыслили. „Котошихинъ. О Россіи въ царств. Алекс. Мих." 42—3.

Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ не зарожденную спесь, способную выдержать всякое испытаніе, а спесь неустойчивую, готовую при первомъ случаѣ превратиться въ малодушіе и уныніе. Уже здѣсь именно не многое, что случилось послѣ и случается до

Digitized by Google

нывѣ. Много благородныхъ душъ, способныхъ сливать свою жизнь съ жизнью общества, истерзалось и погибло въ непрестанныхъ переходахъ отъ опьянѣнія національною гордостью къ похмелью національнаго униженія. Эти колебанія исключали спокойное чувство человѣческаго достоинства, братское отношеніе къ другимъ народностямъ и спокойный трудъ, личное счастье. Въ поэзіи и исторіи они исключили спокойное, объективное воображеніе жизни съ ея добромъ и зломъ. Эти колебанія сказываются въ литературѣ въ переходѣ отъ торжественной оды къ сатирѣ. Гоголь совмѣщаетъ въ себѣ противоположныя настроенія, свойственныя той и другой. Это заставляетъ его и въ Русскомъ и въ Россіи видѣть крайности.

„Мнѣ хотѣлось въ сочиненіи моемъ (М. Д.) выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ низкія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены.... чтобы.... представлъ.... весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, *преимущественно передъ другими* народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ также *преимущественно* предъ *всѣми* другими народами. Я думаю, что *лирическая сила*, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорятся любовью русскій человѣкъ, а *сила смѣха*, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ“. Авторская испов. IV 808.

....Но..... можетъ быть въ сей же самой повѣсти почуются иныя еще доселѣ небранныя струны; предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа; пройдетъ мужъ, одаренный божественнымъ доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія; и мертвыми покажутся предъ ними *всѣ* добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ

Digitized by Google

мертва книга передъ живымъ словомъ! подымутся русскія движенія.... и увидятъ, какъ глубоко зарылось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другахъ народовъ.... М. Д. С. III 240.

Ничего еще не было подобнаго въ свѣтѣ. „Никогда еще не было" etc. Что часто говорится о постороннемъ, то примѣняется и къ себѣ. Сюда — мѣста, гдѣ Гоголь считаетъ себя *исключительно личностью* со своимъ особымъ Богомъ. Тапія утвержденія потеряютъ свою гиперболичность и обнаружатъ долю истины въ нихъ заключенную, если будутъ примѣнены ко всѣмъ: всѣ, великіе и малые, единственны въ своемъ родѣ и находятся въ исключительно интимныхъ отношевінхъ къ своему Богу, если его имѣютъ. *Своя страна и народъ — исключительная страна и народъ.* М. Д. С. III, 193, Ср. ib. 171 и сл.

— Душа жены — хранительный талисманъ для мужа.... и наоборотъ, душа жены можетъ быть его зломъ и погубить его на вѣки. Вы сами это почувствовали и выразились объ этомъ такъ хорошо, какъ до сихъ поръ еще никогда невыражались женскія строки... Переп. IV, 573.

Еще ни у кого изъ нашихъ писателей, не только у (самого) Жуковскаго во всемъ, что онъ ни писалъ доселѣ, и даже у Пушкина и Крылова, которые часто точнѣе его на слова и выраженія, не достигла до такой полноты русская рѣчь. Тутъ заключались *всѣ* ея извороты и обороты во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. *Безконечно* огромные періоды, которые у всякаго другого вышли бы вялы, темны, и періоды сжатые кратніе, которые у другого была бы черство обрублены, ожесточили бы рѣчь, у него такъ братски улегаются другъ возлѣ друга, всѣ переходы и истрѣчи противоположностей совершаются въ такомъ благозвучіи, все такъ сливается въ одно, улетучивая тяжелый громоздъ всего цѣлаго, что нажется, какъ бы пропалъ всякій слогъ и складъ рѣчи: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ и самаго переводчика, IV, 592.

Digitized by Google

Крайности воззрѣній Гоголя на русскій народъ могли быть только усилены вліяніемъ славянофиловъ. Они въ Гоголѣ органичны. [1])

Успѣхъ общества и вмѣстѣ заслуга Пушкина въ томъ, что онъ нашелъ настроеніе и языкъ для спокойнаго изображенія жизни, спокойнаго чувства собственнаго достоинства и достоинства другихъ, спокойной любви къ своему безъ ненависти и презрѣнія къ чужому. — Гоголь. 1842 г. „Вамъ пора быть здоровымъ, и я хочу застать васъ не за Ж. П. Рихтеромъ, а за Шекспиромъ и Пушкинымъ, которые читаются только въ здоровомъ расположеніи духа.“ Изд. Кулиша V, 463.

Въ нѣсколько разъ. Какъ бы чувствуя свою наклонность къ гиперболѣ, и какъ бы стараясь ей противодѣйствовать, Гоголь любитъ сводить къ опредѣленному *нѣсколько* (по воззрѣнію русск. яз.—отъ 2 до 4) неопредѣленныя выраженія интенсивности качества, вдвое, вдесятеро, во сто разъ, на *гораздо* (*многимъ*), и тѣмъ опять впадаетъ въ гиперболу.

—„Эти небольшіе ростовщики бываютъ въ нѣсколько разъ безчувственнѣе *всякихъ* большихъ. Портретъ. II, т. 45.

...„Обязанностей, которыя въ нѣсколько разъ прекраснѣе и возвышеннѣе *всякихъ* мечтаній IV, 572—3.

...„Мѣрами непринудительными и насильственными, но сильнѣйшими въ нѣсколько разъ *всякихъ* насильственныхъ. 729.

...„Съ вашей робкой неопытностью вы теперь въ нѣсколько разъ больше сдѣлаете, нежели женщина умная.“ ib. 576.

...„Что ни говори, а звуки души и сердца, выражаемые словомъ, въ нѣсколько разъ разнообразнѣе музыкальныхъ звуковъ ib. 625.

...„Я знаю людей, которые въ нѣсколько разъ умнѣе и образованнѣе меня и могли бы дать совѣты въ нѣсколько разъ полезнѣйшіе моихъ.“ ib. 638.

---

[1]) См. переписка т. IV, 586, 588, 600, 611, 671, 705. Хотя и возстаетъ противъ квасного хвастовства. ib. 601, 656.

Digitized by Google

...„Вы изумитесь потомъ, когда увидите, сколько на этомъ поприщѣ предстоитъ вамъ такихъ подвиговъ, отъ которыхъ въ нѣсколько разъ больше пользы, чѣмъ отъ пріютовъ и всякихъ благотворительныхъ заведеній. ib. 678.

...„Ругни его (мужика) при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ; это будетъ для него *въ нѣсколько разъ* полезнѣе *всякихъ* подзатыльниковъ и зуботычекъ.“ ib. 685.

...„Лучше въ нѣсколько разъ больше смутиться отъ того, что внутри насъ самихъ, нежели отъ того, что внѣ и вокругъ насъ. ib. 708. Я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга. Здѣсь только человѣку достигнуть можно чего-нибудь; тутъ *тысяча* путей для него. Соч. изд. Кулиш. V, 109.

Гиперболичность видна тутъ въ томъ, что гдѣ можно, понятіе о предметѣ, низшемъ по качеству, представляется всеобщимъ, („всякихъ“) и что разсмотрѣнный оборотъ встрѣчается въ сильной, внушенной гиперболичесаимъ чувствомъ рѣчи.

Чичин... „Мени обнесли враги.“ Генералъ губернаторъ Чичикову:

— Васъ неможетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ выдумать послѣдній лжецъ (гиперб.). Вы во всю жизнь, я думаю, недѣлали небезчестнаго дѣла (гиперб.) Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣйшимъ образомъ, есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Снбирь. (гиперб.) Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдниии мерзавцами и разбойниаами, ты долженъ ждать разрѣшенія участи своей. И это мало еще, потому что хуже ты въ *нѣсколько разъ*, чѣмъ тѣ, что въ армякахъ в тулупѣ, а вѣдь ты...“ Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго дыму съ пламенемъ... III, 392—3.

Это примѣръ связи гиперболы съ свльнымъ чувствомъ и вмѣстѣ примѣръ отсутствія объективности слога. Губернаторъ говоритъ языкомъ самого Гоголя. Ср. письмо къ Генералъ губернатору бывшему и будущему IV, 712.

Digitized by Google

[Превосходная степень]: (Герои) выработались (у меня) изъ познанія природы человѣческой *гораздо полнѣйшаго*, чѣмъ какое было у меня позже. Соч. IV, 813; угадывать человѣка и могъ только тогда, когда мнѣ представлялись *самыя мельчайшія* подробности его внѣшности, ib.; книга *несравненно любопытнѣйшая* Мертвыхъ Душъ, IV, 644. Словомъ можно было сдѣлать (много?) нападеній *несравненно дальнѣйшихъ*, выбранить меня больше, нежели теперь бранятъ, IV, 645. Теперь переводъ *перваго* (превосход.) поэтическаго творенія производится на языкѣ *полнѣйшемъ* и *богатѣйшемъ* всѣхъ европейскихъ языковъ, IV, 586; ты умѣлъ предпочесть его (званіе свое) другимъ *выгоднѣйшимъ* должностямъ, IV, 579.

---

16 марта 1837 г. Плетневу *о вліяніи Пушкина*. „Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего непредпринималъ и безъ его совѣта. Ни одна строка неписалась безъ того, чтобы я невоображалъ его передъ собой. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе, вотъ что меня только завлекало и одушевляло мои силы." Соч. изд. Кулиша, V, 286—7.— 30 марта 1837 г. Погодину: „Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ Русскій, какъ писатель, я...я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, и видѣлъ передъ собою Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его *вѣчное* и непреложное слово. Ничего непредпринималъ, ничего неписалъ и безъ его совѣта. Все что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ и обязанъ ему. Соч. Изд. Кул. V, 268.

Digitized by Google

Ирония не однородна съ тропами (синекдоха, метонимія, метафора), во-первыхъ, потому, что съ одной стороны можетъ вовсе обходиться безъ образа (напр. быть чистымъ формальнымъ утвержденіемъ вмѣсто отрицанія: „да, какъ же!), съ другой — неисключаетъ троповъ, можетъ быть антономасіей (Новѣйшій Регулъ, Пушк. Онѣг. VI, 5) метафорой, въ частности аллегоріей. Во вторыхъ, въ иронiи X, искомое — не объективные признаки значенiи, какъ въ тропахъ, ибо значеніе въ этомъ смыслѣ сознается говорящимъ до выраженія въ формѣ иронiи, а выраженіе чувства, сопровождающаго это значеніе. Такимъ образомъ иронія въ отличіе отъ троповъ, не есть средство познанiи свойства явленій.

Εἰρονεία, отговорка, какъ предлогъ уклониться отъ чего; лукавое притворство, когда человѣкъ прикидывается простакомъ, незнающимъ того, что онъ знаетъ.

Въ этомъ смыслѣ — иронія Сократа, діалектическій пріемъ коего состоялъ въ томъ, что онъ начиналъ изслѣдованіе вопроса, становись самъ на точку незнанія, на которой стоялъ собесѣдникъ. Греческіе риторы ограничили значеніе термина, пріурочивши его къ тому случаю мнимаго познанія, когда нѣчто обозначается своею противоположностью. (ср. Wackernagel. 402—3).

Какъ всегда, отрицаніе предполагаетъ утвержденіе, такъ и здѣсь побужденіе къ такому представленію соетоитъ, съ одной стороны, въ ожиданіи того, что нѣчто должно быть такого-то, ожиданіи, которое въ силу инерціи мысли сохраняетъ свою видимость и тогда, когда противорѣчіе дѣйствительности разомъ подрываетъ его основанія.

Изъ того, что Эвмей принялъ и угостилъ неузнаннаго имъ Одиссеи, слѣдуетъ для Эвиеи, что онъ отпуститъ гостя съ миромъ и тѣмъ наживетъ добрую славу и спокойную совѣсть; но гость предлагаетъ ему заикладъ: если Одиссей возвратится, ты дашь мнѣ платье и отправишь на родину; если нѣтъ, ты меня сбросишь съ утеса, чтобъ другимъ лгать было неповадно.

При спокойномъ состоиніи духа, или если бы гостепріимство, имъ оказанное, было меньше, на это Эвмей могъ бы отвѣтить

Digitized by Google

простымъ отказомъ: нехочу тебя убивать ни въ какомъ случаѣ, чтобъ ненажить дурной славы; но подъ вліяніемъ упоминутаго ожиданія онъ отвѣчаетъ ироніей:

„Другъ, похвалу бъ повсемѣстную, имя бы славное нажилъ
Я межъ людьми и теперь, и въ грядущее время, когда бы,
Въ домъ свой принявши тебя и тебя угостивъ, какъ прилично,
Жизнь дорогую твою беззаконнымъ убійствомъ похитилъ;
Съ сердцемъ веселымъ Кроніову могъ бы тогда я молиться!
Одис. XIV, 402.

Отъ Алкиноя, какъ гостя въ домѣ Телемаха, младшаго по лѣтамъ, ожидается деликатность и отеческая заботливость о пользѣ хозяйсаой, напр. чтобы хозяйское добро даромъ непропадало; но онъ, гость непрошенный и немилый, самъ нахальный дармоѣдъ, ругаетъ слугу дома Эвмея за то, что онъ съ согласія хозяина позволилъ бродягѣ просить въ домѣ милостыню. (Од. XVII, 375).

Это вызываетъ Телемаха:

„Ты обо мнѣ, какъ о сынѣ отецъ благодушный печешься,
Другъ Алкиной, выгоняя своимъ повелительнымъ словомъ,
Странниковъ, въ домъ мой входящихъ, но будетъ ли Дій
тѣмъ доволенъ. Од. XVII, 397.

Иронія, соединенная съ ядовитой насмѣшкой — *σαρκασμός* (*σαρκάζω*, терзаю тѣло, *σάρξ*). Одисс. XVII 195, 290.

Смерть—бракъ: понявъ собі панянау.

Какъ способъ доказательства и убѣжденія, иронія есть доведеніе даннаго въ образѣ до абсурда съ тѣмъ, чтобы ярче выставить дѣйствительность или необходимость значенія.

Въ слѣдующемъ наставленіи молодымъ ироническій образъ вызванъ житейскимъ опытомъ, показывающимъ (какъ думаютъ не совсѣмъ вѣрно), что „больше въ лѣсу кривого, чѣмъ прямого“, что супружеское согласіе, какъ вообще добродѣтель—рѣдко: „після сёго староста звелівъ посватанним, щоб кланялись перш батькові у ноги тричі, а як поклонились у третє та й лежать, а батько нимъ и каже“:

Digitized by Google

„Гладн жъ затю, жінку свою бнй и вранці и ввéчери, и истаючи и лягаючи, и за діло и безъ діла, а сварись зъ нею по всяк час. Несправлий ій ні платта, ні одежі; дома ие сиди, таскайся по шинках та по чужих жинках; то съ жинаою у пàрці, и зъ діточками як раз пійдете у старці. А ты дочко, чоловіку неспускай и ни въ чім ёму неповажай; коли дурный буде, та поіде въ поле до хліба, а ти йди у шинок, пропивай останній шматонъ; пий, гулай, а він нехай голодує; та я вечі ніколи нехлопочи: нехай паутинием застелеться пічь. От вам и вся річь. Ви вже не маленькі, вже сами розум маєте, и що а вам кажу, и як вам жити знаєте". Квитка. Маруся.

От непьяні учора були? Замість говіана неликдень справлають.... Кн. I, 244.

Отъ уже не зрадовалась Івга! И плаче, и регочется, и кидаєтьса губернаторові в ноги, и рукн ловить цілувати ёму II. 252.

Ср. Бр. изъ избы сору не выноса. „Свекоръ даетъ невѣсткѣ такое ироническое и двусмысленное наставленіе: „ты дачушка, паша избу (подметая) шумки (сметье, соръ) за оано не выкидывай (и ие выноси сору, не сплетничай); я, дождавшись Св. Петра, сбиру талаку и самъ шумку вывязу". О связи нѣкотор. представл. 16 и прамѣч.

Простое отрицаніе въ восклицаніахъ усиливаетъ положительное значеніе: „И Василь же нехирий! Коле колоду, та чи ндарив обухом разъ або два, тай зірк иа комірчу дверь. Такъ як раз и є: тамъ Хвекла визірнула"... „Отъ тобі й скарб", Кв. II, 160 (Кулішъ) ib. 162.

Вийшла одна: неступає вамъ здрібна, ні! Хтось гадав би, що незнати що; вийшла друга: так вам и подюндюжиласа"... Хведьк.... Люба-згуба.

Танець завівъ Илашъ с Калиною, а парубки каждий собі по дівці, та гай за Илашем, так и разносяться! А топірці не літають, ні! Аж за очи ловлять, так блищаться на сонці.... А дівочки вам не роспустні, ні! Навіть и ні в той бін, що мами ззаду ди-

Digitized by Google

вляться та лишь собі на носі нарубують, кільно би то донецці кулаків дома усипати, або таки ще дорогою, вертаючи с храму.... ib.

Але коні нержуть вам, ии! Аж страшно якось слухати; але неионче їх було й чути, бо парубки негрімають вам с пістолєм, ии! Одні с хати кріз пікна, а ми зиов відси з надвіри, аж гори відзиваютця, таке грімаємо! А музиаа в хати не тужить, ні! аж мороз иде тілом, ib....

На вопросъ: будетъ ли то-то? дается утвердительный отвѣтъ, но подъ невозможными условіями:

Коли, брате, въ гості будеш? и пр.
— Оваао ти могу дуовати;
Да созидам кулу од камена,
Да те бацим у камену кулу.
Пак да кључе у море забацим;
Када кључи изъ мора изађу.
Онда ћеш се грека опростити, Кор. II, 74.

12 владыкъ и 300 монаховъ соглашаются отпустить царю грѣхъ (онъ билъ своихъ родителей) за дары. Тогда царь къ 300 дьячкамъ (ученикамъ):

ћеца муче, ништа не говоре,
Но бесједи самоуче ћаче,
Неговори цару по хатеру,
Већ говори Богу по закону:
Крушо наша, царе Константине!
Лано ћемо тебе дувовати:
Ти начини лучеву ћелију,
Намажи је лојем и катраном,
Затвори се, царе, у ћелију,
Запали је са четири стране,
Нека гори с вечер' до свијета,
Ак' останеш, царе, у ћелији,
Онда си се грија остајао, Кар. II, 91—2.

Digitized by Google

Ср. Thannhäuser исповѣдуется папѣ:

„Ich bin gewesen ein ganzes Iahr
Bei Venus, einer Frauen,
Nun will ich Beicht' und Buss' empfahn
Ob ich möcht' Gott anschauen.
Der Papst hat einen Stecken weiss,
Der war von dürren Zweige:
„Wann dieser Stecken Blätter trägt,
Sind dir deine Sünden verziehen. (Гейне Die Götter in Exil).

Онѣгинъ „получилъ... докладъ, что дядя при смерти въ постелѣ и съ нимъ проститься былъ бы радъ.

Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣе зѣвалъ". I, 42.

„Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣе мнѣ домашній кругъ.
Гдѣ я могу..."—Опять *эклога*, Он. III, 2.
Развратъ.... наукой славился любовной.

Но эта *важная* забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хвалеаыхъ дѣдовскихъ премянъ. Он. IV, VIII.

... И вотъ съ осанной нажной,
Куплетомъ мучамый давно,
Трине встаетъ—предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье...
Его привѣтствуютъ" и пр.
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ. ih. V 23.
Ihr edlen Deutschen wisst noch nicht,
Was eines treuen Lehrers Pflicht
Für euch weiss zu bestehen;
Zu zeigen, was moralisch sei,

Digitized by Google

Erlauben wir uns frank und frei,
Ein Falsum zu begehen.

- - - -

Hiezu haben wir Recht und Titel:
Der Zweck heiligt die Mittel.

- - - - - - - -

Verdammen wir die Iesuiten,
So gilt es doch in unsern Sitten. Göthe, Xen. V 82.

Ich hielt mich von Meistern entfernt;
Nachtreten wäre mir Schmach!
Hab'nlles von mir selbst gelernt".
Es ist auch darnach! ib. VI, 85.

Иронія—фигура. Онн можетъ обходиться воасе безъ тропоаъ: „хорошо!", „какже!", „эге!"; можетъ заключать тропъ: вона у насъ процвітає, нкъ *макуха* під лавою" (богомілличко знає, як жидіаська кобила).

Въ снлу большого разстоянія между представленіемъ и значеніемъ, нронія формальной противоположности (отрацанія того, что утверждается или замѣны предстааляемаго ею аещестаенной протнвоположностью, напр. *добрый* вмѣсто *злой*) есть нносказаніе. Въ частности нронія можетъ заилючать въ себѣ другіе тропы, напр. аронническую антономасію, аллюзію. Онѣг. VI, 5:

И то сказать, что и въ сраженьн
Разъ въ настоащемъ упоеньи
Онъ отличилса, смѣло въ грязь
Съ коня калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный, и французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регулъ, чести богъ,
Готовый вноаь предаться узамъ,
Чтобъ наждымъ утромъ у Верн
Въ долгъ осушать бутылки три.

Digitized by Google

Въ тѣсномъ смыслѣ метафорични ти иронiи, въ которой представленiе беретси изъ круга мыслей, неимѣющаго индимой связи съ обозначаемымъ.

Ударъ оружiемъ—поздравленiе, пожеланiе, сюрпризъ, подарокъ: три грибителя хотятъ имѣнить иони у Милоша, и когда онъ на это несоглашаетси, грозятъ отнять силою:

Ал говори Милош Вониовић:
„Сила отме земљу и градове,
Камо л' мене коња отет' неће!
Волимъ дати коња по размјену,
Јер немогу пјешке путовати.
....Они мисле, бакрачлију (стремя) саида,
Ал он скида златна шестоперца,
Те удари ћаконицу Вуаа.
Колико га *лако* ударио,
Три пута се Вуче преметнуо.
Вели њему Милош Вониовић:
„Толики ти родили гроздови
„У питомој твојој ћаковици!" Кар. П. II, 142 и дальше.
Удри брата по бедри лијевој;
Колико го лахао ударио,
На бедри му сабљу пресијече
И под сабљом од чохе чокшире. Чуб. Чоја. 60.

Можио при этомъ думать о пожеланiи въ родѣ того, какъ полижайникъ, ударивши ожогонъ по бадняку, чтобъ посыпались искры, говоритъ: „оволико говеда, оволико коња и пр.

Викну Милош изъ грли бијела:
„Ето тебе, од шта се иенадаш"
Па он пусти злати шестоперца;
Колико га лако ударио,
Из бојна га седла избацно Кар. ib. 153.
Па се сташе даривати даром,
А њиијем даром немилијем:
Из пушака црнијех крушаа, ib. 561.

Digitized by Google

Пьянъ—мертвъ, Мое слово о П. Н. 64. Небогата (ир.) Зап. о Ю. Р. I, II. Невелику зазнобу. ib. 20.

Случаи, когда ироничность появляется только для слушателя (самообольщеніе, сумашествіе) Zima 53—4. (Это къ положенію, что отрицаніе изъ утвержденія).

Mimezis, Zima 54.—N пришолъ,—какже! пришелъ! *Χαριεντισμός* мнимодоброжелательная иронія, Zima 58 и др. виды иронiи ib. 59—60.

На казаку бідному нетязі сапьянці
Видни пьяти и палці,
Де ступить—босої ноги слід пише.
А ще на казаку бідному нетязі шапка-бирка:
Зверху дірка,
Шовкомъ шита, буйним вітром підбита,
А околиці давно немає. М. 377.

(Отрицаніе) Не плач, мате, нежурися!

Недуже го порубано,
Недуже го постріляно:
Головонька на четверо,
А серденько на шестеро,
А ніжечки на чашечки,
Біле тіло якъ макъ мілко!
Неплач мати, нежурися,
Бо вже сына поховано,
Вже му хату збудовано,
Без дверь хата, без віконець... Гол. I 24. Ср. ib. 99; III, 8.

Битва—пиръ; свадьба (О нѣвотор. символахъ 14 —6), завтракъ:

Ми смо вама сигурали ручак:
Из пушаках црнијех крушаках,
Од ножевах црвеног вина. К. II. IV 114.

Турокъ, у котораго Марко хотѣлъ купить саблю своего отца Вукашина, оказался убійцею этого Вукашина. Марко убиваетъ турка и бросаетъ его тѣло въ рѣку, беретъ саблю и свои деньги. На вопросъ, куда дѣлся этотъ турокъ, Марко отвѣчаетъ:

Digitized by Google

„Проћите се, турци јаничаре,
„Узе туре гроше и дукате
„Пак отиде морем трговатя".
Сами турци међу собом зборе:
„Тешко туриом тргујућа с Марком. Кар. II, 348.

Смерть—бракъ.

— „Некажа, нòню, що и втопився,
„А ажи, коню, що я женався,
„Круті береги—бояре мої,
„Холодна ода—да то молода....

Братъ будто бы хочетъ жеаться на сестрѣ, которую сватаютъ многіе. Она идетъ топиться.

„Кад зе дошла мору на обалу
Осврте се аа четира стране,
Сузе рони, потијо говори:
„Ој брегова, моји деверови!
„Обалоце, моје јетрвице,
Креаушаце (родъ рыбы), моје заовице! Кар. I 534.

Убатому турау, который передъ тѣмъ похвалился:

„Без ћевојке саа боравит' нећу,
„Хоћеш, мујо, лајепу ћевојку?
„Ето тебе лајепе ћевојке,
„А ћевојке зелеве траваце.

— Поаявъ собі пааяаку Гол. I 98, 100, 101, III, 7 Богишић Нар. п. 61, 65.

Особаго рода сталистическая ироніи происходитъ при созианіи (самимъ говорящимъ, ила лишь слушающимъ) противоположности между аысокимъ слогомъ словесвой оболочка и пошлостью или низостью мысли. Есля словесная форма таной ироніа сохраниетъ явственные слѣды того произведенія ила того рода произведеній, изъ аоего она взята, то получается пародіи, все равао, пародируется ли самое произведеніе, ила же пародія служитъ средствомъ представленія въ комическомъ видѣ лацъ и событій, неамѣющихъ свизи съ упомянутымъ произведеаіемъ.

Digitized by Google

Ср. аачало думы о бурѣ на Чорвомъ морѣ а Алеасѣѣ Поповичѣ:

„На чорному морі на білому аамені
Ясненьаій сокіл жалібао квалить, проавиляє
Смутно себе має, на чораєє море спалаа поглвдає,
Що на чорному морю недобре си починає....
... А из назу буйний аітер повіває.
А по чорному морю супротавна хвила вставає,
Судаа казацьаі на трн часта разбнває....

Могла быть подобная дума о арушеаіи турецкаго аорабла, на аоторомъ были козааа-неаольаиан—(ср. Антоновачъ и Драгомановъ. I, 89, Дума о Самойлѣ Кошаѣ). Отсюда:

„На саиёму морю, під прапачаом долі
Да тамъ куца собака обметицю їла.
Де иевзалась з помайниці супротивна хвиля,
Тому иуцому собаці при самій сраці хвіст одарутала.
А я сальне злвкався,
На темні луга, на густі ліса, аа диаі степа
На ніч у ауточоа сховався.
Черезъ коміи поглядаю,
Тамъ варенака невілниаи в сметааі потопають,
А в на їх велнае милосердиє маю....
(Вѣроятно: по два, по три у руан забіраю, у рот поиладаю). Чуб. V, 1170.

Церковно славвнса. вз.:.. Горе меаі,пане сотнику! казав Пістряи, аимошедшую седмицю глумлвхся з молодицями по шпаочкам здешаоа палестани а, вечеру сущу минувшаго дне, бах неподвижен, ааа клада, н ніім, аки рвба морсааи и пр.“ Коиот. в. Кв. I, 185.

Сарказмъ—насмѣшка злобнав или горькая, аогда тотъ, надъ аѣмъ смѣются, ила вмѣстѣ и тотъ, ато смѣетса, ааходятся въ положеніи, менѣе всего располагающемъ аъ смѣху.

По вааѣ Иваа Черноевича и стечеаію многихъ обстоательствъ, свадьба его сына Маасима, которая могла бы быть его гордостью, обратилась въ гябель дла многихъ, аесчастье и позоръ для иего и его сыиа.

Digitized by Google

Онъ ищетъ на побоищѣ своего сына и находитъ племянника, человѣка, который одинъ только своимъ разумнымъ совѣтомъ хотѣлъ отвратить несчастье.

„Залуду га Иванъ находио:
У крви га познат, не могаше,
Мимо њега јунак пролазаше;
А виђе га Іован—капетане
Те ујаау Иву проговара:
„Мој ујаче, Црнојевић Иво!
Чим си ми се таао понесао:
Или снахом или сватовима,
Ил' господским даром пријательским,
Те непиташ несретна сестриђа,
Іесу ли му ране досадиле?"
Виђе Иван, па сузе просипље,
Из арви га мало исправно:
„Мој сестриђу, Іован-капетане!
Іесу л' твоје ране за видање?...
— Проћи ме се, мој ујаче Иво!
Као очи? њима негледао
Оваке се ране невидају. Кар. II, 562—3.

Смѣшное. Уже выше, говори о сарказмѣ, пришлось поневолѣ употреблять слово „насмѣшка," „смѣяться." Это указываетъ на сродство иронiи и смѣшного, впрочемъ непростирающееся до тождества. Это сродство помогаетъ выдѣлить изъ смѣшного въ обширномъ смыслѣ, т. е. того, что производитъ смѣхъ, смѣшное эстетическое, входящее въ область искусства, подлежащее разсмотрѣнiю его теорiи.

Смѣшное эстетичесаое есть то, въ которомъ смѣхъ причинается извѣстнымъ сочетанiемъ мыслей, вызваннымъ въ томъ, аоторый смѣется, поступками, словами, дѣйствiями другого или самого автора, который въ этомъ случаѣ смотритъ на себя, какъ на постороннее лицо. Эстетичесаое смѣшное есть одно изъ доказательствъ, что теченiе мыслей есть пространственное движенiе.

Digitized by Google

Подобно всѣмъ тропамъ и всякому пониманію, смѣшное есть процессъ, т. е. состоитъ въ смѣнѣ мысленныхъ актовъ: подобно иронiи, смѣшное есть дѣйствiе неоправданнаго *ожиданiя*, навѣстнаго столкновенiя положительнаго и отрицательнаго и наоборотъ.

Но въ иронiи говорящiй ни на мгновенiе незаблуждается относительно зааченiя образа, т. е. того, что онъ говоритъ (или въ иронiи движенiй — значенiя жеста, въ иронiи живописной — фигуры); слушатель (или зритель) въ этомъ раздѣляетъ его настроенiе.

Въ смѣшномъ говорящiй (въ метономичномъ смыслѣ слова) заблуждается относительно значенiя образа; слушающiй въ первое мгновенiе раздѣляетъ его настроенiе, но затѣмъ быстро, неожиданно для самого себя, исправляетъ свое заблужденiе, что производитъ въ немъ физiологическое явленiе смѣха. Быстрота смѣны ожидаемаго болѣе или менѣе противоположнымъ есть непремѣнное условiе смѣха. Поэтому отъ повторенiя смѣшное перестаетъ быть смѣшнымъ.

Отъ этой мимолетности смѣшного зависитъ, что при научномъ его анализѣ особенно очевидно, что мы анализируемъ лишь мертвый препаратъ.

Мефистофель говоритъ это о логикѣ, химiи и затѣмъ о наукѣ вообще:

> Wer will was Lebendiges erkennen und beschreiben,
> Sucht erst den Geist herauszutreiben;
> Dann hat er die Theile in seiner Hand,
> Fehlt, leider! nur das geistige Band. Göthe, Faust, I,
> (сцена со студентомъ).

Разница тутъ съ точкой зрѣнiя Мефистофеля лишь въ томъ, что тутъ и безъ нашего желанiя, наперекоръ ему, жизнь улетучивается сама собою.

Присутствiе лиричности, налачность чувства, выражаемаго тономъ рѣчи (восклицанiемъ), отличаетъ малорусскiе случаи, какъ „отъ уже и незрадовалась X!“ отъ того явленiя, что слiанiе от-

Digitized by Google

рицательной частицы со словомъ даетъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ „не отрицаніе значенія, а превращеніе его въ противоположное“ *не* (слитное) dient nicht zur Negierung eines Begriffes, sondern zur Verkehrung derselben in sein Gegentheil“, Mikl. Synt., 175).

Собственно отрицаніе несоздаетъ новаго значенія: Ср. *нетель*, млр. *неслухъ*, *неукъ*, *нѣмочь*. Но если слово безъ отрицанія уже получило значеніе хорошаго и высокаго качества, то съ отрицаніемъ оно получаетъ значеніе дурного и низкаго: млр. слава—*неслава* (безславіе), доля (=добро)—*недоля*, впр. толки—*безтолковье*, млр. година—*негода*, вкр. погодя—непогода, млр. *бути*—изнебутися, воля—неволя, *путный*—арханг. *нѣпуть* (безпутный человѣкъ).

Расширеніе аругозора литературы, переходъ отъ избраннаго общества чувствъ, ему доступныхъ, къ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніе ложнаго классицизма и риторичности проникаетъ къ нимъ въ видѣ *пародіи* (Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій). Еще удерживается остовъ классическаго произведенія (Энеида, оды Горація), еще помнится напыщенность декламаціи, которая одна считалась соотвѣтственной важности этихъ произведеній, но въ эти формы влагается непосредственное наблюденіе явленій народной жизни, и языкъ отвлеченный замѣняется живымъ. Даже для того, чтобы пародировать народную жизнь, противоставляя ее возвышенности классицизма, нужно знать эту жизнь и мало того—любить ее. Ибо безсознательно эта простонародная жизнь, этотъ языкъ были извѣстны и писателямъ, какъ Лазарь Барановичъ, однако они ее неизображали, или изображали мало, неполно, неуклюже. (Петровъ, Оч. уст. укр. лит. 29). Самая форма пародій измѣнилъ Котляревскому (Низъ и Эвріалъ).

Пародія. Государь Императоръ соизволилъ всемилостивѣйше благодарить Георгіевскихъ кавалеровъ за молодецкую службу.

Министръ юстиціи изволилъ благодарить чиновъ судебнаго вѣдомства за ухарскую службу.

Digitized by Google

Министръ народнаго просвѣщенія изволилъ благодарить профессоровъ университета за лихое чтеніе лекцій и студентовъ за залихватское ихъ посѣщеніе.

Архіерей — настоятели N-ой церкви за браное и хватское исполненіе имъ обязанностей.

Digitized by Google

Отдѣлъ третій.

МИѲЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Мышленіе поэтическое и миѳическое.

Отношеніе пониманія къ поэтическому образу двояко: а) Можно признавать образъ лишь средствомъ объясненія и въ объясняемомъ пользоваться лишь нѣкоторыми чертами образа, отбрасывая другія.

б) Можно цѣлиномъ переносить образъ въ значеніе. При этомъ два случая: *α)* Или мы приписываемъ такое пониманіе только поэту, сами же дѣйствительно или мнимо стоимъ на болѣе возвышенной точкѣ; *β)* или мы сами такъ понимаемъ, причемъ поэтъ можетъ стоять или наравнѣ съ нами, или выше.

Къ *α)* относятся упреки Бѣлинскаго Пушкину, вытекающіе изъ предположенія: что Пушкинъ „*не смотрѣлъ на предметъ глазами разума*“, что онъ навязывалъ свои личные ошибочные взгляды, какъ правила, т. е. при всемъ талантѣ, будучи менѣе уменъ и образованъ, чѣмъ Бѣлинскій, выдавалъ неправду за истину. (О стихотвор. „Чернь“ — Бѣлинск. соч. VIII 398—400, о стих. „Поэтъ“ ib. 400—2; „Родословная“, ib. 647—54).

Упреки Пушкину за дворянскую спесь тѣмъ болѣе знаменательны, что въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго было гораздо больше барства въ укоризненномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ въ воззрѣніяхъ Пушкина: Мужицкій міръ „слишкомъ доступенъ для всякаго таланта.... танъ тѣсенъ, мѣлонъ и немногосложенъ, что истинный талантъ недолго будетъ воспроизводить его“ (Бѣл. соч. VIII, 512 и 521). „Русскій поэтъ можетъ показать себя истинно-національнымъ поэтомъ, только изображая.... жизнь образованныхъ сословій“ (ib. 520).

β) Поэтъ, какъ выше, можетъ невыдавать своего образа за законъ, но образъ, помимо его воли, въ силу уровня пониманія, изъ символа становится образцомъ и подчиняетъ себѣ волю понимающихъ:

„Мирлинскій теперь устарѣлъ, никто его нечитаетъ, и даже надъ именемъ его глумятся; но въ 30-хъ годахъ онъ гремѣлъ, какъ никто, и Пушкинъ, по понятію тогдашней молодежи, не

Digitized by Google

могъ кгги въ сравкекіе съ нимъ. Онъ не только пользовалса славой перваго русскаго писателя, онъ даже—что гораздо трудкѣе и рѣже встрѣчается—до нѣкоторой степени наложилъ свою печать на современное ему поколѣніе. Герои a la Марлинсаій попадались вездѣ, особенно въ провинціи к особепао между армейцами и артиллеристами. Ока разговаривали, переписывалась его языкомъ; въ обществѣ держались сумрячно, сдержанно, „съ бурей въ душѣ п плпменемъ въ крови", какъ лейтенантъ Бѣлозоръ, въ „Фрегатѣ Надеждѣ"; женскіа сердца „пожкрались" нми. Про кнхъ сложилось тогда прозвище „фатальный". Типъ этотъ, аааъ извѣстно, сохранялся долго, до временъ Печорана. Чего, чего небыло въ этомъ тнпѣ? И байронизмъ, и романтизмъ; воспоминанія о французской революціа, о декабрнстахъ—и обожаніе Нпполеона; вѣрн въ судьбу, въ звѣзду, въ снлу хнраатерн, поза и фраза—и тоска пустоты; тревожныя волненія мелкаго самолюбія—и дѣйствнтельная сила н отвнга; благородаыя стремлекья—и плохое воспитаніе, невѣжество; аристократаческія вамашки—и щеголянье игрушкамн. Тург. „Стукъ, стукъ, стукъ" [1]).

Языкъ объективируетъ мысль. Чтобы дойти до мысли о нашемъ я, какъ о нашей душевной дѣятельности, кааъ о чемъ-то немыслвмомъ внѣ этой дѣятельности, кужекъ былъ длнкиый окольккый путь. Онъ шелъ черезъ наблюдекіе тѣни, отражекія человѣческаго образа въ водѣ, сновидѣиій и болѣзвенныхъ состоавій, когда „человѣкъ выходитъ азъ себя" къ создннію понятія о душѣ, какъ двойникѣ и спутникѣ человѣка, существующемъ внѣ нашего я, о душѣ, кнкъ человѣкѣ, каходящемся въ насъ, о душѣ, какъ болѣе тонкой сущности, лишенной тѣлесныхъ свойствъ (см. нпже

[1]) Вліяніе поэтическаго образа, примѣненіе къ себѣ J. Jaque Rousseau „Confession" Толстой „Юность", соч. I. 392 и слѣд.

Вліяніе романовъ—Онѣгинъ, II 29, III 9 и слѣд. „Ловласовъ обветшала слава" Онѣг. IV 7.

Rousseau: (читая Плутарха) je me croyais Grec ou Romain; je devenais le personnage, dont je lisais la vie: le récit de traits de constance et d'intépidité, qui m'avaient frappé, me rendait les yeux étincelans et la voix forte. Un jour que je racontais à table l'aventure de Scevolà on fut effrayé de me voir avancer et soutenir la main sur un rechaud pour representer son action (Les Confessions, livre pr. 1712—1719).

Digitized by Google

мнемическое мышленіе и умозаключенія въ области метафоры и метониміи).

Этотъ путь заключаетъ въ себѣ, какъ частность, дѣйствіе взглядовъ на отдѣльную мысль, какъ одно изъ проявленій нашего я. Чтобы дойти до убѣжденія, что дана мысли, связанная со словомъ — лично- и народно-субъективна; что она есть средство къ созданію другой, слѣдующей мысли и потому отдѣлима отъ этой послѣдней; что познаніе можетъ быть представлено, какъ безконечное снижаніе покрововъ истины: нужно было прежде всего поколебать эту мысль передъ собою и сознать, что она существуетъ. Слово даетъ не только это сознаніе, но и другое, что мысль, какъ и сопровождающіе её звуки, существуетъ не только въ говорящемъ, но и въ понимающемъ.

Если и намъ нужны усилія для того, чтобы представить себѣ, что слово есть извѣстная форма мысли, какъ бы застеклённая рамка, опредѣляющая кругъ наблюденій и извѣстнымъ образомъ окрашивающая наблюдаемое; если эти усилія могутъ быть вызваны лишь богатствомъ опыта, наблюденіемъ измѣнчивости міросозерцаній по времени и мѣсту, изученіемъ чужихъ языковъ: то при меньшемъ запасѣ мысли и меньшей способности къ отвлеченію нечто подобное невозможно. Напротивъ, было необходимымъ переношеніе свойства средства познанія въ само познаваемое, безсознательное заключеніе отъ очковъ къ свойствамъ того, что сквозь нихъ видно.

Слово было средствомъ созданія общихъ понятій; оно представлялось неизмѣннымъ центромъ измѣнчивыхъ стихій. Отсюда чрезвычайно распространенное, быть можетъ, общечеловѣческое заключеніе, что настоящее, понимаемое другимъ, объективно существующее слово есть сущность вещи; что оно относится къ вещи такъ, какъ двойникъ и спутникъ къ нашему я. Противникъ этого вѣрованія служитъ другое не менѣе распространенное, встрѣчающееся у древнихъ грековъ, римлянъ, въ средніе вѣка въ Европѣ, у славянъ и у дикарей новаго свѣта (Спенсеръ, Основы соціологіи, I, 263), что къ изображенію человѣка переходитъ часть его

Digitized by Google

жизни, что между первымъ и вторымъ есть причинная зависимость, такъ что власть надъ первымъ, вредъ, причиняемый ему, отзывается на второмъ. Вѣрованіе это доходитъ вплоть до нашего времени (см. ниже миѳы и вѣрованія: 1) имя нажитое вещи — лучшій журавель въ небі, ніж синиця въ руках; 2) обычай скрывать имя отъ злыхъ людей; 3) давать ребенку имя, охраняющее его; 4) обычай у женщинъ непроизносить имя мущины и 5) разные заговоры, основанные на вѣрѣ въ силу слова). При помощи слова создаются абстракціи, необходимыя для дальнѣйшихъ успѣховъ мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ служащія источникомъ заблужденій.

„Не одинъ изслѣдователь, чувствующій себя на высотѣ XIX вѣка, относится съ высокомѣрной улыбкой къ средневѣковымъ номиналистамъ и реалистамъ и неможетъ понять, какъ люди могли дойти до признанія отвлеченій человѣческаго ума за реально существующія вещи. Но безсознательные реалисты далеко еще невымерли даже между естествоиспытателями, а тѣмъ болѣе между изслѣдователями культуры“. (Paul Principien, 13). Т. о. и въ наше время отвлеченія, какъ религія, искусство, наука разсматриваются нерѣдко, какъ субстанціи, нерасчлененныя и несведенныя на личныя психическія явленія и ихъ продукты. Конечно, практическія послѣдствія такихъ взглядовъ съ теченіемъ времени мѣняются. Нѣкогда жгли и истязали для пользы религіи, въ угоду Богу, недумая, что жестокое божество, требовавшее крови, было лишь ихъ собственное (говоря миѳологично) жестокое сердце. Теперь съ разномыслящими поступаютъ нѣсколько иначе. Ученые еще нерѣдко признаютъ то или другое оскорбленіемъ науки или мягче—ненаучнымъ, вмѣсто того чтобы признать лишь несогласнымъ съ ихъ мнѣніемъ [1]).

„Великое преобразованіе зоологіи въ послѣднее время въ значительной степени состоитъ въ признаніи того, что реальное бытіе имѣетъ только особи; что роды, виды, классы суть лишь

[1]) Wie einer ist, so ist sein Gott; Darum ward Gott so oft zum Spott, Göthe Spr. 60.

Digitized by Google

обобщенія я раздѣленія, произведенныя человѣческимъ умомъ и подлежащіе произвольнымъ измѣненіямъ; что родовыя и индивидуальныя различія различны только по степена, а ае по существу. (Paul Principien, 231). Подобное воззрѣніе должно лежать и въ основѣ изученія языки, чему положилъ начало Вильгельмъ Гумбольдтъ. „Языкъ есть дѣятельность" (т. е. отдѣльной личности). Наиболѣе реальное бытіе имѣетъ языкъ личный. Языки племени, народа суть отвлеченія, и подобао всякимъ отвлеченіямъ подлежатъ произволу.

Впрочемъ нельзя не призаать разаицы между дожившими до нашихъ дяей въ наукѣ отвлеченіями, какъ назваая душевныхъ способностей: разумъ, воля, чувствo и обособленіями вполнѣ миѳологическими.

Нѣкоторые ученые въ стремленіи къ болѣе точяому опредѣленію вліянія языка аа образованіе миѳа доходятъ до того, что видятъ это вліяніе только въ миѳахъ этимологическихъ. Но миѳъ сроденъ съ научнымъ мышленіемъ въ томъ, что я онъ есть антъ сознательной мысля, антъ познанія, объясненія x посредствомъ совокупности прежде данаыхъ прязнаковъ, объединенныхъ и доведенныхъ до созаанія словомъ или образомъ A.

Миѳическов я немиѳическое мышленіе апріорны въ томъ смыслѣ, что предполагаютъ прежде познанное (ними самими или предшествующими поколѣніями), сохраненное для нистоящаго мгиовенія посредствомъ слова и изображевія. Самое изображеніе ставовится объясняющимъ лишь при помощи слова. Слово существуетъ на ступени развитія языкшей, чѣмъ та, на которую указываютъ простѣйшіе доходящіе до насъ миѳы.

Каждый разъ, когда новое яаленіе вызываетъ на объясненіе прежденозаааымъ, изъ этого прежняго запаса является въ созаанін подходящее слово. Оно намѣчаетъ русло для теченія мысли.

Разница между миѳическимъ и немиѳическимъ мышленіемъ состоитъ въ томъ, что чѣмъ немиѳичнѣе мышленіе, тѣмъ явственнѣе сознается, что прежнее содержаніе нашей мысли есть только

Digitized by Google

субъективное средство познанія; чѣмъ миѳичнѣе мышленіе, тѣмъ болѣе оно представляется *источникомъ* познанія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мышленіе, чѣмъ первообразнѣе, тѣмъ болѣе апріорно.

Въ словѣ различаемъ значеніе и представленіе. Поэтому вліяніе слова на образованіе миѳа двояко.

Перенесеніе значенія слова въ объясняемое сходно съ тѣмъ случаемъ, когда видимый образъ становится миѳомъ. Напримѣръ:

„Я понію, говоритъ Тейлоръ, что ребенкомъ я думалъ, что увижу въ телескопъ на небѣ созвѣздія красными, желтыми, зелеными, какими мнѣ ихъ только что показали на небесномъ глобусѣ“ (Первоб. культ. I 282). Ребенокъ ожидалъ увидѣть на небѣ то, что онъ видѣлъ на глобусѣ. Но на глобусѣ могли быть изображены одни созвѣздія и неизображены другія, и изображенія могли быть окрашены тѣмъ или другимъ цвѣтомъ. Этимъ опредѣлялось содержаніе миѳовъ.

Такимъ же образомъ, заключивъ отъ словъ къ небеснымъ типамъ или первообразамъ вещей въ духѣ Платона, очевидно можно было перенести на небо только тѣ обобщенія, которыя были даны въ языкѣ. А такъ какъ содержаніе языка народно- и лично-субъективно, то въ такой же мѣрѣ субъективны и миѳы такого рода.

Намъ можетъ казаться, что такіе миѳы независимы отъ вліянія языка, лишь до тѣхъ поръ, пока наше наблюденіе невыходитъ за предѣлы одного языка или остается въ кругу языковъ близкихъ по содержанію. Болѣе обширное сравненіе и болѣе внимательное отношеніе къ содержанію миѳовъ должно показать, что подъ вліяніемъ извѣстнаго языка извѣстные миѳы вовсе немогли бы образоваться, и что входящіе въ нихъ признаки различными языками группируются различно. Т. о. достаточно внимательнаго сравненія оригинала поэтическаго произведенія съ переводомъ, чтобы убѣдиться, что общее тому и другому есть отвлеченіе неравное содержанію ни подлинника, ни перевода.

М. Д. Деларю, носившій очки, говорилъ сыну ребенку (Д. М. Деларю) о всевидящемъ Богѣ. Ребенокъ замѣтилъ: „какіе жъ

Digitized by Google

должны быть у Бога очки!" Такой миѳъ могъ быть созданъ всякимъ ребенкомъ, въ языкѣ коего было слово *отецъ* и слово *очки*. Казалось бы, что черты національности и класса въ этомъ миѳѣ невыражены. Однако условіемъ легкости, съ какою понятіе, связанное съ *отецъ*, перенесено на Бога, могло быть здѣсь то, что и въ просторѣчіи этихъ людей для pater было слово *отецъ* (а не батюшка), и въ молитвѣ сказано „отче нашъ". Для малороссаребенка встрѣтилось бы нѣкоторое затруднеіе въ томъ, что отецъ для него *батько*, *тато*, а Богъ—нѣтъ.

Очевидно, что въ такого рода миѳахъ нѣтъ никакого забвенія первоначальнаго значенія словъ, нѣтъ никакой „болѣзни языка".

Другого рода миѳы создаются *подъ вліяніемъ внѣшней и внутренней формы* словъ, звуковъ и представленія.

А) Вторичные календарные миѳы и обряды.

Требуетъ объясненія свойство дня, его значеніе для полевыхъ и др. работъ, его вліяніе. Объясняющіе запасы мысли это—наблюденіе и опытъ земледѣльца, пастуха, хозяйки и т. д. Прк этомъ—миѳическое воззрѣніе на слово, какъ на правду и сущность. День можетъ носить названіе только соотвѣтствующее его значенію и если онъ называется такъ-то, то это недаромъ. Иностранное происхожденіе и случайность календарныхъ названій непризнается. Звуки этихъ непоняткыхъ названій напоминаютъ слова роднаго языка, наиболѣе связанныя съ господствующимъ содержаніемъ мысли и такимъ образомъ служатъ посредникми (tertium comparationis) между объкспяющимъ и объясняемымъ. Будь звукк календаркыхъ названій другіе, то и слова и образы, вызываемые кми, хотя и принадлежали бы къ тому же кругу мыслей земледѣльца и пр., но были бы другіе. Это—вліяніе формы языка. Бываетъ и то, что первоначально данные звукк календарныхъ названій квызываютъ въ памяти подходящихъ туземкыхъ словъ; въ такомъ случаѣ эти звуки безсознательно видоквмѣняются и приспособляются къ господствующему содержанію мыслк. Это—вліяніе на языкъ.

Digitized by Google

2-го февраля, на Срѣтеніе зима съ лѣтомъ встрѣтились, Даль 279.—Они олицетворяются, Чуб. III, 6.

24-го февраля. Обрѣтеаіе главы Іоанаа Крестителя „Птица гнѣздо обрѣтаетъ" Д. 973. Мр. „Обертеніе"—„чоловіа до жіяки бертається"—начинаетъ ее больше любить (Ч. IV, 7).

8-го апрѣля на Руфа—„дорога (путь) рушятся, Даль.

12-го апрѣля—Василій Парійскій—землю паритъ, Д.

1-го мая—Еремѣк—запрягальника, яремнаа.

2-го мая—Борисa и Глѣба. Боришь-день (у Даля—борисдень)—барышъ-день (что-нибудь продать, чтобы весь годъ торговать съ барышемъ), Д.—Мр. „на Гліба Бориса—за хліб аеберися".

10-го мая Сямова Зилота: копать зілля (цѣлебныя траны), исаать кладовъ (золота), Чуб. IV, 184.

11-го мая Обновленіе Цареграда—переработать въ полѣ, чтобы царь градъ невыбилъ хлѣбн, Аѳ. П. В. I. 319.

21-го мая Коастантина и Елены (Олены)—сѣять *ленъ*, Даль, Чуб.

16-го іюня Тихона—солнце идетъ тише, пѣвчіа птицы затихаютъ, Д.

19-го іюля Моарины. Если мокро, то и осень мокра.

1-го августа Маккавѣевъ (Маковія—мр.)—макъ нінть.

1-го ноября—Козьми съ гвоздемъ „знкуетъ" (морозъ) Д.

11-го ноября Ѳедоръ Студитъ—землю студатъ и т. д. Въ формальномъ отношенін календарные мѳы не составляютъ особаго цѣлаго. Въ этомъ отношеніи безразлично, принесено ли слово, дающее поводъ къ созданію миѳа, извнѣ, выросло ли оно аа почвѣ родного преданія; относится ли миѳъ къ опредѣленаому дню и пр. или къ случаю, несвязанному съ такимъ днемъ.

Проластаће горн Буковица
Закукаће црна кукавица,
Дохн ће намъ светитељу hурhу
У зелеяу, нн коњу зелеиу,
Доннјеће свакојако цвіеће
Понајбоље млаhоне hевојке. Беговић. С. н. п. I, 107.

Digitized by Google

— *Qui pro quo*—въ значеніи предлога. Въ мр. предлоги *съ* и *из* имѣютъ одну звуковую форму. Этимъ дана возможность заключенія по сходству отъ *сходити*—всходить аъ *сходитись*—сходиться: „Ян сей лён *ізиходить*, так щоб до мене усі люде ізходилися, та мене сватали“ — примовляють дівчата, мнючись зеленим лёном з тих зерят, що птиця упустила з рота на перехрестї“. Ном. № 255.

Поаровъ Пресв. Богородицы 1-го окт.—„О миѳич. значеніи нѣкотор. обрядовъ“, 80—1: Св. Покр. покрый меня молоду. Въ „судный день“ жидовскій, который называютъ „*стоянй*“ аесѣютъ, нето много будетъ пустыхъ *стоячих* колосьевъ, Stecki Wołyn. I. 60.

B) Миѳы историческіе объясняютъ происхожденіе племенъ, городовъ, заселеніе мѣстностей, происхожденіе учрежденій и т. п. Общее стремленіе поэтическаго мышленія представлять неопредѣленное и общее—конкретнымъ направляется даннымъ собственнымъ именемъ. Названіе этихъ миѳовъ эпонимическими неотличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ отыменныхъ.

Дѣйствительныя отношенія расъ представляются сродствомъ ихъ родоначальниковъ. Сюда греческое сказаніе о братьихъ-близнецахъ Данаѣ и Египтѣ, родоначальникахъ Данаевъ, гомеровскихъ грековъ и Египтянъ (Ἕλλην имѣлъ трехъ сыновей: Αἰολος, Δῶρος, Ξοῦθος; у послѣдняго два сына: Ἀχαιός и Ἴων. — Еврейское сказаніе въ X кн. Бытія о сыновьихъ Ноевыхъ: Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, какъ родоначальникахъ народовъ. Польсаое сказаніе о Лехѣ, Чехѣ и Руси.—Бяста два брата в Лясѣх, Радим, а другій Вятао и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашаса Вятичи. Лѣт. [1]).

---

[1]) ичь. Въ XIV вѣкѣ уже очень часто встрѣчаются названія селъ на ичи. Въ Червонноруссной грамотѣ 1361 (Ак. отн. до Ю. и З. Р. № 1, сооб. Зубр.): „приселки Пачковичѣ и Жолновичѣ, Комаровичи село, Узворотовичи село, Неѣловичи село, Верховичѣ село (Перемышльи З. села), село Бурковицы; 1437 (А. Ю. и З. Р. I № 19) Митивичи, Ходарковичи, ib.; Овиноловици. H.I 36, 37 (1, 8).—Володимеричи, Ип.² 468).

Digitized by Google

О 3-хъ братьяхъ Кыѣ, Щекѣ и Хоривѣ, и сестрѣ ихъ Лыбеди, по именамъ которыхъ названы Кыевъ, Щековица и Хоревица и Лебедь.—„Инн же несвѣдуще рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оного стороны Дѣпра, тѣмь глаголаху; на перевозъ на Кыевъ". Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царю городу; но се Кий княжаше в родѣ своемь; приходившю ему ко царю, яко же сказаютъ, яко велиау честь приялъ отъ царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему вспять прнде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти с родомъ своимъ и недаша ему ту близь живущии; еже и до нынѣ нарнчють Дунайци городище Кыевець". Л.[2] 9.

Переяславль, въ догов. 907, Лавр.[2] 30—1 и догов. 945 (Игоря), а подъ 932 г. (Лавр.[2], 121): „Володимеръ.... заложи городъ на бродѣ томь и нарече и Переяславль, зане перея славу отроно—тъ".

Каковъ бы ни былъ въ частности способъ перехода отъ образа къ значенію (то есть по способу ли называемому синекдохой, или по метониміи, метафорѣ), сознаніе можетъ относиться къ образу двояко: 1) или такъ, что образъ считается объективнымъ а потому цѣлвкомъ переносится въ значеніе и служитъ основаніемъ для дальнѣйшвхъ заключеній о свойствахъ означаемаго; 2) или такъ, что образъ разсматривается лишь какъ субъективное средство для перехода къ значенію и ни для ваиихъ дальнѣйшвхъ заключеній неслужитъ.

Первый способъ мышленія называемъ *миѳическимъ* (а произведенія его миѳами въ обширномъ смыслѣ), а второй—собственно *поэтическимъ*. Этотъ второй состоитъ въ различеніи относительно субъективнаго и относительно объективнаго содержанія мысли. Онъ выдѣляетъ научное мышленіе, тогда какъ при господствѣ перваго собственно научное мышленіе невозможно. Это дѣленіе должно быть предпослано болѣе частнымъ дѣленіямъ троповъ, вбо оно показываетъ, что качество тропа измѣнчиво.

Digitized by Google

Примѣръ— „*горючее сердце*“. Отвлекаясь отъ того, что *сердце*, въ смыслѣ душевныхъ движевій, есть переходъ отъ орудія въ дѣйствію (метонимія), для поэтическаго (нашего) мышленія *горючесть* сердца есть *метафора*. Если же приписать горючести собственное зпаченіе, это будетъ обозначеніе предмета по признаку въ немъ заключенному, мыслимому въ немъ implicite, слѣдовательно, отъ части къ цѣлому, *синекдоха*. Эта послѣдняя въ слѣдующемъ:

27-го іюня 1547 г., на другой день послѣ 3-го взъ большихъ пожаровъ, случившихся въ Москвѣ, царь поѣхалъ въ Новоспасскій монастырь навѣстить митрополита. Здѣсь церскій духовникъ, Благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Петровичъ Челяднинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ: чародѣи вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ—отъ этого Москва и сгорѣла. Царь велѣлъ розыскать дѣло. 26 числа.... собрали въ Кремль черныхъ людей и начали спрашивать: „кто зажегалъ Москву“? Въ толпѣ закричали: „княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и людьми волхвовала: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила: отъ того Москва и выгорѣла“. Черные люди говорили это потому, что Глинскіе были у государя въ приближеніи и жаловапіе, отъ людей ихъ черпымъ людямъ насильство и грабежъ, а Глинскіе людей своихъ неуимали“. (Солов. Ист. Росс. VI[1], 54—5).

Для поэтическаго мышленія въ тѣсномъ смыслѣ тропъ есть всегда скачекъ объ образа въ значенію. Онъ, правда, облегченъ привычкою мысли, но какъ могла образоваться эта привычка? Она произошла лишь вслѣдствіе того, что первоначально разстояніе между образомъ и значеніемъ было весьма мало.

Digitized by Google

Характеръ миѳическаго мышленія.

Когда современный человѣкъ пользуется поэтическимъ образомъ *лишь какъ средствомъ* для новаго и новаго построенія и преобразованія мысли, то онъ этимъ обязанъ извѣстной степени своей способности къ *научному* мышленію, т. е. способности къ *анализу* и *критикѣ*.

Анализъ состоитъ въ разложеніи конкретныхъ (сложныхъ) воспріятій и созданій мысли на исключающія другъ друга стихіи съ цѣлью новаго, болѣе удобнаго для мысли ихъ сложенія. Его успѣхи сопровождаются усиленіемъ способности сомнѣнія въ истинности данной группировки. Всякое новое сочетаніе мысли служитъ средствомъ для повѣрки прежнихъ сочетаній и побужденіемъ искать новыхъ воспріятій и приводить ихъ въ связь и согласіе съ прежними.

Накопленіе и обобщеніе результатовъ такой работы мысли дѣлаетъ возможной *исторію*, которая даетъ и поддерживаетъ убѣжденіе, что міръ человѣчества въ каждый данный моментъ субъективенъ; что онъ есть смѣна міросозерцаній, истина коихъ заключается лишь въ ихъ необходимости; что мы лишь потому можемъ противополагать наше воззрѣніе, какъ истинное, воззрѣнію прошедшему, какъ ложному [1]), что намъ недостаетъ средствъ для повѣрки нашего воззрѣнія.

Въ этомъ смыслѣ мы въ правѣ отличать наше воззрѣніе и мышленіе, какъ аналитическое и критическое отъ „мышленія миѳическаго“.

[1]) *Wagner*:

. . . . . es ist ein gross Ergötzen
Sich in den Geist der Zeiten zu versetzen,
Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht,
Und wie wir's dann zu letzt so herrlich weit gebracht.

Faust. O ja, bis an die Sterne weit.

(.... большое наслажденье повсюду наблюдать различный духъ временъ—и какъ жилъ человѣкъ, и какъ здѣсь мыслилъ онъ, и далеко ль теперь развито просвѣщенье. Ф. О, да, ужасно далеко! Пер. П. Холодковскаго).

Digitized by Google

Человѣку для объясненія молніи показали искру, добытую при помощи электрической машины. Если онъ достаточно подготовленъ къ разложенію и обобщенію мыслей, то опытъ будетъ ему на пользу, и онъ воспользуется опытомъ въ такомъ родѣ, какъ мы пользуемся стихотвореніемъ: „*Ночь пролетала* надъ міромъ“ [1]). Въ противномъ случаѣ, если онъ неотвергнетъ вовсе сравненія, въ немъ между мыслями А (электрическая машина съ искрами) и Б (облака съ молніей) произойдетъ нѣкоторое уравненіе: именно, онъ можетъ предположить, что въ облакахъ есть электрическая машина (но гораздо большая) и лицо, приводящее ее въ движеніе.

Мы пользуемся, какъ метафорою, образомъ.

(der Kölner Dom).

Er wird nicht vollendet, trotz allen Geschrei
Der Raben und der Eulen,
Die, alterthümlich gesinnt, so gern
In hohen Kirchstürmen weilen.

(Heine, Deutschland).

Но возьмемъ вѣрное наблюденіе: „Галки гнѣздятся и садятся на колокольнѣ“, и предположимъ *отсутствіе другихъ наблюденій*, показывающихъ „что колокольня удобна галкамъ тѣми своими свойствами, которыя у нея общи съ другими высокими нежилыми постройками, нѣкоторыми деревьями и пр.; что птицамъ неможетъ быть приписываемо то, что въ человѣкѣ мы называемъ нравственнымъ религіознымъ настроеніемъ. (Плиній говоритъ о

---

[1]) Ночь пролетала надъ міромъ, сны на людей навѣвая;
Съ темнолазуревой ризы сыпались звѣзды сверкая.
Старые, мощные дубы, вѣчнозеленыя ели,
Грустныя ивы листвою ночи на встрѣчу шумѣли.
Радостно волны журчали, образъ ея отражая,
Рожь наклонялась, сильнѣе пахла трава луговая.
Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ и соловьиныя трели,
Въ хорѣ хвалебномъ сливались, въ воздухѣ тихомъ звенѣли.
И улыбалася кротко ночь, надъ землей пролетая;
Съ темно-лазуревой ризы сыпались звѣзды сверкая.

Плещеевъ

Digitized by Google

религіи слоаовъ). Тогда въ членахъ сочетавія галоаъ и церковной колоаольни произойдетъ изнѣстиое ураваеаіе: галаи садится иа аолокольию, потому что иа ней крестъ, аолокола, потиму что оаѣ любятъ *церковь*, потому что она именно, какъ церковь, имъ полезаа.

Отсюда одинъ шагъ, напримѣръ, до доказательства аеобходимости христіаанскихъ основъ воспитанія примѣромъ галокъ, гиѣздящихся иа колокольиѣ.

Отсутствіе критики. Ребенокъ все приаимаетъ за праиду. Ибо что нужно для того, чтобы признать за „диво дивное на святой Руси аебывалое", т. е. за невозможное то, что

У аасъ по морю ковыла растетъ,
Тамъ косцы ходятъ, ковылу аосвтъ,
По темномъ лѣсу рыба плаваетъ
По подаебесью тамъ медвѣдь ходитъ
Щуку-рыбу ловитъ?

Нужно знаніе закоиа, т. е. общностей: ковыль (вообще) растетъ (вообще) въ степи (вообще). А ребенокъ можетъ незнать даже частностей, изъ которыхъ слагается обобщеніе.

Еще болѣе усилій мысли аужно для того, чтобы держать раздѣльно изображеніе и изображаемое, сцену и дѣйствительаость, тамъ, гдѣ изображаемое само по себѣ болѣе меаѣе вѣроятно.

Разсказываютъ про случаи, аогда извѣстнаго рода публика во время представленія фокусника забывала, что ее здѣсь только забавляютъ, приаимала за серьезный вызовъ то, что фокусникъ давалъ заряжать ружье пулею и стрѣлять въ себя. „Ага! а что, молъ, аадулъ?"—аогда фоаусникъ падалъ, проаѣиный забытымъ въ дулѣ шомполомъ. Такая публика еще и въ наше время смѣшиваетъ актера на сценѣ съ изображаемымъ имъ злодѣемъ. Заая это, актеръ привыкшій аъ одобренію, неберется за аесимпатичныя для публики роли. Во время польскаго возстанія, поляковъ въ „Жизни за Царя" прогоняютъ топотомъ а свистомъ со сцены.

Digitized by Google

Въ 1664 „pozwolono (Francuzom) na teatrze publicznym w Warszawie tryumf czynić z otrzymanego nad cesarzem zwycięstwa... zeszło się ludzi kupa i na coniach pozjeżdżało się na owo... widowisko..... Skoro już, jakuby po zniesieniu wojska.... prowadzą w łańcuchach cesarza.... koronę cesarską już nie na głowie mającego, ale w rękach niosącego i w ręce królowi Francuskiemu onę oddającego. Wiedzieli tędy, że to był Francuz znaczny, który osobę cesarską, w łańcachu idącą reprezentował, i potrafił w twarz jego i wargę tak też jako cesarz wywracał; począł jeden z Polaków konnych wołać na Francuzów:

„Zabijcie tego takiego syna, kiedyście go już porwali. Nie żywcie go, bo jak go wypuscicie, będzie się mścił, będzie wojnę mnożył, będzie krew ludzką rozlewał, a tak nie będzie nigdy miał swiat pokoju. Skoro zaś go zabijecie, król Jmść francuski osiągnie cesarstwo, będzie cesarzem, będzie, da Pan Bóg, i naszym królem Polskiem. Naostatek, jeżeli wy go nie zabijecie, to ja go zabije".

Porwie się do łuku, a nałożywszy strzałą, jak utnie pana cesarza w bok, to aż drugiem bokiem żelezce wyszło, i zabił. Drudzy Polacy do łuków; kiedy wiezmą szyć w owę kupę, naszpikowano Francuzów dużo" — (Pamiątky Paska, 245 [1]).

„Нравственное чувство такъ значительно воспитывается эпическою поэзіею, что слушателя всегда живѣе увлекали вопросы нравственные, нежели художественная идея поэмы; точно такъ и теперь люди простые, а также дѣти, неумѣя отдѣлить художественнаго наслажденія отъ нравственнаго довольства, пранимаютъ

[1]) Въ Варшавѣ на открытой сценѣ устроено было французами представленіе по поводу побѣды надъ австрійцами. Войско разбито, австрійскій императоръ въ оковахъ вручаетъ королю французскому корону. Извѣстно было, что австрійскаго императора представлялъ знатный французъ, очень удачно выбранный для этой роли. Одинъ изъ конныхъ поляковъ сталъ кричать французамъ: „Убейте его такого сына, разъ ужъ захватили его. Не оставляйте въ живыхъ, потому что, если отпустите его, будетъ мстить затѣвать опять войну и кровопролитье и не дастъ людямъ покою. Разъ его убьете, король французскій получитъ его корону, а тамъ, дастъ Богъ, и нашимъ королемъ станетъ. Наконецъ, если вы его не убьете, то я его убью". — Схватилъ лукъ, наложилъ стрѣлу и какъ вдѣлитъ цесаря въ бокъ, такъ желѣзко вышло въ другомъ боку, убилъ. Другіе поляки — за луки и какъ начали перешивать эту кучу, много французовъ было произвано.

Digitized by Google

въ сказкѣ, или повѣсти такое же участіе, какъ и въ дѣйствительной жизни, съ любовью слѣдятъ за добрымъ и великодушнымъ героемъ и съ отвращеніемъ слушаютъ о зломъ. Чтобъ похвалить эпическій разсказъ, простой народъ неупотребитъ выраженія, по нашимъ понятіямъ приличнаго художественному произведенію: *хорошо* или *прекрасно*, а скажетъ: *правда*. Для него, по пословицѣ, пѣсня — быль". (Бусл. Эп. п. Оч. I, 57). Очевидно, что если таковы между прочимъ дѣти, то это неможетъ зависѣть отъ того, что въ нихъ нравственное чувство воспитано эпическою поэзіею. Это должно быть свойствомъ болѣе первообразнымъ.

Такъ же, какъ и „нравственное чувство", не подходитъ къ разсматриваемому явленію терминъ „вѣра въ чудесное", ибо „чудо" предполагаетъ нормальный порядокъ, а дѣло здѣсь именно въ неспособности различенія того и другого.

„Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною непосредственною жизнью эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ 40 пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско,—эпическая поэзія въ немъ убита [1]). А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются..." „Мой провожатый слушалъ... былину (про 40 каликъ) съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, что въ ней разсказывается, какъ если бы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновеніемъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрномъ. Тоже самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимою для записыванія, вставляетъ между стихами свои коммеитаріи, и комментаріи эти свидѣтельствуютъ, что онъ вполнѣ живетъ мыслью въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ напр., Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ Потыкѣ, такими замѣчаніями: „каково, братцы, три мѣ-

[1]) А романъ?

Digitized by Google

сама прожить въ землѣ!“ или: „вишь погиния змѣя, выдумили еще хитрость!“ Когда со стороны какого-нибудь изъ гримотѣевъ зиввлвется сомиѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, наиъ поется въ былинѣ, рипсодъ объясняетъ дѣло весьми просто: „*встарину де люди были вовсе не такіе, какъ теперь*“. Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выриженів нѣкотораго недовѣрів; и тотъ и другой нетолько грамотные, но и ничетчини...“ „И тотъ и другой говорили миѣ, что имъ трудно вѣрить, будто богатыри дѣйствительно имѣли таауюсилу, накая нмъ приписывается въ былинахъ... но что они поютъ тииъ, потому что тикъ слышали отъ отци“. (Гильф. Был. XI—XIII).

Т. о. уже малая степень грамотности приводитъ къ результатамъ, достигаемымъ въ большей мѣрѣ болѣе обширнымъ знакомствомъ (хотя бы и невозводимымъ въ теорію) съ различными измѣненіями того же взыка и съ языками иностранными, именно къ созианію раздѣльности *слова* (со вилюченіемъ той доли мысли, иоторая отъ него неотдѣлима) и *мысли* (т. е. всей остальной); изъ сознавію того, что содержаніе слови можетъ быть лишь субъективно, т. е. что самое существованіе слова неесть доказательство истинности его содержанів.

Между тѣмъ на ступени развитія онежсанхъ, сербскихъ, болгарскихъ пѣвцовъ, сравнительно уже очень высоиой, предполагающей многотысячелѣтнюю аультуру, именно этимъ доказательствомъ устраняется сомиѣнье: если бы этого небыло, то и неговорилось бы. Въ силу тааого хода мысли чеш. поль. *praviti*, *prawić*—говорить, разсказывать, вр. *рѣчь* сама по себѣ правда:

Тото ты, дѣвушиа, неправду баишь
Неправду баишь, не *рѣчь* говоришь;

наоборотъ:

Правду баишь, рѣчь говоришь.
Шейиъ, Р. н. п. 168.

Въ зиключенін болг. и серб. пѣсень:

От юнаци песма останало
Да се пеє, да се прикажуве

Digitized by Google

Това, брате, поотдавна било,
Дур небило, неби сѣ славило.
Милад. 275.

И то било, кад се починьало
Чуб. Чојк 117.

Што бивало, вазда се пјевало, ib. 114, 211.

Чудесное событіе, признаваемое удивительнымъ, почему пѣсня и начинается съ „Мили Боже, чуда великога!“ — тѣмъ не менѣе въ свое время было:

То је било, када се чинило
А сада се тек приповиједа.
Кар. II 129.

Сомнѣніе, если и выражается, то очень робко:

Бјела вила, не знам је ли било,
А да није, што би се зборило?
Ни ту био, ни казат' умно.
Лажу чуо, а ја полагујем:
Опиј лаже, који иеви каже.
Чуб. Чојк. 255.

(Мр. „коли люде брешуть, то й я з ними“).

Квитка имѣлъ, повидимому, много случаевъ наблюдать эту вѣру въ авторитетъ слова.

Его „Герой очаковскихъ временъ“ (дѣйств. между 1786 г. и 96), духовный потомокъ сотника Забрёхи въ „Конотопской вѣдьмѣ“, отца, который, можетъ быть, научилъ бы его другому или по крайней мѣрѣ удалилъ бы изъ домашней среды, непомнилъ и воспитался подъ вліяніемъ матери, твердо вѣровавшей въ тяжелые дни, понедѣльники, въ святыя пятницы и окружавшей сына бабусями, шептухами и разсказчицами. Одна изъ нихъ „убѣдила вѣрить питомца своего, что *неможно того выдумать, чего небыло на свѣтѣ*. „Что вы ни разскажете, говорила она, все это когда-нибудь было“. Это становится его догматомъ. На службѣ ему и въ голову неприходитъ скрывать, что „если бы этого (на пр. вѣдьмы) небыло, никто бы и неговорилъ, потому что нельзя вы-

Digitized by Google

думать того, чего небыло когда-нибудь. Что хотите скажите, это будетъ не выдумка, а было прежде и было непремѣнно" (разсказъ о провалившемся городѣ". Кв. III², 271).

Стараясь расширить свои уже значительныя свѣдѣнія о колдовствѣ, аладахъ и т. п., онъ знакомится между прочимъ съ нѣкіимъ Маркомъ Квашею". Сколько этотъ мужичекъ зналъ истинныхъ, справедливыхъ событій съ кладами и другими колдовствами! Еще дѣдъ, отецъ разскащика, а потомъ и онъ самъ все это слышалъ отъ какого-нибудь „добраго человѣка", Богъ зааетъ отауда шедшаго и ночевавшаго у нихъ, и *божившаюся*, что все это есть истинная правда. *Какъ же неповѣрить, если онъ божился?*".

Эта черта, т. е. вѣра свидѣтелю, безъ вопроса о степени его достовѣрности, о количествѣ и достовѣрности посредниковъ между ними и событіемъ, повторяется у Квитки не разъ: ключница разсаазывала, что Гарауша оборотился мышью, иукушкою и проч. „*Божился* человѣкъ, что всему этому правда; а это онъ разсказывалъ аузнецу, что ѣздилъ въ городъ покупать уголья, незнаю изъ кааого-то села, а кузаецъ разсказывалъ Ульянѣ Ведмеднхѣ, я таки ее и незнаю, и невидала, а говорятъ, немного зипиваетъ; одиако же оиа, трезвая бывши, разсказывала въ нашей слободѣ, незпаю таки именно кому..." (Квитаа, III, 181).

При врожденномъ благородствѣ, Романъ Тихоновичъ, вѣрующій въ вѣдьмъ, аааъ Донъ-Кихотъ въ истинность содержанія рыцарскихъ ромааовъ, становится чѣмъ-то въ родѣ Донъ-Кихота. Уже на службѣ, гдѣ онъ за свою вѣру былъ посмѣшищемъ товарищей, оиъ пытался прв случаѣ исаоренять зло на свѣтѣ посредствомъ истребленія вѣдьмъ, отъ которыхъ-де оно все происходитъ. По выходѣ въ отставку, онъ рѣшаетъ: „даромъ жить нельзя на свѣтѣ; надобно дѣлать доброе, сколько можемъ. Потрудился на службѣ, билъ тураовъ, бралъ у нихъ города, буду и въ отставкѣ полезнымъ для людей: начнемъ истреблять волшебство; переведемъ, уничтожимъ колдупей". (Квитка, III, 310).

Его Санчо-Кирюшка и другіе окружающіе пользуются этимъ настроеніемъ для своихъ выгодъ.

Digitized by Google

Вовможность такого лица подтверждается судебнымъ показаніемъ, даннымъ въ 1727 г. человѣкомъ лѣтъ 40 Семеномъ Калениченаомъ, по прозванію Упиремъ. Прозваніе это отъ того, что по его словамъ „оиъ упиромъ родился"; „аогда онъ вародился, то того жъ часу въ свѣтѣ позналъ всѣ аещи, и бабу саою пріемнацу Горпину Демчиху заразъ позпалъ, что она вѣдьма". Такія открытія дѣлалъ онъ аъ теченіе всей своей живаи, при томъ, какъ „прирожденный"—па пользу людямъ. Войскоаан Енеральиая канцелярін признала его человѣкомъ „несостоятельнаго ума". Если мы, вмѣстѣ съ издателемъ (Линниченао, „Два дѣла о аолшебствѣ" Кіев. Ст. 1889 г. Оат.) признаемъ его душеано больнымъ, визіонеромъ, то все же характеръ аидѣній будетъ саидѣтельствовать о томъ, аааого рода воззрѣніемъ проникнута была его среда.

— Возвращаясь аъ произведеніямъ устной поэзіи замѣчу, что хотя въ числѣ ихъ есть сказка, признаваемая въ отличіе отъ пѣсни „саладкой", и пародія, и т. п. произведенія, имѣющія цѣлью тольао эстетическое наслажденіе; тѣмъ пе менѣе до ынѣ весьма замѣтно воззрѣніе на тааія произведенія, кааъ на серіозное дѣло:

Слоао есть дѣло; человѣкъ неможетъ понять, что пѣсня можетъ быть только исаусственнымъ воспроизведеніемъ душевнаго состоянія, а не непосредственнымъ его выраженіемъ. (Steinth. Das Epos, Z. f. Vps. V, 6. Поэтому мужскую пѣсню прилично пѣть только мужчинѣ, весняку — только дѣвушкѣ, саадебную— только на свадьбѣ, заплачку—тольао на похоронахъ; знающій заговоръ соглашается сообщить его лишь посвященному, не для профанаціи, а для серьезнаго употребленія. Съ этимъ приходится считаться собирателямъ. Бываютъ случаи аъ родѣ того, что когда въ Италіи собиратель проситъ дѣвушау спѣть ему пѣспю (а пѣсни тамъ преимущественно любовныя), то оиа принимаетъ это за ухаживанье съ его стороны, за просьбу полюбить его (Steinth. ib.), ибо неможетъ понять, эстетически или научно, отвлеченнаго отъ личнаго состоннія интереса.

Digitized by Google

Отношеніе теоріи словесности къ миѳологіи сходно съ отношеніемъ ея къ исторіи словесности.

Миѳологія есть исторія миѳическаго міросозерцанія, въ чемъ бы оно ни выражалось: въ словѣ и сказаніи, или въ вещественномъ памятникѣ, обычаѣ и обрядѣ. Теоріи словесности миѳъ подлежитъ лишь какъ словесное произведеніе, лежащее въ основаніи другихъ болѣе сложныхъ словесныхъ произведеній. Когда миѳологъ, по поводу частныхъ вопросовъ своей науки, высказываетъ взгляды на ея основанія, именно *опредѣляетъ пріемы миѳическаго мышленія* посредствомъ слова; рѣшаетъ, есть ли *миѳъ* случайный и ложный шагъ личнаго мышленія, или же шагъ необходимый для дальнѣйшаго развитія всего человѣчества, (M. Mull. Ess. II, 338),—то онъ работаетъ столько же для исторіи (языка, быта и пр.), сколько для психологіи и теоріи словесности.

Уже въ древней Греціи миѳы вызывали пытливость умовъ величайшихъ мыслителей, но никогда миѳы, созданія древнихъ или отдаленныхъ по мѣсту и низкихъ по степени развитія народовъ, небыли предметомъ столь неустойчиваго систематическаго изученія, какъ въ нашъ XIX вѣкъ. Неговоря уже о массѣ собирателей сказокъ и другихъ подобныхъ произведеній у всѣхъ народовъ цивилизованнаго міра, трудно указать кого-либо изъ извѣстныхъ психологовъ, филологовъ, историковъ культуры, непосвятившаго значительной доли своихъ трудовъ на изслѣдованіе миѳологическихъ вопросовъ. Это потому, что основной вопросъ самопознанія: „что такое я“ сводится для современнаго человѣка на историческій вопросъ: „какъ я (какъ одинъ изъ множества) сталъ таковъ?“ (M. Mull. Ess. II, 4). Стремленіе къ самопознанію привело къ сознанію связи *я* съ настоящимъ и прошедшимъ человѣчества, зависимости культуры отъ некультурности, къ изученію объективныхъ отложеній человѣческой мысли, между прочимъ, въ языкѣ и словесныхъ произведеніяхъ.

Что такое *миѳъ* не въ древнемъ значеніи слова (у Гомера *μῦθος* — слово, какъ противоположное дѣлу—*ἔργον*, рѣчь, разсказъ, разговоръ, приказаніе, и содержаніе, предметъ рѣчи (ср. *вещь*);

Digitized by Google

позднѣе, напр. у Платона, какъ в *λόγος*,—баснословный, вымышленный или дошедшій по преданію разсказъ, M. Müll. Ess. II, 65), а въ томъ значеніи, какое это слово получило въ наше время?

Очевидно, слишкомъ широко и слишкомъ узко опредѣленіе: „Die Darstellung einer Naturerscheinung in Form einer Erzählung, die Ausprägung einer Idee in einer veranschaulichender geschichtlichen Begebenheit macht gerade das Wesen der Mythus aus“ (Mnr. Carriere, Die Poesie², 46) [1]).

Съ одной стороны стихотвореніе Плещеева „Ночь пролетала надъ міромъ“ было бы безусловно миѳомъ; съ другой—точное пониманіе выраженія: „солнце *садится*“, т. е. на престолъ и т. п., *περὶ ἡλίου δυσμάς, ἦν ἥλιος ἐπὶ δυσμαῖς*, около (времени) погруженія солнца (въ океанъ: *ἠέλιος δ'ἄρ' ἔδυ*, солнце погрузилось, т. е. *ἔδυ πόντον* (въ море), M. Müll. Ess. II, 73), небыли бы миѳами, если *нераспространять понятія* „историческое событіе“ на всякое выраженіе воспріятія.

При опредѣленіи миѳа въ современномъ значеніи этого слова, едва ли можно миновать М. Мюллера, ученаго болѣе многихъ другихъ старавшагося уяснить этотъ вопросъ и невольно болѣе другихъ подавшаго поводовъ къ односторонней его пониманію.

Онъ употребилъ выраженіе: „миѳологія—болѣзнь языка“, которое за нимъ повторяли, признавая или опровергая, многіе другіе, невсегда обставлявшіе это выраженіе тѣми ограниченіями и оправданіями, какими оно обставлено у Мюллера. Для разъясненія истины нужно обратиться къ самому М. Мюллеру. Примѣры:

Πάν (р. *Πᾶνός*, в. *Πᾶνα*), пастушескій Аркадскій богъ, ухаживалъ за нимфой *Πίτυς* (сосна, ель). *Βορρέας* приревновалъ ее къ Пану, сбросилъ ее со скалы, при чемъ она превратилась въ ель (и пр. Ess. II, 144).—Заключеніе отъ *Κρονίων, Κρονίδης* къ *Κρόνος* (ib. 137). О Селенѣ и Эндиміонѣ ib. 73—5.

„Какъ скоро слово, первоначально употребленное въ метафорическомъ значеніи, начинаетъ употребляться безъ вполнѣ всякаго

[1]) Сущность миѳа составляетъ представленіе явленія природы въ формѣ разсказа, выраженіе идеи, въ видѣ историческаго событія.

Digitized by Google

пониманія тѣхъ шиговъ, которые повели его отъ пирвоначильнаго знначевін къ метафорнчесиому; появляется опасвость, что оно станетъ употребляться мнологично. Киждый разъ, когда шаги вти знбыты и ин нхъ мѣсто постнвлены нсиусственные, мы нмѣемъ передъ собою *мнеологію*, нли, если мнѣ позволено танъ сказать *(wenn ich so sagen darf) eine* krinkgewordene Sprüche" (M. Müll. Vorles. II 338).

„Подъ мнеологіей разумѣю всякій случай, въ которомъ языкъ, ставши независимой силой, воздѣйствуетъ на духъ вмѣсто того, чтобы согласно съ его собственною (нистоящею) цѣлью служить только осуществлевіемъ и внѣшнимъ вырнженіемъ духа", ib. 482.

„Во всѣхъ твнихъ случанхъ (когди изобриженіе, понятое, танъ сказать, бунвально, порождветъ мнеъ) *первонанальное значеніе слова* или *образа гораздо возвышеннье*, достопочтенньѣе, религіознѣе, чѣмъ то удивительное окаменѣніе, которое возбуждаетъ нитересъ наклонной нъ предразсудкамъ толпы, ib. 509.

„Въ случияхъ, когди λιταί (моленіи) низываются дочерьми Зевеса (и сестрами Аты, Ἄτη—бѣда, несчастье), мы едва ли стоимъ уже въ облистя чистой мивологіи. Ибо Зевсъ у Грековъ былъ защитникъ умолющихъ—Ζεὺς ἱκετήσιος—и молитвы называются его дочерьми, какъ мы свободу называемъ дочерью Англіи. Тикін выраженіи могутъ быть мнеичны, но еще не мнеы. Существенный хирантеръ мнеи тотъ, что *мнеъ уже непонятенъ въ данномъ языкѣ* (M. Müll. Ess. II, 66).

„Чтобы нзвѣстныи имена стали мнеологичны, нужно, чтобы норевное ннъ звиченіи затемнилось и пришло въ знбвеніе въ динномъ нзынѣ" (ib. 69).

„Мнвологія есть только фаза, при томъ неизбѣжнн, въ развитін языни, если принимить изыкъ не за чисто внѣшній символъ, и зи единственное возможное воплощеніе мыслей"... *Это состояніе языка* „можно по истинѣ назвить *дѣтскою болѣзнью*, ноторую рино или поздно долженъ испытать самый здороный оргинизмъ"... Это *языкъ въ состояніи самозабвенія* (die Sprüche im Zustande des Selbstvergessens). И если представимъ себѣ, накъ велино въ древ-

Digitized by Google

нихъ языкахъ количество именъ для одной и той же вещи (*πολυωνυμία*), и иногда чисто одно и тоже слово прилагается къ совершенно различнымъ предметамъ, то это самозабвеніе языка непокажется намъ удивительнымъ" (ib. 146—7).

„Я не разъ утверждалъ и пытался доказывать, что многіи явленія въ миѳологіи и религіи, на первый взглядъ неразумныя и непонятныя, объясняются вліяніемъ языка на мысль. Но я *никогда неговорилъ*, что все миѳологическое можетъ быть объяснено такимъ образомъ; что все неразумное основано на *словесномъ* недоразумѣніи (auf einer sprachlichen Missverständniss), что *вся миѳологія* есть лишь болѣзненный процессъ языка. Извѣстныя миѳологическія загадки могутъ быть, иногда я доказалъ, рѣшаемы при помощи средствъ языкознанія; но миѳологію, какъ цѣлое, я представлялъ всегда замкнутымъ періодомъ, неизбѣжнымъ въ ходѣ развитія человѣческаго духа, вовлекавшимъ въ свою сферу все, до чего въ данное время могло касаться мышленіе" (ib. 200).

„Не все въ миѳологіи объясняется болѣзненнымъ процессомъ языка" (ib. 207). „*Миѳологія неизбѣжна*; она необходимость, заключенная въ самомъ языкѣ, если въ языкѣ мы признаемъ внѣшнюю форму мысли. Однимъ словомъ, миѳологія есть тѣнь, падающая отъ языка на мысль, тѣнь, которая неисчезаетъ до тѣхъ поръ, пока языкъ неуравняется вполнѣ съ мыслью, что никогда неможетъ случиться. Правда, въ древнѣйшее время исторіи человѣческаго духа миѳологія болѣе выступаетъ наружу, но она неисчезаетъ никогда вполнѣ. Миѳологія есть и теперь, какъ во времена Гомера, но мы ее незамѣчаемъ, потому что живемъ въ ея тѣни и потому что почти всѣ боятся полдневнаго свѣта истины". „Миѳологія въ высшемъ смыслѣ слова есть власть языка надъ мыслью во всевозможныхъ областяхъ духовной дѣятельности; я готовъ назвать всю исторію философіи отъ Ѳалеса до Гегеля непрерывной борьбою съ миѳологіей, однимъ продолжительнымъ протестомъ мысли противъ языка". „Это требуетъ нѣкоторого объясненія".

„Со времени Вильгельма Гумбольдта всѣ серьезно занимающіеся высшими задачами языкознанія пришли къ убѣжденію, что

Digitized by Google

мысль и языкъ нераздѣлимы, что языкъ безъ мысли также невозможенъ, какъ мысль безъ языка; что то и другое относятся другъ къ другу какъ душа и тѣло, сила и функція, сущность (содержаніе) и форма".

„Возраженія противъ этого обыкновенно возникаютъ лишь изъ недоразумѣній. Во 1-хъ, подъ языкомъ разумѣется дѣятельность, рѣчь, нынъ она возникаетъ и умираетъ съ каждымъ словомъ. Во 2.хъ—не одинъ членораздѣльный языкъ, но и менѣе совершенные символы мысли: движенія, знаки, образы (слово *три* и содіатіе 3 пальцевъ). „Все, что мы утверждаемъ, это—что безъ какого-либо рода знаковъ дискурсивное мышленіе невозможно, и что въ этомъ смыслѣ языкъ или λόγος — единственно возможная реализація человѣческой мысли". „Въ 3-хъ, части недоразумѣнія въ томъ, что думаютъ, будто если можно думать только при посредствѣ языка, то языкъ и мысль одно и тоже". Но... содержаніе не можетъ существовать безъ формы и наоборотъ, однако возможно отличить форму отъ содержанія (wesen). Также отличаемъ мысль отъ слова, внутренній λόγος отъ внѣшняго.

„Мы идемъ и далѣе. Мы утверждаемъ, что языкъ, принадлежа прошедшему, необходимо воздѣйствуетъ на мысль, и мы признаемъ въ этомъ возвратномъ дѣйствіи, въ этомъ преломленіи лучей языка дѣйствительное разрѣшеніе старинной загадки миѳологіи". (Ess. II, 399—401).

— „До раздѣленія Арійскихъ племенъ былъ корень *свар* v. *свал* — сіять, блистѣть, грѣть. Онъ находится въ греческ. αελας — блескъ, σελήνη — луна; въ анс. *swélan* — горѣть, нов. врн. *schwöl*. Въ скр. отъ него сущ. *свар*, означающее иногда небо, иногда солнце (= лат. sol, гот. *sauil*, агл. *sol*). Вторичная форма отъ *свар* скр. *сӯрја* (ам. *сварја*) — солнце (= ἥλιος).

„Всѣ *эти имена были* первоначально *предикативны*; они означали свѣтлый, ясный, милый. Но какъ скоро было образовано имя *свар* или *сӯрја*, оно, въ силу неодолимаго вліянія языка, стало именемъ не только живого, но и нужскаго существа. Всякое существительное въ скр. должно быть или муж. или жен. р. (сред.

Digitized by Google

родъ первонначально огрнничивался только именительнымъ), и *сȗрjас*, князъ сущ. м. р. разъ навсегда запечатлѣно языкомъ, какъ имя муж. существа, какъ будто оно было имѣнемъ воина или царя. Въ другихъ яз., въ ковхъ имя солнца—ж. р., и солнце согласно съ этимъ становится женщиной, царицей, невѣстой мѣсяца, однимъ разомъ измѣняется вся миѳологія, со всѣми любоенымн исторіями свѣтилъ".

„Вы можете сказать, что все это есть не столько вліяніе языка на мысль, сколько мысли на языкъ, что (грам.) родъ словъ отражаетъ только особенность дѣтскаго ума, который можетъ понять нѣчто, лишь какъ жиеов, мужское или женское. Ребенокъ, ушибшись объ стулъ, бьетъ его и ссорится съ нимъ. Стулъ для него не вещь, а лицо... Но это служитъ лишь подтвержденіемъ правильности взгляда на вліяніе языка на мысль; ибо эта наклонность (къ одушевленію), хоти по своему началу неизмѣренная и составляющая результатъ безсознательнаго мышленія, скоро ставши лишь модою въ языкѣ, стала съ неодолимою силою обратно дѣйствовать на духъ.

Однимъ словомъ, какъ скоро *сȗрjас* или ἥλιος является существительнымъ мужеск. рода, мы находимся уже въ самой гущинѣ миѳологіи. Мы недошли ещѣ до Геліоса, какъ бога—это гораздо поздняя ступень мысли;.... но мы дошли, по крайней мѣрѣ, до первыхъ зародышей миѳа. Въ гомерическомъ гимнѣ Геліосу Геліосъ называется еще не безсмертнымъ, а лишь подобнымъ безсмертнымъ богамъ *(εἴκελος ἀθανάτοισι)*; но онъ называется чадомъ *Εὐρυφαεσσα*, сыномъ Гиперіона, внукомъ Урана и Геи".

„Все это есть миѳологія; это старый языкъ, пошедшій далѣе своей первоначальной цѣли" (*alte Sprache* die über ihre erste Absicht hinausgeht, Ess. II, 480—10).

Мнѣніе М. Мюллера и послѣдователей, что миѳъ есть нѣкоторымъ образомъ болѣзнь языка, въ состояніи санозябвенія, и что, слѣдовательно, первоначальное значеніе слова (и стало быть, и связанной съ нимъ мысли, гораздо возвышеннѣе миѳа, уже давно вызывало возраженія:

Digitized by Google

1) Предполагаемое возвышенное состояніе мысли и послѣдующее ея паденіе являются немотивированными [1]) и противорѣчащими теоріи постепеннаго развитія мысли.

2) Они противорѣчатъ утвержденію самого М. Мюллера о первоначальной конкретности языка: „миѳологи утверждаютъ, будто бы варварскіе народы, пріобрѣвъ уже извѣстные символы для выраженія отвлеченій (путемъ ли развитія, или путемъ произведенія отъ сверхъестественно полученныхъ ими корней, что, повидимому, вѣрнѣе съ точки арѣній миѳологовъ), а слѣдовательно, пріобрѣвъ уже соотвѣтственную способность къ отвлеченному мышленію, вдругъ начинаютъ лишать свои словесныя символы ихъ отвлеченности“ (Спенсеръ, Осн. соц. I, 488). Съ одной стороны, намъ говорятъ, что древніе Арійцы обладали языкомъ, состоявшимся изъ корней такимъ образомъ, что отвлеченная идея о *покровительствѣ* предшествовала конкретной идеѣ объ отцѣ. Съ другой стороны, намъ говорятъ, что древніе Арійцы, имѣвшіеся послѣ этихъ первобытныхъ Арійцевъ, „немогли говорить и думать иначе, какъ съ помощью“ личныхъ (?) фигуръ;... такъ что та же раса, которая произвела свои конкретныя слова изъ абстрактныхъ, описывается намъ, какъ такая, которая была доведена до... космическихъ миѳовъ („старѣющееся солнце“, солнечный закатъ и пр.) своею неспособностью выражать абстракты иначе, какъ въ конкретныхъ терминахъ! (ib. 490—1).

Возраженія эти могутъ внушить сомнѣніе въ правильности разсужденія людей, заключающихъ отъ языка; и однако справедливость требуетъ признанія послѣдовательности и необходимости

[1]) Допустимъ на минуту, что единственнымъ источникомъ миѳическихъ представленій были превращенія и порча языка, забвеніе первоначальнаго коренного значенія словъ; мнѣ въ такомъ случаѣ будутъ явленіемъ относительно позднѣйшимъ, и спрашивается: откуда и вслѣдствіе какихъ жизненныхъ причинъ въ человѣчествѣ явилось стремленіе придавать реальное бытіе прежнимъ *поэтическимъ* метафорамъ? Откуда эта прежде небывалая расположенность ума къ созданію миѳовъ? Или человѣкъ по мѣрѣ успѣховъ и опыта жизни утрачивалъ прежній разумный взглядъ на природу... отъ первоначальнаго свѣта все далѣе уходилъ въ мракъ умственныхъ блужденій, все болѣе и болѣе становился ребенкомъ?“ Эта мысль стоитъ „въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ ходомъ исторіи и движеніемъ разумной органической жизни“. (Котляревъ. Разб. соч. Ав. П. В. Сл. 15—16).

Digitized by Google

въ разсужденіи этихъ людей. О существованіи конкретныхъ *значеній* Djaŷc = *Ζεύς*, Sŷrjac = *Ἥλιος*, патер = *πατήρ* они да и всѣ остальные могутъ заключать только изъ существованія этихъ словъ; а анализъ этихъ словъ показываетъ въ основаніи этихъ словъ корень *див*, свѣтять, *свар*, свѣтить, *па*, охранять, имѣющіе, *повидимому*, лишь отвлеченное значеніе. Пока эта послѣдняя видимость неустранена, до тѣхъ поръ и выводимыя изъ нея заключенія о первобытно высокомъ развитіи мысли и ея паденіи обязательны. Для устраненія этихъ заключеній существуютъ попытки устранить самую видимость, лежащую въ ихъ основаніи, устранить миѳъ, состоящій въ принятіи корня, какъ результата личнаго анализа, какъ субъективнаго произведенія мысли, за выраженіе объективнаго явленія. (Изъ зап. по р. гр. 2 изд. I, 21—24.

Дѣло въ томъ, что отвлеченное значеніе корней кажется намъ такимъ потому, что есть слѣдствіе нашего собственнаго отвлеченія; оно есть *перенесеніе нашей субъективной мысли въ объектъ* (т. е. миѳъ), необходимое лишь до тѣхъ поръ, пока нами несознается субъективность этой мысли. При этимологическомъ анализѣ мы принимаемъ *a*, представленіе слова *Б.*, признакъ общій ему со словами В, Г и пр., стоящими съ Б на одномъ уровнѣ производности за существующій въ первообразномъ словѣ *А*. Если это *А* намъ дано (т. е. яе есть только результатъ анализа), то мы убѣждаемся, что *a* въ немъ отдѣльно несуществуетъ, но возникаетъ одновременно съ произведеніемъ Б, В, Г отъ *А*. Но если само *А* со стороны значенія намъ неданно, какъ бываетъ со всѣми корнями, тогда мы приписываемъ ему *a*, какъ значеніе: изъ сравненія *Djâus* —небо, богъ неба, день, *dêvas*—богъ, *dina-s*—день, *δῆλος*—ясный и пр. заключаемъ, что эти значенія обозначены признакомъ свѣтлости, и этотъ признакъ переносимъ въ предполагаемое первообразное *див*.

Поправку въ наше сужденіе мы вносимъ изъ наблюденія надъ ближайшимъ, т. е. изъ правильнаго наблюденія надъ развитымъ состояніемъ языка, а не изъ наблюденій надъ отдаленными низшими ступенями развитія. Ибо, пусть тысяча путешественниковъ

Digitized by Google

утверждаютъ нимъ, что дикари неспособны мыслить отвлеченные признаки; но каждый разъ, когда мы по вышесказанному способу начнемъ отысканивать корив ихъ языковъ, въ результатѣ мы получимъ отвлеченность. Ошибочность нашего заключенія станетъ ясни лишь тогда, когда изученіе нашего языни покажетъ намъ, что отвлеченный признакъ въ словѣ непервообразенъ.

Т. о., когда понятъ источникъ взгляда, что первоначальное значеніе словъ предикативно, т. е. отвлеченно, устраняется и необходимость этого взгляда, а вмѣстѣ съ нимъ падаетъ мнѣніе М. Мюллери, что миѳологическая религія предполагаетъ разумную, какъ больное тѣло предполагаетъ здоровое. См. Vorles. II (10 vorl.) 386—7, 389, 390, 395.

Котляревскій (l. c. 17), справедливо отвергая порчу языки, какъ источникъ первоначальныхъ миѳовъ, заходитъ слишкомъ далеко, говоре, что языкъ, какъ сила дѣйствующая (что ито? недѣйствующая сили несуществуетъ), оставался совершенно чуждъ первоначальнаго происхожденія миѳическихъ представленій; онъ оказалъ сильное вліяніе на миѳы, такъ сказать, вторичнаго образованія, когда худое толкованіе древнихъ выраженій и словъ, происходившее отъ забвенія первоначальнаго значенія ихъ, произвело цѣлую массу сложныхъ баснословныхъ повѣствованій; и какъ возможно объяснить етотъ второй періодъ въ исторіи миѳологіи, недопустивъ перваго, ему предшествовавшаго періода первичныхъ миѳическихъ воззрѣній, возникавшихъ изъ наивнаго дѣтсваго взгляди на явленія природы! Подобнымъ образомъ говоритъ и де-Губернатисъ: „Двусмысленность (словъ,—по Куну точнѣе—полионимія и омонимія) безъ сомнѣнія играла главную роль при образованіи миѳовъ; но сама эти двусмысленность невсегди можетъ быть объяснена безъ предполагаемаго предварительнаго существованія такъ сказать живописныхъ аналогій. Дитя, которое еще и нынѣ, взглянувши на небо, принимаетъ бѣлое облако за снѣжную гору, конечно незнаетъ, что *парвата* на языкѣ Ведъ означало и гору и облако... Двусмысленность словъ обыкновенно шла по питамъ

Digitized by Google

слѣдъ за аналогіею внѣшнихъ образовъ, представлявшихся первобытному человѣку. Когда онъ еще не называлъ облака горою, онъ уже видѣлъ его горою. Послѣ смѣшенія образовъ смѣшеніе словъ становилось почти неизбѣжнымъ и служило лишь для опредѣленія перваго, для сообщенія ему яснѣйшаго (?) звука и болѣе прочной формы, для образованія изъ него какъ бы корня, изъ коего при помощи новыхъ наблюденій) новыхъ образовъ, новыхъ двусмысленностей могло вырастать цѣлое дерево миѳическихъ генеалогій" (Die Tinta in der indogermanischen Mythologie, 601).

Я отвергаю только порчу языка, какъ источникъ миѳологическаго т. е. познавательнаго творчества. Если смерть есть только смерть, то изъ нея не можетъ выйти жизнь; но то, что мы называемъ смертью, и то, что называютъ (хроническою, а не единичною и случайною) порчею въ языкѣ, при жизни народа, сочетаніе болѣе совершенное. При принимаемомъ мною опредѣленіи мина, какъ словеснаго произведенія, т. е. (въ простѣйшемъ видѣ— одного слова), какъ совокупности образа (=сказуемаго), представленія (tertium comparationis) и значенія (=психологическаго подлежащаго, т. е. того, что подлежитъ объясненію) для меня совершенно немыслимо, какъ можно предположить когда-либо существованіе мѳа помимо слова, и какъ, кромѣ первыхъ недосягаемыхъ для нашей мысли ступеней человѣческаго развитія, можно думать, что послѣдующій мѳъ могъ создаться безъ помощи предшествующаго мѳа—слова. Если бы человѣкъ сначала смѣшалъ образы облака и горы, а потомъ создалъ мѳъ, то получилось бы не объясненіе облака горою, а объясненіе облака-горы въ ихъ нераздѣльности чѣмъ-либо другимъ. Существенная черта мина, какъ аппиркаціи въ словѣ (Штейнталь), есть именно то, что отождествленіи или чистое сліяніе объясняющаго и объясняемаго непредшествуетъ объясненію, а слѣдуетъ за нимъ. Дѣти „немовлята" и животныя могутъ имѣть „живописныя аналогіи", т. е. и въ нихъ извѣстныя сочетанія элементарныхъ воспріятій могутъ находиться въ связи съ другими сочетаніями, но мѳовъ они еще несоздаютъ.

Digitized by Google

Конкретность мышленія (вещественность изображенія, слова. Эвфемизмъ).

Общая форма человѣческаго мышленія состоитъ въ объясненіи вновь познаваемаго (подлежащаго) прежде познаннымъ (сказуемымъ). Отъ состава и степени разложенія на признаки того, что познано прежде, зависитъ качество объясненія.

Въ языкахъ, какъ наши, стоящихъ на высокой ступени развитія, формально различающихъ названія вещей и ихъ качествъ и дѣйствій, предложеніе состоитъ изъ дифференцированныхъ, непохожихъ другъ на други членовъ. Согласно съ этимъ у говорящихъ такими языками возможно сужденіе аналитическое, сложенное по формулѣ: *X* (вещь, совокупность признаковъ) имѣетъ признаки или дѣйствія *а*, *б*, *в*, нетождественныя съ самою вещью и исключающія другъ друга.

Такое состояніе языка и мысли возникло изъ другого, при которомъ члены предложенія однородны (такъ какъ еще нѣтъ частей рѣчи), болѣе менѣе близки къ нынѣшнему существительному, и сужденіе синтетично, т. е. сложено по формулѣ: *X* (вещь) есть *A* (вещь), какъ если бы вмѣсто нынѣшняго: „эта раковина—морская“ сказать и подумать „раковина—море“.

Взаимное отношеніе членовъ такого сужденія будетъ видно изъ слѣдующаго.

Европейскій путешественникъ „немогъ убѣдить эсквимосовъ, что нитяная ткань, изъ которой была сдѣлана его одежда, не шкуры какого-либо звѣря. Стекло они принимали за ледъ, сухари—за копченое мясо“. Фиджійцы до появленія Европейцевъ незнали металловъ, и тростникъ былъ единственною извѣстною имъ вещью, сколько-нибудь похожею на ружейный стволъ. Поэтому вполнѣ резонъ былъ вопросъ, обращенный ими къ путешественнику: „Если бы ваша страна небыла страною чудесъ, то какъ бы вы могли добыть въ ней топоры, коими срублены деревья, изъ коихъ сдѣланы стволы вашихъ ружей?“ (Спенс. Осн. соціол. I, 112—3).

Digitized by Google

Однородны съ этимъ объясненія отдаленныхъ явленій природы близкими къ человѣку вещами: извилистая молніи—змѣй, прямо падающая — стрѣла, копье; громъ — стукъ колесницы или топотъ стада, небесный сводъ—ледяной или нѣдкій, туча—гора, пещера (на пр. скр. *adri* м. камень, гора, облако, причемъ, по замѣчанію издателя санскритскаго словаря, второе и третье значенія едва различимы въ случаяхъ, гдѣ рѣчь—о разрушеніи богами облачныхъ твердынь и возвращеніи загнанныхъ туда демонами коровъ); туча же—корова, а дождь—ея молоко; солнце—колесо и пр.

Если мысль подготовлена къ сужденіямъ аналитическимъ, то выраженіе „солнце-колесо", являясь въ первый моментъ пониманія метафорой, въ концѣ приводитъ къ тому, что изъ многихъ признаковъ колеса для объясненія природы солнца остается только одинъ—очертаніе, колесообразность, сходство его съ колесомъ въ этомъ одномъ отношеніи. Ср. „Ой зійди, зійди, ясен місяцю, *як* млиновеє коло".

Если же содержаніе сказуемаго „колесо" еще неразложимо, то между нимъ и подлежащимъ устанавливается отношеніе равенства многихъ признаковъ, во время сужденія кажущихся главными: въ солнцѣ, какъ въ обыкновенномъ колесѣ, есть ободъ, спицы, ступица; оно на оси (изъ чего слѣдуетъ, что оно часть колесницы, везомой и управляемой и т. д.).

При этомъ происходитъ разложеніе сказуемаго, сходное не съ химическимъ разложеніемъ на исключающія другъ друга стихіи, а съ механическимъ дѣленіемъ на части: колесо есть нѣчто простое (т. е. болѣе извѣстное), земное или небесное. Затѣмъ мысль можетъ остановиться на отличіяхъ послѣдняго отъ перваго.

Существованіе въ языкѣ частей рѣчи, означающихъ признаки, выдѣленные изъ комплексовъ, даетъ только возможность аналитическихъ сужденій, но не ихъ всегдашнюю необходимость для всякаго говорящаго этимъ языкомъ. Такъ въ теченіе тысячелѣтій послѣ появленія глаголовъ, прилагательныхъ и чисто формальныхъ словъ, подъ выраженіями, которыя намъ кажутся на первый

Digitized by Google

взглядъ выражающими сужденія аналитическія, сохраняются воззрѣнія миѳическія, вполнѣ подходящія подъ образецъ: „солнце-колесо“.

Я останавливаюсь на разсмотрѣніи того, каковы могутъ быть миѳическія сужденія, предполагаемыя аналитическими: человѣкъ дышетъ, плюетъ, источаетъ кровь, (женщина)—мѣсячное, оставляетъ слѣдъ, производитъ экскрементъ, смотритъ, говоритъ и др. под.

Нижеприводимые примѣры будутъ имѣть и другую цѣль, кромѣ упомянутой, именно—показать, какъ сочетаніе въ сужденіи парныхъ субстанцій ведетъ къ установленію дуализма въ міросозерцаніи, въ коемъ преобладала *конкретность*, и въ коемъ твердое *убѣжденіе* въ тожествѣ мысли съ мыслимымъ, (все равно, будетъ ли мысль наша или чужая), въ объективности мыслимаго равнилось лишь субъективности этого мыслимаго (см. выше—отсутствіе критики стр. 410).

Т. о. это свойство есть вмѣстѣ и полная вѣра въ авторитетъ и полное отсутствіе сознательнаго стремленія къ личному наслѣдованію.

Прогрессъ мышленія состоитъ въ выдѣленіи изъ міра (т. е. изъ совокупности мыслимаго) свойствъ вносимыхъ нашимъ *я* и въ противоположеніи этого *я* міру. Чѣмъ далѣе отъ насъ къ прошедшему, тѣмъ слабѣе это выдѣленіе и противоположеніе. Чѣмъ болѣе субъективны продукты мышленія, тѣмъ непоколебимѣе вѣра въ ихъ объективность.

Конкретность миѳическаго мышленія. Языки, формально различающіе названія дѣйствій, качествъ вещей, предполагаютъ состояніе, когда слово со стороны своего значенія (не представленія) есть совокупность признаковъ, а двухчленное предложеніе есть сочетаніе двухъ такихъ единицъ, какъ если бы сказать *раковина море*. Если почему-либо изъ совокупности признаковъ предметъ *а, б, в*.... выдвигается признакъ *г* и возникаетъ вопросъ, который мы на своемъ языкѣ называемъ вопросомъ о зависимости и причинѣ *г*, то отвѣтомъ будетъ служить не установленіе связи между однимъ или нѣсколькими избранными признаками и *г*, не

Digitized by Google

заключеніе „если есть *a*, то есть и *i*“ или наоборотъ, а заключеніе близное къ повторенію исходнаго момента мышленія, отличное отъ него, такъ сказать, только акцентуаціей большей связи одного изъ признаковъ: „если есть *x* съ признаками *a*, *б* и преимущественно *в*, то есть и *i*“. Спенсеръ (Осн. соц. I, 114,5) объясняетъ это примѣромъ, который я нѣсколько видоизмѣню по воспоминаніямъ своего дѣтства. Я зналъ, что раковина, лежавшая у насъ на столѣ,—морская, что море шумитъ и что, если приложить раковину къ уху, слышенъ шумъ; и вотъ изъ невыраженаго словами вопросъ „отчего шумитъ ракована“ явился отвѣтъ въ видѣ мысли о видѣ раковины и шумѣ моря.

Доказательствомъ, что въ отвѣтѣ явились именно видимые признаки раковины, служитъ то, что когда послѣ я убѣдился, что такое же дѣйствіе производитъ и приложенный отверстіемъ къ уху стаканъ, непохожій на раковину и неимѣющій связи съ моремъ, и что стало быть шумъ раковины зависитъ отъ свойствъ, которыя ей общи со стаканомъ, я все-таки при опытахъ со стаканомъ представлялъ себѣ знакомую раковину и море.

Т. о. неразложенность комплексовъ, нестрогое отдѣленіе этихъ комплексовъ отъ другихъ необходимо влечетъ за собою заключеніе по формулѣ *cum hoc ergo propter hoc*.

Я зналъ мужика въ Васищевѣ, который былъ твердо убѣжденъ, что муравьи, ползающіе по стволамъ растеній, разводятъ тлю на ихъ верхушкахъ, а что поэтому для уничтоженія тли надо уничтожать муравейники.

Господствомъ такого способа заключенія, убѣжденіемъ что *всякое свойство предмета присутствуетъ во всѣхъ его частяхъ*, (что, такъ какъ предметъ нестрого ограниченъ отъ случайной обстановки, то свойство предмета сообщается тому, съ чѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе) характеризуются цѣлые продолжительные періоды жизни человѣчества.

Сюда относятся свойственныя дикимъ и полудикимъ, отчасти—нижнимъ слоямъ цивилизованныхъ народовъ вѣрованія, что тѣло и по смерти сохраняетъ свойства живого существа, что каждая

Digitized by Google

его часть имѣетъ всѣ или важнѣйшія свойства живого существа; что обладаніе частью тѣла, имѣвшаго при жизни такія-то свойства, даетъ обладаніе этими свойствами [1]).

Таковъ обычай ѣсть мясо дикаго звѣря, врага, умершаго родственника, чтобы имѣть ихъ храбрость и т. п. (Спенс. Осн. соц. I, 115, 260), вѣрованія въ амулеты съ частями тѣла животныхъ и людей (ib. 364—5); чары на слѣдъ, рубашку, потъ, волосы, ногти, объѣдки, соръ (ib. 262, 341). Вѣрованія, связанныя съ *изображеніемъ* и *еловомъ* по ихъ важности должны быть разсмотрѣны особо.

Дыханіе (halitus)=*душа* (anima). Animae leonis virus (вонь) grave, ursi pestilens; contacta (ср. р. мн.) halitu ejus nulla fera attingit ocinsque putrescunt adflata reliquis (чѣмъ остальное). Hominis tantum (animum, halitum) natura infici (чтобы портилось) valuit pluribus modis, et ciborum ac dentium vitiis (отъ дурной пищи, дурныхъ зубовъ)... Sed maxime senio (отъ старости).

... Dolorem sentire non poterat. (=potest, наук выше XI, 90, о крови „magna in eo vitalitatis portio; emissus spiritus secum trahit, tactum tamen non sentit"), tactu sensuque omni carebat (=caret), sine quibus nihil sentitur; eadem (anima) commeabat (=commeat — выходитъ и входитъ), recens adsidue, exitura supremo (выйдетъ изъ тѣла послѣднимъ) et sola ex homine superfutura (одна только отъ всего человѣка и остается); denique haec trahebatur (=trahitur) e caelo. Hujus quoque tamen reperta poena est, ut neque id ipsum quo vivitur in vita juvaret (но несмотря на это и въ немъ [дыханіи, w. для него?] нашлось наказаніе, чтобы даже то, чѣмъ человѣкъ живетъ, недоставляло въ жизни удовольствія (объ испорченномъ отъ пищи и вина дыханіи). Parthorum populis hoc praecipue (особенно страдаютъ этимъ) et a juventa propter indiscretos cibos; namque et vino foetent ora nimio; sed sibi proceres medentur (пособляютъ себѣ) grano Assirii mali (лимона),

[1]) Въ сказкахъ русск. серб. нар. богатырь оставляетъ вмѣсто себя свою вещь (ножъ, рукавицу); въ случаѣ, если ему грозитъ смертная опасность, изъ нихъ течетъ кровь: „Так то на мене догледаете, що допустили он стільки *з мене* крови вибігти". (Микл.).

Digitized by Google

cujus est suavitas praecipua, in esculenta addito. Elephantorum anima serpentes (—es) extrahit, cervorum—urit. (Pl. XI, 115).

Душа (дыханіе) пахнетъ, запкхъ—душа вещи:

„Стару душа мирише
Ка́ј' но љети цвилика (=вонючая трава)...
... Младу душа мирише
Ка́ј' но кита ружице.
(К., Ристић, С. н. п. 27).

Ал бесједи Мерима девојко;
„Вул мирише, моја милк мајко,
Ђул мирише око нашег двора,
Чини ми се Омерова душа (=умершаго).
Кар. С. н. п. I 246—7.

Ој ђевојко душо моја,
Чим миришу њедра твоја?.....
... Моја њедра немиришу
Нити дуњом, ни неранчом
Нити смиљем, ни босиљем,
Веће душом девојачком.
Вар..... Нити паром од јунака
Него паром ђевојачком.
ib. 407—8.

Тѣмъ, что запахъ—душа, объясняется вѣрованіе, что природа человѣка переходитъ на его одежду и другіи вещи. (Спенс. Осн. соц. I, 331).

Слазъ—въ связи съ вѣрованіемъ въ человѣчка въ зрачкѣ и въ двойную душу:

„In... Africa familias quasdam effascinantium Jsigonus et Nymphodorus (tradunt), quorum laudatione intereant probata (овцы), arescant arbores, emoriantur infantes; esse ejusdem generis in Triballis et Illyriis adjicit Jsagonus, qui visu quoque effascinent, interimantque, quos diutius intueantur, iratis praecipue oculis, quod eorum malum (каковое отъ нихъ [очей, людей] происходящее зло) facilius sentire puberes. Notabilius esse (въ особенности замѣча-

Digitized by Google

ко образу ль имѣетъ, или къ самому Богу? подобаѣ и предъ иными образы, и какъ молеаье свое простираетъ? таажде и съ наановымъ намѣреніемъ я свѣщи предъ иконы поставляетъ, иконѣ ль той честь творя, али самому азображенному на той инонѣ, предъ нею же свѣщу поставляетъ?" (Русса. Достопам. I, 187).

„Мнѣ, государь, сіе зритца вельми неправо, что въ церкнахъ свѣща поставляютъ всиной человѣаъ предъ свою собяну, кон у пего якоаы принесены изъ дому, а предъ церковные икоаы и двадцатые доли свѣчь аепоставляютъ", ib.

Изображеніе. У Черемисъ „собравшіеся на поминки моются въ бааѣ, моютъ и покойника, подъ вядомъ липовой палка". (Смирновъ „Черемисы", Изв. Общ. Археолог. при Каз. У. VII, 123).

Прясутствіе покойника на поминаахъ у Черемисъ представляется въ разныхъ мѣстахъ различяо... Въ Царево-Кокшайскомъ у. лицо, назначенное заживо поаойняномъ, надѣваетъ его праздпячную одежду. Родные привѣтствуютъ его: „А ты уже пришелъ иа свой праздникъ? Войдя въ избу пировать съ нама. Завтра, переночевавши, уйдешь". Ряженаго приаимаютъ, какъ настоящаго поаойника. Вдова зоветъ его мужемъ, дѣти—отцомъ. Онъ держатъ себя канъ настоящій глава семейства. Онъ ѣстъ, пьетъ, пляшетъ нараваѣ съ другими, хотя иѣсаольно своеобразно. Онъ разсназываетъ, накъ ему на томъ свѣтѣ хорошо живется, какъ онъ вядится съ раньше умершимя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ того же уѣзда роль ряженаго исполияетъ свитокъ одежды понойиаго: онъ аладется на почетномъ мѣстѣ, къ нему обращаются, нанъ аъ жавому лицу, съ нимъ пляшутъ по очереди пирующіе... Въ Макарьевскомъ у. Нажегородсаой г. одежда умершаго развѣшивается на стѣнѣ, и родиые только посматриваютъ иа яее, когда ѣдятъ (ib. 194—5).

Слово. Чѣмъ далѣе въ прошедшее, тѣмъ менѣе въ языаѣ словъ отвлеченныхъ и формальныхъ, которымъ начто несоотвѣтствуетъ въ чувственяомъ иосприятія. Первобытное слово должно было соотвѣтствовать безразличному комплексу веща и ея дѣйствіи или качества. Отсюда понятно, что слово (нераздѣламая для

Digitized by Google

первобытнаго созианія совокупность звука и значенія), сопровождавшее и доводившее до сознанія упомянутыя вѣрованія, должно было, при господствующей конкретности мысля, представляться такимъ же противнемъ вещи, какъ и ея тѣнь и отраженіе. Въ словѣ должна была присутствовать доля жизни, заключенной или предполагаемой въ соотвѣтствующей вещи.

По мѣрѣ того какъ возникало вѣрованіе, что болѣе тонкая, менѣе осязаемая половина явленій есть болѣе важная, что тѣнь, душа, двойникъ, доля суть причины жизни, сна, болѣзни, смерти; что во внѣчеловѣческой половинѣ явленій, богн, ихъ духовная половина, суть ихъ производители—должно было познянануть убѣжденіе, что слова суть духовныя сущности вещей. Даже болѣе: доступныя древнему человѣку наблюденія надъ словомъ могли въ значительной степени содѣйствовать вознакновенію вѣры въ духовные первообразы и причины явленій. Ибо разъ было замѣчено, что слово, на пр. имя извѣстнаго лица, появляется, т. е. произносится каждый разъ, когда появляется это лицо, и когда оно не появляется, а лишь вспоминается; что слово, т. е. его ближайшее содержаніе (представленіе) остается неизмѣннымъ (при всѣхъ измѣненіяхъ) происходящихъ въ называемомъ, напр. сидитъ ли онъ, или спитъ, отсутствуетъ ли или умеръ; что оно властно, т. е. на него отзывается человѣкъ—разъ это было замѣчено, можно было отсюда вывести подтвержденіе того, что и душа есть тоже относительно неизмѣнная сущность.

Какъ бы ни было, но весьма распространены доходящіе и до нашего времени *мивы* о словѣ, вѣрованія, что *слово—сущность вещи*.

Слово вещественно. Коиовчиха: „Два дні свого сяна клене проклинає“, на 3-й—„дай мені, Боже, „*сі слова перед собою мати*“, т. е. видѣть ихъ передъ собою на томъ свѣтѣ и назниться ими. (Изъ думы объ Ив. Конович.). На томъ свѣтѣ напр.: „Хто старцям милостиню подавав, то все те перед їм и лежить: чя шматок хліба, чя кільце ковбаски, чи сала кришéнян, то таа на столахъ и лежить“ (З. о Ю. Р. I, 306). „Ко што ѣеља, предан.

Digitized by Google

пада", Посл. 159). „Мнѣ что за дѣло, какая ты? *Твое* передъ тобою" (Островскій).

Слово течетъ изъ устъ, какъ слюна. Какъ *слово=человѣкъ* (ein Wort, ein Mann, „Немн слова найьірнішого нндъ ту дружиноньиу"), такъ слюна въ извѣстной сказкѣ. Сюда: „Новый срубъ хаты, еще недостроенный.... Тамъ дѣти забавлялись „стрыбаньемъ", бросаясь сверху на кучу пѣску, суевѣрно отплевываясь каждый разъ.... „Поволі, дітн, поламаете ноги!"—Ні, дядьку!".... и снова по очереди выговарввали магическія слова: „тьфу, слнано! ти ся забий, а в ні!" Плевки падали на землю, а дѣти, слѣдомъ за ними, нисколько неколеблясь, скакали тудаже" (Петкевичъ, Сельск. недоразум. К. Ст. 1889 г. явв. 177).

— „О связи нѣкоторыхъ представленій", 81—4. Сорока, вѣщая птица (соб. *вѣщица*—сорока, тоже—болтунья, срб.—*вјештица*—вѣдьма) создана чортомъ (Чуб. I, 62) вменно изъ плевка (Кар. Припов. № 18, Пјес. II, 84).

Превращеніе слюны въ мудраго *Квасира*, его арови—въ божественный потоаъ, дающій даръ поэзіа и мудрость, и опять въ слюну (Grim. Myth.[2] 853; Бусл. „Объ эпич. поэзіи"; Аѳан. „П. В." I, 393 в сл.).—„Кровь не вода" но вода—ировь; загадан (криница): „На серед села зарізано вола, в кождій хатці по бокатці"; (рѣка): „Конець села забито вола, до кождої хатки тянуться кишки".

Слюна-напраслина: „Ежели ито плюя попадетъ себѣ ненарочно на платье, то оное значитъ.... (обнову) или терпѣть напраслину" (Абевега 267).

Вр. *слотить*—врать. Ср. съ сербск. „*блутити*", будалити, говорвти којешта без прилике, ungereimt reden; *блутиш*.... који много говори којешта, der ungereimt redet. *Блуна*—eine einfältige person. Чеш. hliwoň, болтунъ. (При *блут—блуштити*, sich eikeln: блушти ми срце (напр. код човјеи једе много грожha).

Рѣчь, слюна (напраслина)—*рѣка, вода* (Разб. п. Голов. 64—76).

Вода—правда (Объясн. мр. п. I, 182—7; Разб. п. Голов. 65). Отсюда гаданіе: если вода удержится въ рѣшетѣ и т. п., то тото сбудется, то то правда: Владиславъ Германъ такъ гадалъ объ удачѣ

Digitized by Google

набѣги: вѣдунья несла передъ войскомъ въ решетѣ воду, и вода невыливалась, что предвѣщало удачу. Танъ доказывалась и истинность (Gr. Myth. 643—4).

— „Extat (есть еще, дошла) Tusciae vestalis incestae (обвиненной въ нарушеніи цѣломудрія) precatio, qua usa, aquam in cribro tulit anno urbis DCIX. (145 до Р. Х.)", (Pl. XXVIII, 3).

Въ сказкѣ отецъ приказываетъ дочери лить воду въ дырявый понѣшенный на гвоздѣ сапогъ. Если вода удержится,—онъ женятся. И вода точно невытекала (Gr. „K. und Hausmärchen I, № 13).

Слово—крылато, оно—птица:

„*Ἔπεα πτεροέντα. Πεῖον δε ἔπος φύγεν ἕρκος ὀδόντων*" (Иліада и Одиссея).

Слово не воробей, а упустивши непоймаешь. Пѣсни—птица, соколъ (Объясн. мр. п. I, 118).

Гриммъ (Myth. 1177) приводитъ ирландское повѣрье, что изреченное проклятье должно упасть на кого-либо. Оно носится 7 лѣтъ въ воздухѣ и каждое мгновеніе можетъ спуститься на того, на кого было направлено; если его настигаетъ ангелъ хранитель, то проклятіе принимаетъ видъ несчастья, болѣзни или искушенія и броснется на него (танъ что проклятіе замѣщаетъ собою двойника).

Танъ же и Пентамер. выражается: „у проклятій старухи выросли крылья, и они взлетѣли къ небу" (Перев. Либрехта, I, 222).

„Нехай хмира на татиры, и сонечко на хрестиян". Тинъ: „Неходи на эту службу... Ну канъ... иди это слово отъ насъ въ проклятымъ турнамъ... ну канъ тебя убьютъ". (Герой очик. врем." Кв.[2] III, 266).

„Молитва йде до Божого престолу у золотнй новчег, там перепалюється, а до Богн йде сами чиста хвали" (Манж.).

Уроки опасны для здоровья, особенно если ихъ *заспать*, т. е. засыпать, неотогнивши ихъ. Они вещественны, почему мать, укладывая дитя ко сну, *высасываетъ* ему урокъ изо лба и сплевываетъ на всѣ 4 стороны свѣта, приговаривая: „хто ті (*тя*) врін, най ті (тебя уронъ) взне" (возьметъ), (Kolb. Pok. III, 132).

Digitized by Google

Слово — мысль. Гадать — думать, думи (болг. слово). (Бусл. Оч. I, 2). Въ словѣ впервые сознается мысль.

Словесенъ —исполненъ мысли, разуменъ (вѣщъ). Напротивъ *мълчати* сродно съ лот. *mulkis*—дурааъ и скр. *мӯрта*—глупый *мурччһа*—глупость.

Если бы съ точки зрѣнія дуализма представить себѣ *мышленіе*, то быть можетъ получилось бы представленіе въ видѣ *восторга*:

(О различіи души человѣка и животнаго). „Вьсь бо животъ анъ долоу гледаѥтъ и нъ земли, и нъ водѣ, оттоудоу бо и створенъ, и чл҃къ ѥдинъ на высость зритъ а тварию бо ѥстъ Б҃жиима роукама такъ сътворенъ, да и д҃ша ѥго бесплътьна соущи и всю мысль, и разоумъ ѥжичьство имоущи нъ гор҃ина тварь, рекъше выше н҃бсъ, ниже ѥстъ оустрои на тъ же дѣиствы бесплътьными и мыслыми въземлетъ са оумъ, и тамо высходитъ. Или небоудеши самъ искоусилъ, чльче, другоици на м҃лтвѣ стоѥ, како ти се въземлетъ оумъ выше небесъ и аны боголѣпная та мѣста виде се сътвориши а сладькая, и славная, и снѣтлая, и съ тѣми ст҃ми радуѥсе хвалиши Б҃а въ красныхъ тѣхъ мѣсьтѣхъ, и поворъ дивънъ видиши а весельство? Да нако оубо оунъ съ и д҃ша, въ бренькѣмъ сем' тѣлесе се (=съ) привезанъ и храмъ надъ собою имѣѥ поаровъ, и надъ тѣмъ пакы въздоухъ, и ѥтерь, и н҃бса в'са, и тамо мыслию възыдеши къ Б-оу невидимоуѥму? каао ли ти сквозѣ храмъ пролѣта оумъ, и всю тоу высость, и нбса скорѣѥ мъжения очнаго прилетѣвъ, тамо бысть, не ставе се ни чим' же? Чимь то оубо боудеша прошелъ? Ила силою безсловесною и скотные душе, яже ѥстъ смрътна, кровь бо ѥстъ или бесплътноую (=ою), ню же ѥстъ подоба, и разоумичными дѣйствы и силами съмысльныѥ своѥѥ д҃ше и разоумичьныѥ? Да аще речеши: „скотиѥю и бесловесныхъ дшею" то оуже можетъ и конь и волъ и всака птица, ти нехоте ѥдниого живота чл҃ьча приѥти разоумач'ноу и равмыслноу имуща д҃шу, несаѣдами имаши приѥти и нехоте. Да ѥл'ма же то роужно ѥстъ таао помышлѣти и приимати... да ноужда ѥстъ гла҃ти яво же бесплътными и-разо-

Digitized by Google

умичиыми дѣйствы съмыслыныѥ д҃ше то можетъ бытн, ѥже на н҃бо възнти, нествещю се нничим'же оумоу члчю". (I. Э. Шест. 198—9).

Истоупъ,— лѥнніѥ. „Вложи Бъ истоупленіѥ на Адама, н оуспе... сънъ истоупъ г҃летъ се, вм' же акы внѣ себе стонтъ ч҃лѣкъ; въиоутрь ѥс д҃ша, то же нѣс вноутрь, и нечюѥтъ, неразоумѣѣтъ, слышещи неслышитъ; вао же днес гл҃емъ: „истоупъ приѥмлетъ, ниже внѣ вещии бывъ, тако н д҃ша, ѥгда иинѣ будетъ чювъства, въ истоупѣ ѥстъ" (ib. 250, 3—4).

— *Слово-правда. Правити*—говорить.

Съ древности в до нашего времени ученые склонны объяснить вѣру въ силу слова, принимая частный случай за общее, именно думая, что вѣра въ силу слова свнзана съ вѣрою въ участіе боговъ. Тваъ Плиній: „Вѣримъ и теперь, что нашн весталки молитвою (=заговоромъ) удерживаютъ на мѣстѣ бѣглыхъ рабовъ, если они еще невышли за городъ (Рамъ). Разъ допустивши это, нужно признать, что боги выслушиваютъ нѣиоторыя просьбы или побуждаются извѣстиымн словамв" (Pl. H. N. XXVIII, 3).

Конечно, въ разныя времена было и есть вѣрованіе, что слово служитъ только посреднивомъ между молящимся и Богомъ; но это неможетъ быть общнмъ основаніемъ разсматриваемаго вѣрованів. Слово становится дѣломъ не тольво въ молитвѣ, но и будучи произиесено случайао и безъ умысла; не только въ случаѣ, вогда предполагается, что злобное божество ловитъ ошибки говорящаго, чтобы причанить ему вредъ, но и тогда, когда нѣтъ мысли о чемъ-либо подобвомъ, о какомъ-либо постороннемъ существѣ, кромѣ самого слова. Вѣрованіе состоитъ въ томъ, что слово само есть существо.

Плиній: „Болѣе умные поголовно съ пренебреженіемъ относятся къ вѣрѣ въ силу слова и заговоровъ, но вообще жизнь ежечасно имъ вѣритъ, неощущая ихъ послѣдствій. Тааъ людвмъ кажется, что безъ моленій нельзя ии съ пользою прнвести жертвы, ни какъ слѣдуетъ посовѣтоваться съ богами. При этомъ одни слова при жертвахъ для полученія чего, иные при жертвахъ для

Digitized by Google

отвращенін, нныи при обсужденіи. Мы видали, что верховные сановники совершали моленія (точно) опредѣленными словами, а чтобъ небыло что нзъ словъ пропущено или несказалось раньше, чѣмъ слѣдуетъ, таиъ при этомъ одинъ читалъ (молящемуся) по писаннону, другой слѣдилъ (за вѣрностью повторенія), третій приказывалъ (окружающимъ) молчать, а флейтщикъ игралъ, чтобы молящійся неуслышалъ чего-либо постороняяго; ибо замѣчено, что коль скоро помѣшали (ему) услышанныя имъ зловѣщія слова (dirae), или онъ самъ ошибся, тотчасъ въ стоящихъ у мѣста жертвоприношенін животныхъ исчезали или (наоборотъ) удваивались верхушки (capita) печени или сердца". (Plin. H. N. XXVIII, 3).

Въ заключенін заговора: „Будьте слова мон крѣпки и лѣпки, крѣпче кання и булата... Нѣтъ монмъ словамъ переговора и недоговора и неизмѣнить нхъ ни хитрецу, ни мудрецу" (Майк. Вр. закл.—З. Г. Общ. по эти. II, 431).

Лѣкарство становится дѣйствнтельнымъ отъ сопровождающаго слова: „Pecudis lieu recens magicis praeceptis super dolentem lienem extenditur, dicente eo, qui medeatur, lieni se remedium facere". (Pl. XXX, 17. Ср. ib. XX, 53)—ѣсть отъ селезенки мяту, говоря: „хочу лѣчить селезенку".—Ср. Номис №№ 255—7 и слѣдующій, 324.

Урокъ, сглазъ:

„In... Africa familias quosdam effascinantium Isogonus et Nyphodorus (fradunt), quorum laudatione intereant probata (гр. овцы), arescant arbores, emoriantur infantes (для предотвращенія этого не только въ Африкѣ дѣтямъ повязываютъ амулеты *Fascinos* [pro deo habitus phallus]; (откуда у насъ при встрѣчѣ съ попомъ между прочимъ браться за яйца).

Нынѣ на Покутьѣ: Не каждый въ одинаковой степени имѣетъ силу *урекать* и силу сглаза („не каждій має однако поскудни очи"). Кто нехочетъ никого урекать, тотъ, говоря о комъ-либо, прибавляетъ „ні-врочу". Безъ этого слова особенно *похвала* подѣйствовала бы и безъ желанія говорящаго. (Kolb. III, 132).

Digitized by Google

— У Черемисъ старикъ посредникъ (вѣдунъ) въ концѣ молитвы: „Мы дѣти, мы ребята ползающіе еще подъ дымомъ; можетъ быть что нужно было сказать раньше, мы сказали послѣ, а что нужно было сказать послѣ, сказали раньше; дай намъ умъ". Въ Кольмодемьяновск. у. въ былое время карты (посредники) просили мать огня передать ихъ молитву богу въ исправленномъ видѣ: „Мать огня, ты пересказывай; что не ладно, поправь". (Смирновъ „Черемисы" Изв. Об. Арх. и Э. при Каз. у. VII, 162). Въ черемис. молитвахъ объ огнѣ: „Огненный духъ! у тебя длинныя ноги и острый языкъ, очистивши наши жертвы, принеси ихъ къ богамъ" (ib. 147).

[illegible]

Когда заложили эту церковь, попъ взялъ лопатою изъ-подъ угла земли и сказалъ: „что ни день, то по покойнику блень!" А плотникъ услышалъ, да и говоритъ ему: „ѣсть тебѣ, ей такъ: „что ни поп, то новый попъ". Такъ и вышло: пока не было тѣмъ же самого попа. (Куп. у. Пьянецъ).

На Юрьевъ день собирала „пѣсенокъ" колѣнныя реку съ [illegible] въ полѣ [illegible]. Увидѣвъ это, [illegible] и сказалъ: „[illegible] то за тѣ, а [illegible] то [illegible]". Потерявши [illegible] и [illegible], [illegible] и [illegible] на [illegible] и [illegible] [illegible]. Кос. Т. Ж. III 228.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Digitized by Google

„Вы можете (этой) малюткѣ сказать все. Она скорѣе дастъ себя изрубить, чѣмъ выдастъ своихъ друзей; „пошла, шедьма, чтобъ тебя отъ церкви отлучили, будь ты проклята, плутовка", прибавилъ онъ нѣжнымъ голосомъ, потому что, будучи, какъ и многіе другіе бандиты, суевѣренъ, боялся сглазать (т. е. изурочить) ребенка, благословляя или хваля его. Извѣстно, что враждебныя силы anocchiatura'ы (неполный сглазъ v. уроаъ) имѣютъ дурную привычау дѣлать противное нашимъ желаніямъ" (ib.).

Какъ въ извѣстной сказаѣ изъ слюны создается говорящая птица, такъ въ гермаасаомъ миоѣ въ Эддѣ изъ нея человѣкъ:

„Асы а Вилы заалючили миръ и подожили ознаменовать его весьма страннымъ обычаемъ: и тѣ и другіе наплевали въ одну посудину, въ которой и смѣшались ихъ слюни, точно таа, аакъ въ отдалевныя среднія времена смѣшеаіемъ аровп освящаютъ примиреніе... Знаменіе мира... должно было сохраняться навсегда; боги сотворили изъ нихъ разумнѣйшаго изъ людей по имени Квасира. Квасиръ много исходилъ по свѣту, уча людей мудрости; нааонецъ пришелъ въ жилище двухъ чародѣевъ-карлиаовъ, отъ которыхъ ему и смерть приалючилася: убивъ Квасира, падѣдила они его аровью два сосуда и одиаъ котелъ, потомъ подиѣшали въ ировь меду, изъ чего и составился драгоцѣнный напитоаъ, который сообщалъ даръ поэзіи и мудрость всяаому, кто попробуетъ его. Послѣ того этотъ вѣщій медъ былъ предметомъ многихъ распрей до тѣхъ поръ, поаа певыпалъ его весь въ три глотка Одинъ, и тѣмъ неспасъ его изъ рукъ враговъ. Потомъ па пользу Асамъ и людямъ вѣщимъ онъ выплюнулъ его, такъ что этотъ драгоцѣнный напитоаъ опять сталъ слюной, чѣмъ былъ съ самаго начала" (Gr. Myth. 855). (Буслаевъ, Эп. п. 18. Аѳ. II, Возз. I, 393 сл.).

Упоминаемое здѣсь превращеніе слюны въ аровь находитъ соотвѣтствующіи явленіи въ томъ, что аакъ въ норвеж. (Бусл. ib.), таа и въ нѣм. сказкахъ не тольао слюна, но и напли крови говорятъ за того, кому принадлежатъ. (Grim. Märchen, I, 286, II, № 89, III, 06).

Digitized by Google

Извѣстно и повсюду распространено вѣрованіе въ таинственную силу слова въ заговорѣ и заклятіи. Приводимъ нѣсколько стиховъ изъ Овидія и Виргилія. Соаомъ Летейсаой травы Язонъ усыпляетъ змѣи (draco), сторожа золотого руна:

„Verba qui ter dixit placidos facientia somnos
Quae mare turbatum, quae concita flumina sistant".
(Ov. Met. VII, 150 сл.).

Послѣдній стихъ ср. съ извѣстнымъ припѣвомъ русской былины, гдѣ такая сила утишать море приписывается поэзіи: „То старина, то и дѣянье, канъ бы синему морю на утишенье". (Др. рус. ст.).

Вспомнимъ, что и поэзія и заговоръ въ латин. носатъ одно имя, carmen.

„Vipereas rumpo verbis et carmine fauces;
Vivaque saxa [1]), sua convulsaque robora terra,
Et silvas moveo, jubeoque tremiscere montes,
Et mugire solum, manesque exire sepulcris.
Teque luna traho, quamvis Temesaea labores
Aera [2]) tuos minuant. Currus quoque carmine nostro
Pallet avi, pallet nostris Aurora venenis" (Ov Met VII 203 сл.). Ср.—Сила заговора—Virg. ecl. VIII, 68 сл.) [3]).

Заговоръ, который у всѣхъ народовъ нашего племени рано или поздно сводится на параллельныя выраженія въ родѣ слѣд.:

„Limus ut hic durescit et haec ut cera liquescit
Uno eodemque igni, sic nostro Daphnis amore" (Virg. ib. 70), безъ сомнѣнія есть молитва.

Распоясанная, босоногая, съ распущенными по плечамъ волосами, совсѣмъ какъ у нашихъ вѣдьмъ, Медея, выходя чаронать, обращаетса къ богамъ:

---

[1]) Ср. „И камен би ријечма подигао" (кад ко лијепо или жалостиво говори) К. С. Посл. 101.

[2]) Въ Темесѣ въ Бруттіи—были мѣдные рудники. Temesaea aera—трубы и др. орудія, коими производили шумъ.

[3]) (Сила слова—Ав. П. Воззр. I 410—13, 423—7).

Digitized by Google

„Nox, nit, ...astra... princeps Hecate, ...Tellus
Auraeque et venti, montesque, amnesque, lacusque,
Dique omnes nemorum, dique omnes noctis adeste".
(Ov. Met. VII 180).

Сила слова можетъ быть поэтому чѣмъ-то зависимымъ отъ нравственной силы, съ которою произносится, или отъ сопровождающихъ его обрядовъ; но самостоятельность его видна въ томъ, что какъ бы ни могущественны были порывы молящагося, онъ долженъ знать, какое именно слово слѣдуетъ ему произнести, чтобы произвести желаемое. Съ тѣмъ, что извѣстныя слова имѣютъ особенную силу, связана таинственность, съ которою они переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Таинственная связь слова съ сущностью предмета неограничивается одними священными словами заговоровъ: она распространяется на многія слова обыкновенной рѣчи. Вліяніе ихъ условливается не интенціею говорящаго; не только неслѣдуетъ называть зла, потому что и само можетъ приключиться („Не зови зло, јер само може доћи" Ср. п. 193), но и съ самымъ невиннымъ намѣреніемъ, въ самомъ спокойномъ разговорѣ неслѣдуетъ поминать извѣстныхъ существъ, или, если рѣчь необойдется безъ нихъ, то обычныя и законныя ихъ имена нужно замѣнять другими, произвольными и неимѣющими той силы.

„Болѣзни, говоритъ Гриммъ, особенно если соединены съ ними чирьи или желваки (geschwüre und beulen) называютъ „ding", потому, что настоящаго имени боятся и неохотно его произносятъ" (Deutsche Wörterb. подъ сл. Ding). Такъ и у славянъ, какъ видно изъ слѣдующаго: Въ срб.: „Мање, више, свак има свог *врана*" (Срп. п. 175). (Ср. „każdy ma swego móla, cogo gryzie; луж. kóždy ma swoje hury); *врана*, говоритъ Караджичъ, поставлено вмѣсто *врага*, чтобы неупоминать этого имени, хотя здѣсь, прибавимъ, оно значитъ вовсе не чорти. Этимъ же можно объяснить между прочимъ, отчего въ врс. нарѣчія тикъ много названій чорта (напр.—шутъ, обломъ).

Digitized by Google

У Гуцуловъ рѣдко употребляются слова *нортъ*, *дідько*, потому что говорить эти слова—„*лихословити*“ [1]), а это „гріх великій“.— Вмѣсто этого—„*щезун*“, или выраженіе: „*він* (*v. тот*) *щез-би*“: „Яа він-щезби уздрів Јеву, тай петає...“ „На том місци мож индіти того-щез-би въ ночи...“ „*Він-щез-би* пішов та умив сі та й бридзнув позаздь себе з руа воду, а віттак ик сі обернув, та подивнв сі туди, ауди бридзнув водов, то издрів тілько там *тих-щезли-би*, кільао арапок води бридзнув“. (Тааъ созданы были черти, почему грѣхъ, умывшись, отрихивать съ руаъ воду, а ие обтирать, потому что, ато это дѣлаетъ, тотъ творитъ чертей).

„*Тот-старий-щезби* загадаи бути ше старшіщам від Бога... Паи-Біг мусів бити сі з *ним-щез-би*... Зачели *вни-щезли-би* аигелів перемагати...“ (Kolb. Pok. III, 81—3).

Если при дѣтяхъ упомяиешь про *жабу* (въ аакомъ бы нн было смыслѣ), то женщины, перебивая, говоритъ: „одгризла ти уши“ (Срп. п. 232). „Если ато при ребенаѣ произнесетъ слово *жаба* (жєба, чаще *шняка*=schnecke), долженъ прибавнть: „чеснок дитині під язиаом“, нначе у ребенка подъ языкомъ повнвится ранаа, иазываемая *жєба*“ (Kolb. Pok. III, 155).

Сербы говоритъ, что неслѣдуетъ спрашивать: „*куда* ћеш, *куда* си пошао, или *куда* сн паумно“, но вмѣсто этого: „ако Бог да?“—Если же ато, забывшись, спроситъ: *куда*? то нѣкоторые ему отвѣчаютъ: „идем у Кудиљево, да те скудим“. (Срп. п. 1).

Вопросъ *куда* почитается многими дурнымъ предвѣщаніемъ. Спрошенный отвѣчаетъ: „на кудыаину голову“, т. е. на голову спрашивающаго. Спрошенный при отъѣздѣ отложитъ поѣздку, а ѣдущій воротится назадъ. Многіе боятся произнести *куда*, находи въ немъ связь съ нечистою силою. (Терещ. VI, 17).

Быть можетъ слово неиравится за сходство съ *кýдити* —übel reden von einem calumnior (ср. мр. *чýдити*), аоторое быть можетъ значило и изурочить.

Когда моритъ народъ чума (моръ), по серб. *кýга*, представляемаи женщиною, какъ и во всѣхъ славянскихъ землихъ, тогда

[1]) Слово извѣстное и въ вост. мр. (Манжура, Сказки 113).

Digitized by Google

рѣдко кто назоветъ *кума*, но говоритъ, (какъ бы для того, замѣчаетъ Караджачъ, чтобы умилостивить ее), обыкновенно *кума* (русская „кума“).

Когда нехотятъ упоминать слова *вјештица*, venetina, вѣдьма особаго рода, въ родѣ вампира, тогда говорятъ *каменица*, должно быть, замѣчаетъ Караджачъ, съ заднею мыслью, чтобы окаменѣла.

Такъ а вмѣсто *вук*—волкъ говоритъ *каменак*, какъ бы для того, чтобы пасть ему окаменѣла и нерѣзала бы свота.

„Кто вечеромъ скажетъ слово *вовк* (чаще говорятъ „звірак“), тотъ долженъ прабавить „за морем му вечері, горєчий му камінь в зуба“, а не то ночью волкъ „зробить шкоду“. Вообще „негодитєі, гріх“ хищное или вредное животное, особенно вечеромъ по имени „загадувата“ (Kolb. Pok. III, 155).

„Кто „на свит-вечір“ назоветъ *мак* своимъ именемъ, тотъ небудетъ его ѣсть „з смаком“, а за то обсядутъ его блохи а будутъ кусать весь годъ. Нужно назвать напр. зерномъ“ (ib.).

Сказавши неумышленно одно изъ подобныхъ словъ, оговариваются:

Въ мрс.: „не приміраючи“, не перед ніччю згадуючи“ (не потому, чтобъ непристалось: это само собою, а потому что, такъ какъ ночь—время этихъ темныхъ существъ, то какъ бы ие „накликать бѣды“, произнося „протів—ночі“ нехорошія слова. Ср. „про вовка помовка, а вовк на дворі“; „про волка рѣчь, а волкъ навстрѣчь).

Руликовскій (Opis powieta Wasilkowskiego etc. Warsz. 1853, стр. 172), говоритъ, что если украинецъ, видя весною ключъ журавлей, скажетъ что это летятъ „веселики“ (серб *веселині*. Кар. Рјеч.), го уже и цѣлый годъ пройдетъ ему благополучно и *весело*; если же нечаянно выговоритъ настоящее имя *журавль*, то весь годъ будетъ *журиться*.

Сербъ говоритъ: „небуда примијењено“, когда въ разговорѣ сравнивается живой съ мертвымъ, счастливый съ несчастнымъ, напр.: „Покойный Марко былъ, не будь примѣнено, такого росту какъ ты; ударило его ядро, не будь примѣнено, вотъ въ это мѣ-

Digitized by Google

сто“ (Срп. пр. 195). Кавъ при доброй рѣчи говорятъ: „Из твојих уста у Божје уши“ (ib. 100); такъ, когда кто клянетъ другого, тотъ отвѣчаетъ ему: „Из уста ти у њедра (и из њедара око ребарн“, ib.). Предполагается какъ бы, что сказанное слово неминуемо должно имѣть свое дѣйствіе, такъ пусть же бѣда оно-шится на говорившенъ.

„Не слушај, Боже, што нас лаје“, говорилъ одинъ, который въ утро на Рождество, взявши орѣхъ, произносилъ такой заговоръ („врачао“): „кавъ этотъ орѣхъ полонъ, такъ пусть домъ будетъ полонъ всего, нмбаръ—зерна, воронъ („тор“—загородь для скота)—скота, подвалъ—вина и водки“ и т. д., и потомъ, разбивши орѣхъ, увидѣлъ, что онъ пустъ (ib. 209).

Впрочемъ и доброе слово оговариваютъ: послѣ похвалы прибавляютъ, чтобы не испортить: „небуди урова“, или „небудв уречено“ (ib. 194), и въ этомъ же смыслѣ, если кто, отъ кого этого неожидаютъ, скажетъ или сдѣлаетъ что хорошо, говорятъ: „Не чуј, Боже, на зло“ (ib. 212). *Beschreien*, incantare, wenn nämlich die Leute die Kinder loben und sagen nicht: „Gott behüte es“ oder „Gott helfe ihm“, als „das ist ein schön oder liebes Kind“, ohne zugesetzten Gedeihungswunsch“. (Gr. D. Wört. подъ этимъ словомъ, Myth. 387). Тождественно приведенному выше вопросу *куда* и слѣд.: „когда ищущаго что-нибудь, напр. травы для лѣварства, спроситъ кто: „что это такое?“ („што-ће ти“—на что тебѣ это), тотъ отвѣчаетъ: „Прије бво лијек иего ти запитао“. (Срп. пр. 262).

Ср.—Чудесную свирѣль рѣзать въ томъ мѣстѣ лѣсн, куда неслышно ни звона колоколовъ, ни врина пѣтуховъ, т. е. таинственное дѣло должно совершатьсн unbeschreien.

Тутъ уже не слово одно имѣетъ силу, а проявляется вѣрованіе общее всему индо-европейскому племени, по крайней мѣрѣ извѣстное у Грековъ и Индусовъ, что окружающія человѣка высшія силы завистливо смотрятъ на его счастье и дѣлаютъ наперекоръ его словамъ; пользуясь этимъ, тотъ, кто напр. ожидаетъ и боится непріятныхъ и страшныхъ сновидѣній, нарочно, чтобы

Digitized by Google

несинлось, ложась спать, говоритъ: „Синваће ми се ноћас“. (Срп. пр. 291)—будетъ же мнѣ сниться ночью.

И опять таки, повидимому удалнясь отъ вѣровинія въ силу слови, мы возвращаемся аъ ней: темныя силы во всякомъ случаѣ смотритъ имеино на слово, можно сказать даже устранин изъ виду мысль.

Говорятъ, что вјештица, аогда хочетъ летѣть, мажетъ себѣ подъ мышками извѣстною мазью (книъ и наши вѣдьма) и говоритъ: „Ни о три ни о грм“ (аустирникъ, анжется тоже колючій), „већ на пометно гумно“, гдѣ собириются вѣдьмы.—Вотъ разсказываютъ, что одна женщина, которая небыла вѣштицею, намазанишись этою мазью, вмѣсто: „ни о три, ни о грм“, сказала невзначий: „и о три и о грм“, и полетѣвши поразбивалась о встрѣчные предметы. (Кар. Рјечн. „Вјештица“).

„Зинхирь“—знающій *слово:* „Народъ привыкъ вѣрить, что непремѣнно въ кучѣ ихъ есть одинъ „зинющій слово“, могущій наслать бѣду, отвратнть успѣхъ въ предпринятомъ дѣлѣ, помѣшать свадьбѣ, испортить саотину, напустить болѣзнь ни семью, на село“ (Квит. „Зиахирь“ IV, 69).

Отъ слова станется: „Кад дијете неможе за дуго да проговорн, ћеаоји га метну у врећу, оставиаши му симо гливу на поље, ни га носе око куће. Iедан запити онога, аоји га иоси: „шти то носиш?“ а он му одговорн: „носнмъ врећу ријечи“. (Кир. посл. 226).—Ср. Мийковъ, Великор. Закл. № 86.

„Кад се пета *крух*, кажу да невала спомеиути ни погачу ни пригиницу, докле се год арух на пећи неизводи, јер погача и приганвца нијесу у авас, него у прнјесно, па за то ни ирух неби у ввас дошао“ (Рјеч.—„пећати“).

Сила клятвы: Кар. Пјес. I, № 368, №618, 731—3.

„Ia се, драга, на далеао каним,
Ни далеко гледат' дјевојака.
— Ајде, драги, пош'о наопако!
Колпао тв од овуди ступа,
Толиао ти отуда година!

Што ј'на теби зелена долама,
До недјеље зелена ливада!
Што ј'на теби кавад б'јеле свиле,
Створио се камен б'јеле ст'јене!
— Шале рекла лијепа дјевојка,
Шале реала, Бог истину даде..."

(онъ скоро умеръ) (Рајаов. С. н. п. 28—6).

— Суевѣры поставляютъ за великій грѣхъ выговорить въ постъ слово *мясо*, и когда случится въ разговорѣ, то приговариваютъ всегда: „помяни, Господи, на Свѣтлое Христово Воскресеніе" или „на Рождество Христово", т. е. тотъ день, въ который слѣдуетъ по постѣ томъ разговѣнье" (Абев. 293).

Лотыш. „Согласно съ предразсудкомъ *мясо* въ посту слѣдуетъ называть *биге*" (Ульманъ).

„Соболиные промышленники, бывая на снхъ промыслахъ, многихъ вещей неназываютъ своимъ именемъ, чтобы отъ упоминаемой вещи небыло въ ловлѣ несчастья" (Абев. 294).

Арх. *бе́зымень*—привидѣніе, двойникъ (во всемъ походитъ на человѣка, но лица неимѣетъ и потому носитъ на головѣ личину). (Подвысоцкій). Нѣтъ ли вѣрованія, что *имя*=душа?

Въ саазаѣ лисица со товарищи попала въ яму: „Сидять день, сидять два, захотілось ѣмъ ѣсти. Лисичка й каже: „давайте зъѣмо того, у кого погане мня. Лисичка-сестричка—добре; вайчна-Степанчиа—добре, вовчик-братік—добре, ведмідь—погане!"—узяли ведмедя и розірвали". (Манжура).

„Многіе полагаютъ, что (словесныя и вещественныя) предзнаменованія великихъ судебъ (событій) измѣняютъ свое значеніе отъ (сопровождающихъ) словъ" [„magnarum rerum fata et ostenta verbis permutari"] „Когда, рывши фундаментъ для храма на Тарпейскомъ холмѣ, нашли человѣческую голову,—по этому поводу послали пословъ къ знаменитѣйшему этрускому предсаазателю Олену Калену. Онъ, видя въ этой находкѣ знакъ славнаго и счастливаго будущаго (именно, по Ливію: „eo loco caput rerum summamque imperii fore"), попытался вопросами перенести этотъ знакъ на свой на-

Digitized by Google

тельно—v. читать „notabiles“—ихъ примѣта то, что...), quod pupillas binas in singulis habeant oculis. Hujus generis et feminas in Scythia, quae Bithyae vocantur, prodit Apollonides. Phylarchus et in Ponto Thibiorum genus, multosque alios ejusdem naturae, quorum notas tradit in altero oculo geminam pupillam, in altero equi effigiem.—(Delusum nonnulli Plinium (vel Phylarchum) ambiguitate graecae vocis ἵππος, quae non equum modo significat, sed et insitum oculo vitium, quo subinde tremulus nictat, semper instabilis).—

Easdem praeterea non posse mergi, ne veste quidem degravatas.... Feminas quidem ubique (повсемѣстно) omnes visu nocere, quae duplices pupillas habeant, Cicero quoque, apud nos auctor est. Adeo naturae, quum ferarum morem vescendis humanis visceribus in homine genuisset, gignere etiam in toto corpore et in quorundam oculis quoque venena placuit, ne quid usquam mali esset, quod in homine non esset. (Pl. VII, 2).

Человѣкъ въ зрачкѣ—душа. „In oculis animus habitat, Pl. XI 54 уже въ томъ смыслѣ, что въ глазахъ выражаются душевныя движенія). Отсюда: „Augurium ex homine ipso est, non timendi mortem in aegritudine, quamdiu oculorum pupillae imaginem reddant. (Pl. H. N. XXVIII, 17).

Аналогично съ этимъ вѣрованіе, что отсутствіе тѣни—предвѣстіе близкой смерти.

— Если признана двойственность человѣка (самъ и душа), то близко заключеніе, что душа, сущность, подобіе человѣка—во всякомъ его выдѣленіи.

Человѣкъ въ семени: „Venerem damnavit Democritus, ut in qua (venere, во время совокупленія) homo alius exiliret ex homine. (Pl. H. N. XXVIII, 16).

Отъ совокупленія рождается новый человѣкъ. „Equarum virus a coitu in lychnis accensum Anaxilaus prodidit, equinorum capitum usus reprаesentare monstrifice; similiter ex asinis. (Pl. H. N. XXVIII, 49). (Если caput equinarum=equus, equa, а *usus*—совокупленіе, то=Анаксилай разсказываетъ, что кобылья слизь послѣ случки, зажженная въ свѣтильникѣ, чудесно представляетъ

Digitized by Google

коасаую случау; тоже отаосительао ослоаъ). И далѣе: „Nam hippomanes tantas in veneficio vires habet, ut adfusum aeris mixturae in effigiem equi Olympiae, admotos mares equos ad rabiem coitus agat“ (ib.).

Моча человѣка—двойника самою: „In urina virili enecata lacerta venerem ejus (=qui aquam fecerit) inhibet, nam inter amatoria esse (lacertam) magi dicunt“ (Pl. XXX, 43).

„Qui in urinam canis suam ingesserit, dicitur ad venerem pigrior fieri, (ib.).

Мѣсячное—двойника самой: „Addunt etiamnum alia magi, quae si vera sint, multo utiliores vitae existumentur ranae, quam leges (смеаао „da adulteriis“). Namque arundine transfixa natura (sc. pudenda ranae) per os (если очеретиной проткауть лягушку насавозь, таак чтобъ очеретиаа вошла аъ полоаыа части, а аыпла ртомъ), si surculus (эта очеретана) in menstruis defigatur a marito, adulterium taedium fieri (что женѣ прелюбодѣяаіе будетъ противао). Plin. (XXXII, 18).

Мѣсачаое убиваетъ васѣкомыхъ и растеаіа. (Въ числѣ прочихъ чудесаыхъ дѣйстаій): „Si nudatae (menstruales) segetem ambiant, erucas ac vermiculos scarabeosque ac noxia alia decidere. Metrodorus Scepsius in Cappadocia inventum prodit ob multitudinem cantbaridum. Ire vero per media arva, retectis super clunes vestibus. Alibi servatur, ut nudis pedibus eant, capillo cinctuqua dissoluto. Cavendum, ne id oriente sole faciant, *sementem* enim arescere. Item novellas vites ejus (menstrui) tactu in perpetuum laedi, rutam et bederam, rea medicatissimas, illico mori.... Certum est, apes, tactis alveariis fugere... [1]) (Pl. XXVIII, 23).

„In primis pracipitur, ut lauti purique eximant mella; et *furem* (ср. наказ. за кражу пчелъ) mulierumque menses (.....) odere, Pl. XI, 15.

„Bithus Durrachenus: habetata adspectu (mulierum, quae profluvio soli laborant) specula recipere nitorem tradit, iisdem aversa

[1]) „Уроки нападають на бджолу, як жінка в місячним пройде через пасіку або поуз пасіку“. (Екатерин. губ. Манжура). За пчолами ходять только старыя женщины (въ Мр.).

Digitized by Google

rursum contuentibus (если посмотрятъ съ азнанка).... Multi vero inesse etiam remedia tanto malo (ajunt).... Lais et Salpe canum rabiosorum morsus et tertianas quartanasque febres menstruo in lana arietis nigri argenteo brachiali incluso; Diotimus Thebanus—vel omnino vestis ita infectae portiuncula, ac vel licio, bracchiali inserto... Inter omnes vero convenit, si aqua potusque formidetur (=пра водобоазни отъ укушенія) a morsu canis, supposita tantum calyci (если подложатъ подъ чашу) lacinia tali, statim metum eum discuti: videlicet praevalente sympathia illa Graecorum (аменно въ силу такъ называемой грекама сямпатіи), quum rabiem canum ejus sanguinis gustatu incipere dixerimus. (Pl. XXVIII, 23).

Близнецы: „Если они стояла рядомъ, то ахъ нетрудно было отличять: Малахій былъ пониже, похудощавѣе, поблѣдиѣе лицомъ; но порознь никто почти ихъ неразличалъ. Народъ утверждалъ, что если хорошенько вгладѣться въ старшаго, въ Ефрема, то за нимъ всегда стоялъ и Малахій; что даже изъ глазъ Ефрема, если въ нихъ пристально всматрѣться, выглядывалъ на глубинѣ зрачка братъ его Малахій. Эта странная сказка была какъ-то сплетена съ общимъ у насъ народнымъ повѣрьемъ, что въ глубинѣ глаза каждаго человѣка сидитъ другой, почему и самый зрачокъ иногда называется человѣчкомъ". (Даль. Соч. I, 255—6, изд. Вольфа).

„Деньщикъ увѣралъ, что, стоя въ передней и заглядывая въ двери, онъ видѣлъ,... что близнецы Таганцевы то сходлась вмѣстѣ и сплавлялись въ одного человѣка, то опять раздваивались и даже расходились на-трое; что третій близнецъ былъ еще менѣе, сухощавѣе и блѣднѣе второго" ib. 258—9.

На праздникѣ былъ только старшій, но „народная молва утверждала послѣ, что и другой братъ ходилъ всюду слѣдомъ за первымъ, подавалъ ему пистолеты, сажалъ прямо изъ руки пулю въ цѣль, а когда близнецъ убилъ въ лету кукушку, то народъ увѣрилъ, что какой-то чертенокъ держалъ ее вплоть передъ нимъ, растянувъ за крылья", ih. 273.

— Человѣчекъ въ зрачкѣ—то что видитъ. Поэтому въ заговорѣ отъ бѣльма: „Ѣхав св. Юрій на вороному коні, на золотому

Digitized by Google

сідлі, золотою нагайкою погона. За ним бігло три пси: один білий, другий червоний, третій чорний: білий біжить більма зобати, червоний арови хлоптати, а чорний біжить человічка въ око вставлятн", (Манж. Куп. у 150).

Хоробрецъ. „Только было встала, чтобъ умываться, такъ и хлобыстнулась на постелю... Я постояла около нихъ миненьао, смотрю — точно хоробрецъ у нихъ въ горлышкѣ начинаетъ ходить... (передъ смертью)—Писем. „Въ водоворотѣ").

Собранныя у Плинія (XXVIII, 7) случаи употребленія слюны и сплевыванья, по всей вѣроятности, различны по происхожденію. Мы различаемъ:

I. Случаи, основанные на вѣрѣ въ ядовитость слюны, можетъ быть, связанные съ другими вѣрованіями, но б. м. объяснимые независимо отъ этой связи.

„Hominum... jejunam salivam contra serpentes praesidio esse docuimus..." (выше XXVIII, 7). „Marcion Smyrnaeus... rumpi scolopendras marinas sputo tradit, item rubetas (=ranos); Opilius, serpentes, si quis in hiatum earum exspuat", ib. Ср. „Morsus hominis inter asperrimos... numeratur" (Pl. XXVIII, 8. Однако ср.: „Vipereas rumpo verbis et carmine fauces", (V. Ecl. VIII, 68—сл.).

„Credamus ergo (иронически) lieteuas leprasque jejunae (salivae) illitu assiduo arceri [1]); item lippitudines (зааисаніе глазъ) matutina quotidie velut inunctione; Carcinomata malo terrae (раст. aristolochia) subacto (смѣшан съ...) cervicis dolorem saliva jejuni dextra manu ad dextrum poplitem relata, laeva ad sinistrum;..... si quod animal aurem intraverit, et inspuatur, exire (ib.).

— Слюна *ядовита*, она *подобіе* человѣка: „Хто хоче „збавити" (погубить) христіянина, тотъ пра аруговой выпьетъ чарку водки до дна, потомъ незамѣтно „заверне з рота" немного, дольетъ изъ пляшки до полна и подастъ тому, на кого зло мыслитъ. Если бъ этотъ незамѣтилъ и выпилъ, то черезъ нѣсколько ча-

[1]) „Показать лишай слюнями натощакъ", Даль.

Digitized by Google

совъ сошелъ бы со свѣта, потому что это сильный ядъ. Разскащикъ говорилъ, что ему разъ дали такую чарку. „Але я дивлю сі, а в тім кілімку на горівці зверхі стало таке, як би трошкі харків (вібачте), а потім як протігло сі від вирхи аж до спода, так стало рівно як стрівка на самій сирдині, а потім зийшло сі до купи в вробили сі голова, ружи, ноги, як має бути, в як бим був то ту горівку віпив, та й був-бим уже з світом пожигнав сі" (Kolb. Pon. III, 136).

Снимая мотокъ съ мотовила, поплевать на него: „Тфу, мотовило, абис голе неходило"—иначе умретъ снявшая мотокъ, и мотовило останется голымъ ib. 150.

Выливая послѣдній укропъ изъ „зольницу", плюнуть въ нее, иначе бѣлье непозолится (не выпарится, какъ слѣдуетъ), ib.

II. (*Случаи образца*)=„Тьфу, слинко, ти ся забий, а я ні. (Тьфу на твою голову!):

„Despuimus comitiales morbos, hoc est contagia regerimus" (Pl. XXVIII, 7).—Къ этому мѣсту комментаторы: обычай отплевываться отъ болѣзней упоминается у Плавта и др. лат. авторовъ.

Theophrast. in Char. de superstitioso; *μαινόμενον τε ἰδὼν ἢ ἐπίληπτον, φρίξας εἰς κόλπον πτύσαν*=rabiosum intuens aut comitialem, horrescens in sinum despuit.

„Simili modo et fasciationes repercutimus dextraeque claudicatis (=si quis occurrat dextro pede claudus) occursum. Veniam quinque a deis spei alicujus audacioris petimus *in sinum* spuendo [1]). Etiam eadem ratione (по той же причинѣ) terna despuere praedicatione (при троекратномъ произнесеніи заговора) in omni medicina (при всякомъ лѣченіи, при употребленіи всякаго лѣкарства) mos est atque ita effectus adjuvare.... Inter amuleta est, editae quemque urinae inspuere; similiter in calceamentum dextri pedis, antequam induatur; item, quum quis transeat locum, in qua aliquod periculum adierit... Salpe (лѣкарка) torporem sedari quocunque membro instupente (когда начинаетъ терпнуть), si quis *in sinum*

[1]) Къ этому греческая пословица: „εἰς κόλπον οὐ πτύει". Ἐπὶ τῶν μεγαλαύχων (о хвастунахъ); spes audacior=spes improba.

Digitized by Google

exspuat, aut si superior palpebra saliva tangatur. Nos si haec, et illa credamus rite fieri ; extranei interventu, aut si dormiens spectetur infans a nutrice terna adspui, quamquam illos (infantem et nutricem) religione tutatur et Fascinus (membrum virile collo infantis appensum) imperatorum quoque, non solum infantium custos, qui deus inter sacra romana a Vestalibus colitur, et currus triumphantium sub his pendens, defendit medicus invidiae, (Pl. XXVIII, 7).

In sinum spuere ср.: „Osthanes contra mala medicamenta omnia promisit auxiliari, matutinis horis suam cuique (*urinam*) instillatam in pedem, (ib. 19).

Плевать въ руку, собираясь ударить или взяться за тяжелую работу: „Quidem vero aggravant ictus ante conatum, simili modo saliva in manu ingesta, (ib. 7). Ср. Grimm, Myth. 1056.

Болѣзнь передается вмѣстѣ со слюною: наплевавши въ ротъ древесной лягушки и пустивши ее, человѣкъ освобождается отъ кашля. (Pl. XXXII, 29).

Нынѣшняя медицина понимаетъ подъ зараженіемъ (contagio, infectio) переходъ частицъ больаого организма въ здоровый и измѣненія послѣдняго, происшедшія отъ этого перехода. Ослабленный ядъ, привитый здоровому, считается предохраательнымъ средствомъ. Пріемы древней медицины, напоминающіе предохраательную или лѣчебную прививку, основаны на другомъ началѣ: 1) зараженіе есть переходъ души зараженнаго или его душеобразаой болѣзна въ здороваго; 2) лѣченіе состоитъ въ приближеаіи къ больному (разными способами, между прочимъ наузами, зрѣніемъ) того, отъ чего происходитъ болѣзнь, но по началу „pars pro toto", вм. яда — что-либо собачье а за укусившую собаку отвѣчаетъ любая особь собачьяго рода, подобно тому, какъ месть простирается аа весь родъ виновиаго:

„In canis rabiosi morsu tuetur a pavore aquae, capitis canini cinis illitus vulneri... Aliqui vermem a cadavere canino adalligavere, *menstrua* ve canis in panno subdidere calici, aut intus ipsius caudae pilos combustos insuere vulneri... Tanta vis mali est ut urina quoque calcata rabiosi canis noceat, maxime holcus habenti-

Digitized by Google

bus... Minus hoc miretur, qui cogitet, lapidem a cane morsum... in proverbium discordiae venisse" (что объясняютъ такъ, что о сварливомъ говорилось: „hic lapidem calcavit a cane morsum). „Qui in urinam canis suam egesserit torporem lumborum sentire dicunt" (п. ч. потерялъ часть своей души) (Pl. XXIX, 32).

Собачій хаостъ: Ср. Muraenam... animam in cauda habere certum est, eaque icta celerrime exanimari, at capitis ictu difficulter, (Pl. XXXII, 5).

Т. о. вліяніе губаи аа тѣло объясняется тѣмъ, что она смѣшиваетъ свою душу съ вашею: „Nec usquam (аи въ одномъ существѣ) diutius durare spiritum medici affirmant" (quam in spongiis). „Sic et prodesse corporibus, quia nostro (animo) suum misceant, et ideo magis recentes magisque humidas, sed minus in calida aqua minusque unctas, aut unctis corporibus impositas; et spissas minus adhaerescere" (потому что въ вихъ духа меаьше (Pl. XXXI, 47).

Hic lapidem calcavit a cane morsum. Кто хочетъ ваести раздоръ въ семью, тотъ высмотритъ, гдѣ грызутся собаки, розжеаетъ ахъ и аозьметъ съ того мѣста немного „перстя", примѣшаетъ къ ней „грави" (жару, горящахъ угольевъ—тоже образъ гнѣва), подержитъ это у себя сутки, потомъ „до схід соаці" обсыплетъ этимъ хату, и стааетъ въ аей „гразота" межъ людьми, какая была межъ собаааами, (Kolb. Pokucie III, 139).

Ѣсть сердце врага (чтобъ боялись)=амѣть при себѣ. Сюда—скальпы. Ср.:

„Cor caninum habentem fugiunt canes. Non latrant vero, lingua canina in calceamento subdita pollici" (Pl. H. N. XXIX, 32).

„Non latrari a cane membranam ex secundis canis habentem (собачій послѣдъ) (Pl. XXX, 53).

„Gallinaceos (куры) non attingi a volpibus, qui jecur animalis ejus (=vulpis) aridum ederint, vel si pellicula ex eo (jecore?) collo inducta galli inierint (если пѣтухи съ кожацей на шеѣ топчутъ куръ). Similia in felle mustelae" (тоже—относительно желчи ласокъ) (Pl. XXVIII, 81).

Digitized by Google

„Lupos in agrum non accedere, si capti unius pedibus infractis (поломавши ноги) cultroque adacto (ударивши) panlatim sanguis circa fines agri spargatur, atque ipse (lupus) defodiatur in eo loco, ex quo coeperit trahi", (ib.).

„Mustelae cinis si detur in offa (въ камышкѣ) gallinaceis pullicineis et columbinis, tutas esse a mustelis". (Pl. XXX, 50).

Кровь-душа. Ἐπιληψία, morbus comitialis, разсматривается, канъ одно изъ состояній, когда „берется", отнимается у кого-либо душа. Ср.: „Quos linquit animus aut quorum alienatur mens". (Pl. XXX, 16)=кто падаетъ въ обморокъ. Отсюда отъ падучей—пить кровь: „Sanguinem quoque gladiatorum bibunt, ut viventibus poculis, comitiales morbi, quod spectare facientes in eadem arena feras quoque horror est. At, hercule, illi ex homine ipso sorbere efficacissimum putant calidum spirantemque, et ipsam *animam* ex osculo vulnerum, quum (между тѣмъ какъ) plagis (къ ранамъ) ne ferarum quidem admoveri ora fas sit humana. Alii medullas crurum quaerunt et cerebrum infantium. Nec pauci apud Graecos singulorum viscerum membrorumque etiam sapores dixere, omnia persequuti ad resegmina ungnium, quasi vero sanitas videri possit, feram ex homine fieri morboque dignum in ipsa medicina (какъ будто можно смотрѣть на здоровье, когда человѣкъ становится заѣремъ и достойнымъ болѣзни въ силу самого лѣкарства), egregia, hercule, frustratione, si non prosit (превосходная [ирония] отибка, если непоможетъ). Adspici humana extra nefas habetur; quid mandi? Quis ista invenit (невѣроатныя вещи?)... Quis invenit singulo membra humana mandere? Qua conjectura inductus? Quam potest medicina ista originem habuisse? Quis veneficio innocentiora effecit, quam remidia? (кто сдѣлалъ, что самые яды невиннѣе лѣнарствъ?). Esto, barbari externique ritus invenerint; etiamne Graeci suas fecere has artes? Exstant commentationes Democriti, ad alia—noxii hominis (преступника) e capite ossa plus prodesse, ad alia—amici et hospitis. Iam vero vi interempti dente gingivas in dolore scarificari Apollonius efficacissimum scripsit, Miletos—oculorum suffusiones felle hominis sanari. Artemon calvaria interfecti,

Digitized by Google

neque oremati, propinavit aquam e fonte noctu comitialibus morbis. Ex eadem (calvaria) suspendio interempti (висѣльника) cataplotia (пепломъ) fecit contra canis rabiosi morsus. Antaeus. Atque etiam quadrupedes (вввят.) homines (имен.) sanavere contra inflationes boum". (Pl. XXVIII, 2).

— Сюда сказочные мотивы: змѣй одноголовый, чтобы сладить съ богатыремъ, который его сильнѣе, пьетъ кровь убитыхъ этимъ богатыремъ змѣевъ трехголоваго и двѣнадцатиголоваго (Маньжура).

Кто съѣстъ крыльце утки, несущей драгоцѣнныя яйца, становится царемъ или получаетъ способность находить у себя каждое утро подъ подушкой золото. Чтобы присвоить себѣ это свойство, врагъ хочетъ съѣсть печень съѣденаго утку (ib.).

Сюда—о куриць несущей золотыя яйца и жадномъ.

„Sanguis... Magna in eo vitalitatis (живаенности) portio; emissus spiritum secum trahit (Pl. XI, 90).

„Плоть съ душею ея, съ кровью *ея*, неѣшьте. Я взыщу и вашу кровь, въ которой живнь ваша, взыщу ее отъ всякаго звѣря, взыщу также душу человѣка отъ рука человѣка, отъ рука брата его" (Быт. IX, 4—5).

„Въсемоу животоу бесловесноуму д҃ша есть кръвь, рече сътворивъ все Б҃огъ, невела кръве скотиѣ части". (I. Экз. Шестодн. 196, 2). „Чл҃ска бо д҃ша въдоушевена творьцемъ, а скотия и птица—кръвь и плъть есть отъ земле и отъ воды" (ib. 186, 3).

Чары на слѣдъ. Слѣдъ есть подобіе, т. в., при господствѣ дуалистическаго міросозерцанія, двойникъ вещи, самъ вещественный. Отсюда чары на дерн, вырѣзанный изъ-подъ ноги, на слѣдъ.

„Clavum ferreum defigere (забить), in quo loco caput primum defixerit (куда впервые угнала голова) correens morbo comitiali, absolutorium ejus mali dicitur". (Pl. M. N. XXVIII, 17). Т. е. по нѣмецкому повѣрью, если забить гвоздь въ овѣжій слѣдъ лошадиваго копыта, то лошадь охромѣетъ. (Gr. Myth.[2] 1047).

Digitized by Google

— Болѣзань—двойнакъ, а такъ кааъ часть раздѣляетъ свойства цѣлаго, то она можетъ перейти въ обрѣзан ногтей и проч. и быть удалена вмѣстѣ съ нима:

„Ex homine si quidem resegmina unguium e pedibus manibus que cera permixta, ita ut dicatur tertianae vel quotidianae vel quartanae febri remedium quaeri, ante solis ortum alienae januae affigi jubent, ad remedia in iis morbis; quanta vanitate, si falsum est? quantane e noxia, si transferunt morbos? Innocentiores ex bis (= которые совѣтуютъ тааін средстна) omnium digitorum resegmina unguium ad cavernas formicarum abjici jubent, eamque quae prima coeperit habere correptam subnecti collo (= similia similibus), ita discuti morbum (Pl. XXVIII, 23).

— Когда выйдет парубоа изъ хаты дінка бере „того сліда“ а бросаетъ его „w biegunu drzwi“ или завѣсы, чтобы онъ бѣгалъ за нею, кааъ бѣгаютъ двери на бѣгунахъ (Kolb. Pok. III, 141).

Для налѣченія ребенка отъ вспуга, просверлаваютъ въ дверной пратолонѣ на высотѣ роста ребенка дырочку, срѣзываютъ у больного на иресть нѣсколько волосаовъ, обрѣзываютъ у аего на рукахъ и на ногахъ ногти, кладутъ волосы и ногта въ дырочку и забиваютъ ее осиновымъ колышиомъ. Когда дитя переростетъ дырочау, испугъ пройдетъ (П. Иванонъ, Куп. у.).

Ав. Са. II, № 29—„Царевичъ-новленочекъ“, ib. IV, № 45: „Сестрица Аленушка и братецъ Иванушка“.—Бѣгутъ (отвуда-то спасаясь) сестра съ маленьанмъ братомъ. „Стоитъ коровье копытце полно водицы. „Сестрица Аленушка, хлебну я изъ копытца?“— Не пей, братецъ, теленочаомъ синешься“. Дальше лотадиное копытцв.—Не пвй, жеребеночкомъ станешь. Далѣе „баранье копытце“. Онъ выпилъ и обернулся баранчиаомъ. Тамъ же вар. Оленушка: „Охъ, братецъ.... я кольчико-то забыла въ земланнѣ (у Яги) на окошечаѣ; поди возьма, да смотри, нелижи аоаланаго сальца, что на лавочкѣ лежатъ“. Онъ лизнулъ и сдѣлалсв козломъ.

— Романовъ, Бр. сб. в. III, № 47—два варіанта прввращенія въ барана: отъ туку змѣи (?), и отъ воды авъ бараньяго копытца.

Digitized by Google

— Н. Беговић, С. и. п. I, стр. 54 и сл. (№ 32)—Королевсаія дѣти, старшаи сестра и меньшій братъ, взяты въ плѣнъ турками и бѣгутъ изъ Цареграда, безъ хлѣба:

— „Налазили стопу од тичице
И у стопи иешто воде било.
Жеђан Миле (Михаилъ) сеји говорио:
„Ево сестро лаћане водице,
Оћу пити или умирати!“....
— Не мој брате, жарко суице моје,
Створићеш се у малу тичицу;
Свагда ј' ова гора виловита.
Што би твоја без тебе сестрица?
Јашу даље, гором иапредују
Па иалазе волујску стопицу,
У стопици лаћаие водице.
Опять сестра:
Створитеш се у малог вочица“.

Этимъ мотивомъ пѣсни воспользовалась только для изображенія трудностей пути. Затѣмъ они выѣзжаютъ на поле къ женцамъ и королевому двору. Король на радостихъ между прочимъ строитъ церковь „иа Кремеау“.

Мертвое тѣло сохраняетъ свойства живого:

„Списокъ съ ивленія чюдотворца Василія Моигазейсааго города“ (XVII в. Пам. др. письм. LXXIX, 1889 г., 15—6):

„И бысть отъ чюдотворцова гроба гласъ мнѣ миогогрѣшиому черицу глаголющъ: „досмотри ты меня ныиѣ во гробу моемъ, что положили мя мучена съ наруганіемъ всего скорчена, и глава моя преклонена въ углу отъ полуденныя страны къ лѣвому плещу, да отъ сѣверныи страны нижния доска гробовая отсѣла иа землю накось, а отъ полуденныя страны у тое доски край высокъ, да отъ сѣвериыя же страны что долгаи доска раскололась, и та пала иа нозѣ мои, и мнѣ ныиѣ гораздо нужно и скорбно, лежать иемочно отъ такового истесиѣнія въ томъ моемъ гробу“.

Digitized by Google

— *Шапка - голова.* (Юридическій обычай шапки пристанлять)—„Шапин негодитьси вертіти на руці: голова болітиме„ (Куп. у. Харьв. губ.)—„Жіпці негодиться надівати шапки: коса неростиме" (ib.).

Познаніе міра есть вмѣстѣ познаніи нашего *я*. Чтобы дойти до понятія о нашемъ *я*, какъ измѣнчивомъ *явленіи*, нуженъ длинный извилистый путь, моменты которого суть вмѣстѣ моменты міросозерцанія. Путь этотъ можно представить спиралью, идущею отъ центра. Мѣрило всему есть человѣкъ, т. е. его наблюденія надъ собою. Понятія о причинахъ явленій внѣшней природы есть перенесеніе во внѣ и приспособленіе наблюденій надъ причинами въ области личной жизни, въ области *я*, а *я* познаетъ себя въ своихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ.

Рядъ наблюденій и опытовъ надъ этими обнаруженіями неизбѣжно (какъ показываетъ распространенность, всеобщность этого явленія) приводитъ человѣка къ сознанію двойственности и тройственности своего существа, къ раздѣленію себя на *себя* (человѣка) и двойника, тѣнь, душу, долю (ангела-геніи). Таковы наблюденія:

1) надъ *тѣнью* (отсюда—названіе душъ тѣнями, греч. *σκιαί*), Спенс., Осн. соц. I, 128—30. Если тѣнь = душа, то понятнымъ становится: „Magi vitant ejus (urinae) causa contra solem lunam que nudari, aut umbram cujusquam ab ipso respergi" (Pl. H. N. XXVIII, 19);

2) надъ *отраженіемъ въ водѣ* (фиджійцы вѣрятъ, что у человѣка два духа: темный—тѣнь и свѣтлый, Спенс. ib. 131—2);—*въ зрачкѣ* (человѣчекъ);

3) надъ *эхомъ* (ib. 133—вѣрованія нѣкоторыхъ американскихъ народовъ, что это—голосъ духа умершаго);

4) надъ *сновидѣніями*, когда человѣкъ, оставаясь неподвижнымъ и съ закрытыми глазами, видитъ и слышитъ отдаленное и прошедшее, имѣетъ свиданія съ умершими и т. п. (ib. 146 и слѣд.)[1]);

[1]) „Слабыя состоянія сознанія, которыя днемъ затемняются живыми состояніями сознанія, становятся навязчивы ночью, когда глаза закрыты и другія чувства притуплены. Тогда субъективныя дѣятельности ясно открываются передъ нами, какъ звѣзды при отсутствіи солнца" (ib. 156).

Digitized by Google

б) надъ *болѣзненными состояніями*, когда нѣкоторыя функціи, какъ дыханіе, сердцебіеніе, временно превращаются, какъ столбнякъ, обморокъ, летаргія (сказанія о замиравшихъ), экстазъ (когда человѣкъ выходитъ изъ себя), восторгъ (ib. 158 и слѣд.). Отсюда представленіе души—дыханіемъ, воздухомъ, сердцемъ (ib. 190—3).

Въ силу упомянутой выше конкретности мышленія, первоначально такое раздвоеніе человѣческаго существа есть механическое дробленіе, такъ что напр. по смерти часть жизни остается при тѣлѣ, оно способно чувствовать тяжесть земли, ѣсть, пить и т. п., а двойникъ—душа отходящая къ отцамъ представляется чѣмъ-то тѣлеснымъ (человѣчкомъ и т. п.), стало быть, въ свою очередь раздѣлимымъ на тѣло и душу. И если такое дробленіе непредолжается въ безконечность, и если напр. у нѣкоторыхъ дикарей, полагающихъ, что нѣкоторыя души умершихъ съѣдаются богами, не возникаетъ вопросъ о судьбѣ этихъ съѣденныхъ душъ, то это объясняется лишь тѣмъ, что мысль первобытнаго человѣка скоро устаетъ на этомъ пути (Спенс. ib. 117) [1]).

Далѣе установленіе разницы между *я* и его болѣе тонкою сущностью (ib. 196—7); по мѣрѣ установленія двойственности вещей происходитъ и отвлеченіе, ибо во второй болѣе тонкой половинѣ вещей недостаетъ нѣкоторыхъ признаковъ первой.

Первобытный человѣкъ, какъ и высшія животныя, первоначально несмѣшиваетъ живого, движущагося съ неживымъ (Сп. ib. 143—5), вѣрованіе въ души растеній и неодушевленныхъ предметовъ достигается лишь на извѣстной ступени развитія и есть умозаключеніе отъ человѣческихъ тѣней и душъ (ib. 145, 155, 192—5).

Т. о. въ силу заключенія отъ ближайшихъ къ человѣку явленій, какъ тѣнь и движеніе, но мѣрѣ расширенія круга ин-

[1]) „Повѣрите ли, говаривалъ Романъ Тихоновичъ, въ прежнее время были такіе силачи, что завернетъ кольцо въ землю и вертитъ ее около себя?“ Мы несмѣли, возражали товарищи, потому что увѣрены, „невѣдь того выдумать, чего небыло прежде“. Но на чемъ же стоялъ тотъ человѣкъ, который землю вертѣлъ около себя?—„Ужъ на чемъ же нибудь стоялъ“, такъ утверждалъ Р. Т. недовольный возраженіями...“ нельзя нестоять особо на чемъ, когда землю вертѣть. Да такой сильный человѣкъ и безъ насъ выдумаетъ, на чемъ стать ему“ (Кв.[2] III, 272).

Digitized by Google

блюденій, міръ представляется вдвойнѣ, какъ вдѣшній и тамошній. (Отриженіе неба въ водѣ, захожденіе и восхожденіе свѣтилъ).— Это—симметрическое построеніе міра, опраллелизмъ міросозерцанія.

Возвращаюсь къ значенію изображеній. Человѣкъ, который долженъ приписывать жизнь своей тѣни, неможетъ неприписать ее своему изображенію. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого является поклоненіе изображеніямъ предковъ и боговъ (идолопоклонство); вѣроятніе, что изображеніе отнимаетъ часть жизни у оригинала (Сп. I, 336), и что власть надъ изображеніемъ даетъ власть надъ изображеннымъ, откуди чары надъ изображеніемъ, сдѣланнымъ изъ глины, воску и пр. [1]), надъ портретомъ (ib. 261, 263, 336).

„Краснокожіе думаютъ, что художникъ пріобрѣтаетъ какую-то таинственную власть надъ тѣмъ, кого срисовываетъ. Чѣмъ болѣе портретъ сходенъ съ оригиналомъ, тѣмъ хуже, потому что такое сходство можетъ быть достигнуто только въ ущербъ оригиналу.... Оригиналъ долженъ будетъ пострадать, если нанесенъ будетъ вредъ портрету. Нѣкто Кетлинъ разсказываетъ, что онъ нарисовалъ Махрочигу, вождя изъ племени Сіу въ профиль. Индіецъ „Собака" сказалъ М—ѣ: „Англичанинъ знаетъ, что ты получеловѣкъ, потому что нарисовалъ половину твоего лица". Эта насмѣшка вызвала поединокъ, въ коемъ Микрочиги палъ. Пуля оторвала именно часть лица, которой недоставало на портретѣ. Вслѣдствіе этого „Собина" и его братъ убиты, а Кетлину едва удалось спастись бѣгствомъ (Леббокъ, Доист. врем., М. 1876 г. 473).

„Увѣряли, будто каждый человѣкъ, съ кого близнецы (Тигинисы) снимали (дагерротипный) портретъ, непремѣнно заболѣвалъ и приводили этому множество примѣровъ, по которымъ, конечно, невсегда можно было наводить справки"....

Одни прижвалка говорили: „вѣдь это дѣло богопротивное: поличія человѣческаго, кромѣ ликовъ святыхъ, писать нельзя, да

[1]) Чары—извѣстные уже древнимъ (Феокриту, Виргилію, Горацію) и идущія почти до нашего времени (Grim. Myth.[3] 1045—7). Вмѣсто воскового изображенія можетъ служить восковая *свѣча*, отождествляемая посредствомъ слова съ лицомъ, которое чарують („О нѣкр. снив." 32—3). Эти чары, какъ поэтическіе образы, вошли въ христіанскую молитву („Яко исчезаетъ дымъ да исчезнутъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да исчезнутъ бѣсы отъ лица любящихъ Бога").

Digitized by Google

и не съ добрымъ умысломъ это дѣлается. Надъ поличьемъ твоимъ, все одно, что надъ слѣдкомъ, либо надъ волосками, коли худой человѣкъ что худое задумаетъ—сдѣлаетъ. У насъ въ Богородскомъ уѣздѣ.... разъѣзжалъ аааой-то фармасоиъ.... аастоящій к въ бѣлой пухоиой круглой шлапѣ. Разъѣзжаетъ себѣ, словно добрый какой, а самъ въ свою вѣру обращаетъ и миого даритъ золотомъ за то, а еща больше сулитъ впередъ. Вотъ ато согласится, того а закабалитъ себѣ а запишетъ въ аиигу свою.... да поличіе съ иего и сыметъ: тааи словао живой сидитъ, весь тутъ, тольао что въ бѣлой шлапѣ иапишетъ; да еще развѣ вотъ, что души нѣтъ: а привяжетъ и душу. Запишетъ и денегъ дастъ, а поличіе увезетъ съ собой; а кааъ тольао ато опять отаиается отъ фармасоаской вѣры, да поаается, тааъ онъ.... поличіе-то поставатъ, а самъ бѣлую шляпу ооать иа себв иадѣиетъ да азъ пистолета ему бѣлу грудь и прострѣлитъ; какъ прострѣлитъ, такъ тотъ челоаѣаъ хоть за тысвчу верстъ будь, Богу душу и отдастъ" (Даль, Соч. I, 281—2). *Куколка куку* въ сказкѣ.

„Тешко сеји, аоја браца иема
До л' га виje од зелеие свиле
Руае меће граие босиљаове
А очице мале трњинице
Обрвице с мора пијаанце.
Ал' говори лијепа ћевојка:
„Прогоаарај, да мој мио брацо!
Меие просе двоји троји просци:
Једни просе у валено благо
Друга просе у племе велиао
Трећи просе за добра јуиааа".
Проговара да мој мво брацо:
„Не ид', сејо у хваљено благо,
Враг ће доћи, одиијети благо
Нејд сејо у племе велико:
Племе ће се вришко разродити.

Digitized by Google

До л' ти ајде за добра јунака:
Добар јунак добро до вијека".
(Рајковић, С. н. п. 82—3).

— Мити моја мати, Де тебе удати. 9 братьевъ родныхъ и 9 двоюродныхъ выдаютъ сестру далеко замужъ, обѣщая часто навѣщать. Прошло б лѣтъ—ни одного небывало. Тогда она:

Ајој мени до Бога милога,
Ал' ти јесам Богу згријешила
Никог' нема ни жива ни мертва!"
Она иде у топлу одају
Пи је девет лутак' ниправила,
Своје браће имени им дали,
Опет девет лутин' напривили
Имена им стрвчевић' надјели;
Постиви им софру и трпезу
На трпезу сваку ђаконију:
Редом им је ввио додавала.
То се Богу врло ражалило
(Јер. прије су браћа сва помрла).
Те онъ шаље на земљу анђела...
Па он диже умрли Іована (—старш.—):
„Ајде, Іово, секи у походе...

Онъ приходитъ, сестри провожаетъ его до дому, которымъ называется гробъ. (Давидовић, С. н. п. из Босне, 10 и слѣд.).

„Везак везе Ружица ђевојка...
Својијем се везом разговора...
(Беговић, С, н. п. из Лике I, 33)—млр. „беле мои".

О идолопоклонстве въ XVIII ст.—Посошковъ (нач. XVIII в.).

Священнику слѣдуетъ спрашивать передъ исповѣдью хотящаго исповѣдаться: „како почитиешь святыи иконы, или не низываетъ ли написиниаго или изваяниаго образа Христова Богомъ? и съ книговымъ намѣреніемъ передъ иконами молится, мысль свою

Digitized by Google

родъ. Палкою очертивши передъ собою на землѣ изображеніе храма, онъ сказалъ: „Итакъ вы говорите, Римляне, что *здѣсь* будетъ храмъ Iovis optimi maximi? Здѣсь мы нашли голову?“ — И судьба Рима, по единогласному свидѣтельству лѣтописей, перешла бы аъ Этруріи, если бы римскіе послы, предупрежденные (—увѣдомленные) сыномъ прорицателя, неотвѣтили: „совсѣмъ не здѣсь, говоримъ мы, а въ Римѣ найдена голова“.

„Тоже, говорятъ, случилось, когда четверка коней изъ глины, которую готовили (по заказу въ Этруріи) для вершины того же храма, выросла въ печи.—Это предсказаніе (величія Рима) подобнымъ же образомъ удержано (за Римомъ). Этого довольно, чтобы показать на примѣрахъ, что сила заклятій—въ нашей власти: на сколько знаменіе принимается, столько въ немъ и силы. По крайней мѣрѣ въ ученіи аугуровъ стоитъ прочно, что и дурное и всякое предзнаменованіе неотносится къ тѣмъ, ато, приступая къ дѣлу, заявитъ, что незамѣчаетъ этихъ предзнаменованій. Какой даръ Божіей милости важнѣе этого?“ (Plin. H. N. XXVIII, 4).

„Incendia inter epulas nominata, aquis sub mensas profusis abominamur“ (ib. XXVIII, 5).

Отец—случайное слово склоняетъ намѣреніе:

Романъ Тихоновичъ ждетъ рѣшенія судьбы, опредѣлиться ли ему въ военную службу, смотритъ на входящій полкъ и думаетъ: „что если бы судьба захотѣла, чтобы я опредѣлился?“

„Кааъ при этой мысли Кирюшка (слуга), дергая его за рукавъ, говоритъ: „А что, панычъ! Вотъ бы вамъ пойти въ эту службу...“ Въ этихъ словахъ Романъ Тихоновичъ призналъ велѣніе судьбы... Не просто, а именно по велѣнію судьбы, въ чемъ былъ твердо увѣренъ Романъ Тихоновичъ, встрѣчалнсь ему одни солдаты, отставшіе отъ полка и поспѣвавшіе въ городъ. Все это болѣе утверждало его въ мысли, что „пришло его время“. (Кв.[2] III, 263).

— *Слово—дѣло* (правити — дѣяти)—*Лѣчила*—(балій, врачъ, Бусл. Оч. I).

Digitized by Google

— *Правда—судъ*: „Отвшао на истину“—умеръ, пошелъ на судъ, (Кар. Посл. 243)—Ср. „право ћу ти казати, нко да ћу умријети“ (ib. 258).

— *Слово—двойникъ вещи*, и отсюда—*вѣра* въ способность слова въ заговорахъ и молитвахъ производить самыя вещи или состоянія; вѣра въ тжкую же способность случайно произнесеиаго слова.

Отсюдв—непроизносить ивстоящихъ именъ враждебныхъ существъ (*эвфемизмъ*):

Умереть—„ad mentionem defunctorum testamur memoriam eorum a nobis non sollicitari“. Pl. H. N. XXVIII, 5.

„*Ῥωμαῖοι*, inquit Plutarchus in Ciceroue, *μὴ βουλόμενοι δυσφημεῖν, ἐξιέναι λέγουσιν, τὸ τεθνάναι*. Dixerunt et Graeci *ταύτης τῆς εὐφημίας χάριν, ἀποίχεσθαι*, quemadmodum latini *abire*, de eo qui obiisset, vixit... Graecis etiam qui vita migraverunt, *μακαρίται* dicuntur, bouae scaevae omine, et *πλειόνες* potius quam *νεκροί*, unde—*πολυάδριον* sepulcretum (Примѣч. къ этому мѣсту Плинія).

Русс.—„*Переставиться*, побывшаться (Востоковъ=лат. vixit), *скончаться*, (серб. *путовати*); *покойникъ*, *усопшій*, *отшедшій*, пр. обл. родитель, *жмурикъ*. Мр. „Небіжчик, небіжка“ (въ противоположность лат. *felices*—блаженные, блаженной памяти); гробъ—*домовина, соснова хата*.

„*Пръставити*“, entrücken (о перемѣщеніи съ сего свѣта на другой)—„И угодн Енох Бгви, и необрѣташеся, зане престаши его Бъ“ (XVI в. Попов. Обз. Хр. I, 7); „кгда паны Господь Богъ повелить ми отъ сиѣтв сего прѣстанитися и прити къ тобѣ“ (Ж. Ѳеод. У. З. II, 2, 191).

Престаниться=умереть:

„Тако ти се преселио Вуче,
Бог му дао души спасеније! (Кар. С. п. IV, 12).

„Кад то чуо Таиан Осман-ага,
Удари се руком по нољену;
Нова чоха на кољену пуче:
Iао њему до Бога милога!

Digitized by Google

Прим. Кар.: „њему мјесто *мене* или *мени* каже *пјевач* за то, као да се неби примијенило њему. Тако се у овакијем догађајима и у говору може чути“ (Кар. с. п. III, 248).

„Гледај, мајко, пребијеле дворе...
А ја одох бијелој Удбињи,
Нема мени рока ни погледа;
Ни *се кари*, мојв милв мајко,
Дои ве видиш мене код мог двора“ (ib. 131),

Вечеромъ невспоминать мертвыхъ, немолиться за нихъ, чтобъ „веснили сі“, непризиждували сі“, что вредно для здоровья (Kolb. Pok. III, 156).

Чтобы покупаемое лѣкарство и вообще вещь, имѣющая таинственную силу, сохранила эту силу, нужно покупать, неторгуясь. Кв.[2] III 274 (Плиній).

Εὐφημισμός (Wackernagel „Poetik“): *Εὐμενίδες*—милостивыи, вмѣсто Ерииній; вмѣсто *νύξ*—*εὐφρόνη*, доброжелательная; *ядовитый молочай*—*εὐφόρβιον*, хорошая пища, boiw herba *(φορβή)*; *εὐώνυμος* вм. *ἀριστερός*—лѣвый, такъ напр. у Ксенофонта при *δεξιόν* и *μέσον*—правое крыло войска и центръ, не *ἀριστερόν*, а *εὐώνυμον* [1]) *κέρας*, во избѣжаніе названія, которое хоти, быть можетъ, само есть эвфемизмъ (если отъ *ἄριστος)*, но получило значеніе—неблагопріятный, предвѣщающій несчастье (—отъ гадавій) [2]). Таяъ *sinister*—лѣвый, неблагопріятный, вредный,—откуда фр. sinistré только *зловѣщій* пвгубный. Ср. лотыш. *laba* rôka—прввая рука.

Какъ эвфемистическія проклятія (въ родѣ: „ву тебя къ Богу, штобъ ты саазнился — вм. „сказился“), греки употребляли *εἰς ὀλβίαν*, *εἰς μακαρίαν*, какъ въ др. нѣм. *saelic* встрѣчается въ смы-

---

[1]) Εὔωνυμος verrucosus тоже эвфемизмъ, такъ какъ это растеніе считалось несчастнымъ, вѣроятно, потому, что его цвѣтъ и плодъ (ир. „сороче око“) считались смертельнымъ ядомъ для животныхъ (Pl. XIII, 38).

[2]) „Вдругъ увидя
На небѣ съ лѣвой стороны
Младой двурогій ликъ луны,
Она дрожала и блѣднѣла.
(Евг. Онѣг. V, 5—6).

Digitized by Google

слѣ verwünscht. Даже самыя слова *εὔφημος, εὐφημία* употребляются эвфемистическа вмѣсто *δύσφημος, δυσφημία* въ тѣхъ случаяхъ, когда опасались дураого предзнаменованія.

На эвфемизмѣ осаоваао лат. *Parcae*—щадящія, для безпощадныхъ богинь смерта. По Прокопію (Bell. Gotth. 1, 16), городъ Maleventum во избѣжааіе omen переаменовааъ аъ Beneventum.

Въ XVI в. у аѣмцевъ водаъ назывался Hölzing.

Шведы называютъ лису (fuchs)—waldgäager; wolf—goldbein; bär—süssfass,—а, быть можетъ, собствеааыи имеаа Reinhart, Isengrin, Braun возникла ае азъ эпическаго стремлеаія къ назвааію животныхъ человѣческимн имеиама, ао изъ страха употреблять собствеаое назвааіе" (Wackernag. 534, со ссылкою аа Kl. Scbrift. 2,214).

„Ein altes beispiel von höflichkeitseuphemismus findet sich schon in der sanctgallischen Rhetorik: Item per contrarium iutelliguntur sententiae ut in suetudine latinorum interrogantibus: „quaesivit nos aliquis?" respondetur „bona fortuna", i. Hel unde salida, et intelligitur „nemo", qnod durum esset, i. unminnesam ze sprechenne". Similiter tentonice postulantibus obsonia promittimus sic: „alles liebes genuoge", et intelligitur per contrarinm propter gravitatem vocis.—T. o. *hina wesan* употребляется вмѣсто sterben, *hinafart*, вм. Tod. Въ просторѣчіи эвфемизмъ, соединяясь съ игрою словъ, обходитъ собственаое выражеаіе, незамѣаяя его противоположнымъ. Такъ проклятія и ругательства сохраняютъ отъ собствеаааго слова только часть. Тааъ вм. sacrament — *sapperment*; вм. *sapperment—sappermost*; вм. Herr Iesus—*Her Ie*, *Her Iegerle*; вм. Gottes Wetter, Gotts leichnam, Gotts Blitz—Potz wetter, Potz leichnam, Potz blitz; вм. Gottes Teufel—*Pots tausend*; вм. der Tenfel—der Tansend.—фр. *diantre* вм. diable, *morbleu* вм. mort Dieu, *corbleu* вм. corps Dieu". (Wackernag. 2 азд. 535).

Гроза—„Божья благодать" (Арх. Подв.), „Божья малость" (Даль, Посл. 1036).

„Богдай тебя" (Бусл. Оч. 1, 196).—Тамъ же—ваванія для аечистой салы. *Ирецъ*—ае эвфемизмъ.

Digitized by Google

„*Зашао па не изишао!*“ Кажу дк одговори супце, кад му ко рече да је зкшло; а кад му се рече дк је сјело, оно одговори: „сјео па неустао! „Него му вмља казати: „смарило се“, па онда и оно одговора: „смкрио се и тн!“ (Кар. Посл. 87).

— Иконъ непокупаютъ, а мѣняютъ. (Фонв. Простккова-Милоау)).

„Нут та *бору*, моја мила мајао“. (Кар. п. I, 242).
„Неумри синко, зк борк!“ (ib. 418).
„Хоћу, борме“ (ib. 514).
„Теба бору, дите Николица!
Која тк је големк невоља“ (ib. 594).

Увлеченіе книжною поэзіей, иногда кмѣстѣ съ увлеченіемъ иностркнною культурой, порождало презрѣніе къ окружающей дѣйствительности и стремлеаіе сарашивать ее названікми. Такимъ образомъ возникаетъ pruderie къ употреблеаіи словъ, между прочимъ личкыхъ собственныхъ.

Пушкинъ замѣчаетъ: „Слкдкозвучнѣйшіа греческія имена, кмаокы напр. Агаѳонъ, Фклатъ, Ѳедора, Ѳекла и проч. употреблкются у насъ только между простолюдинкми“ (Он. II, XXIV).

Ткким образомъ къ аепокктному иностраному имени пристаютъ извѣстныя культкрныя черты, которыя, при мнеическомъ образѣ мышленія, переносятся на обозкачаемое. Поэтому Пушкинъ счткетъ нужнымъ оговорить то, что героиню своего ромкна онъ называетъ Татьяной:

Ея сестра звалась Ткткна...
Вперкые именемъ ткаимъ
Страницы нѣжныкъ романа
Мы *своевольно* [1]) освятимъ.
И чтожъ? Оао пріатно, звучко,
Но съ нимъ, я знаю, керкзлучно
Воспоминанье старины.
Иль дѣвичьей.

[1]) Наперекоръ вкусамъ общества.

Digitized by Google

Мы всѣ должны
Празниться, вицуса очень мило
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщеніе непристало,
И нимъ досталось отъ него
Жеманство, больше ничего.
(Он. II, 24).

Экзальтированныя дѣвицы и дамы въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, отчасти и до нашего времени, называютъ подругъ, отчасти и женскую прислугу „облагороженными“ на французскій ладъ именами:

Мать Татьяны:

„Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала *Полиною Прасковью*
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій
И русскій Н какъ *N французскій*
Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла; *стала звать*
Акулькой прежнюю Селину
И обновили наконецъ
На ватѣ плифоръ и чепецъ“ (Он. II, 33).

Весьма вѣрно то, что вмѣстѣ съ эвфемизмомъ рѣчи забрасывались и другія привычки, какъ корсетъ и т. п. Старыя воззрѣнія вспоминались при встрѣчахъ со старыми знакомыми:

„Книжни, mon ange!“ — Pachette! „Алина!“
Кто бъ могъ подумать? Какъ дивно!
Ни долго ль? Милая пузини,
Садись! Какъ это мудрено!

Digitized by Google

Ей Богу, сцена изъ романа!....
.... Кузина, помнишь Грандисони?"
— Какъ Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?—
— Въ Мосавѣ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ,
Недавно сына онъ женилъ" (Он. VII, 41).

Барышня, гадающая объ имени жениха, должна быть непріятно поражена его вульгарнымъ именемъ, хотя никакого другого и нельзя было услышать:

Чу, снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
Къ нему *на цыпочкахъ* летитъ
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
„Какъ ваше имя?" Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: „Агаѳонъ!" (Он. V, 9).

Звать Анульку Селинаой — это баловство простительное барышнѣ; ао поэту серіозные люди аепрощала подобнаго баловства, можетъ быть, потому, что видѣли въ немъ попытку подорвать существовавшія общественныя отношенія. Къ стихамъ:

„Въ избушкѣ, распѣвая, *дѣва*
Прядетъ, и зимнихъ другъ ночей
Трещитъ лучина передъ ней" (Он. IV, 41).

Пушкинъ замѣчаетъ:

„Въ журналахъ удивились, какъ можао было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни немного ниже называли дѣвчонками". — Именно „наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола" (т. е. благородныхъ дамъ и дѣвицъ) „сильно осуждали неприличіе стиха":

Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ (Оа. V, 28).

Пра раздѣленіи классовъ общества и по языку, самые звуки рѣчи высшаго класса считаются обязательнымъ эвфемизмомъ, и наоборотъ, звуаи простоародной рѣчи представляются осаорбляю-

Digitized by Google

щими приличія. — Вотъ картинка, списанная съ натуры (Газ. „Трудъ“ 1881 г. Авг.):

Въ оперѣ дѣвица, обращаясь къ другой, говоритъ о пѣвцѣ: „Ой мон матінао! Як він пищить, як верещить!“—Офицеръ (обращаясь къ другому): „ха-ха, ха! пищитъ! верещитъ! И это въ публичномъ мѣстѣ!“

Отсюда считается неприличнымъ духовныхъ и высокопоставленныхъ лицъ звать именемъ, какъ оно въ просторѣчіи: напр. Осипомъ, Алексѣемъ, Сергѣемъ, а не Іосифомъ, Алексіемъ, Сергіемъ.

Есть одна малочисленная раціоналистическая и соціально-ортодоксальная русская секта, названная „ненашими“ на томъ основаніи, что послѣдователи ея противопоставляютъ себя господствующимъ мнѣніямъ и учрежденіямъ и говорятъ напр.: „въ волость непойду“ (волость значитъ—власть); „власть то ваша, и и не вашъ и власти вашей надъ собой непризнаю“. (Впер. 1874 г. III, 162 сл.).—Въ числѣ ихъ особенностей отмѣчена слѣдующая:

„Они тщательно избѣгаютъ употребленія многихъ обыкновенныхъ словъ, замѣняя ихъ различными синонимами. „Нашимъ“ напр. нескажетъ *спать*, а *отдыхать*. Онъ не *пьетъ* и не *пьетъ*, и кушаетъ. Онъ употребляетъ не *чай*, а *китайскую травку*. *Отецъ* у него—*корень*, *дѣти*—*отростки*, *жена*—*подруга* и т. п. Себя онъ низачто нехочетъ назвать *человѣкомъ*, выводя изъ писаній, что человѣкъ есть *ложь*, а они считаютъ себя поборниками правды и истины...

Эти люди вырботались изъ сектантовъ, помѣшанныхъ на схоластическомъ анализѣ писаній, на анализѣ словъ. Они придаютъ огромное значеніе *слову*. „Гдѣ слово тамъ и дѣло“, говорятъ они. Всѣ ихъ убѣжденія добыты главнымъ образомъ изъ логическаго и филологическаго анализа духовной литературы да изъ обдумыванія самыхъ элементарныхъ фактовъ изъ области естественныхъ и соціальныхъ наукъ. Отсюда та важность, которую они придаютъ чисто словеснымъ различіямъ. Отсюда же, убѣжденіе, будто словесныя аналогіи всегда указываютъ на реальныя анало-

Digitized by Google

гіи. Льюисъ говоритъ гдѣ-то, что нѣкоторыя заблужденія Аристотеля зависѣли отъ того, что будучи грекомъ, знавшимъ и изучившимъ только свой языкъ, никогда несравнивая его съ другими, онъ воображалъ иной разъ, что иныогіи между словами указывали и на аналогіи между реальностями, обозначавшимися этими двумя словами. Нѣчто подобное видно и у „ненашихъ". Напр. „Я *чая* неупотреблю, чай то вашъ. Вы *чаете* воскресенія мертвыхъ; вы *чаете* себѣ великихъ и богатыхъ милостей. А я ни отъ кого и ничего себѣ не *чаю* и *чаи* вашего непризнаю". — „Я *пью* и *не-пью*. Это вы *пьете* другъ друга и *пьете* кровь изъ ближняго; вы *пьете* водку; кто пьетъ, тотъ пьянъ живетъ, а я *кушаю*". — Или „кто *спитъ*, тотъ проспитъ, а я *отдыхаю*". *Чортъ* — это человѣкъ который *чертитъ*.

„Ненаши" признаютъ духъ отдѣльный отъ тѣла... „Ненашинъ" плохо различаетъ разницу между *предвидѣть* умомъ и *провидѣть* духомъ. Они думаютъ, что *духъ*, отказавшійся отъ *вѣры*, закона, обычая, отъ всего навязаннаго ему извнѣ и очистившій себи долгой практикой разумной и доброй нравственности, способенъ ясно видѣть будущее... Въ особенности ясно видитъ духъ добраго человѣка, когда онъ бываетъ свободенъ отъ тѣлесныхъ оковъ т. е. во снѣ. Онъ даже неговоритъ: „и видѣлъ во снѣ", а просто: „я видѣлъ то-то", точно дѣло было на яву. Онъ признаетъ только символическое толкованіе Св. Писанія, притчами указывающаго на иныѣ существующіе порядки на *землѣ*.

„Выросши въ сектантской средѣ, гдѣ религіи составляетъ еще живой элементъ проницающій собою всю жизнь и окрашивающій въ свой цвѣтъ всѣ соціальные продукты, Ш. думаетъ, что и политическій и соціальный строй Россіи находятся въ той же гармоніи съ государственной религіей;—что напр. религіозно-нравственныя идеи проникаютъ черезъ весь государственно-соціальный строй, отражаясь повсюду въ сныхъ мелахъ правительственныхъ формахъ и общественныхъ обычаяхъ. Поэтому во всемъ: въ названіяхъ учрежденій и лицъ; въ формальностяхъ судопроизводства; въ различной системѣ изображенія орла на монетѣ въ

Digitized by Google

различныя временъ; въ числѣ пуговицъ на солдатскомъ мундирѣ; въ перемѣщеніи по новой формѣ патронташа спереди на правый бокъ, словомъ во всемъ онъ видитъ символизмъ религіозный или нравственный"...

Это впрочемъ не мистицизмъ, такъ какъ эти символы, по его мнѣнію, сознательно созданы людьми, систематически проводящими свои религіозно-нравственно-соціальныя идеи черезъ всѣ мелочи жизни.

Пусть выборъ словъ по тѣмъ или другимъ причинамъ совершается въ обществѣ, и мы получимъ въ результатѣ измѣненіе лексическаго состава, а при неравномѣрности выбора во всемъ языкѣ—лексическое расчлененіе на нарѣчія.

„При публичныхъ (всенародныхъ) очистительныхъ жертвоприношеніяхъ для веденія жертвенныхъ животныхъ выбирали людей со счастливыми именами" (Pl. H. N. XXVIII, 5), (что извѣстно и изъ другихъ источниковъ, напр. Valerius, Salvius, Statorius).

Подобнымъ образомъ имя перваго встрѣчнаго человѣка служило добрымъ или дурнымъ предзнаменованіемъ.

Твое имя=ты:

О дјевојно миље моје!
Омиље ми име твоје!
Ни сн шта ми не омиље,
Ни због бабе, ни због маме,
Већ ме ми је омиљело
Са твојега л'јепа хода,
Л'јепа хода и погледи. (Ђ. Рајновић, С. н. п. 59).

Удадбеница: „Кад допаднеш злочеста јунака
Бићеш стара за годиву данн" (ib. 89).

Ей-же: „О дјевојно, име племенито,
А и моје јиме умиљато!
Ала ће ти *име* погинути

Digitized by Google

Ово скоро ло јесени, душо,
Од свекрве и од зле јетрве,
Од заове, честе гласоноше:
„Често јој је на јастуку глава
И бијеле низ пенџере руке“ (ib.).
„Кад год спавам, све о теби сањам
Кад с'пробудим, хоћу да полудим,
Јера ми је твоје име драго;
Три године књигу сам учио
Док сам твоје име научно“ (К. Ристић, С. н. п. понуњене по Босни, 23).

Обраћеше: „Моја драги, моје име драго“ (ib. 29).

Имя: „Aby pés nebyl běsný dávají mu jmeno névtere réky“ (Houško).

— „Žena mající měsíční kvet (=эвфемизмъ) nesmi se dotknouti žhnného rostącibo *kviti*, sice toto chrane u uvadve; pleji li žena takovo trnvu z obili, stani se toto smechlivym (t.-i. má mnoho tlacby'ch klasů) (Houško).

Скрывать настоящее имя лица: „Веррій Флаккъ, ссылаясь на достовѣрныхъ, по его мнѣнію, писателей, говоритъ, что при осадѣ городовъ, римскіе жрецы прежде всего вызывали бога, подъ покровительствомъ коего былъ городъ, и обѣщали ему (если онъ покинетъ этотъ городъ) у себя тоже или большее поклоненіе. Это священнодѣйствіе и остается въ ученіи жрецовъ (Pontificum). Вѣрно то, что поэтому скрываютъ то, подъ покровительствомъ какого богн (v. богинн) находится Римъ, чтобы нто изъ враговъ непоступилъ (съ нимъ) такимъ же образомъ“. (Pl. XXVIII, 4).

„Нѣкоторые суевѣры при крещеніи дѣтей даютъ имъ другія имена, а первыя прилежно таятъ, вѣря, яко бы, невѣдая перваго или подлиннаго имени, волдунъ имъ неможетъ ничего учинить, т. е. неможетъ ихъ сдѣлать оборотиями и пр.“ (Абевегн русск. суев. 206).

„Со всѣхъ сторонъ свѣтн до насъ доходятъ свидѣтельствн путешественниновъ, что двкари любятъ сохранять свое имя въ

Digitized by Google

тайнѣ. Это изаѣстно относительно сѣверно-американцевъ и южно-американцевъ. „Одинъ Чинукъ думалъ, что желаніе Кена узнать его имя происходило отъ желанія украсть его... По словамъ Банкрофта и у нихъ имя... есть какъ бы тѣнь или духъ, другое я человѣка“.—Даяки долгіе „перемѣняютъ имена своихъ дѣтей, особенно хилыхъ и болѣзненныхъ“, полагая, что этимъ „они могутъ обмануть враждебныхъ духовъ“ (Спенс. Осн. Соц. I, 261).

Избраніе ребенку имени для охраненія жизни: „Кад се каавој жени недаду дјеца, онда надјене дјетету име Вуа, јер мисле да им дјецу вјештице једу, а на *Вука* да неће смјети ударита. За то су и мени овако име надјели“ (Вуа. Кар. Рјечн. „Вуа.“).

Ср.: „Вук му пут пресјекао“—Кад се ко помене за кога не би рада онђе да дође, напр. вједогоња. (Кар. Посл. 40).

Волкъ—имя. Отсюда колыбельныя пѣсни:

„Нини, сине, вуче а бауче!
Вучица те у гори родила,
Овчица та пупаа одрезала
Бјела т'вила у свилу повила,
А челица медом задојила
Мила мајаа њулсом умивала
И румеаом ружом утарала.

(Петрановић, С. н. п. из Босне. I, 48).

„Нина сине вуче и бауче!
Вучаца те у гори родила
С вучадима, снае, одранила,
Бјела вала аа бабине дошла
Моме Јова аошуљу дон'јела
Јастоваца на бабине била
Мога Јову млеаом подојала
И челица медом задојила
Па га посли својој милој мајци:
„Ето, мајко, Јово одрастао!“ (ib. 50).

— *Баук*—см. Даанић., Рјечник.

Digitized by Google

— Вообще въ колыбельныхъ (пѣсняхъ) надо искать слѣда заговора:

„Мајка њиха свог' нејака сана:
Нина, спае, с крстом и анђелом
А а с оном блаженом Маријом,
Која-но је Христа ублажила
А и тебн на помоћи била“ (ib. 48—9).

Сюда же изображеніе ребенка взрослымъ.

Стоянъ.—„Стонть ему (новорожденному) и бодриться, какъ деньга торчмя торчитъ“ (на крестинахъ, втыная деньги въ пирогъ) (Д. Посл. 403). *Стоять*=жить: „Коли дѣти *нестоятъ* (умираютъ), бери пернаго встрѣчнаго въ аумовья“ (ib. 403). „У кого дѣти нестоятъ, надо просаживать ахъ до трехъ разъ въ *хомутъ*“ (ib. 403) („примѣта: лошадь въ дорогѣ распряглась — жена измѣнила).

„Въ Осетіи имя *Саукуй*, черный песъ, даютъ слабымъ дѣтямъ, за участь которыхъ опасаются“ (В. Миллеръ „Въ горахъ Осетіи“, Р. Мысль, 1881 г. IX, 92—3).

— Когда ребенку даютъ имя любимаго лица, то это можетъ быть изъ затаеннаго желанья, чтобы съ именемъ перешли на ребенка свойства лица. Сюда обычай давать романическія имена, напр. Людмилы послѣ „Людмилы“ Пушкина.

Стыдливость женская по отношенію къ именамъ мужчинъ: Разъ имя мужчины есть до нѣкоторой степени онъ самъ, произношеніе этого имени женщиной есть до нѣкоторой степени общеніе съ мужчиной, смѣшеніе душъ, подобное тому, которое, по вѣрованію древнихъ, было при тѣлесныхъ объятьяхъ и поцѣлуяхъ („jam alligata mutuo ambitu corpora animarum quoque mixturam fecerant“—Petronius, Satyricon, 132).

По отношенію къ женщинамъ—побужденіе другое (эвфемизмъ).

„Нова млада несмије *од стида* никога у кући звати по имену. За то је обичај да она, пошто се доведе, свима ауђанима (мушкоме и женсаом) надјене нова имена (само за себе). Таао напр. ненога зове (старије дјетаће) *таком*, неног—*бабом*, неког—*господином* („је ли отишао господин да доћера свиње?“), неаог—

Digitized by Google

дјевером, а млађе — *братом*, *златојем*, *соколом*, *милоштом*, *милојицом* и т. д. жене—*госпом*, *мамом*, *мајом*, *наком*, снашом. *невом*, а дјевојне—*убавицом*, *љепотицом*, *секом*, госпођицом, *голубицом* и т. д. (Кар., Рјечн.).

Этимъ въ значительной степени объясняется обязательное молчаніе молодой. (Сумцовъ „О свад. обр. 203—4).

Серб. и пр. измѣненіе именъ—есть одинъ изъ видовъ явленія, которое у Полинезійцевъ называется *Табу*. — Сюда обычай кафрскихъ женщинъ непроизносить словъ, сходныхъ съ именами ближайшихъ родственниковъ мужескаго пола. (M. Müll. Vorles. II-е 29—34).

Осетинскимъ женщинамъ необычно, неприлично, безстыдно въ молитвѣ называть святыхъ ихъ настоящими именами (кромѣ Бога). Такъ (говорятъ) „святой мужчина“ (вм. Іастырджи, св. Георгій); „злой“ (вм. Тхостъ), „св. волковъ“ (вм. Тутыр — у Осетинъ христіанъ — св. Ѳеодоръ Тирскій), св. Отецъ (вм. фальвар), „начальникъ хлѣбовъ“ (вм. Еля, Иліи). (Сб. св. о кавк. горц. IX, Предразс. у Осетинъ).

„По обычаю Осетинъ и почти всѣхъ нехристіанскихъ горцевъ, стыдливость непозволяетъ женамъ называть по имени не только своихъ мужей, но и братьевъ и родственниковъ ихъ, кромѣ тѣхъ изъ послѣднихъ, которыхъ жены значительно превосходятъ лѣтами. Если бы жена при другихъ женщинахъ по ошибкѣ назвала одного изъ родственниковъ мужа, значительно превосходящаго ее лѣтами, то женщины смѣются надъ нею и толкаютъ, говоря: „и чтобы тебя толкнулъ камень съ него (родственника) величиной“!

„Какъ въ жизни, такъ и въ сказкахъ и пѣсняхъ Осетины называютъ мужей (не по имени), и „*ма лаг*“ (собственно—„нашъ человѣкъ, т. е. нашъ господинъ, нашъ мужъ“ (Джонтемиръ Шаваевъ, Осет. инр. сказ. 20, Сб. св. о инор. горц. III).

У Кабардинцевъ мужъ о женѣ: „живущая въ домѣ моемъ“. (Кабард. стар., 39, Сб. VI).

„Они иногда неназывали предметовъ ихъ собственными именами, и поэтому эти предметы неказались такими дурными, ка-

Digitized by Google

коны были въ дѣйствительности. „Обоарасль джентльмена“ незвучало преступленіемъ, если называлось „облегчить франта„ и тюрьма, низываемая со смѣхомъ „даровой квартирой“, неказалась наказаніемъ. Т. о. мон понятія о добрѣ и злѣ совершенно перепутались, и привычка трактовать всѣ преступленія въ дружеской бесѣдѣ, какъ предметы шуточные, пріучили и меня смотрѣть на нихъ, какъ на вопросы лишенные значенія“. Бульверъ „Пельгримъ“.

Прм таакомъ взглядѣ ни слоно, канъ у Осетинъ, назвать другого *побратимомъ*, „Богом брите“ значитъ дѣйстнительно сдѣлать его танимъ и обязать поступить сообразно съ этимъ.—Серб. обычай дружичало (называть побратима или *друга, кумача* на годъ).—Мр. называть родственникомъ ни сронъ:

„Тітусю, ослобони жінну від бідн! Цілий год матіръю зватиму! Що хоч заплачу, тілки порятуй її“. (Кв. „Пархім. снід.“ II² 154).

„Тіточко, голубочко! Зробіт, як знаете зробіт, щоб мон були Олена. Цілісенькій год буду вас рідною матіръю звати. Куплю плахту, очіпон, серпнок, чого забажає душа вища“ (Кв. „Конотоп. Відьма“ I² 240).

Роднитъ не только кровь, происхожденіе, бракъ, но и имя:

Я несомнѣваюсь, что хранитель Романа Тихоновича, анна и все, что писалъ Квитки, списанъ съ натуры съ небольшими лишь утрировкамн, и въ частности, что слѣдующая черта невыдумана:

„Ни один изъ дѣвицъ, которым согласились бы выйти за него замужъ“ немогла быть его женою. Одна была Присковья Тихоновна, сестра по отечеству. Варвара Романовна—дочь по отечеству. Татьяна Ивановна—сестра по имени его матери (Татьяны Петровны). Софья Петровна—сестра матери по отечеству. Ульяна Ѳедоровна—сестра по отечеству двоюродной сестры его... и такъ далѣе: въ каждой изъ предлагавшихъ себя въ невѣсты онъ находилъ въ именн или отчествѣ родство съ своими близкими родными даже до седьмого колѣна“ (Кв. „Герой Очак. вр.“ III² 318).

До сихъ поръ дѣти и малоразвитые люди *этимологію* слова понимаютъ согласно съ этимологическимъ значеніемъ этого тер-

Digitized by Google

мина (*ἔτυμον* — истина, правда), какъ реальное опредѣленіе соотвѣтственнаго явленія. Этимологическое пониманіе словъ (конечно, основанное на поверхностномъ наблюденіи звуковыхъ сходствъ и совпадающее съ научнымъ лишь случайно) есть для нихъ пониманіе истины.

Симпатія: Када Бане на куђу изијо (bis)
Іош се Марко пробудио није,
И сад спава жалосна му мајка:
А долети бане од Випера
Тежко га је иогом ударио
Ударно у јуначку главу (Hunić, 57).

Посјекоше, ништо не утече
Само дјете, весела му мајка, (ib. 71).

Ох Ненаде, жалостна ти мајка!
Видиш, *билан*, да си погинуо
Іеси брате један у матере
Жалит ће те мила мати твоја, (ib. 91).

— См. Даль „пословицы", 337—8: „Что-то позѣва'тся: знать наши спать ложатся, либо ужинать садятся".

(Отношеніе между человѣкомъ и его миѳическимъ двойникомъ).

Другой видъ того же умозаключенія есть: 1) заключеніе отъ одного предмета къ другому, составляющему часть перваго (напр. отъ человѣка къ его волосамъ, обрѣзкамъ ногтей, платью, мочѣ и наоборотъ: чары на волосы, сорочку такіе же, какъ на изображеніе человѣка, слѣдъ, тѣнь. (Сюда же слюна); 2) заключеніе по смежности, или по видимой механической связи. Напр. соединить снуркомъ два отдаленныя другъ отъ друга зданія, въ той мысли, что черезъ то оба зданія становятся однимъ, и напр. право убѣжища, признаваемое за первымъ, распространится и на второе. Тейлоръ „Первоб. культ. 109—10).

— Мать недолжна плакать по ребенку, чтобы ему тамъ было весело:

Digitized by Google

„Кад умрије дијете Лазаре
За њим мајка уаса јаукала.
њој Бог шиље два анђела света....
... Ископаше дијете Лазара...
... Носе њега мајци на крноце...
... „Што ј' на теби, моје чедо драго,
Што ј на теби росна иошуљица,
Што л' у руци са'јеђа без стњењка?..“
— Не питај ме, моја мила мајао!
Што ј на мекк росиа иошуљица,
То су, мајао, грозие сузе твоје;
Што ј' у руци са'јеђа безъ стњењка,
То је, мајио, таоје уздисање! —
(Рајиоаић, С. н. п., 143).

До Спаса иеѣсть яблокъ (матери, которая похоронила дѣтей).

Луччий журввль в небі, ніж сниниця в жмвні.

Человѣчество идетъ отъ того состоянік, при которомъ конпретное яаленіе, апечатлѣніе тенущаго мгноаенія занимаетъ асю ширину и глубину созианік, къ тѣмъ состоиніямъ, при коихъ, при помощи все большаго и большаго отвлеченія, все большей к большей стройности въ распредѣленіи отвлеченій, мысль станоаится способной обнимать асе болѣе к болѣе сложиые ркды квленій.

Сначала человѣкъ недумаетъ о будущемъ по той же причинѣ, по которой дикарь неможетъ себѣ предстаанть числа 3 иначе, какъ въ видѣ 2 таннхъ-то вещей, приложекныхъ къ одной (состояніе, до нынѣ оставиашее слѣды аъ раздѣльномъ счнсленіи даже найболѣе развитыхъ языковъ—). Потомъ, раздаонвъ міръ, онъ и по отношенію *къ цѣли* к по отношенію *къ причинѣ* даетъ неревѣсъ болѣе дальней и идеальной половинѣ его.

Цѣль—загробная жизнь переаѣшиваетъ настоащую.

Доля—двойникъ и причина (*і*=мр. *і*, *и*=мр. *и*):

Digitized by Google

Аѝ Діавиня̀і, оѝ Діавинѝ
Ну павáргу, ну паваргу (слабаго? больного?)
Ну̀ паваргу нуа майзитэс
Нуа лаба аумелинь (безъ причины)
Павáргусе лáйме мана
Павáргусе мамулинь.
Куа Лáймиия ту паварги,
Пате мужу лицéиня? (сама будучи рѣшительница судьбы).
(Ибо) Нэ іатум тáутииясъ,
Кад мамиия нэгаюс';
Нэкартум шупýалитн
Кад Лаймиия некарус." (Бривзем. 40, № 121) [1]).

„Раудáт мана лайме рауд,
Раудáт — мана мáмулинь;
Ка, лáймиинь, ту раудайн,
Пате мужа лицейинь? (Спр. 306—7).

(Навзрыдъ плачетъ моя доля, навзрыдъ моя матушка (т. е. доля); чего, доленько, плачешь, когда ты сама судишь вѣкъ?).

„Чего самъ неможешь снести, то пусть вынесетъ его злой день" (Бривз. № 124).

— Т. о. *душа* — двойникъ, отъ состоянія коего зависитъ состояніе *лица*: *душа замираетъ* = я лишаюсь чувства, памяти, сознанія; „невижу — душа мретъ, увижу — съ души претъ"; „душа непринимаетъ" — немогу ѣсть; „радъ *душой*"; „душа мѣру знаетъ"; „хлѣба съ душу, денегъ съ нужу, платья съ ношу"; „душа не сосѣдъ: *пить-пьетъ* проситъ"; „своя душа не холопъ" (себя жаль); „сторонись, душа, оболью" (поднося чарку ко рту).

„И бѣ Игорь разболѣся въ порубѣ... И тогда, пославъ (Изяславъ Мьстиславичь) повелѣ над ним порубъ розонмати, и тако выяша ис поруба вельми больнаго и несоша у аѣлью; до осмого

[1]) Ой Боже, Боже! теперь я слабѣю! Слабѣю отъ хлѣба, отъ лучшаго коня. Ослабла лайма моя, ослабла моя матушка. Отчего занемогла и ты Лаймушка, сама рѣшительница судьбы? Мы не пошли бы къ молодцу, если бы не пошла матушка; мы не повѣсили бы колыбельки, если бы не повѣсила её Лаймушка.

Digitized by Google

же дан только ему Богъ *душю* ароти, *неможашеть бони пити, ни ѣсти*" (Ип.[2] 239) (=душа ѣстъ).

„Коадратъ же возвеселися *сердцемь* и возрадоваса *душею* о каяжеаьи Крааовскомъ" (Ип.[2] 598).

— „Я а душа": „И скажу душѣ моей: душа! много у тебя добра...: повойся, ѣшь, пей, веселась". (Лук. XII, 19—20, 22).

Ἀγωνία—въ смыслѣ предсмертныхъ страданій=серб.:

„То говори па се с душомъ бора,
То изусти па душицу пусти".
— „То изусти, а душу испусти.
Лијепо га сиацв сараанли,
Унуци га многи оплакаше.
Благо њему и његовој души" (К. Ристић, С. а. п. 98).

Небесное (объясаенаое земаымъ) *представляется причиною земного*:

„Cum... esset jam vespera, lucernam intuens Pamphile (жена), „quam largus, inquit, imber aderit crastino!" Et percontanti marito, „qui comperisset istud", respondit, sibi lucernam praedicere. Quod dictum ipsius Milo (мужъ) visu secutus, „grandem, inquit, istam lucernam Sibyllam poscimus, quae cuncta coeli negotia et solem ipsum de specula candelabri (со сторожевой вышки подсвѣчаика) contuetur. Ad haec ego (авторъ) subjiciens, „sunt, ajo, prima hujusce modi divinationis experimenta; nec mirum, licet modicum istum iguicilum et manibus humanis laboratum, memorem tamen illius *majoris* et *coelestis* iguis, velut *sui parentis*, quid esset editurus in aetheris vertice, divino praesagio et ipsum *scire*, et nobis enuntiare". (L. Apuleji, Metamorphoseos s. de As. aureo, 2, XI—XII).

Предпочтеніе журавля въ небѣ—на дѣлѣ: Сюда—все дѣлаемое для загробаой жизаи. Напр. когда у Осетиаъ родственниаи умершаго продаютъ аеобходамое, чтобы пышао его одѣть: при жизаи одѣвался бѣдао, пусть хоть теперь одѣается пышао, чтобы на томъ свѣтѣ аебыло стыдао показаться умершимъ. (Сб. св. о Канк. горц. IX, отд. III, 2, 3).—Когда дѣлаются самоистазаліи у гроба повойаика, п. ч. оаъ видитъ и цѣнитъ ихъ. (ib. 3).—

Digitized by Google

Когда тратятъ на пошинки, чтобы на томъ свѣтѣ мертвый непитался подаяніемъ или воровствомъ. (ib. 10—1).—Когда Достоевскій считаетъ полезной каторгу для спасенія души.—Когда живого хоронятъ съ мертвымъ. (Тейлоръ, III, 50. Спенс., Осн. соц., I, 202—3, 212).)—Когда посылаютъ души враговъ на службу тому, за кого мстятъ. (Патроклъ и троянскіе юноши, месть Ольги, кровная месть, Тейл. Перв. куль. II, 40—1, Иліада XXI, 26—33).

Сюда многія нынѣшнія дѣйствія разряда „цѣль оправдываетъ средства", какъ въ консерааативномъ станѣ (такъ наз. высшая политика, оказывающаяся на дѣлѣ очень недальновидною), такъ и въ радинальномъ, дѣйствія называемыя, смотри по точкѣ зрѣнія, благоразумными, политичными, иногда—преступными.—Сюда революціонная дѣятельность христіанства по отношенію къ народной литературѣ.

Сюда объясненіе существованія и вида вещей въ теоріи ихъ небесными первообразами (идеями въ Платоновскомъ смыслѣ), между прочимъ: человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію; по народнымъ, дуалистическимъ вѣрованіямъ многія животныя и растенія созданы сатаною; чары и колдовство — какъ дьявольское наважденіе.

Не то, что не должно быть дальнихъ цѣлей и идеаловъ. Стремиться къ этому было бы опять дѣйствіемъ революціоннымъ. Разница между хорошимъ и дурнымъ игрокомъ, напр. шахматнымъ, не въ томъ, что одинъ стремится къ выигрышу, другой нѣтъ, а въ томъ, что у другого цѣль заслоняетъ промежуточныя ступени.

Найти границу между тѣмъ и другимъ разъ навсегда невозможно. Вѣрно опредѣлять ее—въ этомъ трудное искусство жить. Отдать изъ любви къ ней молодую за богатаго старика—дурно; выйти по любви и незнать, чѣмъ прокормить себя и дѣтей—тоже. Копить деньги, подавляя насущныя потребности—дурно;—по примѣру дикаря недумать о завтрашнемъ—тоже.

Противиться введенію конституціи, п. ч. она поведетъ молъ къ соціальной революціи (=недавать сыну хлѣба, а давать камень, п. ч. если дашь хлѣба, онъ захочетъ всего наслѣдства)—

Digitized by Google

нехотѣть конституціи, п. ч. она ведетъ къ плутократіи, а хотѣть соціальной революціи.

Субъективный образъ предмета и явленія, первоначально необходимо объективируемый и превращаемый въ миѳъ, представляется *причиной явленія*. (L'opium endormit, par ce qu'il a une vertu soporifique, Мольеръ) [1]).

Доля, срѣча, болѣзнь (= душа, болѣе менѣе отвлеченный двойникъ человѣка)—причина счастья, несчастья, болѣзни.—(Мон ст. „о Долѣ" 10—11). Измѣненія въ состояніи человѣка—только послѣдствія, событія слѣдующія и по времени за подобными событіями въ жизни первообраза [2]).

---

[1]) Объ увѣренности въ дѣйствительномъ существованіи (въ настоящемъ или только прошедшемъ) поэтическихъ образовъ см. Буслаева, Гильфердинга, о былинахъ. Каждый разъ, когда читается или разсказывается что-либо нашему простолюдину, онъ считаетъ за истину. Позднѣе—что напечатано, что въ книгѣ—то правда.

[2]) Раздвоеніе битвы на земную и небесную. Ип.[1] 12.—„Вложи Богъ или дьяволъ въ сердце". (Въ житіи Ѳеодосія. Чт. 1879, 1, 31 обор., 40).—Спенс. „Осн. Осн. соц. I, 203.—Двойственность миѳическаго образа, состоящаго изъ лица и аттрибута, напр. громового божества и его орудія.—Условіе сохраненія поэтичности сравненія—крѣпкое обособленіе сравниваемыхъ образовъ, безъ котораго объясняющее вносится въ объясняемое.

— „Нигдѣ нѣтъ бѣсъ" (на Святополка), (Лавр.[2] 141). „Вложи Богъ в сердце" (ib. 152).—„Гнѣвомъ Божьимъ гонимы" (ib. 159).—Знаменье на небеси" (ib. 160).—„Усобная рать... отъ соблазненья діявола" (ib. 163).—„Бѣси" (ib. 170, 175).—Мечти (178—9).—„Діяхъ въ лудѣ" (ib. 184—5). Оселъ на мѣстѣ игумена (ib. 186).—Чудо *Богородицы*: *ея* правда=правди Володимерцевъ. (ib. 358—9).—Въ битвѣ Богородица... (ib. 370).—Смерть отъ погибели души (Тейл. 271).

— *Душа*, какъ двойникъ—(M. Müll. „Ess." II, 402—4).—Стремленіе изъ души, какъ двойника, сдѣлать жизненное нечто совершенно отличное отъ тѣла. Переходъ отъ призраны сходной къ причины несходной. Тѣнь, εἴδωλον, manes, человѣчекъ (ib. 405).

Двойникъ: „Effigiem Dei formamque queerere imbecillitatis humanae reor (=считаю дѣломъ слабости человѣческой). Quisquis est Deus, si modo est alius (quam Sol), et quacumque in parte, totus est sensus (чувство), totus visus, totus auditus, totus animae (жизни, seele), totus animi (geist), totus *sui*' (весь—*я*).... Fragilis et laboriosa mortalitas in partes ista digessit (раздѣлила единое божество на части), ut portionibus coleret quisque, quo maxime indigeret (=чтобы каждый могъ чтить по частямъ то, въ чемъ наиболѣе нуждается).

Itaque nomina alia aliis gentibus et numina in iisdem innumerabilia reperimus, inferis (подземнымъ Богомъ) quoque in genera descriptis, morbisque, et multis etiam pestibus, dum esse placatus trepido metu cupimus. Ideoque etiam publice Febris fanum in Palatio dicatum est, Orbonae (=in tutelu sunt Orbonae orbati liberis parentes) ad aedem Larium ara et Malae Fortunae Exquiliis.

Digitized by Google

Отсюда: „*Срећа ти се веселила*“.—У Осетинъ *Izdd*, авестійскій *jazata*, какой-то духъ, ангелъ (названіе употребляемое и въ ед. к во ми. ч.). „Каждый человѣкъ имѣетъ своего ангела-хранители и нерѣдко, *проклиная человѣка, желаютъ зла его ангелу*“ (приписывая самому этому ангелу долю, т. е. раздвоя его): да пропадетъ доли твоего ангела“!—Или мать кликетъ сыка: какой ангелъ мнѣ тебѣ далъ, да упадетъ онъ книзъ“ (Вс. Миллеръ „Осет. эт.“ II, 240) [1]).

Доля—причина состоянія *я*; рѣдко на оборотъ: *Кисельниковъ* (отправляясь торговать старьемъ): „*Таланъ-доля*, иди за мной: я буду щастливъ, и ты *будешь щастливъ!*“

„Боровцовъ... Это я его научилъ. Какъ, говорю, Кирюша, за чѣмъ пойдешь или получить чего хочешь, тверди эту пословицу,—дѣло вѣрнѣй будетъ“ (Островскій „Пучина“).

Quam ob rem major caelitum populus etiam, quam hominum intelligi potest, quum singuli quoque ex semet ipsis totidem deos faciunt, *Iunones, Geniosque* adoptando sibi (присваивая) (Pl. H. N. II, 5).—(Genius natalis—ангелъ хранитель мужчины; Natalis Iuno—женщины).—

Fortuna, Sors (Pl. ib.), виновница всего въ человѣческой жизни, есть также доля—недоля, освобожденная отъ связи съ отдѣльною личностью, обобщенная.

Iunonem meam iratam habeo, si umquam me meminerim virginem fuisse, nam et infans cum paribus inquinata sum, et subinde, prodeuntibus annis, majoribus me pueris adplicui, donec ad hanc aetatem perveni. Hinc etiam puto proverbium natum illud, ut dicatur, posse taurum tollere, quae vitulam sustulerit“ (Petron. „Satyricôn, 26).

„Mitridates servus in crucem actus est, quia Gai nostri (господина своего) genio maledicerat, (ib. 52).—Ego si mentior, genios vestros iratos habeam“ (ib. 62).

„Uxor, inquit, Trimalchionis, Fortunata appellatur, quae nummos modio metitur. Et modo, modo quid fuit? Ignoscet mihi genius tuus, nolluisses de manu illius panem accipere“ (ib. 57) (=съ позволенія твоего гепія [=съ позволенія сказать], если бы ты просилъ милостыни („не врону“), ты бы куска отъ нея невзялъ).

[1]) *Ругательство по матерному:*

„Мртва глава са земље говори:
Ти си Дедо ј... у ми ти нену!
Јер ме тако изъ презаре тучеш“ (Кар. IV, 174).

Еб-на мать=мать блядь,... сынъ безчестенъ, трусливъ:

„Но ако ти мајка није курва
Ходи доЂи на кучко збориште“ (ib. 118).

„О Смаиле, родила те курва!
Јевјену смо вјеру уфатили
Ал је танка вјера у Турака
Ка од вуне конац у везитку“ (ib. 121) (курва = сука, кобыла).

Digitized by Google

Есть прямыя и косвенныя доказательства того, что разные народы земного шара, правильно заключая отъ вѣрованьи въ душу человѣка, приписываютъ душу не только животнымъ и растеніямъ, но и неодушевленнымъ предметамъ. (На пр. [Тейлоръ „Перв. культ." II, 56—7] у фиджійцевъ душа изломавшагося топора и ножа отлетаетъ въ богамъ и пр.).

Прибавимъ къ этому результаты стремленія и установленіи все большаго и большаго различія между вещью и ея идеальными первообразами, душою, тѣнью, *εἴδωλον*, manes (=малый человѣкъ) (M. Müll. „Ess." II, 405 и выше), стремленіи принимать все большую и большую безтѣлесность, неизмѣнность (=существенность) этого первообраза.

Такимъ образомъ мы отъ природныхъ вѣрованій въ души перейдемъ къ ученію философовъ о (субъективныхъ) образахъ, или причинныхъ вещей.

Анаксимандръ (род. около 610 г. до Р. Х.) училъ, что вещи измѣняются, а начало бытія должно быть неизмѣнно. Его современникъ Пиѳагоръ это неизмѣнное начало (*ἀρχή*) отожествилъ съ наибольшимъ отвлеченіемъ, до котораго достигалъ, единицею, отъ которой происходитъ число. По Аристотелю, онъ думалъ „*τοὺς ἀριθμοὺς αἰτίους εἶναι τῆς οὐσίας*", что числа—виновники существованія вещей; что природа возникаетъ изъ чиселъ, есть ихъ осуществленіе; что существа суть образы чиселъ, подражанія имъ (*μίμησιν εἶναι τὰ ὄντα τῶν ἀριθμῶν*); что числа суть неизмѣнныя сущности, предшествующія вещамъ. Пиѳагорійцы, по словамъ Аристотеля, „содержаніе опредѣленіи называютъ сущностью (causa

Пусть я буду сукинъ сынъ, если... = скурвій син, курвино копиле.

„А так ме не родила мајка
Но кобила, која и дорина
Хоћу сјутра на планину поћи" (ів. 324).

„По манерѣ клясться и ругаться фиджійцы сходны съ народами Верхней Азіи. Два человѣка... неклянутъ лично другъ друга, даже непроизносятъ именъ другъ друга, но каждый клянетъ отца другого, его дѣдовъ и самыхъ отдаленныхъ его предковъ. Причина—въ томъ, что обругать отца фиджійца значитъ *обругать его бога*" (Спенс. „Осн. соц." I 477).

Причина (мать, отецъ, хотя бы и небожественныя) важнѣе слѣдствія. Ср. „Срећа ти се веселила", „несела ти мајка!"

Digitized by Google

materialis) опредѣляемаго предмета" (Метафизики), т. е. съ нашей точки ихъ воззрѣнія *мнѣническія* (Льюисъ, „Ист. фил." 25 сл.). — Это то, что Льюисъ называетъ *объективностью* (объектностью) мышленія: „Греческая философія, равно какъ и греческое искусство были въ высшей степени объективны. Объективное направленіе состоитъ въ наклонности *превращать* (?) наши *понятія въ представленія*, давать внѣшнее существованіе нашимъ идеямъ и смотрѣть потомъ на нихъ, какъ на образы или на существа. Дайте объективность родовымъ понятіямъ, и вы получите цѣльное ученіе реалистовъ" (ib. 215).

Демокритъ (род. около 460 г. до Р. Х.) объяснилъ процессъ воспріятія тѣмъ, что предметы испускаютъ изъ себя образы *(εἴδωλα)*, которые, уподобивъ (усвоивъ) себѣ окружающій воздухъ, входятъ въ душу черезъ поры органовъ чувствъ. Только наружная поверхность тѣла отливается въ форму *εἴδωλον* и то несовершенно. (Льюисъ, 99—109). — Т. о. объясняется несовершенность познанія. (О Демокритѣ — Тейл. „Перв. культ." I, 73—4).

Платонъ (род. 430 г. до Р. Х.), „по словамъ Аристотеля, приписываетъ общимъ названіямъ самостоятельное бытіе" (это его *ἰδέα, ἰδέη*—собственно видъ, forma, species, genus). „Онъ утверждалъ; что въ дѣйствительности существуетъ *отвлеченный человѣкъ*, и что конкретные люди существуютъ на столько, на сколько они причастны идеальному человѣку" (Льюисъ, 214).

„Однѣ идеи дѣйствительно существуютъ; онѣ суть *νοούμενα*, а всѣ отдѣльные предметы только *φαινόμενα*" (ib. 215).

Аристотель говоритъ: „Платонъ... привыкши къ изслѣдованію универсаловъ *(διά τὸ ζητῆσαι περὶ τῶν καθόλου)*, принялъ, что нужно опредѣлять скорѣе умственные предметы *(νοούμενα)*, нежели чувственные *(φαινόμενα)*, ибо невозможно дать общее опредѣленіе чувственныхъ предметовъ, которые безпрестанно *мѣняются*. Эти умственныя сущности онъ называетъ *идеями*, присовокупляя, что чувственные предметы разнятся отъ идей и получаютъ отъ нихъ свои названія; потому что вслѣдствіе своего *участвованія (κατὰ μέθεξιν)* въ идеяхъ всѣ предметы одного рода получаютъ тѣже

Digitized by Google

названія, какъ и идеа. Онъ ввелъ слово *участвованіе*. Пиѳагорейцы говорили, что „вещи—копіи часелъ"; Платонъ говоритъ „участвованіе", что измѣняетъ только названіе" (ib. 216).

Т. о. идеи=сущности=общія названіи. (Льюисъ возражаетъ, что Платонъ сдѣлалъ больше, чѣмъ измѣнилъ названіе).

„Идеи, осуществленныя въ природѣ (феномены) невполнѣ сходны съ идеями въ сущности (нумены) (ib. 217).

Въ Федрѣ Платонъ пытается образно представить систему мірозданія:

Есть два міра: здѣшній, міръ явленій, и верхній, міръ *идей*. Между этими мірами рѣютъ души боговъ и людей. Души, называемыя безсмертными (души боговъ), достигая вершины, проходятъ черезъ нее и, стоя на выпуклой, внѣшней сторонѣ неба,... видятъ предметы, лежащіе за небесами.

„Эта область — мѣстопребываніе самого *бытія*... видимаго только уму, возничему души и составляющаго предметъ настоящаго знанія... Умы боговъ и другіе вполнѣ хорошо устроенные созерцаютъ по времекамъ этотъ міръ самого бытія, наслаждаются... этимъ созерцаніемъ".

Изъ другихъ душъ нѣкоторыя „успѣваютъ проводиться до того, что головы ихъ возничихъ выходятъ за небесный сводъ... Другія... страстно стремятся на высоту... но, недостигши ея,... падаютъ... и питаются уже только *вѣроятнымъ*. Падающая душа теряетъ крылья, входитъ въ *тѣло*, одушевляя его.—Чѣмъ болѣе витала душа, тѣмъ совершеннѣе ея земное существованіе. Смотря по заслугамъ, при слѣдующихъ существованіяхъ душа подымается или опускается до скота, которому недоступно понятіе *рода* (общаго, существеннаго).

„Пониманіе есть лишь *припоминаніе* того, что видѣла душа, пребывая съ богами, когда она, пренебрегая тѣмъ, что *мы* называемъ существующимъ, воспринимаетъ то, что дѣйствительно существуетъ" (Льюисъ, 218—21).

На вопросъ о верховномъ божествѣ Платонъ въ разное время далъ два разныхъ отвѣта:

Digitized by Google

Въ „*Государствѣ*“: Плотникъ, дѣлая столъ и ложе, несоздаетъ ничего дѣйствительнаго, и лишь *изображеніе* (весовершенное) идек. Но есть работникъ, который создаетъ *небо* (идеи), землю, боговъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій—„*Тимей*“ Платонъ говоритъ, что Богъ несоздаетъ *типовъ* (идей), которыя существовали искони, и лишь устраиваетъ хаосъ по образцу этихъ идей“. (Льюисъ, 225—7).

Съ первымъ воззрѣніемъ по крайней мѣрѣ болѣе, чѣмъ со вторымъ, согласно то, что богъ Платона есть верховная идея, т. е. „тоже относительно идей, что идеи относительно явленій“ (ib. 231). Послѣдній результатъ обобщенія является при объективированіи этихъ обобщеній *причиною* всего (кромѣ *ἀνάγκη*).

Есть двѣ вѣчныя начала *νοῦς* и *ἀνάγκη*. Умъ *убѣдилъ* необходимость устроиться наилучшимъ образомъ (Тимей, Льюисъ, ib.).

Сходныя съ Платоновыми идеями — маточникъ и пр.—„Къ ист. зв.“ IV, 51.— Тейлоръ „Перв. н.“ II 296—9.—

(Сходство между идеями Платона и воззрѣніями первобытными замѣчено еще въ XVIII в. и ранѣе).

Образъ важнѣе изображаемаго. Разсказъ про монаха, который, чтобы неоскоромиться жареным поросенкомъ, произнесъ надъ нимъ заклинанія: „оборотись порося въ барсовъ“,— этотъ разсказъ, лишенный своего сатирическаго характера, представитъ намъ всемірно историческое явленіе человѣческой мысли: слово и образъ есть духовная половина дѣла, его сущность.

По отношенію къ слову этотъ взглядъ выразился въ серб. п.—Креститель Іоаннъ спрашиваетъ у Бога, можно ли ему ложно поклясться Богомъ, чтобы обманомъ завладѣть вѣнцомъ царя Дуклијана:

„Боже, вјечни и пресвети оче!
Хоћу ли се тобом заклет' право?
Хоћу л' цару ограбит' коруну?“

Digitized by Google

— Господ њему рајеч говорио:
„О Іоване, моја вјераа слуго!
Закуаи се маоме трапут ариво,
Теае аемој мојијем имеаом". (Кар. II, 82).

Т. о. *Богъ* и его имя представляются ааяъ бы двумя существами, изъ аоторыхъ послѣдаяя важнѣе первой. Ср. здравицу: „У велику славу Божу. Да аи *Бог* и *слава Божа* и света аеђела, која је сјутра, поможе нашега брата домаћиаа...

Ко виице пије у славу Божу
Слава му Божа вазда помогла,
Слава и сила у Бога Господа!" (Кар. п. I, 78).

Пра праздаованіи „арсао име" поютъ:

„Ко пије анио за славе Божье,
Помоз му Боже и славо Божја".
(Кар. Рјеча.—„арсао име").
„Іош Бога молимо и пречисту славу". (Кар. п. I, 78).

Слѣпая аицая проситъ:

„Подарујте, обрадујте
Порад Бога јединога...
И тако вам Господ дао
И велика слава Божја
И велвао крсио име" (ib. 143).

Благодаритъ:

„Фала брате ришћаниае!
Господ ми те даравао
И велика слава Божја" (ib. 146).

„(Ἵπποι) τοίου γὰρ κλέος ἐσθλὸν ἀπώλεσαν ἡνιόχοιο". (Il. XVIII, 280), ибо оаи потеряли добрую славу возивцы, т. е. своего возницу.

Если *слава* есть *имя*, а имя—нѣчто сходное съ душою, то безсмертіе славы есть нѣкоторая замѣна жизни:

Ахиллесъ говоритъ (Ил. IX, 410 сл.):

„*Μήτηρ γάρ τέ μέ φησι, θεά Θέτις ἀργυρόπεζα*
διχθαδίας κῆρας φερέμεν θανάτοιο τέλοσδε.
Εἰ μέν κ' αὖθι μένων Τρώων πόλιν ἀμφιμάχωμαι,

Digitized by Google

ὥλετο μέν μοι τόστος, ἀτὰρ κλέος ἄφθιτον ἔσται
εἰ δὲ κεν οἴκαδ' ἵκωμι φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν,
ὥλετό μοι κλέος ἐσθλόν, ἐπι δηρὸν δέ μοι αἰὼν
ἔσσεται, οὐδε κέ μ' ὦκα τέλος θανάτοιο κιχείη".

Между „*самъ*" и „*его слава*" можетъ быть такое же отношеніе, какъ между самъ и душа:

„Жив је нама Стефан у пјесмама,
А души му поаој и весеље" (Чуб. Чоја. 81).

„Ах не ка га, свијетла му душа!
Такви јунаа никад не умире,
Но остаје, да се споменује". (Кар. п. IV, 89).

Слава, крсно име:

Въ Черной горѣ *братство* есть совокупность родовъ (куѣа), происходящихъ по преданію отъ одного предка, жившаго за 100, 200, даже 300 лѣтъ до настоящаго времени, и носящихъ одно общее имя (въ ц. г. Ковачевиѣа, Кривоносиѣи, Вуаотиѣи а др.): Іово Петра (отца) Мараова (дѣдъ) Іавовиѣа (ауѣио име) Ковалевиѣа. Между членами братства иезаключаются браи". Сви братственици славе једио арсио име" (Bogiš. Zborn. 512 — 3). Христіансаій святой, день аоего празднуютъ (Никољ дан, Іованъ дан, ѣурѣев дан, Аранѣелов даи)—вѣроятно патроаъ предка, его крестное имя, замѣнившее саиаго предка.

„Славити славу v. арсио име" состоитъ между прочимъ въ томъ, что ѣдятъ *кољиво* (=даѣа) (какъ и при помнаааахъ) и „устати у славу". У „слави" поминьу се готово сви свеци и послије иеколике ријечи све се говори: „ва славу и част". Она *свијећа*, с аојом се устаје у славу, иегаси се устима, него се задије виномъ, или домаѣин узме комадиѣ аруха па га умочи у вино и њиме свијећу учаси, па арух онај изједе. Кад буде врнјеме, да се свијећа учаса, у Дрбљу нипошто неће нико рећи: „*учаси* свијећу", него „*обесели* свијећу v. *уѣеши* свијећу". (Кар. Рјечн. „*Крсно име*" и „*слава*"), чему соотвѣтствуетъ свр. *закротить* (засмирить) цераовную свѣчу. Но *сьча* горящая—жизнь и (адеальиая жизнь) память предаа. См. лѣтопасныя: „свѣчю и про-

Digitized by Google

скуру такого то побдити, неизгасити свѣчѣ нах гробомъ". (Къ ист. звук." IV, 85—6).

Слава умираетъ v. неумираетъ:

„Казак Хведір безріданий, безплеміанний
Померъ и поляг,
Слава ёго невмре, неизагине
Міждо нами народними головами.
Покудова буде світ світати и соаце сіяти,
Будем славу ёго всегда прославляти".
(Аат. и Драгом. I, 250—1).

Хведора Безроднаго похоронили
Високую могилу васипали
І прапірок у головах устромали
І премудрому лицареві *славу* учинили,
А тим воаа ёго поминали,
Що у себе мали:
Цвіленькими сухеньаами військовими сухарями" (ib. 255).

(*Прапірокъ* — см. „Къ ист. зв." II, 6).

„Правда, панове, полягла Самійла Кішки голова...
Слава аевмре, неполяже.
Буде слава славна поміж казаками,
Поміж друззями, поміж рацарями,
Поміж добрими молодцями" (Аит. а Др. I, 219). (Ср. ib. 113 и пр.).

Самъ и душа: „Масли мајка да је заавамила
Ал се Іела с душом раздилила" (Кар. п. I, 243).
„Врло ме је заболила глава
А (?) од срца да душа изајде" (ib. 242). Ил. I, 3.

„*Τὸν δ' ἔλιπε ψυχή*". (Ил. V, 696), его оставила душа = оаъ упалъ въ обморокъ. Тѣнь Геракла въ Андѣ, а самъ онъ у безсмертныхъ боговъ. (Од. II, 691 сл.).

Digitized by Google

Умозаключенія въ областк метафоры, метонимін, синекдохк.

Понятіе причины производно. Первое — сочетаніе образовъ по сходстау или противоположности, по сопринсновенности или близости въ пространстаѣ и послѣдовательности во времеии (=одновременность = послѣдоаательность). Затѣмъ то, что въ сочетвніи есть объясняющее (сиазуемое) можетъ стать причиною объснне-маго, будетъ ли оно сходно или противио, одиомѣстио или одновременно. Отсюда симпатическія лѣнарства, канъ по сходству, такъ и по противоположности.

Свойство аещи распространяется на то, съ чѣмъ опа связана, причемъ связь можетъ быть различна: отношенія части и цѣлаго, сходства, сопринсноаенін, одновременности.

Умозаключеніе въ области метафоры. Звключеиіе отъ сходства *а* съ *б* къ ихъ причиному отношенію.

Сюда, нанъ примѣръ, отиосится все изложепное въ предыдущемъ очернѣ, ибо: общее, родовое понятіе, идея есть образъ явленія, таиъ что ученіе объ идеяхъ, накъ первообразахъ, причиахъ, есть миоическое заилюченіе по формулѣ: *а* сходно съ *б*, слѣдовательпо, *а* есть причина *б*.

Звонъ=слухъ, слава. (О связи иѣиоторыхъ предствленій въ изынѣ), 28—30; „Слово о полну Игоревѣ", 52. Отсюда *звонъ* въ ухѣ—примѣта. Чтобъ нолоиолъ былъ звончѣй—слухи.—У древнихъ—накъ примѣта: „absentes tinnitu aurium praesentire sermones de se, receptum est", Plinius, Historia Naturalis, XXVIII, 5. Комментаторы иъ этому мѣсту прибавляютъ ссылки на Аристенета, Epistolae, II (IV вѣка): „*οὐκ ἐβόμβει σοι τὰ ὦτα, ὁτε σου μετὰ δακρύων ἐμνήμην*. Non tibi tinniebant aures, quum tui lacrymans meminissem? и на отрывокъ изъ Виргилія или другого неизвѣстнаго писателя: Garrula, quid totis resonans mihi noctibus auris, Nescio quem dicis nunc meminisse mei?

Digitized by Google

Свистъ = вѣтеръ. Отсюда свистомъ вызывать вѣтеръ, несвистать въ избѣ, несвистать во время посѣва. Аѳанасьевъ, Поэтическія Воззрѣнія..., I, 308.

Соръ — шумъ, соръ — богатство. Откуда „изъ избы сору невыносить". О св. нѣнр. представ. Облинать корону дли удоя. Аѳ. II. В. I, 664. Пожаръ — молокомъ, ib. I, 667, ѳороньей шаурой, ib. 687.

Высохъ, какъ щепка. Отсюда „ежели ато имѣетъ привычну бить домашнихъ *лучиною*, то весь его домъ будетъ нездоровъ, и изсохнуть всѣ, нанъ лучина". Абевега (русск. суевѣрій...) 232.

Ходитъ, какъ спутанный. Отсюда: „Когда младенецъ начинаетъ ходить и первый разъ переступаетъ ногами, то хватаютъ скорѣе ножъ и рѣжутъ онымъ ту часть пола, которая тогда случится промежъ его ногами, знаменуя тѣмъ, что они разрѣзываютъ или разрѣшаютъ его нехожденіе, Абенега, 239.

Горящая свѣча — жизнь. Образчикъ современныхъ мѣщанскихъ нравовъ. Мать пронлинаетъ дочь: „Ахъ ты такая сяаав. Я думала (когда нъ тебѣ шла жить), что у тебя содержатель богатый... Я Іоанну Воину свѣчку ракомъ (вверхъ ногами) поставлю, чтобъ тебя разразило.

„*Садиться*" „щоб усе добре сідало". „Присядзіш, штоб пщолки садзілісь, Записан Географичесааго Общества по Этнографіи, I, 413.

Сладко — любовно, счастливо. Когда передъ свадьбою парятся невѣста, поддавать пару пивомъ или медомъ, чтобъ жизнь брачная была сладка. Терещенао, Быть русск. н., II, 171.—(Когда—женихъ, пàру водкою, ib. 172).

Изъ превращенія метафорическаго образа въ причину—множество прямѣтъ, сновидѣній, заговоровъ, чаръ. Объясненіе малорусса. пѣсень. II, 60—3.

Образъ — причина явленія.

До настоящаго времени мѣстами считается неприличнымъ сидѣть въ обществѣ, положивши ногу на ногу. У древнихъ это считалось дѣйствіемъ прямо враждебнымъ, преступнымъ, ябо всякое

Digitized by Google

соединеніе не только подколѣна съ колѣномъ, но обхватываніе руками своихъ колѣнъ, извѣстное соединеніе пальцевъ рукъ, замыканье (дверей, замковъ), вязанье узловъ, была нетолько символами, но и причинами замедленія или прекращенія извѣстныхъ дѣйствій. На оборотъ всякое развязываніе, отпираньe и пр., какъ до нынѣ совершаемое отпираніе царскихъ дверей, коммодовъ и ящиковъ при родахъ (въ Ромнахъ и др. мѣстностяхъ)—есть содѣйствіе:

„Assidere gravidis, vel cum remedium alicui adhibeatur, digitis pectinatim inter se implexis, veneficium est (=чары); idque compertum tradunt (говорятъ, что это испытано) Alcmena Herculem pariente. Pejus, si circa unum ambove genua, item poplites alternis genibus imponi. Ideoque haec in conciliis ducum potestatumve fieri vetuere majores, velut omnem actum impedientia. Vetuere et sacris votis ve simili modo interesse". Pl XXVIII, 17.

Гриммъ Mythologie[2] 1127—8, говоря о чарахъ, состоящихъ въ вязаньи, замыканьи и пр. (nestelknüpfen, schlosschliessen, binden), къ этому мѣсту Плинія приводитъ изъ Овидія, Metamorphoses 9,298..... „Dextroque a poplite laevum Presso genu, digitis inter se pectine junctis, Sustinuit nixus (задержив. роды), tacita quoque carmina voce Dixit, et inceptos tenuerunt carmina partus и далѣе ib., 310, 314.

Отъ сходства къ причинѣ.

Echeneis, задерживаетъ корабль; поэтому... „Est parvos (=us) admodum piscis adsuetus petris (обычно держащійся у скалъ), *echeneis* appellatus; hoc carinis (киль) adhaerente naves tardius ire creduntur, inde nomine inposito; *quam ob causam* amatoriis quoque veneficiis infamis est (пользуется дурною славою) et judiciorum ac litium mora, quae crimina (дурныя свойства) una laude pensat fluxus gravidarum utero sistens (останавливаетъ кровотеченіе родильницъ) partusque continens ad puerperium] (удерживаетъ въ утробѣ плодъ до самыхъ родовъ). Pl. IX, 41.

Жемчугъ=роса=изъ росы.

Has (conchas margaritiferas), ubi genitalis anni stimularit hora (когда побудитъ пора года благопріятная зарожденію), pandentis

Digitized by Google

se qnadam oscitatione inpleri roscido conceptu (оплодотворяются, воспріявши росу) tradnnt, gravidas postea niti (чуастаують оотуги), partumque concbarum esse margaritas, pro qoalitate roris accepti: si purus influxerit, candorem conspici, si vero turbidus (мутная), et fetum sordescere; eondem pallere coelo mioante conceptum (плодъ блѣднѣетъ (отъ страха), будучи зачатъ при грозномъ небѣ); ex eo quippe constare, coeli quietis majorem societatem esse quam maris (въ большей зависимости отъ неба, чѣмъ отъ моря), inde nobilum trahi colorem aot pro claritate matutina serenom; si tempestive satientur (если восприяли (сѣмя) воаремя и досыта), grandescere et partos; si fulguret, couprimi conchas ac pro jejnni modo (смотря по тому, насколько они остались впроголодь (неудовлетворены) minui; si vero etiam tonuerit, pavidas ac repente conpressas qoae vocant physemata efficere [1]), speciem modo inani inflatam sine corpore (одна надутая оболочка безъ зерна); bos esse conchariim abortns. Sani quidem partus multiplici constant cute, non inproprie calluu ut existumari corporis possit (что небезосаовательно можно считать ихъ твердымъ *мясомъ*=corpus); itaque expurgantnr a peritis.

Противорѣчащія наблюденія:

Miro ipso tantom (странно только), eas coelo gaudere, (а между тѣмъ) sole rofescere candoremque perdere, ut corpns humaunm, quare praecipnum custodiunt (особенно сохраняютъ бѣлизну) pelagiae (въ открытомъ морѣ), altins mersae, quam ut penetrent radii... Pl. IX, 34—54.

Отъ сходства къ причинѣ:

Веснушки считались тѣлеснымъ недостаткомъ. Поэтому „invenio apud auctores, his qui lentigines habeant, negari magices sacrificiorum usus =non esse idoneos ad sacra peragenda, по мнѣнію чародѣевъ) Pl. XXVIII, 50. Sunt quaedam magis perfugia (увертки, отговорки), veloti lentiginem habentibos non obseqoi nu-

[1]) Ср. такимъ-же образомъ громъ и крикъ ястреба пугаетъ насѣдку и портитъ зноснваемыя ею яйца: si incubitu tonuit, ova pereunt, et accipitris audita voce vitiantur. (Pl. X, 75—54).

Digitized by Google

mena aut cerni (ихъ неслушаютъ, имъ непоказываются вызываемыя божества) XXX, 6.

Веснушки отъ *stellio* (родъ пестрой ящерицы). Quum immortuus est (заморенъ *stellio*) vino, faciem eorum, qui biberint, lentigine obducit. Ob hoc in unguento necant eum (жеащаны, жены), insidiantes pellicum formae (умышляющія протавъ арасоты соперницъ). Remedium est *ovi luteum* (какъ отъ желтухи) ib. XXIX, 22.

„Рааьше асѣхъ деревьевъ теряетъ плодъ ива (верба), прежде чѣмъ онъ достигнетъ зрѣлости, почему у Гомера она названа теряющею плодъ („μακραί τ' αἴγειροι καὶ ἰτέαι ὠλεβίκαρποι, Од. X, 510). Позднѣйшее время изложило ато наблюденіе къ своему иозору, ибо сѣмя ивы извѣстно, какъ средство сдѣлать женщану безплодною". Pl. XVI, 46.

„Орлиные камна, находамые въ орлиныхъ гнѣздахъ „хранятъ въ *своемъ чревѣ* мягкую глину, пѣсокъ или другой твердый камень. Навязанныя на беременаыхъ женщинъ или четвероногихъ въ нусаѣ нижи жертвеннаго жнаотнаго, они удерживаютъ въ ихъ чревѣ плодъ и должны быть снимаемы тольно при наступленіи родовъ; въ иротавномъ случаѣ страдающая родами вовсе неможетъ родить". Pl. XXXVI, 39.

Tribus primis et quinto aquilarum generi inaedificatur uido lapis aetites... est autem lapis *ille praegnans* (беременень), intus alio, cum quatias, *velut* in utero sonante, sed vis illa medica non nisi nido direptis, ib. X, 4.

Отъ сходства:

Яйце ворона: „Ore eos (corvos) parere aut coire volgus arbitratur, ideoque gravidas, si ederint curvinum ovum, per os partum reddere atque in totum difficulter parere, si tecto inferuntur. Aristoteles negat, non hercule magis, quam in Aegypto ibim, sed illam exosculationem (schnäbeln) quae saepe cernitur, qualem in columbis esse. ib. X, 15.

— Отъ крови—красное. Gromphaena (=amarantus gromphaena. kugelamaranth) съ зелеными и розовыми листьями, пшеремѣнао сидящима аа стеблѣ—sanguinem reicientibus medetur. Pl. XXVI, 23.

Digitized by Google

— *Polypodium* (=polypodium vulgare) „quam nostri feliculam vocant"—filix). „Aridae (radicis) farina indita naribus polypum consumit" ib. XXVI, 37.

— Catanancen (*χαταναγκη*, по однимъ ornithopus compressus, по другимъ astragalus; одольанъ, одолѣнъ, Kolberg, Pukucie, III, 146) Thessalam herbam, qualis sit, describi a nobis supervacuum est, cum sit usus ejus, ad amatoria tantum. Illud non ab re est dixisse ad detegendas magicas vanitates, electam ad hunc usum conjectura, quoniam arescens contraheret se ad speciem unguium milvi exanimati, ib. XXVII, 35.

— Orchis (*ὄρχις* testiculus) растеніе, разные виды коего мр. любжа, любка, „люби мене непокинь", у Даля—любжа: „Inter pauca mirabilis est orchis herba sive serapias... gemina radice testiculis simili, ita ut major sive, ut aliqui dicunt, durior, ex aqua pota, excitet libidinem, minor sive mollior e lacte caprino—inbibeat... Concitatricem vim habet satyrion; duo eius genera: una... radice gemina ad formam hominis testium... altera *satyrios orchis* (сатирово мудо) cognominatur et feminam esse creditam.... Haec (пислѣдняя) tumores et vitia partium earum... sedat..., superioris radix in lacte ovis... data nervos intendit, eadem ex aqua remittit, Pl. XXVI, 62.

„Graeci satyrion... tradunt... radice gemina, cujus inferior pars et maior maris (=es) gignat, superior ac minor feminas. Et aliud genus satyri (=ii) erytraicon appellant... venerem etiamsi omnino manu teneatur radix stimulare, magis adeo si bibatur in vino austero; arietibus quoque et hircis... in potu dari, et a Sarmata equis ob adsiduum laborem pigrioribus in coitu.... In totum quidem Graeci, cum concitationem banc volunt significare, satyrion appellant, sic et *crataegin* cognominantes, et thelygonon et arrenogonon, quarum semen testium simile est. Pl. XXVI, 63.

Cynosorchim (hundstode) aliqui orchim vocant.... radice bulbosa, ablonga, duplici ordine, superiore quae durior est, inferiore quae molliur... Ex his radicibus si majorem edant viri, maris generari dicnnt, si minorem faeminae, alterum sexum. In Thessalia

Digitized by Google

molliorem... viri bibunt ad stimulandos coitus, duriorem vero ad inbibendos; adversantur altera alteri (дѣйствіе противоположно). Pl. XXVII, 42.

Быть можетъ, по противоположности между сатирамъ, отъ имени конхъ *orchis*—satyrion, и нимфами—nymphaea—какъ средство противъ безсилія: Venerem in totum adimit... nymphaea heraclia etc. Pl. XXVI, 61.

Lithospermum отъ камня. Inter omnis herbas litbospermo (=lith. offic. горобейникъ) nihil est mirabilius, aliqui exonychon (ослье копыто) vocant. Herba... gerit iuxtra folia singulas veluti barbulas et in earum cacuminibus lapillos candore et rotunditate margaritarum, magnitudine ciceris, duritia vero lapidea: ipsi qua pediculis adhaereant caverunlas babent et intus semen... His lapillis drachmae pondere potis in vino albo calculos frangi pellique constat et stranguriam discuti; neque in alia herbarum fides est visu statim (съ такою достовѣрностью при первомъ взглядѣ), ad quam medicinam nata sit. Pl. XXVII, 74.

Пятоперстникъ (пятолистникъ, quinquefolium, potentilla, греч.—pentapetes=пятокрылъ, pentaphyllon, Pl. XXV, 62): Digitorum vitiis omnibus et privatim pterygiis (ноготь, волосъ) quinquefolium medetur. Pl. XXVI, 14.

Козла держатъ на конюшняхъ отъ домового (Аѳ. П. В. I, 714—5) Ср.:

Natrix (кнутъ, плеть) vocatur herba cuius radix evolsa *virus hirci redolet*. Hac in Piceno feminis abigunt quos mira persuasione (въ силу страннаго убѣжденія) *fatuos* vocant, ego·species lymphantium hoc modo animorum esse crediderim (я же считалъ бы мечтою=сонимъ видѣніемъ душъ, объятыхъ таинымъ безумнымъ страхомъ), quae tali medicamento juventur. Pl. XXVII, 83, (растеніе *natrix* неопредѣлено въ точности *ononis* natrix? ononis *hircina*?).

Лѣкарства отъ сходства. „Morbo regio (желтухѣ) resistunt sordes aurium... Gallina si sit *luteis* pedibus, prius aqua purificatis, dein collutis vino, quod bibatur... Avis icterus vocatur a co-

Digitized by Google

lore (icterus желтуха), quae, si *spectetur*, sanari id malum tradunt, et avem mori. Hanc puto latine vocari galgulum (=galbulum). Pl. XXX, 28 (мр. средства — отваръ морнови, купанье въ отварѣ *желтыхъ* муравьевъ и обвязыванье краснымъ поясомъ, на который выходитъ желтиница, *крокісъ* (шафранъ), коралі, лячный желтонъ, Чуб. I, .113. Смотритъ въ нычищенный мѣдный тазъ, въ которомъ живой онунь.

Отъ желтухи *ἐρυθρόδανον*, крапъ, radix tinctorum (красильное) внутрь. „По нѣкоторымъ оно исцѣлнетъ желтуху даже если его привязать танъ, чтобъ было на виду. Pl. XXIV, 56.

... Et alibi genus *chrysolachani* (atriplex hortensis, червона, жовта лобода) traditur flore aureo... Haec herba adalligata morbum regium habentibus ita ut spectari ab his possit, sanare id malum traditur, Pl. XXVII, 43.

Отъ сходства къ причинности.

Когда установилось отношеніе сходства между образомъ внѣшней природы и душевнымъ явленіемъ, то дальнѣйшій шагъ можетъ состоять не тольно въ томъ, что образъ станетъ причиною, производящею душевное явленіе (cera liquescit... sic Daphnis nostro amore), но и наоборотъ:

Сила чувства изображается тѣмъ, что оно во внѣшней природѣ производитъ свой символъ: (См. метонимію *τὸ χλορὸν δέος*).

Ой ик же я занувала, ввесь сад поламала.
(О св. нѣкр. предст. 11).

Про все мені байдуже, а нобзи як би неділю небуло, танъ я й гори топлю. З. о. Ю. Р. I, 13. Мое Сл. о П. Иг., 75.

Ян ми з тобою знознавалися,
Сухі дубы развивалися,
А ни кохатьси перестали,
Й однолітни повсвхали, М. 69.

Сердце горючее=огонь. Слѣдовательно при извѣстныхъ условіяхъ огонь можетъ распалять сердца, и сердце — производить *пожаръ*.

Digitized by Google

Отсюда величанья, „кад одмакну сватови с дјевојком:

Бубањ бије од града до града,
Воде Јању од Соколовића:
Прео које горе преведоше,
Она гора јабуком родила;
Прео које воде преведоше,
Она вода вином отјецала;
(Об. мр. п. II, 389, 392)

У које је село уведоше,
Оно село здраво и весело;
У коју је кућу уведоше:
Око куће сење и јасење,
А у кући здравље и веселье.
Ђ. Рајков. 108.

Кад јој видим прие очи,
Не пада ми саа аа очи
Већ ми пада јад аа срце;
Од јада ми гора вене,
И у гори горско цвиће,
Горско цвиће трандофиле.
Ђ. Рајков. 110 Н. Бегов. 76.

Од севдаха ништа горе нејма,
Од севдаха суши се и трава;
Како неће срце у дјевојке?
К. Ристић. 35.

Отъ сходства къ причинности, (починъ).

Слѣдствіе есть повтореніе причины. N такоаъ, аотому, что въ такомъ настроеніи родила его мать. (Ср. Метлинскій, 275).

„Хоћеш, бери, ти за Иву поћи?"
— Нећу, мајко, ја за Иву поћи:
Ја сам с Ивом на слогу [1]) прежела [2]).

[1]) Слог= Љеха.
[2]) (Жать на в-заводи? на перегонку?).

Digitized by Google

Ја говорим, а он са мном неће,
Ја се смијем, он се смијат неће,
Ја се њиња с јабунами бацам,
А он на ме ни с каменом неће;
Камено му срце материно,
Која га је срдита родила,
Јер га није весела родила
К'о што ј'мене моја мила мајка.

Ђ. Рајков. 19.

Можетъ быть сюда: „дѣло будетъ таково, потому что задумано или аачато ори такихъ то оредвѣстівхъ. N идущій на смерть, незная объ этомъ:

Коњи седли, коњ се одседлава,
Узду меће, уэда с' одуздава.

Ђ. Рајнов. 168.

Канъ образецъ миоаческаго мышлеаія, заилюченіе отъ образа къ объвсняемому: „тѣи всѣ части (назанв, т. е. эксордіумъ, инрація, ионклюзія) мѣются згажáти з' оѣмою. бо, якъ з малóго жродда выхóдитъ велйаая рѣкà, ѥднáкъ водá у рѣцѣ згажáѥться з' тóїю водбю, котóрая ѥстъ в' жродлѣ, такъ з малон оѣмы велйкоѥ похóдитъ казáніѥ, за чáмъ чáста котрѣи ся в' кàзаню знайдýютъ, повйнны ся з' оѣмою згажáти, жебы, що ся в' оѣмѣ знайдýетъ, тоѥ в' енсродіумъ и в' наррацін, и в' ионалѣзіи ся знайловáло. Ниýка áлбо способъ зложеня казàая въ Ключѣ разумѣнія Іоаниніків Гилвтовснаго 1659. Буслаевъ, Исторвч. Христоматія. 1126.

По подобію. Платонъ: міръ есть животаое. Льюясъ 332.

Отъ частнаго сходства къ тождеству. Замѣаа одиого другимъ: нрапива а т. п. вмѣсто огня. Пѣтухъ ам. огия. Ае. П. В. I, 524. Яйцо и громовая стрѣла, ib. 538. Коровій калъ, какъ лѣкарство, ib 672. Пругъя вербы и громовыя стрѣлы, ib. 702.

Ѣдуча съ павычемъ Романомъ Тихоноавчемъ въ полаъ, Кирюшка замѣчаетъ, что отъ города имъ аа встрѣчу летятъ отицы, и все смирнив, нехищныя, и онъ толауетъ, что ае воеваашн ни

Digitized by Google

съ кѣмъ, панычъ скоро воротится. Герой Очаковскихъ временъ, Квитка III, 258.

Огурцы *вяжутся*. Чтобъ лучше вязались—чары съ поясомъ, лаптемъ (Номис, № 257—8), съ растеніями „котиками".

Веснушки. Хто має ластовиння на виду, то, побачивши весною у перше ластівку, примовля: „ластівко, ластівко, на тобі веснянки, дай мені білянки", а потім умивається. Ном. 5.

Въ Куявахъ женщина, впервые весною увидѣвши ласточку, утираетъ лицо ладонями, какъ бы умываясь, чтобы незагорать отъ солнца. Kolb. Lud III, Kujawy, 91.

„Кольца, что складываются изъ мотыльновыхъ яичекъ ни... вѣткахъ...—то „зозуля наковала". Максимовичъ, „Дни и мѣсяцы украинск. селянина". (Собр. соч. II, 482).

Въ Пензенской губ. мнѣ эти кольца называли „кукушкины слезки".

— Встрѣтить съ *полнымъ* предвѣщаетъ удачу. Квитка, Гер. Оч. Вр., 262, 255, 275.

„Вставляючи по весні бджоли, переносять їх черезъ гостру *косу*, щоб були злі и недалися чужій бджолі: вони нетілько недадуться, и ще й чужу забьютъ". Мавдж. (=посічуть).

Выбирая мѣсто подъ хату, смотрятъ, чтобъ подъ нее не пришлась прежняя дорога; въ противномъ случаѣ въ новой хатѣ жильцы скоро вымрутъ. П. Ивановъ. Купянск. у. Х. г.

— Начинать строить хату въ день Преподобнаго, а не мученика, и не то—недостроишь, ib.

Поведѣльникъ тяжелый день для всего, кромѣ посадки огурцовъ, дынь, арбузовъ, которые слѣдуетъ садить въ понедѣльникъ, чтобы первые цвѣты были съ завязью, ib. („Понеділок божій клюшник, Об. мр. п. I, 108).

Когда въ хатѣ сидитъ птица на яйцахъ, нельзя печь яицъ ни жечь яичной скорлупы въ печи, иначе запекутся зародыши въ яйцахъ подъ насѣдками. Тогда же нечистить сажи въ трубѣ, а не то яйца подъ насѣдками внутри почернѣютъ. П. Ив. Купянск. у.

Digitized by Google

При лѣченіи отъ „уроків“ наговорепную воду выливаютъ подъ пяту двери, „щоб лихо таи крутилось, яа ирутяться двери. ib.

— Землю съ могилы сыплютъ подъ порогъ хаты, чтобъ у норчливой свекрови или мичехи взныъ онѣмѣлъ, и она перестала браниться. ib.

„Негодиться“ держать въ хвтѣ вѣникъ изъ дерезы, в то въ семьѣ будутъ частыя ссоры. ib.

Дѣвка бросаетъ за выходящимъ изъ хаты пирубкомъ щепоть солв, чтобъ овъ ходилъ къ вей, каиъ овци къ соли. Kolb. Pok. III, 141.

Умозаключеніе въ области метониміи, когда причиною становится метонимическій обризъ=*cum v. post hoc, ergo propter hoc*. Эта послѣдияя формула—шире разсматриваемаго случая, потому что *a* можетъ быть одиовремеиио съ *б* или слѣдоиать зи иимъ, иебудучи его обризомъ.

Свойство животиаго черезъ пищу переходитъ въ его *кал*ъ:

„Cbrras negant lippire (у нихъ негиоятся глаза), quoniam eae quasdam herbas edant; item dorcadas (быстроглазыв газели: *δορκάς, παρά τό βλέπω (δέρκομαι), ὀξυδερκές γαρ τό ρῶον καί εὐόμματον)*: et ob id fimum earum cera circumdatum nova luna (чтобъ зрѣвіе росло вмѣстѣ съ нею) devoruri jubent. Et quoniam noctu aeque quoque cernant, sanguine hircino sanari lusciosos putant, nyctalopas a Sraecis dictos (невидящими ночью)“. Pl. XXVIII, 47).

Cum hoc (иаиъ соприиосновеніе, пространственное сближеиіе) *ergo propter*:

Наузы. (Для укрѣпленія шатвющихся зубовъ и отъ зубиой боли—зубиой порошокъ изъ жженаго или сырого олеиьяго рога):

„Magnum remedium est in luporum capiis cinere, certumque est, in excrementis eorum plerumque inveniri ossa. *Haec adalligata* eundem effectum habent“. (Pl. XXVIII, 49).

„Febres arcet cervorum caro... easque quidem, quae certo dierum numero redeunt, *oculus lupi* dexter salsus adalligatusque“ (ib. 66).

Отъ зубной боли иивязывить зубъ собаки, иротв, змѣв (ib. XXX, 7—8).

Digitized by Google

Летучая мышь — ночное животное, отсюда: „Somnum arcet vespertilionis caput aridum adalligatum“ (ib. 48). Навязанная *кукушка* наводитъ сонъ (неаууетъ аочью). Куры синтъ ночью. Отсюда—отъ неспячки носатъ дѣтей къ курамъ. См. заговоръ отъ безсонницы взрослому—черную курицу зарѣзать, ощипать, мясо бросить, чтобъ нпато несъѣлъ, а перьями подаурить. (Кв. Гер. оч. врем. III², 262).

Въ числѣ прочихъ наузовъ отъ лихорадки: „Et in tertianis fiat potestas experiendi, (quoniam miserias copia spei delectat), aune aranei, quem *lycon* vocant, tela cum ipso, in splenio resinae cerae que, imposita utrisque temporibus et fronti prosit, aut ipse calamo adalligatus, qualiter et aliis febribus prodesse traditur“. (Pl. XXX, 30).

„Tanta vis mali est (яда бѣшенной собаки), ut uriua quoque calcata rabiosi canis noceat, maxime ulcus (чирей) habentibus... Minus hoc miretur, qui cogitet, lapidem, a cane morsum,... in proverbium discordiae venisse“ (ib. XXIX, 32). (Объясняютъ): „fortassis ita dictitabant in hominem conviticatorem et rixosum: „hic lapidem calcavit a cane morsum“).

Медвѣдь. „Primis diebus (спячки) bis septenis tam gravi somno premuntur, ut ne vulneribus quidem excitari queant. Tunc mirum in modum veterno pinguescunt... Ab iis diebus resident ac priorum pedum suctu vivunt... Mirum dictu, credit Theophrastus, per id tempus coctas quoque ursorum carnes, si adversentur, increscere“ (ib. VIII, 54). Теофрастъ говоратъ о медвѣжьемъ жирѣ.

Тюлени. (Vitulus marinus, phoca monachus). „Ipsis in sono (слышится) mugitus, unde nomen vituli... Nullum animal graviore *somno* premitur... Pellis eorum etiam detractas corpori sensum aequorum retinere tradunt (=чуютъ море) semperque aestu maris recedente (при отливѣ) inhorrescere (наеживаются); praeterea dextrae pinnae (ластъ) vim soporiferam inesse somnosque adlicere subditam capiti“. (Pl. IX, 15).

Орлы пожираютъ другихъ птицъ. Отсюда: „Aquilarum *pinnae*, mixtas reliquarum alitum pinnas devorant“ (ib. X, 4).

Digitized by Google

Post hoc. Кукушка въ ястреба и обратно: „Соссух (ауаушаа) повидимому — изъ ястреба (ex accipitre) измѣняетъ видъ (лишь) аа (нѣвоторое) аремя года, тааъ кааъ въ это врема ястреба поаазыааются лишь въ теченіе немногихъ дней. Сама кукушаа показывается лишь на короткое лѣтаее время, а затѣмъ ея невидно. Изъ всѣхъ ястребоаъ у нея одной аогти не прааые, ни голоаою и ничѣмъ она неохожа на ястребоаъ, кромѣ цвѣта; но клюау — скорѣе на голубя. Ястребъ ее и истребляетъ, если случится имъ показаться аъ одао и тоже времи. Т. о. ауаушка еданственаая птица, убаваемая другими того же рода (a suo genere interempta). Она измѣняетъ и голосъ. Появляется весною, скрывается при аоскодѣ канинулы". (Pl. X, 11).

Козодой: „Caprimulgi appellantur grandioris marulae adspectu, fures uocturni, interdiu enim visu carent. Intrant pastorum stabula caprarumque uberibus advolant suctum propter lactis, qua injuria uber emoritur caprisque caecitas, quas ita mulsere, oburitur" (ib. 56).—(Ср. *Ласточка*—Ае. II. B. I, 669).

Звѣзды — роса: „Sidus, appellatum Veneris... aemulum solis ac lunae. Praevenieus quippe et ante matutiuum exoriens, Luciferi nomen accipit, ut sol alter, *diem maturans* (усаоряя появленіе дня своимъ свѣтомъ); contra ab occasu refulgeus uuucupatur vesper, ut prorogans lucem, vicemque luuae reddeus... Hujus *natura* cuncta geuerantur iu terris. Namque in alterutro exortu (утромъ и аечеромъ), *genitali* rore conspergeus, non terrae modo conceptus implet, verum animantium quoque omnium (conceptus) stimulat" (ib. II, 6).

Звѣзды — роса, медъ. (Эти сочетанія въ слав. и др. над.— см. въ моихъ „Объясн. мр. и. I, 96, 114).

„Venit hoc (=т. е. mel) ex aere et maxime siderum exortu, praecipueque ipso sirio explendescente fit, uec omuiuo prius vergiliarum exortu (Плеядъ, 48 дней послѣ аесенняго равноденстаія), sublucanis temporibus (передъ саѣтомъ). Itaque, tum, prima Aurora (аааъ только заворѣетъ), folia arborum melle roscida inveniuntur ac, si qui matutino sub divo fuere (аому случалось бывать утромъ подъ открытымъ небомъ), unctas liquore vestis (=es) ca-

Digitized by Google

pillumque concretum (сливаются) sentiunt. Sive ille est coeli sudor, sive quaedam *siderum saliva*, sive purgantis se aeris sucus (=cc.), utiuamque esset et purus ac liquidus et suae naturae, qualis defluit primo; nunc vero (хотя) e tanta cadens altitudine multumque dum venit sordescens et obvio terrae halitu iufectus, praeterea e fronde ac pabulis potus et in utriculo congestus apium (ore enim eum vomunt), ad hoc suco florum couruptus et alvis maceratus (ослабленный вліяніемъ ульевъ) totiensque mutatus magnam tamen caelestis naturae voluptatem adfert (приноситъ большое наслажденіе согласно своей небесной природѣ)". Pl. XI, 12.

„Ibi optumus (mel м. p.) semper, ubi optumorum doliolis florum conditur (гдѣ сарытъ въ чашечкахъ)... sorbetur (пчелами) optumum et minume fronde infectum e quercus, tiliae, harundinum foliis" (ib. 13).

„Immensa circa hoc (въ этомъ) subtilitas naturae mortalibus patefacta est, ui fraus hominum cuncta pernicie conrumperet (если бы обманъ непортилъ и негубилъ всего). Namque ab (при) exortu sideris cujuscumque, sed nobilium maxume, aut caelestis arcus, si non sequantur imbres, sed *ros* tepescat solis radiis, medicamenta, non mella, gignuntur, oculis, ulceribus internisque visceribus dona caelestia. Quod si servetur (если собирается медъ) hoc sirio exoriente casuque congruat in eundem diem, ut saepe, Veneris aut Iovis Mercurique exortus (если случится совпаденіе), non alia suavitas visque mortalium malis a morte vocandis, quam divini *nectaris*, fiat (то сладость и сила удалять болѣзни смертныхъ отъ смертнаго исхода не меньше, чѣмъ...)" ib. 14.

Трава отъ укушенія змѣй появляется и исчезаетъ вмѣстѣ съ ними:

„In eadem provincia (Hispaniae) cognovi in agro hospitis (своего хозяина) nuper ibi repertum *dracunculum* appellatum caulem pollicari crassitudine, versicoloribus viperarum maculis (=отъ сходства), quem ferebant contra omnium (viperarum) morsus esse remedio, alium quam quos iu priore volumine (—XXIV, 23—) ejusdem nominis diximus: sed huic alia figura, aliud miraculum exse-

Digitized by Google

renti se terra ad primas serpentium vernationes bipedali fere altitudine rursusque cum iisdem in terram condenti; nec omnino, occultato eo, adparet serpens, vel hac hoc per se satis officioso naturae munere, si tantum praemoneret tempusque formidinis demonstraret" (= было бы уже то одно достаточно благодѣтельнымъ даромъ природы, если бы это растеніе предостерегало и указывало время, когда слѣдуетъ бояться). Pl. XXV, 6.

Cum hoc=propter hoc: „Hominum dentibus quoddam inest virus, namque et specnli nitorem ex adverso nudati babetant (если оскалить ихъ противъ зеркала, то оно тускнѣетъ) et colnmbarum fetus inplumis (=es) necant" ib. XI, 64.

— *Огонь* самъ себя рождаетъ, *скрытый въ камнѣ, деревѣ*:

„Quum sit hujus unius elementi ratio faecunda (одна эта стихія способна разрождаться, распространяться) seque ipsa pariat et minumis crescat a scintillis, quid fore putandum est in tot rogis terrae (что наконецъ будетъ изъ столькихъ костровъ въ землѣ?), quae est (какъ могущественна) illa natura, quae *voracitatem* in toto mundo avidissimam sine damno sui pascit. Addantur iis sidera innumera ingensque sol. Addantur humani ignes, et lapidum quoque insiti naturae, attrita inter se ligna, jam (на конецъ) nubium (ignes) et origines fulminum" (огонь сарытъ въ облакахъ, порождающихъ молнія) ib. II, 111.

Пчелы и другія насѣкомыя—*изъ дохлыхъ животныхъ*:

„Sunt qui... (apes) in totum... amissas reparari (putent) ventribus bubulis recentibus cum fimo obrutis, Vergilius (—Georg. IV, 284 сл.—) juvencorum corpore exanimato, sicut equorum vespas atque crabrones, sicut asinorum — scarabaeos, mutante natura ex aliis quaedam in alia (=*превращенія*). Sed horum omnium (vesparum, crabronum, scarabaeorum) coitus cernuntur (можно видѣть совокупленія, тогда какъ совокупленія пчелъ (по XI, 16) никто никогда ненаблюдалъ), et tamen in fetu (относительно зарожденія) eadem prope natura, quae apibus" ib. XI, 23.

Cum, post hoc=propter hoc—въ грамматикѣ:

Digitized by Google

Въ лат. abl. abs.—отъ отношенія времени къ условію, основной причанѣ: „Venae latiores candidioresque pulpae fissilibus (arboribus) insunt. Ideo fit, ut, *aure* ad caput trabis quamlibet praelongae admota (=если...) ictus ab altero capite... sentiantur, penetrante rectis meatibus sono (=тааъ кааъ...) ib. XVI, 73.

— Отъ безсоницы заговоры—аъ зорнмъ, а такъ какъ пѣтухъ зоветъ свѣтъ, то и аъ курамъ.

Жаворонокъ приноситъ *весну*: „Малий соловейао сади розвиває"; jau užděgs kéle kodeli. (Мр. п. по сп. XVI в., 35).

„Німці, яа прилетитъ *черногузъ*, кажуть: „уже черногузъ полудень праніс", та й починають полудаовати; а як піде у вирій, то й полудень аидають". (Манж. Новомоса. у.).

— *Почин*—Объаса. мр. п. II, 64—4.

— *Счастливыя* (и несчастныя) *вещи*. Когда при насъ была тааая-то вещь, намъ была удача. Слѣдовательно—нужно держать ее на счастье:

„Пак се Лазар поче облачати...
И припаса све сретно оружје,
Са којим је на бој ударао
И здраво се на траг повраћао. (Кар. Цјес. IV, 299)

Т. о. азъ рада обстоятельствъ случая *А* выдѣляется одао, на пр. мѣсто и т. п. а ставится единственною причиною этого и другихъ подобныхъ случаевъ:

„(Стояаъ) хитро пресно у Лачау крајааy
Од Котара до воде студеаца,
Што се вода Несретница зваше:
Когоћ пио злосретан је био...
Код воде је аитез погинуо...
Но Стојан се твердо усрнјао:
Пивом жећу утулит неможе,
До напій се воде Несретнаце,
Ко ј' гоћ пио несрецан је бао.
Паа с' одмаче под јелу зелеау,
Под јелу га санаа преварно

Digitized by Google

ђе је срећа, ту је и несрећа
Те се Турска чета подосула
И пред четомъ сила Мустајбеже,
Дође чета па воду студену,
Код воде је трудна погинула
љеба ију, ладие воде пију
Па кад су се одмарили Турци,
Рече дружби силан Мустајбеже;
„Чујете л' ме љубезна дружина!
Та се вода зове несретница,
Ко гођ пио, несретан је био;
Іа се бојим Іованвић Стојана.

Турци овладѣваютъ Стоиномъ... Хаиан, сестра Мустайбега, освобождаетъ его и бѣжитъ съ нимъ. На возвратномъ пути непьютъ этой воды. Турки ихъ догоняютъ, Стоянъ избиваетъ.

У*мозаключеніе—pars pro toto*: напр., цѣлое—борьба грековъ съ варварами. Причина ея, по Геродоту (1), похищеніе такихъ-то женщинъ съ одной и съ другой стороны.

— „Has (cunctas margaritas)... inpleri *roscido* conceptu tradunt". (Pl. IX, 34).

— Рад би вітер повівати—рад би милій прибувати:

„Пуии ми, пуии, ладане
Дођи ми, дођи, драгане"... (Давидовић, С. и. п. 96).

Ладан (при хладьпъ), кааъ:

„Разболе се болане Іоване". (Б. М. С. и. п... у Срему 14).

Мутити—љутити:

„Не чудим се.....
Аии води, што се често мути,
Већ мом драгом, што се иа ме љути".
Давидовић, С. и. п. 79).

— Понятіе *genus, родъ* (общее)—антропоморфично. *Родъ—сѣдъ*:

„Прођ се, сине, турскијех ерлија
И прођи се наурсаихъ ђидија

Digitized by Google

(Два су врага, а једаога трага)
Већ се жени, води ми одм'јену".
(Беговић, С. к. п. I, 104).

— *Горы толкуія*. Плиній читалъ „Etruscae disciplinae volumina" и нашелъ тамъ между прочимъ описаніе чудъ бывшаго за 94 г. до Р. Х.: дѣ горы бились, между ними—дымъ и пламя. (Pl. H. N. II, 85).

Заключеніе отъ созвучія:

„Ты саятэй Кузьма—Дземьякъ
Да скуй жа намъ свадзебку!
Дк святэй же Лука
Солучи иамъ гэту пару" (Шейкъ, Мкт. II, 49).
„Быць яму (жениху) ў Божжимъ дому,
Дзѣ самъ Богъ суды судзаць,
Прячиста Матушка пирясужаваиць,
Сыкъ Божій аиаець дзєржиць,
Съвитàл *Сулука* сылучаиць" (Вит. губ. ib. 58).

„Ты святой Лука—Боже!
Солучи нкшу свадзебку,
Двухъ молодыхъ въ одно мѣсто" (См. г., Бѣльск. у. ib. 393).

Возведеніе универсаловъ на небо повело къ отожествленію общаго съ желательнымъ и породило ошибочную терминологію, по которой желательное есть *общее*: нкпр. „Вмѣсто объективно-достовѣрныхъ общечеловѣческихъ началъ правды славянофилы въ основаніи своихъ доктринъ поставили предполагаемый идеалъ русскаго народа" и пр. (В. Соловьевъ „Оч. изъ ист. русск. созн." В. Е. 1889, 11, 383).

Истина, добро, красота входятъ узкими вратами. Стоило ли бы ихъ проповѣдывать и возможно ли было бы изъ-за нихъ страдать, если бы они были въ какомъ-либо отношеніи общечеловѣческими?

Digitized by Google

Вражда и любовь внѣ животаой сферы (метафора):

„Pax secnm in his aut bellum naturae dicetur, odia amicitiaqne rerum snrdarum ac sensn carentium (=противорѣч.?)... quod Graeci sympathiam et antipathiam appellavere, qnibns cuncta coustant, (чѣмъ все держится) ignis aquis restinguentibns, aquas sole devorante, lnna pariente (aquas), altero alterius injuria deficiente sidere (каждое азъ этихъ двухъ свѣтилъ затмѣвается, обажаемое другимъ); atqne, ut a sublimioribus recedamns, ferrum ad se trahente magnete lapide et alio (lapide) rursus abigente a sese, adamanta (виним.) opum gaudium, infragilem omni cetera vi et invictum, sanguine bircino rumpente, quaeque alia in suis locis dicemus paria vel majora miratn". (Pl. XX, 1).

Т. о. метаф. *вражда* и *любовь* создаетъ обнимающую весь міръ связь причинъ и слѣдствій. Сюда сказка Аѳанасьева II, № 1 и стр. 130—1, Рудченко I, № 27 („Шулик—до курей, а аури до червей, а черви до довбні, а довбня до аолів, а воли до водн, а вода до огню, а огонь до Татаръ, а Татары до людей, а люде до новка, а аова до аозн, а коза до билинн, а билана (що нехотіла поколихати горобця) тоді: „колих, колих, батьау ёго сто лих!"); пословаца: „коза дере лозу, хлопъ аозу, хлопа жид, жида панъ, пана юраста, а юристу чортіа триста".

Quercus et *olea* tam pertinaci odio dissident, nt altera in alterins scorbe depactae (посажевиые) moriantur, quercus vero et juxta nncem juglandem.

Pernicialia et *brassicae* cum *vite* odia; ipsum olus (=brassica), qno vitis fngatur, adversum, (противопоставленная), *cyclamino* et *origano* arescit... *Surdis* etiam rerum (изъ нежнвыхъ вещей) sna cuiqne sunt venena ac minimis quoqne. Philyra (лыкомъ липовымъ) coci (=повара) et polline (мелаою мукою) nimium salem cibis eximnnt; praednlcium fastidium sal· temperat.

Nitrosae aut amarae aquae polenta (ячмен. крупа) addita mitigatnr et intra dnas horas bibi possint, qua de causa in saccos vinarios (weinseibsäcke) additur polenta; similis vis Rhodiae cretae et argillae uostrati. Concordia valent (дѣйствуетъ согласіе), cum

Digitized by Google

pix oleo extrahitur, quando (такъ какъ) utrumque pinguis naturae est; oleum solum calci miscetur, quando utrumque aquas odit. Cummis (камедь) aceto facilius eluitur, atramentum aqua; innumera praeterea alia... *Hinc nata medicina*; haec sola naturae placuerat esse remedia parata volgo, inventu facilia ac sine impendio (недорого) (Pl. XXIV, 1).

„Harundinis genera XXIX demonstravimus, nou aliter evidentiore illa naturae vi (sympathia et antipathia.), quam *continuis his voluminibus tractamus*, siquidem harundinis radix contrita imposita felicis (папороти) stirpem corpore extrahit, item harundinem felicis radix“ (ib. XXIV, 50).

— *Ненависть извѣстныхъ растеній къ селезенкѣ, къ мясу* (=*поѣданье*):

„Myricen, quam ericam vocant,... eandem arbitrantur quidam tamaricen (—tamarix gallica — которую смѣшиваютъ по сходству съ erica, heidekraut, верескъ)... ad lienem praecipua est, si succus ejus expressus in vino bibatur; adeoque mirabilem ejus *antipathian* contra solum hoc viscerum faciunt, ut adfirment, si ex ea alveis (корыто; но изъ тамарикса можно ли?) factis bibant sues, sine liene inveniri. Et ideo homini quoque splenico cibum potumque dant in vasis ex ea factis“ (ib. XXIV, 41).

„Invenit... Teucer... *Teucrion* (gemeine milzfarn) medetur lienibus constatque sic inventam: cum exta super eam projecta essent, adhaesisse lieni eumque exinanisse; ob id a quibusdam splenion vocatur“ (ib. XXV, 20).

„Helleborum album... tradunt absumi carnis (=es) si coquatur una“ (ib. XXV, 23).

„Necant invicem inter sese (plantae) umbra vel densitate atque alimenti rapina; necat et hedera vinciens; nec viscum prodest, et cytisus (geissklee) necatur eo, quod halimon (atriplex halimus, straudmelde) vocant Graeci.

Quorundam natura non necat quidem, sed laedit odore aut suc(c)i mixtura, ut raphanus (rettig) et laurus vitem; olfactatrix enim intelligitur (ибо извѣстно, что лоза виноградная чувствительна къ

Digitized by Google

зацахамъ) et tingui odore mirum in modum; ideo, cum juxta sit, averti (отворачивается) et recedere soporemque inimicum fugere. Hinc sumpsit Androcydes medicinam contra ebrietates raphanum, mandatur praecipiens (предписывая жевать). Odit et caulem (kobl, капусту) et olus omne, odit et corylum (орѣшникъ), ni procul absint (и если они не вдали, то...) tristis atque aegra. Nitrum quidem et alumen, marina aqua calida et fabae puntamina vel ervi ultima venena sunt (для лозы) (ib. XVII, 37).

„(Graeci) putant (brassicam)... vino adversari, ut inimicam vitibus, antecedente in cibis caveri ebrietatem, postea sumpta crapulam discuti“ (ib. XX, 34).

Коровій навозъ и *пчелы*: „Circumlini alvos fimo bubulo utilissimum... alvos hieme stramento operiri, crebro suffiri (окуривать), maxime fimo bubulo. Cognatum hoc iis (такъ какъ по повѣрью, пчелы изъ внутренностей быковъ (ib. XI, 23) или изъ дохлыхъ быковъ), innascentis (=es) bestiolas necat, araneos, papiliones, teredines, apis (=es) que ipsas excitat“ (ib. XXI, 47).

Бракъ лозы и тополя: „In Campano agro populis nubunt (vites) maritasque (popnlos) conplexae atque per ramos earum procacibus brachiis geniculato cursu scandentes cacumina aequant, in tantum sublimes, ut vindemitor auctoratus (нанимаясь) rogum ac tumulum excipiat (выговариваетъ себѣ погребальный костеръ и могилу)... Ulmos quidem ubique exsuperant, miratumque altitudinem earum Ariciae (въ Ариціи) ferunt legatum regis Pyrri Cinean facete lusisse in austeriorem gustum vini (съострилъ, намекая на терпкій вкусъ вина), merito *matrem ejus* (лоза) pendere in tam alta cruce“ (ib. XIV, 3).

Учить свирѣль играть... (Прежде, въ старину у Грековъ) „Caedi solebant (calami fistulis—для свирѣлей)... sub arcturo (въ сентябрѣ). Sic praeparatae, aliquot post annos utiles esse incipiebant. Tunc quoque multa domandae exercitatione et canere tibiae ipsae edocendae“ (ib. XVI, 66).

Рѣзать свирѣль изъ бузины, *де куры неіютъ*:

Digitized by Google

„Ex qua (sambuco) magis canoram bucinam tubamque, credit pastor, ibi caesa, ubi gallorum cantum frutex ille non exaudiat“ (ib. XVI, 71).

Прищепка—прелюбодѣяніе. (Вслѣдствіе того что пидъ городомъ (Римомъ) даже отдѣльныя деревья продающамъ приносятъ большой доходъ (на пр. 2000 сестерцій=266.....), „Ob hoc insita et arborum quoque adulteria excogitata sunt, ut nec poma pauperibus nascerentur“ (ib. XVII, 1).

„Neque enim animalium tantum est ad coitus aviditas, sed multo major est terrae et satorum (растеній) omnium libido, qua tempestive uti (отъ того чтобы воспользоваться) plurimum interest conceptus (зачинать); peculiare utique in insitis (въ особенности эти о прищепахъ), cum sit mutua cupiditas utrique coeundi. Qui ver probant (тѣ люди, которые), ab aequinoctio statim admittunt, praedicantes germina parturire (ссылаясь на то, что тогда беременѣютъ почки) ideo facilis corticum esse conplexus (что поэтому легче берется одна за другую кора); qui praeferunt autumnum, ab arcturi ortu, quoniam statim radicem quandam capiant (пускаютъ корень), et ad ver parata veniant atque non protinus germinatio auferat viris (=es)“ (ib. XVII, 30).

Лѣкарствомъ служитъ *враждебное* тому, что произвело болѣзнь:

„Est contra morsum ejus (muris araneі, землеройки, земляне щеня?) remedio terra ex orbita. Ferunt enim non transiri ab eo orbitam torpore quodam naturae“ (XXIX, 27).

„(Mures araneі) ubicunque sint, orbitam si transiere, moriuntur“ (ib. VIII, 83).

„Scorpionibus contrarius... invicem stellio (sterngäcker, stern eidechse) traditur, ut visu quoque pavorem iis afferat et torporem frigidi sudoris. Itaque in oleo putrefaciunt eum et ita volnera perunguunt“ (ib. XXIX, 28).—На оборотъ: „Scorpio tritus stellionum veneno adversatur“ (ib. XXIX, 22).

„Et iis (cervis) est cum serpente pugna. Vestigant cavernas nariumque spiritu extrahunt retinentes. Ideo singulare (свойственно)

Digitized by Google

abigendis serpentibus odor adusto cervinn cornn. Contra morsus vero praecipunm remedium ex coagulo hinnulei, in matris ntero occisi... Febrium morbos non sentit hoc animal, quin et medetnr huic timori. Quasdam modo principes feminas scimus omuibus diebus matutinis (no утрамъ) caruem eam degustare solitas, et lougo aevo caruisse febribus„ (ib. VIII, 50).

Теорія противоядій: „Antiquorum curam diligentiamqne qnis possit satis veuerari! Constat omnium venenorum ocissimum esse *aconitum* (=uo Рогоаачу мр., *борець*; по другому чтенію— *acontium*, что̀ принимаютъ за doronicum pardalioncbes, doronicum scorpioides, Seneswurz; о немъ Pl. XXV, 75; „Thelypbouon herba (=женоубійца) ab aliis scorpion vocatur propter similitudinem radicis, cujus tactu moriuntur scorpiones; itaque contra eorum ictus bibitur. Thelyphonon omnem quadripedem necat iuposita verendis (=pudeudis) radice.), et tactis quoque genitalibus feminini sexus animalium eodem die inferre mortem. Hoc fuit venenum, quo interemptas dormieutis (=es) a Calpurnio Bestia (участникъ заговора Каталины) uxores M. Caecilius accnsator objecit; hinc illa atrox peroratio ejus in digitum.

Ortum fabulae narravere e spnmis Cerberi canis, extrahente ab inferis Hercule, ideoque apud Heracleam Ponticam, ubi monstratur is ad inferos aditus, gignî.

Hoc qnoque tamen in usus humanae salutis vertere, scorpionum ictibus adversari experiendo datum in vino calido. Ea est natura, ut hominem occidat, nisi invenerit quod iu homine perimat. Cum eo solo conluctatur (ср. *борець*), veluti pari intus invento (ашедтви себѣ протавеаь); sola baec pugna est (этамъ ограначавается борьба), cum venenum in visceribus iuveuit, mirumque, exitialia per se ambo cum sint, duo veuena in homine commoriuntur (умираютъ вмѣстѣ), ut homo snpersit. Immo vero etiam ferarum remedia antiqui prodidernnt, demonstrando, quomodo venenata quoque ipsa (сами ядоватые) sauarentur.

Torpescnnt scorpiones aconiti tactu stupentque pallentes et vinci se confitentur; auxiliatnr his helleborum album, tactu resol-

Digitized by Google

vente (..... прикосновеніе ихъ (скорпіоновъ) освобождаетъ) ceditque aconitum duobus malis, suo (helleboro) et omnium (=scorpioni)...

Tanguut carnis (=es) aconito necantque gustatu earum pantheras... ob id quidam *pardalianches* appellavere; at illas statim liberari morte excrementorum hominis gustu demonstratum (ср. Pl. VIII, 41).... alii (appellavere aconitum) *thelyphonon*... kadix incurvatur scorpionum modo, quare et *scorpion* aliqui vocavere; nec defuere, qui *myoctonon* appellare mallent, quoniam procul et e longinquo odore muris necat" (ib. XXVII, 2).

Лѣкарства по противоположности:

Какъ *печень* отъ *болѣзни* печени, такъ вещь, обладающая извѣстнымъ свойствомъ, отъ болѣзни, состоящей въ недостаткѣ этого свойства. Для отличія этого отъ пріема современной медицины (желѣзо—отъ недостатка желѣза въ крови) нужно прибавить, что въ миѳическомъ мышленіи свойство лѣкарства есть символъ того свойства, которое считается недостающимъ въ болѣзни.

Зрѣніе=свѣтъ, краій, особенно желтый цвѣтъ. Отсюда отъ помраченія зрѣнія---желчь.—Товій излѣчиваетъ слѣпоту отца полученною отъ ангела желчью какой-то рыбы.—„Отъ помраченія (contra caligines)—желчь козья,... заячья" (Pl. XXVIII, 47), при чемъ полагаютъ, что важно, чтобы коза была рыжая (rutuli coloris), (ib.).

„Minorum animalium (fel) subtilius intelligitur et ideo ad oculorum medicamenta utilius existimetur" (ib. XXVIII, 40).

„Fel testudinum claritatem oculorum facit" (ib, XXXII, 14).

(Отъ болѣзни *печени* и пр. *печень* и пр.): „Sanguinis excreationes haedinus sanguis recens... cum aceto et vino acri (reficit) (ib. XXVIII, 54).

„Iocineris dolores—lupi jecur aridum... asini jecur aridum" (id. 55).

„In renim dolore leporis renis crudos devorari jubent, aut certe coctos, ita ne dente contingantur" (ib. 56).

Digitized by Google

„Lienem sedat... efficacissime (tamen) inveteratus lien asini... Eadem ex causa emi lienem vituli, *quanti indicatus sit* (сколько запросятъ), jubent magi *nulla pretii cunctatione* (безмедля, неторгуясь), quoniam hoc quoque religiose pertineat, divisumque per longitudinem adnecti tunicae utrimque, et induentem (ато надѣваетъ) pati decidere ad pedes; dein collectum in umbra arefacere. Quum hoc fiat, simul residere (осядетъ, успокоится) lienem aegri vitiatum, liberarique eo morbo dicitur" (ib. 57; также ib. 78).

„Pecudis lien recens magicis praeceptis super dolentem lienem extenditur, *dicente eo qui medeatur, lieni se remedium facere*. Post hoc jubent eum in pariete dormitorii ejus (qui medeatur) tectorio includi (замазать въ стѣну) et obsignari anulo (запечатать) terque novies (3×9) carmen dici („remedio lienis facio"). Caninus (lien), si viventi eximatur et in cibo sumatur, liberat eo vitio. Quidam recentem superalligant. Alii dirum disrum catuli ex aceto (въ уксусъ) scillitico (scilla — морской лукъ) *σχίλλα* и *σχύλαξ* — щенокъ) dant ignoranti, vel herinacei (ежа) lienem" (ib. XXX, 17).

„Vesicae (мочевой пузырь) calculorumque cruciatibus auxiliatur urina *apri* (есла у мужчины) et ipsa vesica pro cibo sumpta... Vesicam elixam... et a *muliere — feminae suis*" (ib. XXVIII, 60) [1]).

„Leporis renes inveterati in vino poti, calculos pellunt" (ib.).

„Articulorum vitiis (боль въ суставахъ, ревматизмъ)... utilissimum .. leporis pedes adalligatos. Podagras quidem mitigari pede leporis viventis absciso, si quis secum assidue habeat" (ib. XXVIII, 62).

„Si vulvae leporum in cibis sumantur, mares concipi putant. Hoc et testiculis eorum et coagulo profici. Conceptum (зародышъ) leporis, utero exemptum bis, quae parere desierint, restibilem fecunditatem afferre" (ib. 77).

„Dens lupi adalligatus infantium pavores prohibet, *dentienti* que morbos (болѣзни при прорѣзываніи зубовъ)... Dentes, qui equis primum cadunt facilem dentitionem praestant infantibus adalligati efficacius si terram non attigere" (ib. 78).

---

[1]) Т. е. водянкѣ — бычачій калъ — мужчинамъ, коровій — женщинамъ (ib. XXIII, 68).

Digitized by Google

„Dente talpae vivae exempto sanari dentium dolores adalligato affirmant“ (ib. XXX, 7).

„Dentium doloribus... medetur... caninus dens sinister maximus circumscarificato eo (dente) qui doleat“, (ib. 8).

Отъ колотья — колючее: „Въ числѣ колючихъ растеній главное eryngo или eryngion, растущее отъ змѣй и отъ всякихъ ядовъ. Корень его пьютъ отъ удоловъ и удушеній“ (Pl. XXII, 8).

„Scorpio herba (scorpionis solcati) получила названіе отъ сѣмянъ, похожихъ на хвостъ скорпіона. Оно дѣйстантельно отъ того животнаго, ими котораго носятъ“ (ib. 17).

Нѣм. *bermutter*, das von der kolik gebraucht wird („die bermutter hat mich gebissen“ — о боли въ животѣ) bezeichnet eigentlich die mutterkrankheit und sie wird nicht nur als kröte sondern auch als *maus* dargestellt, die aus dem leib gelaufen kommt und der ein degen über den flufs gelegt ist (=аакъ душа. Gr. Myth.[2] 1112 и 1036).

Недавно ко врачу въ Харьковской губ. принесли больного ребенка съ выѣденнымъ пупкомъ. Оказалось, что у него была *грызь* (боль живота), и что по совѣту бабки въ пупку ему припустили голодную мышь, но по недосмотру лѣкарство подѣйствовало слишкомъ сильно. (Сообщ. врачемъ Ф. В. Писнячевскимъ).

Отъ колоть — колоть: *желѣзо* „полезно отъ вредныхъ чаръ взрослымъ и дѣтямъ, если очертить ихъ кругомъ или трижды обпести вокругъ мечъ; отъ страха привидѣній ночью, если вбить въ дверной порогъ вырванные изъ надгробныхъ памятниковъ гвозди; легкіе уколы мечемъ хороши „отъ того, когда вдругъ заколетъ въ боку или въ груди“ (Pl. XXXIV, 44).

— Мр.....: „Отъ всѣхъ уроковъ и недобраго глаза.... возьмите простую иголку со сломаннымъ ушкомъ, воткните себѣ гдѣ-нибудь въ платьѣ, чтобы только чужой глазъ невидалъ и... какъ бы васъ ни хвалили, какъ бы вамъ ни завидовали, васъ не станетъ морозить съ плечъ, ненападаетъ на васъ зѣвота, слѣдовательно „уроки“ непристанутъ къ вамъ“ (Кв. „Г. оч. вр.“[2]) III, 261).

Digitized by Google

„Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчась“—въ смыслѣ *клинъ клиномъ выгонять*:

„Viperae caput impositum, vel alterius (даже ае той самой), guam quae percnsserit, sine fine prodest. Item si qnis eam in vapore baculo sustineat, ajunt enim praecanere (что оаа уничтожаетъ т. о. чары. Ср.—жабу вѣшать въ дымарь—). Item si quis exustae ejus cinerem illinat. Reverti autem ad percussum serpentem necessitate naturae... Fiunt ex vipera pastilli, qui tberiaci vocantur a Graecis“ (Pl. XXIX, 21).

„Praeterea constat, contra omnium serpentinm ictus, quamvis insanabiles, ipsarum serpentium exta imposita auxiliari, *eos* que, *qui aliquando viperae jecur coctum hauserint*, nnnquam postea feriri a serpente“ (ib. 22).

Phalangium... In remedio est, si qnis ejusdem generis alterum percusso (уязвленному) ostendat. Et ad boc servantur mortui. Inveniuntur et cortices (bälge) eorum, qui triti et poti medentur“ (ib. 27).

Contra omnium (araneorum) morsus... ipsi aranei quicunque in oleo putrefacti.... si jnmenta momorderit, mus (araneus, землеройка, тарантулъ) recens cum sale imponitur... Et ipse mus aranens contra se remedium est, divulsus et impositus... Optimum, si is imponatnr, qui momorderit. Sed et alios ad bunc usum servant in oleo aut luto circumlitos“ (ib.).

„In canis rabiosi morsu tuetnr a pavore aqnae canini capitis cinis iulitus vulneri... Idem et in potione proficit. Quidam ob id (протавъ водобоязни) edendum dederunt. Aliqui et vnrmem e cadavere canino adalligavere, menstrua ve canis in panno subdidere calici (азъ чего пьетъ больной), aut intus ipsius caudae pilos combustos insuere (вводили) vulneri... Est liuns salivae sub lingua rabiosi canis, qui datus in potu, fieri hydropbobos non patitur. Multo tamen utilissime jecur ejus, qui in rabie momorderit, datur, si possit fieri, crudum mandendum, sin minus (если этого нельзя), qnoquo modo coctum, aut jus coctis carnibus. Est vermicnlus in lingua canum, qui vocatnr a Graecis lytta (=λύσσα rabies), quo exempto infanti-

Digitized by Google

bus catulis, nec rabidi fiunt, nec fastidium sentiunt. Idem ter igni circumlatus datur morsis a rabioso, ne rabidi fiant... Necantur catuli statim in aqua ad sexum ejus, qui momorderit, ut jecur crudum deboretur ex eis" (ib. 32).

„Lacerta, quam hi *sepa*, alii *chalcidicen* vocant, in vino pota, morsus suos sanat" (ib.).

„Inter venena piscium sunt porci marini spinae in dorso cruciatu magno laesorum; remedio est limus ex reliquo piscium eorum corpore" (ib. XXXII, 19).

„Murenae morsus ipsarum capitis cinere sanantur. Et pastinaca (raja pastinaca, stechrochen) contra suum ictum remedio est, cinere *suo*, ex aceto, illito, vel alterius" (ib. 20).

„Як собака порве, то набрати з неї шерсти, испалити її, та тим попелом рани затоптувати" (Манж.).

„Як гадюка укусе, то треба її розрізати, та тією з неї середнею мазати укушене місто" (ib.).

Отъ заживляющаго раны растенія куски мяса въ горшкѣ срастаются:

„Centaurin (=centaurea, contaurium, tausendgüldenkraut=золототысячникъ) curatus dicitur Chiron, cum Herculis excepti hospitio pertractanti arma, sagitta excidisset ei in pedem, quare aliqui Chironion vocant... Vis in vulneribus tanta, ut cohaerescere etiam carnis (es) tradatur, si coquatur simul". (Pl. XXV, 30).

Живокость, поль., żywnkost, żywignot, symphyton:

„Alum quod nos vocamus, Graeci symphyton petraeum... Volneribus sanandis tanta praestantia est, ut carnis quoque dum cocuntur conglutinet addita, unde Graeci nomen imposuere (συμφυτον—сращивать). Ossibus quoque fractis medetur". (ib. XXVII, 25).

„Empetros, quam nostri *calcifragam* vocant... recens urinas ciet, decoctum in aqua vel tritum calculos... frangit (камни въ мочевомъ пузырѣ). Qui fidem promissio huic quaerunt (желающіе увѣрить въ этомъ) adfirmant, lapillos, qui subferveſiant una (которые варятся вмѣстѣ съ нимъ), rumpi" (ib. 51).

Мр. *Смлачь* (подорожникъ, plantago lanceolata) Ср.:

Digitized by Google

„Holoston (=plantago holosteum v. plantago coronopus (sine duritia est, herba ex adverso (отъ противоположнаго свойства) appellata a Graecis, sicut fel dulce... Usus ejus ad volsa, rupta in vino potae; volnera quoque conglutinat; nam et carnes coguntur, addita“ (ib. 65).

Зачатіе отъ искры:

Прирожденная вѣдьма (съ хвостикомъ), упирь:

„Если на *Свят-вечір* въ непокрытый горшокъ съ кушаньемъ впадаетъ *искра* изъ печи, а беременная съѣстъ ее вмѣстѣ съ кушаньемъ, то ребенокъ будетъ смотря по полу вѣдьмою или „опиром“ (Kolb. Pok. III, 111).

Зачатіе отъ ветру:

Neque in alio animali par opus libidinis (какъ у перепелокъ или куропатокъ?); si contra maris (=es) steterint feminae, aura ab hia flante praegnantes fiunt, hiantes autem exserta lingua per id tempus aestuant. Concipiunt et supervolantium adflatu, saepe voce tantum audita masculi“ (Pl. X, 51).

„Inrita ova, quae bypenemia (Windeier) diximus, aut mutua feminae inter se libidinis imaginatione concipiunt, aut pulvere, nec columbae tantum et gallinae, perdices, pavones, anseres, chenalupeces, sunt autem sterilia ut minora ac minus jucundi saporis et magis umida. Quidam et vento putant ea generari, qua de causa etiam zephyria appellantur. Urina (ova) autem vere tantum fiunt, incubatione derelicta, quae alii cynosura dixere“ (ib. 80).

Кобылы жеребѣютъ отъ ветру:

„Constat in Lusitania circa Olisiponem oppidum et Tagum amnem, squaa Favonio flante obversas (поздрямя противъ вѣтра) animalem concipere spiritum, idque partum fieri, ut gigni pernicissimum ita, sed triennium vitae non excedere“ (Pl. VIII, 67).

— Къ этому: Virg. „Georgicon“ III, 273—5:

„Ore omnes versae in zephyrum stant rupibus altis,
Exceptantque leves auras, et saepe sine ullis
Conjugiis vento gravidae“.

Комментаторъ: „Quanto consultius et Trago Iustinus l. XLIV, 3: In Lusitanis fluvium Tagum, vento equas concipere multi aucto-

Digitized by Google

res prodidere, quae fabulae ex equarum fecunditate et gregum multitudine natae sunt, qui tanti in Salloecia et Lusitania ac tam pernices visuntur, ut non immerito vento ipso concepi videntur".

Вѣтеръ—жеребецъ („Об. мр. и ср. н. п." II, 590).—Конь какъ вѣтеръ (Иліада XIX, 415). — Борей съ жеребца (ib. XX, 223).

Фавоній, какъ самецъ, оплодотворяющій природу:

„Ordo autem naturae annuus ita se habet. Primus est conceptus (зачатіе), flare incipiente vento Favonio circiter fere sextum Idus Februarii (8 февраля). Hoc (vento) *maritantur* (=fecundantur) vivescentia e terra, quippe quum etiam equae in Hispania, ut diximus (VIII, 67). Hic est *genitalis spiritus* mundi a fovendo dictus (согрѣвать, высиживать яйца), ut quidam existimavere. Flat ab occasu aequinoctiali, ver inchoans. Catulitionem (=catulire ad venenum incitari) rustici vocant, gestiente natura (sich sehnen) semina accipere, eoque (Favonio) animam inferente omnibus (plantis) satis. Concipiunt variis diebus, et pro sua quaeque natura. Alia protinus, ut animalia; tardius aliqua, et diutius gravida partus gerunt, quod germinatio (s. knospen) ideo vocatur. Parinnt vero quum florent flosque ille ruptis constat utriculis (mutterhüllen). Educatio in *pomo* est (плодъ); hoc et germinatio—laborum (=educ. et germin. — plena laboris) (Pl. XVI, 39).

Ростъ древесины—беременность.

„Et reliquae quidem arbores, ut primum coepere, continuant germinationem; robur et abies et larix intermittunt, tripertita ac terna germina edunt. Ideo et ter squamas corticum spargunt, quod omnibus arboribus in germinatione evenit, quoniam praegnantium rumpitur cortex". (ib. 41).

Религія слоновъ: „Maximum (animalium terrestrium) est elephas, proximumque humanis sensibus, quippe intellectus illis sermonis patrii (старшихъ), et imperiorum obedientia, officiorumque, quae dedicere memoria, amoris et gloriae voluptas, immo vero, (quae etiam in homine rara) probitas, prudentia, aequitas, religio quoque siderum, solisque ac lunae veneratio. Auctores sunt, in Mau-

Digitized by Google

retaniae saltibus od quemdam amnem, cui nomen est Amilo, nitescente luna nova, greges eorum descendere, ibique se purificantes sollemniter aqua circumspergi, atque ita salutato sidere in silvas reverti, vitulorum fatigatos prae se ferentes" (Pl. VIII, 1). Нравы *пчелъ* (ib. XI, 4) (1261).

По наанмъ побужденіямъ человѣнъ убиваетъ вошь? У Лиайцевъ сосѣданхъ съ Египтомъ—„*Ἀδυρμαχίδαι*": „*Αἱ γυναῖκες... τοὺς φθεῖρας ἐπεὰν λάβωσι τοὺς ἑωυτῆς* (на себѣ) *ἐκάστη ἀντιδάκνει καὶ οὕτω ῥίπτει* (elles les mordent par repressailes). *Οὗτοι δὲ μοῦνοι Λιβύων τοῦτο ἐργάζονται*" (Her. IV, 168).

Отъ *печени—печень* и т. п.: „Зелье растущее на головѣ статуи, собранное въ полу платья и навязанное въ красной ткани, немедленно успокаиваетъ голоаную боль (растеніе б. м. мохъ—byssus antiquitalis) (Pl. XXIV, 106). „Подъ подушечкою—завернуты въ *красное* сукно разныя сонъ дающія траны..." (Кв. „Гер. оч. вр." III², 291).

Ignis sacer—рожа; отсюда лѣченіе высѣнаніемъ огня.

Lusus naturae: Упоманувъ о чудесныхъ породахъ людей (помѣсь со авѣрами, люди съ косматымъ хвостомъ, укрыаающіеся ушами и пр.): „Haec atque talia ex hominum genere ludibria sibi, nobis miracula (себѣ на глумъ, намъ на даао) ingeniosa fecit natura" (Pl. VII, 2). Разсказааъ, что прнрода саодитъ на бой равно опасныхъ, какъ змѣй удаоаъ (dracones) и слоновъ: „Quam quis aliam tantae discordiae causam attulerit, nisi naturam spectaculum sibi ac paria componentem (сводатъ раааыхъ, какъ въ царкѣ. ib. VIII, 12; XI, 45).

Змѣя оживляетъ травою дѣтеныша:

„Xanthus historiarum auctor in prima earum tradidit, occisum draconis catulum revocatum ad vitam a parente herba, quam *ballim* nominat, eademque Tylonem, quem draco occiderat restitutum saluti; et Iuba in Arabia herba revocatum ad vitam hominem tradit" (Pl. XXV, 5).

Digitized by Google

Языкъ лягушки заставляетъ спящую отвѣчать: „Democritus tradit, si quis extrahat ranae viventi linguam, nulla alia corporis parte adhaerente, ipsaque dimissa in aquam, imponat supra cordis palpitationem mulieri dormienti, quaecumque interrogaverit, vera responsnram“ (ih. XXXII, 18).

Разрывъ трава: „Dixit Democritus, credidit Theophrastus, esse herbam, cujus contactu inlatae ab alite, quam retulimus (—picus martius, зеленый X, гдѣ объ этомъ, что creditur volgo... и что Tretius auctor—) exsiliret cuneus a pastoribus arbori adactus...“ (Pl. XXV, 5).

Смерть съ отливомъ: „Aristoteles, nullum animal, nisi aestu recedente exspirare. Observatum id multum in Gallico oceano, et dumtaxat in homine repertum“ (Pl. II, 101) („Косара“, оторванныя нога паука, висятъ до захода солнца).

Змѣя и пониманіе птичьяго языка:

„Qui credat ista (— аъ существованіе пегасоаъ, грифоаъ, трагопановъ, сиреаъ), et Melampodi profecto auris (=es) lambendo, dedisse intellectum avium sermones dracones non abnuat (тотъ неотзергаетъ и того, что змѣа...), quarum confuso sanguine (отъ смѣшенія аровн) serpens gignatur (=кааъ змѣя изъ пѣтушьяго яйца), quem qnisquis ederit intellectnros sit alitum conloqnia, quaeque de uua ave gallerita (=alanda cristata) privatim commemorat“ (Pl. X, 70).

„Democritus... monstra quaedam (чудесныя лѣкарства) ex his (anguibus) conficit, nt possint avium sermones intelligi“ (ih. XXIX, 22).

Укусившей человѣка змѣи земля непринимаетъ. Земля — мать, дающая только добро. Что же *до*... то... „Pestifera enim animantia, vitali *spiritu* habente culpam (внаовниаъ аонхъ — жизненный духъ—Ср. Favonius etc.—), necesse est illi (terrae) seminata pestifera excipere, et genita sustinere; sed in malis generantium noxa est (но предъ амъ приносимый—отъ дурныхъ саойствъ порождающихъ...). Illa (сама же земля) serpentem, homine percusso, non amplius recipit“. Pl. II, 63.

Digitized by Google

„Inter omnia venenata salamandrae acelus (bosheit) maximum est. Cetera enim singulos feriunt, nec plures pariter (за разъ) interimunt, ut omittam (неговоря уже...), quod *perire conscientia* dicuntur, homine percusso, neque amplius admitti ad terras. Salamandra popnlos (множество людей) pariter (за разъ) necare improvidas potest. Nam si arbori irrepsit, omnia poma (плоды)inficit veneno, et eos, gui ederint, necat frigida vi, nihil aconito distaus. etc.“ (ib. XXIX, 23).

Въ жабьи косточки: холодъ и жаръ, равнодушіе и любовь:

„Sunt (ranae), quae in vepribus tantum vivnnt, ob id *rubetarum* nomine... quas Çraeci phrynos vocant, gravidissimae cunctarum, geminis veluti cornibns, plenae veneficiorum. Mira de his certatim tradunt auctores. Illatis in populum silentium fieri. Ossicnlo, quod sit in dextro latere, in aquam ferventeu dejecto, refrigerari vas, nec postea fervere, nisi exempto. Id inveniri objecta rana formicis, carnibusque erosis, singula in solium addi“ (кладя по одной въ ванну). Et aliud esse in sinistro latere, quo dejecto, *fervere* videantur, apocynon (отъ собааъ) vocari. Canum impetus eo cohiberi, amorem concitari, et jurgia (=гнѣвъ=огонь), addito in potioneu; venerem adalligatum stimulare. Rursus e dextro latere refrigerari ferventia. Hoc et quartanas sanari adalligato in pellicula agnina recenti, aliasque febres. Amorem inhiberi eo. Item et his ranis lien contra venena, quae fiant ex ipsis“ (Pl. XXXII, 18).

Хвощь. — „*Equisaetum* hippuris (аонскій хвостъ) Graecis dicta et in pratis vituperata nobis (какъ сорная трава), est antem pilus terrae (земляной волосъ) equinae saetae aimilis“ (Pl. XXVI, 83).

Підбіль. — „Bection, tussilago... folia sunt majuscnla, quam haederae... subalbida a terra, superne pallida... quidam... et alio nomine *chameleucen* putant“ (ib. XXVI, 16).

Hypericon perforatum, *зверобой*=нѣм. jageteufel, teufelsflucht,— средство отъ чаръ и чорта; совъ давали вѣдьмамъ, чтобъ уни-

Digitized by Google

чтожить въ нихъ враждебную силу, и чтобы при пыткѣ они говорили правду. (У нѣмцевъ—это Iohnnniskraut—29 Іюня).

Намъ легко выраженіе „была звѣздная, лѣтняя ночь“ понять прозаически, т. е. отвлекаясь отъ тѣхъ образовъ, какіе даны въ этомъ выраженіи, [*ночь*—сущ. ж. р., т. е. названіе женскаго существа, способнаго имѣть другія качества (звѣздная) и производить дѣйствія (была)]. Это такъ же легко, какъ однимъ почеркомъ пера стенографически изобразить молнію, выстрѣлить изъ ружья, позвать слугу, подавить пуговку электрическаго звонка и т. д.

Но трудно было дойти до всего этого. Напр. понятіе 1000 возникло у Индо-европейскихъ народовъ лишь по ихъ раздѣленіи, до котораго, по достовѣрному свидѣтельству языка, они стояли уже ни относительно высокой степени культуры.

Такъ и отвлеченная рѣчь труднѣе прозаической [1]) и позднѣе ея, и если мы хотимъ ознакомиться съ характеромъ мысли древняго человѣка, мы должны наблюдать пріемы нынѣшней мысли или еще недоросшей до отвлеченности, какъ у дѣтей, или минующей ее ради высшихъ цѣлей, какъ у современныхъ поэтовъ.

Передъ извѣстными отвлеченностями мысль наша и теперь становится въ тупикъ и неможетъ одолѣть представляемыхъ ими трудностей. Такъ природу мы представляемъ совокупностью явленій и *силъ;* но *сила* есть для насъ то, что *способно* производить явленія, т. е. *сила* есть то, что *имѣетъ силу*; силы мы неможемъ представить иначе, какъ разлагая ее на субстанцію (нѣчто имѣющее силу) и дѣйствіе.

„Selbst in unseren zeiten, wo wir doch die Natur als eine kraft begreifen, was bezeichnen wir mit *Kraft*, wenn nicht etwaa kraftbegabtes?“ (M. Müll Ess. II, 50). Ср. изображеніе явленій природы у поэтовъ.

---

[1]) Поэтической? *ред.*

Digitized by Google

Отдѣлъ четвертый.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Общія свойства эпоса. Объ Одиссеѣ.

Настоящее— постоянно нарождающееся и тутъ же исчезающее мгновеніе — неуловимо. Вся область сознанія, слѣдовательно, и область поэзіи есть объективно-прошедшее. Сознанію (апперцепціи) подлежатъ лишь воспріятія, опустившіяся на дно души.

Это прошедшее по степени удаленія отъ объективно-настоящаго и вмѣстѣ по характеру вліянія ихъ него есть менѣе отдаленное (субъективно-настоящее) и болѣе отдаленное (субъективно-прошедшее).

Принадлежностью къ одному изъ этихъ двухъ отдѣловъ воспріятій опредѣляется разница между эпосомъ и лирикой.

Лирика—praesens. Она есть поэтическое познаніе, которое, объективируя чувство, подчиняя его мысли, успокаиваетъ это чувство, отодвигаетъ его въ прошедшее и такимъ образомъ даетъ возможность возвыситься надъ нимъ. (Carriere „Die Poesie" 371—2, 392, 395).

Лирика говоритъ о будущемъ и о прошедшемъ (предметѣ, объективномъ) лишь на столько, на сколько оно волнуетъ, тревожитъ, радуетъ, привлекаетъ или отталкиваетъ. Изъ этого вытекаютъ свойства лирическаго изображенія: краткость, недосказанность, сжатость, такъ называемый лирическій безпорядокъ. (Carriere, ib. 381) [1]). Такимъ образомъ произведенія по мѣрѣ увеличенія ихъ эпичности могутъ становиться длиннѣе (элегія, сатира—Carr, ib. 415).

Этому противопоставляется пластичность v. живописаость эпоса.

---

[1]) Сродство съ музыкою (ib. 388, Göthe „An Lina" I, 73.). Мр. пѣсни безъ музыки теряютъ больше, чѣмъ сербскія. Это мѣрило лиричности.

Сродство лирики съ субъективными тропами, фигурами, напримѣръ: повтореніе (Carr. ib. 392), единоначатіе (повтореніе образа: „Рыбалочка по бережку", Нехилися сосно—Göthe, I, 50), припѣвъ.

Digitized by Google

Хотя всякое, въ томъ числѣ и поэтическое, познаніе вліяетъ на поступки, но лирика имѣетъ болѣе непосредственную связь съ дѣйствіями и въ этомъ смыслѣ практична (при теоретичности эпоса). Во многихъ лирическихъ стихотвореніяхъ можемъ прямо усмотрѣть побужденіе къ извѣстному дѣйствію [1]).

Подъ субъективностью разумѣется: 1) личная душевная жизнь въ отличіе отъ внѣшняго міра (вещей и событій); 2) отличіе лица отъ другихъ = своеобразность. Первое — содержаніе всякой лирики, второе — свойство, характеризующее всякія (и лирическія, и эпическія и драматическія) произведенія временно обособившейся личности и личнаго творчества.

— *Эпосъ — perfectum.* Отсюда спокойное созерцаніе, объективность (отсутствіе другого личнаго интереса въ вещахъ изображаемыхъ и событіяхъ, кромѣ того, который нуженъ для возможности самаго изображенія). Въ чистомъ эпосѣ повѣствователя невидно. Онъ невыступаетъ со своими размышленіями по поводу событій и чувствами (ср. лироэпическая поэмы Байрона и др.). Не пѣвецъ-поэтъ любитъ родину, а изображаемый имъ Одиссей, который хочетъ увидѣть дымъ родины, хотя бы затѣмъ умереть. Пѣвецъ вполнѣ скрытъ за Одиссеемъ.

Въ чистомъ эпосѣ душевныя движенія, сокровенные двигатели дѣйствій должны бы являться лишь настолько, на сколько они обнаруживаются для посторонняго наблюдателя. Можно допустить только фиктивную вездѣсущность автора, а не посредственное проникновеніе его въ душу. У Гомера: разговоръ со своею душою, Паллада — какъ объектированный умъ, совѣсть.

Объективность исключаетъ произволъ разсказчика относительно скачковъ съ пятаго на десятое, устраняетъ перерывы и пробѣлы, требуетъ послѣдовательности и непрерывности повѣствованія, пока оно незавершитъ круга.

(Медленность изложенія, Carr. 200. Пенелопа, луаъ Одиссеи (Одисс. XXI, 1—66). — Медленность и постепенность въ изложе-

[1]) Практическое значеніе высокой лирики. Поэтъ и пророкъ (Carr. ib. 410—1). (Разница между пророкомъ и поэтомъ у Гете).

Digitized by Google

ніи одного событія). Длительныя грамматическія формы русскаго эпоса выражаютъ тоже свойство мысли въ примѣненіи къ каждому отдѣльному моменту событія.

Тоже требованіе въ примѣненіи и къ ряду событій: краткость періода, чтобы поэтъ могъ заполнить всѣ моменты этого періода. (Гораціево правило: ne ab ovo, a in medias res). Въ Иліадѣ изъ десатилѣтней войны—нѣсколько дней, о которыхъ можно разсказать отъ зари до ночи. Въ Одиссеѣ—конецъ путешествія и месть женихамъ. Ср. „Германъ и Доротея". (Это и общее поэтическое требованіе—pars tro toto). Расширеніе предѣловъ времени въ видѣ отступленій (ретроспективныхъ повѣствованій). Злоупотребленіе этимъ пріемомъ. (Сагг. 201—2).

Разница между эпосомъ и драмою. Въ послѣдней нѣтъ повѣствователя, посредника между зрителемъ и событіемъ. Поэтому—никакихъ описаній, повѣствованія и монологи сведены до минимума. (Въ противномъ случаѣ—нѣчто въ родѣ подписей подъ картинами, замедленіе дѣйствія, скука). Единства дѣйствія и времени доведены до минимума.

— *Эпосъ*—поэтическое повѣствованіе о событіи или рядѣ событій, составляющихъ одно крупное событіе (безъ главнаго героя—историчесаій эпосъ) или одну жизнь (біографичесаій эпосъ). Отъ сложнаго эпическаго цѣлаго требуется того же, чего отъ простѣйшаго поэтическаго образа: онъ долженъ давать великое въ маломъ.

Рядъ событій, образующихъ одно цѣлое, связанъ причинностью. Но причинность неокончается за границами этого ряда. Она по исконному вѣрованію а убѣжденію обнимаетъ все.

Удовлетворяя требованіямъ высшаго порядка, эпосъ долженъ заключать указанія на связь мѣлкихъ причинъ, составляющихъ его содержаніе, съ міровыми. Оба разряда причинъ, смотря по степени и харктеру развитія поэта, могутъ представляться или внѣшними силами или внутренними свойствами явленій. Въ первомъ случаѣ—чудесное въ миѳологическомъ смыслѣ, во второмъ, если можно такъ выразиться, чудесное научное. Какъ ихъ назовемъ

Digitized by Google

великую связь причинъ и слѣдствій, Богомъ или рокомъ, міромъ— все ривно она въ цѣломъ ирраціоналистична, недоступна нашему пониманію.

Никогда изученіе языковъ и поэтическихъ произведеній не производилось въ такомъ широкомъ стилѣ, какъ въ нашъ вѣкъ. Ему обязано происхожденіемъ сравнительное языкознаніе, лежащее въ основаніи наиболѣе спеціальныхъ изслѣдованій. Оно съ одной стороны условлено широтою и раздѣльностью понятія о человѣчествѣ, съ другой его условливаетъ. Никогда не сознавалась такъ многосложность отношеній поэтическихъ произведеній разныхъ, нерѣдко чрезвычайно отдаленныхъ народовъ, какъ теперь.

Фридлендеръ протестуетъ противъ заключенія отъ древненѣмецкихъ народно-поэтическихъ произведеній къ стихотвореніямъ Гомера, „несрывненному созданію несравненнаго народа“ (—побужденіе эгоистическое: удовольствіе думать, что мы знаемъ нѣчто несрывненное—). На это Штейнталь: „Греческій языкъ есть тоже несрывненное созданіе несравненнаго народа, но тѣмъ не менѣе его необходимо сравнивать съ индійскимъ, персидскимъ, кельтскимъ, славянскимъ или цыганскимъ“ Z. f. V-ps. VII, 26).

Нашъ вѣкъ характеризуется. между прочимъ примѣненіемъ изученій народной поэзіи къ гомерическимъ пѣснямъ.

Вопросъ о томъ [1]), созданы ли великія поэмы, Иліада и Одиссея, однимъ лицомъ, или онѣ—произведенія многихъ народныхъ пѣвцовъ, что̀ совершенно очевидно относительно эпическихъ пѣсень славянскихъ, финскихъ и др., ставили въ зависимость отъ единства плана этихъ поэмъ. Что до единства характера изложенія, то и многія народныя пѣсни его имѣютъ.

(Хотя и можетъ прійти намѣреніе изъ пословицъ сложить болѣе длинное стихотвореніе, по успѣхъ незначителенъ). Писистрату и другимъ діаскевастамъ врядъ ли могло прійти въ голову сложить Иліаду или Одиссею изъ отдѣльныхъ пѣсень, если бы

---

[1]) *Steinthal* „Ueber Homer und insbesondere die Odyssee, Z. f. v-ps. VII.

Digitized by Google

не было распространено мнѣніе, что эти пѣсни могутъ и должны быть сложены въ одно цѣлое. Это мнѣніе вытекало изъ природы этихъ пѣсенъ, дѣйствительно предполагающей единство (Steinth.). (Тутъ аналогія съ тѣмъ единствомъ плана, который можно замѣтить въ разныхъ отрасляхъ знанія).

Есть сказанія, способныя поглощать и ассимилировать себѣ массу другихъ.

Ср. Летучій корабль и сказаніе о походѣ Аргонавтовъ. „Сказаніе объ Ахиллѣ первоначально было столь же мѣстно, какъ и сказаніе о Мелеагрѣ. Тоже—о Гекторѣ, Агамемнонѣ, Діомедѣ, Аяксахъ, Одиссеѣ. Только эпическое пѣснопѣвіе, при благопріятныхъ политическяхъ событіяхъ и отношеніяхъ, свело эти разрозненныя сказанія въ одно обширное, въ коемъ этимъ героямъ дана была возможность обнаружить свой характеръ, въ коемъ они только члены цѣлаго, при томъ всѣ на совершенно чуждой для себя почвѣ. Сказаніе о Троянской войнѣ обнаруживаетъ удивительную силу собирать разсѣянные элементы, силу, какой никогда необнаруживали и величайшіе поэты“ (ib. 74).

Такъ и планъ Одиссеи создавъ (вѣками) силою народнаго пѣснопѣвія. [Величайшія произведенія человѣка, какъ языкъ, народность, великія государства создаются безсознательно, т. е. такъ, что намѣренныя усилія отдѣльныхъ личностей теряются, какъ капля въ морѣ].

У Феаковъ, гдѣ гоститъ Одиссей, „было пированье, почестный пиръ“. „Муса побуждаетъ пѣвца *ἀειδέμεναι κλέα ἀνδρῶν*“, т. е. къ героической эпической пѣснѣ изъ *οἶμη*, пользовавшейся именно тогда особой славой.

[*Μοῦσ' ἄρ' ἀοιδὸν ὄρνυ* (trieb an) *ἀειδέμεναι κλέα ἀνδρῶν Οἴμης τῆς* (von welcher *οἶμη*=attractio inversa=Virgil. urbem quam statuo vestra est) *τότ' ἄρα κλέος οὐρανὸν εὐρὺν ἵκανεν Νείκος Ὀδυσσῆος καὶ Πηλεΐδεω Ἀχιλῆος*, „Од. VIII, 73—5“].

— Какъ и теперь сербскіе гусляры поютъ о герояхъ иногда въ ихъ присутствіи, во всякомъ случаѣ вслѣдъ за событіемъ.

Digitized by Google

„Неподлежитъ сомнѣнію, *οἴμη* означаетъ нѣчто большаго объема, изъ котораго пѣли. Нѣкоторые думаютъ, что это было большое стихотвореніе о разрушеніи Трои, готовое твореніе Демодока; но я—что это эпическій кругъ, т. е. кругъ возможныхъ эпическихъ пѣсень, быть можетъ, имѣвшій особый напѣвъ. Т. о. дѣла героевъ подъ Троей образуютъ одну *οἴμη*, странствованія Одиссея—другую и т. д. Изъ этого круга избирается точка для начала (—Од. VII, 500: *ἔνθεν ἑλὼν ὡς*...), не стихъ готовой пѣсни, а отдѣлъ круга сказаній, круга возможныхъ пѣсень, моментъ, о которомъ пѣвецъ пѣлъ безъ приготовленія.

„Въ запѣвѣ 1-й п. Одиссеи ст. 10: „*τῶν ἁμόθεν γε* (изъ этого откуда-нибудь, von irgendwo an) *θεὰ θύγατερ Διὸς εἰπὲ καὶ ἡμῖν*". Какъ странно было бы, если бы кто, думая воспѣть всѣ приключенія Одиссея, просилъ музу начать откуда бы ни было? Такъ можетъ говорить только лишь тотъ, кто хочетъ пропѣть именно лишь часть Одиссеевой *οἴμη*. *Προοίμιον* Одиссеѣ, стало быть, относится не къ готовой цѣлой Одиссеѣ, но къ цѣлой *οἴμη*, т. е. къ каждой пѣснѣ внутри этого круга.—Начало Иліады небыло даже запѣвомъ всей *οἴμη* объ Ахиллесѣ, а тѣмъ менѣе всей Иліады.

Небуду оспаривать возможности того, что *μῆνις* можетъ означать „гнѣвъ Ахиллеса въ его продолженіи и заключеніи, обнимая и месть за Патрокла и убіеніе Гектора"; но *προοίμιον* ничего неговоритъ объ этомъ. Богиня должна воспѣть гнѣвъ *(μῆνιν)*, и нѣтъ основанія разумѣть подъ этимъ что-либо другое, чѣмъ то, что разумѣется подъ этимъ словомъ въ Иліядѣ I, 75, причину гнѣва; а это и есть содержаніе первой пѣсни. (Steinth. z. f. V-ps. VII, 77—8).

Для опредѣленія главныхъ началъ цикла *(οἴμη)* Одиссея:

„Миѳъ о лѣтнемъ (солнечномъ) Богѣ, уходящемъ на зиму (7 мѣсяцевъ на островѣ Калипсо)=царь—въ изгнаніе или на войну на 7 лѣтъ; злодѣй овладѣваетъ его престоломъ, хочетъ жениться на его женѣ. Царь возвращается въ лохмотьяхъ, нищимъ старикомъ. Побѣждаетъ своего двойника=герм. о Гейнрихѣ Львѣ. (Добрыня Никитичъ).

Digitized by Google

Отсюда слѣдуетъ, что отдѣленіе странствованій Одиссея отъ его возврата, избіенія жениховъ и пр. могло (если и было) быть лишь дѣломъ искусственной поэзіи.

Относительно измѣненія наружности и платья Одиссея ср. Добрыня. Эвриклея и Лаертъ узнаютъ Одиссеи по рубцу на ногѣ.

Лѣтній Богъ на зиму—въ преисподнюю. Поэтому посѣщеніе Аида, *νεκυία* — есть болѣе древній элементъ Одиссеи, чѣмъ пріуроченіе ея къ Троянской войнѣ.

— Размноженіе приключеній посредствомъ одного: Островъ Калипсо (Огигія) = остр. феаковъ (Схерія) = Андъ.

Digitized by Google

ОТРЫВКИ
изъ перевода Одиссеи

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня подъ конецъ жизни задался мыслью перевести Одиссею на малорусскій языкъ, но этой работы ему неудалось окончить. Считая для будущихъ поколѣній дорогимъ всякій набросокъ этого высокоталантливаго и глубокоученаго языковѣда, ученики его и почитатели, зиавшіе его почеркъ и способъ писанія, при помощи вдовы покойнаго, возстановили то, что сдѣлано было имъ вчернѣ наряндашемъ на отдѣльныхъ лоснутнахъ бумаги. За всилюченіемъ очень малыхъ отрывковъ изъ разныхъ пѣсенъ Одиссеи, такимъ образомъ получились двѣ съ половиною расподіи, приготовленныи имъ, правда еще въ черневыхъ наброскахъ, по безъ пропусковъ и перерывовъ, именно: 275 стиховъ 3-ьей расподіи *(τὰ ἐν Πύλῳ)*, вся 7-ая расподія *(Ὀδυσσέως ἔσοδος πρὸς Ἀλκίνουν)* и почти вся 8-ая *(Ὀδυσσέως δύστασις πρὸς Φαίακας)*.

Эти отрывки, хотя и въ незакопченномъ и неотдѣланномъ въ просодическомъ отношеніи видѣ, ясно показываютъ, какого дорогого труда лишила насъ ранняя смерть знаменитаго профессора. Посвятивъ много лѣтъ изученію малорусской поэзіи, ознакомившись съ тончайшими изгибами лексическихъ оттѣнковъ простонародной рѣчи, профессоръ задумалъ исполнить задачу, которую еще Гоголь указывалъ нашимъ писателямъ — сдѣлать Одиссею всеобщею народною книгою. Ясно, что для достиженія такой цѣли необходимо прибѣгнуть къ народному языку, чуждому всякой напыщенности и вычурности, тому языку, который такъ поражаетъ насъ своею задушевною искренностью, энергическою выразительностью и поэтическою простотою въ произведеніяхъ безъискуственной словесности. Александръ Аѳанасьевичъ былъ глубокій зна-

Digitized by Google

тоаъ этого языка; ко, приступая къ переводу Одиссеи, онъ качалъ своеобразную подготовку аъ втому труду, указывающую на то, съ какою серьезностью онъ отаосился ко всему, что начбаалъ.

Кратвій разсказъ о ходѣ втой подготовки, ка сколько о томъ можко судить по оставшимся матеріаламъ, можетъ быть очень полезенъ въ настоящее время, когда въ педагогическомъ мірѣ нашемъ обрвщено особекаое вкиманіе на точкость и простоту переводовъ изъ классиаовъ и, коиечно, прежде всего изъ Гомера, этого образца простоты я естествеккости. Какъ выстаааа аабросаовъ, этюдовъ и прочей черковой работы, служавшей подготовленіемъ къ создааію Рѣпикымъ картикы „Запорожецъ", была поучителька для художикковъ-живописцевъ, твкъ точко можетъ быть глубоко поучктельна для филологовъ и поэтовъ работъ, произведекиая А. А. Потебкей передъ переводомъ Одиссеи.

Прочитавъ Одиссею въ подликкаѣ и въ переводахъ ка разкые славяаскіе языкъ и возобновивъ тааимъ образомъ въ паккти тѣ предметы, образы, положенія, дѣйствія и пр., и аттрибуты ихъ, какіе нужко было выразкть въ переводѣ, профессоръ принялся за чтеніе образцовъ народной словескости и алвссичесиихъ малорусскихъ писателей, извѣстныхъ ему также очекь хорошо. Въ особой пачаѣ бумагъ мы паходимъ сдѣлаккыя кмъ выбораи словъ, выраженій, рѣченій, каиія могли бы покадобиться ему при передачѣ встрѣчающихся въ Одиссеѣ иазввкій предметовъ, дѣйствій, эпитетовъ, опредѣленій, характеристикъ и т. п.

Эти выпяскк леасическаго матерівла съ уаазакіемъ ка страницы книгъ, употребляемыхъ для этой цѣли профессоромъ, показываютъ, что окъ пересмотрѣлъ Геродота, лѣтописи Ипатьевсаую, Самовидца, миогіе ааты, изданные Археогрвфичесаими иоммиссіями, сборниаи пѣсекъ и пословицъ Чубвискаго, Головацкаго, Метлиасааго, Номиса, Кольбера, Романова, матеріалы, изданные въ „Запискахъ о Южкой Руси", въ „Осковѣ", сочиненія авторовъ: Котляревсааго, Квитки, Гулака-Артемовскаго, Гребінки, Куліша, Марка-Вовчка, Глѣбова, Манджуры и др.

Digitized by Google

Выписокъ изъ этихъ книгъ сдѣлано имъ болѣе 2500.. Они состоятъ или изъ отдѣльныхъ словъ, или изъ поставленныхъ рядомъ синонимовъ и омонимовъ (горопіха, бідоліха, бідаха, густо, багато; скоро, швидко, хутко, шпарко, мерщій; бігты, чвалати, чесати, чухратк, чімчикувати, попхатися; більше, кріпше, дужче, сильнійше, міцнійше и т. п.), или изъ сложенія словъ, употребляющихся въ народной поэзіи рядомъ для извѣстнаго понятія (ревно заплакати, гвалт зчинити, раду складкти, у славу вбитися, неславу зложитк, слёзи ронять, словами мастити, жалю серцю завдавкти) или для опредѣленія предмета (ліс непролазний, качечка качуриста, яска зброя, смѣжкі вуста, супротивне слово, люба згода, добра слава, пташки співучі, бджоли гудючі, золота брама—срібні одвірки, препишна вечери, славні вечорниці, дівчкна чемнв, старець божій, сука облесна и пр.), или нвкопецъ изъ цѣлыхъ рѣченій и фразъ, оказавшихся почему-либо хвркктерными или пригодными для перевода Одиссеи, напр.: а в вись високк, а в ширь широка; в кору багрнва, а въ верх кудрнва; скма сталк—задумала, карі очі зарюмалк; як була я сім літ удовою—не чула я землі під собою, як пішлк я зк вражого сина,—побила меае лихан годкна и т. п.

Иногда слова, выраженін и реченія сопоставляются съ польскими, чешскими, бѣлорусскими, великорусскимп, греческими; напр.: русявий—ξάνθος; иншої мови ἀλλόθροος; охряти—chradnouti; padam do пóg—вдарить челомъ—γουνάζομαι; χρυσῆ ἰακινθίνῳ ἄνθει ὁμοίας (Од. VI, 231)—ой на мені кучерики, як на барвіночку (Чуб. IV, 481) и т. п.

Иногда въ началѣ листка встрѣчаются замѣчанін, послѣ которыхъ уже идутъ выписки, напр.: „Постоянные эпитеты. Къ вопросу объ аттрибутивности существительнаго. Чтобы существительное могло быть ктрибутивно, въ немъ долженъ сознаваться призиакъ. Постоянный эпитетъ есть не непремѣнко возстановленіе признака, этимологически двннаго въ существительномъ (это—только чвстный случвй), по непремѣнно долженъ удовлетворить потребность мыслить въ вещи опредѣленный признвкъ. Между прочнмъ постоянный признкъ служитъ и идеализацін: „Ой, косо! не рік

Digitized by Google

я тебе плекала, молодим борщиком змивала, *шовковов* хусточаов стерала, *золотим* гребінцем чесала (Гол. IV, 634). Білі руки, дрібні слёзи (ib. 634, 635) и т. д.

Нѣкоторые листаи сложены вчетверо съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи можно было разрѣзать ихъ, и на отдѣлахъ сложенныхъ листкахъ сдѣланы разнородныи выписки. Изъ этого видно, что систематизаціи выписокъ еще не было сдѣлано, что все это пока первоначальные набросии; тѣмъ не менѣе многіе изъ выпискиныхъ словъ и выраженій уже употреблены въ начатомъ переводѣ Одиесеи; другіе очевидно ждали еще пересмотра, критики, сопоставленія съ гомерическими выраженіями и, какъ можно видѣть изъ сравненія, съ другими мѣстами тѣхъ же рукописей, еще не получили окончательной формы справочнаго подготовительнаго матеріала.

Въ общемъ вся указанная подготовительная работа даетъ прекрасный методъ для желающихъ заняться переводомъ Гомера и достичь простоты и естесгвенности языка, столь необходимыхъ въ данномъ случаѣ.

Въ прилагаемыхъ отрывкахъ приведены въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній тѣ разнорѣчія, какіи найдены въ рукописи А. А. Потебни на самихъ листахъ перевода; очевидно они поставлены были имъ съ цѣлью выбрать то или другое при окончательномъ переводѣ.

А. Русовъ.

Одиссея. III рапсодія.

Ніч всю і світом судно їх мокрую путь розтинало;
Гелій схопився, покинувши моря затоку прекрасну,
Й ник иебо зійшов мідяне світити богам несмертелним
Й смертним вмірущим на всій землі хлібородній;
Тоді вони в Пил Нелеїв добрезбудований город
Прийшли, а ті на пісках у моря правили жертви:
Чорних биків синекудрому богу, що землю хитає.

Digitized by Google

Сим було девъять рядів, по пьатьсот чоловіка сиділо
В кожному ряді й по девъять биків було впред рядом.
Симе потрух вони куштували й чвсти бедер палали
Богу у честь, як ті з кораблем рівнобоким пригалась. [1])
Паруси оідтягли і згорнули, причалили й вийшли на берег.
Вийшов з судна и Телемах, попереду ж його Атена.
Й перша промовила так ясноока богиня Атена:
„Вже ж, Телемаху, тут сорома нетреба и трохи
За тим бо й поплив єси об морю та, щоб роспитати про батька,
Де його вкрила земля й на яке безголовья набіг [2]) він.
Тик ну бо теоер до Нестора просто іди, вкротители коней:
Донідаємось, яную він раду у грудяхъ ховає.
Сам ти його попроса, щоб сказав він нехабаую, щирую [3]) правду.
Брехні ж він нескаже, бо чоловік він дуже розумний".
Їй ув одвіт Телемах розумний став промовлити:
„Мепторе, як його йти, як пригорнутись [4]) до його?
Я ж до річей вимоваих ніякої вправи неиаю.
Та впъать таки стид молодому випитувать мужа старого".
До його промовила так ясноока богиня Атена:
„Дещо, Телемаху, сам в своїй голові ти змизкуєш,
Дещо піддасть тобі бог. Така бо думка у мене, що
Не ни перекір жв [5]) богам ти зродався и згодувався".
Так сказивши, його повели Паллада Атеиа
Спішно, а далі [6]) і він пішов слідою богині.
Так підійшли ін громиді мужів Пиляи і їх сижам.
Нестор сидів там з синами, навколо його товариство
Пир готовали, мъясиво пекли й на ріжни нистромляли.
Скоро уздріли гостей воии, юрбою вийшли на зустріч,
Стали руками витати й сідати їм ізвеліли.

[1]) Пригрібатись
[2]) Настиг
[3]) Тобі усю
[4]) До его доступиться
[5]) Не противъ волі
[6]) А потім

Digitized by Google

Перший Пизистрат Несторович підійшовши близенько,
Взявъ за руки обох, та за пир увсадовив їх
На смухах мъяких, як пісках на березі моря
Поруч із рідним братом своїм Тразвмедом і батьком.
Потроху дав по частвні, у кубок од злота самого
Насипав вина й витаючи став промовляти словами:
„К Паллкді Атені, Дія дочці Эгидодержавцн,
Помолися, гостю, тепер Посейдаону пану,
Ви бо прибувши сюди (як раз) к єго учті поспіли [1])
Яа же зіллєш і помолишся сам як слід по закону,
Дай і сёму опіслв вінк солодкого кубок,
Хай ізілле. А чей же і він богам несмертелнвм
Молиться: всім бо людям треба богів (непомалу).
Тілкв що вів молодший, однолїток [2]) мабуть зо мною.
Тим то перше тобі я чару дам золотую.“
Сказка, та в руку дає їй вина солодкого кубок.
Змилився Атені сей муж справедлнвий, розумний
Тим, що попереду їй він чару подав золотую.
Й зкраз змолилася щвро вона Посейдаону пану:
„Молвмося, услнш Посейдаоне земледержче,
Тн щоб збулися сі речи, немай за падто велике
Несторові і синам найперше дай [3]) славу, паиство;
Далї затим н иншим милую [4]) дай нагороду
Вкупі [5]) пилянам усім зк пресквну великую жертву;
Телемаху ще і мені дай вернутись, те діло зробивши,
Зачнм із чорним шиидким корнблем сюди ми прибігли.“
Так молилась вона (тк снмаж усе ізробила).
Телемаху далій дала гарную чару двійчатку.
Также саме молквся й любнй сни Одисеїв.
Тіж, як верхні мъяса попекли і з ріжків поздіймкли,

[1]) Повали
[2]) Ровесник
[3]) Вділи.
[4]) Вдячную. Губ. IV, 363.
[5]) Посполу.

Digitized by Google

Стали порозділявши препишний пир пирувати [1]).
Яа же до пива й їстива уже одігнали охоту,
Слово ізняв до них Нестор Герепійсаий аомонниаъ:
„Тепер уже араще розвідати та гостей роспатати,
Хто в'ни такі, яа вже вдоволпили їжею душу.
Гості, хто вн такі? Відкіля по мокрій дорозі?
Чи ви за ділом яким, чи вештались світ за очима, [2])
Наче здобпшники ті, що здря блукають по морю,
Душі свої кладучи й чужеземцям розносячи лихо."
Ёму паа в одвіт Телемах розумнай став промовляти,
Всміливпшсь, бо Атена сама ёму смілость у сердце
Вложила, щоб міг ёго роспитати про батька в одлуці,
Та щоб про самого поміж людьми [3]) стала добрая слапа:
„Нестор' Нелєєвичу, великая слава Ахаян,
Питаєш мене, відкіля ми? так и саажу тобі зараз:
Ми прийшли із Итаки, що під Неіоном горою,
Діло ж у меие те, що кажу, свое негромадсьае.
Йду я, дальнёї слави про батька чн де не зачую,
Про Одисея душі терпеливої. Він колись, кажуть,
Бився у купі с тобою та город Трояиьскій розбурив.
Про инших же всіх, с Троянамн що воювали,
Нас вісти заходять, де хто загинув смертью гіркою.
Ёго ж и погнбель саму без вісти [4]) зоставив Кроніон,
Бо де він загинув, піхто неможе саазати напевно:
Чи на сухій землі мужі вороги подоліли?
Чи пан па морі погиб він посеред хвиль Амфитриты
Тим то к аолінам твоїм припадаю, ачей твоя ласка
Про смерть ёго гірку розаазати, коли часом бачив
Своїми очима, або чував, що росказував' казки
Про ёго, бо овсі нещасного мати ёго породила

[1]) Славную учту справляти.
[2]) Навмання, наудачу.
[3]) Миром.
[4]) Чутки.

Digitized by Google

Неусолужуй нічого з уваги на мене і жалю.
Гаразд мені все роснажи, як тобі довóдилось бачить,
Прошу, коли чесний мій панотець Одисей може часом
Словом чи ділом тобі обіцявшись та став у пригоді
В Троянській землі, де ви біди лихі терпіли Ахеї.
Згадай се тепера мені й снажи усю щирую правду".
Ёму одповів на сеє Нестор Гереньский комонява:
„Друже, коли єся нагадав біду, що в землі тій [1])
Витерпіли ми Ахейськаі сини на одвагу невпинні,
Або снільки—як съ кораблями по морю без краю
Ми побивались з добиччю, де Ахиллей нам довóдив,
Або саільки під градом велиним Прінма пана
Бились... Вбито там згодом усіх, яаі були луччі:
Там и Айант хоробрий поляг и Ахиллей там,
Там и Пáтрокл поляг, до совіту [2]) рівний з богами.
Там и любий мій син, и силач я иа вроду без вади
Антúлох, він бігати був швидкий над усіх и боєць був!
Ну та и нáдто чимало стерпіли ми яшого лиха,
Все ёго хто ж би з смертелнах людей приміг росназати?
Ян би б и павіть і пьять год і шість год ти тут зоставався у мене,
Про злидні роспитуючи, наі ми там терпіли Ахайці,
Скорійш надоїло б тобі й у отчизную землю б вернувся.
Девъять бо літ ми захожувалась [3]), їм спиааючи лихо
Всяаими хитрощами, аж наслу кіиець дав Кроніон.
Радою там ніхто неважився рівнятись прилюдно [4])
З ним, Одисей бо далеио над усіма верхи брав
Всяними хитрощами, отецъ твій, як що і справді
Шадок ёго єся; аж страх бере, як подивлюся,
Вже бо й речи твої тааі ж самі й несназав би,
Щоб молодая людина до діла так говорила.

---

[1]) Коли нагадав єси горе, що в тім краю.
[2]) Рада.
[3]) Поралась.
[4]) Ввічи.

Digitized by Google

Там то ми увесь час я із ясним Одисеєм
Ні у громаді, ні в раді різно неговорили,
А однією душею на розум и добрую раду
Ми Аргивян навчали, [1]) щоб вийшло як можна найлучше,
Коли ж ми город на иручі высокій розрушили Приама пана
(Й назад потягли в иороблях и бог нас роскидав [2]) Ахейців),
Тоді то Зевс нам смутие воротти у серці замислив,
Як не усі були розважні та справедливі,
Тим то чимало із них лихую здибало [3]) долю.
Все через пагубний гнів [4]) дочки могучого батька,
Що меж двома Атрея синами зкоіла сварку,
Як зізвали вони Ахайців усіх до громади
Покварно та не до ладу [5]) (вже надвечір) к заходу сонця.
А ті Ахайські сини вже важкі од вина, як зійшлися,
Так стали казати, для чого людей ізібрали.
Тутъ Менелай тобі всім Ахайцям повеліває
Гадати про вороття по спинахъ моря широких,
А Агамемнону сеє не до сподоби, хотів бо
Задержать людей та справить святиї жертви великі,
Щоб чи гніву страшної Атени невтихомирить.
Невбашний! незнав він того, що Атена недасться вблагати,
Бо не 'дміняється сразу серце [6]) богів вічносущих.
Так, міняючися важкими [7]) словами, стояли
Обое, аж схопилися з міст Ахайці добропоножні
З криком — сиазати неможна й була в їх надвоє думка [8]).
Ніч ми перебули, в душі замишляючи злейе [9])
Одни на одних, бо Зевс на нас уже лагодив лихо.

[1]) Наущали: будеш мене на добрий розум наущати. М. 351.
[2]) Росточив
[3]) Настигло
[4]) Ненависть
[5]) Через лад
[6]) Думка
[7]) Грізними
[8]) З галасом бо-зна яким, и була у їх думка нарізно
[9]) Ковердзючи злейе у серці.

Digitized by Google

Вранці ми судна взяли істягатк на синеє море
Брати добиток на них та жінки підперезимі низько.
Так половина людей уперлася там позостатись
При Атреєвичу Агаме́мноні, людей пастухові;
Ми ж, посідавши на судна, погнали, й вопи дуже швидко
Бігли [1]) и бог нам ля скатерть прослав великую мори пучину.
К Тенеду ми прибувши богам ісправили жертви,
Гадаючи вже до дому, та Зевс воротти несудив ще
Немилосердний, знив він сварау лихую у друге.
Ті потягли кораблі круторебрі, назад повернувши,
Из сподарем Одисеем розважним на вигадки хитрим,
В Атреєвича Агамемнона запобігаючи ласки;
Яж узяв с кораблями есіма, що ходили за миою,
Втікати: дознався, що ним лихо замислила божая сила.
Втікав и Тидеів хоробрий сни із своїм товариством. [2])
Далі вже згодом рушив за мами й русявий Менелай
Та [3]) на Лесбі догнав, де ми довгий плав обмишляли:
Чи маєм вище Хив крутобескедного взяти
На остров Пекрію, его зоставляючи взіві;
Чи маєм мижче Хия плисти повз Мкмант вітристий?
Бога просили мк знак проявити, [4]) к він показав нам
Серединну мори звелів ростинати, ма острів Эвбою,
Щоб яно мога скорійше могли ми вибратись з лихи.
Вітер свистучий знявсь дутк у тил, кораблі дуже швидко
Путі многорибні пробігли та до Геройста
Пристали в ночі. Посейдону багато тут стегін бичачих
Ми на вівтарь приесли, [5]) переміривши море велике.
День четвертий ішов, коли кораблі рівнобокі
Тидеєвича товариство Диомеда, всиормителя коней

---

[1]) Плавли
[2]) Товариство підпявши
[3]) Одначе
[4]) Ил. 577
[5]) Зложили ми на вівтарь. Объяс. II. 127, 323.

Digitized by Google

В Арзі ставало; аж іа Пилу держав, а вітер
Вже невгавав, з того часу яа бог послав ёго дути.
Так то вернувся я, люба дитино, без вісти й иезиаю,
Які із Ахайців збавились смерти, иаиї погибли.
Чого ж я сидячи тут, у палатах у нашихъ довідавсь,
Зиатимеш, яа тому й слід, од тебе иепотаю я.
Здорові, кажуть, дійшли Мирмидони — ясині копья [1]),
Що Ахиллея — велиаого серця сии їм доводив;
Здоровъ вериувся и Филоктет Пойантовичъ славиий,
Идомеией иа Крету привів усе товарвство,
Яке уціліло 'д войии: иевзяло в ёго море иікого.
А про Атреєвича и сами ви хоть здалеаа чули.
Хоть він вериувсь, та Айгист гіркую погибель замислив.
Але, правда, що й сам дав зк се слушну заплату.
Добре, яа вбитий муж по собі та сйиа зоставить [2])
Бо от я той, Орест, душогубу добре оддячив
Зрадливому [3]) Айгистові, що вбив ёму славиого батьаа.
(Таа ти, друже, бо бачу вроду та зріст твій, борися [4]),
Щоб хто й з далиіх иащадаів [5]) тебе помъяиув добрим словом).“
Ему так в одвіт Телемах розумиий став промовляти:
„Нестор Нелеєвичу, великая тіхо Ахайців!
Вже ж так, що оддячив Орест, проиесуть ёго славу Ахайці
Геть широко-далеао, що й будучі щадки почують;
Яа би б той мене боги [6]) одяглн в таау силу, щоб міг я
Дать женихамъ одплату за їх досадиї збитаи,
Що гордуючи миою воии [7]) иеподобиє роблять!
Алеж боги меиі тааого щастя неспряли,
Батьку мому і меиі; так притьмом тепер треба терпіти“.

---

[1]) З. о Ю. Р. I, 36.
[2]) Як то гаразд, коли вбитий муж та сина зоставить.
[3]) Лукавому.
[4]) Крішися.
[5]) Потомків.
[6]) Мені боги дали.
[7]) Що вони з гордості мені.

Digitized by Google

Ёму одповів на сеє Нестор Гереньскнй комонник:
„Друже, коли вже менї нагадав, та сказкв єсв сеє,
Кажуть, що женихів в твоєї неньки бкгато,
Та против волї твоєї вонк коять лихо въ палатах.
Скажи же нені: сам ти ім піддаєшся, чи може люде
Землине [1]) тобі вороги послухаючи божого гласу?
Хто знк? Може вернувшись колись, він їх заплатити [2])
Заставить, чи сам один, к чи із Ахайцями вкуші,
Як би б тебе зволилк такъ полюбить ясноока Атенк,
Як тоді воик Одисеєм слапимъ журилась
В трояньскій землі, аоли біду ми терпілк Ахкйці...
Бо и невидав, щоб богн кого так очеввсто любилн,
Як очевнсто ёго заступала Паллада Атена;
Як би б, кажу, зволилк такъ полюбить, та тобою пеклкся,
То не один би із нкх навік забув женнхкинн".
Ену пак в одвіт Телемкх розумний став промовляти:
„Старче, щоб се слово справдилось н й негадаю,
Бо дуже велике воно, аж страх бере. Ні несправдиться.
Хоть би сподівавсь н, хоть би б була на те й божая воля!"
Тут пак проновнла тек ясноока богння Атена:
„Слово яке з-за зубів чкстоколу в тебе злетіло!
Богу легко, як зволить, н здклека мужа вернути.
Про мене ж лучче б я рад, хоть набравшися всякого горя,
До дому вернутнсь, та день вороття свій побачнти;
Ніж вернувшись (скоро)погинути дома, як Агамемнон
Погнб од Айгнстк та од своєї суложниці зради.
Прквда одначе: й боги самн од спільної смерти
Оборонити й того, кого люблять, неможуть, коли вже
Доли лихая кому погинути смерттю гірною".
Ій ув одвіт Телемах розумний сткв промовлнти:
„Менторе, годі про се говорити, хоть нкс воно й журить!

[1]) Люде землі, мир.

[2]) Хто зна, чи він, вернувшись колись, за квалт заплатити їх не заставить, чи сам один, чи з Ахайцями вкупі.

Digitized by Google

Певно, немає ему вороття, а вже погибель
І чорную смерть судив ёму боги несмертелні.
Тепер же про иншую річ розвідати хочу й спитати
Нестора, як над усіх справедливий він та розумний,
Бо нажуть, трнчі віи пинував вже, три поколівня.
Та, яа подивлюся иа ёго—неначе безсмертний здається.
Нестор' Нелеєвичу, скажи мені щирую правду [1]):
Як погинув Атреєвич, можнвй пан Агамемнон?
Де був Менелай тоді та яиую згубу замнслив
Айгист зрадливий, що вбив куди-хоробрійщого 'д себе?
Той [2]) був не в Арзі Ахайснім лвбонь, а де небудь инде
Блукив по світах [3]), що Айгист осмілився вбити?"
Ему на се одповів Геренійськнй Нестор номонник:
„Тин я, дитнно моя, тобі роскажу усю правду.
Вже ж таки й сам тв догадуєшся, як воно сталось [4]),
Яа бн б не то́ що, а хоть бн в живих застав [5]) у палатах
Айгиста, вертаючись з Троі, русивий Менелай,
Ані могили над трупом ёго ненасипали б люде,
Розпматували б б собаан ёго та хижеє птиство
В полі од города геть-де, та голосити по ёму
Нестила б з Ахаянов жодна, бо дуже лихеє він вдіяв,
А то стояли мн там та часті зводнли битви,
А він тут любенько собі у кутку конеплодного Арга
Старався Агамемнонову жону вчаровати словами.
Спершу таан того неподобного діла цуралась
Ясна Клитаймнестри, бо добрий розум вона собі мила,
Та й був муж-співаа при їй, що ёму одъіжжаючн в Трою
Атреєнич був-приказав своєі жони доглядати;
Коли ж її зволі богів, понутала доля піддатись,

---

[1]) Менелай.
[2]) Між людьми.
[3]) Розминаєш, що з того вийшло.
[4]) Іздибав.
[5]) Не потай мені правди:

Digitized by Google

То той тоді співака запровадив на острів безлюдний [1])
Та там і покинув птасту на здобич та на поталу.
Її ж охочий охочу, одвів до своєєї домівки.
Багато стегеи богам на святих вівтарихъ попалив він.
Багато пишних дарів їм повішав, шатами й злотом,
Великеє сповнивши діло, що й несподівався ніколи.

VII рапсодія.

Поки там так молився сивий Одиссей многотерпець,
Дівку [2]) тим часом у город сила везла пари мулів.
Як же до батькових славних вельми хорім добралась,
То зупинила мули в воротіх. Брати наоколо
Стали, подобні богам несмертельним, далі із воза
Мули повипрягали й у хату повносили плаття;
Сама ж у свій терем пішла. Там їй огонь розпалила
Стара Апейронка, з поноёва, Евримедуса.
Сю з Апейри колись нораблі привезли крутобокі;
Та з Алкиною вибрано в дар, як над усіми
Феаками він панував и народ ёго слухавсь, як бога.
Вона згодувала в хоромах білорукую Навсикаю,
Для неї огонь роскладала та їй окроме готовала вечерю.
Тоді то підвівсь Одиссей, щоб до города йти, Атена ж,
До ёго зичлива, туманом густим ёго оточила,
Щоб часом який з високоумних Феаків спіткавши, [3])
Нестав глумитись [4]) над ним словами та роду питати.
Коли ж уже мав уступити у город веселий [5]),
То там зустріла ёго ясноока богиня Атена,
Дівчиною молодою, з глекомъ въ руках, обернувшись,
Стала вона перед ним, а ясний Одассей став питати:

---

[1]) Пустинний.
[2]) Паню.
[3]) Зустрівши.
[4]) З його глузувати.
[5]) Приязний.

Digitized by Google

„Дочао, чи непровела б ти мене до домівки мужа
Алкиноя, що тут меж свми людьми панує?
Бо я тут чужий, дознавши й перетерпівши чи мало,
Прихожу з далекого краю, твм то незнаю нікого
З людей, що держать сей город [1]) і ниви сі роблять".
К ёмуж промовила так ясноока [2]) Атена:
„Таа я ж тобі, гостю [3]), той дом покажу, що ти кажешь,
Бо се недалеко од чесного батько мого домівки.
Тількп ти мовчки іди (а я по переду йтиму);
Непоглядай ні на кого і непитайся ні в кого,
Бо тут тааі, що недуже чужих людей поважають,
Недуже то люблять вітати [4]), як прійде хто з иншого краю.
На кораблі швидки вони лиш вповають, та моря
Пучину [5]) на них переходять: таа дав їм землі потрясатель:
А кораблі в їх швидкі, як птиці крило або думка."
Таа то сказавши, його повела Паллада Атена
Спішно, а вин затвм пішов по слідах богині [6]).
Й непостерегли його кораблями славні Феаки,
Як він по городу йшов поміж ними, бо непопустила
Краснокоса Атена, грізна богиня: на його
Їмлу несказанну злила, добро замишляючи в сердці [7]).
Чудовавсь Одисеей пристаням їх та кораблям рівнобоким,
Майданам для зборищ мужів, стінам довгим, високим,
Скризь поострожепним частоколом навдовнжу.
Як же дійшла вже до славних вельми царських будинків,
Розмову таку [8]) почала ясноока богиня Атена:
„Отсе тобі, гостю батьку, той дім, що велиш показати;

---

[1]) Що в городі сім живуть.
[2]) Сивоока, синеока.
[3]) Батьку, паноче.
[4]) Раді приймати.
[5]) Глиб.
[6]) А далі й він пішов слідом богині.
[7]) В думках до його зичлива.
[8]) Річ таку.

Digitized by Google

Застанеш як раз у ёму царів, годованців Дия,
Що пир пирують; ти ж увіходь, нічого небійся.
В душі сміліий бо муж з усякого діла найлучче виходить,
Хоть би прийшов звідкіля на чужниу из иншого краю.
Перш усёго 'спожу старайся знайти у палатах.
Ймепня ѣ недаром Арета й предків тих самих
Вона, що породили й мужа ѣ Алкиноя.
Бо Навзатоя знершу зродив Посейдон, що землю хатає,
І Перибоя, найкраща з жіноцтва [1]) на уроду,
Менша дочка велиаого серця Эврimедонта,
Що колись буа царем над міру гордих гигантів
Та свій народ загубив нерозумний і сам з ним загинув;
З нею ж появись Посейдон і породив собі чадо,
Навситоя велякого духа, що панував у Феаків.
А Навситой породав Реасенора та Алаинон.
Того бездітним стрілою убив Аполлон срібнолукий,
Ще молодожоном у хаті. Він одно тільии чадо [2]) зоставна,
Арету, що Алкиной собі поняа за подружжя
Та ѣ чтив, як ніхто нечтіть ні жодної в світі,
Скільии ні есть жіноа, що замужем держать хазяйство,
Оттака то їй честь [3]) була, як і есть, сердешна [4])
І од любах дітей й од самого Алиноя,
І од людей, що на неї дивлиться, наче на бога,
Та словами аітають, як отсе вона городом йтяме,
Вже ж бо доброго розуму їй позичати нетреба.
До ного нона зичлива, тим сварки мужам нона примиряє;
Ян би б і тобі добра аъ душі вона забажала,
Певна б надія була що своїх ти побачиш, [5]) та прийдаш
До аисового дому, до свого рідного краю".

---

[1]) З жінок
[2]) Одиницю, одиночку
[3]) Повага
[4]) Од щирого серця
[5]) И отчизную землю

Digitized by Google

По сій мові 'дійшла ясноока богиня Атена
На пепліднеє море, покинула милу Схерію
До Маратона прибула і улиць широких Атена,
Та в дом аріпкий Ерехтея ввішла. Одиссей же тим часом
К славними палатам [1]) ішов Алкиноя. Тут в серці чимало
Думок він перебрав в мідяного ставши порога,
Неначе бо 'д місяца світло стояло
Скрізь по високому дому Алкиаоя велакого серця;
Стіни бо йшли мідяний сюди і тудн од порога
Аж геть, а зверху карниз на них з синёї криці навколо.
Од золота двері до дому кріпкого вхід замикали.
Срібні одвіраи [2]) стояли на мідяному порозі
Срібний же був і ааддвірок [3]), а кільце у дверей золотеє
Срібні ж та золоті пообіруч собаки стояли,
Що їх Гефест поробив розумом хитрими та мудрим,
Щоб дому стерегли Алкиноя великого серця;
Бесмертні вони були й нестарілися аіввіки,
В домі ж сюдн і туди до стін приставлені кресла
Скрізь од порога аж в глиб килимами укріті
А килими мьягиі доброткані, жіноча робота.
Там то сижували на них Феаків правідці,
Пьючи та їдячи, бо було в їх усего доволі,
Далі хлопці там золотії на гарних підставках
Стояли в руаах їх походні палали (огнем та світили).
Щоб видко було по ночах гостям пировати.
Пьать десятків робинь жинок було а ёго в домі.
З них которі на жорнах мелють яру пшеаацю,
Которні пак за верстатами ткуть, та сидячи вовну
Прядуть, неначе те листя шумить на високій тополі;
Тканння ж густе, що аж з ёго стікає вохкая олива.

---

[1]) Хоромам
[2]) Чуб. IV. 468.
[3]) Притолока

Digitized by Google

Як Феаки сами над усіх людей уродливі [1])
Бо морю гнати швидкий корабель, то так їх жіноцтво
Кросно ткати, бо над усіх дала їм Атена
Діло вміта робить чепурне та чеснеє серце [2]).
Поза двором побила дверей сад там велаааай
На чотирёх десятинах, навкруга ёго йде огорожа,
Там дерево (всяке) васоке росте, цвіте й зеленіє.
Груші, гранати, яблука плоду доброго їсти [3])
Та солодкі фиги та зелені оливи.
Плід на них неропада й небуває ёму недостачі
Ані зімою, ні літом год круглий. Зефир бо вічае
Там подиха: те ростить, а тому дає доспівати.
Одно за одним, за грушою груша, за яблуком яблуко зріє
Винні китяги одна за одною, за фигою фига.
Там далі посажений в ёго сад виноград многоплідний,
Инші китаги в ёму на припеці на рівному місті
Въпуть на сонці, а инши лиш ізбірають,
Инші вже давлють, а спереду лози там ще зелені.
Иші ще цвіт ісипдають, а на инших ніже угрона брвніють.
Там далі ще с самого краю гридки до ладу чепурні:
Всячина там росте, цілий годъ цвіте та буяє.
Дві там криниці: одна ростікаєтьси по всёму саду,
Друга з тиї сторони під порігом двора протікає,
Побила високого дому та з неї воду беруть городяне.
Оттаі то красні дари богів були в Алааноя.
Ставши там, роздивляясь аснай Одиссей многотерпець.
Кола ж пак на все надививсь та в душі своій надивовався,
Спішно через поріг він переступав та ввійшов у хороми.
Саме застав там Феацьких привідців та радців,
Що в честь злівали із чар лучному Аргоубійці.
Ёму звикли зливати посліднёму вже про спочивок згадавши.

[1]) Тямущі.
[2]) Добрий розум.
[3]) Яблука красні.

Digitized by Google

Ішов же через палату ясний Одиссей многотерпець,
Імлою вкритий густою, що його оточили Атена;
Аж поки дійшовъ до Аретн та до царя Алкиноя.
Коли ж Одиссей вже рунами обвив Аретн коліни,
Тоді лиш додолу із його стегна імла несказанна.
Ті ж запитали усі у палатах мужа уздрівши.
Дивилися та дивувались, и Одиссей став благати:
„Арето, Рексенора дочко, що рівен з богами!
До мужа твого, до твоїх колін припинню я біднй,
І пирпнхъ гостей сих молю (хай боги їм у щасті дарують
Вік свій прожити, та нехай ножен з них дітям зостивить
І свій добитон у домі й що в честь ёму дано народом),
Ви ж одправу мені знарядіть, щоб скорійше [1]) вернутись
До дому, давно бо вже горе терплю я од роду далеко".
Так сказавши, він сів на огнищі на попелищі
Побиля огня, ті ж всі ущухнувши мовчки снділи.
Аж дуже вже з годом озвався стнр чоловік [2]) Ехеной,
Що з Феаків мужів нийдавніш народився
Й річмі перевишував всіх [3]), давнини багато зазнавши.
Сей, добра їм жичливий [4]), обізвався и слово промовнн: [5])
„Алкиной, негарно тобі й зовсім недоділа
Те, що гість долі сидить на огнищі на попелищі.
Так підведи бо ти гостя й на сріблом цвяховане кресло
Посадови та оклнчникам ще ізвелм намішати
Вина, щоб могли ми і Дпєві в честь громолюбцеві злити,
Як випада нам при чеснмх страниіх, що помочі просять.
(Що із чесними странніми разом [6]) до нашого дому приходить)
Хній гостю й вечерити клюшниця дасть, що зинйдеться въ домі....
А коли Алкиноя велнкая сила сеє зачула,

[1]) Швидче.
[2]) Витязь.
[3]) Узяв над всіма.
[4]) До них добровільний.
[5]) Став промовляти.
[6]) Вкупі. Гость в дом,—Бог в дом.

Digitized by Google

То Одиссеи на думаи богатого взивши за руау
З огинища ёго підвів, посадив на лисаучому креслі,
Синові встать приказавши хороброму Лаодаманту,
Що найближче до ёго сидів та був ёму наймилійший.
Служка води приисела у гарнім глеау золотому
Й на руан злила над срібною мисою руки помити,
Далі розставила стіл гладаий побили гостя,
Хліба клюшниць чесна тут принесла й положила,
Наставивши всиаих наїдаів, рада дати, що въ домі знайшлося.
Він же став пити та їсти, исиий Одиссей многотерпець.
Оттоді до окличнака тааъ Алаиноева сила озвалась:
Розиеси, Понтоною, змішавши у чаші иапиток"
Усім по палаті, щоб и Дисві въ честь громолюбцю ізлити,
Що з чесними страиніми в аупі до иашого дому приходить".
Так він сказав. Понтоиой, медозого вана намішавши
Й порозливавшп по чарах, усім порозносив в палаті.
Вони ізлили й напилися, скільаи душа забажала.
Тоді Алкиной до нах обизвавшися став промовляти:
„Послухайте лишеиь мене, Феацьаі привідці та радці,
Нехай я скажу, що у грудях душа мені повеліває.
Одпирувавши теперь ідіте спати до дому,
Завтра ж рано з зорі, старшини ще більше зізвавши,
Гостя въ палатах ми вгостимо та великеє свято
Справим богам, а затим вже і як виправлити в дорогу
Будем гадати, щоб гостю зовсім без труда и досади
За проводом нашим добратись до свого рідиого араю
Весело й саоро, хоч як би туди було там далеао;
Та щоб тим часом він недознав ни лиха, ин гори,
Поки иеступать на свою землю, а там нехай терпить,
Що ёму доля дала на роду й неласкавиї прихи
В нитку уприли, аоли ёго мати на світ породила;
Колиж—пак хто із безсмертиих тепер зійшов до иас з неба,
То значить либонь, що боги ипше щось мають на думці [1])

[1]) Иише щось затівають.

Digitized by Google

Бо досі боги завсегда [1]) зъявляются ним очевисто,
Скоро ісправимо їм з ста биків преславную жертву,
Та там, де і ми, пирують, із нами сідаючи поруч.
Хоч би і сам ідучи із нас подорожній спіткався,
То нехороняться [2]д ёго, бо ми ж їм рідня недалека
Таи, яи і циклопя, такъ, як і дикі племена гигантів."
Ему ув одвіт Одиссей многодумний став таи промовляти:
„Аливною, журися не сим, коли хоч, я чим иншим,
Бо я неподобеи богам, що держать широкеє небо,
Станом ні зростом, такий я, яи всі смертельниї люде,
Та кого знаете яи із людей, що найбільше печалі [2])
Зазняли [3]), то хиба з тим яб міг своїм горем зрівнитись.
Можна б мені вам щей більше про лихо своє росказати,
Сильни усичини вытерпів я із волі бесмертних,
Тільки хош і смутному, дозвольте мені повечерять,
Бо безстиднійшого нияд живіт ненависгниї нічого
Немас; він силоміць про себе згадати заставить,
Хоч яи ти захлянь од бідн, хоч як буде горе яа серці
От хоч би й я маю горе на серці, а він все таки мене
Нудить [4]) їсти та пити і про все велить забувати,
Що я перетерпів, та все лиш себе велить попоянати;
Ви ж поспішіть та завтра, скоро заря забіліє,
Одішлите [5]) мене бідолаху до мого рідного яраю,
Хоч би й богато прийшлось бідувати, хоч збутися віку,
Тільки що вздрівши хазяйства [6]), робвиь і дім свій високій."
Тяи віи сказав, ті ж всі похвалили та ізвеліли [7])
Одправити гости до дому, бо віи до діла говорить.
А яи излиля й напилиси скільки душа забяжала,

---

[1]) Завше.
[2]) Горя найбільше
[3]) Винесли
[4]) Силує
[5]) Виправляйте
[6]) Добро
[7]) Дали пораду

Digitized by Google

Кожен спать лягати побравсь до своєї домівки.
Тільки сам ясний Одиссей в палаті зостався,
А коло його [1]) сиділи Арета та боговидний
Алкиной, служаи ж пирове прибірали начиння.
От почала білорука Арета такую розмову.
Пізнала бо, вздрівши плащ та сорочку, гарву одежу,
Що робила й [2]) сама із служебкым жіноцтвом,
Та озвавшися стала крилаті слова промовлять:
„Гостю, попереду [3]) я сама тебе попитаюсь,
З яких ти людей? відаіля? хто дав тобі сюю одежу?
Чи ти неказав, що по морю блукаючи к нам ти прибився?“
Одповідаючк їй, Одиссей многоумний промовив:
„Трудно, царице, [4]) іздрібна капасти мої росаказати,
Бо їх чимало дали боги з високого неба
Тільки скажу, про що розвідуєш ти та питаєш.
Огигія, остров такий лежкть ка одшибі в морі,
Там Атланта дочаа жвве, лукава Калипсо,
Краснокоса [5]) страшная [6]) богкня.
Ніхто ні з богів, які з смертких людей кезиається з кею,
Тільап мене до й очага привела лиха доля,
Як перуном ясним швидкий корабель підо мною
Вдаривши Зевс розщепкв посеред виноцвітиого миря.
Икше все там погибло ческе моє товариство;
Сам я, за киль аорабля крутобоаого взявшись руками,
Девъять дней носився, иа десяткй темної ночи
К острову Огигії прибилк боги. Там Калипсо
Живе довгокоса (грізна) страшиая богикя. Вона мене взявши,
Щкро мене доглядала й аормила, кераз обіцалась

---

[1]) Та при йому
[2]) Пряла та ткала
[3]) З самого першу
[4]) Княгине,
[5]) Довгокоса
[6]) Та грізна

Digitized by Google

Вчинити бесмертним та щоб і нестарівсь николи [1]),
Одначе [2]) серця мого в грудях немогла вговорити,
Там я сім год підряд пробував, бесмертні шати,
Що їх Калипсо дала, пераз обливав слёзами [3]).
Коли ж прийшов осьмий...
Тоді сама підштрикнула [4]) мене й звеліла вертатись.
Чи то Зевс їй звістну послав [5]), чи в самої думка змінилась,
На поромі одпустила пріпному, понадавала
Їжи й напою смачного, вдягла у бесмертну одежу
Й вітер попутний послала погожий ти тихий.
Сімнадцять день я плавав тан перебуваючи море,
На вісімнадцятий вже замаячили темині гори
Вашій землі, і зраділо миле€ серце у мене
Злощасного, ще бо мав я приняти [6]) лихи чимало:
Его набавив мені Посейдон, що землею хита€.
Вітри на мене підиввшп, усі путі завъязив віи,
Море змутив несказнпно; хвиля ніяи недавала
Ни поромі плисти, довелося тяжко стогнати.
Далі вітер паром мій росиндав, яж став пучину
Перебувати у плав, розрізаючи воду, аж пони
Їх вашій землі мене вітер пряніс, та море прибпло.
Тут, як вилазити став, силоміць понесла мене к берегу хнпля
Й на снелі велпні шпуриула, на иегожее місце.
Пустившися берега, впъвть я поплив, аж поли добрався
До річки. Тут здалось мені було аращее місце:
Скель небуло, та иадто був ще захпет од вітру.
Впав и дишучи важко [7]) і ніч на мене бесмертна
Зійшла. Далі геть одійшовши од річки, що падає з неба,

---

[1]) По всі дні
[2]) Тільки.
[3]) Сліами облпвав гіркими.
[4]) Наустила.
[5]) И сповістив.
[6]) Зазнати.
[7]) Набіраючись духу.

Digitized by Google

Спати уклався в кущах, купу листя собі нагрібнвши,
І бог тут на мене сон излив безконешний.
Там звкопавшися [1]) в листя, з смутком у серці своєму
Спав и всю ніч, щей ранок і дни половину.
Заходило сонце, тоді мене сон покинув солодкий.
Тут служок твоєї дочки я вздрів на горбочау;
Грались вонн, сама ж серед їх неначе богиня.
Став и благати П, и єї добрий розум [2]) знайшовся;
Несподівавсь и сёго, молодую людину спіткавши,
Що тнк вона вчинить, бо, що молоде, завсегда нерозумне. [3])
Вона мені хліба у волю дала й вина, що од ёго
Щоан горять, у річці помила й дала сю одежу.
От я тобі смутний расказав усю правду."
Ёму пак одповідати стан Алкиной та озвався:
„Гостю, одначе ніяк того нездумала гречн
Дитина моя, щоб тебе у куні в служками дівками
До нас привести. Адже ж П першу вмовляв ти" [4]).
Одповідаючи, так Одиссей многоумний промовив:
„Герою, за се несварися, прошу, ва честную панну,
Вона бо зиеліла мені іти у куні з служками.
Тнк я нескотів, бо сором було, та такн і боявся,
Щоб нк побачнш, душа твоя часом нерозъярилась,
Бо ми на землі племена людськиї—серця палкого".
Ёму пак Алкиной одповідати ставъ та озвався:
„Ой не такеє, гостю, у грудяхъ серце у мене,
Щоб необшпно яритнсь, лучче все вміру та гречи,
Щож? Яа би б, Дию-отче, Атено і Аполлоне,
Такий, яа от тк, та однакових думок зо мною
Взяв дитину мою та зятем моїм назвався,

[1]) Зарнвшися.
[2]) Рада.
[3]) Необашне.
[4]) Просив.

Digitized by Google

Тута жити зоставшись! Двір би а дав тобі і хозяйство, [1])
Як би ісхотів ти зостатась. Силоміць же ніхто із Феаків
Тебе незадержить. Було б се Дієві батьку немило.
А щоб ти знав певно, таиъ я одправу тобі азначаю
На завтра. Поки ти будеш зиеможеиий свом спочивати,
Судно будуть гаати по тихому морю, аж поки пристанеш
До краю й до берегу, чи паи иуди тобі любо.
Нехай би і геть було дальше туди, аніж до Евбеи—
Вона найдальша од нас, мовляли ті, що видали
З наших людей, як туди русявого Радомаита
Возили з Титієм побачитись сыпом землі
За день добігли вони туди без труда і без втома,
Та ще у ту самую диаиу назад до дому вернулись.
Сам ти побачиш своїма очима, які кораблі и нас,
Та чи молодці наші вміють море веслом розтиаати"
Таи рече. Ізрадів ясиий Одиссей миогохитрець,
Молитися став і слово сказав, імеииям иазиавши:
„Дию отче! [2]) бодай бо усе, що сиазаа ві, збулося!
Алкиною бодай була невгасимая слава
По хлібодариій землї, мені ж дай до дому вернутись".
Поки аони собі так одиа із одиим розмовляли,
Білоруиа Арета тимчасом служиам ізвеліла
На піддашау ліжао цоставить, иилим пурпуровий гариий
На ёму покласти, а зверх аилимів простині прослата,
Та ще положити косматі плащі, щоб було чим уьритись.
Взявши світло [3]) у руки, вийшли служаи із палати.
Коли ж иезабаром ёму впругеє ложе послали,
То перед иим поставали та стали підводить словами:
„Вставай уже, гостю, йди спати, постіль тобі вже готова".
Таа говорили, й ёму хотілося вже одпочити.
Таи там став засипати ясиий Одиссей миоготерпець

[1]) Добиток.
[2]) Батьку.
[3]) Походні.

Digitized by Google

345. На ложі з різьбою на гулаому [1]) підаашші.
Алаиаой же валався у дальній аімааті васоаого дому,
А біля ёго паиі ёго стала постіль собі слати.

VIII рапсодія.

Саоро зъивилася рания зоря, роженіі пальці,
З ложа тоді піднодатись стала [2]) Алкиноя великая скла.
Встав тоді й Одиссей божероданий городоборець. [3])
Іх повела тоді Алаиноя велакая сила
На радиий майдааъ Феаків, що в аах буа 'д аораблів недалеко.
Прайшли й посідали поруч на тесаних з камеия сижах.
Тамчасом по городу сарізь ходила Паллада Атена.
Алкиаоеного окличаака вид на себе праняшши
Та воротта Одиссею нелакому серцю готуючи мудро.
Біла кожиого мужа вона зупиаялась та слово казала:
„А ну-те збірайтесь сюди, Феацькі принідці та радці,
Ідіте у раду аа плець иовинку почути про гостя,
Що то аеданно прабув [4]) до Алкиноя разважиого дому,
Наблуканшась по морю и стааом подобен бесмертиам."
Сеє сказавши, у кожиій душі охоту збудила.
Спішно зібралися люде, повеа майдаи стан а сажі.
Багато [5]) таких було, що тутъ днвувалися гладя
На сина розважиого батьаа Лаерта. Ему бо Атеяа
Невимовну [6]) арасу ізлила аа главу і на плеча,
Ващим зробала иа над і шіршимъ у плечіх, [7])
Щоб Феааам усім став віи любий та милий,
Грізаий и честиий, та щоб тому усёму віи подужан,

[1]) Гучному, дзвінкому.
[2]) Підвелась
[3]) Городів розрушитель
[4]) Завітав
[5]) Народу
[6]) Несказанну
[7]) Щоб вищим здавався на погляд і товстійшим (дебельшим).

Digitized by Google

Чим мали спробовати его сили (мужі) Феаки.
Як же вібрались Феаки та до громади зійшлися.
То тоді Алкиной озвався, та так до них став промовляти:
„Послухайте лишень сюдв, Феацьаі привидці та радці!
Нехай и скажу вам, що у грудях душа мені повеліває:
Гость сей, незнаю хто віа, приблудившися до мого дому
Не то од людей сходових, не то [1]) од західних, аезнаю,
Просить одправи та молить аапевао ёму щоб сказати
Такъ ми ёму, як вже й бувало, даймо скорійше одправу;
З тих бо, хто коли-небудь до мого дому заходив,
Ще тут ні один не тужив [2]), дожидаючи довго одправи.
Тааъ нуно, чорний стягвім корабезь на божеє море,
Ще первоплаваай та ще нехай одбереться з народу
Пьятьдесять два молодці, яаі вже звісаі за лучших.
Їдіте усі й до уключиа весла гаразд привъязавша,
Виходьте на суходіл [3]) та обід готуйте нашвидку,
До аашого [4]) дону прийшовши, а в усёго в волю достачу.
Се ж молодцвм поручаю, а ви усі анші,
Берлодержці, ааязі ходіте до мого дому
Красаого й будемо любъязно гостя въ пилатах приймати [5]).
Неодмовляйся аіхто й співака Демодока кличте
Божого, бо не кому бог дав пісню людей звеселята
Всяк раз, як тільки співати ёго душа потягає“...
Тки сказавши, перед повів, за ним берлодержці
Услід, співакові ж божкому поводирем бувъ окличник.
Пьятдесят і два молодці, що їх одібрано з люду,
Пішло, як той ізвелів [6]) на берег аеплодного норв.
Як же до кораблв дійшли й до хвилястого мора

[1]) Чи.
[2]) Не жалкував.
[3]) Вертайтесь та.
[4]) Мого.
[5]) Любенько гостю въ палатах справжмо учту.
[6]) Приказав.

Digitized by Google

Чорний стягли корвбель на глиб солоного морв.
На кораблевi щогду звели й паруси приладнали,
В ремiнний петлi весла вони повдiвали,
Все як подоба [1]), та бiлi вони паруси розiпъяли.
Од берега геть корабель вони встановили [2]), а далi
Пустилися йти до палат розважного Алкiноя.
Повно стало людей на пiддашшах [3]), в дворi i в палатах
I молодих i старих багато туди назбiралось.
Їм Алкiной дванадцитеро овець дав на жертву,
Вiсiм свиней яснозубих, та пару бивiв кривоногих.
Обiдравши й обпатравши все, вони пир собi милий зробили.
Овличникъ тут пiдiйшовъ, ведучи спiвака любязного:
Пвче всiх [4]) його Муса злюбила, добром наддiливши i лихом,
Свiтло згасила [5]) очей и дала солодкую пiсню.
Йому Понтоной поставив срiблом цвяховане крiсло
Посеред гостей пирових, спиною к стовпу [6]) його прислонивши,
На клинцi [7]) завiсив йому кобзу вiн голосную
Над головою як раз й навчив, як їх руками достати.
Кошик гарний iз хлiбом поставив побила його
Й на похвалi чару вина, щоб пив, як душа забажає.
Ті ж до готової страви [8]) руки попростягали.
Як же до пива й їства уже одiгнали охоту,
То Муса слiпця наустила славу мужiв воспiвати,
Пiсень, що їх слава тодi досягала широкого неба
Про Одиссееву сварку [9]) з Пелеєвичем Ахиллом,
Як на пишнiм божiм пиру вони раз посварились

---

[1]) Як слiд.
[2]) Прикрепили.
[3]) Присiнках.
[4]) Вельми.
[5]) Збавила свiтла.
[6]) До стовпа.
[7]) На вiлку, на клиночку. Kolb. II, 128.
[8]) Котл. 152.
[9]) Спiрку, суперечку.

Digitized by Google

Страшними [1]) словами, а владнив [2]) мужів Агамемнон,
Нишком ридів, що вже ивйперші з Ахеєв свврвться,
Бо віщуючи таи був пророк ёму Феб Аполлон
В Питі святій, як поріг камъиний переступив він,
Щоб богв спитати; тоді потявсв ще лиха початои
На Троин і Данаїв в ізволу [3]) великого Дин.
Таи оттиае-то співак пресливний співив, Одиссей же,
Плищ великий бигровий руками потужними [4]) взявши,
Натягъ собі на главу і заарив собі арасне обличчя.
Бо Феаів стидно було, що з під брів ёму слези точились. [5])
Як тільки ж переставив співити співви божествéнний,
То, втерши слізу, з голови собі плищ ізнімав Одиссей
І, чару двійчиту узявши, ив честь богам ізливав він.
Коли ж той упъить починив [6]) і ёго понукали співати
Мужі знийчнійші з Феаків, бо їм пісьни була до вподоби [7]),
То, голову варивши упъять, Одиссей починав тужити.
Од инших усіх вталлоси те [8]), що він плаче слёзами,
Тілько Алайной один зивважив та догидався,
Бо близько сидів [9]) і чув его важиеє зітхання.
Й зараз до веслолюбців Феаків став твиъ промовлити:
„Послухайте лишень сюди, Февцьаі привідці та радці,
Досить вже душу свою вдоволиили [10]) ми пиром посполу
Й биндурою [11]), що то веселій беседі [12]) есть товаришка,
Тепер же виходьмо й дивайте усяково пробувать сили,
Щоб гість нвш міг росиазити своїм, до дому вернувшись,

[1]) Грізними.
[2]) Сподарь.
[3]) Зволі.
[4]) Міцними узявши
[5]) З очей йому слізи лилися.
[6]) Розпочинав, заводив.
[7]) Подобалась пісня.
[8]) З инших не постеріг ніхто.
[9]) Сидячи близько та чувши.
[10]) Напасли до сита.
[11]) Ясному пирові.
[12]) Лирою.

Digitized by Google

Ни нид иншими ми усіма узилн й навкулачки
І боротьбою, й свакапнам і навзáводи бігом."
Тии сказавши, перед повів, и ті за ним слідом.
Впъять ни нілои голосную бандуру [1]) повісив оиличник,
Взяв Демодока ва руву і повік ёго із палити.
Й попростував із ним тудн ж, куди пішли инші
Значнійші з Феиків, ни грище дикитись на перебійців.
Побралися всі ни майдни, и з нвми юрба велнка,
Тьма несчисленни. Добрих молбдців тут встало бигито.
Авроней піднявся, зи ним Елитрей и Окіал,
Встали Нивтей и Примней, встив Еретмей и Анхінл,
Встали Понтей и Прорей и Тоон и Анабесиней,
Далі Амфіал, син Тектоноиичи Полннеи,
Й Евріил устив, мужогубцю Арею подобиий,
И Навболід, що післи безпорочиого Лиодаминти
Бук з Феиив усіх найвращий вродою й станом;
Встало й трое синів безпорочиого Алкинои,
Лаодимнит и Галій и богоподобивй Клитоней.
Попереду пробувать стали воин, хто швидкий ни ноги.
Од мети простигся їм тіи [2]); вони всі посполу
Швидко [3]) пустилися бігти, збнваючи порох [4]) по полю.
Бігитн ж идикь вуди лучшнй од всіх безпорочний Клитóней.
Яки на цілнні [5]) въ пирн мулів гонв бувають,
С—тав перегнивши, вернувсь до людей, [6]) ті ж поодстивили.
Инші давий боротьбою виживою мірити силу.
Тут Евріал усіх і нийлуччих подужав [7]);
Скакитн ж з усіх нийлуччий вдився Амфіал,
Круг же кидити був Елатрей з усіх нийзручнійший [8]);

[1]) Кобзу
[2]) Біг
[3]) Проворно
[4]) Порох, пил
[5]) новині
[6]) К меті він вернувсь,
[7]) одолів і найлуччих
[8]) Над всіма далеко зручнійший

Digitized by Google

На аудаан ж Лаодамант, вдалий син Алкиноя.
Коли ж таа серце своє уже вдоволинили змаганням,
Таа тут до них Лаодáмант озвавсь, Алкиноєво чадо;
Давайте, братци, спитаємось гости, чи він невміє,
Чи часом незвик до якого змагання? На зріст він незгірший,
На стегна і литки нещуплий й на обидві руки ізаерху,
На вызи дебелі й великую силу. Ще й нестарий він,
Тільо що лихо ёго хиба сарутило велике,
Бо, я кажу, немає на світі гірше, як море:
Знівечить мужа воно, хоть инаб була в ёго сила.
Еврúял ему тут одповідати став та промовив:
„Лаодаманте, дуже іг речи сказав єси слово!
Сам же пійди та вызви ёго й скажи, и чому сила.“
Як же зачув сеє слово вдалий син Алкиноя,
Виступиа, став [1]) у громаді й до Одиссея промоаиа:
„А ну лишень, гостю паноче, і ти (з нами) сили попробуй,
Коли часом в чому ти мистець; та мабуть ти внаєш се діло,
Бо мужу, аж поки він жив, немає більшої слави
Над то, що він вдіє ногами й руками своїми.
Так нубо спробуй, розбий свої сердешні туги:
Довго одправи ждати небудеш, вже бо дли тебе
Стягнено і аорабель і готове уже товариство.“
Ему у одвіт Одиссей многоумний став промовляти:
„Лиодаманте, чи се не ма глум мені велите вы? [2])
Злидні мої у мене на душі, а не змагании:
То бо я був натерпівся немало, й намучився немало!
Тепер на майдані вашім сижу та жадаю [3]) одправи,
В господарн и в народу всёго благаючи ласки.“
Став тут Эвріял [4]) ему одвічати та в вічи налаяв:
„Значить, не до того молодци тебе, гостю, рівнию,

---

[1]) Пішов по середині, став
[2]) Чи се велите вы мені на наругу (на сміх)?
[3]) Жегну
[4]) Одповідати йому став

Digitized by Google

Що вміліший на всякі змагання, яких між людьми єсть чимало,
А до того, що, вештаючись з кораблем многовеслим,
Над таними, що і гребці і купці, ватагує,
Кладь держить на умі, та (й) вимінять де вигідає
Та вхопить баришів. На бійця, бачу я, ти непохожий."
Сноса на его зирнувши, пророк [1]) Одиссей многоумний:
„Негарно ти, гостю сказав [2]), немов чоловік необачний.
Так то не всім мужам богн усе гарне дарують
Вкупі і зріст и розум добрий и красную мову: [3])
Инший муж на вроду буде собі неприглядний,
Та бог словам его постать дає и людям на ёго
Мило дивитись, як він без упину до їх промовлє
Тихо та чесно, над усіма беручи у громаді;
І коли він городом йде на ёго глядять, як на бога;
Инший упьвть [4]) буде на вроду подобен богам несмертельним,
Так річей-бо ёму на вкруги краса неквітчає;
От як і в тебе прекрасная врода, що й бог її инше
Та краще нездужа зробить, а на розум єси ледащо.
В грудях моїх ти нені усю змутив єси душу
Словом своїм незвичайним [5]): ненеун бо в у змаганнях,
Як от ти кажеш. Думка така, що бувавъ я у перших,
Поки на нім молодий свій вповав та на свої руки.
Тепер мене лихо й журба узяли [6]), бо терпів и багато,
Через битви [7]) з людьми и хвилі важкі пробивався;
Ну та дарма, хоть терпів в сто лих, а попробую сили,
Бо в серце въїласв річ, мене въязвив [8]) єси єю."
Так. Та ян був у плащі, исхопившись узнв він у руну

---

[1]) Сказав
[2]) Сказав єси, гостю, негарно,
[3]) Тяху вимову
[4]) Пак
[5]) Негожим. Ном. 348, 878.
[6]) Скрутили
[7]) Побої Год. IV, 43
[8]) Сердеїдная річ; уразив.

Digitized by Google

Круг і більший и товщий, немалим чим дебелійший
Од тих, якими видались попроміж себе Феаки,
Та размихавши ёго, пустив міцною руною.
Камінь загув; із самій землі иж поприпадали
Довговеселиї Феаки, мужі корабельщики сливні,
Під камени лётом, и він перелетів всі призиáки,
Швидко пустившись з руки. Положила призиаку Атени,
Стаиом вподобившись мужу, слово реила і сказали:
„Й сліпий тобі, гостю, міг би твою роспизнити приимету
Пóмицаи, з іншими бо вона незмішившись у купу,
Геть тобі далше лежить. Таи ти за сей риз небійся:
Сюди з Феаків ніхто недокине, ані переаиие".
Таи сиазала, зрадів Одиссей многотерпець
Тим, що друга собі прихильного вбичив на грищі
Й з легким серцем уже озвався до Феиаів:
„Поии що доиидийте молодші, [1]), а я зараз і другий
Камиень пущу у слід туди ж, або може ще далше.
З иших же всіх Феаків, ному серце велить та охота,
(Той) Виходь сюди спробуйсь зо миою (бо мене ви розсердили дуже)
На аулаии, чи борбою, ти хоч би і бігти: нідчого
Неодріиаюсь ні з кім, аби не з Лиодимиитом,
Бо и ёго гість; а з тим, хто частує, хто ж буде битись?
Муж тиний либонь [2]) нерозумиий був та ніачемиий,
Щоб хазиїни став визивати на спір ти битву
Въ чужій стороні. Тикий сам же своєє все терие.
З иших усіх никому не 'дновляю, ніким не гордую.
Рад я кожиому гляиути в вічи, помірятись з ножним,
Бо и незгіршиї у всіх, ині межи людьми єсть змагаиия.
Добре вмію я луаи гладкого узити у руаи,
Перший з усіх в свою попаду я стрілою у купі
Мужів ворогів, хоч би б товариства і дуже багато

[1]) Докиньте, хлопці.
[2]) Хибаб

Digitized by Google

Поруч зо мною [1]) стояло й стріли метало [2]) в ту нупу.
Тільки одни Филоктет мене подужував луном
В трояньскій землі, як почнем було з лука стріляти, Ахейці;
Од инших усіх, я кажу, я буду далено зручнійший,
Яні тепер на землі живуть та хліб жують [3]) люде.
Из стародавними ж я мужами тягатись нехочу,
Ані з Гераклом, а ні з Эвритом из Ойхалії.
Ті иераз і з богами безсмертними луком змагались;
Там то и скоро погиб великий Эврит, недійшовши
До старостей у палатах; на ёго розгнівавсь Аполлон
Та ибив за вину [4]), що той визивав ёго з луна стріляти.
Сулицю мечу и [5]) туди, куди инший стріли недокине;
Тільки за ноги боюсь, що мене якій из Феаків
Пережене, бо страх ни дуже [6]) мене вгамовали
Хвилі многі, як не все ж було можна у волю живитись [7])
На кораблі. От то сустави мені розиньязало".
Так віи сказав, а ті усі притихли й мовчали,
Тільки Алкиной один у одвіт ёму став промовлити:
„Гостю, не на досаду ж ти нам сі речи говориш,
А хочешь виявить вдачу [8]) свою, що ходить у парі з тобою [9]).
З жалю, що муж той [10]) на грищі приставши тебе ізиеважив,
Коли вдачи твоєї либонь и жодеи смертний иезгудать,
В кого́ розуму стане що б до ладу що сиазати [11]),
Тепер і од мене вислухай слово, щоб ще кому міг ти
Переказати з героїв, ноли у своїх ти палатах

---

[1]) Побіля мене.
[2]) Пускало.
[3]) Їдять.
[4]) За те.
[5]) Копье я пускаю туди.
[6]) Бо дуже аж сором.
[7]) Як не все було шановатися можно (роскошувати).
[8]) Доблесть.
[9]) Слідом за тобою.
[10]) Пристав на тічку.
[11]) Що має розум та до ладу вміе слово сказати.

Digitized by Google

Его частуватимеш вкупі в жоною і з дітьми своїми .
Й про доблесть нашу спомьянеш про те, на які діла й нашим [1])
Вдачу [2]) Зевс приспоря [3]) ще од батькіи зпредковіку.
Бо хоть кулашники ми не найлуччі, а ні борці ми,
Так ногами бігти прудкі ми, нораблями—ми перші,
Пир нам милий по всяк день, китара та аерогоди,
Та перемінні шати, та теплі купелі й постелі.
Так нуте ви, плясуни Феацькі, які найперші,
Пляшіте, нехай наш гість своєму милому роду роскаже,
До дому вернувшись, як над всіма верха беремо ми
І мореходством'ъ і бігом'ъ прудким, і плясом і сиіном,
Та нехай кто мерщій шатиеться, та кобзу дзвінку Демодоку
Хай привесе, вона лежить либонь въ нашихъ палатах."
Такъ сказав Алкиной до бога подобний. Оклічник
Зхопився [4]), щоб кобзу гладку принести із царьского дому.
Девъить усіх судців [5]) повстало громадьских вибранців,
Що добре всякої справи вони догладали на грищахъ.
Розрінняли тічок, простор ізробили на грищі.
Оклічник тут надійшов та кобзу дзвінау Демодоку
Приніс. Сей на середину ввйшов, его оточила
Молодь, що саме сієцця ус, та вдала [6]) до танця
Й притупуючи чудовий танок повела. Одиссей же
Дивитися став на ніг миготню та в душі дивуватись.
Той же грати на кобзі почав та гарно співати,
Як понохались Арей й Афродита у красним віночку [7]),
Як у перш понялись тайком у Гефайста в палатах:
Надавав їй багацьво Арей, ложе й постіль обещестни
Гефайста пана, та незабаром сёму приніс зиістку

---

[1]) І нам до діла якого.
[2]) Вдачу.
[3]) Ном. 236; дарує.
[4]) Встав.
[5]) Судей.
[6]) Скусна.
[7]) Про кохання Арея и у красним вінку Афроліти.

Digitized by Google

Гелій, що постеріг, як вони милувались обнявшись.
А Гефайст, скоро їх жалем сердешним зачув сеє слово,
В кузню пішов, на дні душі ковержуючи злейе [1]),
Надів на колоду [2]) ковадло велике й став пута [3]) кувати,
Що не зламати ні розвязати: так тамъ і застрянуть [4]).
Коли ж змудрував тую пастку, лютуючи все на Арея,
У спальню свою побрався, де в ёго ліжко стояло,
Та од ніжок навкруги відусіль розіпъяв тиї сіти.
Чимало [5]) їх ізписало й од сволока понад кроватто,
Як паутина тонких, що ніхто б їх незауважив
Навіть з блаженних богів так були зроблені хитро.
Коли ж свої хитрощі всі він розіпъяв круг кроваті,
Прикинувсь, що в Лемнос нде, у гарно збудованій город,
Бо тая земля ёму з усіх земель наймилійша;
Несліпу ж сторожу держав и Арей, віжки золоті:
Вздрівши, що Гефайст роботою славаний в двора вирушає,
Зараз пустився [6]) іти до преславного Гефайста дому.
Любощін бо забожалось ёму Китереї в віночку.
Недавно од батька могучого [7]) Кроновича повернувши,
Тілько що сіла вона, як той увійшов у палати,
За руку стиснув її й назвавши слово промовив:
„Мила, сюди, до ліжка, ляжмо зажиймо утіхи,
Гефайста дома немає, десь вже потяг він
До Лемна, до Синтіїв, люду дикої мови“.
Так він сказав, і їй показалося мило лягти з ним
В парці до ліжка; ішли і посинули, а штучні пута
Гефайста премудрого тут відусіль облягли [8]) їх.

---

[1]) Лихо.
[2]) Дуба.
[3]) Сіти.
[4]) Ахей и Афродіна.
[5]) Багато.
[6]) Зібрався.
[7]) Потужного.
[8]) Обняли.

Digitized by Google

Аві рувою-ногою рухаути, наі устата.
Стнмалися тоді; ян було вже шкодн [1]) утінати.
Зблизивсь до нних преславний Г'ефайст снльаий обіруч,
Що повернувсн назад, до Лемин землі недійшовша,
Бо Гелій ёму сторожу держаа, та сказав, въ чому силн.
Попростував до палат, в серці смутний невеселай,
Став у дверних, и динай гнів почав ёго брата,
Й врив страшнай він піднив, аж чутко стало богам всім:
„Дию битьку и всі ин боги счастливі тн вічні,
Йдіть поднвіться сюди на смішне й незноснє діло,
Ян хромого мене Дия дочвн Афродата
Вік в зневазі держйть и Арен губвтеля любить, [2])
Тим що гладший [3]) нріпкий на ногах, а я недолугий
Вродився. Адже ж сёму нїхто мені ниший неванеа,
Як батьво та мата. Було їм мене неспложата!
Гляньте лашень, у чому любеньно собі спочнвають,
На ліжко моє забравшись! а н дивлюсь та нужуся [4])
Тілько; нчей вони невлежнлиб так і часину,
Хоть ян собі люблвться дуже; мннуласн б внраз охотн
Спати у двох, та *коварство* моє і пута продержать,
Аж пока батько мені всёго віин до цяти [5]) неверне,
Що я вручив ёму за дівну безстадную суку.
Бо в ёго гарна дочка, та тільно душі н їй немає.“
Так він казав. Зібралися [6]) боги в мідяному порогу
Дому; прийшов Посейдоа земледержець, прийшов і добродій
Гермей, пряйшов і пан стріловержець Аполлон,
Лиш [7]) богині—жінки в сорома́ зосталася дома.
Стнла у дверіх богя, подателі всякого вжитву, [8])

[1]) Дарма.
[2]) И коха душогуба Арея
[3]) Хорошнй
[4]) Журюся
[5]) До щерти
[6]) Ізійшлися
[7]) А
[8]) Блага

Digitized by Google

Й сміх невгавущий боги підняли проміж себе блаженні,
Глядючи на премудрого Гефайста вигадні хитрі.
І не один з них оттут як сусіду зглянув та мовив:
Не на користь [1]) лихі вчинки; і тихий кастиге прудкого,
Як от і тепера Гефайст нескорий та злапав Арея,
Хоть найскорійшого з всіх богів, що живуть на Олимпі,
Хромий та штучний [2]) підходом. Той мусить дать одчіпного.
Як оттакеє воник один із одним говорили,
До Гермеи промовив пан син Діїв Аполлон:
„Діїв сину, послухче богів, подателю блага!
Чи несхотів би й ти, може, у тенетах [3]) такий попавшись,
Спати оттак на ложі при золотій Афродіті?“
Тут ёму ув одвіт став скорий посол промовляти:
„Як би б сеє сталося, пане Аполлоне далековлучний,
Нехай би тричі твої безконечні нас пута держали,
Нехай би дивилися всі ви боги та ще й всі богині,
Я все таки рад би лежати при золотій Афродіті.“
Так він сказав. Між богами безсмертними регіт піднявся,
Лиш Посейдаона сміх небрав, він вйробом славного
Гефайста пильно [4]) просив розв'язати Арея
Й, до его озвавшися, став крилаті слова промовляти:
„Пусти ёго! а за ёго обіцаюсь, що, як сам прикажеш,
Він по правді заплатить усе, як закон [5]) між богами!“
Ему пак обіруч сильний мистець пресловутий [6]) промовив
„Ти, Посейдáоне земледержче, мені керосказуй
Такого, бо за ледачих ледачі й поруки бувають.
Як к тебé між богами безсмертними мню вязати,
Як часом Арей повіється, збавившись довгу і путь?“

---

[1]) Добро
[2]) Хитрий
[3]) Пута
[4]) Щиро
[5]) Слід
[6]) Славетний

Digitized by Google

Тут промовив упъвть Посейдаон землі потрясатель:
„Гéфайсте! хоть би часом Арей, от довгу утікши,
Повіявсь пуди, так од меме самóго візмеш заплату".
Ёму пак обіруч сильний мистець пресловутий промовив:
„Неможна мені і неслід [1]) твоєму перечити слову".
Так сказавши, пута зняла Гефайстова сила.
Тіж двойко, скоро [2]) од ув ріпних вслобонилась,
Скочивши зараз, він у Трйку побрався,
Воин як Кипр, у Паф одійшли сміпливва Афродита,
Бо тим єї гай і алтарь, де запáшний куряться жертки.
Хáрити там обмили її, намастили олійком
Божествéнним, який на богах блестить присносущих,
І в шати її одягли повабні навдивокижу.
Так оттаке-то співак преславний співав, Одиссей же
Слухаючк, у серці втішився, также і инші
Файяки довговеселні, мужі кораблями преславні.
Далі Алкиной звелів Галію й Лаодаманту,
Щоб поскакали удвох [3]), бо в ними ніхто й нерівнявся.
От узяли вони в руки гарний мъяч пурпуровий,
Що Полиб розумний для них ізробив напрочито,
Та один єго став підкидати [4]) аж попід темний хмари,
Загнувшись назад, а другий 'д землі підскочивши в гору,
Легко ловив уєк раз, ще на землю нестявши ногами.
Коли ж пак мъяча вже доволі напідкидалися в гору,
Стали зитим плясати вже по землі многоплодній,
Перебігаючи [5]) часто; инші [6]) влад у долоні плескали,
Стоячи вкруг як тічку, и ляси тут великий ізнявся.
Тоді до Алкиноя так речний Одиссей обізвався:

---

[1]) Негоже.
[2]) Як тілько.
[3]) Самі.
[4]) Кидати.
[5]) Переміняючи.
[6]) Инші.

Digitized by Google

Алкйаою пкне, з людей всіх нкйзнакомитший,
Як єєн похвалився, що плясуни в вас найкращі,
Таа тому й прквдк. Дивлюєн, тк аж страх розбіраєє." [1])
Так сказкв. Израділк Алкиноева сила велиаа
Й закрз нін (тут) до Файаків веслолюбивих промовнв:
„Послухкйте лишень сюдн, Феацькі прквідці тк радці,
„Гість сей, здається мені, людина дуже розумна,
Так нумо дкймо ёму гостиаци, як прапкдає. [2])
Дванкдцятеро пресвітлнх князів у нкєъ старшаауютъ
Державних [3]) в аароді, я сам трнадцатий буду;
Так кожен гарно инпркний плащ тк сорочку
Й золотк дорогоціннаго гривню ёму прннесіте,
Та зараз міттю усе ізнесімо до купи, щоб гість наш,
Вже мавши в руках, вечеряти йшов із серцем веселим;
Евркал ёго самого лиш нехай перепросить словами
Й дарои, бо пратьмом ае до діла [4]) слово сакзав віп."
Так він сказав, а ті ухвалили усі н звеліли,
Й окличників, кожен свого, послала дара поприиосить.
А Евркял одповідати став та озвався:
„Алкйиою пане, з людей всіх нкйзнакомнтший,
Так я, як повеліваєш, буду гостя єднати.
Дкм ёму меч сей увесь мідиай, а держалко срібне.
Піхви ж ему новопиланою слоновою костию
Обложеаі скрізь; велику в ёго він матнме ціну." [5])
По мові сій, сріблом цвяховаиай меч оддав ёму в руаи
Й озвавшися став ёму арнлкті слова промовляти:
„Здоров бувай [6]), гостю пкноче! Колиж яке грізнеє слово
Сплескалось, нехай ёго зараз вихрі занесуть ісхопивша!
Тобі ж богп хкй дадуть до подружжя й в отчизну вернутись,

[1]) Торопію.
[2]) Пристало.
[3]) Чуб. IV, 211.
[4]) Через лад, через міру.
[5]) Йому він стоїтиме дорого.
[6]) Радуйся.

Digitized by Google

Давно бо вже терпиш ти горе од милого роду далеко*.
Ёму ж ув одвіт Одисей розсудливий [1]) став промовляти:
„Друже, здоров був і ти! Бодай і тобі усе добре,
Та бодай би тобі ніколи нетреба було жалувати
Меча, що ось єси дав, мене посдавши словами*.
Сказав так, та перечепив собі меч цвяхований сріблом.
Сонце зайшло, то славаиї дари були вже готові.
В палати Алайноа Іх однесли окличаиаи пишні.
Тут Алайноя мужа без вади сиий, поприймавши,
Побиля матері чесиої гарві дари поскладали.
Ишим же перед вела Алаиноева сила велика.
Ввійшли у палату й посіли усі на ареслахъ аисоаих,
И до Арети тоді промовила так Алаиноева сила:
„А ау бо, жоао, неси сюди гараий сундуи, лаий аращий,
Чисто випраиий плащ туди положи та сорочку і
Казан мідяний иа в'гоаь поставте й уарону [2]) зогрійте,
Щоб як помиється гість та побачить зложені гарно
Дари, що Файаки ёму безпорочиії попадавали,
Втішно було пирувати ёму та слухати співу.
Я ж отсю чару свою золоту та оздобну [3]) дам у придаток:
Нехай мене згадує віа по всяк деаь в своїх у палатах,
Зливаючи Дию у честь і иншим богам иесмертелним*.
Таа-то рече. Арета ж служиам сказала поставити
Великий треиогиий каза иа огонь, як мога саорійше,
А ті иа жаркому огні аупальаий треаіг [4]) встаиовили,
Води в ёго иалили, дрів під ёго підложили,
Вогонь ёго черево став обіймати й вода розогрілась.
Тим часом Арета для гістя сундук прехороший в кімната
Внесла: красні дари у ёму поскладала до діла:
Шати й золото те, що Файаа ёму дарувала.

---

[1]) Многорадний.
[2]) Воду.
[3]) Прекрасну.
[4]) Казан.

Digitized by Google

Гарний плащ од себе туди положила й сорочку
Й озвавшися стала к ёму крилаті слова промовляти:
„Сам оглядн теперь вино й узлом завъяжи ёго цупко,
Щоб тобі кто ненашкодив в дорозі, як впъять часом будеш
Сном сточивати солодким на чорному їдучи човні“.
Скоро ясний сеє зачув Одисей многотерпець,
Зараз прилагодни вино й узлом завъязаи ёго цупко
Мудрим, тим що колись ёго пані Кирка навчила.
Потім клюшпйця варвз купатись ёму ізвеліла
Ійти у купальню, й ему було у жадобу [1]) в душі ізгадати
Теплую купіль, бо недоводилось роскошувати
З часу того, як повинув оселю косатої нимфи.
Там же ёго доглядвли [2]) та нилнували, на бога.
Помили ёго служки, вмастили оливою тіло,
Гарний на ёго накинули плащ, одягши в сорочау.
Вийшов вія із палати й пішов до мужів невопийців,
А Навзикая, 'д богів арасу свою [3]) маючи й вроду,
Стала и одвіраа кріпко збудованної палати
Й чудилася на Одиссея, таким його [4]) издівши очима.
Далі озвавшись стала [5]) крилаті слова промовлята:
„Здоров бувай, гостю! Колись, як в отчизній землі будеш,
Згадай і мене: бо першій мені ти викуп життя свого винен.“
Їй ун одвіт Одиссей многоумний став промовлати:
„Дочко Алкйноя великодушного Навсикає!
Так судив нині Зевс, пан Герин, сильно гремучий,
Щоб я до дому вернувся та день короття свій побачив!
Тоді я там молитися буду тобі, нао богу,
По ній, по всяк день, бо ти вернула життя мені, панно!“
Сказав та на кресла сів біля Алкйноя князя,

---

[1]) Мило.
[2]) Годили.
[3]) Собі.
[4]) Такого.
[5]) Взяла. Kolb P. II, 84.

Digitized by Google

А ті поділили вже мясо на части й вино вже мішали.
Окличина тут підійшов, ведучи співака любъвзиого,
Демо́дока чесного людим; ёго посадив він
Серед гостей, и гіпаому стовпу прислонившн плвчима.
Тоді до окличника таа Одиссей многоумний промовив,
Од хребтини одрізавши (ще і зосталось чимало)
Яснозубого вепря, а жвр був навколо лисаучий:
„На ось, подай сеє мьисо Демо́доку, хай поживає!
Нехай же і я и ёму пригорнуси, [1]) хоч яа мені гірьао;
Бо співаки у всіх, яні на землі живуть люде,
Мають шанобу [2]) й повагу за те, що їх муса
Співати пісень навчила, спвваць аий їх рід ізлюбивши.“
Так він сказав, а оиличнин поніс і оддав (часть) у руки
Демо́дову вілиому мужу; той взвв ізрадівшв душею.
Всі до готові стравн руин попростягали;
Як же до питва й їстива собі одігнали охоту,
Тоді до Демодока тан Одиссей многоумний промовив:
„Демодоку, я тебе й тан над смертних усіх вихваляю, [3])
Чи тебе ж муса, Дия дочиа, научила, а чи паи Аполои?
Бо ти по ряду притьмом про недолю Ахеви співаєш,
Що учинили й терпіли и як їм бувало сутужно,
Сам ти неначе бував там, або чував од бувальців.
Ось пубо далше піди й про коня деревъяного правду
Ти заспівай, що Эней ізробив із Атевою вкупі,
А що ясний Одиссей на зраду увів ёго в замок,
Мужів у ёго посажавши, що Іліон розруйновали.
Вже ноли і про се ти меві до діла розкажеш,
Зараз хоть би й усім я людям рад объявити,
Що бог, до тебе ласкавий, дав тобі божеську пісню.“
Рін, а той погнаи од бога завів та виявив пісню.
Відтіль почав, яи Аргеї на добропалубні судна

---

[1]) Прихиляюся
[2]) Честь собі
[3]) Величаю

Digitized by Google

Сіли та одплили, нурені свої підпаливши,
Инші ж із ватажном Одиссеем преславнам сиділи
В Трої уже серед ради, въ ноаі тому поховавшись.
Бо троаньці сами зволокли коня того въ замок.
Таа він там і стояв, и ті, наапруги посідавши,
Радила хто що хота, і були у їх на трое думка:
Або порожнее древо пробита нещадною мідью,
Або аа кручу его 'дволоата та звалити із скелі,
Або зоставити таа на прочудо, богам на благанни.
Таа аа раз опісля воао статася мало,
Бо дола була їм погинута, скоро їх город укрие
Кони із дереаа аелиного, де усі луччі сиділи
З Аргеїа, троянцам смерть несучи й кроваву загладу.
Співаа, як сини Ахейські город розбурили Трою,
Повисапаавшись з нони ти опорожнивши засаду.
Инші ж пішли хто куди пустошати город високий,
А Одиссей, віа співав, потяг ін Деіфоба дому,
Неначе Арей, з Менелаем а аупі, богу подобнам.
Там, мовляв, Одиссей ни страшенную битву одважився,
Аж подолів таки через Атену, велиную серцем.
Так оттаке-то співав преславний співик, Одиссей же
Таяв од жалю, слёзою з під вік вмочаючи щоаи,
Як пличе припавши жоин, обнявши милого мужи,
Що перед містом і людом своїм положив головою,
Оселі боронячи й діти свої од страшиого часу.
Бачить вона, яа аонае й снигою здригається всею,
Та обхопивши его у голос голосить, а ззаду
Ратицами вороги бьючи й в спину і плечі
Гонять в неволю на працю тяжку та горе терпіти.
Й од найжалчійшого жалю лаце у неї мариє.
Жално так Одиссей із під брів точив слёзи гірниї.
Од инших же всіх вталлоси те, що слёзи він роиить,
Тілько Алкивой одни завважав ти догадався,
Сидячи близько та чувши его важнее зітхання.

Digitized by Google

Зараз він тут до Феаків веселюбців промовив:
„Слухайте лишеаь сюди, Феацькі привідці та радці!
Кобзу свою голосну нехай вупинив би Демодок.
Бо либонь не усім до сподоби, що ніи співає.
Як сіли вечеряти [1]) ми та почив співаа божий співати,
З часу того сей гість неиавиаючи плаче гіркими.
Десь великая дуже журба обнила ёго серце!
Таи нехай бо співаа перестаи, щоб усім за одно веселитись
Нам, хазяйству и гостеии; так буде краще далеко.
Все бо тое для-ради чесного діється гости:
Одрива й любі дари, що даруємо 'д щирого серця.
Гість і той що притулау благає—за рідного брата
Всякому мужу, и кого хоч трохи є чулеє серце.
Тим то тепер непотай із своєкористної думаи,
Чого и у тебо спитаю; бо краще буде сказати.
Ймення скажи, яа звали тебе там мати та батько
Й инші свої городяне і ті, що живуть наоколо.
Вже ж без менаи прятьмом ніхто з людей небуває,
Прбстий чи родовитий, скоро на світ народився:
А всякому йменя дають, як сплодили батько та мати.
Саажи мені землю свою і народ свій і город, тебе щоб
Могли кораблі завезти, туди намірюючи думку.
Бо у Феакіи немає тих, що деменом правлять
Нема и них і деменів тіх що а прочих суден бувають;
Судна сами розуміють думки та гадки людсаі,
Знають вони города всіх людей і тучиі ниви
Й шидко перебувають безодню солоного моря,
Туманом та хмарою вкриті. Нема їм ні жодного страху:
Шкоди собі ніякої ні згуби вони небоиться,
Тілки ось що чував и, аолись-то розказував батько
Мій Навзитой, що „Посейдон, мовлав, позавидіи
[Нам за те, що усіх перевозимо ми невредимо,

[1]) Відколи вечерял ив. Kolb II, 109

Digitized by Google

І казав, що колись він ровібъє Феацкихъ мужів корабель
Зроблений добре, як буде вертатись назад після проаід,
В морі туманному, город же скелью важкою замкне".
Старий так казав [2]). Чи буде все од Бога ізроблено,
Чи без поконання перейде,—як серцю ёго буде мило!
А ти ж пак мені розкажи и незхибно повідай:
Звідкіля ти приплиа и и земліх ти ких пробував?
Про людей: про самих і про їх городи,—чи добре живуть там?
Може ині неприязні і дикі, й закону немають?
Може гостей привітають, маючи бога у серці?
Розкажи, чом ти нудиш і плачеш сам собі в мислі,
Як почуєш про габель Іліона та про Аргів, Данаїв?
Боги бач таа ото спорудили, що людям назначили
Гибель, щоб пісни про їх була для нащадків во віки!
А може у тебе якого и рідні під Іліоном вбито,
Що буи тобі затем чи тестем любъизеим: бо тиї найближчі
І найдорожчі бувають опісля кревного роду:
Або товариш иний, чи добродій до тебе прихильний:
Бо часом бузає незгірше иншого рідного брата
Той тонараш, що вміє добру пораду иам дати."

Миеъ и слово.

Взгляды Аеанасьеза на происхожденіе миеа, аа отвошеніе аго къ слову и позднёйшимъ ступенямъ развитін мысли немогутъ быть названы сплошь невёрными только потому, что они непослёдовательны.

Основное положеніе Аеанасьева, что „зерно, изъ котораго вырастаетъ миеическое сказаніе, кроется въ *первозданномъ* словѣ" (П. В. I, 15), отчасти вёрно

Мы видѣли, что не первозданное только, но всякое слово съ живымъ представленіемъ, разсматриваемое вмѣстѣ со своимъ зна-

[1]) Переводъ этой пёсни окончен съ 566 с. по пёкоторымъ наброскамъ А. А. *Ред.*
[2]) Так батько казав.

Digitized by Google

ченіемъ (однимъ) есть онбріональная форма поэзіи. Такъ какъ миѳъ есть тоже поэтическая форма, (по Аѳанасьеву „миѳъ есть древнѣйшая поэзіи“ I, 11), но весьма общан, допускающан различныи степени развитія, отъ простѣйшихъ до наиболѣе сложныхъ, то напередъ вѣроятно, что простѣйшія формы миѳа *могутъ* совпадать со словоиъ, а миѳъ, канъ цѣлое *сказаніе*, можетъ предполагать миѳъ, какъ *слово*. За тѣмъ остается вопросомъ, въ нанонъ инеино случаѣ миѳъ тождественъ со словомъ, и какова инеино преемственность слова-иѳа и слова-немиѳа. На это у Аѳанасьева два противоположные отвѣта: одинъ, повторяемый имъ множество разъ на разные лады, имъ сознается; другой прокрадывается невзначай.

1) Слово и выраженіе сначала были „метафорнчесиимъ уподобленіемъ“, имѣвшимъ лишь „поэтичесиій смыслъ“ (П. В. I, 9-10). При втомъ предполагается, что „поэтическій смыслъ“ ни въ какомъ случаѣ не есть истинный, что поэтичность есть риторичность. „Стонло только забыться, затериться первоначальной связи понятій, чтобы метафорическое уподобленіе получило для народа все значеніе дѣйствительнаго факта и послужило поводомъ къ созданію цѣлаго ряда баснословныхъ сказаній. Свѣтила небесныя уже нетольно въ переносномъ смыслѣ именуются „очами неба“, ни въ самомъ дѣлѣ представляются народному уму подъ втимъ живымъ образомъ, и отсюда возникаютъ миѳы о тысячеглазомъ, неусыпномъ стражѣ—Аргусѣ... (П. В. I 9-10).

Такимъ образомъ, по мысли Аѳанасьева (и М. Миллера), человѣкъ сначала сознаетъ, что представленіе свѣтилъ подъ образомъ очей неба имѣетъ лишь субъективное основаніе; потомъ, по нѣкоторой причинѣ, о которой — послѣ, онъ забываетъ вто и „находитъ, что дѣйствительно у неба есть очи“. Вотъ еще нѣсольао аыраженій въ томъ же родѣ:

„Какъ скоро утрачено было настоящее вначеніе метафорическаго языка, старинные миѳы стали пониматься буквально“ (ib 13). „Миѳы *стали* пониматься буавально“,—слѣдовательно и при прежнемъ небуквальномъ пониманіи миѳы уже существовали!

Digitized by Google

Стало быть, въ чемъ же, по Аѳанасьеву, разница между миѳомъ и риторической прикрасою?

„Подъ вліяніемъ метафорическаго языка глаза человѣческіе должны были получить таинственное, сверхъестественное значеніе. То, что прежде говорилось о небесныхъ очахъ, впослѣдствіи, понятое буквально, перенесено человѣкомъ на самого себя“ (какимъ образомъ? вѣдь буквально говорилось о небесныхъ очахъ?). „Знойный блескъ солнечнаго ока производитъ засуху, неурожаи и болѣзни; сверкающіе взоры Перуна посылаютъ смерть и пожары: также страшная сила усвоена и человѣческому зрѣнію. Отсюда родилась вѣра въ *призоръ* или сглазъ“ (П. В. I, 172).

„Преданія о кладахъ составляютъ обломки древнихъ миѳическихъ сказаній о небесныхъ свѣтилахъ, скрываемыхъ нечистою силою въ темныхъ пещерахъ облаковъ и тумановъ; но съ теченіемъ времени, когда народъ утратилъ живое пониманіе метафорическаго языка, когда мысль уже неугадывала подъ золотомъ и серебромъ блестящихъ свѣтилъ неба, а подъ темными пещерами —тучъ, преданія эти были низведены на землю и получили значеніе дѣйствительныхъ фактовъ. Такъ было и со множествомъ другихъ вѣрованій: небесная корова замѣнилась простою бурёнкою, вѣдьма тучи—деревенскою бабою и т. д.“ (П. В. I. 202-3)

„Впечатлительная фантазія первобытнаго народа быстро схватывала всякое сходство. Колесо, обращающееся вокругъ оси, напоминало ему (только напоминало!) движущееся по небесному своду солнце“... (ib. 207).

„Поэтическое представленіе солнца огненнымъ колесомъ вызвало обычай зажигать въ извѣстные годовые праздники колёса— обычай доселѣ соблюдаемый между нѣмецкими и славянскими племенами“ (ib. 210.).

Прихотливой игрѣ творческой фантазіи мы обязаны созданіемъ многихъ миѳовъ (ib. 217).

„Руны и чародѣйныя пѣсни... всесильны: онѣ могутъ и умертвить, и охранить отъ смерти, и даже воскресить, дѣлать больными и здоровыми... ниспылать бури, дождь и градъ, разрывать

Digitized by Google

цѣпи... все это не болѣе, какъ метафорическія выраженія, издревле служившія для обозначенія небесныхъ явленій, но впослѣдствіи понятыя буквально и примѣненныя къ обыкновенному быту человѣка. Какъ ной зимнихъ вьюгъ мертвитъ и усыпляетъ природу, и какъ оживляютъ (пробуждаютъ) ее звуки весенней грозы, такъ туже силу получила и человѣческая пѣсня... (ib 424-5) и т. д.

Изъ этихъ и т. п. мѣстъ видно, что, по мнѣнію Аѳанасьева, источникомъ миѳовъ служитъ въ концѣ концовъ неспособность человѣка удержаться на той высотѣ мысли, на которой онъ, безъ всякихъ усилій со своей стороны, очутился въ началѣ. Исторія миѳовъ выходитъ исторіей паденія человѣческой мысли.

Это напоминаетъ пессимистическій взглядъ Мефистофеля на правовѣдѣніе:

Es erben sich Gesetz' und Rechte
Wie eine ew'ge Krankheit fort;
Sie schleppen von Geschlecht sich zum Geschlechte
Und rücken sacht von Ort zu Ort.
Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage;
Weh dir, das du ein Enkel bist!
Faust I, 1618 и слѣд.

Такой взглядъ умѣстенъ въ устахъ Мефистофеля, но намъ нужно стараться понять его односторонность. „Горе тебѣ, что ты родился внукомъ", но твой дѣдъ въ свое время тоже былъ внукомъ. Стало быть въ ряду поколѣній мы не найдемъ ничего, кромѣ внуковъ, для которыхъ существуетъ только „unsinn" и „plage". Гдѣ же тогда найдется мѣсто для "vernunft" и „wohlthat"?

Миѳъ [1]) принадлежитъ къ области поэзіи въ обширномъ смыслѣ этого слова. Какъ всякое поэтическое произведеніе, онъ а) есть отвѣтъ на извѣстный вопросъ мысли, есть прибавленіе къ

[1]) Подъ миѳомъ въ общемъ смыслѣ мы понимаемъ, какъ простѣйшую миѳическую формулу (mythische anschauung, Steint. Z. f. v-ps. II. 7), *миѳическое представленіе* (Котляр. Разб. соч. Аѳ. Позт. В. 17), такъ и дальнѣйшее ея развитіе (миѳич. сказаніе, Котл.). Здѣсь рѣчь о 1-мъ, которое относится ко 2-му, какъ слово—къ развитому поэтическому произведенію.

Digitized by Google

массѣ прежде познаннаго; б) состоитъ изъ образа и значенія, связь между коими не доказывается, какъ въ наукѣ, а является непосредственно убѣдительной, принимается на вѣру; в) разсматриваемый, какъ результатъ, какъ продуктъ, заключающій собою акть сознанія, отличаясь тѣмъ отъ него, что происходитъ въ человѣкѣ безъ его вѣдома, мивъ есть первоначально словесное произведеніе, т. е. по времени всегда предшествуетъ живописному или пластическому изображенію миѳическаго образа.

Миѳъ отличенъ лишь отъ поэзіи, понимаемой въ тѣсномъ значеніи, позднѣйшемъ по времени появленія. Вся разница между миѳомъ и такою позднѣйшею поэзіей состоитъ въ отношеніи сознанія къ элементамъ того и другого. Неприняв во вниманіе этого смотрящаго ока, т. е. разсматривая отвлеченно лишь словесное выраженіе, различить этихъ явленій нельзя.

Для насъ миѳъ, приписываемый нами первобытному человѣку, есть лишь поэтическій образъ. Мы называемъ его миѳомъ лишь по отношенію къ мысли тѣхъ, которыми и для которыхъ онъ созданъ. Въ позднѣйшемъ поэтическомъ произведеніи образъ есть не болѣе какъ средство созданія (сознанія) значенія, средство, которое разлагается на свои стихіи, т. е. какъ цѣльность, разрушается каждый разъ, когда оно достигло своей цѣли, т. е. въ цѣломъ имѣющее только иносказательный смыслъ. Напротивъ, въ *миѳѣ образъ и значеніе различны, иносказательность образа существуетъ, но самимъ субъектомъ несознается, образъ цѣликомъ (неразлагаясь) переносится въ значеніе.* Иначе: миѳъ есть словесное выраженіе такого объясненія (апперцепціи), при которомъ объясняющему образу, имѣющему только субъективное значеніе, приписывается объективность, дѣйствительное бытіе въ объясняемомъ.

Такимъ образомъ двѣ половины сужденія (именно образъ и значеніе) при миѳическомъ мышленіи болѣе сходны между собою, чѣмъ при поэтическомъ. Ихъ различеніе ведетъ отъ миѳа къ поэзіи, отъ поэзіи къ прозѣ и наукѣ.

Множество примѣровъ миѳическаго мышленія можно найти и не у дикарей, а у людей, близко стоящихъ къ намъ по степени

Digitized by Google

развитія. Напримѣръ, когда говорится, что средство объ „обжога" „вытягиваетъ жаръ" (т. е. ово тяветъ жаръ, какъ вещь); „стѣна потѣетъ", т. е. осажденіе воды изъ воздуха, охладѣвшаго отъ соприкосновенія съ гладкой и холодной поверхностью, представляется потомъ, выходящимъ изъ кожи. (Спенсеръ, Осн. Соц. I, 113).

Большая или меньшая человѣкообразность образовъ при сужденіи объ общемъ характерѣ такого рода мышленія несущественна. Въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между „стѣна потѣетъ" и „*Ζεὺς βροντᾶ, Ζεὺς ὕει*".

Миѳическое мышленіе на извѣстной степени развитія—единственно возможное, необходимое, разумное; оно свойственно не одному какому-либо времени, а людямъ всѣхъ временъ, стоящимъ на извѣстной степени развитія мысли; оно формильво, т. е. невключаетъ никакого содержанія: ни религіознаго, ни философскаго и научнаго.

Результаты этого мышленія становятся извѣстны человѣку (=это мышленіе сознательное въ своихъ результатахъ) вслѣдствіе того, что они выражаются внѣшними знаками (пластическими, живописными, мимическими) и преимущественно словомъ. Такимъ образомъ, *миѳъ* есть преимущественно *словесное произведеніе* и какъ такое, изъ двухъ родовъ словесныхъ произведеній—поэзіи и прозы, относится къ 1-му. Тройственное дѣленіе словесныхъ произведеній на миѳическія, поэтическія и прозаическія невозможно[1]).

[1]) *Есть ли миѳологія—поэзія?* Аѳанасьевъ, назвавши свое сочиненіе, посвященное миѳологіи, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу" рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, М. Миллеръ говоритъ, что миѳологія—не поэзія:

„Извѣстныя части миѳологіи—религіознаго, другія—историческаго свойства (Natur); то появляются въ ней метафизическія, *то поэтическія воззрѣнія*" (какъ будто метафизика неможетъ быть содержаніемъ поэзіи); „но миѳологія, какъ цѣлое, неесть ни религія, ни исторія, ни философія, *ни поэзія*; всѣ эти факторы выражаются въ ней въ своеобразныхъ проявленіяхъ, которыя на извѣстныхъ ступеняхъ развитія мышленія и рѣчи естественны и понятны, но часто становятся неестественны и непонятны, оцѣпенѣвая въ преданіе", (M. Müll. Ess. II. 200).

Что миѳологія неесть поэзія, справедливо въ томъ смыслѣ, что миѳологія обнимаетъ въ себѣ не только словесныя выраженія миѳическаго мышленія, но и выраженія живописныя, скульптурныя, мимическія, и пр. Но за этимъ исключеніемъ все словесное въ миѳологіи въ тоже время поэтично. Поэтичность есть образность въ словѣ, стало быть, форма, неисключающая никакого: ни религіознаго, ни историческаго, ни философскаго содержанія.

Digitized by Google

Поэтому въ опредѣленіе мива должно войти его отличіе отъ немивическаго, поэтическаго произведенія.

Языкъ есть главное и первообразное орудіе миѳическаго мышленія. Но немыслимо орудіе, которое своими свойствами неопредѣляло бы свойствъ дѣятельности, производимой при его посредствѣ: то, что мы дѣлаемъ, зависитъ отъ того, чѣмъ мы дѣлаемъ: иначе пишутъ перомъ, а иначе углемъ, кистью и т. д. Стало-быть, вліяніе языка на миѳы безспорно.

Съ другой стороны вліяніе языка всеобще; оно простирается какъ на словесные мивы, такъ и на прочіи словесныя произведенія. (Поэтическія произведенія передаются на другіе языки лишь въ отвлеченіи и измѣненіи). Поэтому въ опредѣленіе мива должно войти указаніе на *разницу во вліяніи языка на миѳическое и немиѳическое мышленіе*. Безъ этого видѣть „въ возвратномъ дѣйствіи, въ преломленіи лучей языка... разрѣшеніе загадки миѳологіи“ (M. Müll.) значило бы всякое мышленіе при помощи слова считать миѳологическимъ.

Когда человѣкъ создаетъ миѳъ, что туча есть гора, солнце — колесо, громъ — стукъ колесницы, или ревъ быка, завываніе вѣтра — вой собаки а пр., то другое объясненіе этихъ явленій для него несуществуетъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ оцѣнивать выраженія, употребляемыя о древнѣйшемъ состояніи языка и вѣрованій: „языкъ былъ исполненъ метафоръ“, „разоблачить метафорическіе образы народнаго эпоса“; „погибель великановъ *въ переводѣ на простой языкъ* значитъ всчезновеніе съ неба громоносныхъ тучъ“ [1]).

Если подъ метафоричностью языка разумѣть то его свойство, по которому всякое послѣдующее значеніе (resp. слово) можетъ создаться не иначе, какъ при помощи отличнаго отъ него пред-

---

[1]) Аѳанасьевъ passim, но и Буслаевъ: „въ эпоху образованія языка и преданій... метафора была необходимою, существенною оболочкою языческихъ вѣрованій, олицетворяющихъ душевныя силы въ образахъ вещественной природы, (Оч. I 166).

Digitized by Google

шествующаго, въ силу чего изъ ограниченнаго числа относительно элементарныхъ словъ можетъ создаться безконечное множество производныхъ; то метафоричность есть всегдашнее свойство языка, и переводить мы можемъ только съ метафоры на метафору. Появленіе же метафоры въ смыслѣ сознанія разнородности образа и значенія есть тѣмъ самымъ исчезновеніе мина. Но о другой метафоричноств при созданіи мина въ словѣ неможетъ быть и рѣчи. Для человѣка, для коего есть миѳъ *туча=корова*, одновременное съ этимъ названіе тучи коровою есть самое точное, какое только возможно.

Объясняя миѳы, мы вовсе непереводимъ *метафорическаго* и первобытнаго языка на *простой и современный*. Если бы мы дѣлали это, то наше толкованіе было бы умышленнымъ искаженіемъ, анахронизмомъ. Мы только подыскиваемъ подлежащія, невыраженныя словомъ, къ даннымъ въ миѳѣ сказуемымъ и говоримъ, что предметомъ такого-то миѳическаго объясненія (=корова) было воспріятіе тучи. Метафоричность выраженія, понимаемая въ тѣсномъ смыслѣ, начинается одновременно со способностью человѣка сознавать, удерживать различіе между субъективнымъ началомъ познающей мысли и тѣмъ ея теченіемъ, которое мы называемъ (неточно) дѣйствительностью, міромъ, объектомъ. И мы, какъ и древній человѣкъ, можемъ назвать мѣлкія, бѣлыя тучи *барашками*, другого рода облака *тканью*, душу и жизнь — *паромъ*; но для насъ это только сравненія, а для человѣка въ миѳическомъ періодѣ сознанія—это полныя истины до тѣхъ поръ, пока между сравниваемыми предметами онъ признаетъ только несущественныя разницы, пока напримѣръ туча онъ считаетъ хотя и небесными, божественными, свѣтлыми, но все же барашками; пока *паръ* въ смыслѣ жизни есть все-таки, несмотря на различіе функцій, тотъ же паръ, въ который превращается вода.

Подобныя мысли, исключающія мнѣніе о забвеніи основныхъ значеній словъ, о порчѣ языка (которой, по нашему, никогда не было), какъ объ источникѣ миѳовъ, несоставляютъ, какъ извѣстно, новости.

Digitized by Google

Ср. Котляревскаго „Разб. соч. Аѳанасьева „Поэт. Воззр.“, (XXXIV присужденіе Демид. пр. отд. от.), гдѣ однако нѣкоторыя выраженія кажутся мнѣ сбивчивыми. Именно, послѣ сказаннаго выше о полномъ отсутствіи метафоры въ мивѣ, такъ какъ о метафоричности мы вправѣ говорить лишь тамъ, гдѣ она признается самимъ человѣкомъ, я не могу признать точнымъ выраженіе, что „народъ, (еще небудучи въ силахъ держать въ мысли раздѣльно предметы, производившіе сродное впечатлѣніе), *оказывалъ предпочтеніе къ метафорѣ* именно потому, что... природу... онъ могъ понять только какъ совокупность живыхъ дѣйствующихъ существъ“. Это противорѣчитъ тому вѣрному мнѣнію автора, что, говоря „солнце садится“ человѣкъ употребляетъ это выраженіе вовсе „не въ переносномъ поэтическомъ смыслѣ“. (Котл. 15).

„По М. Мюллеру поэтическая метафора явилась вслѣдствіе лексической бѣдности древняго языка: непользуясь достаточнымъ запасомъ словъ, языкъ вынужденъ былъ употреблять одвазаніе термины для обозначенія различныхъ предметовъ и впечатлѣній; по мнѣнію же г. Аванасьева, которое нельзя нераздѣлить, метафора произошла вслѣдствіе сближенія между предметами сходными по производимому впечатлѣнію; *она создавалась совершенно свободно* [1]), черпая изъ богатаго источника, а не по нуждѣ, не ради бѣдности языка“ (ib. 14).

Въ томъ видѣ, въ какомъ здѣсь выраженъ взглядъ М. Мюллера, итотъ взглядъ заплючаетъ въ себѣ лишь ту невѣрность, что въ немъ *явленіе* метафоры можетъ заставить думать о времени, когда ея небыло; между тѣмъ понимаемая въ извѣстномъ смыслѣ метафоричность есть единственный, первоначальный способъ, доступный языку, уже предполагаемый отсутствіемъ представленія въ словѣ, прозаичностью слова. Впрочемъ совершенно вѣрно, что языкъ, какъ продуктъ, вмѣстѣ со вновь привходящими чувствен-

[1]) Что это можетъ значить? Необходимость борьбы съ выраженіемъ, возможность побѣды неуказываетъ ли на то, что и здѣсь, какъ во всѣхъ явленіяхъ познанія и воли, можно находить развѣ трансцедентальную свободу, или же свободу въ смыслѣ незнѣстности намъ мотивовъ?

Digitized by Google

ными впечатлѣніями, направляющій послѣдующую дѣятельность мысли, не только въ началѣ, всегда бѣденъ по отношенію къ требованіямъ этой мысли. Этимъ условлена неограниченность развитія языка и, сколько извѣстно, отсутствіе въ этомъ развитіи цикловъ и крутыхъ поворотовъ, въ родѣ существовавшаго еще недавно противоположенія періода созданія и разрушенія языка. Эта бѣдность, вынуждающая, какъ каждый изъ случаевъ позднѣйшей метафоричности, такъ и созданіе миѳовъ, есть собственно не бѣдность, а возможность дальнѣйшаго развитія.

Создніе миѳа не есть принадлежность одного какого либо времени. Миѳъ состоитъ въ перенесеніи индивидуальныхъ чертъ образа, долженствующаго объяснить явленіе (или рядъ явленій) въ самое явленіе. Напримѣръ, если бы кто, зная, что галки садятся и гнѣздятся на соборной колокольнѣ, вывелъ отсюда заключеніе, что колокольня удобна галкамъ не тѣми своими свойствами, которыя у нея общи съ другими нежилыми башнями и т. п., а тѣмъ, что колокольня принадлежитъ къ христіанской церкви, что на ней крестъ, колокола,—то это былъ бы миѳъ, равно какъ то, если бы кто сталъ доказывать необходимость христіанскихъ основъ воспитанія примѣромъ гнѣздъ, вьющихъ гнѣзда на колокольнѣ. Былъ бы миѳъ, если бы человѣкъ, которому для объясненія молніи показался электрическая искра, добытая при помощи извѣстнаго снаряда, мысленно опрокинулъ этотъ снарядъ въ облака.

Все это кажется крайне нелѣпо; но уже менѣе нелѣпо, но (тѣмъ не менѣе) миѳично было бы то, если бы кто приписалъ литературному типу значеніе дѣйствительнаго лица и наприм., заключилъ, что человѣкъ базаровскаго типа долженъ рѣзать лягушекъ, что всякій французъ легкомысленъ и т. п. Развѣ не было людей, которые весьма серьезно представляли себѣ Малороссію по повѣстямъ Гоголя и пр.?

---

[1]) Миѳъ создается на почвѣ вѣры въ объективное существованіе (личной въ сущности) мысли; ср. перенесеніе изображеній божества во внѣ, идолопоклонство въ христіанствѣ.

Digitized by Google

Въ связи съ вѣрованіемъ въ какую-то особенную метафоричность языка во время образованія мноа, вовсе не такую, какован наблюдается нами теперь, стоитъ вѣрованіе, что душевная жизнь первобытнаго человѣка характеризуется особымъ развитіемъ фантазіи, особою наклонностью къ олицетворенію. (Спенс. Осн. Соц. I, 488).

Болѣе здраво мнѣніе, что различіе въ результатахъ душевной дѣятельности человѣка разныхъ временъ зависитъ не стольно отъ различія самыхъ процессовъ, (которыхъ измѣненіи такъ медленны, что врядъ ли могутъ быть замѣчены въ короткіе періоды, болѣе менѣе нанъ извѣстные), сколько отъ количества данныхъ. Самый положительный изъ современныхъ умовъ, занимающійся теперь химическими анализами, сравнительно-анатомическими сближеніями, статистичесаими выводами и т. п., назвалъ бы и счелъ бы облако коровою, если бы объ обланѣ и коровѣ имѣлъ столько свѣдѣній, сколько древній Аріецъ. Если образы, отождествляемые въ языкѣ и миоахъ, кажутся намъ чрезмѣрно далекими другъ отъ друга, то это лишь особенность нашего взгляда.

При недостаточности наблюденій и при чрезвычайно слабомъ сознаніи этой недостаточности и стремленіи къ намѣренному ея пополненію, сходство этихъ образовъ казалось такъ велико, что отождествленіе ихъ могло быть дѣломъ здраваго ума, а не тупоумія или болѣзненнаго настроенія.

Первоначально каждая миѳическая апперцепція имѣла свое особое подлежащее: ти туча, которую называли горою, то солнце, которое представляли свѣтлымъ колесомъ, были совсѣмъ другіе предметы, чѣмъ туча, представляемая коровою, солнце—представляемое жаръ-птицею.

Ошибочно мнѣніе, что эти различныи названія и объясненія чувствовались сначала эпитетами одного и тогоже подлежащаго, и потомъ наступило умственное затмѣніе, въ силу котораго изъ эпитетонъ образовались особыи существа. Такое обширное подлежащее могло бы быть только результатомъ сильнаго отвлеченія, а отнудь было взять это отвлеченіе, если условіемъ его в служило именно образованіе понятіи при помощи слова.

Digitized by Google

Когда потомъ въ силу отвлеченія эти подлежащіи были отождествлены, то мысль, смущенная различіемъ образовъ того же явленія, потребовала возстановленія закона тождества. Но ни одинъ изъ этихъ образовъ немогъ быть устраненъ; небыло основаній сказать: „только кажется, что солнце есть птица, а на самомъ дѣлѣ оно колесо колесницы, управляемой божественнымъ существомъ“; ибо небыло еще разницы между мнимымъ и дѣйствительнымъ. Оставался одинъ выходъ: принять разновременность этихъ образовъ и сказать, что существо, управляющее солнечной колесницей, по временамъ становится птицей. Это въ общихъ чертахъ теорія миѳическихъ превращеній столь обычныхъ въ сказкахъ и повѣрьяхъ. Тѣмъ же происхожденіе позднѣйшихъ сравненій въ родѣ: „Всеславъ... въ ночь влъкомъ рыскаше“, „полечю зегзицею по Дунаеви“, „буй-туръ Всеволодъ“ и пр.

Веселовскій („Сравнительная миѳологія и ея методъ“, по поводу Zoological Mythology, by Angelo de Gubernatis, 1873 г., В. Е. 1873 г., V) непризнаетъ упомянутой выше основной дробности подлежащихъ въ миѳѣ.

„Если вѣрить Де-Губернатису и еще кой-кому изъ современныхъ изслѣдователей по сравнительной миѳологіи, то наши пастушескіе праотцы не только небыли первобытно наивны, но и во многомъ перещеголяли людей XVIII и XIX столѣтій. Чтобы встрѣтить тѣмное тонное понѣманіе природы и ея прелесть, какое раскрываютъ намъ въ основѣ ихъ миѳовъ, надо перешагнуть черезъ средніе вѣка прямо къ Бернардену де-Сенъ-Пьеръ, Бюфону и лекастамъ; чтобы умѣть такъ ловко подмѣтить всякую мѣлочь, всякую тѣнь въ облакѣ, осмыслить каждый шагъ солнца по небесному своду, нужно быть безстрастнымъ, холодно-созерцательнымъ аллегоризаторомъ, и мы опять мѣтимъ въ XVIII вѣкъ, и намъ (т. е. сравнительнымъ миѳологамъ) невдомекъ, что вся эта сознательность и искуственность встрѣчается уже при первомъ появленіи человѣческой мысли на землѣ, въ миѳѣ“. (Весел., 646).

Послѣ оговорки, что, говоря о дошедшихъ до насъ миѳахъ, мы имѣемъ дѣло вовсе не съ первыми проявленіями человѣческой

Digitized by Google

мысли, можно бы спросать автора, считаетъ ли онъ обиліе синонимовъ доказательствомъ высокой степени пониманія природы и результатомъ холодной аллегоразаціи?

„Личности, присоединяющія (въ языкѣ) новое къ прежнему, или вовсе незнаютъ этого прежняго или въ моментъ созданія неимѣютъ его въ сознаніи. Вообще говоря, лишь другія личности, слыша отъ одного новое, отъ другого старое, доходятъ до употребленія то того, то другого“ (Paul, Princ. 131).

Мы думаемъ иначе. Современный пейзажистъ способенъ уловлять оттѣнки свѣта и тѣни, облаковъ, воды и пр., въ такой степени, до которой никогда невозвышались предшествующіе вѣка; между тѣмъ можно положительно сказать, что въ рѣчи его (въ его личномъ словарѣ) найдется едва-ли по нѣскольку синонимовъ для этихъ явленій, тогда какъ въ древнѣйшемъ словарѣ къ Ведамъ насчитываютъ 15 синонимовъ для солнечнаго луча, 23—для ночи, 16—для утренней зари, 30—для облака, 100—для воды. (Kuhn, Ueber entwickelungstufen der Mythenbild. Abhan. der Berl. Ak. 1873, 123). Впрочемъ за доказательствами того, что богатство синонимовъ вовсе непредполагаетъ высокой степени развитія мысли, нѣтъ надобности ходить далеко. Въ русскихъ нарѣчіяхъ напр. гораздо болѣе 40 названій лошадиныхъ мастей, болѣе 40 глаголовъ для понятія говорить, болѣе 30 названій хлѣба. Вообще умѣнье различить оттѣнки явленій, столь важныхъ для человѣка, непредохраненнаго отъ враждебныхъ вліяній природы, какъ атмосферическія, и выражать эти оттѣнки словомъ (resp. миѳомъ) можетъ быть сравнено съ умѣньемъ распознавать слѣды животныхъ и людей. Извѣстно, что къ этомъ послѣднемъ искусствѣ цивилизованный человѣкъ безъ всякаго вреда для своего развитія далеко отсталъ отъ дикаря.

Упрекъ, дѣлаемый Веселовскимъ сравнительнымъ миѳологамъ въ томъ, что они приписываютъ первобытному человѣку „сознательныя наблюденія колорита надъ тѣнями вечерняго и утренняго неба“, и что они „мевьше всего отдали себѣ отчетъ въ той степени сознательности, какая предполагается маѳвчесаимъ творче-

Digitized by Google

ствомъ и на какой степени находился человѣческій индивидуумъ въ пору этого творчества" (647)—несправедливъ.

Степень развитія, предполагаемая извѣстнымъ миѳомъ, опредѣляется не апріорн, а аа основанін самкго миѳа. Степень ита можетъ быть аесьма различна, нбо миѳическоа творчество непрераталось и въ наши дни.

Созданіе новаго миѳа состонтъ въ созданіи новаго слоза, а никакъ не въ забвенін зяаченія предшествующаго.

Есть взглядъ, возникшій изъ стремленін устранить крайности теорів М. Миллера посредствомъ ея ограниченіи:

„Въ миѳологіи мы должны отличать даѣ сонершенно различныя области: первая есть продуктъ миѳическаго объясненія иаланій реальааго міра, аторая — продуитъ забвенін смысла словъ, зктемиѣнія рѣчи; содержаніе перѳой — реальный міръ, изъяснимый миѳическн, дѣйствительность ненаучно понятая (кнтропопаѳическое міросозерцкніе), содержаніе второй—фантастическій міръ миѳическихъ образовъ, сфера саерхъестественнаго, постаалеииаи за предѣлами чуяствеинаго міра; пераую мы назовемъ *миѳическимъ міросозерцаніемъ*, вторую *миѳологіей* въ тѣсиѣйшемъ смыслѣ; солнце, какъ живое, разумно и цѣлесообразио дѣйстаующее существо, есть реальиый объектъ перваго; богъ Геліосъ, ккъ личность, стоящая выше человѣка, какъ божество, есть фиктивный обравъ второй; слоаомъ, аъ мяѳическомъ міросозерцанін невѣрно понимаются реальныи ивленія, миѳологія же создаетъ фиитивные образы. Этого рязличеиіи... ученые доселѣ недѣлали, а оао между тѣмъ весьма аажно".

„Во 1-хъ миѳическое міросозерцаніе обусловливается исключительно психическими процессамв (басносмысліе), миѳологія создается факторами лнигвистическнми, я М. Мюллеръ здѣсь правъ; исправъ онъ распространян свою ливгвястическую теорію и на пераую область миѳа".

„Во 2-хъ, содержаніе первой области миѳа есть исключительно природа, тогда иакъ во второй области мы имѣемъ образы, неимѣющіе никакого отвошенін къ естественнымъ яаленіямъ".

Digitized by Google

Ни пр. Амазонки, какъ „безгрудыя", по ошибочной этимологіи отъ *ἀ* и *μαζὸς* грудь. (Карѣевъ, Мио. этюды, Ф. З. 1873 года III 65—6).

„Въ понятіе мина входитъ представленіе о божеской личности, а демонизмъ (вѣра въ духовъ, состоящая въ родствѣ съ грубымъ фетишизмомъ) тѣсно связанъ съ представленіемъ о темныхъ силахъ, въ которыхъ личность необособлена, которыя понимаются колективно" (Карѣевъ, Ф. З. 1872 г. III, 12).

Приложимъ къ объясненію этого разсужденія различеніе двухъ элементовъ, по нашему составляющихъ непремѣнную принадлежность всякаго поэтическаго произведенія, а стало быть и мина: представленія (образа) и значенія. Спросимъ себя, какая разница между содержаніемъ миѳическаго міросозерцанія съ одной и миѳологіи съ другой стороны?

1) Подъ содержаніемъ миѳическаго міросозерцанія авторъ разумѣетъ не только „реальный міръ", „дѣйствительность", напр. солнце (т. е. извѣстный комплексъ чувственныхъ воспріятій), но и мнѳическое v. антропопаѳическое толкованіе эпитета, именно солнце, разсматриваемое „какъ живое, разумно и цѣлесообразно дѣйствующее существо". Само міросозерцаніе принято за „реальный объектъ" міросозерцанія. Послѣдовательнѣе было бы, смѣшавши здѣсь два различныхъ момента мысли, оставить ихъ въ этомъ смѣшеніи, говоря и о миѳологіи; но

2) Подъ содержаніемъ миѳологіи авторъ разумѣетъ *только* „миѳическое", сверхъ естественныя образы, только богъ Геліосъ.

Мы исправимъ эту ошибку, сказавши, что и богъ Геліосъ не лишенъ былъ для грековъ отношенія къ солнцу, которое было реальнымъ основаніемъ этого образа.

И такъ *значеніе* въ обоихъ случаяхъ есть солнце. Въ чемъ же разница образовъ? Въ 1-мъ случаѣ образъ „живое разумно и цѣлесообразно дѣйствующее существо"; во второмъ образъ—богъ Геліосъ; но послѣдній есть тоже „живое и пр. существо". Вѣроятно какая-нибудь разница между тѣмъ и другимъ. Конечно, авторъ нерѣшится утверждать, что Геліосъ, ставши богомъ, поте-

Digitized by Google

рялъ для самого грека отношеніе къ солнцу; но если бы было и такъ, еслибы послѣдовало отдѣленіе Геліоса отъ видимаго солнца, то этимъ не уничтожилась бы еще двойственность его моментовъ: образа и тѣхъ, положимъ, нравственныхъ, но все же естественныхъ отношеній, на которыя онъ указываетъ. Разница между представленіями солнца въ томъ, что авторъ называетъ миѳическимъ міросозерцаніемъ, и въ томъ, что у него миѳологіи, можетъ быть только въ степени развитія мысли; но представленія эти въ обоихъ случаахъ, а не только въ 1-мъ суть „образы фиктивные" предъ судомъ позднѣйшей мысли.

Нѣтъ никакого основанія вмѣстѣ съ авторомъ утверждать, что „міръ сверхчувственнаго въ ученіи о душахъ и духахъ далъ былъ еще первобытнымъ анимизмомъ, тогда какъ божескія личности, какъ таковыя, возникли путемъ не одного одухотворенія явленій природы, *но и путемъ забвенія смысла миѳической рѣчи*" (ib. 67) Во взятомъ имъ примѣрѣ можно видѣть не забвеніе смысла, (т. е. значенія солнца, которое есть и въ нирвцательномъ ἥλιος), а развѣ забвеніе этимологическаго признака (т. е. по Курціусу, у котораго Ἥλιος изъ ἀλίος = ἀυελος = лат. Auselius, Aurelius („Aureliam familiam... a sole dictam putant), кавъ ἠώς атт. ἑώς Эолич. αὔως = лат. ausos(a) = aurora, Gr. № 612 отношеніе къ тому корню, къ коему относится и русс. Авсень, усень, упоминаемый въ яр. колидникъ); но это забвеніе, если даже предположить, что оно древнѣе образованія божественной личности Геліоса (что сомнительно), вовсе не необходимо для созданія такой личности. Въ противномъ случаѣ слова, столь этимологически ясныя, какъ инд. dêvas, немогли бы имѣть миѳическаго значенія. Напротивъ, этимологическая ясность слова даетъ направленіе мысли, сосредоточивающей около этого слова черты, изъ коихъ слагается миѳическій образъ, будетъ ли этотъ послѣдній богомъ, или простымъ духомъ.

Признавая здѣсь образовательное, направляющее вліяніе нормальнаго, а не порченаго языка, я непостигаю, какъ въ томъ, что названо миѳическимъ міросозерцаніемъ, солнце могло быть

Digitized by Google

представлено „живымъ, разумнымъ и цѣлесообразно дѣйствующимъ существомъ“ помимо такого же вліянія языка? Было бы крайне грубымъ заблужденіемъ о двухъ сторонахъ мысли: „психологической и лингвистической“ (тотъ же авторъ въ Ф. З. 1872 г. III, 6) представлять себѣ эту послѣднюю, какъ нѣчто отдѣльное отъ психологическихъ процессовъ, производящихъ слово. Тѣже душевные процессы, которые производятъ слово, на извѣстной ступени вмѣстѣ со словомъ создаютъ мысль.

Человѣкъ такова отъ природы, что только при помощи языка онъ добываетъ себѣ такія средства знать о своей мысли, какъ письмена и искусства; до этого единственнымъ свидѣтелемъ о движеніи его мысли служило ему слово. Безъ слова невозможно было бы никакое преданіе, никакая ступень человѣческаго знанія, а другое, кромѣ человѣческаго, нимъ неизвѣстно.

Всякое пониманіе слова есть въ извѣстномъ смыслѣ новое его сознаніе, и всякое слово, какъ дѣйствительный актъ мысли, есть точный указатель степени развитія мысли. Признавши эти положенія, мы можемъ говорить о недостаткахъ извѣстнаго языка не по отношенію къ какой-либо неподвижной мѣркѣ, а лишь по отношенію къ другому языку; мы вовсе лишаемся права говорить о какомъ-то деспотизмѣ языка (какъ будто его внутренняя сторона не есть наша же мысль), о его вредномъ давленіи на мысль говорящаго. Такія пустыя рѣчи похожи на то, какъ еслибъ хромой сталъ думать, что если бы не костыль, то онъ бы ходилъ, какъ здоровый. Пусть тѣ, впрочемъ умные люди, которые полагаютъ, что нашъ языкъ недалеко ушелъ отъ языка дикарей, и что, говоря имъ, мы какъ бы продолжаемъ рубить каменными топорами и съ трудомъ добывать огонь треніемъ (Тейлоръ, у Карѣева, ib, 72), будутъ хоть послѣдовательны и признаютъ, что и вообще мы недалеко ушли отъ дикарей. Если же послѣднее несправедливо, то и первое—лишь слѣдствіе недоразумѣнія, принимающаго прозрачную глубь языка, которая открывается изслѣдователю, за близость дна. Пусть тѣ, которыхъ стѣснаетъ то, что, по велѣнію судебъ, мысль для преображенія въ высшія формы нуждается въ симво-

Digitized by Google

лахъ языка, и то, что слова лишь символы, а не самая мысль, пусть жалуются, что неродились на свѣтъ богами, всякий имѣющима въ себѣ совершенное знаніе.

Случаи, на которые могутъ указывать, какъ на доказательства вреднаго вліянія языка, въ дѣйствительности также недоказываютъ этого вліянія, какъ языческое поклоненіе христіанскимъ иконамъ не можетъ быть объяснено вліяніемъ высшей формы христіанства. Если бы человѣкъ, который ставитъ свѣчи только передъ своими, а не чужими иконами, незналъ этихъ иконъ, онъ молился бы имъ. То одно, что у него есть христіанскія иконы, не даетъ ему пониманія христіанства. Такъ звуковая оболочка слова, бывшая внѣшнимъ знакомъ сложнаго содержанія, переходя къ другому, неприноситъ съ собою всего этого содержанія. Послѣднее должно быть вновь создано этимъ другимъ и будетъ создано согласно съ уровнемъ его мысли. Слово послужитъ ему лишь возбужденіемъ, а что послѣднее бываетъ сильнымъ и благотворнымъ, это мы видимъ на нашихъ дѣтяхъ, которыя лишь при помощи языка проходятъ путь развитія, который въ жизни человѣческой измѣряются тысячелѣтіями.

Зная это, мы невѣримъ, чтобы когда-либо было иначе.

Объ участіи языка въ образованіи миѳовъ.

Котляревскій (Разб. соч. Аѳ. П. в. сл., 17), справедливо отвергая порчу языка, какъ источникъ первоначальныхъ миѳовъ, заходитъ слишкомъ далеко, говоря, что „языкъ, какъ сила дѣйствующая“ (что это? недѣйствующая сила несуществуетъ), „оставался совершенно чуждъ первопачальнаго происхожденія миѳическихъ представленій; онъ оказалъ сильное вліяніе на миѳы, такъ сказать, вторичнаго образованія, когда худое толкованіе древнихъ выраженій и словъ, происходившее отъ забвенія первоначальнаго значенія ихъ, произвело цѣлую массу сложныхъ баснословныхъ повѣствованій; и какъ возможно объяснить этотъ второй періодъ въ

Digitized by Google

исторіи миѳологіи, недопустивъ перваго, ему предшествовавшаго, періода первичныхъ миѳическихъ возврѣній, возникавшихъ изъ наивнаго дѣтскаго взгляда на явленія природы!"

Подобнымъ образомъ говоритъ и де-Губернатисъ: „Двусмысленность (словъ — по Куну точнѣе полионимія) безъ сомнѣнія играла главную роль при образованіи миѳовъ; но сама эти двусмысленность не всегда можетъ быть объяснима безъ предположенія предварительнаго существованія, такъ сказать, живописныхъ аналогій. Дитя, которое еще и нынѣ, взглянувши на небо, принимаетъ бѣлое облако за снѣжную гору, конечно незнаетъ, что *парвата* въ языкѣ Ведъ означало гору и облако... Двусмысленность словъ обыкновенно шла по пятамъ ясно за аналогіею внѣшнихъ образовъ, представлявшихся первобытному человѣку. Когда онъ еще неназывалъ облаки горою, онъ уже видѣлъ ихъ горою. Послѣ смѣшенія образовъ, смѣшеніе словъ сдѣлалось почти неизбѣжнымъ и служило лишь для опредѣленія перваго, для сообщенія ему внѣшняго (?) звука и болѣе прочной формы, для образованія изъ него какъ бы корня, изъ коего при помощи новыхъ наблюденій, новыхъ образовъ, новыхъ двусмысленностей могло вырости цѣлое дерево миѳическихъ генеалогій" (Die steine in der indogerm. myth. 665.)

Я отвергаю только порчу языка, какъ источникъ миѳологическаго т. е. познавательнаго творчества. Если смерть есть только смерть, то изъ нея неможетъ выйти жизнь; но то, что мы называемъ смертью, и то, что называютъ (хроническою, а не единичною и случайною) порчею въ языкѣ, есть лишь новое сочетаніе элементовъ, при томъ въ языкѣ, при жизни народа, сочетаніе болѣе совершенное. При принимаемомъ мною опредѣленіи мина, какъ словеснаго произведенія, т. е. (въ простѣйшемъ видѣ одного слова) какъ совокупности образа (=сказуемаго), представленія (tertium comparationis) и значенія (=психологическаго подлежащаго т. е. того, что подлежитъ объясненію), для меня совершенно немыслимо, какъ можно предполагать когда-либо существованіе мина помимо слова и какъ, кромѣ первыхъ, недосягаемыхъ для нашей мысли, ступе-

Digitized by Google

аей человѣческаго развитія, можно думать, что послѣдующій миоъ могъ создаться безъ помощи предшествующаго миоа-слова.

Ела бы человѣаъ свачала смѣшвлъ образы облака горы, а потомъ создалъ миоъ, то получилось бы не объясиеніе облааа горою, а объасиеніе облака-горы въ ихъ аераздѣльности чѣмъ-лабо другимъ. Существеанан черта миоа какъ апперцепціи въ словѣ (Steinthal) есть аменно то, что отождествленіе или частное сліяаіе объясняющаго а объясвяемаго не предшествуетъ объясаенію, а слѣдуетъ за нимъ.

Дѣтв и животвыа могутъ имѣть „живописаыа аналогіа", т. е. а въ нахъ извѣстныа сочетаніа элементарныхъ воспріятій могутъ находиться въ связи съ другима сочетаніяма, ао миоовъ ова еще аесоздаютъ.

Впрочемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣленіе вліааія слова представляетъ аовыя трудноста, а а вышесаазанаымъ накакъ недумаю оправдывать скороспѣлыхъ заключеній по готовому шаблоау, въ родѣ тѣхъ, которын аерѣдко встрѣчаются у Аеанасьева, аапр.: „*Такъ какъ* древвѣшій азыкъ употреблялъ оданааовыя назвааіи и дла звѣравой шкуры, а дли животныхъ, покрытыхъ мохнатою шерстью; то арійсаое племя не только призаавало въ облакахъ аебесное руно, но и сверхъ того олацетворяло ахъ бодливыма баранами, рѣзаыма овцами, прыгающима аозлами" и пр. Аѳ. П. В. I, 682).

Тутъ еще вопросъ, прежде ли представлалось облако шкурою, а потомъ козломъ, бараномъ, или наоборотъ, али же эти представленіи возиакли аезависамо, въ отвѣтъ аа различные вопросы, вызываемые различными аовыма впечатлѣаіама. Въ отдѣльаыхъ случаяхъ, воторые ае должны быть спеціалазированы, апріорыа осаованія миоа могутъ быть различны. Извѣстао, ивпр. что въ словѣ мѣхъ=лвт. màiszas, saccus первое значеніе—баранъ, какъ оплодотворяющій (скр. мѣша, баранъ), а второе—мѣшоаъ, шаура.

„Сколько существуетъ въ языаѣ метафоръ и сааонимовъ, говоритъ Котляревскій (Разб. с. Аѳ. П. В. 17), аоторые невызываютъ смѣшенія и аедаютъ повода къ созданію миоовъ! Почему напр.

Digitized by Google

называя словомъ *двиджа* дважды рождекное, и яйцо [1]) и брахманк, болѣзкь языка кепроизвела миѳа о рожденіи брахмаяа язъ яйцк? Почему метафорическін выражекія: *слѣпой орѣхъ*, *живой* или *мертвый* лѣсъ невыродилнсь и керазрослксь нъ мкѳы?"

Пока говоркгся противъ М. Мюллера, и согласекъ, потому что болѣзяк языка кк въ обркзовакік граматической формы, кя въ образовккіи мяѳа непахожу; ко за тѣмъ замѣчу́, что такіе вопросы кичего недонажутъ, если осткнутся к безъ отвѣта. Если-бы точно небыло упомивутыхъ миѳовъ, то значктъ движеніе мысли отъ брахмака нъ яйцу, нли ка оборотъ, прокзведекное омокимамк двиджа, встрѣтило какое-лябо препитствіе. Но подобкый миѳическій ркзсказъ о птицахъ брахманахъ дѣйствительно есть (Gubern. Die Thiere in der indogerm Myth 471-3). Утверждать, что нѣтъ подобвыхъ миѳовъ, мы можемъ лишь со скромкою оговоркою; кѣтъ для насъ, ткк какъ кеговоря о свойствениой человѣку огркикченностк знаяія, мы, занимающіеся подобкыми объяскекіямк, ямѣемъ дѣло лишь съ широнораспростркненкыми народными мкѳами; мкѳъ же несомнѣкно можетъ скрываться и въ узкой сферѣ лкчкости. Кому извѣстиы мяѳы создаваемые нашкмя дѣтьми, подъ вліяніемъ того же языкк, которымъ говоримъ мы. Какъ скоро a priori мы убѣдились въ томъ, что слово во нсякомъ случаѣ есть готовое русло дли теченія мысли, намъ въ часткомъ случаѣ, гдѣ этого течекія кезамѣтко, остается искать препятствій. Могущественкѣйшее изъ этихъ препятствій, впрочемъ неуничтожающихъ его и усложняющкхь трудъ изслѣдовктеля этого вліякіи, есть богатство опытк.

Вліяніе языка есть одккъ кзъ вкдовъ апріорностк мышленія, подъ которымъ, конечко, слѣдуетъ ркзумѣть не вообще участіе прежде добытой мысля въ ковыхъ ея работкхъ (ябо въ такомъ случаѣ съ первыхъ дкей жизни апостеріоркко мышленія нѣтъ, к добывакіе новыхъ мыслей ксключктельно или преямущественко изъ старыхъ [2]).

---

[1]) Не яйцо дважды рождается, а птица: «Два рази родився, ни разу нехрестився, всяка тварь єго глясу слишить» (—пивень)—Манджура.

[2]) Слѣдуетъ объяснить, что математическое мышленіе въ этомъ смыслѣ не апріорно.

Digitized by Google

Инклонность къ априорному мышленію находится въ обратномъ отношеніи къ величинѣ запаса данныхъ, какимъ располагаетъ мысль: чѣмъ меньше этотъ запасъ, тѣмъ сильнѣе априорность. Если это построеніе вѣрно, то оно одинаково уничтожаетъ, какъ мысль о появленіи нѣкогда болѣзни языка, а вмѣстѣ съ нею и миѳовъ, такъ и мнѣніе очень сходное съ этимъ, что только вторичные миѳы возникли подъ вліяніемъ языка. Ибо чѣмъ ближе къ началу исторіи, тѣмъ меньшимъ капиталомъ мысли обладаютъ люди.

Между априорностью заключеній и предразсудкомъ лишь та разница, что предразсудокъ есть априорность, разсматриваемая въ тѣхъ моментахъ, когда уже имѣются или предпринятся данныя, перетягивающія вѣсы мысли на сторону новаго, болѣе апостеріорнаго заключенія. Поэтому то, что съ теченіемъ времени становится предразсудкомъ (въ глазахъ посторонняго наблюдателя), въ свое время, при отсутствіи противовѣса было лишь законнымъ стремленіемъ мысли къ объединенію своихъ элементовъ.

„Названія звѣздъ и созвѣздій, знаковъ обозначающихъ области неба, періоды дней и годовъ, какъ бы они ни были произвольны“ (т. е. собственно говоря, какъ бы они ни были несогласны съ позднѣйшими знаніями(„составляютъ для астролога матеріалъ, который онъ можетъ... приводить въ идеальную связь съ житейскими событіями. Довольно было астрологамъ подраздѣлить путь солнца воображаемыми знаками зодіака, чтобы изъ этого возникли астрологическіе законы, по которымъ эти небесные знаки имѣютъ дѣйствительное вліяніе на настоящихъ овновъ, тельцовъ, раковъ, львовъ, дѣвъ. Ребенокъ, рожденный подъ знакомъ льва, будетъ мужественъ, а рожденный подъ знакомъ рака недалеко пойдетъ въ жизни и пр. (Тейлоръ, Період. культ. 122).

При состояніи мысли, недающемъ возможности явственно разграничить субъективное познаніе отъ объективныхъ его источниковъ, слово, какъ наиболѣе явственный для сознанія указатель на совершившійся актъ познанія, какъ центръ относительно-измѣнчивыхъ элементовъ чувственнаго образа, должно было пред-

Digitized by Google

ставляться сущностью вещи. Есть много свидѣтельствъ о чрезвычайной распространенности этого вѣрованія. (См. „Мысль и языкъ“ 125, 146—51).

Религіозный миѳъ.

Подъ миѳомъ разумѣются между прочимъ такія простыя поэтическія объясненія явленій, какъ „облако—это камень, гора“, „душа—это дыханіе, паръ, дымъ, вѣтеръ“. Въ тоже время къ области миѳовъ относятся и тѣ, предметомъ коихъ служатъ дѣянія высшихъ человѣка существъ, управляющихъ міромъ и человѣкомъ, и во всѣхъ миѳологіяхъ, отасимыхъ преимущественно къ небу. Очевидно, послѣдніе миѳы должны быть позднѣе по времени образованія, такъ какъ они предполагаютъ болѣе-менѣе значительную степень широты и единства міросозерцанія. Отношеніе между тѣмъ и другимъ въ общихъ чертахъ слѣдующее.

Извѣстны наблюденія, что человѣкъ „подъ лѣсомъ видитъ, а подъ носомъ невидитъ“, сначала заноситъ въ лѣтописи военные подвиги и т. п., и лишь гораздо позже на высокой степени развитія начинаетъ интересоваться мѣлкими и близкими бытовыми явленіями; сначала пытается объяснить себѣ, что такое солнце, молнія, туча, а потомъ уже—что такое домашній огонь, зеленое дерево и т. п.; небесная радуга требуетъ объясненія и объясняется, а радуга въ водяныхъ брызгахъ, производимыхъ самимъ человѣкомъ во время купанья, или незамѣчается вовсе, или является чѣмъ-то непосредственно понятнымъ. Тѣмъ не менѣе по общему правилу (сначала) объясняется отдаленное близкимъ. Это потому, что болѣе близкія, земныя, непосредственно окружающія человѣка явленія повторяются чаще, впечатлѣнія отъ нихъ опредѣленнѣе, комплексы этихъ впечатлѣній болѣе расчленены. Обычность и ясность этихъ комплексовъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ потрясенія, которое они производятъ, вновь появляясь въ душѣ. Менѣе обычныя явленія производятъ болѣе

Digitized by Google

смутныя воспріятія, но болѣе сильныя чувства; они слабѣе въ теоретическомъ, но сильнѣе въ эмоціональномъ отношеніи. Тольно намъ кажется, что животное и человѣкъ суть неизмѣримо бо́льшія чудеса, чѣмъ облако, солнце и пр., и что земное горѣніе никакъ не менѣе удивительно, чѣмъ атмосферное электричество. Для первобытнаго человѣка это было наоборотъ. Хоти самое первоначальное названіе земного огня, коровы и т. п. было уже миѳомъ, но этотъ миѳъ послужилъ тольно матеріаломъ для созданія миѳовъ, имѣющихъ предметомъ явленія болѣе потрясающія и потому божественныя. Земной огонь, земныя коровы послужили отвѣтомъ на вопросы, что таное огонь небесный, что твное туча. Лишь за тѣмъ вновь возникъ вопросъ: что же таное земной огонь, что таное земная корова? Отвѣтъ: земной огонь есть тотъ же небесный, нисшедшій на землю; земная корова есть таинственное воплощеніе небесной, и потому извѣстными своими дѣйствіями можетъ указывать на дѣянія первой. Вмѣстѣ съ этимъ создается теоріи, что малое и слабое происходитъ изъ великаго и сильнаго, (Steinth. Die sage von Prometheus, Z. f. v. ps. II, 15—88), образуются болѣе-менѣе обширныя связи между небесными явленіями и земными.

Вышеприведенные примѣры невыдуманы. Число подобныхъ имъ огромно. Напр. молнія есть птица, а потомъ наоборотъ, птица, напр. дятелъ, имѣетъ извѣстныя свойства молніи (повѣрья, что онъ знаетъ и пользуется разрывъ-травою, или разрывъ-камнемъ); солнце есть горящее колесо и наоборотъ зажженное посредствомъ тренія земное колесо имѣетъ извѣстныя свойства солнца, напр. служитъ къ предсказанію урожая и т. п.

Отношеніе язычества къ христіанству, вѣры къ знанію. Заговоры.

Теперь по истеченіи (почти) 900 лѣтъ послѣ оффиціальнаго принятія христіанства въ памяти народа сохранились безо всякаго участія письменности (или лучше сказать благодаря незнакомству съ письменностью) столько остатковъ язычества, что по нимъ можно довольно полно возсоздать образъ этого язычества.

Digitized by Google

Въ разной степени тоже встрѣчается и во всѣхъ христіанскихъ странахъ.

Старинная письменность передала намъ лишь скудныя извѣстія о языческихъ богахъ и игрищахъ, между тѣмъ какъ богатство изустныхъ языческихъ преданій до сихъ поръ еще неисчерпано.

Какія же причины этой долговѣчности язычества?

Сама церковь по многомъ волею-неволею содѣйствовала этому сохраненію язычества. „Самимъ духовнымъ. говоритъ Гриммъ, ни всегда удавалось найти границу между языческимъ и христіанскимъ: подъ ихъ собственный вкусъ могло подходить многое языческое, коренившееся въ толпѣ.

„Въ языкѣ рядомъ со множествомъ греч. и лат. словъ, вновь внесенныхъ для церковнаго употребленія, осталась и чисть нѣмецкихъ, связанныхъ съ язычествомъ, напр. именъ боговъ—въ названіяхъ дней недѣли. Къ этимъ словамъ незамѣтно примкнули и языческіе обычаи, языческія празднества, такъ сросшіяся съ жизнью народа и такъ тягучія, что приняли въ себя постороннюю, христіанскую примѣсь, лишь бы сохранить хоть отчасти любимую испытанную старину. Христіанскіе праздники повидимому не безъ умысла со стороны церкви совпадаютъ съ языческими. Церкви воздвигались на мѣстахъ именно низверженныхъ идоловъ или священныхъ деревьевъ, и народъ продолжалъ привычныя посѣщенія этихъ мѣстъ.

Нерѣдко самыя стѣны языческаго храма превращались въ церковь. Языческіе горы и источники принимали имена христіанскихъ святыхъ, и на этихъ послѣднихъ переходило уваженіе, которымъ нѣкогда пользовались первые. Священные лѣса становились собственностью вновь основаннаго монастыря или короля; но и въ частныхъ рукахъ они отчасти продолжаютъ чествоваться. Юридическіе обычаи, особенно суды Божьи и клятвы (присяги), обходы границъ, благословенія, обносы изображеній боговъ, сохраняя свою языческую сущность, соединялись съ церковными обрядами. Нѣкоторые обычаи языческіе и христіанскіе сходились.

Digitized by Google

Такъ на пр. языческое опрысканіе водою новорожденнаго напоминаетъ крещеніе, форма молотка (оружіе Тора)—крестъ и т. п.

„При столь многообразномъ смѣшеніи языческой и христіанской внѣшности немогло не произойти и смѣшеніе взглядовъ простодушнаго народа. Еврейское и христіанское ученіе стали сближаться съ языческимъ, и языческія заблужденія и предразсудки *стали заполнять мѣста, незанятыя* новою вѣрою. (То на христіанское содержаніе повліяли языческія формы, то ни оборотъ), (Gr. Myth. XXXII, III).—Какія же мѣста немогли быть заняты новою вѣрою? Въ чемъ христіанство немогло удовлетворить потребностямъ вновообращенныхъ?—Христіанство, отвѣчаетъ Шварцъ, принесло только вѣру во единаго Бога и Христа, пострадавшаго за грѣхи человѣчества, и за тѣмъ—немногосложное богослуженіе. Но оно, вообще исключающее природу, недало объясненія многимъ чудеснымъ явленіямъ природы, которыя язычникъ объяснилъ, связавши со своею вѣрою. Только немногія главныя явленія природы, напр. гроза, теченіе звѣздъ, да и то поверхностно, приведены въ связь съ христіанскимъ Божествомъ. Поэтому христіанство могло лишь нѣсколько ограничить, но не могло вполнѣ устранять той части язычества, которая обращена къ природѣ. Далѣе, христіанство оставляло много незаполненнаго пространства вокругъ событій семейной жизни, рожденія, брака, смерти, вокругъ занятій напримѣръ, охоты, земледѣлія, скотоводства, пряденья. (Schwarz, „Der heilige volksglaube und das alte heidentum, 5).

Единобожіе, оторванное отъ своихъ корней и перенесенное на чуждую почву, незаключаетъ въ себѣ знанія природы. Преимущество его передъ язычествомъ относительно знанія природы заключается въ томъ, что оно ставитъ Божество, какъ конечную причину, внѣ міра и даетъ возможность объяснять явленія природы механическими взаимодѣйствіями частей. Между тѣмъ языческій пантеизмъ помѣщаетъ боговъ внутри природы, ближе къ человѣку и тѣмъ самымъ принужденъ чаще искать объясненія явленій въ конечныхъ причинахъ, въ рѣшеніяхъ божества. Для еврейско-христіанскаго единобожія міръ за исключеніемъ души че-

Digitized by Google

ловѣка—это матерія, приводимая въ порядокъ Божествомъ. Для языческаго многобытія міръ—это само божество или совокупность божествъ. Но такое преимущество единобожія обнаруживается не сразу. Оно только облегчаетъ познаніе природы, но незаключаетъ его въ себѣ. Язычество беретъ верхъ до тѣхъ поръ, пока единобожіе принуждено отвѣчать на всякій научный вопросъ: такъ Богу угодно. Это не отвѣтъ. И язычники признаютъ, что безъ воли Божества, управляющаго явленіемъ, непроисходитъ самое явленіе. Гораздо удовлетворительнѣе языческія объясненія, напр. грозы: громъ—это, положимъ стукъ колесницы, катящейся по небесному помосту, громовой ударъ—это стрѣла пущенная тѣмъ, кто ѣдетъ въ той колесницѣ. Движеніе колесницы, стукъ колесъ, полетъ стрѣлы,—все это происходитъ по тѣмъ законамъ, какъ и на землѣ; чудесное состоитъ лишь въ томъ, что это небесная колесница, а не земная.

Такимъ образомъ побѣду надъ язычествомъ христіанство могло одержать только при пособіи науки. Такъ какъ науки небыло или такая наука ова была и отчасти есть достояніе немногихъ, то низшіе слои и продолжаютъ быть язычниками во всемъ, неисключая отношенія явленій къ конечной причинѣ, Богу. При этомъ слѣдуетъ помнить что, какъ видно изъ опыта, мысль множества людей можетъ обойтись безъ того, что мы называемъ знаніемъ конечной причины.

Какъ же опредѣлить ближайшія отношенія науки, которая пособляетъ христіанству въ борьбѣ съ язычествомъ, но можетъ стать и во враждебныя отношенія къ самому христіанству, какова же отношенія науки къ христіанству и язычеству.? Ставя вопросъ шире, можемъ выразить его такъ: что такое вѣра и что знаніе?

„Различіе, дѣлаемое философами между вѣрою и знаніемъ основано на ошибочномъ пониманіи міросозерцанія. Вѣра есть эстетическое дополненіе знанія въ искусствѣ (посредствомъ искусства). Она становится ложью и безсмыслицею, когда спится сохранить господство въ такихъ областяхъ, гдѣ возможны уже от-

Digitized by Google

вѣты знанія. Мы знаемъ тѣ явленія, взаимныя отношенія коихъ познаны до такой степени, что неизмѣнюются въ нашихъ глазахъ и при дальнѣйшихъ открытіяхъ." Предѣлы между знаніемъ и вѣрю зависятъ отъ степени образованности, т. е. отъ того, какъ далеко можетъ зайти наша мысль, теряясь въ неопредѣленномъ горизонтѣ. Подобнымъ образомъ дитя лишь исподоволь пріобрѣтаетъ умѣнье правильно пользоваться своимъ зрѣніемъ.—Дикарь, для коего прошедшее и будущее ограничено вчерашнимъ и завтрашнимъ днемъ, вполнѣ удовлетворенъ мыслью, что небо есть твердь, сводъ, изгибающійся надъ его головою. Не малыхъ напряженій стоило его мысли зайти такъ высоко. Дошедши туда, она успокаивается и нелегко можетъ быть подвинута къ дальнѣйшему изслѣдованію, къ вопросу: а что же тамъ дальше, за этою твердью?

Естественно, что дикарь населяетъ свой небесный Олимпъ существами, образъ коихъ сложенъ изъ наблюденій надъ земными предметами. При этомъ процессѣ онъ слѣдуетъ тѣмъ самымъ законамъ мысли, какъ и при познаніи ближайшей дѣйствительности. Неизвѣстное объясняется извѣстнымъ. Онъ видитъ напр. движеніе солнца, мѣсяца; онъ видитъ, что всякое земное объяснимое движеніе, т. е. взятое такимъ, въ которомъ начало, конецъ и причина того, а не другого направленія вполнѣ ясны, исходитъ отъ живыхъ существъ. Онъ обобщаетъ это и принимаетъ *живое* существо за причину всякаго движенія.

Такимъ образомъ живое существо водитъ по небу эти свѣтила. Падаетъ громовой ударъ: конечно, онъ пущенъ человѣческой рукою, потому что бросать можетъ на землѣ только человѣческая рука. Всякій земной предметъ сдѣланный, начало коего можетъ быть указано, стало быть всякій предметъ, мыслимый для дикаря по отношенію къ своему началу, въ рѣшительномъ большинствѣ случаевъ сдѣланъ человѣкомъ. Поэтому въ рѣшительномъ большинствѣ случаевъ на небо ставится человѣкообразный создатель. (Впрочемъ, будетъ ли это человѣкообразное существо или животное—это зависитъ отъ степени развитія. Извѣстно, что зооморфизмъ предшествуетъ антропоморфизму). Какія бы религіозныя

Digitized by Google

представленіи ни образовалъ себѣ дикарь, во всякомъ случаѣ въ нихъ нѣтъ ничего такого, чтобы специфически отличало эти представленіи отъ остального его знанія. Бѣжитъ ли въ его глазахъ солнце отъ преслѣдующаго врага, ѣздятъ ли по небу въ колесницѣ, разрубливаютъ ли мѣсяцъ по полямъ или пожираетъ его чудовище, во всякомъ случиѣ это случайная ассоціація человѣческихъ дѣйствій съ небесными явленіями. Эта ассоціація становится временнымъ объясненіемъ явленія, в ея вѣрность или невѣрность такъ же неможетъ быть непосредственно доказана, какъ невозможно нашимъ астрономамъ взять въ руку мѣсяцъ и пальцемъ показать на немъ горы и долины. Астрономическое объясненіе линій, описываемыхъ мѣсяцемъ, законы движенія планетъ—вѣдь это тоже случайныя ассоціаціи наблюденій, которыя отличаются отъ первобытныхъ ассоціацій въ головѣ дикаря лишь большею художественностью сопоставленія частей. Въ сущности свѣдѣнія наши о звѣздахъ такъ же невелики теперь, какъ и тогда, когда ихъ считали за вбитые въ небо золотые гвозди. Мы сдѣлали множество наблюденій надъ ихъ быстротою, величиною, формою и составили изъ этихъ наблюденій систему, которая до тѣхъ поръ будетъ оставаться истиною, пока изъ нея будутъ безъ натяжки объясняться всѣ наблюденія, но которая каждую минуту можетъ быть разрушена новыми открытіями, какъ Птоломеева была разрушена системой Коперника. Добытое нами преимущество состоитъ въ томъ, что паденіе системы можетъ совершиться безъ вреда для разъ навсегда добытыхъ фактовъ; въ томъ, что обобщенія служатъ для насъ лишь временнымъ объединеніемъ и завершеніемъ отдѣльныхъ явленій.

Прогрессъ нашего времени состоитъ въ преимуществѣ естественно-исторической методы изслѣдованія, которая будучи способна къ органическому развитію изъ себя, сдѣлала впредь невозможнымъ возвращеніе отъ знанія къ вѣрѣ. Такія отпаденія постоянно встрѣчались въ древности, потому что мысли недоставало той поддержки со стороны накопленія массы наблюденій, которая для насъ служитъ широкимъ основаніемъ для дальнѣйшихъ (Bastian I, 16—18).

Digitized by Google

Все содержаніе нашей мысли исчерпывается тѣмъ, что мы знаемъ и тѣмъ, во что мы вѣримъ. Рѣшеніе вопроса объ отношеніи знанія и вѣры зависитъ отъ рѣшенія другого: имѣетъ ли мысль какія-нибудь особенныя средства для усвоенія предметовъ вѣры, дѣйствуютъ ли на насъ эти предметы не тѣмъ путемъ, которымъ дѣйствуетъ познаваемое? Намъ извѣстенъ только одинъ путь: чувственныя воспріятія. Все, что не дано непосредственно чувствами, есть лишь сообразная со свойствами души переработка чувственныхъ воспріятій. Наитіе свыше, зрѣніе помимо глазъ, слухъ помимо ушей принадлежитъ къ числу патологическихъ явленій. Люди, увѣренные въ своемъ непосредственномъ сообщеніи съ неземнымъ міромъ, какъ ни высоко они стояли надъ человѣческимъ уровнемъ по своимъ способностямъ, необъявляли людямъ ничего такого, чтобы немогло быть выведено изъ современнаго имъ запаса знаній. Если же у мысли вѣрующей и мысли познающей одни средства, если знаніе и вѣра строятся изъ того же матеріала, то различіе между ними можетъ состоять только въ степени. Стихіи знанія не трудно показать въ язычествѣ (примѣры см. Bastian) и въ христіанствѣ. Въ чемъ могутъ состоять побужденія вѣрить въ самостоятельность и безсмертіе душа, въ существованіе личнаго Бога?—Въ томъ, что при данномъ состояніи знанія эти вѣрованія требуются знаніемъ. Человѣкъ неможетъ себѣ иначе объяснить своихъ духовныхъ явленій, какъ присутствіемъ въ себѣ нетѣлеснаго начала, не подверженнаго разрушенію, видоизмѣняющему матерію; онъ неможетъ иначе понять существованіе міра, какъ допустивши существованіе Творца. Вездѣ исходная точка—знаніе, и цѣль—знаніе. Вѣра нужна для пониманія и сама есть извѣстнаго рода пониманіе. Этимъ исчерпывается ея функція. Практическое значеніе вѣры, ея значеніе для чувства—эти значенія производныя. Такъ, напр., человѣкъ въ скорбяхъ ищетъ успокоенія въ мысли, что эта краткозременная жизнь есть время испытанія, страданіе—слѣдствіе грѣха, за которымъ слѣдуетъ лучшая безконечная жизнь. Здѣсь вѣра успокоиваетъ чувство. Но тоже самое дѣлаетъ знаніе. Напр., у меня

Digitized by Google

болитъ голова, я успокаиваюсь тѣмъ, что это отъ угару, и что если устранить угаръ, то головная боль пройдетъ.—Въ простѣйшихъ формахъ вѣры особенно легко замѣтить, какъ положенія вѣры возникаютъ изъ ассоціацій между наблюденіями. Такъ же возникаютъ научныя положенія. (Примѣры).

Однако, есть существенная разница между знаніемъ и вѣрою. То познано нами, что неизмѣнается въ нашихъ глазахъ при дальнѣйшихъ открытіяхъ, и наоборотъ все измѣнчивое въ нашей мысли есть вѣра. Такъ въ любомъ изысканіи объясненія солнечнаго теченія сознанная круговая форма видимаго солнца, измѣнчивость точекъ, занимаемыхъ имъ на небѣ, свойство согрѣвать, вызывать растительность—это знаніе, все остальное вѣра. Это знаніе, какъ бы оно ни казалось малымъ, есть уже значительный шагъ впередъ. Животное и ребенокъ не только не имѣютъ понятія о кругѣ, но и незнаютъ, что солнце свѣтитъ. Они только чувствуютъ это. Граница между знаніемъ и вѣрою отодвигается и становится яснѣе по мѣрѣ вникновенія въ наукѣ непоколебимыхъ фактовъ. Въ первобытномъ человѣкѣ стихіи знанія и вѣры перемѣшаны. Отношенія ближайшихъ къ нему предметовъ составляютъ предметъ вѣры. Горизонтъ мысли узокъ.—(Примѣры изъ Бастіана).—Средневѣковыя вѣрованія въ участіе Бога въ дѣлахъ человѣческихъ.—Въ ипатьев. лѣт. подъ 1111 г.: „Вложи Богъ Володимеру въ сердце и ничи глиголати брату своему Святополку поимая его ни поганыи". Этого нельзя считать за благочестивую фризу. Дѣйствительно знаніе душевной жизни такъ мало, зарожденіе мысла въ глазахъ вѣка такъ таинственно, что причиною его люди могутъ считать только первую причину—Боги или, никъ на другой страницѣ (Ип[2] 192), ангела, или же, если мысль злая, наученіе діавола. Бѣгство Половцевъ передъ немногочисленнымъ полкомъ Володимеровымъ есть дѣло сверхъ естественное: „падиху Половца передъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ, вао се видяху мнози человѣци, и гливы летиху невидимо стинаемы на землю. И побиши и въ поиедѣльникъ страстный... избьеня быши иноплеменьцѣ многое иножество ни рѣкѣ Салницѣ

Digitized by Google

и спасе Богъ люди своя... И въпросиша колодницѣ, глаголюще: „кано васъ толика сила и многое множество, не могосте ся противити, но въскорѣ побѣгосте?“ Си же отвѣщеваху глаголюще: како можемъ битася съ вами? а друзіи ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни,. иже помогаху вамъ“. Тоимо се суть ангели отъ Бога послани помогать хрестьаномъ“. (Ип² 193)

Въ наше время уже ни одинъ образованный человѣкъ не-щетъ объясненія отдѣльнымъ рѣшеніямъ человѣческой воли, отдѣльнымъ историческимъ событіямъ въ непосредственномъ вліяніи Божества. Однако многіе вѣрятъ еще въ свободу воли, какъ далѣе неразложимую причину душевныхъ движеній, однако до сихъ поръ возможно видѣть въ Богѣ перваго двигателя исторіи.

Т. о. прошедшее представляетъ имъ постоянное стремленіе замѣнять первыя причины вторичными, которыя въ свою очередь разложимы и объяснимы другими причинами.—Стремленіе это сдерживается притязаніями вѣры рѣшить по своему вопросы, уже рѣшенные наукой; но послѣдняя рано или поздно беретъ верхъ. Человѣку мало заманчиво „духовное самоубійство“; умъ лишь немногихъ можетъ отречься отъ себя и помириться съ противорѣчіемъ преданія и живой науки.—Можно ли изъ этого заключать, что настанетъ время, когда вѣра вполнѣ замѣнится наукой? Научныя предположенія, еще несоставляющія вѣры, но ближайшимъ образомъ сродныя съ нею, конечно будутъ всегда имѣть мѣсто; концу сущему мы невидимъ и не можемъ представить себѣ времени, которое бы обѣдинѣло задачами, которому нечего было бы дѣлать. Изъ этого слѣдуетъ, что тѣмъ менѣе можемъ представить себѣ время, когда бы самые верхи зданія науки была построены разъ ни всегда. Если первостепенное неясно и нерѣшено, то и о второстепенномъ могутъ существовать только предположенія. Если вѣра въ личнаго и человѣкообразнаго Бога перестанетъ удовлетворять мысль, это верховное начало замѣнится другимъ, такимъ же временнымъ. Одно несомнѣнно: человѣкъ съ каждымъ шагомъ впередъ научается болѣе и болѣе различать степени вѣроятности и оцѣнивать средства своего

Digitized by Google

умк. Уже и теперь ясно, что, занимая незначительную частицу міра, нельзя обнять мыслью всего міра. Оцѣнить это убѣжденіе можно лишь сравнивши его съ тою ограниченною цѣльностью взгляда первобытнаго человѣка, примѣры коей были приведены выше.

Возвращаюсь къ поставленнымъ выше вопросамъ.

Язычество есть такое міросозерцаніе, въ которомъ конечныя причины въ большемъ или меньшемъ количествѣ размѣщены въ самомъ мірѣ.

Заговоры.

Л. Майковъ „Великорусскія заклинанья" (Зап. И. Р. Геог. О. по отд. эти. II 1769 г. стр. 417—580).

Ефименко „Сборникъ малор. заклинаній" (Чт. Об. И. Др. 1874, I.)

Заговоры (заалинапія) даже въ нынѣшнемъ своемъ видѣ немогутъ быть названы обломками язычесанхъ молитвъ (Ав. П. В. I 43). Молитва собственно есть просьба; въ болѣе обширномъ смыслѣ къ ней принадлежитъ похвала Божеству, имѣющая цѣлью расположить его въ пользу молящагося, и благодареніе. Въ молитвѣ человѣкъ обращается къ божеству хотя болѣе могущественному чѣмъ человѣкъ, но такому, которое подобно человѣку можетъ исполнить просьбу или нѣтъ, которому могутъ быть пріятны или непріятны похвала и благодарность. Въ заговорахъ нѣтъ слѣдовъ благодареніи; только часть ихъ заключаетъ въ себѣ другіе элементы молитвы: изображеніе дѣйствія божества, упрекъ, просьбу, (какъ въ „Сл. о П. И.": и о вѣтре!... чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?,.. О Днѣпре словутицю! ты пробилъ если каменныя горы сквозѣ землю половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Свитославли посады до плъку Кобякова: възлелѣй, господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслкла слезъ на море рано"), и эта часть дѣйствительно подходитъ къ христіанскому понятію молитвы.

Digitized by Google

Остальные заговоры имѣютъ съ молитвою лишь то общее, что подобно ей вытекаютъ изъ желанія, чтобы нѣчто совершилось или несовершилось. Нельзи сказать, что они вообще отличны отъ языческой молятвы тѣмъ, что принадлежа „въ эпохѣ болѣе грубаго представленія о божествѣ“ имѣютъ (по мнѣнію говорящаго) „принудительное вліяніе“ (Ор. Милл. „Оп ист. об. р, сл.“[2] 84), ибо явленія въ нихъ упоминаемыя могутъ вовсе неимѣть характера божественности. Опредѣленіе этой формы заговора таково:

Словесное изображеніе сравненія даннаго явленія съ желаемымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее.—Выборъ перваго явленія до извѣстной степеин случаенъ, но изображеніе его и толкованіе совершкются подъ вліяніемъ желаемаго:

„Въ печи огонь горитъ, пялитъ и пышетъ и тлитъ дрова; такъ бы тлѣло и горѣло сердце у рабы Божіей имяр. по рабѣ Божіемъ имр. во весь день, по всякъ часъ, всегда нынѣ и присно и во вѣаи вѣковъ“ (Майк. 426, 5).

„Стаиу я на сырую землю, погляжу я на восточиую сторонушку. Какъ красное солнышко возсіяло, припекяетъ мхя—болоты, чорныя грязни (s), такъ бы припекала, прасыхала рква Божія имр о мнѣ р. Б. имр.“ и пр. (ib. 433, 19).

„Во чистомъ полѣ путямъ—дорогамъ (—Новг. твор. п.) бѣжитъ рѣка Ока. И обмываетъ рѣка Ока круты берега, и шелковы травы и мелии песни, и камушки. Такъ бы обивала и обмывала съ рабя имр. всѣ осуды и призорушки“ (ib. 511, 231). (заговоръ записанъ въ Валд. у. Новг. губ., к потому, если онъ не занесенъ туда изъ друг. мѣстн., Оаа есть нкрицательное.—фвя. joki—рѣка. —Гр. Фил Роз. 259).

Пчеловодъ. Въ первую недѣлю новаго мѣсяца пойди на текучую воду, наклонись надъ нею и говори такъ: „Яи тоєі води ніхто неможе обернути на свій обичай, тяк щоб моі бжоли жадний уречн немог“ (Гр. этн. эксп. Чубин. I, 73).

Увидѣвшя перный цвѣтъ на житѣ: „Яко тоє жито наполнюется от влаги земной и от роси небесной, и як той нвіт добровольно отпадає от своєі ниви при своєму норені, таа би от моіх

Digitized by Google

во врема своє нольно роі одходнли а сідала въ моій пасіці... при своєму аорені...(ib. 74).

Въ навечеріе Богоивленіа Господая спѣши набрать святой воды: „Яа сего святого вечора люди тнсаутся а радуются до сей святой водн, таи ба таснулись н радовались моі пчели, носячи густиє меди, желтиє воскн“ (ib, 72).

Стои въ церкви на Воснресеніе Христово: „Яи до свищенника люде тнснутся н радуются, до тої дари идучи, таи бн ся моі пчоли тиснулися и радовалися, матии (—ці?) н роєві до моєі пасіки, идучи до иене раба Б. N.“ (ib. 74).—Ср. заговоръ пастуха: „Канъ сходится инродъ Божій крещевный по колоаольному звону иъ служенію и пѣнію Божественному аъ отцу духовному и радѣютъ слушать слово Божіе... душою н сердцемъ; танъ-бы радѣло а приходало мое счетное стадо коровье, аонное и овечье на мой голосъ и трубу сами изъ толаучнхъ горъ, съ дремучихъ лѣсовъ“ и пр. Майн. стр. 532).

Садясь въ сани: „Сажусь я въ сана ирытыа бобрами, соболами н ауницаии. Канъ лисицы и ауанцы, бобры а соболи честны и величавы (ср. мр. величні) между панами и попама, между міромъ и селомъ; такъ мой нарожденный сынъ былъ бы честеаъ а величавъ между панами и попами между міромъ и селомъ.“ (Сах. Сказ. р. н. I, 2, 20).

Для заговоровъ этого рода харантернстнчно то, что относительно неопредѣленное желаніе здѣсь спеціализируется подъ вліяніемъ явленій, приводимыхъ на мысль воспріятіями, ноторыя сами по себѣ случайаы, но аъ ноторыхъ говорящій усматрнваетъ тѣ нли другія стороны, смотри по господствующему настроенію.

— Ср. начала мр. пѣсень съ образованіемъ, случайныхъ воепріятій („Мысль и из.“ ². 212—214) али ругательства, примыкающіа иъ случнйному слову отвѣта, на пр.: „Та а ж ходив“...— А бодай тебе ходнла лнхая година.

„Не чуо кунавице!“ (=недоченао пролъeba). Кад ко послије другога викаља одговорн: „*чујем*“, или се правда за што да није чуо. (Кар. Посл. 212).

Digitized by Google

„Ти вже (ж) єго, тіточко, відтіля випустили: сам справнин приїжджав та и випустив!“—„А щоб випускала лахая година та несщаслива и вашого справнина, и старого лисого Минуху зо всім вшим поганим родом и приплодом!... Випустнлв! От так ти випусаай“. (Кв. [2] II, 55—6).

Самъ по себѣ *приколъ* неимѣетъ никакого отношенія къ пчеловодству и аъ другое время въ человѣаѣ онъ не возбудилъ бы никаной мысли о пчелнхъ; но, пронпанутый зиботой о пчелахъ, человѣнъ находитъ эту вещь и говорнтъ: „Як тоє бидло було припьяте, немогло шйтв від того міста нігде, так ба моі митни немогли внйтн из пасіни, від мене р. Б·“ (Тр. этв. эксп. Чуб. I, 74). Попятно, что а здѣсь возможно, что предстнвленіе въ самомъ названіи случайнаго явленія можетъ спеціализироваться направленіемъ мысли. Танъ, напр., въ заговорѣ, провзносимомъ на Блвговѣщеніе, то, что въ этотъ день возвѣщено Дѣвѣ Маріи Арх. Гавріиломъ *зачатіе* отъ Святого Духа, даетъ поводъ говорнтъ: „Повелн Г'осподи... пчелам... *зачати* им густыє меды“ а пр. (ib. 74).

То, что мы назвали данвымъ или случайнымъ нвленіемъ, можетъ не предстнвлнть для человѣка ничего божестаеннаго, и заговоръ въ этой формѣ непредполнгаетъ нванного богопочитанія.

Простѣйшая форма обряда и чаръ.

Изъ случайно усмотрѣннаго отношенія напр., аовскаго принола и сидѣвія матокъ въ пасѣкѣ образуется такое сочетаніе того и другого, что если въ мысли появится второй членъ ассоціиціи (накъ желанаый), то онъ приведетъ съ собою и первый. Мысль о принолѣ потребуетъ дополненія со стороны новаго впечатлѣнія отъ этой вещв. Въ тотъ разъ приколъ былъ на лицо, теперь его нѣтъ; остается поискать его нарочно. И вотъ возпикаетъ требованіе: аогдн хочешь загонаривать матокъ, чтобы сидѣли „найди принолень, що конн припинають, и вийма ёго аз землі и мовъ тан: „на тоє бидло було припьяте“... (ib. 74).

Знгоаоръ сопровождавтся здѣсь дѣйствіемъ. Это дѣйствіе, простѣйшая форма *обряда* нлв *чаръ*, (*чары*—отъ кор. *кар*—дѣлать).

Digitized by Google

есть *активное, умышленное изображеніе перваго члена ассоціяціи* (того съ чѣмъ было сравнено желанное явленіе), *съ тѣмъ, чтобы, вызвать появленіе второго члена*, т. е. сравниваемаго или желаннаго. Этимъ достигается только болѣе живое изображеніе желаемаго въ *мысли*; но, при безсиліи человѣка различать объективное и субъективное, такой результатъ принимается за мистическое осуществленіе желаннаго, за мѣру необходимую для появленія его въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ *обрядъ—чары* и первоначально и до сихъ *могутъ* менѣть никакого отношенія ни къ небеснымъ явленіямъ, ни къ божествамъ, и въ этомъ смыслѣ несправедливо мнѣніе, что „первыя (древнѣйшіе) обычаи (gebräuche) оказываются простѣйшими изображеніями небесныхъ явленій“ (Schwartz „Der Ursprung der mythol.“ XVI).

Человѣкъ замѣчаетъ, что сучокъ въ соснѣ засыхаетъ и выпадаетъ, и что подобно этому въ чирьѣ засыхаетъ и выпадаетъ стержень. Первое приводитъ ему на мысль второе и наоборотъ. Ему желательно второе; но оно само по себѣ, непосредственно недостижимо; тогда какъ первое можетъ быть легко добыто. Поэтому онъ беретъ сухой сукъ самъ собою выпавшій изъ дерева, для укрѣпленія связи сука съ чирьемъ очерчиваетъ сукомъ чирей и говоритъ: „какъ сохнетъ сукъ, такъ сохни чирей, вередъ“ (Ив. П. В. I, 259—60).

Это способъ заключенія миѳическій; но онъ не предполагаетъ никакихъ-либо развитыхъ представленій о божествѣ, а напротивъ предполагается имъ. По моему мнѣнію ошибается Ѳоминскій, думая (ib. 258) что въ приведенномъ загонорѣ и другихъ подобныхъ (Майн. 499) сухое дерево имѣетъ значеніе молніи, которая въ сербскомъ тоже носитъ эпитетъ сухой.

Болѣзнь и сродное (урока и призоры, пратчка и ломоты) представляются чѣмъ-то столь же грубо вещественнымъ какъ сукъ дерева, и какъ сукъ можетъ засохнуть и выпасть „изъ бѣлой болони и кровнаго сердца“, такъ и болѣзнь изъ человѣка.

Digitized by Google

Ее можно вырѣзать ножомъ; но это сдѣлать трудно; гораздо легче, но столь же и болѣе дѣйствительно воткнуть ножъ въ полоаъ бани [1]), и сказать ради большой крѣпости трижды:" булатный ножъ, подрѣжь черную болѣзнь въ ретивомъ сердцѣ"... (Майа. 234).

Стон въ церкви у заутрени на Свѣтлый Праздникъ и глядя на толпищійся народъ, рыбакъ думаетъ о своей рыбѣ, какъ выше пчеловодъ—о пчелахъ. Призвать въ дѣйствительности первый образъ невозможно, но можно имѣть вещь напоминающею объ этой заутренѣ и толпѣ. И вотъ свѣчою, горѣвшею во время стонніи у этой заутрени, окуривается рыбная ловушка, съ приговоромъ: „сколько было въ церкви народу, стольно бы въ моей ловушкѣ рыбы". (Майа. 324).

Пусть будетъ днесь миѳъ: „любовь (объясняемое) есть огонь". Еслибы можно было въ любимой женщинѣ зажечь огонь, то тѣмъ самымъ бы въ ней загорѣлась и взаимная любовь. Зажечь въ ней самой огня нельзя, но можно подвергнуть дѣйствію огня нѣчто имѣющее аъ ней отношеніе, замѣняющее ее, напр. ея изображеніе (куклу изъ воску или другого матеріала, волосы, сорочау и пр.), ея слѣдъ (взятый изъ подъ ногъ „горячій слѣдъ"). И вотъ, сопровождая чары заговоромъ, человѣкъ разжигаетъ слѣды, ожидая появленія въ женщинѣ (resp. мужчинѣ) любви. Такіе заговоры и чары на любовь („присушки"), извѣстные намъ по русскимъ источникамъ, передаетъ по Ѳеокриту Виргилій въ VIII Эклогѣ, при чемъ достойно вниманія то, что и здѣсь, въ отдѣльныхъ элементахъ заговора (или точнѣе въ отдѣльныхъ заговорахъ), также невидно никакихъ слѣдовъ божествъ, какъ и въ приведенныхъ и имъ подобныхъ русскихъ. Чары у Виргиліи состоятъ между прочимъ въ томъ, что женщина дѣлаетъ два изображенія привораживаемаго: одно изъ илу (глины) другое изъ воску, приближаетъ ихъ къ огню, говоря:

[1]) Баня тутъ—ради другихъ обрядовъ, состоящихъ въ омываніи.

Digitized by Google

„Limus ut hic durescit et haec ut cera liquescit
Uno eodemque igni; sic nostro Daphnis amore".
(Virg Ekl. VIII, 80—1).

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ миѳами, но не съ культомъ божествъ.

Въ миѳахъ „любовь=огонь", или *Daphnis*=(въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ) его изображеніе (resp. его exuvies, по нашему— сорочка) между сравниваемыми существуетъ еще отношеніе тожества. Въ чарахъ и заговорахъ на любовь между огнемъ въ субститутѣ человѣка и любовью въ немъ самомъ оказывается промежутокъ пространства и времени, и этимъ отношеніе тожества превращается въ отношеніе причины.

Digitized by Google

Digitized by Google

Языкъ и языки, по поводу статьи Макса Мюллера, (Deutsche Rundeschau 1881. № 11.)

„Въ эти дурныя времена, когда становится уже мало, что человѣкъ можетъ читать нѣмецкія, англійскія, французскія, итальянскія, испанскія, португальскія, новогреческія, датскія, шведскія и голландскія книги, но иногда уже напускаются на несчастнаго ученаго, за то, что онъ не прочелъ или не можетъ прочесть доставленной ему книги по своей спеціальности, написанной на русскомъ, польскомъ, мадярскомъ, финскомъ, румынскомъ или сербскомъ, даже на санскритскомъ, бенгальскомъ, даже индусскомъ языкѣ; въ эти времена показалось мнѣ умѣстнымъ закричать „караулъ".

„Я это сдѣлалъ тамъ гдѣ, мнѣ думалось, не оставлять совсѣмъ безъ вниманія моего вопля, именно въ „Albumul macedo—româu", сборникъ, который долженъ былъ появиться въ Румыніи съ благотворительною цѣлью.

„Въ Румыніи развивается новая biebliche, вѣроятно самородная и народная литература. Почему-бы и не такъ? чѣмъ больше тѣмъ лучше. Но зачѣмъ трудамъ Академіи Наукъ въ Бухарестѣ выходить на румынскомъ языкѣ? Чтобы ихъ никто не читалъ кромѣ тамошнихъ членовъ Академіи, да и то вѣроятно не всѣхъ? Тоже можно сказать и объ ученыхъ изданіяхъ Русской, Мадярской, Финской и многихъ другихъ Академій и ученыхъ обществъ, хотя отъ поры до поры они дѣлаютъ уступки несвѣдущему ученому и выпускаютъ въ свѣтъ болѣе важные свои вклады на французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкѣ.

„Въ средніе вѣка вѣдь тоже говорили и писали на разныхъ неизвѣстныхъ языкахъ, но великій европейскій ученый парламентъ за lingua franca принималъ всегда языкъ латинскій, на которомъ могъ быть повсюду выслушанъ всякій, кто хотѣлъ, чтобы его чи-

Digitized by Google

тали лучшіе люди своего времени. Теперь кромѣ папы, никто не пишетъ по латынк, и мнѣ (говори только о своей спеціалькости) совсѣмъ недоступны цѣнные труды Ленрота, Аѳанасьева, Хыджеу. Гунфальви, если не сжалится надо мною кто либо изъ болѣе многокзычныхъ моихъ друзей. Если такъ пойдетъ дальше, то скоро намъ прійдется разбирать по складамъ валлійскін, сербскія, японсаія и сингалезскік ученыи записки, и наконецъ ученымъ прійдется погибнуть отъ mezzo fantitis chronica.

„Пусть не говорятъ, что нельзк выучиться другому языку, кромѣ родного, нк столько, чтобы выражаться на немъ понятно. Что было, то можетъ быть повторится, и языкъ англійскій и французскій, кокечно, не трудпѣе латинскаго, на которомъ умѣлъ писать всякій образованный человѣкъ въ вѣка мракк и невѣжества.

„Но къ чему проповѣдывать въ пустотѣ? скажутъ благоразумные людв, слыша о стремленів, которое неможетъ достигкуть своей цѣлк прн ихъ жизни. Конечно, мы не доживемъ до того, когда учовын книги не будутъ печататься нв на одномъ изыкѣ, кромѣ четырехъ всеміркыхъ... Ничто ке движется впередъ ткк медленно, какъ разумъ; онъ нстая черепкха; но наперекоръ всему онъ обгонктъ зайца. Что сталось бы со свѣтомъ, безъ проповѣдннаовъ въ пустынѣ, безъ мучениковъ и пророаовъ...

„Первоначальная цѣль языка — соединекіе людей. Но то, чего хотѣлъ кзыкъ, то разрушено кзыками: кзыкк не соединнютъ людей, н раздѣлкютъ ихъ болѣе, чѣмъ горы и морн... Какъ птица въ клѣткѣ, такъ духъ человѣческій заключенъ въ своемъ кзыкѣ. Онъ стремкгся вонъ на чистый, вольный воздухъ; но желѣзкая рѣшетка языка оттаякиваетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не забудетъ древкей грезы человѣчества (о человѣчествѣ) н ке назоветъ людей, живущкхъ въ другнхъ клѣткахъ „млéггha“ (болтунъ) нѣмымъ (нѣмецъ) еслк не варваромъ.

„Ну вотъ есть весьма мудрые люди, говоркщіе намъ: таак должно было случиться, не могло быть иначе. Не было казнью смѣшеніе кзыковъ, „такъ чтобы одивъ не разумѣлъ другого“. Было благодѣтельно раздѣленіе человѣчества, кбо явшь при кемъ

Digitized by Google

во многихъ меньшихъ кругахъ могло осуществиться все богатство человѣческой природы.

„Ткъ, тааъ! Есть такая мудрость, по которой все дѣйствительное разумно. Но есть и другая, которая заботится о томъ, чтобы хоть нѣчто изъ разумнаго стало дѣйствительнымъ.

„Какая-нибудь тысяча языковъ человѣчества — это чистое недоразумѣніе, ибо то, что противорѣчитъ само себѣ, есть и будетъ, несмотря ни на какую философію, неразумно, к что мостъ есть ровъ—это само себѣ противорѣчитъ. Но царство неразумія велико и могущественно и развалить его сразу нельзя.

„При томъ министры его хитрые люди. Никто неговоритъ такъ благоразумно, какъ жрецы святого неразумія. Когда хотятъ оправдать нѣчто саверное, тааъ ходятъ въ мовашескихъ рясхъ: собирались сказать нѣчто очень глупое, облеаются въ академическіе тклйры; когда нужно предотиркгить нѣчто истинно общеполезное, они надѣваютъ фригійскіе колпаки или украшкются національными цвѣткми и знаменкми.

„Ткким образомъ, подъ личиною любви къ отечеству, онк увѣрили нкродъ, что нѣтъ ничего неприкосновеннѣе и священнѣе родного языка, и что, оствкляя свой нзыкъ нкродъ перестаетъ быть народомъ. Валлійцы должны говорить и писать по валлійски; вклонцы только по валлонски; въ протквномъ случаѣ ови измѣнниан себѣ и своимъ отцамъ.

„Теперь едва ли есть языкъ, едва ли есть народъ большой или малый, необращевный въ эту вѣру, кромѣ одной Японік, пристыжкющей весь свѣтъ. Когдк этотъ нкродъ, числомъ около 35 мил., съ цивилизаціей и литературой, болѣе древвними, чѣмъ большинство европейсанхъ, пробудился и увидѣлъ себя среди міра чужимъ и непонимкемымъ; то онъ почувствовалъ, что при своемъ языаѣ, какъ съ ядромъ на ногѣ, онъ не можетъ пойти въ запусан съ человѣчествомъ. И истинные патріоты этой страны, коимъ больше лежкло нк сердцѣ блкго потомства, чѣмъ удобствк современниковъ, рѣшили, чтобы во всѣхъ ен школахъ учили англійскому языау, чтобы подростающее поколѣніе могло прійти въ

Digitized by Google

духовное общеніе съ народомъ Англіи и Амераки, даже съ метрополіями всего міра.

„И развѣ для этого нужно искоренить отечественный языкъ? Нѣтъ, онъ останется и на долгія времена, задушевнымъ языкомъ дома и очага, любви и горя, какъ Шлезвигъ-гольштинцы не даютъ отнять у себя себя свой „modensprak so sticht und recht", хотя на духовномъ полѣ битвы также сильно владѣютъ языкама Лютера и Гёте, какъ Швабы и Баварцы.

Было время, когда латинскій языкъ былъ *lingua franca* духа. Это время миновало, и теперь на мѣстѣ мертваго языка стоятъ въ Европѣ четыре живые, англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій, изъ нихъ любой можетъ быть выбранъ народомъ вступающимъ на міровую сцену

Всякій *ученый*, философъ, политикъ, желающій участвовать въ общемъ разговорѣ долженъ свободно говорить и писать на одномъ изъ этихъ языковъ, какъ всякій образованный долженъ понимать ихъ всѣ.

„Кто станетъ сомнѣваться, что рядомъ съ этой всемірной литературой по прежнему будетъ процвѣтать родная поэзія, что мы изъ году въ годъ будемъ получать въ изобиліи румынскія пѣсни, сербскія баллады, датскія трагедіи, нижнѣмецкіе разсказы русскіи повѣста. Но міровыхъ языковъ, у которыхъ есть прошедшее и есть будущность, въ Европѣ только четыре.

„Будетъ ли когда либо одинъ всемірный языкъ, на которомъ будутъ переговариваться народы, церави и акедеміи,— кому извѣстно? Языки Вавилона и Іерусалима, Аѳинъ и Рима замолкла: развѣ англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій настолько лучше ихъ?

„Впрочемъ оставимъ въ сторонѣ будущее и великія надежды. Что возможно каждому, такъ это на широкомъ полѣ неразумія вырвать съ кориемъ хоть одинъ предразсудокъ.

„Такой предразсудокъ то, что истинная любовь къ отечеству невозможна безъ отечественнаго языка, и что первая обязанность всякаго патріота въ томъ, чтобы во вѣки, на войнѣ и въ мирѣ носить старую, тяжелую ржавую броню мѣстнаго языка.

Digitized by Google

„Кто можетъ вѣрать, что языки существуютъ для того, чтобы люди не понимали другъ друга, тотъ пусть останется при этомъ догматѣ.

„Будущность покажетъ, что ни одинъ человѣкъ, ни одинъ народъ не сможетъ выплатить размѣнною монетою своего долга человѣчеству".

Максъ Мюллеръ хочетъ увѣковѣчать разстоніе между языкомъ науки и поэзіи. Между тѣмъ разцвѣтъ поэзіи въ новой литературѣ вездѣ сопряженъ съ уменьшеніемъ этого разстоянія (Пушанъ). Существованіе этихъ разстояній вредно вліяетъ на развитіе, которое дѣлаетъ то, что и самые научные дѣятели набираются изъ узкаго круга, скуднаго талантами. Онъ хочетъ стало быть выгодныхъ условій для четырехъ народовъ и невыгодныхъ для остальныхъ.

Авторъ слишкомъ ученый и добросовѣстный человѣкъ для того, чтобы, подобно нѣкоторымъ послѣдователямъ той же вѣры, въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, видѣть явственные признаки наступленія торжества этой вѣры. Онъ не линуетъ напр., пророчествуя, что въ XX-мъ вѣкѣ въ Америкѣ не останется другихъ языковъ кромѣ испанскаго и англійскаго. Романскіе языки покроютъ Африку, по крайней мѣрѣ Сѣверную; языки англійскій и русскій раздѣлятъ между собою Азію. (Русскій языкъ онъ повидимому относитъ къ языкамъ имѣющимъ прошедшее и будущее, и въ этомъ послѣдовательнѣе нашихъ филоглотовъ). Напротивъ, видя появленіе разныхъ Гуафальфи и то, что теперь „едва ли есть народъ необращенный въ эту (ложную съ его точки зрѣнія) вѣру", онъ вопіетъ: „хто въ Бога вірує, ратуйте".

На дѣлѣ, какъ упомянутымъ выше, еще рано испускать побѣдные клики, такъ и Максу Мюллеру нѣтъ основанія считать себя проповѣдникомъ въ пустынѣ. Въ дѣйствительности онъ стоитъ за монополію господствующихъ литературныхъ языковъ, на сторонѣ которыхъ сильная и богатая часть обществъ и народовъ. Раздраженіе, которое знаменитый ученый испытываетъ, при мысли, что не все замѣчательное, что пишется по его части, доступно

Digitized by Google

ему по языку, сходно и сродно съ тѣмъ, которое испытываютъ цари биржи и владыки рынковъ, распорядители судебъ народовъ, при видѣ того, что не все золото стекается въ ихъ мѣшки, не вся промышленность въ ихъ власти, не всѣ вожжи въ ихъ рукахъ. Это раздраженіе еще усиливается столь легко пріобрѣтаемыми и столь легко поддерживаемыми апріорными заключеніями, сознаніемъ, что они именно видятъ дальше и яснѣе другихъ; что именно у нихъ на сердцѣ „благо потомства“, благо, ради коего слѣдуетъ жертвовать временными удобствами современниковъ“. Если мысли вѣра правая, единая спасающая, то съ еретиками, жрецами лжи, носителями личины патріотизма,—не слѣдуетъ стѣсняться. По одной покатой плоскости нужно будетъ дойти до правила: „цѣль (благо потомства) оправдываетъ средства“ причиняющее лишь временное неудобство современниковъ. Съ одной точки зрѣнія нужно признать, что печатать труды, скажемъ, Финской академіи, по французски и нѣмецки, (слезми моря доповнити) есть благо, хотя оно несоздаетъ читателей между финнами; и то, что напр, Аѳанасьевъ писалъ по-русски, есть зло, хотя иначе онъ и не могъ бы писать и хотя сочиненія его несомнѣнно читаются многими, незнающими ни одного иностраннаго языка; хотя, понявись оно на иностранномъ языкѣ, оно навѣрное не было бы переведено на русскій; тогда какъ нѣмцы отъ незнакомства съ нимъ теряютъ менѣе, потому что этимъ сочиненіемъ пользовались ихъ ученые.

Впрочемъ ошибочно думать, что такіе взгляды недобросовѣстны. На свѣтѣ множество случаевъ, когда человѣкъ необходимо, слѣпо, т. е. незамѣтно для себя, въ теоріи и жизни слѣдуетъ правилу: „цѣль оправдываетъ средства“, „лучшій журавль въ небѣ, нежъ синица въ жмени“.

Трагизмъ положенія въ томъ, что ему кажется, что онъ уже держитъ этого журавля въ рукѣ. Отсюда теоретическія объясненія близнаго дальнимъ а трансцендентальнымъ. Сюда относится практическое изгнаніе радостей жизна, самоистязаніе, самосожженіе и сожженіе другихъ какъ у нѣкоторыхъ раскольниковъ. Сюда относится все дѣлаемое для загробной жизна. Напр., когда у Осе-

Digitized by Google

тинъ родственники умершаго проднютъ необходимое, чтобы пышно его одѣть: при жизни одѣвался бѣдно, пусть хоть теперь одѣнется пышно, чтобы ни томъ свѣтѣ не было стыдно показаться умершимъ. (сб. св. о Кавказ. горц. IX. отд. III, 2-3) Когда дѣлаются самоистязанія у гроба, потому что покойникъ видитъ и цѣнитъ ихъ, когда живого хоронятъ съ мертвымъ. (Тейлоръ III, 50. Спенс. осн. соц. I 202—3, 212); когда посылаютъ души враговъ на службу тому, за кого мстятъ (Патроклъ и троянскіе юноши; месть Ольга). Признаніе необходимости наторги (у Достоевскаго)— ради спасенія души. Убійство милыхъ для нихъ благи. [1])

Книъ въ консервативномъ стилѣ предписывать въ подобныхъ случаяхъ скептицизмъ, спокойное изслѣдованіе, движеніе въ противоположнымъ мнѣніямъ, все равно, что совѣтовать поймать птицу, посыпавши ей соли на хвостъ.

Противоположное направленіе состоитъ, конечно, не въ отрицаніи дальнихъ цѣлей и идеаловъ, книъ разницы между хорошимъ шахматнымъ игрокомъ и дурнымъ состоитъ не въ томъ, что одинъ стремится къ выигрышу, другой нѣтъ, и въ томъ, что у другого цѣль заслоняетъ промежуточныя ступени.

---

[1]) ф. „Катерина сина привила
Въ колодязи затопила,
Зъ буйнымъ вітромъ говорила:
„Повій вітре буйнесенькій
„Та нажени чорну хмару,
Спусти зъ неба дрібний дощикъ
Позаливай всі слідочки,
Щобъ туди люде неходили
Зъ колодези води брати,
Щобъ дитяти незискати
Мій батенько *мене любить*,
То він мене зъ світи згубить.

Въ 1851 г. покойный врачъ Улеговскій показывалъ мнѣ кѣмъ-то добытый изъ архива Харьковскаго Врачебнаго Управленія актъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей мужика, хорошаго семьянина и благочестиваго человѣка, убившаго нѣсколькихъ членовъ семьи, потому что они бы вошли въ составъ военныхъ поселеній (такъ называемая высшая политика, оказывающаяся на дѣлѣ очень недальновидною), такъ и въ радикальномъ, дѣйствія называемыя, смотря по точкѣ зрѣнія, благоразумными, политичными, иногда—преступными.—Сюда—революціонная дѣятельность христіанства по отношенію къ народной литературѣ. Сюда—многія нынѣшнія дѣйствія разряда „цѣль оправдываетъ средства".

Digitized by Google

Въ дѣйствительности разстоинія между противоположными крайностями могутъ быть ие нелики. Нкйти гркницу между тѣмъ и другимъ разъ на всегдк невозможно. Вѣрио опредѣлять ее—въ этомъ трудное нскусство жить.

Отдкть изъ любви къ ней (цѣли) молодую дѣвушку за богатаго старика—дурао,—выйти по любви и аезпать чѣмъ прокормить себя и дѣтей—тоже. Кооить деньги, подавлаи аасущныя потребности—дурно; по примѣру дикаря яедумать о завтрашиемъ диѣ—тоже. Протквиться введенію коиституцін, потому что она поведетъ молъ къ соціальной революцік (=недквать сыиу хлѣба: к дквать камень, потону что если дать хлѣбк, онъ захочетъ всего наслѣдства)—нехотѣть конституцін, потому что она ведетъ къ плутократіи.

Искусствеиный языаъ Макса Мюллерк vorl. II 38 слѣд.

а) Побужденіе для прииятія такого языва (еслибы онъ былъ изобрѣтенъ) могло бы состоять въ призакаіи его превосходства. Въ этомъ отаошенів онъ стоалъ бы въ условіяхъ менѣе выгодныхъ, чѣнъ любой изъ нкличныхъ велнанхъ литературныхъ языковъ. Превосходство одного изъ послѣднихъ могло бы быть признано, еслибы нездѣ порвалась связь преемства, кромѣ того мѣста, гдѣ этотъ языкъ туземенъ. Въ дѣйствнтельиости чужой азыкъ вытѣснилъ бы туземный лишь наснліемъ.

б) такой языкъ предполагалъ бы существующіе языки. Въ формальномъ отношеніи онъ инъ ныражалъ бы састему категорін даннаго изыаа (слѣдозательно принятіе его было бы прииятіемъ этого послѣдняго), или былъ бы эклектиченъ, Въ обоихъ случаяхъ, гдѣ мѣрка отяосительиаго превосходства грамматичесааго строенія? Сближаются лв языки между собою? Пролагкется лк таанмъ образомъ путь къ общему языку?

в) этотъ языкъ предполкгалъ бы готовую систему познаннкго, готоваго. Возможнк лк она, ккк нѣчто прочное неподвижное? Окъ былъ бы *прозаичен*ъ и въ этомъ смыслѣ неудобенъ для позаанія.

Вводителями искусственнаго языаа были бы отдѣльаыи личности, а не массы. Введеніе его было бы похоже аа радиаальаую перестройау общества, было бы ткжже деспотично.

Digitized by Google

Вступительная лекція.

1881—2 г.

Прежній обычай начинать чтенія съ указанія на важность предмета представляетъ опасность въ томъ отношеніи, что ожиданія слушателей могутъ быть обмануты; можно принять мѣры противъ ошибочнаго толкованія такого обманутаго ожиданія. Надо разсчитывать на слушателя, способнаго понять, что есть авторитетъ выше лѣнивости: авторитетъ науки, ощутимой въ массѣ своихъ произведеній, въ живости, силѣ ея стремленій, которыя мы должны носить въ себѣ. Если мы неудовлетворены школою, преподавателемъ, не по нашей винѣ (небрежности, самомнѣнію, неподготовленности), то это самое доказываетъ, что мы носимъ въ себѣ частицу силы, создающей зданіе науки.

Предметъ чтеній—синтаксисъ русскаго языка. За неимѣніемъ каѳедры общаго языкознанія сюда—общія понятія о языкѣ и о задачахъ языкознанія.

Средняя языкознанія.

Казалось бы равно обязательнымъ для всѣхъ положеніе, что нѣтъ въ мірѣ явленій, изслѣдованіе коихъ было бы недостойно усилій человѣческаго ума, что нѣтъ науки, которая немогла бы вести къ высшимъ задачамъ ума, что можно говорить только относительно удобствъ и количества извѣстныхъ знаній въ такомъ-то мѣстѣ и времени, а не объ ихъ достоинствѣ. И однако, безсознательное самолюбіе нерѣдко подсказываетъ людямъ, что знаніе, которое они случайно усвоили, родъ дѣятельности, на который натолкнули ихъ обстоятельства,—безусловно полезнѣйшій. Какъ гимназистъ, который нехочетъ знаться съ другимъ неумѣющимъ склонять *fora*; какъ институтка высшаго класса, пре-

Digitized by Google

зирующая кофешку; какъ нашъ гамлезистъ,— трудно сказать, насколько шутя, настолько серьезно,— величающійся цвѣтомъ канта и буквами на шапкѣ; такъ иногда серьезные люди въ одномъ ходѣ умственныхъ занятій, въ одномъ пріемѣ мысли вкидитъ достоинства, отъ одного чаютъ блага обществу, его спасенія. Если такія пристрастія или антипатіи принимаютъ обширные размѣры, то въ нихъ знаменіе времени.

„Извѣстный складъ мыслей установляется во Франціи въ XVII в. одновременно съ монархическою централизаціей и съ свѣтскою бесѣдою и сопровождаетъ ихъ не случайно, потому что онъ есть дѣло новой публики, которую создаютъ новая политическая система и новые общественные нравы; онъ есть произведеніе аристократіи, устраненной отъ всякаго дѣла захватами монархической власти, произведенія благороднаго происхожденія и стараго воспитанія, которые, будучи устранены отъ всякой дѣятельности, бросаются на разговоръ и употребляютъ всѣ свои досуги на наслажденіе серіозными или изящными удовольствіями ума...

Въ XVII вѣкѣ этихъ людей называютъ порядочными (les honnêtes gens) и впредь всякій писатель, даже самый отвлеченный будетъ обращаться со своими произведеніями только къ этой публикѣ. „Порядочный человѣкъ, напр., Декартъ, вовсе необязанъ читать всѣ наяки или знать основательно все то, чему обучаютъ въ школахъ“. Декартъ низко ставитъ простыя познанія, пріобрѣтаемыя безъ помощи разсужденія, каковы напр., „языки, исторіи, географія и вообще все то, что основано на одномъ только опытѣ“. По его мнѣнію, порядочный человѣкъ столь же мало обязанъ знать греческій и латинскій языки, какъ и какое-нибудь швейцарское или нижнебританское нарѣчіе; точно также исторія римско-германской Имперіи обязательна для него не болѣе, чѣмъ исторіа самого крошечнаго изъ европейскихъ государствъ. Главное „природный здравый смыслъ“ (причемъ предполагается, что у мужика, разночинца и ученаго педанта его пѣтъ). Послѣднее разсужденіе Декарта озаглавлено: „Изслѣдованіе истины съ помощью того естественнаго свѣта, который самъ по себѣ и безъ всякаго посо-

Digitized by Google

бія со стороны религіи и философіи, опредѣляетъ тѣ мнѣнія, которыя долженъ имѣть *порядочный* человѣкъ обо всемъ, долженствующемъ быть предметомъ его мысли".

Эти „порядочные" люди представляютъ не только аудиторіи, но и судей. „Надо стараться изучать вкусъ двора, говоритъ Мольеръ, потому что нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ рѣшенія были бы такъ вѣрны и правильны, какъ тутъ. Простой естественный здравый смыслъ и постоянное общеніе между собою представителей всего хорошаго свѣта создаютъ тутъ особенный складъ ума, который судитъ обо всемъ несравненно умнѣе и тоньше, чѣмъ все заржавѣлое знаніе педагоговъ". Съ этого момента верховнымъ судьею истины является не ученый, какъ было прежде, а свѣтскій человѣкъ. Педантъ, и затѣмъ и ученый, человѣкъ спеціальноста, отодвинуты въ сторону...

Въ XVIII вѣкѣ авторитетъ свѣтскаго человѣка получаетъ характеръ верховной власти. „Въ людской толпѣ, составленной изъ глупцовъ и пересыпанной педантами, говоритъ Вольтеръ, всегда имѣется маленькое отдѣльное стадо, называемое хорошимъ обществомъ: будучи богато, хорошо воспитано, образовано и учтиво, оно представляетъ собою какъ бы цвѣтъ человѣчесваго рода; для него подрудились и трудятся самые великіе люди; оно же раздаетъ славу и извѣстность". Въ 1789 году, говорилъ аббатъ Мори, французская академія одни только пользовалась уваженіемъ и одна только дѣйствительно давала человѣку извѣстное положеніе. Академія же наукъ не значила ровно ничего въ общественномъ мнѣніи, равно какъ и академія надписей... Языкъ—наука глупцовъ. Д'Аламберъ стыдился того, что былъ членомъ академіи наукъ. Математика, химика и т. п. слушаетъ лишь небольшая горсть людей, тогда какъ писатель и ораторъ обращается ко всей вселенной. Мори прибавляетъ:

„Мы, члены французской академіи, смотрѣли на членовъ Академіи наукъ, какъ на нашихъ лакеевъ", а между этими лакеями были тогда Лавуазье (химикъ), Лагранжъ (геометръ), Лапласъ (астрономъ, авторъ „небесной механики"). Подъ вліяніемъ такого

Digitized by Google

давленія духъ принималъ ораторскій и литературный складъ и приспособлялся къ требованіямъ, удобствамъ, вкусамъ и степени образованности и внимательности своей публики. Отсюда—происхожденіе классической формы. Она слагалась изъ привычки говорить, писать и думать, стоя въ виду свѣтской аудиторіи салона.

Языкъ преобразуется подъ вліяніемъ „свѣтскаго употребленія словъ и хорошаго вкуса", это языкъ" порядочныхъ людей". [1]) Онъ измѣняется въ словарѣ и грамматикѣ. Словарь облегчается отъ излишней тяжести. Изъ него исключается большинство словъ, относящихся до спеціальной эрудиціи, изъ него выбрасываются черезчуръ латинскія и черезчуръ греческія выраженія, спеціальные термины школы, науки, ремесла и хозяйства,—все, что отзывается слишкомъ сильно какимъ-либо особеннымъ воззрѣніемъ, что неможетъ считаться у мѣста въ обыкновенномъ свѣтскомъ разговорѣ. Изъ него выкидывается множество выразительныхъ и картинныхъ словъ: всѣ нѣсколько грубыя, старогальскія или наивныя слова *мѣстнаго, провинціальнаго* или личнаго, самодѣльнаго происхожденія, собственныя, домашнія или простонародныя, выхваченныя изъ пословицъ и поговорокъ, [2]) множество оборотовъ, отличающихся живостью, рѣзкостью, откровенностью... все, что, производя черезчуръ живое потрясеніе, могло бы шокировать приличія свѣтской бесѣды...

Достаточно одного неудачнаго слова, говоритъ Вожела, чтобы заслужить презрѣніе общества и, даже наканунѣ революціи быть отброшеннымъ въ глазахъ его въ разрядъ „богъ знаетъ кого" (especes).

Путемъ такого соскабливанія языкъ сокращается и обезцвѣчивается... Доходитъ до того, что никакая рѣчь не составляется

---

[1]) Vaugelas, Remarques sur la langue françoise: Это—манера говорить самой здравой части двора, согласная съ манерой писать самой здравой части авторовъ даннаго времени... Гораздо лучше справляться у женщинъ и у тѣхъ, которые не слишкомъ много учились, чѣмъ у тѣхъ, которые очень свѣдущи въ греческомъ и латинскомъ языкѣ.

[2]) Одною изъ причинъ паденія маркиза д'Аржанъя въ XVIII в. и немилости къ нему короля была привычка его употреблять этотъ родъ выраженій.

Digitized by Google

иначе, нанъ изъ общихъ выриженій. По совѣту Бюффони, эти ныраженіа употребляются даже для ныриженія особенныхъ вещей. Это болѣе согласно со свѣтсаой учтивостью, которая слаживаетъ, смягчаетъ и устранаетъ всѣ слишномъ рѣзаіи или слишномъ простыа ударенія, и для которой многіи идеи показались бы слишаомъ грубыми и низними, если бы ихъ не облекали полувуалемъ. Это болѣе удобно для лѣниваго вниманія, потому что общіе, термины бесѣды способны разбудить мгновенно ходичіе, общепринитыи иден; всааій сразу понимаетъ ихъ ужъ по тому одному, что праиадлежитъ къ членамъ салопа; тогда нанъ, на оборотъ, спеяльные обороты потребонали бы усиліи памити или воображенія. Напр. говора объ американсиихъ диаарахъ или древнихъ франнахъ, если скажу „воеиная сѣнира", всѣ поймутъ мена съ перваго разу, тогда нааъ, если и снажу „томагава" или бердышъ, то многіе вообризатъ, что я говорю по-тевтонски или по-вронезски. (Или-изъ Оптимисти "колени д'Арленили" (1788): „сцена изображаетъ рощицу благовонныхъ деревьевъ". Авторъ поступилъ бы протинно классическому духу, если бы уназалъ, какіи это были деревьи: сирень, липа, боирышнынъ. Тааъ и на пейзажахъ тогдашнихъ живописцевъ деревьи не принадлежатъ ни къ накому извѣстному роду. Это просто деревья вообще). Чѣмъ возвышиниѣе литературный родъ, тѣнъ строже соблюдается это правило; танъ изъ поэзіи изгнано всяное слово, аазывающее вещь по ея имени; она замѣняется перифразомъ. Поэтъ XVIII вѣка вмѣетъ въ своемъ распораженіи лишь оноло $^1/_3$ словаря, а подъ аонецъ поэтическій изыкъ столь тѣсно ограниченъ, что когда челонѣау приходитъ желиніе сказать что нибудь, оиъ уже неможетъ сказить этого въ стнхахъ.

За то, чѣмъ больше расчищается лѣсъ, тѣнъ свѣтлѣе становитси нъ немъ... „Учтивость", „точиость" два слова, рождающіяся вмѣстѣ съ франиузской Ааадеміей, представляютъ собою краткій итогъ реформы, оплотомъ коей служитъ эта Ааадеміи, и которую салоны нанизываютъ публикѣ черезъ еи посредство и рядомъ съ нею... (Многіе) трудятся съ большою добросовѣстиосью

Digitized by Google

и тоанимъ тактонъ надъ тщательнымъ взвѣшиваніемъ наждаго слова и выраженія... отношеніемъ его къ другому, его употребленіемъ.

Грамматика преобразуется одновременно въ томъ же направленіа. Установляется порядоаъ словъ (болѣе свободаый въ XVIв.) (подлежащее съ прилагательаымъ, глаголъ, прямое дополаеніе, косвеаное дополненіе); недопускастся опущеніе мѣстоименій je, il, nous, vous, ils, члена le, la, les глагола est. Фраза расчатана на наймеаьшую затрату вниманія, на увѣренность усмотрѣть на каждомъ шагу присутствіе или отсутствіе свааа между отдѣльными частяма.

Методъ построенін простой фразы управляетъ тааже построеніемъ періода, параграфа и всей цѣпи параграфовъ; создавъ синтааснсъ, онъ создаетъ и стиль. Этотъ стиль созданъ для того, чтобы объясаать, доказывать, популяризовать... Отправляясь отъ нѣсаолькихъ простыхъ терминовъ, онъ легао и быстро ведетъ читателн къ комбіааціямъ самаго высшаго характера. Съ этой стороны французскій азыаъ въ 1789 году можетъ считаться первымъ изъ всѣхъ языковъ Европы. Берлинскаа Академія объявлаетъ конаурсъ и аазначаетъ пренію за объясненье причинъ его превосходства. Дипломатія неупотребляетъ другого языка, кромѣ французскаго. Онъ становитса международнымъ, каниъ былъ когда-то латнасній... всяному невольно кажется, что назначенъ и впредь служить предпочтительнымъ органомъ разума.

Но на дѣлѣ этотъ азыкъ—оргааъ лашь извѣстнаго разума, а нненно резонирующаго (la raison raisonnante), разума желающаго мыслить съ наименьшею подготовкою и съ найбольшимъ удобствонъ, канін только возможаы; разуна, который довольствуется имѣющимся у него запасомъ свѣдѣній, недумаа объ нхъ увелачеаіи али обновленіа, который нехочетъ ала неумѣетъ обнать всей полаоты реальныхъ вещей. По своему пуразму, своему презрѣаію нъ спеціяльнымъ терминамъ и жавымъ оборотамъ рѣчн, по мѣлочной праанльности въ развятіи каждой мысла, классичесаій стиль неспособенъ нъ полному взображенію нла регистрацін безаонечныхъ а прихотливыхъ подробаостей опыта. Онъ аеможетъ

Digitized by Google

выразить... безчисленно подвижныхъ и разнообразныхъ чертъ не человѣческаго характера вообще, но именно характера даннаго человѣка, чертъ, изображеніе коихъ небыло бы возможно даже... Бальзаку или Шекспиру, если бы ихъ богатый языкъ, обогащаемый еще ихъ собственными смѣлыми нововведеніями недоставилъ имъ разнообразныхъ оттѣнковъ для выраженія многочисленныхъ подробностей ихъ наблюденій. [1]) Этимъ стилемъ невозможно перевести ни библію, ни Гомера ни Данта, ни Шекспира. У Вольтера изъ монолога Гамлета осталась одна отвлеченная декламація. Гомеровское описаніе острова нимфы Калипсо, на которомъ гнѣздятся чайки и другія длиннокрылыя морскія птицы въ прекрасной прозѣ Фенелона превращается въ такой-то паркъ, разбитый, „чтобъ тѣшить взоръ“. Въ XVIII вѣкѣ иностранные романисты, которые притомъ сами принадлежатъ къ классическому періоду (Фильдингъ, Свифтъ, Де-Фоэ, Стернъ, Ричардсонъ) допускаются во Францію лишь съ сокращеніями и смягченіями, причемъ переводчикъ еще извиняется за то, что имъ оставлено: у нихъ есть черезчуръ откровенныя слова, черезчуръ сильныя сцены; ихъ простодушныя, грубыя или странныя выраженія были бы пятномъ на тогдашнемъ французскомъ языкѣ.

Въ этомъ языкѣ имѣется мѣсто лишь для нѣкоторой части истины, при томъ довольно узкой, а постоянное возрастаніе очищенія ежедневно дѣлаетъ эту часть уже и уже... Классическій стиль постоянно находится въ опасности ограничить свои матеріалы однимъ общимъ мѣстами самаго мѣлкаго и тощаго свойства.

По этимъ свойствамъ стили можно судить о свойствахъ ума, органомъ коего служилъ этотъ стиль. Работа человѣческой мысли состоитъ въ двухъ операціяхъ: въ присутствіи вещей получать отъ нихъ возможно точное, полное и глубокое впечатлѣніе; покинувъ эти вещи,—разлагать и классифицировать свои впечатлѣнія и выражать извлеченныя отсюда идеи. Классическій умъ испол-

[1]) Въ сочиненіяхъ Мольера около 8000 словъ, у Шекспира около 15000. Въ словарѣ старой Франціи около 30000, а словарь отдѣльныхъ писателей классическаго вѣка очень бѣденъ.

Digitized by Google

няетъ второе съ особеннымъ совершенствомъ. Принужденный приспособляться къ своимъ слушателямъ, т. е. свѣтскимъ людямъ, чуждымъ всякой спеціальности и отличающимся большою разборчивостью и требовательностью, онъ долженъ былъ довести это до высшаго совершенства—искусство заставлять слушать и понимать себя, т. е. искусство—сочинять, писать... Во всѣ литературные роды вносятся свойства хорошей ораторской рѣчи... Вторая операція вредитъ первой, потому что обязанность говорить всегда красиво не даетъ иной разъ возможности сказать все, что слѣдуетъ... (поэзія въ накладѣ). Вольтеръ: „изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ нашъ наименѣе поэтиченъ". Изъ сочиненій въ стихахъ болѣе всего въ модѣ во французскомъ театральныя пьесы, которыя должны быть написаны естественнымъ слогомъ, приближающимся по возможности къ разговорному. Лица, создаваемыя классическимъ стилемъ, всѣ люди свѣтскіе, хорошо говорящіе, даже животныя Лафонтена, слуги и служанки Мольера, персіяне Монтескье, вавилоняне, кидійцы и пр. Характеры общи, неподвижны. Дѣйствіе происходитъ ни въ какой странѣ и ни въ какомъ времени, куда дѣйствительность (свѣтское французское общество) прокрадывается лишь безъ воли автора...

Слѣдовать при каждомъ научномъ объясненіи методу математиковъ, извлечь, уединить нѣсколько очень простыхъ и общихъ понятій, затѣмъ покинуть опытъ, сравнивать и комбинировать ихъ между собою и изъ полученнаго такимъ образомъ, искусственнаго соединенія вывести путемъ чистаго разсужденія всѣ слѣдствія, которыя въ немъ могутъ заключаться: вотъ пріемъ классическаго духа. Этотъ способъ изслѣдованія—отъ Декарта черезъ всю революцію и Имперію, даже при реставраціи...

Характеристическая подробность, обстоятельный примѣръ, знаменательный и полный обращикъ—постоянно опускаются... Правильное и правдоподобное сооруженіе на основаніи ничтожныхъ данныхъ.

(Тэнъ. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи, I, 249—73).

Digitized by Google

Въ Россіи настроеніе совсѣмъ неблагопріятное для языкознанія, чѣмъ наоборотъ. Разнообразіе этнографическаго состава государства недостаточно для возбужденія научныхъ стремленій. Сравните съ одной стороны Германію, съ другой—Россію. Въ одной Европейской Россіи съ Кавказомъ; а) кромѣ господствующаго по числу многонарѣчнаго русскаго племени, есть изъ славянскихъ племенъ поляки, болгары; изъ другихъ индоевропейскихъ западныхъ; б) литовцы и латыши; в) нѣмцы и шведы; г) румыны; д) греки, изъ индоевропейскихъ восточныхъ отъ 4 до 5 племенъ иранской отрасли; изъ малоизслѣдованныхъ; ж) грузины съ подраздѣленіями и з) около десяти кавказскихъ племенъ; изъ семитовъ; и) евреи въ двухъ разновидностяхъ, хотя и не говорящіе семитическимъ языкомъ, но читающіе на немъ; і) не менѣе 11 финскихъ; а) около 6 тюрко-татарскихъ и л) одно монгольское. Сюда надо присоединять еще Сибирь и Среднеазіятскія владѣнія. Тѣмъ неменѣе языкознаніе у насъ не процвѣтаетъ, несмотря на теоретическую и практическую важность литовскаго и латышскаго языковъ, и несмотря на то, что всѣ латыши и огромное большинство литовцевъ въ Россіи, почти все сдѣланное для изученія этихъ языковъ, написано на нѣмецкомъ. Общество было равнодушно, правительство даже воздвигало препятствія.

Самое теоретическое изученіе русскаго языка въ значительной степени спорадично и случайно. Ломоносовъ—физикъ, химикъ и металлургъ, Даль—медикъ, Максимовичъ—ботаникъ. Филологи по образованію и ремеслу посвящали языкознанію только часть своей дѣятельности, а другую большую—археологіи, исторіи, литературѣ. Русскихъ насчитываютъ около 55 милліоновъ, сербовъ, хорватовъ и словинцевъ вмѣстѣ вдесятеро меньше. Между тѣмъ въ настоящее время у словинцевъ есть Мяклошичъ, у Сербовъ—Даничичъ, у Хорватовъ—Ягичъ. Согласно съ этимъ у русскихъ должно бы быть человѣкъ тридцать крупныхъ славистовъ; но наберется ли ихъ три—это еще вопросъ. По крайней мѣрѣ въ академіи наукъ изъ занимающихся славянскими языками русскихъ двое (Гротъ и Буслаевъ) 3-й Ягичъ—хорватъ.

Digitized by Google

Слишкомъ большое преобладаніе въ болѣе именитой и обезпеченной части общества хлѣбныхъ интересовъ, практическаго матеріализма, который, какъ извѣстно, распредѣляетъ между прочимъ студентовъ по факультетамъ. Конечно,—не безъ исключеній, и надо думать, что это явленіе временное, остатокъ Митрофана Простакова, осужденный на умираніе, а не на возрастаніе.

Число низшихъ и среднихъ школъ растетъ, хотя несоразмѣрно потребностямъ. Какъ ни тѣсно въ нихъ, какъ ни дуренъ воздухъ, какъ быть можетъ, ни неудовлетворительно преподаваніе, однако они переполняются больше и больше. И во всѣхъ ихъ частью исходною точкою, частью средоточіемъ служатъ языкознаніе, въ частности не прантическое только, но и теоретическое изученіе отечественнаго языка.

Или это только предразсудокъ? или нѣчто навѣянное обществу извнѣ?—Измѣненіе системы образованія можетъ измѣнить количественно и качественно отношеніе древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ къ отечественному, можетъ иначе распредѣлить другіе такъ называемыя реальные предметы преподаванія, но, мнѣ кажется, неослабить, а усилитъ срединность и основность преподаванія отечественнаго языка.

Стало быть, жизнь усилитъ спросъ на высшее теоретическое языкознаніе въ университетахъ и академіи, ибо врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что теоріи вырабатываемыя на верху рано ли поздно спускаются до низу, даже до первоначальнаго обученія грамотѣ. Эти теоріи даже и теперь можно замѣтить и въ букваряхъ, хотя въ тоже время недобросовѣстность и устарѣлость этихъ теорій, незнакомство авторовъ съ тѣмъ, что прямо и косвенно дѣлается для русскаго языка иностранными учеными, бросаются въ глаза въ большомъ количествѣ новыхъ учебниковъ русскаго языка.

Важность языкознанія въ элементарномъ (среднемъ и низшемъ) обученіи никакъ не можетъ быть названа *предразсудкомъ*, т. е. тѣмъ, что въ пословицѣ: „була правда, та заржавіла“. Въ средніе вѣка на западѣ весь кругъ тогдашнихъ наукъ подчинялся

Digitized by Google

богословію. Такъ называемыя artes liberales, въ томъ числѣ и грамматика, были ancillae theologiae. Такъ было и у насъ и отчасти осталось въ простомъ народѣ, гдѣ обученіе грамотѣ (состоящее между прочимъ въ анализѣ звуковъ рѣчи) имѣетъ цѣлью часословецъ и псалтырь. Во времена возрожденія въ концѣ XV и XVI вѣка считались достойнымъ изученія только языки греческій, ради усвоенія сокровищъ античной цивилизаціи (какъ смотрятъ нѣкоторые классическіе филологи и до сихъ) и еврейскій ради библіи. Стало быть, значеніе изыскания было опять тѣми подчиненное. Стало быть, средственность изыскания въ преподаваніи можетъ быть или новою истиною, или новымъ заблужденіемъ, но не предрассудкомъ.

Истина ли это, или заблужденіе?

— Человѣкъ стремится къ *познанію природы* и *къ пользованію ея силами*. Познаніе—первое, примѣненіе—второе. Самая область познанія дѣлится на науки чистыя или основныя и прикладныя, состоящія въ систематизаціи примѣненія первыхъ къ частнымъ цѣлямъ дѣятельности. Успѣхи человѣческаго развитія выражаются въ сознаніи, что чистая наука, познаніе сущаго безъ всякой утилитарной цѣли способно удовлетворить человѣка, далъ и удовольствіе, доставляемое искусствомъ, но что нѣтъ такого познанія (если оно вѣрно), которое рано или поздно не могло бы быть направлено къ улучшенію человѣческой жизни.

Обширное понятіе природы исчерпываетъ собою все познаваемое. Сверхестественное, совершающееся не по законамъ природы, еслибы существовало, небыло бы доступно познанію и невходило бы въ кругъ науъ, безъ исключенія—естественныхъ.

Природа заключаетъ въ себѣ человѣка и все окружающее его. Отсюда раздѣленіе наукъ на гуманитарныя и естественныя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, раздѣленіе приблизительное, такъ какъ нѣкоторыя части обоихъ отдѣловъ тѣсно связаны между собою, стоятъ на межѣ этихъ отдѣловъ; нѣтъ рѣзкаго скачка отъ того, что не есть человѣкъ, къ человѣку.

Digitized by Google

Будетъ ли человѣкъ наблюдать за своею личною жизнью, или за жизнью своего племени, во всякомъ случаѣ настоящее становится доступнымъ наблюденію, лишь когда оно отодвинуто въ прошедшее, стало слѣдомъ. Такимъ образомъ всѣ науки о человѣкѣ сводятся къ изученію прошедшаго, къ исторіи языка, искусства, науки, религіи, права, быта, политическихъ учрежденій. Всякое наблюденіе даннаго момента вызываетъ наблюденіе предшествующаго и вытягивается въ нить исторіи, нити сплетаются въ постоянно возобновляемую ткань жизни. Такимъ образомъ въ сущности историчны и такія науки, которыя неносятъ имени исторіи. Напр., психологія должна стремиться быть исторіей возникновенія душевныхъ явленій въ предѣлахъ личной, племенной, народной жизни. Языкознаніе при расширеніи круга наблюденій изъ описанія состоянія языка стремится перейти въ исторію.

Положеніе языкознанія въ ряду гуманитарныхъ наукъ вызывается соображеніемъ: мы незнаемъ человѣка до языка; онъ предшествуетъ всѣмъ остальнымъ спеціально человѣческимъ дѣятельностямъ и сопровождаетъ ихъ. Подъ древними развалинами ассирійскихъ и вавилонскихъ городовъ, заключающими въ себѣ между прочимъ цѣлыя библіотеки изъ дощечекъ обожженной глины, на коихъ—исторія погибшихъ царствъ и, между прочимъ, религіозныя сказанія, представляющіяся источникомъ первыхъ страницъ приписываемой Моисею книги Бытія; подъ этими развалинами находятся невыглаженныя каменныя орудія неизмѣримо болѣе древняго человѣка. Эти орудія находятся и въ Европѣ подъ огромными толщами земли, на образованіе коихъ должны были пойти, можетъ быть, сотни лѣтъ. И однако, мы твердо вѣримъ, что люди, заострявшіе эти кремни и тупившіе ихъ на костяхъ уже вымершихъ звѣрей и себѣ подобныхъ, были существа говорящіе членораздѣльными звуками. Мы вѣримъ въ это, ибо никто невстрѣчалъ рода существъ, создающихъ оружія для битвы, но неговорящихъ.

Такимъ образомъ, если средство есть дѣятельность и создаваное ею орудіе, безъ которой другая дѣятельность и другое орудіе невозможно; то языкъ, будемъ ли мы его разсматривать, какъ

Digitized by Google

дѣятельность или какъ вещь, есть *средство* (или орудіе) всякой другой человѣчесаой дѣятельности.

Если бы языкъ имѣлъ только свойства механическихъ орудій, каяъ топоръ, пила, шершебель, рубаноиъ, фуганокъ, то и въ такомъ случаѣ мы должны бы сказать, что буде языаи различны, то различно должно быть и свойство условленныхъ имъ дѣятельностей. На дѣлѣ языкъ—больше, чѣмъ внѣшиее орудіе, и его значеніе для познанія и дѣла болѣе сходно со значеніемъ для человѣка оргаиа, каяъ глазъ и ухо; но какъ бы ни было,—ясно, что, если языкознаніе стоитъ па высотѣ своего предмета, то по отиошенію ко всѣмъ гуманитарнымъ иауиамъ, оно есть наука основная, разсматривающая элементарныя условія явленій, составляющихъ предметъ другихъ наукъ этого круга. Хотя на дѣлѣ языкознаиіе и неможетъ еще показать, какъ извѣстныя свойства извѣстнаго языка отражаются въ дѣятельности говорящаго имъ парода; но и теперь оно явственно стремится къ этой цѣли, и теперь безъ его участія немогутъ рѣшаться важнѣйшіе историчесаіе вопросы. Иногда оно необладаетъ еще средствомъ для положительнаго рѣшенія, но имѣетъ ихъ для *veto* отиосительио попытай рѣшенія безъ него. Между прочимъ съ большою вѣроятностью можно сказать, что первенство народовъ индо-европейсиаго племени среди другихъ племенъ земного шара осиовано на превосходствѣ строенія языковъ этого племени, и что причины этого первенства немогутъ быть выяснены безъ дальнѣйшаго изслѣдованія свойствъ индо-европейскихъ языковъ.

Такимъ образомъ въ Universitas literarum словесиый факультетъ, называвшійся такъ отъ словесности=belles lettres, можетъ быть названъ такъ съ большимъ правомъ *отъ слова*, какъ предмета основной наукн этого фаауьтета, языкозианія.

— Жизиь тѣла состоитъ въ преломленіи и рефлексіи толчковъ, получаемыхъ имъ извнѣ. Чѣмъ сложнѣе и объединеннѣе тѣло, тѣмъ болѣе преобразуется въ немъ внѣшній имнульсъ. И жизнь человѣка, наиболѣе сложнаго изъ извѣсткыхъ намъ орга-

Digitized by Google

низмовъ, исчерпывается рефлексіею. Только кажется, что человѣкъ самъ по себѣ можетъ быть источникомъ своей дѣятельности.

Одно изъ такихъ человѣческихъ рефлексивныхъ движеній, служащихъ отводомъ, предохранительнымъ клапаномъ для жизненнаго механизма, есть языкъ. Въ ряду человѣческихъ дѣятельностей ниже языка по степени сложности и большей важности для животной жизни стоятъ движенія, прямо направленныя къ устраненію боли.

Постояннымъ признакомъ языка является членораздѣльный звукъ. Понятіе языка исчерпывается извѣстнаго рода сочетаніемъ членораздѣльнаго звука и мысли. Звукъ—покровъ, тѣло, форма; связанная съ нимъ мысль—покрываемое, душа, содержаніе. Кожа можетъ быть содрана съ тѣла, какъ членораздѣльный звукъ можетъ быть отдѣленъ отъ мысли; но въ природѣ кожа существуетъ лишь, какъ покровъ животнаго тѣла, звукъ лишь какъ форма мысли. Отсюда заключеніе, что та доля мысли, которая связана съ членораздѣльнымъ звукомъ, безъ него существовать неможетъ. Мы видимъ, что замыселъ ремесленника и художника можетъ выразиться только извѣстными преобразованіями и сочетаніями вещественныхъ формъ, цвѣтовъ, музыкальныхъ звуковъ; но также и то, что все это невмѣщающееся въ языкъ подготовляется имъ. Опредѣлить долю мысла безъ членораздѣльнаго звука невозможно, и ея вліяніе на другія стороны человѣческой дѣятельности есть наиболѣе широкая задача языкознанія. Она существовала бы и въ томъ случаѣ, если бы все человѣчество говорило однимъ языкомъ. И въ такомъ случаѣ языкозваніе было бы наукой о формахъ, принимаемыхъ мыслью до проявленія ея въ ремеслѣ, искусствѣ, наукѣ, религіи, государствѣ и обратно о вліяніи этихъ проявленій на мысль, заключенную въ языкѣ.

Сравнительно съ этою, остальныя цѣли языкознанія суть частныя, второстепенныя, уже предполагаемыя главною и достигаемыя мимоходомъ при стремленіи къ главной. Такъ, подчиненная цѣль—изученіе чужого языка для расширенія общенія съ людьми (употребленіе чужого языка не для этой цѣли, и для ны-

Digitized by Google

дѣленія себя изъ своего народа — цѣль презрѣнная). Научное языкознаніе предполагаетъ уже практическое знаніе не только родного языка, но насколько вмѣстимо, насколько обиліе матеріала неподавляетъ дѣятельности наблюденія и обобщенія, и практическое знаніе чужихъ. Здѣсь высшее языкознаніе сходится съ элементарнымъ преподаваніемъ отечественнаго языка, ибо послѣднее тоже предполагаетъ въ значительной степени въ ученикѣ умѣнье говорить на этомъ языкѣ и стремится не только къ дальнѣйшему развитію этого умѣнья, но и къ тому, чтобы довести до сознанія ученика тотъ путь, по которому направляется его мысль въ силу того, что онъ говоритъ и думаетъ отечественнымъ языкомъ. *Говоритъ* и *думаетъ*, ибо по сказанному та доля мысли, которая безъ языка невозможна, если бы и непроизносилась громко, если бы даже была усвоена молча (у глухого), есть все-таки рѣчь. Въ этой мѣрѣ вѣрно называютъ полинезійцы мышленіе — рѣчью въ брюхѣ (M. Müller, II, 68), а старинный славянскій книжникъ „гаданіе — съпрѣвѣнъ глаголъ".

Польза языкознанія — польза исторіи вообще. Круговоротъ жизни — выраженіе неточное. Жизнь неповторяется. Личность и ея положеніе въ данномъ случаѣ никогда такой прежде небывала и впредь неповторится (анекдоты о лѣкарѣ, портномъ и сапожникѣ). Тѣмъ не менѣе исторія, опредѣляя направленіе событій, показываетъ, какъ человѣку плыть по ихъ теченію; замѣнять личные идеалы болѣе объективными, т. е. тѣми, которымъ по указанію событій суждено осуществиться въ человѣчествѣ.

Впрочемъ судить не по соображеніямъ, не сравненіямъ, не apriori, а на основаніи скопленія результатовъ о пользѣ теоретическаго изученія языка пока довольно трудно, такъ какъ это изученіе есть дѣло нашего вѣка.

Какъ бы ни было, не есть ни предразсудокъ ни заблужденіе то, что языкознаніе считается основнымъ предметомъ элементарнаго обученія. Эта его роль обусловлена значеніемъ языка. *Математическія* и *естественныя науки* противополагаютъ человѣка природѣ и образовательную силу произведеній человѣческаго духа

Digitized by Google

такой же силѣ предметовъ природы, идеализмъ реализму. Но человѣкъ непротивопоставляется природѣ, а вытекаетъ изъ нея и гармонизируетъ съ нею. Познавательная сила неприкасается непосредственно къ предмету. Лицемъ къ лицу съ тою же внѣшней природой стоялъ дикарь и извлекалъ изъ нея не положенія современной науки, а фетишей, боговъ. Поставимъ и нынѣшняго неподготовленнаго человѣка передъ явленіемъ природы и получимъ почти тѣ же результаты: равнодушіе или безмысленный страхъ и поклоненіе.

Между вещью и познавательною способностью всегда посредникомъ является сумма пріобрѣтенныхъ способностей и преданій, будетъ ли случайно или же будетъ систематично излагаться учителемъ и книгою. Стало быть, изученіе внѣшней природы есть тоже изученіе произведеній человѣческаго духа.

Внѣшняя природа тоже имѣетъ свою исторію, такъ что и тутъ нѣтъ противоположности. Законъ и тамъ и здѣсь. Какъ въ отдѣлѣ наукъ о человѣкѣ основою является языкознаніе, такъ здѣсь математика, главныя категоріи коей величина и форма. И по отношенію къ математикѣ языкъ есть основное явленіе. Было бы напрасно учить четыремъ правиламъ ариѳметики дикаря, въ языкѣ коего есть числительныя недалѣе четырехъ, а затѣмъ начинается много. У насъ нѣкогда *много* начиналось за *двумя*. Въ нашу элементарную школу поступаютъ дѣти 6—7 лѣтъ, которыя сравнительно съ этими дикарями—великіе математики и философы.

Главенство языкознанія и математики въ первоначальномъ и среднемъ образованіи основано на ихъ основномъ характерѣ по отношенію къ другимъ наукамъ. Оно прочно, потому что наиболѣе цѣлесообразно, потому что служитъ единственнымъ входомъ въ познаніе человѣческой жизни и природы. Тутъ же и ограниченіе первенства этихъ наукъ.

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛЬ.

Автобіографичность поэтическаго образа—36. Авторитетъ и преданіе—158. Аллегорія—100, 304. Аллегорія евангельская—329. Аллюзія—227. Анафора—352. Антономасія—226. Апострофа—317, 351. Внутренній знакъ—19. Внѣшній знакъ—19. Выводъ изъ пословицы—335.

Гипербола въ народной поэзіи—356. Глаголъ при глаголѣ—217. Гоголь и Гипербола—362—375. Гомеровскія сравненія—293. Двузычность Тютчева—168—172. Денаціонализація—179. Дифференцированіе языковъ—178. Дѣйствіе слова на самаго говорящаго—25.

Заимствованіе и подражаніе—161—6. Законъ и фактъ—326. Знакъ значенія—19. Значеніе слова переносится въ объясняемое—402. Золотой вѣкъ въ народной поэзіи—155—6.

Идеализація—20. Идея національности—185—8. Идолопоклонство въ XVIII ст.—448. Изящныя искусства—2—5. Иронія—381. Искренность—92. Искусство и дѣйствительность—61, 63—8. Классификація искусствъ—5. Классификація человѣческой дѣятельности—1. Конкретность дѣйствія въ баснѣ—312. Конкретность миѳическаго мышленія—429. Конкретность сравненія—289. Критика поэтическаго образа—32—3. Критика художественнаго произведенія—28.

Лирика—praesens—531. Ложь и гипербола—360. Манерность, риторичность—118.

Метафора—260. Опредѣленіе ея Аристотелемъ, Гербером̀ъ—260. Квинтиліаномъ, Вакернагелемъ—263. Необходимость ея—264. Порядокъ знака и значенія—265. Дѣленіе метафоры—266. Форма ея—267. Метафора—предикативный аттрибутъ—268. Метафора въ приложеніи—269, въ опредѣленіи—269, въ подлежащемъ—270, въ глаголѣ—270, въ сказуемомъ простомъ—271, въ сказуемомъ составномъ—272, въ дополненіи—272, въ обстоятельствѣ—273. Метафоричность—69. Метонимія: представленія мѣста—234, количества—238, времени—238. Метонимія—время—241, состояніе, какъ пребываніе въ средѣ—246, изображеніе чувствъ жестомъ—248, дѣйствіе—знакомъ—250, дѣйствіе—мѣстомъ—250,

Digitized by Google

состояніе, характеръ - дѣйствіемъ - 253, дѣйствіе - орудіемъ — 253, содержащее вмѣсто содержимаго — 254, дѣйствующее вмѣсто дѣйствія - 256, nomen actionis вмѣсто nomen agentis -257, свойство вмѣсто лица - 257, вещество вмѣсто вещи -259, частное вмѣсто общаго - 259, время замѣняется мѣстомъ - 259, пространство временемъ - 259. Миѳическое мышленіе и отсутствіе критики — 410. Миѳъ - поэтическое произведеніе — 586. Миѳы и обряды вторичные, календарные -403. Модальныя формы сравненія — 285.

Названіе вещи по дѣйствію - 210. Народная поэзія и литература — 110. Народность — 49. Неподвижность поэтическаго образа - 101.

Обобщеніе въ баснѣ — 316. Образъ важнѣе изображаемаго — 490. Обращеніе къ предметамъ — 350. Общечеловѣческое и народное — 193 — 6. Общечеловѣчность искусства и науки — 105. Общество и языкъ — 22 23. Объективированіе мысли языкомъ 398. Объективный писатель — 54. Олицетвореніе 299 Описаніе природы у Тютчева, Пушкина — 72 — 78. Описаніе въ поэзіи — 6 - 13. Опредѣленіе поэзіи -59. Отношеніе теоріи словесности къ миѳологіи — 417. Отсутствіе стихотворства въ древней Руси — 120.

Парабола 308. Параллель слова и поэтическаго произведенія - 30 — 32. Пародія — 393. Переводъ — 173. Переходъ басни въ пословицу — 332. Переходъ синекдохи въ метонимію — 228. Перифразисъ — 217. Платоновская сущность - 29. Повѣствованіе — 5. Поговорка и пословица — 337. Положительные образы - 81. Полюитотонъ — 353. Пониманіе — 26 — 28. Популярность изложенія — 23. Пословица и поэтическія произведенія — 336. Постоянный эпитетъ 213. Поэтическій образъ и пониманіе 397. Поэтическій и миѳическій способы мышленія — 406. Поэтическая производительность 105. Поэтическій эпитетъ - 212. Правила описанія — 10 — 11. Практическое значеніе исторіи — 157. Превращеніе образа въ понятіе - 21. Предпочтеніе журавля въ небѣ — на дѣлѣ - 483. Представленіе — 19 — 21. Представленіе небеснаго причиною земного — 483. Преемственность поэтическихъ образовъ - 148 — 9. Прилагательныя опредѣлительныя — 215. Прилагательное при другомъ прилагательномъ 216. Примѣръ ненужности образа — 204. Примѣры синекдохи - 218. Примѣръ въ научномъ доказательствѣ — 325. Проза, ея возникновеніе - 102. Прозаическіе предметы - 60. Производные, вторичные образы — 104. Происхожденіе басни — 328. Процессъ творчества и созданное — 55.

Разграниченіе дѣятельностей — 103. Разница между искусствами — 6. Ремесленныя произведенія — 2 - 4. Риторичность — 60. Родословная искусства — 13 — 15.

Самонаблюденіе и наблюденіе - 48. Самопознаніе - 25. Свойство образа въ баснѣ 310. Свойство поэтическаго произведенія — неподвиж-

Digitized by Google

ность образа—57. Свобода творчества—43—4. Сила слова—456. Сила клятвы—463. Синекдоха—цѣлое вмѣсто части—230. Синекдохическое отрицательное обозначеніе—225. Синекдохичность образовъ—71. Словесное изображеніе музыки—16—17. Слово вещественно—450. Слово и дѣло—26. Слово—дѣло—466. Сложная басня—315. Сложная форма синекдохи—232. Смѣшеніе сравненія съ метафорой—296. Смѣшное—391. Совмѣщеніе троповъ—209. Спеціализація и универсальность—113. Сравненія—273. Сравненія малорусскія—280. Сравненія славянскія—276. Субъективизмъ въ поэзіи—34—47. Существенный признакъ Тэна—61—3. Существительныя оппозитивныя—216. Теоретическая дѣятельность—2. Украшеніе рѣчи—202. Умозаключеніе—pars pro toto—511. Уподобленія—290.

Фактъ и законъ—99. Фактъ и законъ—326. Формальность произведеній искусства—3. Формальность поэзіи—58.

Характеръ научнаго доказательства—324. Хлестаковщина—362. Художественная типичность—70. Элементарная поэтичность языка—104. Эпитетъ украшающій—211. Эпосъ и драма—533. Эпосъ—perfectum—532. Эпифора—352. Этимологія—22.

Digitized by Google